3 1761 08106624 3

DUPLICATE
5902

D5836

DUPL.
ZVL.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

НОЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

AP
50
V5
9.47
kn. 11

Типографія т-ва «Общественная Польза», СПБ., Б. Подъяческая, 39.

ИЗГНАНІЕ.

(Романъ).

(Продолженіе) [1]).

X.

Вотъ уже второй день, какъ Касьяновъ не появляется въ коммунѣ и не заглядываетъ ко мнѣ. Ужъ не пріѣхала-ли къ нему Вѣра? Если бы не пріѣхала, онъ павѣрняка прибѣжалъ бы ко мнѣ раза два на дню. Позвольте, какой сегодня день? Вотъ, чортъ возьми, забылъ, какой день!..

— Сусанна! Какой сегодня день?

— Что ты, бѣлены объѣлся, что-ли?..

— Какой день сегодня?

— Вотъ тебѣ разъ!.. Дни позабылъ... По нашему—вторникъ, а какъ по вашему—не знаю... Вы вонъ и про постъ великій позабыли!..

— А почему ты такъ думаешь?

— А это что?..

Настя ткнула рукой по направленію сливочнаго масла:

— Скоромное жрете!.. Безбожники вы всѣ.

— И ты обличаешь?.. Сучекъ видишь въ глазу брата твоего, а у себя бревна не замѣчаешь?

— Ты не больно!.. Я говѣю... Этакія слова, братъ, нехорошо теперь говорить... Пасха еще далеко!

Эхъ, дура непроходимая. Даже поговорить опасно.

---

[1]) См. октябрь, стр. 36.

— Иди съ Богомъ!

— Эхъ, безбожникъ!..

— Ну, ладно... Иди! Мнѣ тебя покуда ненадо.

— Да вѣдь и мнѣ ты не такъ, чтобы очень нуженъ...

Пошла, потрясывая бедрами. Корова холмогорская... Надо провѣдать Касьянова, посмотрѣть на счастливаго человѣка. Каково-то выглядитъ Вѣрочка?.. Вѣдь когда-то она пламенѣла ко мнѣ... Увы, потухъ огонь моей звѣзды и загорѣлся новый, въ честь и славу Касьянова...

Шелъ и опять вспоминалъ Казань и все, что было съ ней связано. А медленный, грустный призывъ великопостнаго колокола пробуждалъ на душѣ что-то далекое и близкое, что такъ ярко воскрешало эти воспоминанія. Незамѣтно дошелъ до дома Касьянова и сперва не рѣшился войти на крылечко, а прошелъ мимо и посмотрѣлъ на окна. Вотъ онъ, домикъ, гдѣ притаилось чужое счастье!..

— Привѣтъ тебѣ, пріютъ священный...

Вошелъ на крылечко, взялся за звонокъ, помедлилъ и осторожно дернулъ:

— Брякъ! брякъ! брякъ!..

Тишина. Дернулъ посильнѣе. Вышла прислуга:

— Касьяновъ дома?

— Нѣтъ, они ушедши...

— Куда?

— А къ нимъ сродственница пріѣхамши, такъ они къ ней ушедши...

— А развѣ... Гдѣ же остановилась сродственница?.. И когда пріѣхала?

— Сегодня рано поутру... Въ номерахъ, при трактирѣ...

— Ага!.. Такъ опъ тамъ?

— Туда ушли. Попили чаю и ушли.

— Хорошенькая она, родственница-то?

— Молодая, конечно, ужъ образованныя барышни...

— Да-э... Ну, до свиданья!..

Гм... Пріѣхала. Не пойти ли въ этотъ трактиръ и не навѣстить ли счастливую парочку? Стоялъ въ раздумьи и чувствовалъ почему-то досаду и оскорбленіе. Даже не далъ знать, что пріѣхала! Такъ и подмываетъ пойти и вмѣшаться въ этотъ «tête-à-tête»... Зачѣмъ мнѣ это? Что меня подмываетъ мѣшать чужому счастью? Богъ съ ними, пускай воркуютъ!.. Снова вылѣзаю изъ своей шкуры и наблюдаю за Тархановымъ со стороны. Вотъ ты и пойми нашу мужскую натуру: до сей поры былъ

совершенно равнодушенъ къ самому вопросу, существуетъ или нѣтъ на свѣтѣ Вѣра Игнатовичъ, а теперь, когда она явно склонилась въ сторону Касьянова, мнѣ какъ-то досадно и даже... оскорбительно. Была влюблена въ меня, а теперь...

— Не вѣрю я, Касьяновъ, въ твою побѣду!.. Такъ, изморомъ взялъ...

Тихо шагаю по направленію къ трактиру, не думая заходить въ номера.

— Полюбить спустя три года... Довольно тугоплавкая любовь...

Однако, что я въ самомъ дѣлѣ?.. Какое мнѣ дѣло?..

Я рѣзко повернулся и быстро пошелъ къ своему дому. Подхожу, а съ крыльца идутъ визитеры: Касьяновъ и Вѣра.

— Ба!..

— Имѣю честь представить: Вѣра Григорьевна Игнатовичъ...

— Тархановъ!.. Вотъ не узнала бы...

— Да и я васъ тоже...

— Можете поцѣловаться—шутливо пробасилъ Касьяновъ, когда мы, взявшись за руки, уставились въ лицо другъ друга.

Вѣра покраснѣла:

— Можно и безъ поцѣлуевъ...

— Конечно! Такъ что же мы стоимъ? Милости прошу ко мнѣ...

Я принялъ солидный, дружественный, но холодноватый тонъ. Хотѣлось показать, что я совершенно не тотъ, какимъ она знала меня въ Казани. Вполнѣ взрослый и опредѣлившійся человѣкъ.

— Ну, чѣмъ прикажете васъ привѣтствовать?.. Цвѣтовъ у меня нѣтъ, а самоваръ—слишкомъ это прозаично... Ахъ, есть фрукты: время отъ времени меня балуетъ мать посылками...

Доставъ изъ комода коробку съ сушенымъ кіевскимъ вареньемъ, я по-джентельменски предложилъ Вѣрѣ. Та вскинула на меня немного смущенный взоръ и, протянувъ руку, затруднилась...

— Берите рукою!.. Не стѣсняйтесь!..

— А вы... измѣнились.

— Почему или, лучше сказать, въ чемъ?

— Такъ, вообще...

— Въ какую сторону?..

Я подсѣлъ къ Вѣрѣ, и мы стали говорить другъ о другѣ. Я

смотрѣлъ на Вѣру и думалъ: «а недурненькая вышла особа, похорошѣла, порозовѣла и, кажется, значительно поумнѣла, а глаза такъ прямо интересны».

Вспоминали прошлое, Вѣра относилась къ нему скептически:

— Боже мой, какіе мы были тогда ребята!..

— Теперь вы носите косы... А тогда ваши волосы разсыпались по плечамъ, на подобіе ангела... Признаюсь: косы мнѣ нравятся больше...

— А помните, какія косы были у Зои?..

— Немного помню...

— Она въ Петербургѣ...

— Вотъ какъ! Что же она тамъ дѣлаетъ?

— Кончаетъ консерваторію... У ней, говорятъ, замѣчательный голосъ...

— Не знаю... Не имѣю никакихъ свѣдѣній... А вы... вы съ ней въ перепискѣ?

— Нѣтъ, но у насъ въ Вологдѣ есть одна ссыльная курсистка... Они знакомы...

Я старался дѣлать равнодушное лицо, но чувствовалъ, что это мнѣ не удается, а потому поспѣшилъ перейти на другую тему...

— Какъ живется въ Вологдѣ? У насъ не такъ, чтобы особенно весело. Больше вздоримъ, чѣмъ... Нѣтъ солидныхъ, основательныхъ, интересныхъ людей.

— А Куренковъ и Марья Петровна?.. Куда еще тебѣ основательнѣе?—вмѣшался Касьяновъ.

— Да, но они... прошлое!..

— А мы?

— Мы пока—щепки. Лѣсъ рубятъ, щепки летятъ. Мы съ тобой да и прочая братія—щепки... Въ будущемъ, быть можетъ, изъ насъ выйдетъ что-нибудь...

— У насъ есть интересный народъ... Теперь идетъ война съ однимъ новымъ господиномъ... Вамъ, конечно, знакомы послѣднія теченія въ революціонныхъ кружкахъ?

— Ничего неизвѣстно... Живемъ да хлѣбъ жуемъ... Журналы, впрочемъ, читаемъ. Тамъ больше съ толстовщиной воюютъ, да и то что-то стихаетъ...

— Про похороны Шелгунова знаете?..

— Мало...

Вѣра начала разсказывать про похороны Шелгунова, про возрожденіе партіи «Молодой Народной Воли», про нарожденіе соціалъ-демократіи...

Мы слушали и конфузливо мялись, чувствуя свое абсолютное невѣжество. Вѣра говорила складно и горячо, чувствовалась темпераментная революціонерка, находящаяся въ курсѣ дѣла, начитанная и освѣдомленная... Эхъ, а я совсѣмъ отсталъ!.. Совѣстно, и кажется, что Вѣра умнѣе насъ обоихъ. Вотъ тебѣ и Вѣрочка Игнатовичъ, которая казалась когда-то смѣшной и глуповатой! Все смѣшное исчезло, а пришло новое. Измѣнились даже походка и жесты: нѣтъ рѣзкости, угловатости, ухарской грубоватости.

— Вы какъ относитесь къ марксистскому движенію?..

— Я?..

— И ты, Вася?

— Мы не въ курсѣ, Вѣрочка!—пробормоталъ Касьяновъ, поѣдая изъ коробки сушеные фрукты. А я промолчалъ.

Гости просидѣли у меня около часу и, пошептавшись, встали.

— Увидимся!.. Заходите вечеромъ!..

— А гдѣ я васъ найду?

— Я думаю, Вася, у тебя... чай вечеромъ будемъ пить?.. Мнѣ хотѣлось бы поскорѣе познакомиться съ товарищами...

— Иди одна! Я не желаю...

— Что у васъ тутъ вышло?

— Пустяки! Касьяша все воюетъ со старшими... Отчасти изъ-за васъ вышло...

— Можно и къ вамъ...

— А, Козочка!.. Вотъ кстати!.. Одна изъ нашихъ лучшихъ коммунистокъ... Познакомилъ Козочку съ Вѣрой. Осмотрѣли другъ друга довольно скептически, какъ умѣютъ смотрѣть другъ на друга только женщины, и нехотя перебросились двумя-тремя незначительными фразами. Немного стѣснялись другъ друга.

— Вы всѣ куда-то уходите?..

— Я, Козочка, не ухожу. Это только они, мои счастливые гости...

— Почему счастливые?—удивленно спросила Вѣра и повела глазами на меня, на Касьянова:

— Касьяновъ!.. Вы забыли о всѣхъ своихъ обязанностяхъ. За васъ все дѣлаетъ Гришенька... Мы съ Гришенькой,—тихо упрекнула Козочка.

— Изъ вашего монастыря я вышелъ!—огрызнулся Касьяновъ.

— Неужели это— серьезно?..

— Мнѣ надоѣлъ вашъ учитель жизни!

— Но вѣдь тамъ, кромѣ Павла Петровича—другіе! Этимъ вы обижаете другихъ. Стоитъ придавать значеніе такимъ пустякамъ! Безъ того живется не весело, а вы еще сами...

— Я только защищался.

Вѣра, видимо, была уже посвящена въ происшедшую въ коммунѣ размолвку и вмѣшалась въ разговоръ:

— Конечно, все это ерунда, и не стоитъ, Василій Михайловичъ, раздувать въ принципы всякую мелочь... Онъ придетъ!—спокойно добавила Вѣра.

— Да это у нихъ изъ всякой чепухи дѣлаютъ принципъ!..—возмущенно воскликнулъ Касьяновъ...

— Мы придемъ, придемъ!.. Непремѣнно. Не обращайте на него вниманія.

— Какъ это «не обращайте вниманія»?.. Нѣтъ, ужъ это, Вѣра, позвольте-съ, пока мнѣ не будетъ гарантирована неприкосновенность личности, я не намѣренъ...

— Какъ хотите, но я говорю отъ лица всѣхъ товарищей, а не отъ себя... Вчера у насъ было собраніе, и мы признали васъ правымъ... Вы, Геннадій Николаевичъ, почему не пришли?

— Я боюсь такихъ щекотливыхъ собраній... А главное,— я былъ занятъ: писалъ и не хотѣлось прерывать работу: потомъ долго бы не могъ настроиться...

— Всѣ признали мой образъ дѣйствій правильнымъ?—радостно спрашивалъ Касьяновъ Козочку.

— Ну да, да!.. Говорю вамъ.

— Неужели и Марья Петровна?..

— Передъ ней вы виноваты, какъ передъ женщиной. И лучше, если извинитесь.

— А гдѣ же равноправіе? Въ такомъ случаѣ пусть Куренковъ извинится предо мною, какъ предъ мужчиной!..

— Я съ нимъ поговорю... Не безпокойтесь...—значительно замѣтила Вѣра.

— Какъ передъ женщиной!.. Я даже сомнѣваюсь: не переряженый ли она мужчина?.. Въ ней женственность-то и не ночевала...

— Василій!.. Какъ вамъ не совѣстно болтать такую пошлость?..

— Не буду, не буду!.. Сорвалось, братцы... Извиняюсь!.. Согласенъ извиниться передъ Марьей Петровной, признать ее женщиной, все, что угодно, но извиняться передъ учителемъ жизни—ни за что на свѣтѣ!..

— Этого онъ и самъ не требуетъ...

— Придемъ, придемъ!.. Я приведу его...

Ушли. Княжна осталась. Она присѣла у стола, облокотилась и смотрѣла въ полъ. Лицо у ней было странное, какая-то напряженная мысль приподняла брови, положила складочку на лбу.

— О чемъ вы, родная, задумались?

— Скучно что-то...

Помолчали.

— Отчего вы такіе злые, неделикатные, нудные... Раньше я думала, что...

— Васъ кто-нибудь обидѣлъ?

— Всѣ.

— И я?

— Съ вами мнѣ какъ-то лучше, проще я чувствую себя съ вами...

— Хотите сладостей?.. Э, да Касьяновъ почти все съѣлъ... Возьмите!..

Козочка взяла нѣсколько вишенокъ къ себѣ на ладошку, механически клала ихъ въ ротъ и задумчиво говорила:

— Все спорятъ, спорятъ, спорятъ... А я не могу даже понять, о чемъ... Я совсѣмъ глупая и не могу разобраться... Запуталась совершенно... Можно подумать, что мы — не друзья, а враги...

— Мнѣ, Козочка, иногда приходитъ въ голову то же самое. Мы сектанты, но разныхъ толковъ, а такъ какъ прямого дѣла у насъ нѣтъ, то вся наша энергія уходитъ въ толкованія своихъ священныхъ текстовъ и въ посрамленіе чужихъ... Мы— книжники... Вся наша жизнь только въ книгахъ.

— Но всетаки, развѣ нельзя быть ласковыми другъ съ другомъ?.. Иногда такъ хочется ласковаго слова, хочется, чтобы всѣ были дружны, уважали и любили другъ друга, помогали...

Козочка опять пригорюнилась, помолчала и какъ-то неожиданно, по-дѣтски, перескочила:

— Сегодня утромъ я проснулась, а на стѣнѣ солнышко, зайчики, а подъ окномъ воробушки разговариваютъ... И мнѣ такъ захотѣлось домой, такъ захотѣлось къ мамѣ!..

Заплакала, какъ маленькая дѣвочка.

— Хо-чется до-мой, а когда сказала Парашѣ, она спросила: а не хочешь ли манной кашки?.. Зачѣмъ такъ?.. жестоко?..

Было мнѣ жаль бѣдненькую Козочку и трудно было удерживать серьезность. Это предложеніе «манной кашки» такъ шло къ этому наивному ребенку, въ вырвавшейся тоскѣ по дому и по

мамѣ было столько дѣтской жалобы и горя, что я положительно растрогался. Подошелъ сзади, погладилъ по головкѣ и, наклонившись, приложился губами къ щекочущему пуху волосъ...

— Эхъ, бѣдненькая дѣточка!..

Вспомнилъ исторію съ поцѣлуемъ ручки и испугался, что снова совершилъ преступленіе. Однако на этотъ разъ Козочка даже не замѣтила или не захотѣла замѣтить преступнаго выраженія моей симпатіи и состраданія. «И это—политическая преступница!..»—думалъ я, глядя на отирающую ажурнымъ платочкомъ слезы дѣвушку...

— Какъ весна подходитъ, такъ и тоска...

— А почему ваша мама не пріѣдетъ къ вамъ въ гости?..

— Она въ больницѣ... Быть можетъ, я съ ней никогда не увижусь... Не доживетъ до моего освобожденія... А братъ въ Сибири...

— А... женихъ?..

— Я вамъ сказала неправду. Нѣтъ у меня никакого жениха... Есть человѣкъ, котораго я люблю, но онъ... Онъ меня не любитъ... Прощайте, я пойду гулять. Одна хочу... Никого мнѣ не надо!..

Не подала руки, кивнула головкой и ушла. Зашевелилось въ душѣ безпокойство: кто этотъ, котораго она любитъ, а онъ—не любитъ? Ужъ не я-ли?.. Какъ-то смятенно и неожиданно быстро прозвучало это душевное признаніе, словно вырвалось на волю послѣ долгихъ мукъ и колебаній... Я ходилъ и припоминалъ все, что могло подтвердить эту случайно пришедшую въ голову мысль: благоговѣйные пугливые взгляды изъ уголка, ревнивыя нотки въ голосѣ, когда застаетъ насъ съ Парашей рядышкомъ, склонность во всемъ признавать мою авторитетность... «Мнѣ съ вами хорошо». Неужели моя догадка... Да нѣтъ, не можетъ быть! Просто я съумѣлъ поближе подойти къ этой чистой, дѣтски-наивной душѣ своей простотой и искренностью, быть можетъ, заинтересовалъ тѣмъ, что сочиняю стихи и разсказы... Какое самомнѣніе: непремѣнно побѣдилъ!.. А что, если это именно такъ: не имѣлъ намѣренія, но побѣдилъ? Въ моемъ отношеніи къ ней есть нѣкоторая нѣжность, но совсѣмъ другого порядка: старшій братъ и младшая любимая сестренка... Нѣтъ, нѣтъ, не дай Богъ!... Если что-нибудь подобное начинается, надо поскорѣе оборвать... Надо быть осторожнѣе, не давать никакого повода обманываться. Слишкомъ хрупкое существо...

— Ахъ, зачѣмъ я опять растрогался и поцѣловалъ ее въ голову?..

Пришелъ на память бѣдный Гришенька, и положеніе, еще болѣе осложнилось. Не попасть бы еще въ герои тяжелаго романа! Ой, ребятишки, впутаете вы меня въ свою любовную канитель!.. Довольно съ меня и того, что испыталъ и пережилъ...

Положеніе казалось безвыходнымъ. Обвинивъ себя самого безъ всякаго снисхожденія, я началъ искать оправданій. Въ сущности въ чемъ я виноватъ? Развѣ я могу кому-либо запретить любить меня? Я не увлекалъ, не старался внушить, что люблю и хочу взаимности, я не выказывалъ особеннаго предпочтенія... А если однажды поцѣловалъ руку, а теперь въ голову, такъ вѣдь этому сопутствовала только жалость и чисто братское отношеніе! Все это — чепуха!.. Пугапая ворона куста боится...

Самъ прокуроръ, самъ и защитникъ. Обѣ рѣчи одинаково краснорѣчивы и убѣдительны, и тамъ, и здѣсь масса фактовъ и логики... Плутъ ты, логика, когда въ дѣло вмѣшивается любовь! Не ты ведешь, а тебя ведутъ, но ты умѣешь казаться совершенно независимой... А интересная метаморфоза съ Вѣрой Игнатовичъ... Любопытная стала особа... Отъ прежней и слѣда не осталось. Что она говорила про Зою?.. Косы!.. Живетъ въ Петербургѣ и учится въ консерваторіи! Прекрасный голосъ... Ну что-жъ, нашла свою дорогу—и слава Богу. Для революціи такія дѣвицы не годятся, а для оперы, для сцены, лучше не найти. Представляю ее себѣ въ роли Маргариты, въ роли Татьяны изъ «Евгенія Онѣгина»... Хотѣлось бы когда-нибудь увидать и послушать издали, съ галерки, напримѣръ, какъ когда-то мы вмѣстѣ слушали... Сидѣли рядышкомъ и слушали...

Куда-а, куда, куда вы удали-ились...

И всетаки никогда и никого я такъ не любилъ и никогда не полюблю уже, какъ любилъ эту дѣвушку!.. Какъ я былъ счастливъ!.. И какъ страдалъ!..

Припоминались обрывки, моменты, клочки этого далекаго сна, иногда рисовалась съ мельчайшими подробностями обстановка, въ которой эти моменты пережиты... Я старался отдѣлаться отъ этихъ воспоминаній—и не могъ. Такъ бываетъ иногда съ мотивами: не хочешь, а поешь... Все это возбудила Вѣра...

— Ассоціація идей!—успокоилъ я себя вслухъ, но ассоціація продолжалась. А вѣдь все это—фикція, мифъ, сказка. Все равно, что не было, а приснилось. Есть Вѣра Игнатовичъ, но со-

вершенно не та... Вотъ такъ же есть гдѣ-то Зоя, но тоже не та. Той нѣтъ и никогда не будетъ... Никогда!..

Такъ до вечера я и не выпутался изъ ассоціаціи идей. А когда Сусанна принесла оправленную лампу съ балериной и въ полутьмѣ появился огонекъ, я чему-то очень обрадовался:

— Не надо огня, я ухожу, Сусанна!..

— На дворѣ постъ великій, люди говѣютъ, молятся, а ты все съ барышнями каталажишься.

— Грѣшенъ, грѣшенъ!.. Запри-ка за мной!..

— Эхъ вы, безбожники!..

XI.

Никогда не забуду этого вечера и ночи въ глухомъ сѣверномъ городкѣ! Какъ потерпѣвшіе крушеніе мореплаватели, мы жили на маленькомъ необитаемомъ островкѣ, окруженные безбрежной водяной пустыней, жили въ тѣсной кучкѣ, отрѣзанные отъ всего міра, отъ самой жизни... Здѣсь мы слѣпили свой маленькій муравейникъ и создали себѣ свою особенную муравьиную жизнь... Все, что можно было сохранить, мы сохранили: потребность мыслить, любить, ненавидѣть, бороться. Но все это, не имѣя питанія изъ большой человѣческой жизни, сдѣлалось худосочнымъ и, не находя выхода, разряжалось внутри нашей же маленькой семьи... Привыкая къ жизни въ клѣткѣ, мы начинали забывать о просторѣ и мѣрить жизнь, ея радости и печали, ея муки и страданія своей маленькой мѣркой... Правда, долетали до насъ смутные слухи о другой, большой жизни, но они были такъ случайны и отрывочны, что не задѣвали глубинъ души и быстро затирались мелочами нашей семейной жизни...

Вѣра была тѣмъ кораблемъ съ далекаго материка, который, послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ, неожиданно привезъ намъ радость и хлѣбъ жизни и снова связалъ насъ, оторванныхъ, съ далекими родными краями, гдѣ живутъ родные намъ люди...

Какъ нѣкогда меня, теперь коммуна собралась въ полномъ составѣ встрѣтить Вѣру. Помню, надежды на меня не оправдались, потому что, проживая до этого времени въ тюрьмахъ, я оказался менѣе свѣжимъ, чѣмъ сами коммунисты. Иначе вышло съ Вѣрой...

Уже при мимолетныхъ разговорахъ съ ней за чаемъ всѣ почувствовали, что гостья биткомъ набита новостями и можетъ ввести насъ, отсталыхъ, въ курсъ современнаго положенія дѣлъ.

То одинъ, то другой подсаживался къ Вѣрѣ и дѣлалъ какой-нибудь запросъ; Вѣра начинала говорить, и вокругъ ея сбивались любопытствующіе...

— Нельзя ли громче!..

— Господа!.. Сядьте!..

Настроеніе становилось повышеннымъ. Вся комната, казалось, начинала пропитываться нервнымъ напряженіемъ. Какъ голодные, всѣ тѣснились къ Вѣрѣ и съ жадностью ловили каждое слово, которое она бросала въ перекрестный безтолковый допросъ.

— Господа! Такъ нельзя... Вы рвете меня на части... Я нахожу болѣе удобнымъ для себя и для васъ сдѣлать общій докладъ...

Съ шумнымъ восторгомъ мы встрѣтили предложеніе Вѣры и поторопились занять мѣста, разсыпавшись по всей комнатѣ. Должно быть, нашъ нервный подъемъ передавался и Вѣрѣ: щеки ея загорѣлись, глаза засверкали и странно какъ-то зазвучалъ ея голосъ, не такъ, какъ онъ звучалъ въ разговорѣ.

— Изъ отрывочныхъ разговоровъ, господа, съ вами, изъ нѣкоторыхъ вашихъ вопросовъ и личныхъ настроеній я вижу, что вы склонны думать, что реакція восторжествовала и что все погибло, все исчезло и не на что надѣяться... Наша интеллигенція издавна отличается маловѣріемъ... Къ вамъ, впрочемъ, это не относится; вы долгое время были совершенно отрѣзаны отъ жизни...

— Нельзя ли покороче?—неожиданно раздался хриплова-тый голосъ Куренкова, но вслѣдъ за нимъ сердито пробѣжалъ общій ропотъ слушателей:

— Молчите!.. Слушайте и не мѣшайте другимъ...

— Просимъ продолжать!..

— Чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Кто не желаетъ, пусть уходитъ...

— Просимъ продолжать...

Вѣра не смутилась. Вотъ молодецъ! Какъ она умѣетъ владѣть собою!

— Могу въ нѣсколькихъ словахъ. Слушать меня, конечно, необязательно...

Взрывъ поощреній съ выпадами по адресу Павла Петровича.

— Извиняюсь,—сердито огрызнулся онъ.

Я окинулъ бѣглымъ взоромъ аудиторію и замѣтилъ торжествующій видъ Касьянова и блѣдное личико Козочки, которая, опершись обѣими руками на столъ, казалось, хотѣла съѣсть Вѣру своими расширившимися глазами.

— Просимъ!.. Просимъ!.. Подробнѣе... Некуда намъ торопиться...

Вѣра глотнула чаю, поправила прическу и стала продолжать:

— Господа, не будемъ уподобляться тому Щедринскому животному, которое, никогда не видя солнца, перестаетъ вѣрить въ самое его существованіе!..

Дружный хохотъ. Слабая попытка похлопать въ ладоши...

— Обрадовались, что ихъ обругали,—прошепталъ кто-то въ углу.

— Тише! Молчать!..

— А вѣдь солнце существуетъ! Заходитъ и восходитъ... Я сейчасъ постараюсь вамъ доказать, что уже близокъ восходъ, что на небесахъ уже начинаетъ румяниться зорька...

И Вѣра начала разсказывать о нарождающемся пробужденіи, о новой волнѣ, которая бѣжитъ къ берегамъ жизни. Въ Петербургѣ образовались и работаютъ группа народовольцевъ и нѣсколько соціалъ-демократическихъ кружковъ. Народовольцы имѣютъ уже типографію. Пока всѣ работаютъ сообща, хотя во многомъ весьма существенно расходятся. Главный пунктъ разногласія — политическая свобода. Народовольцы, какъ вамъ извѣстно, желаютъ добыть ее посредствомъ общихъ усилій интеллигенціи и народа, а наши соціалъ-демократы говорятъ, что прогрессивная буржуазія должна предоставить это дѣло рабочимъ.

— Жди у моря погоды!—первно выкрикнулъ младшій Куренковъ и встрѣтилъ общее одобреніе.

— Господа! Пока воздержимся отъ выраженій собственнаго мнѣнія и выслушаемъ до конца!—бросила Вѣра и снова начала говорить, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Кромѣ народовольцевъ и соціалъ-демократовъ народилась еще совершенно новая партія «Народнаго права»... Послѣдняя—органъ прогрессивной либеральной буржуазіи и прислуживающей ей интеллигенціи. Съ толстовщиной совершенно покончено, какъ и съ культуртрегерствомъ. Слава Богу, Михайловскій разбилъ этотъ вредный кошмаръ нашей общественной мысли...

— Чепуха!..

— Мы просимъ Павла Петровича не дѣлать замѣчаній...

Опять общій ропотъ, негодованіе, предложеніе уйти и не слушать... Но Павелъ Петровичъ уходить не желаетъ...

— Въ такомъ случаѣ молчите! Будете говорить послѣ, если мы захотимъ слушать!—крикнулъ запальчиво Касьяновъ, а Вѣра строго посмотрѣла въ его сторону и съ упрекомъ качнула го-

ловой. Нервы были натянуты какъ струны, и самое легкое прикосновеніе давало громкій гармоничный аккордъ.

— Просимъ, просимъ!.. Благодаримъ...

Не знаю, какъ было на самомъ дѣлѣ, но намъ, слушателямъ, казалось, что тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, опять кипитъ дѣло, что пришелъ конецъ общей спячкѣ, что волна катится огромная, можетъ быть —девятая. И радостно трепетали душа и тѣло, и казалось, что недолго намъ осталось здѣсь киснуть, что мы снова спаялись съ общимъ дѣломъ и... если не герои, то непремѣнно обязаны быть и будемъ ими...

— Народовольцами изданы программа и брошюра «Подготовительная работа партій». Программа остается почти безъ измѣненій, основные принципы народовольчества—тѣ же. Впрочемъ, есть измѣненіе. Раньше, какъ вамъ извѣстно, въ программѣ было: «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ мы—соціалисты и народники», теперь слово «народники» выкинуто...

Общее недоумѣніе, шопотъ, переглядываніе...

— Повторите!.. Что выкинуто?..

— «Народники»...

— Какъ такъ?.. Въ чемъ дѣло?.. Почему?..

— Это—ерунда! Не можетъ этого быть,—визгливо выкрикнула Марья Петровна.

— Я вамъ дѣлаю докладъ, а вовсе не предлагаю вырабатывать программу—съ легкой досадою въ тонѣ отвѣтила Вѣра.—Какъ видите, программу выработали безъ нашего участія...

— Это предательство!.. Это продѣлка соціалъ-демократовъ!— не унималась разволновавшаяся Марья Петровна. — Я отказываюсь признать такую программу ..

Марья Петровна тискалась къ докладчицѣ, махала руками и вообще намѣревалась надѣлать непріятностей...

— Что же вы на меня-то сердитесь?.. Я тутъ не при чемъ...— съ сдерживаемымъ смѣшкомъ говорила Вѣра...

— Они выкинули!.. Они выкинули!... Народъ выкинулъ!..

— Позвольте: народъ и народники — не одно и тоже...

— Все для народа и все посредствомъ народа!—выкрикнула Марья Петровна.

Общее смятеніе все усиливается. Коммуна жужжитъ, какъ потревоженный улей, и на фонѣ этого жужжанія звенитъ почти истерическій голосъ Марьи Петровны.

— Тише! Не визжите, ради Бога... Васъ никто не рѣжетъ...

— Отлично! Поздравляю и кланяюсь!—захрипѣлъ голосъ стараго Куренкова.—Вы радовались, что съ толстовщиной кон-

чено... Ну вотъ, теперь видите сами, что со всѣми... со всѣми вами кончено!.. Всѣхъ васъ единымъ взмахомъ выкинули вонъ!.. Вѣдь выкинутое слово—историческій лозунгъ, на которомъ у русской интеллигенціи построенъ самый фундаментъ общественнаго зданія!.. Имѣю честь кланяться...

Куренковъ сдѣлалъ ироническій поклонъ Вѣрѣ и ушелъ въ свою комнату. Его послѣднее слово произвело впечатлѣніе: всѣ сразу примолкли. Предъ нами выросла неразрѣшимая загадка. Словно кто-то пришелъ и поставилъ насъ вверхъ ногами. При всемъ скептическомъ отношеніи къ Марьѣ Петровнѣ и Куренкову, большинство на ихъ сторонѣ.

Я первый нарушилъ зловѣщее молчаніе:

— Не можетъ-ли докладчица объяснить намъ тѣ основанія, на которыхъ сдѣлано новыми народовольцами такое... непонятное измѣненіе?..

Вѣра кинула на меня нѣсколько смущенный взглядъ и отвѣтила:

— Геннадій Николаевичъ!.. Вамъ извѣстно, что я все время была въ ссылкѣ и потому мои свѣдѣнія тоже неполны и получены изъ вторыхъ, а, можетъ быть, и изъ третьихъ рукъ...

— Быть можетъ, слово «народники» вовсе не выкинуто? Вы повторяете ложный слухъ?

— Вотъ это я могу подтвердить безъ всякихъ сомнѣній: я сама, собственными глазами читала новую программу, и въ нашей колоніи были по этому поводу большіе разговоры. У насъ было иначе: мы не бранились и не говорили другъ другу непріятностей, но во мнѣніяхъ разошлись.

— Ну, не можете-ли вы хотя приблизительно передать, въ чемъ тутъ разногласіе?

— У меня лично такое впечатлѣніе, что это результатъ нѣкоторой конвенціи и уступокъ соціалъ-демократамъ... Вѣроятно, программа вырабатывалась совмѣстными силами... Вотъ все, что я могу сказать... Мнѣ хочется добавить: въ свое оправданіе, господа!..

Начались шумные разговоры о нашей соціалъ-демократіи. Мы не хотѣли вѣрить, что такая существуетъ. Быть можетъ, есть кружочки, но партіи быть не можетъ. Это абсурдъ. Нѣтъ капитализма. Нѣтъ буржуазіи въ западно-европейскомъ смыслѣ. Не рабочій, а мужикъ—сила родины.

— Плехановъ съ Вѣрой Засуличъ, сидя за границей, выдумали ее у насъ!..

— Вамъ извѣстно, господа, о первомъ выступленіи нашихъ рабочихъ на похоронахъ Шелгунова?—спросила Вѣра.

— Кучка сознательныхъ рабочихъ—не партія! У народовольцевъ всегда были и будутъ рабочіе...

— Слава Богу, что ожили... Слава Богу, что опять ожили!—нервно, чуть не со слезами, пищалъ Гришенька.—Надоѣло спорить... Надо дѣлать... Кто какъ хочетъ и какъ можетъ... Пусть слова выкидываютъ, а дѣло дѣлаютъ! Я необразованный человѣкъ и не могу въ этомъ разбираться... А я... я одно могу сказать: честь имъ и слава!.. Мой низкій поклонъ!..

Въ какомъ-то экстазѣ Гришенька отдалъ Вѣрѣ низкій земной поклонъ и до слезъ растрогалъ этимъ Козочку, которая вдругъ прильнула и поцѣловала Вѣру...

— Меня-то за что?.. Миленькая!.. Да я-то тутъ причемъ?.. Я, какъ и вы...

— Нѣтъ, нѣтъ!—выкрикнулъ Гришенька. — Вы пришли и утѣшили... А то жить нечѣмъ, дышать нечѣмъ!...

Нервы такъ напряглись, что перестали выдерживать все усиливающееся напряженіе... Еще немного, и люди перестануть владѣть собою... Было и радостно, и тяжело; и голова, и сердце бились въ какихъ-то судорожныхъ трепетахъ...

Послѣ трогательной сцены Козочкинаго порыва, какъ-то легче стало на душѣ, и непонятное новое, что̀ властно пришло и ворвалось диссонансомъ въ наше взлелѣянное міросозерцаніе, перестало томить и мучить. Какъ-бы тамъ ни было, а мы всѣ — братья, всѣ боремся за одно народное счастье... и за общій идеалъ будущаго...

Опять начали разговаривать ласково другъ съ другомъ и съ Вѣрой, и она разсказала еще много—много интересныхъ повостей...

— А объ Якутской исторіи вы знаете?..

— Да, хотя въ общемъ... Это ужасно, это ужасно!..

— Вы знаете подробности?..

— Ради Бога!..

Обсѣли Вѣру тѣснымъ кольцомъ, и она намъ разсказала эту трагедію во всѣхъ ея кровавыхъ подробностяхъ. Люди обрекались на голодную смерть въ сугробахъ дальняго сѣвера и рѣшили отказаться туда слѣдовать. Пусть берутъ силой! Будемъ защищаться. Въ итогѣ шестеро убиты и трое повѣшены...

— У меня, господа, есть письмо одного изъ повѣшенныхъ. Хотите, можно прочитать...

— Ради Бога!.. Ради Бога!..

Вѣра позвала Касьянова, пошепталась съ нимъ, и тотъ, нахлобучивъ шапку, проворно вышелъ.

— Сейчасъ принесетъ, господа...

Пока Касьяновъ ходилъ за письмомъ, мы продолжали, сбившись въ нервно-трепещущую кучку, слушать разсказъ Вѣры о смерти далекихъ и близкихъ намъ людей, словно были всѣ родные между собой и слушали о своихъ любимыхъ братьяхъ по крови... Пришелъ Касьяновъ, сунулъ въ руку Вѣры листикъ бумаги и мы всѣ замерли, застыли, затаили дыханіе:

«Дорогой мой, родной, голубенькій сынишка, мой милый, несчастный Митюшка! Я уже исполнилъ свой послѣдній долгъ, и послѣднія мои мысли, послѣднія мои слова да принадлежатъ тебѣ. Я виноватъ предъ тобою, родной мой: я далъ тебѣ жизнь, а самъ покинулъ тебя въ раннихъ младенческихъ лѣтахъ, оставивъ тебя на рукахъ у бѣдной изстрадавшейся матери. Простишь-ли ты меня когда-нибудь такъ чистосердечно, такъ хорошо, какъ простила меня твоя хорошая мама? Она разскажетъ тебѣ всю мою жизнь, и, быть можетъ, ты поймешь меня, быть можетъ, полюбишь память мою... Господи, дай мнѣ это благо! Дай мнѣ эту послѣднюю надежду. Я не знаю, когда тебѣ приведется читать эти мои послѣднія строки. Быть можетъ, наша многострадальная родина вздохнетъ свободнѣе и оживетъ подъ лучами солнца свободы и правды. Быть можетъ, ты, дорогой, безцѣнный, будешь жить уже совершенно иною, болѣе счастливой жизнью... О, дай тебѣ Богъ! Намъ-же пришлось жить въ тяжелыя, мрачныя времена, когда страшный ураганъ безпощадной борьбы уноситъ съ любимой родины безвозвратныя жертвы. Одной изъ такихъ жертвъ былъ и я... Мнѣ пришлось болѣе пяти лѣтъ сидѣть по тюрьмамъ, я вынесъ ссылку и солдатчину и вотъ завтра я умру на плахѣ. Сейчасъ я сижу, а рядомъ со мной ты спишь, а твоя мать душитъ въ себѣ слезы, бодрится, я же, вѣрь, мучаюсь теперь однимъ только сознаніемъ причиняемаго вамъ горя. Если-бы не это сознаніе, я весело-бы пошелъ на плаху, весело-бы взглянулъ въ послѣдній разъ на свѣтъ Божій и отдалъ-бы душу за други своя... Да благословитъ тебя Богъ! Да не покинетъ тебя всю жизнь вѣра живая въ царство правды, свободы, добра!.. А затѣмъ цѣлую тебя многое множество разъ. Прощай!..»

Мертвая тишина комнаты во время чтенія этого письма пугалась то и дѣло вырывающихся затаенныхъ вздоховъ и какихъ-то нервныхъ толчковъ, шумовъ и прерывистаго дыханія. И, когда тихо прозвучало послѣднее слово: «прощай!», Козочка

истерически зарыдала, а гдѣ-то въ полутемномъ углу грохнулся на полъ человѣкъ... Молча, безъ единаго слова или вздоха...

Въ истерическомъ плачѣ женщинъ было слышно, какъ товарищи возились съ младшимъ Курепковымъ, впавшимъ въ глубокій обморокъ. Что-то кричали и суетились... Я не выдержалъ. Схватившись за голову, я выбѣжалъ на дворъ, бросился на снѣгъ и началъ глотать его вмѣстѣ съ душившими меня слезами...

А съ далекихъ молчаливыхъ небесъ безстрастно и пристально смотрѣли зеленоватые огоньки весенихъ звѣздъ...

— Господи! Гдѣ-же ты?—шепталъ я, устремляясь взорами въ синеватую бездну небесъ, и глоталъ слезы...

Спустя полчаса въ комнатахъ водворилась тишина. Женщины успокоились по своимъ комнатамъ, и не было болѣе слышно ни вздоховъ, ни всхлипываній. Мы, мужчины, сидѣли съ опущенными головами и не смотрѣли въ лица другъ другу. Потомъ вышла на-цыпочкахъ изъ комнаты Козочки Вѣра и жестомъ головы предложила расходиться...

Въ гробовомъ молчаніи, боясь всякаго рѣзкаго движенія, всякаго звука, мы одѣлись и неслышно вышли на улицу. Я чувствовалъ себя такъ, словно возвращался съ кладбища, послѣ похоронъ горячо любимаго человѣка. Должно быть, и другіе чувствовали то же: мы жались другъ къ другу, говорили между собой вполголоса, съ братской нѣжностью...

Словно вымеръ маленькій городокъ: ни одного звука, ни одного шороха! Только наши шаги одиноко и странно звучатъ въ этомъ мертвомъ царствѣ, пугая затаившіеся въ снѣгахъ домики. Изрѣдка въ холодномъ блескѣ окопныхъ стеколъ играютъ отсвѣты теплящихся лампадъ, то розовые, то синіе, но людей не видно и не слышно. Только мы, одни мы!..

Маленькая горсточка чужихъ пришельцевъ, какихъ-то иностранцевъ, молящихся своему богу, говорящихъ на своемъ языкѣ, иначе думающихъ и иначе чувствующихъ...

Изрѣдка мы перебрасывались словами и не надо было договаривать своихъ мыслей:—понимали другъ друга съ полуслова, съ одного жеста, одного вздоха, междометія... Исчезла всякая рознь, всѣ разногласія сдѣлались мелкими и ничтожными... Но не любовь, а злоба и жажда мести родили теперь насъ въ одну братскую семью, въ которой не было ни старшихъ, ни младшихъ, ни счастливыхъ, ни несчастныхъ...

Провожая другъ друга, мы долго бродили по мертвымъ улицамъ: не хотѣлось разставаться и терять товарищей. Про-

щаясь, особенно крѣпко жали другъ другу руки, и эти рукопожатія говорили намъ больше, чѣмъ могли-бы выразить тысячи словъ...

Вернувшись домой, я улегся было спать, но мысль и фантазія продолжали работать съ какой-то лихорадочной торопливостью, заставляя снова переживать то, что было только что пережито. Дѣлалось душно и жарко отъ безсильной злобы; хотѣлось выбѣжать на улицу и закричать:

— Что-же вы спите? Что-же вы спите?..

Я вскочилъ съ постели и, раскрывъ фортку, сталъ жадно пить свѣжій воздухъ, смотрѣлъ на холодную синеву звѣздныхъ небесъ и шепталъ:

— Господи, гдѣ-же ты? гдѣ?..

Изъ сомкнутыхъ глазъ сочились слезы, а когда я раскрывалъ глаза, звѣзды начинали дрожать въ слезахъ и безмолвно плакать вмѣстѣ со мною.

«Братья, терпѣнье и твердость въ страданьяхъ!..»—шепали мои губы, а душа кипѣла отъ злобы и негодованія... Все ерпѣніе, терпѣніе, терпѣніе...

Когда-же конецъ? когда конецъ?.. Нѣтъ конца...

Тихо-тихо кругомъ. Ни звука, ни шороха. Тихо на землѣ и тихо на небесахъ. Огромный куполъ блѣдно-синихъ небесныхъ высотъ безстрастно холоденъ и нѣтъ ему никакого дѣла до страстей человѣческихъ, до нашей справедливости, до нашего добра и нашего зла... И вовсе не плачутъ вмѣстѣ со мною звѣзды. Нѣтъ, онѣ одинаково равнодушны и къ жизни, и къ смерти человѣческой, эти глаза страшной и непонятной вѣчности... Зачѣмъ-же ты, человѣкъ, обращаешь свои скорбные взоры въ пустую, равнодушную звѣздную глубину? Много тысячъ лѣтъ она тебя обманываетъ, а ты все по прежнему простираешь къ ней руки и на что-то надѣешься...

Тихо-тихо кругомъ. Въ окнѣ противоположнаго домика мерцаетъ красноватый отблескъ теплящейся въ переднемъ углу лампадки передъ образомъ...

— Что-же вы спите?.. Что-же вы спите?..

Никто не услышитъ. Спятъ крѣпко и сладко...

XII.

Вѣра Игнатовичъ оказалась тѣмъ сказочнымъ рыцаремъ, который пробуждаетъ отъ злыхъ чаръ волшебника спящую ца-

ревну. Вѣра напоила насъ живой водою жизни, и мы встрепенулись и ожили. Загорѣлась энергія, жажда дѣятельности, вѣра въ торжество нашей идеи. Вѣра на первыхъ порахъ всѣхъ насъ сблизила, сроднила... Коммуна преобразилась: опять чтенія, рефераты, споры, организація кассы взаимопомощи, установленіе связей съ центрами, попытка завязать сношенія съ мѣстными рабочими, ремесленниками и служащими на почтѣ, въ лавкахъ, въ городской управѣ, въ библіотекѣ, съ учениками городского училища... Быть можетъ, не было отъ этого и никакихъ существенныхъ результатовъ, а было больше курьезовъ и недоразумѣній; но намъ казалось, что дѣло закипѣло. Особенно тормошились наши женщины и съ ними Гришенька. Гришенька пересталъ спрягать латинскіе глаголы, откинулъ мысль о самоубійствѣ и готовъ былъ молиться на Вѣру Игнатовичъ:

— Вотъ это — женщина! — шепталъ онъ, поднимая взоры къ небу, когда я говорилъ съ нимъ о Вѣрѣ.

Всѣ скопившіеся у насъ толстые журналы пошли въ дѣло: изъ нихъ мы выдрали наиболѣе интересныя статьи по общественнымъ, политическимъ и экономическимъ вопросамъ, дополнили ихъ кое-какой нелегальщиной и нашими собственными тенденціозными книгами—и пошла пропаганда революціонныхъ идей среди мѣстныхъ жителей. Мы конспирились, таинственно сносились другъ съ другомъ и съ двумя-тремя жителями изъ тайныхъ своихъ учениковъ. И даже отшатнувшіеся было на первыхъ порахъ супруги Куренковы и Марья Петровна стали впутываться въ наши дѣла, помогать и одобрять. Но все это продолжалось очень недолго. Однажды пріѣхалъ къ намъ новый свѣжій человѣкъ, по имени Николай Бересневъ, возвращавшійся изъ ссылки—и послѣ перваго-же реферата этого молодого человѣка, пошла прахомъ вся наша работа, такъ какъ мы окончательно переругались и почувствовали себя непримиримыми врагами. Бересневъ оказался среди насъ новой птицей и запѣлъ совершенно новыя для насъ пѣсни... До сихъ поръ мы только по наслышкѣ знали о марксистахъ и нашихъ соціалъ-демократахъ, а тутъ столкнулись съ этимъ рѣдкимъ видомъ носъ къ носу. Рефератъ Бересневa подѣйствовалъ на нашу коммуну, какъ разорвавшаяся бомба: кого убилъ на смерть, а кого тяжело ранилъ, кого оглушилъ, а кого привелъ въ злобное бѣшенство. Кое-что мы уже знали отъ Вѣры объ этихъ новыхъ пророкахъ и, если помнитъ читатель, уже тогда дѣло дошло до крупныхъ недоразумѣній. А теперь...

Съ пародомъ покончено: это—мелкій буржуа, отъ кото-

раго не жди ничего хорошаго. Народъ надо бросить. «Все для народа и все посредствомъ народа»—это чепуха. Община—на смарку: она только тормозитъ дѣло и чѣмъ скорѣе рушится, тѣмъ полезнѣе. Личность въ исторіи—ноль; никакихъ героевъ нѣтъ, не было и совершенно ненужно. Терроръ—ненуженъ и безполезенъ. Народовольцы, какъ и народники, только идеологи либеральной буржуазіи. Всѣ политическія свободы не стоютъ ломанаго гроша. Классовая борьба, историческая необходимость, производственныя отношенія—вотъ вся суть жизни и дѣятельности. Рабочій, одинъ рабочій носитъ въ себѣ всю истину, и только чрезъ него суждено міру и человѣчеству обновиться...

Среди насъ, мелкихъ обломковъ разныхъ партій, и такъ было много путаницы, сомнѣній, колебаній, но все-же оставалось нѣсколько твердыхъ еще основъ: народъ въ образѣ мужика, именно мужика, котораго насъ научилъ любить и жалѣть Некрасовъ; затѣмъ мужицкая община, хранящая несомнѣнные зачатки соціализма; культъ сознательной личности и героизма, братство, равенство и свобода, презрѣніе къ либераламъ... И вдругъ не остается камня на камнѣ!.. И сами мы только прихвостни либераловъ, хотя и безсознательные, но вредные... Вотъ тебѣ и герои!... Вотъ тебѣ и мученики за идею всеобщаго счастія на землѣ!... Ну, а какъ-же тѣ, положившіе душу за други своя?.. Тоже—игрушка либеральнаго буржуа?..

Всѣ почувствовали личное оскорбленіе, оскорбленіе всѣхъ своихъ святынь, поруганіе надъ дорогими могилами, святотатство, кощунство... Впечатлѣніе отъ реферата, чтеніе котораго сопровождалось нетерпѣливыми, злобными выкриками и замѣчаніями, по окончаніи погрузило всѣхъ насъ въ гробовое молчаніе. Бо́льшаго врага, чѣмъ сидѣвшій среди насъ референтъ, въ этотъ моментъ у насъ не было на всемъ свѣтѣ... А онъ, красивый блондинъ съ правильными чертами лица, спокойно и неторопливо помѣшивалъ ложечкой въ чайномъ стаканѣ, покуривалъ и, прищуриваясь близорукими синими глазами, разсматривалъ окружающихъ...

— Ну-съ, господа, можетъ быть, мы приступимъ къ разговорамъ?.. Вѣроятно, среди насъ имѣются желающіе возражать мнѣ...

Куренковъ старшій насмѣшливо посмотрѣлъ на референта, покашлялъ въ руку и сказалъ:

— Вы гдѣ служите?..

— Я?..

— Вы, вы! .

— Я ссыльный... Что за вопросъ?!.

— Такъ. Между прочимъ.

— Вы желаете возражать?

— Избави Боже!.. Я еще съ ума не сошелъ...—отвѣтилъ старикъ и, хихикая, ушелъ въ свои комнаты.

Все это было не только сказано, а прямо сыграно, мастерски сыграно. Гробовое зловѣщее молчаніе сразу разрядилось сочувственнымъ хохотомъ. Вѣра остановила:

— Господа!.. Ничего смѣшного нѣтъ... Все это очень серьезно...

— Именно!—истерично выкрикнула Марья Петровна и открыла нападеніе...

Начала она почему-то съ общины. Это было досадно, потому что хотѣлось не частностей, а общаго, главнаго... Мы съ Гришенькой пытались остановить Марью Петровну и направить разговоръ къ центру, но она отмахивалась отъ насъ рукой и бросала:

— Дайте мнѣ кончить!.. Это невѣжливо...

Но конца не было видно. Съ общины Марья Петровна перескочила къ героямъ и тутъ начала такъ раздѣлывать докладчика, что казалось, будто она именно и есть тотъ герой, котораго не хочетъ признавать референтъ...

— Это просто свинство!.. Свинья подъ дубомъ вѣковымъ...— почти со слезами визжала Марья Петровна. Отъ ея визга было всѣмъ неловко и стыдно и отъ грубости ея выраженій пропадало наше сочувствіе къ ораторшѣ по существу. Возраженія теряли свою убѣдительность и начинали казаться безсиліемъ. Между тѣмъ референтъ велъ себя спокойно, съ достоинствомъ, внимательно слушалъ и невозмутимо сносилъ всѣ обиды, по временамъ что-то записывалъ на листочкѣ и кивалъ головой. Кончила Марья Петровна, запыхалась, раскраснѣлась, начала пить воду и стучать о стаканъ зубами...

— Кто, господа, еще желаетъ?..

У всѣхъ горѣли яростью глаза и всѣхъ подмывало броситься въ единоборство съ дерзкимъ пришельцемъ, но почему-то никто не рѣшался. Думаю, что причиной этого была не трусость, а та огромная растерянность, которая овладѣваетъ людьми при внезапныхъ стихійныхъ катастрофахъ. Именно такую растерянность испытывалъ теперь и я. Пока докладчикъ читалъ, въ моей головѣ вихремъ кружились значительныя возраженія, фактическія ссылки, цитаты; все время я чувствовалъ слабыя мѣста доклада,

все время горѣлъ нетерпѣливымъ желаніемъ разбить въ дребезги эту новую ересь, а теперь, когда можно было это сдѣлать, я растерялся и никакъ не могъ поймать центра ереси, забылъ разомъ все, что рождалось при чтеніи, не могъ привести въ порядокъ тысячи мыслей, которыя кружились и путались, мѣшая другъ другу... Гдѣ онъ, центръ?.. Народъ?.. Почему мужикъ сталъ буржуемъ? Почему нѣтъ нравственнаго долга и нѣтъ и ненужно самопожертвованій?.. Почему братство, равенство и свобода— только пустыя красивыя слова, придуманныя идеологами буржуазіи для обмана угнетаемыхъ?..

— Господа!.. Кто еще желаетъ?..

Меня подмывало, я приподнимался на стулѣ, но не вставалъ, а оглядывался по сторонамъ, словно искалъ и ждалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь выполнитъ мою обязанность. Кто-то замѣтилъ мои приподнимавія на стулѣ и крикнулъ: «Тархановъ говоритъ!..»

И я поднялся съ мѣста. Всѣ стихли, а я не могъ начать: губы мои высохли, и горло сжималось судорогой, а передъ глазами все кружилось и прыгало. Мысли плыли и толкались словно толпа людей въ узкомъ проходѣ въ моментъ грозящей опасности, давили другъ друга и не подвигались. За то ярко горѣло чувство возмущенія, негодованія, злобы...

— Господа!.. Не знаю, съ чего и какъ начать... Я испытываю такое состояніе, какое долженъ переживать сильно вѣрующій человѣкъ, когда ему хотятъ доказать, что никакого Бога нѣтъ... и что онъ... онъ просто дуракъ!..

Не мы, современные интеллигенты, а многія поколѣнія нашихъ предшественниковъ изъ разныхъ классовъ общества, начиная съ верховъ и кончая самымъ низомъ, во имя правды и справедливости на землѣ, во имя высмѣиваемыхъ здѣсь теперь идеаловъ братства, равенства и свободы, жертвовали всѣми личными благами, включая сюда самую жизнь свою... Вѣрующіе и невѣрующіе одинаково преклонялись предъ страдальцемъ Христомъ, который отвергнулъ всѣ раздѣленія людей на классы и поставилъ впереди единую человѣческую личность... И вотъ, пришелъ неожиданно человѣкъ, плоть отъ плоти той же идейной многострадальной русской интеллигенціи, и говоритъ, что вся историческая, идейная и нравственная роль русской интеллигенціи должна пойти на смарку... Нѣтъ ни Бога, ни долга, ни совѣсти, нѣтъ жертвы, есть только слѣпая игра случая, какая-то историческая необходимость, и всѣ мы—только игрушка въ рукахъ этого новаго Рока!.. Ничтожество, поль, пыль съ

дороги!.. Мало того: оказывается, что десятки поколѣній, отдававшихъ жизнь за други своя, были просто пѣшками въ рукахъ обоготворяемой буржуазіи...

— Это все общія фразы! Прошу по существу!—строго замѣтилъ референтъ.

— Дайте говорить!...

— Не перебивать!.. Мы васъ слушали...

Общій ропотъ на референта, явное недоброжелательство къ нему и симпатіи въ мою сторону..,

— Продолжайте!... Просимъ!...

— Браво!..

Но продолжать я не могъ. Маленькая остановка и перерывъ оборвали стройный потокъ негодованія и возмущенія, надо было переходить къ возраженіямъ по существу. А я тяжело дышалъ, горло мое совершенно высохло и ноги подкашивались...

— Слишкомъ много и долго придется говорить и... вопросъ настолько огромный, что я предлагаю каждому желающему возражать, отвѣтить въ формѣ тоже реферата, а не спѣшными неподготовленными выступленіями... Референтъ приводитъ цифры, выдержки, цѣлыя страницы изъ книгъ... Позвольте-же и намъ выступить не съ пустыми руками и одной памятью!..

— Совершенно вѣрно!..—согласился Бересневъ.

— А позвольте васъ спросить: вы сами изъ какого класса происходите?—сердито спросилъ младшій Куренковъ...

— Ахъ, вы по личному вопросу... Я?

Младшій Куренковъ вскочилъ со стула и застылъ въ обличительной позѣ, съ обличительно протянутой рукою:

— Вы, именно вы!

— Развѣ вамъ это такъ важно знать?

— Необходимо.

— По паспорту я числюсь дворяниномъ...

— Я спрашиваю про ваше происхожденіе!

— Я повторяю, что по паспорту я числюсь дворяниномъ.

— Почему-же вы выступаете не подъ флагомъ вашей классовой подоплеки?.

— Да, да!..

— Именно?:.

— Очень просто: фактически я не имѣю никакой связи съ дворянствомъ, какъ съ классомъ земельной буржуазіи. Я только по паспорту числюсь дворяниномъ, а...

— А на дѣлѣ вы—рабочій?—ехидно спросилъ Петръ и

обвелъ торжествующимъ взглядомъ товарищей, посылавшихъ ему свое одобреніе сочувственными смѣшками.

— Нѣтъ, не рабочій. Я только идеологъ рабочаго класса.

— Отлично, вы—такой же интеллигентъ, какъ и мы, грѣшные... Мы люди разныхъ классовъ, вопреки нашимъ классовымъ и даже личнымъ интересамъ, исключительно доводами разума и совѣсти вышли на борьбу съ общественнымъ зломъ. Цѣль, къ которой мы всѣ устремляемся—одна, но пути—разныя... Почему-же вы—истинный поборникъ соціализма, а мы—идеологи либеральной буржуазіи? Если вамъ, вышедшему изъ дворянскаго класса, т. е. изъ той-же буржуазіи, стали понятными и близкими идеалы соціализма, почему вы утверждаете, что всѣ мы—не соціалисты, а какіе-то не то обманщики, не то пѣшки, которыми играетъ либеральная буржуазія?... Почему вамъ пролетарская психологія присуща, а намъ недоступна?... Почему?...

Петръ задыхался, билъ себя кулакомъ въ грудь и все сильнѣе возвышалъ голосъ.

— По какому праву вы, новоявленный пророкъ, смѣете сводить къ нулю трудъ, работу, безчисленныя страданія, муки и гибель многихъ тысячъ русской интеллигенціи?.. Откуда вы пришли, что вы сами сдѣлали и какъ... какъ вы смѣете!.. какъ вы смѣете говорить съ русской интеллигенціей такимъ тономъ и такимъ языкомъ!..

— Не кричите: здѣсь нѣтъ глухихъ...

— Да, глухихъ нѣтъ!.. Но есть нахалы!..

— Вы сами нахалъ!..

— Господа!..

— Вы мнѣ доказывайте, а не ругайтесь... Руганью нельзя никого убѣдить.

— Я васъ и не желаю убѣждать... Я не хочу съ вами спорить!.. Я только защищаю честь и память тѣхъ безкорыстныхъ идейныхъ борцовъ, которые отдаютъ всю жизнь на благо родины и ея угнетаемыхъ сыновъ... Вы бросаете намъ обвиненіе въ буржуазности, а я вамъ на это оскорбленіе...

— Почему оскорбленіе?.. Роль либеральной буржуазіи въ историческомъ процессѣ весьма почтенна...—началъ было Бересневъ, но Петръ стукнулъ стуломъ и крикнулъ:

— Это вы—прихвостни буржуазіи, а не мы!.. Мы всегда боролись за благо бѣднаго трудящагося народа... а теперь оказывается, что спасеніе—черезъ буржуазію!.. Молитесь этому молоху, цѣлуйтесь съ нимъ, а насъ оставьте молиться нашимъ

прежнимъ богамъ!.. Повторяю, что вы не пророкъ, а просто... нахалъ!..

Всѣ повскакали съ мѣстъ и начали успокаивать Петра и Береснева, который, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и, стуча по столу, требовалъ немедленнаго извиненія. Почему-то всѣ женщины, кромѣ Марьи Петровны, столпились около Береснева, а мужчины и Марья Петровна—около Петра Куренкова...

— Петръ!... Петръ... Не надо!.. Потомъ...

— Мнѣ плюютъ въ душу, а я—молчи?..—истерически выкрикивалъ Петръ...

— Я не позволилъ себѣ ни одного дерзкаго слова... Я терпѣливо выслушивалъ всѣ личные выпады... Я никогда, никому...—монотонно, но съ дрожью въ голосѣ, говорилъ гдѣ-то Бересневъ.

Мы съ Касьяновымъ были, конечно, всецѣло на сторонѣ Петра и ощущали тайное удовлетвореніе отъ той всклочки, которую Петръ задалъ новому пророку. Выбѣжавшій на шумъ старый Куренковъ, разузнавъ, въ чемъ дѣло, присоединился къ намъ-же. Только Гришенька держался сомнительно, хотя и былъ между нами:

— Правду руганью не побѣдишь...

— Кто?.. Какую правду?.. По вашему кто-же хотѣлъ побѣдить правду руганью?—наступала на Гришеньку Марья Петровна...

— Я говорю вообще...

— Нѣтъ, вы кого-то обвиняете и упрекаете, но кого именно?.. Гдѣ, по вашему, правда?..

— Я—человѣкъ малообразованный...

Подошла Вѣра:

— Подите и извинитесь!..

— Кто?.. Онъ?.. Петръ?..

— Ну да, конечно... Вѣдь Петръ позволилъ себѣ первый оскорбить Береснева!..

— Никакихъ извиненій! — пробасилъ Касьяновъ. —Онъ оскорбилъ не Петра, а всю русскую интеллигенцію... Я могу дать ему удовлетвореніе... Пророкъ!

Вѣра отошла съ Касьяновымъ въ сторонку, и было видно по жестамъ и сердитымъ лицамъ, что они ссорятся.

— Поди и извиняйся!... Цѣлуйтесь съ вашей буржуазіей!.. Сдѣлайте одолженіе, утѣшайте, а меня оставьте въ покоѣ...—пробасилъ вдругъ сердитый голосъ, и Касьяновъ снова очутился около насъ.

— Поссорились?..

— А, ну!..—Касьяновъ раздраженно махнулъ рукой.

Лицо его горѣло красными пятнами, и въ глазахъ сверкало что-то похожее на ревность. Всѣ перессорились: Вѣра съ Касьяновымъ, Марья Петровна съ Гришенькой, потомъ Марья Петровна съ Вѣрой, а я—съ Парашей, которая очень критически отнеслась къ рѣчамъ Петра и моей:

— Вы ничего не доказали...

— А онъ доказалъ?..

— Онъ доказывалъ, старался доказывать фактами и цифрами... А вы только оскорбляли...

— Мы?.. Его?.. Это странно! Болѣе, чѣмъ странно...

— Напримѣръ, объ общинѣ... Онъ доказалъ цифрами, что никакого роста нѣтъ, а есть разрушеніе, что соціализмомъ тамъ давно не пахнетъ...

— Аа, не въ этомъ дѣло!.. Изъ-за деревьевъ вы лѣса не видите... Типичная женская манера разсуждать о мелочахъ, не видя главнаго...

— Вотъ какъ!.. Это ново... Раньше вы о женщинахъ говорили иначе...

— У васъ легче побѣдить физіономіей, чѣмъ логикой...

— Я съ вами не желаю разговаривать... Вы сами нахалъ!..

— Благодарю васъ!

— Не стоитъ благодарности. Кушайте на здоровье!..

Козочка какими-то страшными глазами смотрѣла на всѣхъ насъ и, казалось, вотъ-вотъ расплачется.

— Вы, княжна Разгильдяева, тоже сдѣлались марксисткой, или...

Козочка схватилась за мою руку, крѣпко стиснула ее и прошептала:

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я съ вами, съ вами...

Опять начались споры о томъ, кто кого первый оскорбилъ и кто передъ кѣмъ долженъ извиниться.

— Идемъ... Ну ихъ къ чорту!.. — тихо сказалъ Касьяновъ.

И, выбравшись въ переднюю, мы проворно одѣлись и ушли, молчаливые, обиженные, кѣмъ-то оскорбленные... Дошли до моего домика.

— Прощай!..

— Прощай!..

— Домой пойдешь?..

— Нѣтъ... Въ трактиръ,.. На билліардѣ играть... Ну ихъ всѣхъ, чортъ съ... Я, братъ, буржуазія, а стало быть...

Онъ не договорилъ, пожалъ мнѣ руку и зашагалъ быстрымъ, рѣшительнымъ шагомъ прочь...

— Касьяновъ!..

— А ну васъ къ чертямъ!..

Ночью, когда я уже спалъ, Касьяновъ пришелъ ко мнѣ пьянымъ, плакалъ, цѣловалъ меня и жаловался:

— Не любитъ она меня!.. Нѣтъ... Давно вижу и чувствую...

— Зря болтаешь...

— Нѣтъ!.. Теперь все ясно... Она меня измучила... Силъ больше нѣтъ!.. Лучше-бы не пріѣзжала... Э-эхъ, будь вы всѣ прокляты!.. Пророки!..

— Не плачь!.. Плюнь!.. Экій ты, братецъ...

— Ты думаешь, она мнѣ жена?..

— А какъ-же?..

Касьяновъ сталъ креститься и клясться:

— Нѣтъ... Мы такъ... друзья... друзья... Она отказалась...

Кто-то нѣсколько разъ стучалъ въ стѣну, а потомъ скрипнула дверь и послышался заспанный голосъ Сусанны:

— Кто у васъ тутъ коровой реветъ?.. Не велятъ хозяева... Что у васъ тутъ, померъ, что-ли кто?..

— Померъ!.. Я померъ... Я, я...

— Проспишься, воскреснешь... Не велитъ хозяйка скулить. Замолчите!..

Ахъ, эти влюбленные!.. Самый несносный народъ... Сами терзаются и другихъ терзаютъ...

— Перестань ты, ради Христа!.. Я спать хочу.

— Вотъ пойду и убью этого лжепророка... Онъ ее совратитъ... Вижу, что совратитъ... Она уже кое-что и раньше высказывала... Марксистка!..—злобно говорилъ Касьяновъ...

Притихъ несчастный любовникъ. Я воспользовался затишьемъ, натянулъ одѣяло на голову и началъ было засыпать. Нѣтъ, не даетъ покою: всталъ съ дивана, пришелъ, подсѣлъ ко мнѣ на кровать и съ отчаяніемъ требуетъ разъясненій:

— Послушай, Геннадій!.. Онъ говоритъ, что мы, интеллигенція, революціонны только до тѣхъ поръ, пока не устроимъ для буржуазіи... съ буржуазіей этой... какъ ее!.. ну, буржуазной конституціи, а потомъ сами начнемъ помогать этой... какъ ее?.. буржуазіи бороться съ соціализмомъ... Откуда онъ это выводитъ?.. Ты попялъ?.. Неужто мы съ тобой—буржуи?.. Господи, да неужто мы—мошенники, а они... честнѣйшіе!.. Идеологи!..

Объясни ты мнѣ, ради Бога, что-же намъ дѣлать?.. Господи, что намъ дѣлать?..

— Спать, спать...

XIII.

Бересневъ каждый день говорилъ, что онъ завтра ѣдетъ дальше, домой; но проходило завтра, а онъ не уѣзжалъ.

— Не уѣхали?..

— Нѣтъ. Я жду, когда вамъ будетъ угодно отвѣтить мнѣ рефератомъ...

За отвѣтные рефераты взялись мы двое: я и младшій Куренковъ, но обширность темы и разнообразіе затронутыхъ вопросовъ, вмѣстѣ съ горячностью темпераментовъ, отсутствіемъ подъ рукой нужныхъ источниковъ и нашей малой подготовленностью, мѣшали намъ выполнить взятое на себя обязательство. Референтъ обосновывалъ свои выводы и положенія цифрами и новыми изслѣдованіями въ области бытовой и экономической, а мы могли черпать свою мудрость только изъ устарѣлыхъ народническихъ кодексовъ.

Мы исходили изъ этическихъ началъ: долга передъ народомъ, внутреннихъ побужденій совѣсти, симпатій и жалости къ обездоленнымъ труженикамъ, а Бересневъ доказывалъ историческими примѣрами и фактами современной жизни, что въ ходѣ историческаго процесса, въ общемъ итогѣ, все это—ноль...

— Факты и цифры!..—требовалъ онъ.

А этого-то у насъ и не было. Особенно плохо было съ общиной, артелью, кустарной промышленностью. Тутъ мы оказались совершенно безоружными и чувствовали, что эти старыя крѣпости придется сдать безъ боя...

Мы съ Петромъ ходили другъ къ другу, спрашивали: «ну, какъ дѣла?»—и съ каждымъ днемъ сильнѣе чувствовали свою правоту, но и полное безсиліе. Читали другъ другу вступленіе и намѣченные пункты возраженій,—все это было хорошо, горячо, складно, но дальше у насъ не подвигалось. А женщины по два раза на дню заходили и спрашивали:

— Когда-же вы, господа, выступите?..

И отъ этого еще болѣе не ладилось дѣло. Бересневъ безжалостно подавлялъ насъ цитатами изъ Маркса, а мы знали его только въ краткомъ изложеніи...

— Ради Бога Маркса!..

— Нѣтъ!..

— Безъ Маркса невозможно...

Изъ намѣченныхъ пунктовъ я успѣлъ только написать о личности, толпѣ и геройхъ, но все это было уже написано ранѣе Михайловскимъ... А Петръ—о моральномъ значеніи террора...

— Но вѣдь онъ мораль-то посылаетъ къ чорту и доказываетъ, что она только надстройка надъ экономическими явленіями!..

— Напишемъ: «психологическое и политическое значеніе террора»...

Прошла цѣлая недѣля, прежде чѣмъ мы заявили въ коммунѣ, что никакихъ рефератовъ мы писать не будемъ.

— Какъ?.. Почему?..

— Во первыхъ, нѣтъ источниковъ, а во вторыхъ, нѣтъ никакого желанія доказывать, что дважды два равно четыремъ...

— Эхъ, вы... господа! —пасмѣшливо произнесла Вѣра и стала вдвое любезнѣе съ Бересневымъ. Параша тоже стала пристальнѣе посматривать на проѣзжаго гостя. Гость жилъ въ тѣхъ-же номерахъ надъ трактиромъ, гдѣ жила пока Вѣра Игнатовичъ. Частенько всѣ они собирались тамъ вмѣстѣ попить чайку, и, конечно, пророкъ не терялъ даромъ времени, обращая дѣвушекъ въ новую вѣру. Каждый день гость бывалъ въ коммунѣ и при этомъ велъ себя такъ, какъ будто-бы онъ приходилъ исключительно къ Парашѣ.

Иногда онъ приходилъ вмѣстѣ съ Вѣрой и тогда становилось яснымъ, что опасеніе Касьянова относительно «совращенія» имѣетъ нѣкоторое основаніе: Карлъ Марксъ и Энгельсъ не сходятъ съ языка во время ихъ разговоровъ втроемъ. Касьяновъ становился съ каждымъ днемъ мрачнѣе. Что-то вышло между ними еще въ тотъ вечеръ, когда гость читалъ свой рефератъ. Теперь они выказывали другъ къ другу подчеркнутое равнодушіе и разговаривали между собою мало, рѣдко и какъ-то преувеличенно вѣжливо...

Мужчины, за исключеніемъ Гришеньки, держали себя по отношенію къ Бересневу демонстративно, Гришенька же держался странно: съ одинаковымъ вниманіемъ слушалъ обѣ стороны и одинаково покачивалъ въ знакъ согласія головой... Поведеніе подозрительное. Тѣмъ болѣе, что нѣсколько разъ мы встрѣчали Гришеньку на улицѣ вмѣстѣ съ Бересневымъ...

Какъ-то сразу намѣтилась новая группировка членовъ коммуны: Вѣра, Параша и Гришенька съ Бересневымъ; Касьяновъ,

я, Козочка и Петръ Куренковъ; супруги Куренковы съ Марьей Петровной. Три ядра въ одной клѣткѣ...

Въ нашей группѣ особенно рѣзко намѣчалась непримиримость съ двумя остальными, чему, вѣроятно, помогали два привходящихъ элемента: Касьяновъ ревновалъ Вѣру къ Бересневу, а Куренковъ-сынъ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ Куренковымъ-отцомъ... Впрочемъ, трудно сказать, кого болѣе презиралъ и ненавидѣлъ Петръ Куренковъ: отца—или марксиста Береснева...

Иногда онъ, казалось, умышленно стремился къ столкновенію съ гостемъ.

— А какъ это выходитъ съ точки зрѣнія исторической необходимости?.. Шпіонъ, напримѣръ... Несомнѣнно, онъ—продуктъ естественной необходимости... Почему я шпіону не могу пожать руку, а какому-нибудь идеологу, который тоже—продуктъ естественно-исторической необходимости, могу и долженъ жать руку?.. Если отбросить этику общественную и личную—а одна безъ другой немыслима,—то и шпіонъ, и идеологъ...

Такъ иногда Петръ Куренковъ начиналъ свое выступленіе противъ гостя, и мы ждали катастрофы. Но гость пропускалъ мимо ушей всѣ такіе выпады и ласково улыбался, переглядываясь съ Вѣрой и Парашей...

Однажды, когда вся коммуна была въ сборѣ, съ какого-то пустяка завязался еще одинъ принципіальный споръ, въ которомъ Бересневъ успѣлъ прочитать намъ цѣлую лекцію.

— Если личность—ничто, а естественно-историческая необходимость—все, такъ давайте сложимъ ручки на животѣ и будемъ ждать!..

— Если политическую свободу завоюетъ намъ буржуазія, такъ намъ, стало быть, надо помогать ей?..

— Что васъ заставляетъ служить интересамъ пролетаріата, если не этическія побужденія?..

— Зачѣмъ вы изъ дворянина превратились въ идеолога, если, по вашему, экономическіе расчеты—главный стимулъ человѣческихъ отношеній и дѣйствій?..

Цѣлый потокъ вопросовъ посыпался на голову пророка изъ нашей группы. Бересневъ обрадовался случаю и заставилъ насъ выслушать и запечатлѣть еще цѣлый рядъ ересей...

Онъ говорилъ, что «народа», какъ цѣлаго понятія, не существуетъ, а есть только рядъ борющихся между собою за экономическое господство классовъ. И между ними классъ рабочихъ—единственный, который въ силу той же естественно-исто-

рической необходимости является носителемъ, хранителемъ и будущимъ творцомъ соціализма. Поэтому надо бросить всѣ сантименты, героическія утопіи, манилловскую мечтательность о внезапныхъ переворотахъ и внезапныхъ превращеніяхъ общины въ республику и идти къ рабочимъ, только къ рабочимъ! Идти и помогать имъ въ устройствѣ организацій, пробуждать ихъ классовое самосознаніе, создавать изъ нихъ Бебелей...

— Однимъ словомъ—всѣмъ превратиться въ педагоговъ?..

— Да, въ педагоговъ, въ учителей!..

— А вамъ будутъ по прежнему крутить руки къ лопаткамъ... такъ же, какъ было съ учителями-народниками... Бѣлка въ колесѣ!.. Кто же, позвольте спросить, будетъ завоевывать политическую свободу?..

— Это сдѣлаетъ сама буржуазія... Рано или поздно она вступитъ въ конфликтъ съ абсолютизмомъ и повалитъ его...

Опять до глубокой ночи шелъ споръ, но на этотъ разъ не было злобныхъ и бранныхъ словъ... Съ великимъ смятеніемъ въ душахъ расходились мы всѣ по домамъ: логика и чувство боролись тамъ, не желая уступать другъ другу...

— А говоритъ, чортовъ сынъ, складно и... начитанный!..— грустно сказалъ Касьяновъ, когда мы шли съ нимъ по спящимъ улицамъ городка...

— Да, говоритъ основательно .. А все-таки... я не согласенъ!.. Нѣтъ!.. Раздѣлили всѣхъ людей по клѣткамъ и не хотятъ выпускать... Что мнѣ классъ? Что мнѣ эта историческая необходимость?.. Я человѣкъ, прежде всего—человѣкъ!.. Понимаешь? Почему надо быть кузнецомъ, ткачемъ, слесаремъ или тамъ... вообще фабричнымъ, чтобы попасть въ царство небесное?.. Развѣ душа моя перемѣнится, если я попаду подъ власть трудового гнета?.. Не понимаю... Конечно тотъ, кого бьютъ, сильнѣе чувствуетъ эту боль и необходимость освободиться отъ насильниковъ, но...

— Постой!.. Почему же онъ самъ-то чувствуетъ себя соціалистомъ? Вѣдь онъ—такой же интеллигентъ, какъ и мы съ тобой... Представь, что я увѣровалъ въ его вѣру и началъ работать съ нимъ вмѣстѣ... Какая будетъ между нами разница?.. Никакой!.. А, если это такъ по отношенію меня, почему не можетъ быть съ каждымъ человѣкомъ: съ кузнецомъ, съ дворяниномъ, съ попомъ, съ солдатомъ, съ чортомъ?.. Почему же все спасеніе въ одномъ рабочемъ?..

Мы останавливались на тротуарѣ и начинали разсуждать, помогая другъ другу разбивать отсутствующаго противника, а

все-таки что-то скребло и безпокоило душу... Не запали-ли уже туда сѣмена сомнѣній и ереси?.. Обоимъ было грустно и было досадно на самихъ себя: мало знаемъ, мало читали, отстали отъ жизни...

— Какъ онъ Маркса-то изучилъ!.. Наизусть лупитъ...

— Да, братъ... А я, къ моему стыду, не читалъ Маркса... Ты читалъ?

— Нѣтъ... Знаю, конечно, его теорію въ общемъ...

— Надо прочитать...

— Непремѣнно...

— Прощай!..

— Прощай!..

— Съ Вѣрой помирился?..

— Нѣтъ... Кончено, братъ!..

Касьяновъ безнадежно махнулъ рукой и пошелъ, опустивъ голову...

Не спится: въ головѣ снова крутятся мысли, вопросы, сомнѣнія... Былъ тамъ, въ головѣ, нѣкоторый порядокъ, все было разложено, какъ книги въ книжномъ шкапу, по полочкамъ,— и вдругъ кто-то пришелъ, все перерылъ, перепуталъ. И ничего не найдешь и не разберешь...

Бьютъ за стѣнкой хозяйскіе часы, торопливо такъ, словно кто-то ихъ подгоняетъ,—12, часъ, два, а сна нѣтъ... Встаютъ призраки мучениковъ и мученицъ за благо и свободу родины, вспоминаются портреты, біографіи, предсмертныя письма погибшихъ братьевъ и чувство снова бьетъ логику.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Вы неправы!.. Не можетъ быть, чтобы страданія и подвигъ человѣческій пропали безслѣдно... Христосъ погибъ, а его идеи восторжествовали, несмотря на всѣ препятствія и гоненія... Всѣ великіе творцы религій побѣждали силой мысли, а не экономической необходимостью... Идея братства и равенства людей сама по себѣ есть непобѣдимая сила, разбивающая всѣ искусственныя перегородки между классами, народами, національностями... Зачѣмъ вы угашаете духъ человѣческій, воздвигая на пути свободнаго творчества эту глухую, угрюмую стѣну естественно-исторической необходимости, заставляющую человѣка чувствовать себя слѣпой игрушкой въ рукахъ вашего новаго молоха?.. Христосъ благословилъ Марію, которая, по мнѣнію разсчетливаго Іуды, зря тратила драгоцѣнное масло, омывая имъ Христовы ноги... Какъ это было?..— Лучше бы продать это масло и раздать деньги нищимъ...—Нищихъ вы всегда имѣете съ собою, а меня не всегда...

Экономистъ какой былъ этотъ Іуда!..

Я даже привскочилъ на постели и началъ злорадно хохотать...

— Тукъ-тукъ-тукъ!..

Это хозяева требуютъ прекратить смѣхъ и не мѣшать имъ спать... Нѣтъ, звонокъ... Что такое?.. Слышенъ говоръ у крылечка на улицѣ... Что тамъ случилось? Опять звонокъ... Вотъ заспанная Сусанна бѣжитъ въ сѣни, глухо топая по полу босыми ногами... Кто-то пріѣхалъ... Что за исторія?.. Вскочилъ, подбѣжалъ къ окну и откинулъ занавѣсочку: лошадь и люди...

— Дома, дома... Спитъ онъ!..

Я растворилъ дверь и попялъ...

— Милости прошу!.. пожалуйте!.. Давно не были...

— Потрудитесь одѣться!..

— Да вы не стѣсняйтесь: обыскивайте!.. Развѣ мнѣ предстоитъ дорога?

— А это будетъ видно по результатамъ обыска... Все-таки я попрошу васъ одѣться...

— Можно одѣться...

Часа два рылись, нюхали, читали, щупали, заглядывали во всѣ сокровенные уголки,—ничего предосудительнаго не обнаружили и начали писать длинный и скучный протоколъ... Сусанна съ испуганной физіономіей стояла въ дверяхъ и изъ-за спинъ понятыхъ смотрѣла на меня съ какимъ-то ужасомъ, словно на покойника. Иногда тамъ же появлялись физіономіи моихъ хозяевъ... Заставили меня прочитать и подписаться, потомъ усаживали понятыхъ, и тѣ выводили кривули на бумагѣ, скребя перомъ и склоняя напомаженныя головы...

— Ну-съ... Теперь до свиданія... Очень радъ, что все обошлось для васъ благополучно...

— Желаю всякихъ успѣховъ!—отвѣтилъ я молодому жандармскому ротмистру. Гости вышли и частью уѣхали, а частью отправились пѣшкомъ...

Что за исторія?.. По какому поводу? Очевидно, это—по распоряженію не мѣстныхъ, а иногородныхъ властей... Надо сейчасъ же бѣжать и предупредить. Я выбѣжалъ въ переднюю, но здѣсь, въ углу на стулѣ, дремалъ знакомый будочникъ съ базарной площади. При моемъ появленіи онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Нельзя этого!.. Спите!..

— Мнѣ необходимо .. Я не могу... Я не арестованъ...

— Если до вѣтру, то я провожу, а на улицу не велѣно выпускать до утра.

Я началъ было спорить и горячиться, но, заслышавъ недовольные голоса хозяевъ, смирился—ушелъ обратно... Спать, однако, не могъ, ходилъ по комнатѣ и мучался неизвѣстностью...

— Скажи, братецъ, были еще обыски?..

— Были!.. И сейчасъ поѣхали обыскивать... Всю ночь работаютъ...

— Арестовали кого-нибудь?..

— Двоихъ арестовали изъ трактира.

— Изъ номеровъ?

— Ну да, одного господина, пріѣзжаго, и вашу одну... барышню...

— Долго ли ты будешь тутъ сидѣть?..

— До разсвѣту приказано... Придутъ, поди, и снимутъ... Спокою съ вами нѣтъ...

— Вотъ что, господинъ Тархановъ, подыскивайте себѣ квартиру, а мы несогласны...

— Да я-то тутъ при чемъ?..

— А ужъ это сами знаете! Зря не будутъ ломиться. Къ намъ потъ не полѣзутъ... Съ вами еще въ какую непріятность попадешь... Не желаемъ...

— Ладно...

— Эхъ ты!—вздохнулъ будочникъ.—Не живется людямъ смирно... Себѣ и другимъ безпокойство...

— Ну васъ всѣхъ къ чорту!.. Я же виноватъ... Гм!.. Идіоты! Тупицы!

— Эти вами ругательства слѣдуетъ тоже въ протоколъ занести...

— Запосите!.. Идіоты...

Я злобно хлопнулъ дверью и заперъ ее на крючекъ. Прилегъ, не раздѣваясь, на постель, закрылъ глаза и заставлялъ себя уснуть. Но сонъ не приходилъ. Сперва клокотала въ душѣ злоба на «непрошенныхъ ночныхъ гостей» и на полное безправіе и беззащитность всего русскаго народа, на его рабское смиреніе и овечью покорность, а потомъ въ голову стали стучаться разныя неожиданныя мысли, эти птицы изъ невѣдомыхъ странъ... Ярко рисовались одиночныя камеры, въ которыхъ я жилъ послѣ перваго ареста, усатыя физіономіи жандармскихъ полковниковъ и унтеровъ, плоскія лица товарищей прокуроровъ, допросы, сви-

данія, обыски... Казалось, что все это началось когда-то давно-давно, когда еще я былъ мальчикомъ, и никогда не кончится... Ну, а что я сдѣлалъ? Какой вредъ я нанесъ врагамъ и какую пользу принесъ родинѣ?.. Больше чувствовалъ, чѣмъ дѣлалъ, и за это одно числюсь въ рядахъ политическихъ преступниковъ... Глупо и нелѣпо. Сколько такихъ, какъ я! Параша, Козочка, Касьяновъ, самъ я... И почему мы воюемъ всю жизнь между собою, въ то время, какъ... А что теперь дѣлается въ коммунѣ? Гдѣ и кого теперь обыскиваютъ?...

Всталъ, отворилъ фортку и прислушался. Въ чуткой предразсвѣтной тишинѣ рѣзко звучали голоса, гдѣ-то тревожно лаяли собаки... А вотъ зазвенѣли колокольчики, много колокольчиковъ... Должно быть, двѣ тройки... Кто это поѣхалъ и куда?.. Они! Несомнѣнно, они... Такъ пріятно и грустно звенѣли въ чуткой весенней тишинѣ колокольчики... Захотѣлось куда-то далеко поѣхать... А это что за люди?.. Надзиратели, г. наблюдающій и еще одинъ будочникъ... Гм... Ко мнѣ... Что сіе означаетъ?.. Опять звонки...

— Фу, ты, прости меня Господи!..—ворчитъ гдѣ-то заспанная Сусанна и ругаетъ меня...

— Что вамъ угодно?

— Одѣвайтесь и пожалуйте!..

— Куда?

— Въ полицію.

— Зачѣмъ?..

— А тамъ узнаете... Захватите подушечку и одѣяльце...

— На какомъ основаніи?..

— А тамъ узнаете...

— Чортъ знаетъ...

Съ ругательствами и ворчаніемъ приступилъ я къ давно знакомой операціи: завертывалъ въ одѣяло подушку, бралъ смѣну бѣлья, затягивалъ ремни, совалъ въ карманы папиросы... А потомъ шелъ въ сопровожденіи бутарей посреди спящей улицы и думалъ:

— Никогда это не кончится!..

Въ полиціи мнѣ прочитали бумагу: заключаюсь подъ стражу впредь до особаго распоряженія. Росписался и пошелъ по вонючимъ корридорамъ полицейскаго управленія... Огромная камера съ двумя окнами во дворъ: освободили изъ-подъ пьяныхъ спеціально для меня...

— А вотъ вамъ тюфячекъ!.. Исправникъ отъ себя прислали, а то у насъ не полагается...

Небольшой дѣтскій тюфячекъ... Должно быть, на немъ спала та дѣвочка, которая своей куклой нарушила престижъ власти... Милая дѣвочка!.. Лягу и увижу во снѣ далекое беззаботное дѣтство, кроватку съ веревочной рѣшеткой, няню, маму и папу...

— Спокойной ночи!..

— И вамъ такъ же, господинъ будочникъ!..

— Поди, устали?..

— Да. Усталъ.

— И мы всѣ измаялись... Всю ночь каталажились... Слава Богу, проводили.

— Уѣхали?..

— Уѣхали. Троихъ съ собой повезли.

— Троихъ?..

— Да. Одинъ господинъ пріѣзжій, другой вашъ, да барышню...

— Двухъ мужчинъ... Кто же изъ нашихъ-то?..

— Да съ Бармалѣевской улицы...

— Петра Курепкова!..

Будочникъ наклонился и прошепталъ:

— А рядомъ съ вами еще одинъ сидитъ... Вашъ же!.. Ну, счастливо оставаться...

Будочникъ позѣвнулъ, перекрестилъ лобъ и вышелъ. Брякнула дверная закладка, щелкнулъ замокъ и глухо застучали по каменному полу шаги удаляющагося будочника... Все это уже было... Все такъ знакомо, что надоѣло уже... А всетаки кто второй, мой сосѣдъ?..

— Тукъ-тукъ!.. Тукъ-тукъ!..

— Та-та-та-та!..

— Кто сидитъ?

— Касьяновъ! А вы?

— Тархановъ!..

— За что?

— Не знаю.

— Нашли?

— Ничего. У тебя?

— Тоже.

Касьяновъ началъ было выстукивать что-то длинное, торопливое, но я не хотѣлъ слушать. Все это уже было и надоѣло. Послѣ! Не все ли равно? Глупо.

— Та-та-та!...

— Хочу спать. Завтра. Прощай. Не стучи...

Уфъ!.. Усталъ, какъ собака... Свѣтаетъ... Гдѣ-то поетъ исправничій пѣтухъ. Мягкій тюфячекъ. Отъ него пахнетъ дѣтствомъ... Баю-баюшки, баю!..

XIV.

— Пожалуйте!..

— Куда?

— Къ исправнику.

Привели къ исправнику. Опять та же знакомая комната, кабинетъ съ оружіемъ, дѣлами въ синихъ обложкахъ, съ запахомъ бумажной пыли, камфары, сургуча. Вдали звонкій голосокъ дѣвочки и заливчатыя трели канарейки. А вотъ и исправникъ. Хмурый, убитый чѣмъ-то, словно постарѣвшій...

— Здравствуйте!.. Садитесь, пожалуйста...

Какой-то кроткій, смиренный тонъ, усталость въ голосѣ, покорность злой судьбѣ...

— Эхъ, господа, господа!.. Что вы со мной дѣлаете?..

Что я дѣлаю съ исправникомъ! Это очень неожиданно...

— А именно?..

— Что вы натворили?.. Я всегда относился къ вамъ гуманно, по-отечески, я всегда относился къ вамъ либерально... А вы отблагодарили! . Спасибо!..

— Я ничего не понимаю. Въ чемъ дѣло?..

Исправникъ вздохнулъ, повелъ плечами и укоризненно посмотрѣлъ мнѣ въ глаза:

— И не совѣстно вамъ?..

— За что, позвольте полюбопытствовать?

— Будто бы не знаете!..

— Даю вамъ слово, что даже не подозрѣваю...

Долгая пауза. Вздохъ. Новый дружескій тонъ:

— Я хочу поговорить съ вами откровенно, по-простому, какъ человѣкъ съ человѣкомъ...

— Прекрасно. Къ вашимъ услугамъ.

— Но только... Дайте мнѣ честное слово, что весь разговоръ останется между нами... Дайте мнѣ честное слово!..

— Даю...

— Я прослужилъ уже двадцать два года по полиціи, былъ на хорошемъ счету... а теперь... За что?.. За мою гуманность къ вамъ!

Исправникъ сморщился, отвернулся, вынулъ изъ тужурки

носовой платокъ и выгеръ глаза. Прослезился... Этотъ здоровенный мужчина съ рыжеватыми усищами, съ огромными кулачищами, съ басомъ, съ бравой выправкой, плачетъ. Странное зрѣлище. Становится жаль этого человѣка и хочется утѣшить...

Въ чемъ, наконецъ, дѣло? Шепчетъ что-то про пенсію, про старость, про кусокъ хлѣба...

— Папа!.. Дядя пришелъ?..

— Уйди, дѣточка!.. Мнѣ некогда... Иди въ дѣтскую!.. Играй!..

Дѣвочка съ куклой подъ мышкой, помялась въ дверяхъ, поболтала ножкой и скрылась. Исправникъ всталъ, плотно прихлопнулъ всѣ двери и, усѣвшись въ кресло, заговорилъ умоляющимъ голосомъ:

— Скажите вы мнѣ ради Бога, какой тамъ заговоръ вы всѣ затѣяли?.. Скажите по совѣсти!..

Онъ посмотрѣлъ на образъ и перекрестился:

— Клянусь, что я не воспользуюсь вашими словами во вредъ лично вамъ...

— Какой заговоръ!.. Никакого заговора не было...

— Но у вашего товарища нашли документы террористическаго характера...

— Этого не могло быть... О комъ именно вы говорите?

— У этого... какъ его, Богъ съ нимъ!.. У г. Куренкова, на Бармалѣевской улицѣ...

Ахъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло!.. Очевидно, къ нимъ въ руки попалъ предполагавшійся отвѣтный рефератъ Бересневу, съ предательскими замѣтками о политическомъ и психологическомъ значеніи террора... какіе-нибудь черновики, обрывки, пункты и страшныя слова... Помнится, что Петръ Куренковъ не стѣснялся въ выраженіяхъ... Такъ вотъ она, разгадка всего недоразумѣнія!..

И вдругъ мнѣ стало смѣшно. Такъ смѣшно, что я не могъ удержать смѣха.

— Какъ вы, господа, жестоки!..

— Простите, но я понялъ, въ чемъ дѣло... Тутъ кроется просто ошибка, смѣшная ошибка... Извиняюсь, что обидѣлъ васъ своимъ смѣхомъ, но... у меня не хватило силы сдержаться...

— Что-же такое?.. Успокойте!.. Облегчите!..

Я въ общихъ выраженіяхъ высказалъ свое предположеніе. Исправникъ поддакивалъ, радостно поматывалъ головой и даже улыбался...

— Скажите!.. А!.. Скажите!.. Вы подумайте-ка!.. А!..—

сопровождалъ онъ мое объясненіе и хлопалъ себя по жирной ляжкѣ.

— Почему-же вашъ товарищъ отказался объяснить?.. Онъ отказался отъ всякихъ показаній... Господа'.. Можно-ли такъ?.. А?.. Я-же головой ручался, что никакого заговора у меня быть не можетъ... Я отношусь гуманно, но я не закрываю глазъ...

Исправникъ сталъ хвалить себя во всѣхъ отношеніяхъ и изумляться глупости ротмистра и «вообще всѣхъ ихъ»...

— Они обрадовались... Они вообразили, что здѣсь, у меня, готовится покушеніе или... Они искали динамитъ... Клянусь вамъ Богомъ, что они что-то запечатали и повезли этакое... взрывчатое... Я никогда не имѣлъ случая видѣть динамита, но читалъ, что это въ родѣ... ну, какъ-бы это сказать... въ родѣ чернаго сыра, что-ли... А они повезли жидкость такого, знаете-ли, желтовато-буроватаго цвѣта...

— А, видѣлъ, видѣлъ... Охотничьи сапоги этимъ мажутъ...

— Неужели?.. А!.. Ну, скажите пожалуйста!.. Я-же ихъ увѣрялъ, что у меня не можетъ быть динамитчиковъ... Я ихъ не потерпѣлъ бы ни одной минуты...

Смѣялся я, смѣялся и исправникъ...

— Эй, Игнатъ!

— Что прикажите, вашескородіе?...

— Прикажи подать намъ по стакану чаю... И хлѣба съ масломъ!.. И тамъ вареньица вишневаго, что-ли...

Игнатъ принесъ большой поднось съ чаемъ, съ булками, съ вареньемъ, со сливками, съ сухарями...

— Прошу васъ... Пожалуйста!.. По просту... По человѣчески... И между нами... Все это между нами!.. Служба-служба, а дружба-дружба... По закону этого не полагается, да однимъ закономъ не проживешь... Я человѣкъ гуманный.

Прибѣжала опять дѣвочка и начала свои разговоры...

— Сдѣлай реверансъ дядѣ!.. Поздоровайся!..

Не было у меня теперь никакой непріязни къ исправнику и не казалось зазорнымъ, если я выпью съ нимъ стаканъ чаю. Мы сидѣли, какъ хорошіе знакомые, пили чай и разговаривали то съ дѣвочкой, то другъ съ другомъ...

— А вы думаете, почему-же васъ-то задержали?.. и еще одного изъ моихъ ссыльныхъ?.. Сперва не предполагалось, а потомъ, когда эти самые террористическіе документы обнаружили, онъ потребовалъ временно задержать... Я такъ и зналъ, что это

не мои ссыльные, а пріѣзжіе... У пріѣзжихъ дѣйствительно кое-что обнаружилось... Но мои...

— У тебя, дядя, гдѣ домъ?..

— Въ кутузкѣ, дѣточка!..

— Я вамъ послалъ туда тюфячекъ... Вы можете послать солдата къ себѣ на квартиру, и онъ принесетъ вамъ вашу постель и все, что нужно... Сегодня у меня была ваша... барышня, княжна Гильдѣева, и просила о свиданіи. Свиданія дать я не имѣю права, но... обѣдъ носить разрѣшилъ... Ну и книги тамъ... Отъ скуки...

Посидѣли и простились.

— Эй, кто тамъ есть...

— Здѣсь...

— Скажите тамъ приставу, чтобы никакихъ притѣсненій и непріятностей съ заключенными не было... А всего лучше попросите пристава побывать у меня... Всего лучше!.. Желаю скорѣйшаго освобожденія!..

Вернулся въ камеру, ходилъ и хохоталъ... Вспомнилъ про динамитъ и пѣсенку, которую пѣли мы во дни студенчества:

Вотъ одинъ, должно,—капралъ,
Полонъ ротъ чернилъ набралъ,
Потомъ плюнулъ, говоритъ:
Надо быть, тутъ—динамитъ...

Бѣдный Петруша Куренковъ!.. Попалъ-таки въ террористы и теперь долго будешь опаснѣйшимъ государственнымъ преступникомъ... Да и насъ всѣхъ подвелъ: пожалуй, выйдетъ цѣлое сообщество, имѣющее цѣлью путемъ террористическихъ дѣйствій произвести государственный переворотъ и устроить въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ республику... Воображаю неизреченную радость жандармскаго ротмистра!.. Прямо въ полковники попадетъ...

А для пьяницъ устроено, пожалуй, лучше, чѣмъ для политическихъ: два большихъ окна съ очень рѣдкими рѣшетками, широкія нары, просторъ... Что твоя аудиторія въ народномъ домѣ... Даже резонансъ... Попрошу вымыть полы, принести свою постель, купить хорошую лампу, чернилъ, бумаги, устроюсь, какъ слѣдуетъ, по-домашнему, и начну писать новую повѣсть...

Въ окна льются потоки солнышка, съ улицы доносятся звонкіе голоса играющихъ ребятишекъ, стрекотня воробьевъ и грачиный разговоръ на соборныхъ березахъ... Слава Богу, и у насъ весна!..

Я присѣлъ къ окну, подставилъ щеку ласковому солнышку,

зажмурился и сталъ прислушиваться къ доносящимся ребячьимъ голосамъ, къ воробьинымъ дракамъ, къ меланхолическому перезвону въ двухъ церквахъ... Почему звонятъ такъ печально?.. Ахъ, да, великій постъ!.. Неужели великій постъ?..

Странно. Когда-то я уже вотъ такъ-же сидѣлъ въ тюрьмѣ и слушалъ меланхолическій перезвонъ великопостныхъ колоколовъ... Когда это было?..

Слушалъ колокола и душа сладостно затихала въ смутныхъ воспоминаніяхъ и переживаніяхъ далекаго дѣтства... И мнѣ казалось, что я опять гимназистъ, что меня отпустили на пасхальные каникулы, что я долженъ говѣть... Не говѣть нельзя: у насъ строго. Послѣ каникулъ надо представить въ гимназію свидѣтельство, что ты исполнилъ всѣ обязанности христіанина...

Ласково пригрѣваетъ солнышко щеку; гдѣ-то на дворѣ захотѣвшая быть насѣдкой курица мечтательно вытягиваетъ: «ко-о, ко-ко-ко-оо»; плаваетъ меланхолическій звонъ въ радостномъ весеннемъ предчувствіи, а мнѣ чудится, что я—гимназистъ третьяго класса, Тархановъ Геннадій, и что я говѣю въ Казанскомъ монастырѣ... Почему въ Казанскомъ монастырѣ? Очень просто: тамъ говѣетъ вторая женская гимназія, а въ этой гимназіи учится Вѣра Игнатовичъ. Касьяновъ тоже говѣетъ въ Казанскомъ: онъ тоже влюбленъ въ Вѣрочку. Оба... Вотъ мы идемъ послѣ роспуска изъ гимназіи и интимно бесѣдуемъ о Вѣрочкѣ.

— Я съ ней танцовалъ на нашемъ вечерѣ въ прошломъ году...

— Врешь!.. Ты и танцовать-то не умѣешь...

— Кадриль умѣю... Ей-Богу танцовалъ!..

— Стало быть, знакомъ?..

— Забыла...

— Я обязательно познакомлюсь...

Ярко свѣтитъ солнышко родного города, не умолкая стрекочатъ воробьи, звенятъ катящіеся подъ горку ручьи, дворники обкалываютъ съ тротуаровъ ледъ, подъ ногами сыро и мягко... У обоихъ насъ мысли заняты Вѣрой. Намъ обоимъ хочется пользоваться вниманіемъ Вѣры, и мы сговариваемся, какъ намъ этого добиться. Препятствій много: вдругъ будетъ говѣть вмѣстѣ съ матерью? вдругъ—не въ Казанскомъ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?..

— Выслѣдимъ!..

— Значитъ, такъ: я проложаю послѣ «часовъ», а ты—послѣ вечерень.

— Ловкій ты, братецъ!.. Нѣтъ, я буду послѣ вечеренъ.

— А не все-ли равно?..

— Послѣ вечеренъ можно погулять, а послѣ часовъ всѣ идутъ домой...

— Ну давай на билетики: кому придется утромъ, а кому вечеромъ...

— Тише ты!.. Надзиратель идетъ...

Обгоняетъ надзиратель. Ждемъ, когда уйдетъ подальше. Ну, можно...

— Въ такомъ случаѣ всегда вмѣстѣ... каждый разъ вмѣстѣ!..

Никакой ревности. Напротивъ, взаимопомощь и свободная конкурренція. Оба будемъ стараться, а который понравится ей болѣе—это уже дѣло счастія...

Медленно и грустно вызваниваютъ колокола въ разныхъ концахъ города, и по тротуарамъ тянутся грѣшники. Мы съ Касьяновымъ самые рьяные богомольцы: мы давно уже дежуримъ на Рыбнорядской улицѣ, гдѣ живетъ Вѣрочка. Однако къ тянущимся въ храмы грѣшникамъ не присоединяемся, а ждемъ..

— Вотъ она!..

— Идемъ!.. Заговаривай!..

— Идемъ вмѣстѣ...

Страшно одному. Вдвоемъ лучше. Вѣра идетъ тихо, а мы еще тише, позади ея. Поощряемъ другъ друга вступить въ разговоръ, упрекаемъ другъ друга въ трусости, но дѣло не подвигается: по прежнему насъ съ Вѣрой раздѣляетъ приличное разстояніе. Вотъ и монастырь. Вѣра исчезла въ его воротахъ, а мы остановились и начали перебраниваться:

— Трусъ!..

— Самъ трусъ.

— Тебѣ удобнѣе: ты съ ней танцовалъ на нашемъ вечерѣ, а я...

— Ну, идемъ-же... Балда несчастная!..

Въ храмѣ. Иду ставить свѣчу къ образу и никакъ не могу рѣшить, куда какому угоднику ее поставить. Увидалъ Вѣру и поставилъ, а затѣмъ возвращаюсь и веду за собой Касьянова...

— Господи, Владыко живота моего...

Валимся на колѣни и смотримъ на новенькія резиновыя калоши стоящей впереди насъ на колѣняхъ Вѣрочки. Ахъ, такъ-бы и приложился къ этимъ прекраснымъ блестящимъ калошкамъ...

Кончаются «часы»; грѣшники медленно расползаются изъ монастыря. Теперь у насъ двѣ заботы: впереди, опустивъ го-

ловку, уходитъ Вѣрочка, а позади по нашимъ слѣдамъ шагаетъ надзиратель гимназіи... Между двухъ огней. Проходимъ улицу, сворачиваемъ за Вѣрочкой, оглядываемся: надзиратель не отстаетъ. Не везетъ: то надзиратель, то классная дама, то провожающій реалистъ... Выручилъ Великій четвергъ. Чтеніе двѣнадцати евангелій затянулось до поздней ночи; ночь была темная-претемная, теплая-претеплая, а на улицахъ стояла грязь непролазная. Вотъ тутъ-то она и попалась!..

Когда народъ пошелъ прикладываться къ евангелію, произошла толкотня невообразимая, и Вѣра потеряла свою горничную... Мы настигли Вѣру на паперти: стоитъ, прикрывая огонекъ восковой свѣчки рукою, и безпомощно оглядывается по сторонамъ.

— Вѣра Аркадьевна!.. Вы кого ищете?..

— Я потеряла горничную и... боюсь одна...

— Мы васъ проводимъ. У насъ есть фонарь.

— Мерси!.. А гдѣ-же фонарь?

Я вытащилъ изъ кармана складной елочный фонарикъ ярко-малиноваго цвѣта, вставилъ въ него Вѣрочкину свѣчку, и мы двинулись... Во тьмѣ весенней ночи плыли по тротуарамъ огоньки четверговыхъ свѣчъ, протяжно стонали колокола церквей, въ которыхъ всенощная еще не кончилась, подъ ногами звенѣли бубенчиками ручейки, а въ темно-синихъ небесахъ творились какія-то чудеса. Нашъ фонарикъ бросалъ вокругъ кровавые отблески и придавалъ темнотѣ, стѣнамъ, лужамъ и всей этой ночи какую-то сказочную прелесть и таинственность. Я незамѣтно наводилъ свѣтъ фонаря на личико дѣвушки и любовался, а пріятель занималъ спутницу разговорами... А разговоръ былъ такой значительный: о грѣхахъ, о вѣрѣ въ Бога, въ безсмертіе, о загробной жизни, о душѣ... Касьяновъ отвергалъ все подрядъ и требовалъ доказательствъ.

— Докажите, что есть душа!

— Доказать... это очень трудно, но я чувствую, что душа у меня есть,—задорно возражаетъ Вѣрочка.

— Гдѣ она у васъ находится? Опредѣлите точно и кратко! Сердце, я знаю, гдѣ находится, легкія—тоже, печень, селезенка и прочее. Укажите, гдѣ именно находится душа!.. — категорически требуетъ Касьяновъ.

— Вы странный... Васъ не переспоришь... Надо вѣрить.

— Зачѣмъ? Почему надо?

Совсѣмъ забилъ бѣдную Вѣрочку Касьяновъ: она уже готова капитулировать.

— Ну, я не знаю... А всетаки...

Жалко Вѣрочку и досадно, что Касьяновъ побѣждаетъ. Вмѣшиваюсь въ споръ:

— Душа, Вѣра Аркадьевна, есть и это можно доказать.

— Можно?.. Да?—радостно съ благодарностью восклицаетъ Вѣрочка.

— Можно!..

— Докажите ему, этому Ѳомѣ невѣрующему!..

— Душа - существо невидимое, и потому въ данномъ случаѣ нельзя требовать видимыхъ доказательствъ. Роза чудно пахнетъ, но какъ это совершается, мы не видимъ... Существованіе души можно доказать... только путемъ логическаго мышленія... Интуитивнымъ путемъ... Понимаете?

— Мм... не совсѣмъ...

Огорошилъ обоихъ. Оба сразу примолкли. Сильно подѣйствовало «интуитивнымъ путемъ». Я продолжаю говорить о силѣ и матеріи и то и дѣло спрашиваю: «понимаете?»

— Наша тѣлесная субстанція - матерія, а душа - сила... Понимаете?..

— Да...—грустно произноситъ Вѣрочка, а Касьяновъ упирается:

— Почему - субстанція?..

— Да ты понимаешь-ли, что такое субстанція?..

— Конечно.

— А ну-ка, объясни, какъ ты понимаешь!..

Откровенно говоря, я и самъ не понимаю, что такое субстанція. Чтобы свернуть со скользкаго пути, я не даю отвѣтить Касьянову и забрасываю его другими вопросами:

— Гдѣ находится, напримѣръ, твоя любовь, твоя мысль?..

— Въ мозгахъ, конечно.

— А ты мысль видѣлъ въ мозгахъ? Именно въ мозгахъ?

— Глупый вопросъ. Не видѣлъ, но наука вскрыла черепъ, мозгъ человѣка и...

— И нашла мысль?

Начинается невообразимая путаница, въ которой мы тонемъ, какъ въ лужѣ.

— Здѣсь грязь... Ой, ноги промочила!..

Дошли до Вѣрочкинаго дома. Стали прощаться.

— Давайте, Тархановъ, мою свѣчу!..

— Разрѣшите мнѣ закурить отъ нея!—проситъ Касьяновъ.

— Фу, безбожникъ!.. Убирайтесь!..

— А мнѣ позвольте зажечь свѣчу отъ вашего огонька. Если я донесу ее до дому, то...

— Извольте!.. Скорѣе!

Я трясущимися руками вынимаю изъ кармана смятую и скрученную свѣчу, расправляю ее и заимствуюсь огонькомъ...

— До свиданія!.. Мерси!

Вѣра скрывается въ дверяхъ, а Касьяновъ изъ зависти тушитъ мой огонекъ.

— Свинья!.. Завидно, что Вѣра на моей сторонѣ...

— А это еще посмотримъ... Въ пасхальную заутреню я съ ней обязательно похристосуюсь...

— Не будетъ она съ тобой...

Такъ оно и вышло. Когда послѣ заутрени мы подошли къ Вѣрѣ, со мной она похристосовалась щечкой, а Касьянову сказала:

— Вы безбожникъ, и потому... зачѣмъ христосоваться. Вѣдь, по вашему, это все предразсудки?..

— Гм!.. Субстанція...

Ласково грѣетъ солнышко щеку и разсказываетъ яркія милыя сказки отлетѣвшаго дѣтства. Давно-ли все это было?.. Вчера, на той недѣлѣ, въ прошломъ году?.. Неужели съ тѣхъ поръ прошло уже десять лѣтъ?.. Невѣроятно... Давно-ли я мечталъ поскорѣе сдѣлаться «большимъ» и мнѣ казалось, что годъ жизни безконечно дологъ? Давно-ли Вѣрочка Игнатовичъ носила коротенькое коричневое платьице съ бѣлымъ передничкомъ и заставляла насъ съ Касьяновымъ говѣть въ Казанскомъ монастырѣ?...

— Тукъ-та, та, та!

— Тукъ, тукъ!..

— Помнишь, какъ говѣли въ Казанскомъ монастырѣ?

— Да.

— Помнишь субстанцію?

— Да...

Смѣюсь, а въ глазахъ дрожатъ слезинки. Вспомнилъ мать. Скоро пасха, надо поздравить старушку. Отчаянно застучалъ въ дверь.

— Что произошло?

— Ничего не произошло. Требую бумаги, чернилъ, конвертъ, перо и марку.

— А гдѣ я возьму!...

— Сбѣгай къ приставу и скажи, что я требую...

— Слушаюсь!

— То-то!..

«Христосъ воскресе, милая мама. Пишу тебѣ, мама, опять

изъ тюрьмы, куда попалъ по неизвѣстной причинѣ, съ соизволенія начальства и по попущенію Божьему. А можетъ быть, просто по привычкѣ. Даю тебѣ слово, что и самъ не знаю и начальство не знаетъ. Когда-то во дни дѣтства передъ пасхой я говѣлъ, а теперь давно уже вмѣсто говѣнья имѣю обыкновеніе сидѣть въ тюрьмѣ. Въ облегченіе твое сообщаю, что всѣ мы сидимъ: и Касьяновъ сидитъ, и Вѣра Игнатовичъ сидитъ, и вообще, хотя мы сидимъ въ одиночномъ заключеніи, но всегда цѣлой компаніей. Это доказываетъ старую истину, что человѣкъ—животное соціальное, «дзоонъ-политиконъ»...

XV.

Жди, когда буржуазія завоюетъ всѣ свободы, а пока сиди безъ конца въ тюрьмахъ и убѣждайся, что ты не больше, какъ игрушка въ рукахъ либеральной буржуазіи... Чортъ-бы васъ всѣхъ побралъ... съ журавлями въ небѣ! Каждый день, каждый часъ на протяженіи всей исторической жизни русской интеллигенціи и всего народа доказываютъ, что связанный по рукамъ и ногамъ человѣкъ не можетъ ни двигаться впередъ, ни работать, а можетъ только безплодно мечтать о журавляхъ въ небѣ...

Вонъ они, журавли, съ грустными кликами проносятся въ синей безоблачной высп надъ городомъ, растянувшись острымъ угломъ... И днемъ и ночью летятъ они, бросая въ душу тоску своимъ тревожнымъ крикомъ въ далекихъ небесахъ...

— Эй вы, идеологи соціализма!.. Спуститесь къ намъ на полицейскій дворъ!

— Мы пхъ, баринъ, въ турецкую кампанію изъ винтовокъ стрѣляли...

— Вы—молодцы!..

— Я за стрѣльбу отличіе имѣю...

— Скажи, братецъ, кто это у исправника играетъ на роялп?..

— На фортепьянахъ-то?..

— Да!

— Барышня къ нимъ пріѣхали... Племянница...

Слава Богу, что пріѣхала эта племянница. Окна раскрыты въ квартирѣ исправника, и во время прогулокъ оттуда несется музыка. Первая тюрьма съ музыкой. Племянница играетъ очень порядочно... Боже мой, какъ давно не слыхалъ я музыки!.. Что тамъ она играетъ?.. Знакомое... Э, да вѣдь это—«Лунная соната»!..

— Хорошо!.. Жаль, что рояль не настроенъ...

— Пора ужъ уходить, г. Касьянова надо выпустить...

— Еще маленько!..

— А вы подальше отъ оконъ-то!.. Нехорошо.

— Нельзя ли и у насъ зимнія рамы выставить?

— Попросите исправника. Раньше не выставляли: пьяные скверными словами ругаются, и слова эти къ исправнику въ окошки залетаютъ...

— Мы не пьяные. Не ругаемся.

— Само собой, вы—люди благородные. Попросите, можетъ, и уважитъ...

Весело на полицейскомъ дворѣ, уходить не хочется. Жизнь бьетъ ключемъ. Вотъ исправничья кухарка чиститъ кирпичемъ мѣдную каску пожарному, отложивъ въ сторону хозяйское дѣло. Вонъ бѣжитъ черезъ дворъ Игнатъ, что-то несетъ изъ погреба...

На крылечкѣ канцеляріи сидятъ мужики, должно быть—свидѣтели; позѣвываютъ во весь ротъ, почесываются и вскакиваютъ при видѣ каждой свѣтлой пуговицы. А вонъ роются курицы подъ общимъ надзоромъ гордаго пѣтуха, который чувствуетъ себя едва ли не царемъ природы... А изъ раскрытыхъ оконъ исправника льется музыка. Мужички задираютъ головы, и съ разинутыми ртами слушаютъ и пожимаютъ плечами, качаютъ головой... Мужики, курицы, пожарный, кухарка и... тутъ же политическій преступникъ прогуливается и прелюбезно разговариваетъ съ наблюдающимъ за нимъ будочникомъ. Положительно мнѣ начинаетъ нравиться эта патріархальность. Вонъ Касьяновъ выглядываетъ въ фортку и слушаетъ музыку...

— Слышишь?.. Лунная соната!..

— Неужели—исправникъ?..

— Племянница!..

— А вы, господа, послабже. Нехорошо. Сказано, чтобы промежду собой безо всякаго отношенія... Вамъ ничего, а мнѣ могутъ сдѣлать выговоръ...

Возвращаюсь съ прогулки, открываю фортку и смотрю на патріархальную картину. А племянница все играетъ... И очень недурно...

Если заиграетъ завтра во время моей прогулки, устрою овацію...

Касьяновъ тоскуетъ, все ходитъ и бунчитъ: «Наша жизнь коротка, все уноситъ съ собой»... Такъ и не дали ему жениться злые люди: «разрозпили сердца»!..

Каждый день я вижу, какъ Козочка приноситъ намъ изъ коммуны обѣдъ.

Всякій разъ я машу ей руками, платкомъ, но она, углубленная въ какія-то тяжелыя думы, не поднимаетъ взора и не замѣчаетъ. Надо какъ-нибудь привлечь ея вниманіе... Когда она появится, я запою... Эхъ голубка, да вонъ она!

— Эхъ, тоска,—а, братцы-товарищи...

Услыхала, бродитъ взоромъ по двору, по окнамъ исправника и удивляется. Нарядилась по-весеннему: соломенная шляпа съ пунцовымъ макомъ и какое-то фасонистое пальто песочнаго цвѣта. Ишь, модница какая!.. Модница, а въ одной рукѣ — судки, въ другой—книги. Принесла пищу тѣлесную и духовную. Миленькая, пзящная, тонкая, какъ вѣтка, граціозная, какъ горная козочка на тоненькихъ высокихъ ножкахъ. Прошла въ сторожку, сдала обѣдъ и идетъ... должно быть, въ канцелярію или къ исправнику, опять хлопотать о свиданіи... Хотя бы дали свиданіе, черти полосатые!.. Вѣдь уже май мѣсяцъ на исходѣ, а они все еще не убѣдились, что сапожная мазь—не динамитъ...

О, дайте, дайте мнѣ свободу!—тоскливо тянетъ Касьяновъ.

— Жди, братъ!.. пока буржуазія не завоюетъ тебѣ ее...

Невѣроятное событіе: вечеромъ, при повѣркѣ, вмѣсто надзирателя появляется самъ исправникъ:

— Добрый вечеръ, г. Тархановъ!

— Милости прошу, г. исправникъ! Чѣмъ порадуете?

— Гм!.. Какъ у васъ тутъ?.. Не выставить ли вторыя рамы-то?

— Только что думалъ писать вамъ прошеніе относительно этого.

— Эхъ... Опять приходила эта... хорошенькая политическая и просила о свиданіи... Я, господа, съ удовольствіемъ бы, но до сихъ поръ я не имѣю никакихъ инструкцій... Не забыли ли, что вы сидите... Я запрошу губернскую власть... Книжечки вотъ вамъ принесли. Одну я могу передать, а другую ни подъ какимъ видомъ... Вотъ эту дѣловую книгу извольте получить, а никакихъ соціологій и вообще ничего соціальнаго я давать вамъ не могу...

Я взялъ поданную книгу, раскрылъ переплетъ и удивился. «К. Марксъ. Капиталъ».

— Вотъ это я понимаю... Изученіе торговли, промышленности, умноженія капитала—все это вопросы серьезные и полезные... Въ жизни пригодится. А эти «Соціологіи»—отъ нихъ только блажь въ голову лѣзетъ...

— Отъ скуки можно...—произнесъ я, небрежно бросая «Капиталъ» на нары.

— Ну, какъ съ клопами?..

— Борюсь.

— А есть еще?

— Случается.

— Этакая гадость!..

Исправникъ посидѣлъ минутъ десять, нѣсколько разъ вздохнулъ, и мнѣ показалось, что чувствовалъ онъ какую-то неловкость предо мною...

— Прекрасная погода установилась...

— Да... Не дразните!..

— А вы, оказывается, сочинитель?..

— Я?.. Откуда вы это узнали?..

— Племянница у меня книжку привезла и вотъ тамъ есть сочиненіе подъ вашей фамиліей... Про тюрьму...

— Безсонная ночь?

— Вотъ именно!.. Вы?

— Я...

— Поздравляю!.. Надѣюсь, если будете описывать ваше настоящее пребываніе въ заключеніи, не обижете меня дурнымъ словомъ... Я отношусь гуманно и дѣлаю все, что могу... Даже больше...

— Пожалуйста, рамы-то зимнія...

— Будетъ сдѣлано...

— А затѣмъ, не могу ли я просить васъ дать мнѣ эту книжечку. Хочется прочитать свое сочиненіе... Попросите вашу племянницу!..

— По закону, пожалуй, и нельзя... Постараюсь... Будьте здоровы! Желаю скорѣйшаго освобожденія...

Ей-Богу, премилый человѣкъ этотъ исправникъ. Даже не предполагалъ, что на свѣтѣ могутъ быть такіе исправники...

— Карлъ Марксъ!.. Самъ исправникъ благословилъ наше знакомство. Благословилъ и аттестовалъ тебя, Марксъ, съ самой лучшей стороны... Неужели, прочитавъ тебя, изучивъ тебя, подружившись съ тобой, можно будетъ спокойно сидѣть въ тюрьмѣ и ждать свободы отъ непреоборимыхъ законовъ естественно-исторической необходимости?..

Началъ было читать Маркса, но въ сердцѣ прыгала радость автора «Безсонной ночи» и мѣшала автору «Капитала». Первый разсказъ въ толстомъ журналѣ!.. Писатель!.. Теперь уже настоящій писатель... Во многихъ тысячахъ разлетѣлась книга по Россіи, и

теперь въ разныхъ городахъ тысячи людей читаютъ мою «Безсонную ночь» и... Разсказъ трогательный .. Несомнѣнно, на каждаго живого человѣка онъ произведетъ впечатлѣніе, и каждый дочитавъ до конца, подумаетъ:

— Геннадій Тархановъ... Новый писатель народился...

А тѣ, кто меня зналъ когда-нибудь, вспомнитъ и подумаетъ:

— Онъ, онъ!.. Тотъ самый Геннадій Тархановъ... Гдѣ онъ теперь?..

И въ коммунѣ теперь читаютъ мой разсказъ и... критикуютъ. Любопытно невидимкой послушать, какъ они критикуютъ. Куренковъ - отецъ, вѣроятно, разберетъ по косточкамъ и не одобритъ... А вотъ какъ отнесутся Козочка и Параша?..

Нѣсколько разъ я принимался за Маркса, но ничего не выходило: вспомню про свой разсказъ и улечу мыслями далеко-далеко... Гдѣ-то тамъ есть еще одинъ человѣкъ, одинъ избранный читатель, и все представляется, какъ этотъ читатель изумится, увидя, что разсказъ посвященъ ему... Прочитаетъ, оторветъ взоръ отъ книги и, устремивъ его куда-то въ даль, будетъ вспоминать Казань, городской садъ, пароходъ, тюрьму... И, быть можетъ, вздохнетъ и приложитъ кружевной платочекъ къ влажнымъ глазамъ.

Такъ и промечталъ до темноты... А когда надъ полицейскимъ дворомъ засверкали звѣзды и синеватая мгла весенней ночи, спрятавъ прозу полицейскаго задворка, превратила его въ таинственный замокъ, съ безчисленными огнями въ окнахъ, съ рыцарями въ золотыхъ шлемахъ, съ взволнованно-шепчущимися дамами, съ побрякивающими оружіемъ привратниками,—я сѣлъ подъ раскрытой форточкой и сталъ слушать нѣжную, прекрасную музыку прекрасной племянницы графа, владѣльца замка... Волшебница—ночь! исправника ты превращаешь въ графа, пожарнаго—въ рыцаря, кухарку—въ придворную даму.. Волшебница-музыка!.. Ты снова пробуждаешь въ душѣ всѣ заспувшія сказки прожитого и снова обманываешь неяснымъ, хрупкими призраками личнаго счастія... Ахъ, какъ хочется любить и быть любимымъ!.. Какъ прежде...

Серенада Шуберта...

И никто, о, другъ мой милый,
Не услышитъ насъ, не услышитъ насъ...

— Мм... та-ра, та, та-та, ра-а, та... Мм... Эхъ, тоска...

Выходи, о, другъ мой нѣжный
Билъ свиданья часъ, билъ свиданья часъ...

Кто она, эта племянница графа, заставляющая ныть мое сердце?.. Можетъ быть, это дѣвушка необыкновенной красоты, съ тяжелыми золотыми косами, съ нѣжной скорбью въ голубыхъ очахъ... Почему всѣ прекрасныя дѣвушки мнѣ рисуются похожими на Зою... Странно...

Вы-хо-ди-и, о, другъ мой нѣ-жны-ый...

Никто не выйдетъ. Некому выйти... Оборвалась музыка и пристальнѣе взглянула синяя ночь въ окно. Гдѣ-то звучатъ сдержанные женскіе голоса. Отчего вздрогнуло сердце? Неужели только отъ женскихъ голосовъ?.. О, весна, волшебница и обманщица!.. Какое мнѣ дѣло до этихъ невѣдомыхъ голосовъ? Они звучатъ для всѣхъ, но только не для меня... Всякій пожарный теперь имѣетъ больше основаній прислушиваться къ женскимъ голосамъ, чѣмъ я, связанный по рукамъ и ногамъ человѣкъ... А голоса—все ближе.

— Что за исторія?.. Подъ самыми окнами...

Въ темнотѣ безшумно плывутъ два женскихъ силуэта, то сливаются въ одинъ, то снова раздѣляются. Кого-то тихо зовутъ...

— Тархановъ!.. Тархановъ!..

Меня. Ясно слышалъ свою фамилію... Не можетъ быть!.. Выставился въ форточку...

— Тархановъ!..

— Козочка?..

— Тише!.. Вотъ вамъ книга и цвѣточки!.. Тише!.. Тише!..

— Какъ это?.. Кто съ вами?..

— Тише!. Тамъ есть письмо... Цѣлую!.. Завтра опять... Ночью!..

Исчезли. Вонъ онѣ, чуть-чуть рисуются на другомъ концѣ двора... Пропала. Словно видѣніе. Я могъ-бы подумать, что все это—галлюцинація, порожденная весенней ночью и музыкой, если-бы въ моихъ рукахъ не были книга и пучекъ цвѣтовъ... Какимъ образомъ свершилось это чудо? Племянница!.. Несомнѣнно, что это племянница графа, владѣлица этого замка, игравшая серенаду Шуберта... Да, другъ Горацію, на свѣтѣ случается такое, что и не снилось нашимъ мудрецамъ... Цвѣты!.. Простые желтенькіе цвѣты, первые вѣстники здѣшняго лѣта... Поставимъ ихъ въ воду... А вотъ это... Дрожатъ руки, отыскивая произведеніе писателя Тарханова.. Вотъ оно!.. Читаю заглавіе, перелистываю, отдѣляю двумя пальцами отъ всей книги и на ощупь опредѣляю значительность своего произведенія...

— Ого, довольно толстенькое...

Любуюсь подписью и замѣчаю на поляхъ надпись карандашикомъ: «Прекрасный разсказъ»... Отодвинулъ въ сторону Карла Маркса, прибавилъ огонька въ лампѣ и погрузился въ чтеніе «Безсонной ночи»... Прочиталъ разъ, отеръ слезу и началъ читать во второй разъ... Прекрасно!.. Неужели это я написалъ? Даже не вѣрится... Да, вотъ это разсказъ!.. Уже полицейскій дворъ поблѣднѣлъ отъ близкаго разсвѣта, когда я, измученный, легъ съ книгой на нары и подвинулъ лампу, чтобы еще разъ прочитать свой разсказъ. Изъ приподнятой книги выпалъ запечатанный сургучной печатью конвертикъ маленькаго формата...

— Ба, про письмо-то я и забылъ!..

«Геннадій Николаевичъ! Помните, вы меня спрашивали о томъ, люблю-ли я кого-нибудь. Тогда я не хотѣла вамъ сказать правды и уклонилась. Если вамъ интересно это до сихъ поръ, я скажу. Люблю я васъ, Геннадій Николаевичъ, а раньше никогда никого не любила. Быть можетъ, мы никогда не увидимся, потому что мнѣ разрѣшили вернуться на родину къ умирающей мамѣ, а васъ могутъ долго продержать въ тюрьмѣ. Вотъ и рѣшилась я, наконецъ, сказать вамъ то, что было моей тайной давно-давно, почти съ того дня, какъ я васъ встрѣтила... Зинаида Гильдѣева».

Милый ребенокъ!.. Хрупкій южный цвѣтокъ, грубой рукою вырванный изъ родной земли и закинутый въ далекій сѣверный край... Ты даже не спрашиваешь, люблю ли я тебя... Ты только раскрываешь довѣрчиво свою красивую душу и ничего не просишь... Что я скажу тебѣ?.. Не знаю, я самъ не знаю... Иногда мнѣ кажется, что я люблю тебя нѣжно-нѣжно, какъ рѣдкій любимый цвѣточекъ въ оранжереѣ... Я любуюсь тобой, упиваюсь твоимъ ароматомъ, боюсь, какъ бы чья-нибудь рука не сорвала тебя... Но я боюсь, что одной нѣжности мало... Любовь не только нѣжность, но и жестокость... Нѣтъ у меня къ тебѣ этой жестокости, которую люди называютъ страстью... Что я скажу тебѣ?.. Что скажу?.. Не виноватъ-ли я передъ тобой тѣмъ, что иногда говорилъ съ тобой чрезмѣрно ласково и нѣжно и смотрѣлъ на тебя съ восхищеніемъ, которое ты поняла не такъ... Разсвѣтало. Пожарная каланча облилась лучами восходящаго солнца, изолотомъ засіяла мѣдная каска на дежурномъ пожарномъ солдатѣ, который все ждетъ и не можетъ дождаться пожара... Заворковали голуби, и зачирикали воробьи... Заскрипѣли немазанныя телѣги на базарной площади. А я все хожу и не могу придумать, что мнѣ дѣлать... Все спрашиваю себя: могу ли я теперь любить иначе, чѣмъ люблю тебя?...

Ты юна и чиста, ты вѣришь, что полюбила безповоротно, на всю жизнь, что ты никогда не разлюбишь, потому что на свѣтѣ нѣтъ человѣка прекраснѣе твоего избранника... Никакихъ сомнѣній и колебаній въ твоей чистой душѣ нѣтъ, и потому такъ просто и кратко твое дѣвичье признаніе. А я... увы, я потерялъ вѣру въ могущество любви и знаю, что она—только прекрасный сонъ въ весеннюю ночь жизни и что за весной придетъ лѣто и осень, и пожелтѣютъ листочки, и повянутъ цвѣты, и будетъ тоскливо выть вѣтеръ... «Только утро любви хорошо»... Да, да... только утро... Мое утро уже прошло, а у тебя еще только-только взошло солнце и облило яркимъ радостнымъ сіяніемъ твое сознаніе бытія... Прекрасный, чистый, непосредственный ребенокъ! какъ я хотѣлъ бы отвѣтить тебѣ тѣмъ же, но... не течетъ рѣка обратно...

Бодрствующимъ встрѣтилъ я новое утро. Умылся холодной водою, сѣлъ подъ окно со стакапомъ чая и сталъ машинально наблюдать за пробужденіемъ полицейскаго двора, а въ головѣ стоялъ все тотъ-же неотвязный вопросъ: какъ отвѣтить Козочкѣ?..

Наивные желтые цвѣточки, собранные, конечно, собственными руками для любимаго человѣка на лужкахъ за городомъ, смотрѣли на меня съ вопросомъ и со страхомъ, словно ждали отвѣта на сдѣланное предложеніе, а рядышкомъ лежалъ Карлъ Марксъ и строго и хмуро посматривалъ и на цвѣты, и на меня, и на всю мою жизнь...

Съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда промелькнетъ Козочка съ обѣдомъ, чтобы отразить образъ любящей меня дѣвушки въ зеркалѣ своей души и найти тамъ отвѣтные трепеты, но, къ удивленію своему, увидалъ вмѣсто Козочки Марью Петровну... Что это значитъ? Почему обѣдъ принесла Марья Петровна? Не случилось ли тамъ что-нибудь непріятное?.. А, можетъ быть, Козочка уѣхала, и мы съ ней никогда уже не увидимся... Значитъ, не надо ей никакого отвѣта отъ меня... Тогда зачѣмъ было дѣлать признаніе?.. Странная дѣвушка...

Принесли обѣдъ, но въ немъ было какое-то смутное огорченіе, словно это былъ совсѣмъ не тотъ обѣдъ, который я получалъ раньше. Не хотѣлось ѣсть. Неужели мы съ Козочкой такъ-таки никогда уже болѣе не встрѣтимся?.. Жаль. Теперь ясно, что все-таки этотъ странный чужеземный ребенокъ успѣлъ оставить на душѣ много нѣжности, теплоты, грусти по чему-то несбывшемуся...

Я бралъ наивные желтые цвѣточки, погружалъ въ нихъ свое лицо и шепталъ:

— Эхъ, Козочка!.. Прилетѣла изъ-за синя-моря, пощебетала, какъ скворчикъ, у окна нашей жизни и улетѣла въ теплые края...

Да, что имѣемъ — не хранимъ, потерявши—плачемъ. Какое огромное счастье принесло бы это письмо, если-бы оно было адресовано бѣдному Гришенькѣ! Я перечитывалъ письмо, всматривался въ почеркъ и шепталъ:

— Не знаю, не знаю... Можетъ быть, и люблю... Можетъ быть, въ моей жизни прошли всѣ вихри и наступила пора тихой и нѣжной женской привязанности... Почему это не любовь?.. И кто скажетъ, что такое любовь?..

Послѣ обѣда у насъ выставляли зимнія рамы. Это было цѣлое событіе... Казалось, что всѣмъ это пріятно: и намъ, и тѣмъ, которые выставляли рамы, и тѣмъ, которые смотрѣли на это событіе со двора... Раза два прошла, поглядывая въ нашу сторону, племянница исправника, съ которой только вчера еще Козочка подходила къ моему окну, а уходя, прошептала:

— Цѣлую...

Вѣдь она обѣщала сегодня ночью опять подойти къ окну... Буду ждать. Съ нетерпѣніемъ буду ждать... Быть можетъ, не уѣхала...

Вечеромъ опять носилась на полицейскомъ дворѣ музыка. Теперь, при раскрытомъ окнѣ, казалось, что играютъ подъ самой камерой... Опять я слушалъ серенаду и подпѣвалъ:

Выхо-ди, о, другъ мой нѣжный...
Билъ свиданья часъ, билъ свиданья часъ...

Плылъ тихій, теплый вечеръ... Пришла лунная ночь... Смолкла музыка...

Не пришла.

XVI

Гремятъ ключи за дверями. Вздрогнуло сердце: въ неурочное время отпираютъ камеру. Что-бы это могло значить?..

— Пожалуйте къ исправнику!

Раскрылп дверь и къ сосѣду:

— Пожалуйте къ исправнику!

Что это: свобода, подъ надзоромъ полиціи, или новое путешествіе по тюремнымъ заведеніямъ?

— Здравствуй, Васенька!.. Экъ бородища-то отрэсла... Ты похожъ, братъ, на Навуходоноссора...

— Волосъ одолѣваетъ... Какъ полагаешь, зачѣмъ—къ исправнику?

— Не распрашивай, не раздумывай... Идемъ! Все можетъ быть.

Въ сопровожденіи пріятеля-будочника идемъ черезъ полицейскій дворъ по направленію задняго крыльца г. исправника, а насъ съ жадностью осматриваютъ кухарка, пожарный, горничная... А изъ верхняго окна, черезъ зелень цвѣтовъ, наблюдаетъ племянница. Я посмотрѣлъ на окно и приподнялъ шляпу,—племянница кивнула головкой.

— Проходите, господа, безъ вниманія!.. Мнѣ выговоръ будетъ за ваше поведеніе...

Ну вотъ и квартира исправника...

— На кой чортъ съ задняго хода?.. Я не лакей,—ворчитъ Касьяновъ.—Я иду по дѣлу, а не въ гости къ кухаркѣ исправника.

— Вотъ сюда, въ калидоръ, и направо...

Входимъ въ кабинетъ. Никого. Въ слегка пріоткрытую дверь кто-то тайно подглядываетъ. Вонъ глазъ...

— Милости просимъ!—неожиданно произнесъ Касьяновъ и растворилъ дверь: красивая дѣвушка застыла въ позѣ провинившагося школьника, потомъ расхохоталась и скрылась, а въ дальнихъ комнатахъ зазвучалъ рояль.

— А племянница, братъ, достойна вниманія!—сказалъ Касьяновъ.

— Постой-ка, что это она играетъ... Марсельезу!..

— Да, да!..

— Вотъ, братъ, исторія-то!.. Исправникъ и... Марсельеза!..

Кто-то грузно шагаетъ, словно маршируетъ подъ Марсельезу:

— А-а, поздравляю, господа!.. Очень радъ за васъ! Дѣло кончилось пустяками: васъ, г. Тархановъ выпустили безъ всякихъ послѣдствій, а вамъ, г. Касьяновъ, прибавили еще годъ ссылки...

— Мнѣ прибавили? Какъ они добры!..

— Ну, г. Касьяновъ, я скажу вамъ, что сами вы виноваты...

— Въ чемъ именно?

— Какъ-же можно держать собаку, которая бросается на людей!..

— Во первыхъ, не на людей, а на жандармовъ, а во вторыхъ, у собаки есть тоже обязанность и долгъ службы...

— Въ протоколѣ было указано, что вы натравили собаку на ротмистра...

Исправникъ и Касьяновъ препирались, а я слушалъ и смѣялся: я впервые еще узналъ объ этой исторіи. Оказывается, что во время обыска у Касьянова Спартакъ прокусилъ икру жандармскому ротмистру, искусалъ нижнему чину руку и былъ убитъ при защитѣ своего хозяина выстрѣломъ изъ револьвера.

— Садитесь, господа!.. Выслушайте бумажку и подпишитесь...

Я сѣлъ, а Касьновъ злобно отказался:

— Цѣлый мѣсяцъ сидѣлъ. Много доволенъ и благодаренъ!.. Только въ Россіи возможно такое безобразіе!

— Но что-же дѣлать, г. Касьяновъ, если мы живемъ въ Россіи. Поѣзжайте заграницу!

— Вы меня отпускаете?

— Я не могу, и притомъ вы еще не отбыли своего наказанія. Понесите наказаніе, и тогда, полагаю, правительство будетъ очень радо вашему выѣзду заграницу: у него такихъ подданныхъ и такъ достаточно...

— Отбудешь наказаніе, а затѣмъ вы опять сдѣлаете обыскъ, ничего не найдете и съ досады прибавите еще годъ. Итакъ далѣе, пока я не убѣгу.

— Вы говорите такъ, словно я посадилъ васъ, я вамъ прибавилъ годъ ссылки... Я никого не сажаю. Меня заставляютъ! Ну-съ, потрудитесь подписаться, что вамъ было объявлено.

Подписались и простились.

— Ваши вещи, господа, въ канцеляріи.

Подушки и корзины съ бѣльемъ мы пока оставили, забрали только книги и разную мелочь и вышли на улицу.

— Куда теперь? У тебя квартиры нѣтъ?

— Какая, чортъ, квартира, когда они стрѣльбу подняли въ комнатахъ! Моя хозяйка чуть отъ страха не скончалась...

— У меня тоже нѣтъ квартиры. Идемъ въ коммуну!

Я вспомнилъ про Козочку и ея письмо, и радостная тревога облила мою душу. Какъ я посмотрю ей въ глаза, если она еще не уѣхала?..

— Ну, что ты остановился?

— Идемъ, идемъ!.. Такъ, задумался.

Былъ уже вечеръ, теплый вечеръ, съ странными, блѣдными сумерками, предвѣстниками бѣлыхъ сѣверныхъ ночей. Мы шли по улицамъ и не узнавали своего городка: за время нашего сидѣнія распустились деревья садовъ и кусты палисадниковъ, ветлы и березы вдоль тротуаровъ; не было грязныхъ лужъ и болотъ, всюду лужайки, такія веселенькія лужайки. По улицамъ бродили жители, наполняя вечернюю тишину говоромъ, смѣхомъ и стукомъ шаговъ по звонкимъ доскамъ тротуаровъ; бѣгали крикливые, возбужденные ребятишки, занятые игрой въ лапту. Кое-гдѣ черезъ листву деревьевъ привѣтливо такъ мерцали первые огни. Кто-то бренчалъ на гитарѣ, подпѣвая:

Очи, полныя огня, вы-мои мучители,
Ахъ, зачѣмъ вы у меня миръ души похитили!..

— Каково оживленіе!..

— Тебѣ ладно, а мнѣ годъ прибавили. Будь они трижды прокляты!..

А вотъ и знакомый домъ съ высокими березами передъ фасадомъ. Коммуна.

Окна раскрыты, но огней не видно. Тихо. Загадочно. Есть тамъ Козочка или нѣтъ, и никогда больше я не увижу ея?..

— Эй, господа!—зычно крикнулъ Касьяновъ въ раскрытыя окна черезъ околицу палисадника.

Выглянуло испуганное лицо Параши. Она погрозила пальцемъ и что-то прошептала...

— Тише!.. Ради Бога...

— Что такое?..

Съ тайнымъ страхомъ мы вошли въ сѣни и столкнулись здѣсь съ Парашей. Усталое озабоченное лицо...

— Тише!.. Наша Козочка очень плоха...

— Что такое?.. Почему?

Мы сбились въ кучку въ углу сѣней.

— Вѣдь она должна была уѣхать къ матери... на родину...

— Мать у ней умерла... Прочитала телеграмму и упала... затылкомъ... Должно быть, сотрясеніе мозга... Не снимаютъ льда... Бредитъ...

— А докторъ? Докторъ?..

— Былъ... какой-то полупьяный... грязный... Необходима полная тишина...

Тихо, на цыпочкахъ, мы прокрались въ нейтральную ком-

нату и долго сидѣли здѣсь въ молчаніи, съ опущенными головами... Появилась грустная Марья Петровна, молча пожала намъ руки и прошла въ комнату Козочки.

— Не надо... Не надо...—глухо и жалобно прозвучалъ оттуда слабенькій нѣжный голосокъ и торкнулся прямо въ мое сердце... Неужели смерть?..

Глупо, жестоко, непонятно... Я озиралъ комнату и мнѣ казалось, что она какая-то особенная, не такая, какъ прежде. Словно здѣсь уже невидимо рѣяла смерть... Эхъ, миленькая Козочка!.. Такъ недавно еще, нарядная, но грустная, приходила ты къ окну моей камеры и отдала мнѣ свою тайну, можетъ быть—послѣднюю въ жизни тайну первой и послѣдней дѣвичьей любви... Мнѣ хотѣлось-бы подойти къ твоей постели, встать на колѣни у твоего изголовья, припасть губами къ твоей тонкой-тонкой дѣтской рукѣ и сказать:

— Бѣдненькая моя голубка!.. Не уходи отъ насъ... Только теперь я понялъ, что люблю тебя, люблю... Знай, что я люблю тебя...

Вышла Параша. На глазахъ ея блестѣли слезинки:

— Слава Богу, она стала узнавать... Сейчасъ узнала меня и... поцѣловала мнѣ руку... Надо въ аптеку за льдомъ...

— Сейчасъ!..

Я вскочилъ со стула и, прокравшись въ сѣни, почти побѣжалъ въ аптеку.

Тамъ я побранился съ аптекаремъ: мнѣ показалось, что люди безсердечны и злы:

— Нельзя-ли поскорѣе! Тамъ человѣкъ умираетъ, а вы ковыряете въ носу...

— Это не ваше дѣло. Никто мнѣ этого запретить не можетъ...

— Поворачивайтесь скорѣе!..

— Ледъ въ погребѣ и... не кричите!..

Получивъ ледъ, я побѣжалъ въ коммуну и дорогой проклиналъ эту трущобу, гдѣ нѣтъ даже извозчиковъ...

Касьяновъ ушелъ почевать въ номера, а я остался въ коммунѣ. Всю ночь я не спалъ, валяясь въ полузабытьи на диванѣ. Только забудусь—и вдругъ мнѣ почудится стонъ, вздохъ или плачъ въ страшной комнатѣ. Встряхнусь, сяду, прислушаюсь,—тихо. На разсвѣтѣ, когда я заснулъ, наконецъ, чуткимъ коротенькимъ сномъ, мнѣ приснилось, будто изъ страшной комнаты вышла Параша и сказала:

— Умерла!..

Я вскочилъ на ноги и не вѣрилъ, что это былъ сонъ. Съ ужасомъ искалъ я глазами Парашу и, не видя ея, всетаки не могъ придти въ себя. А быть можетъ, Параша была и ушла?.. Не было силъ вѣрить, что это—сонъ. Я подкрался къ дверямъ страшной комнаты, пріоткрылъ ихъ и заглянулъ.

Слава Богу: Козочка жива!.. Параша, склонившись головой на постель, дремлетъ, а Козочка медленно поглаживаетъ ей руку и усталыми огромными глазами смотритъ на дверь... О, какъ хотѣлось-бы мнѣ вбѣжать въ комнату или отсюда сказать, что я—здѣсь, близко... Испугаешь... Нельзя.

Прокравшись къ дивану, я прилегъ, счастливый такой и спокойный. Несомнѣнно, что я люблю... Какъ только она поправится и минетъ всякая опасность, я приду и скажу:

— Никого никогда я не любилъ еще такъ, какъ люблю тебя!..

Вынулъ письмо, перечитывалъ, и такая нѣжность рождалась въ моей душѣ къ больной дѣвушѣ, что я, какъ къ святынѣ, прикладывалъ губы къ письму и закрывалъ глаза отъ трепетнаго благоговѣнія...

Былъ вечеромъ на другой день докторъ, котораго я встрѣтилъ и проводилъ, какъ самаго роднаго и близкаго друга.

— Ну, какъ докторъ?..

— Ничего. Встанетъ, если... Вѣдь, чортъ ее знаетъ... Бываютъ случаи...

— Неужели, докторъ, можетъ быть... плохой исходъ?

— Сейчасъ дѣло идетъ прекрасно... А всетаки врачъ—не Богъ... И потому я никогда не говорю категорически. Былъ случай, когда я сказалъ, что завтра больной встанетъ, а... а онъ ночью взялъ да и умеръ... Сознаніе вернулось, стало быть, и... Слава Богу!.. Слабенькая ужъ больно... Дунешь неосторожно,— и погаснетъ... Завтра зайду и тогда можно будетъ сказать окончательно...

Мучительно было ждать этого «завтра», и я надоѣдалъ Парашѣ и Марьѣ Петровнѣ разспросами, всякій разъ, когда тѣ выходили изъ комнаты Козочки. Въ залѣ вмѣстѣ со мной неотступно сидѣлъ Гришевька. Я зналъ, что онъ терзается не меньше меня, но непріязни къ нему не чувствовалось...

Я былъ съ нимъ ласковѣе обыкновеннаго, но о больной съ нимъ не говорилъ. Впрочемъ, онъ былъ вообще неразговорчивъ и все грустно посматривалъ въ окно, подпершись рукой голову. Былъ онъ какой-то одинокій, пришибленный и сидѣлъ неподвижно на одномъ мѣстѣ съ прихода до ухода. Жаль юношу, но вѣдь

она ему сказала, что надѣяться не на что... Чего же онъ ждетъ, бѣдный?.. Какъ нищій!.. Сидитъ до ночи, молчитъ-молчитъ, а потомъ встанетъ, вздохнетъ и молча, не прощаясь, уходитъ.

Пришло завтра, пришелъ и сѣлъ къ окну Гришенька, а потомъ пришелъ докторъ. Всѣ мы знали, что Козочкѣ гораздо лучше, что она уже садилась въ подушкахъ, просила манной кашки и вообще стала пробуждаться къ жизни, но мы всетаки волновались, ожидая, что скажетъ полупьяный человѣкъ, который самъ говоритъ, что вѣритъ только въ одну водку и въ Бога.

— Ну вотъ теперь могу сказать, что встанетъ, потому что она уже сидитъ.

Всѣ мы радостно засмѣялись. Только Гришенька, оберпувшись, съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на доктора...

— Шуткѣ время, а потѣхѣ часъ!—проворчалъ онъ въ окошко, но никто не обратилъ на это замѣчаніе вниманія...

Я проводилъ доктора до передней, подалъ ему пальто, сунулъ въ руку два рубля и, пожавъ эту руку, чуть не выгребъ у него гонораръ обратно.

Въ сѣняхъ я нагналъ его и спросилъ:

— А можно къ ней... повидаться!

— Если разрѣшитъ, такъ можно, а не разрѣшитъ, такъ нельзя...

Острякъ!.. А всетаки есть въ немъ что-то симпатичное. Говорятъ, что онъ изъ бывшихъ ссыльныхъ... Спился, бѣдняга: всегда носитъ съ собой запахъ перегорѣлой водки... Неужели и мы когда-нибудь сдѣлаемся похожими на этого соннаго, полупьянаго медвѣдя?..

— Параша!.. Спросите Козочку, нельзя-ли мнѣ къ ней... повидаться.

— Тархановъ!.. Она слаба... Зачѣмъ вамъ?..

— Вы хотите знать?.. Извольте: мы любимъ другъ друга...

— Что такое?..

Я повторилъ.

— Ахъ, вотъ какъ!.. Вы не шутите?..

— Нѣтъ...

— Тогда... Я ужъ не знаю, какъ... Надо-бы спросить доктора.

— Я спрашивалъ, онъ разрѣшилъ...

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—тихо спросила Марья Петровна.— Ему? Къ больной?.. Ни подъ какимъ видомъ!.. Совершенно лишнее...

— Объясните, Параша, Марьѣ Петровнѣ...

Параша отвела Марью Петровну въ уголокъ и стала шепотомъ объяснять положеніе вещей.

— Онъ? Тархановъ?.. Или Гришенька?..

— Онъ, Тархановъ!

— Значитъ, оба... Ни подъ какимъ видомъ. Эти глупости надо теперь оставить. Ей не до любви. Пустяки!.. Стыдно...

Сердито и презрительно посмотрѣла въ мою сторону и ушла. Параша махнула мнѣ рукой: нельзя.

— Но когда-же?

— Когда встанетъ...

— Кто тамъ разговариваетъ?—прозвучалъ слабенькій голосокъ.

Параша сердито махнула мнѣ рукой и пошла къ больной. Спустя нѣсколько минутъ, она вышла въ залъ, подошла ко мнѣ, наклонилась и сердито въ полголоса сказала:

— Идите, только на одну минуту!.. и чтобы не видала Марья Петровна...

Я пригладилъ волосы, усы, бородку и съ нѣкоторымъ страхомъ направился къ Козочкѣ. Тихо и осторожно пріоткрылъ дверь, вошелъ и остановился у порога.

— Поближе... ничего...

Она улыбнулась и поманила жестомъ руки. Я подошелъ и вышло все такъ, какъ я рисовалъ себѣ, въ мучительныя ночи ожиданій: я опустился у изголовья дѣвушки, склонилъ голову и прижалъ губы къ ея рукѣ. А она стала тихо гладить меня по головѣ... И когда я поднялъ голову, я встрѣтилъ улыбку, закрытые глаза и слезки на рѣсницахъ...

— Довольно!.. Уходите!.. — раздался сердитый голосъ Марьи Петровны.

Я еще разъ поцѣловалъ слабую руку и, гнѣвно сверкнувъ взорами на Марью Петровну, вышелъ...

Словно пьяный, я вошелъ въ залъ и не замѣтилъ идущей по моимъ пятамъ Марьи Петровны:

— Лѣзть къ умирающей съ объясненіями въ любви... это... это... я не знаю, какъ это, господа, назвать!.. По моему это... глупо и жестоко,—проворчала Марья Петровна. — Порядочный человѣкъ долженъ понять, что...

Гришенька подозрительно посмотрѣлъ въ мою сторону и, вздохнувши, вымолвилъ:

— Да ужъ... достойно пьянаго, но не сознательнаго... Я

необразованный человѣкъ, но всетаки никогда бы себѣ не позволилъ...

Я упорно отмалчивался, словно все это говорилось вовсе не обо мнѣ. Тогда вмѣшался въ дѣло Павелъ Петровичъ Куренковъ и, взявъ меня за пуговицу, началъ было вразумлять всѣми доводами логики, но я потерялъ терпѣніе:

— Говорить можете, что вамъ угодно, но руками прошу меня не трогать!

Вышла Параша и, понявъ въ чемъ дѣло, заступилась за меня:

— Козочка ему разрѣшила...

— Это все равно!..

— Она его сама позвала...

— И всетаки нельзя было идти... Она сама не понимаетъ, что посторонніе люди теперь...

— Я не посторонній...

— Это почему же?.. Я думаю, что всѣ мы на одинаковомъ положеніи...

— Онъ—на особенномъ!—раздраженно бросила Параша и вышла изъ комнаты.

— Ахъ, вотъ какъ!.. Я не зналъ,—обиженно проворчалъ Гришенька.

— Въ такомъ случаѣ знайте!..

— Извиняюсь, извиняюсь... — тихо и покорно произнесъ Гришенька и какъ-то незамѣтно исчезъ...

— Побѣдителей не судятъ, — насмѣшливо сказалъ Куренковъ, покачалъ головой, выпустилъ «эхе-хе!» и тоже скрылся...

«Чортъ бы васъ всѣхъ взялъ!.. Привязались... Какое имъ всѣмъ дѣло?» — думалъ я, провожая злымъ взглядомъ Куренкова.—«Довольно съ меня полицейскаго надзора»...

Вечеромъ я опять былъ у Козочки. Сама спросила обо мнѣ и сама позвала. Бѣлая кровать, бѣлая простыня, бѣлая наволочка, бѣлое одѣяло, словно мягкій сугробъ чистаго снѣга, и на немъ черная головка съ огромными удивленными глазами. Легкая, чуть уловимая улыбка на губахъ и такая длинная обнаженная рука, протянутая мнѣ на встрѣчу... Удивительные глаза! Однажды я былъ на охотѣ и мы подбили и загнали собаками молодого лося: вотъ такіе же глаза, съ застывшимъ въ нихъ испугомъ и страданіемъ, смотрѣли на меня тогда въ лѣсу...

— Какъ вы исхудали!..

— Да?..

Прикрыла глаза, тѣнь легла отъ рѣсницъ, слегка раскрылись губы съ блестящимъ перламутромъ выглянувшихъ зубовъ... Словно умерла!..

— Зина!..

Шевельнулись рѣсницы, и широко раскрылись и поднялись на меня удивительные глаза... Почему въ нихъ нѣтъ радостной искры, а только удивленіе и испугъ?

— Можно поцѣловать вашу руку?

Тихо кивнула глазами и протянула руку.

— Голубка моя!.. Бѣдненькая моя... любимая... ненаглядная... хорошая...

— А я думала, что вы меня не любите!..

— Люблю, люблю!..

— Могла умереть и... никогда не узнать...

Стукъ въ дверь. Вошла Параша и сказала:

— Ну, намъ надо температуру помѣрить...

— Теперь... уходите!

— Можно?..

— Да.

Приподнялась изъ бѣлаго сугроба тонкая, изящная рука и я, какъ къ святынѣ, приложился къ ней губами.

— Скорѣе выздоравливайте!..

XVII.

Пришла любовь... Новая любовь, непохожая на прежнія...

Огромные глаза, въ которыхъ застыли страхъ, страданіе, недоумѣнный вопросъ и кротость, какая-то особенная, святая кротость, какъ у бѣлоснѣжнаго Васнецовскаго ангела, неотступно преслѣдуютъ мою душу и рождаютъ тамъ чуткую, пугливую нѣжность... Не туманятъ эти глаза головы, не пьянятъ сознанія, не будятъ темныхъ безднъ жестокаго полового инстинкта... Нѣтъ. Только огромная, безграничная нѣжность владѣетъ душой, словно тамъ кто-то играетъ «Лунную сонату»...

— Вы не устали?..

— Нѣтъ... Только немного кружится голова.

— Опирайтесь сильнѣе на руку!

— Разучилась ходить...

Теплый вечеръ. Пламенѣетъ небо отъ закатнаго пожара,

по горизонту разлились розовыя рѣки съ фіолетовыми берегами и снѣжными горами, на которыхъ высятся золотые замки. Розовато-золотистые сумерки ложатся по землѣ... Мы возвращаемся съ первой прогулки за городъ. Медленно идемъ мы подъ руку, и я чувствую себя такъ, словно мнѣ поручено донести драгоцѣнный, но хрупкій тончайшій сосудъ, который при малѣйшей неловкости упадетъ и разсыпится въ дребезги. Я даже шагаю какъ-то особенно, словно балансирую по тонкой дощечкѣ. И говорю очень тихо и ласково, и слова выбираю особенныя, словно и отъ неосторожнаго слова можетъ разбиться тонкій, драгоцѣнный даръ Божій... Мы гуляли больше часа времени, но я ни разу не заговаривалъ съ Козочкой о своей любви. И любовь была какая-то пугливая и кроткая, какъ глаза у Козочки...

Когда проходили по площади, мимо квартиры исправника, изъ оконъ звучала «Лунная соната». Мы пріостановились и нѣсколько минутъ стояли молча. Козочка вздохнула и, прижавшись плотнѣе, прошептала:

— Какъ хорошо!..

Вернулись въ коммуну къ вечернему чаю и получили выговоръ отъ Параши:

— На первый разъ довольно было гулять полчаса!..

— А развѣ мы гуляли больше?..

— Больше часа...

— За то мы набрали вамъ цвѣтовъ.

Послѣ чая Козочка прилегла отдохнуть, а меня упросила прочитать ей вслухъ мой разсказъ «Безсонную ночь»:

— Я хочу, чтобы прочиталъ самъ авторъ... Вы мнѣ сдѣлаете это удовольствіе?

— Конечно! Съ огромнымъ удовольствіемъ.

Уединились въ Козочкиной комнатѣ, зажгли лампу, опустили занавѣску на окнѣ, Козочка забралась въ постель, а я сѣлъ около и началось чтеніе. Читалъ я съ нѣкоторой небрежностью къ автору и нѣсколько разъ спрашивалъ:

— Бросимъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ!..

— Не скучно?

— Что вы!.. такой хорошій разсказъ...

Понемногу я и самъ увлекся, наконецъ, своимъ разсказомъ и началъ чувствовать, что захватилъ имъ свою слушательницу. Перевертывая страницу, я взглядывалъ на Козочку и встрѣчалъ все тѣ же удивительные глаза, а когда кончилъ разсказъ и по-

смотрѣль, то растерялся: Козочка, уткнувъ лицо въ подушку, вздрагивала узкими плечиками...

— Вы плачете?.. Полно!.. Не надо!.. Ахъ, зачѣмъ я читалъ вамъ эту чепуху!—Какъ автору, мнѣ были невыразимо пріятны эти читательскія слезы: вѣдь это самая дорогая и рѣдкая награда, когда читатель плачетъ надъ страницами твоего произведенія, но... я былъ теперь не только авторъ, а еще и хранитель этого хрупкаго, непрочнаго ребенка...

— Ахъ, зачѣмъ я читалъ!..

— Ничего... Пройдетъ... Дайте руку...

Не поднимая съ подушки лица, Козочка протянула руку, крѣпко-крѣпко сжала мою и, глотая слезы, прошептала:

— Какой вы хорошій!.. Я васъ такъ люблю, такъ люблю...

Потомъ она вскочила съ постели, умылась и конфузливо улыбнулась:

— Все это—правда?.. Было?.. съ вами?

— Да.

— А гдѣ теперь эта дѣвушка?..

— Не знаю... Давно все это было...

— Вы ее разлюбили?

— Да...

— Вотъ вы какой!.. И меня такъ же разлюбите...

Она взяла книгу, отыскала мой разсказъ:

— Посвятите когда-нибудь и мнѣ свой разсказъ!.. Да? Можно?

— Я хотѣлъ бы посвятить вамъ цѣлую книгу... все, что напишу...

— Боже мой, какъ бы я была рада!..

Козочка отвернулась къ окну, спряталась за занавѣску и неожиданно спросила:

— Вы на мнѣ женитесь?.. Да?..

— Если позволите...

— Да. Позволяю. Что-же вы смѣетесь?.. Я говорю серьезно...

Ахъ, милый, чистый ангелъ!.. Я смѣюсь отъ невыразимой радости, которая рождается во мнѣ отъ твоего дѣтскаго языка...

— Отъ радости смѣюсь, что вы позволяете... Только я не такой хорошій, какимъ вамъ кажусь. Боюсь, что васъ ждетъ разочарованіе...

— Неправда, вы—хорошій... Не смѣйте мнѣ такъ говорить!.. Я сама знаю.

— Ну, смотрите, послѣ чуръ не каяться!..

— А вотъ я... меня вы разлюбите, потому что я... нераз-

витая, ничего не знаю... И политическую экономію не знаю, и Маркса, и никого...

— Можно любить и безъ этого...

— Вы со мной позанимаетесь?..

— Да...

— Я хочу спать... лечь хочу... устала... Уходите отъ меня!

Поцѣловалъ руку, еще разъ заглянулъ въ удивительные глаза и ушелъ... Не хотѣлось оставаться въ комнатѣ, тянуло на улицу. Пойду-ка пройдусь, подумаю, навѣщу Касьянова...

Бѣлая, блѣдная ночь. Точно свѣтаетъ. Тишина изумительная. Шаги звучатъ рѣзко, непріятно. Лучше идти по дорогѣ, чтобы не нарушать стукомъ сапогъ о доски тротуара величаваго и торжественнаго спокойствія бѣлой сѣверной ночи...

Да, опять пришла любовь, а я думалъ, что никогда уже она не вернется... Странно. Неожиданно. И такъ просто, изумительно просто... Сколько чистоты въ этомъ вопросѣ:

— Вы на мнѣ женитесь?

Дѣточка, совсѣмъ дѣточка. Вѣдь ей, кажется нѣтъ еще и семнадцати лѣтъ. А мнѣ... Неужели мнѣ двадцать пятый?.. Я— большой, совсѣмъ таки большой. Странно: кажется, что я все такой же, какъ и во дни студенчества...

— Женюсь, конечно, женюсь!.. Теперь уже дѣло рѣшенное... конченное... Дважды готовъ былъ жениться и не женился. Въ третій разъ—кончено... Надо написать матери. Нечего откладывать. Завтра же напишу и попрошу пріѣхать или выслать побольше денегъ... Вотъ, чортъ возьми, денегъ-то намъ будетъ маловато. Буду писать... Вѣдь теперь я—писатель, настоящій писатель... Гдѣ-то играютъ на гитарѣ...

— Касьяновъ... Ты не спишь.

— Входи, входи!..

— Что ты безъ огня... и въ такомъ видѣ?

— Не могу спать. Раздѣлся было и легъ, да не спится. Сижу у окна и слушаю свою собственную музыку...

Касьяновъ швырнулъ гитару на диванъ, и она грустно запѣла струнами. Потомъ онъ сладко потянулся и сказалъ:

— Эхъ, братъ, не везетъ намъ съ тобой... съ бабами!

— Я пожаловаться не могу. Грѣхъ Бога гнѣвить.

— Все въ прошломъ и ничего въ настоящемъ... У меня есть коньякъ, давай выпьемъ за упокой любви!

— Выпить—выпью, но безъ похороннаго тоста, а напротивъ...

Касьяновъ досталъ коньякъ, лимонъ, сахаръ, налилъ рюмки..

— Ну!..

— Да здравствуетъ любовь!..

— Что съ тобой?.. По какому случаю телячій восторгъ?

— Я люблю и любимъ и потому къ чорту всѣ сомнѣнія!..

Касьяновъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ лицо и расхохотался.

— Не вѣришь?.. Какъ угодно.

— Поди къ чертямъ! Не вѣрю!

— Дай слово, что пока это останется между нами!

— Да врешь!.. воображаешь! Кто она?..

— Догадайся!..

— Параша, что-ли?

— Нѣтъ...

— Ужъ не племянница ли исправника?..

— Нѣтъ...

— А ну тебя ко псамъ!.. Морочишь. Выпьемъ еще!..

Выпили.

— Я женюсь, Касьяша... На Козочкѣ!

— Чепуха!..

— Почему?..

— Чортъ съ младенцемъ...

Я увѣрялъ, а Касьяновъ смѣялся и острилъ:

— Жениться—дѣло полезное: по крайней мѣрѣ, если самъ ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга, такъ послужишь дѣлу размноженія будущихъ революціонеровъ...

— Пошлятину гнешь...

— Впрочемъ, Козочка для этой цѣли не годится... Козочку надо вставить въ рамку и любоваться, но не дотрогиваться, а то...

— Я прошу тебя быть деликатнѣе... Я говорю серьезно... Будь осторожнѣе въ своихъ пошлостяхъ!..

Касьяновъ смутился и перемѣнилъ тонъ:

— Да ты говоришь правду?..

— Правду.

— Ну, извини!.. Никакъ не могъ думать...

Касьяновъ отошелъ къ окну, замолчалъ и началъ жалобно вытягивать:

Наша жи-знь коротка-а, все уноситъ съ собою.
Наша ю-ность, друзья...

— Эхъ!—оборвалъ онъ вдругъ пѣсню.—А меня никто не любитъ... Некому... Былъ у меня одинъ только вѣрный другъ, Спартакъ, да и того убили...

У меня-я была соба-ака, я ее любилъ,
Но пришолъ жандармскій ротмистръ и ее убилъ...

— А какъ тебѣ нравится племянница исправника?..
— Странный переходъ отъ собаки къ племянницѣ.
— Ассоціація идей.
— Удивительная ассоціація...
— Счастливецъ ты!.. А мнѣ положительно не везетъ... Совсѣмъ было женился, но пріѣхалъ пророкъ, совратилъ въ свою вѣру мою Вѣру, и, вмѣсто свадебнаго путешествія, они отправились въ тюремный курортъ... Была у меня собака, но пришелъ врагъ и убилъ друга... На будущій годъ кончалась ссылка, но у меня сдѣлали обыскъ, ничего не нашли и прибавили мнѣ еще годъ... Въ родѣ многострадальнаго Іова...

Касьяновъ наливалъ ковьякъ и глоталъ рюмку за рюмкой.

— Смотри: наглотаешься!

— Эхъ, братъ!.. Мнѣ можно: я человѣкъ одинокій... и нелюбимый. Наплевать на трезвое поведеніе... Пробовалъ и все равно не помогаетъ. Ну, за твое счастье!.. За то, чтобы, женившись, ты не сдѣлался прохвостомъ, какъ это обыкновенно случается съ порядочными людьми... Жена, дѣти, самъ-скотина и т. п.

Касьяновъ замѣтно пьянѣлъ и впадалъ въ минорное настроеніе. Вспоминали Казань, студенческіе дни, первую тюрьму, студенческій балъ, моего сожителя, Николая Ивановича...

— Вотъ это былъ человѣкъ, а мы... что такое мы? Кислятина!.. Суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано... Герои!..

— Скулишь, какъ собаченка за дверью... Прощай!

— Ночуй у меня!.. А!.. Генька! ночуй Христа-ради!..

— Больно ты ноешь...

— Не ночуешь?..

— Нѣтъ. Прощай.

— Не хочешь... Хорошо!.. Иди!.. Чортъ со всѣми вами... Одинъ... Никого мнѣ не нужно... Женихъ!..

Презрительно прозвучало это «женихъ». Я спускался съ лѣстницы номеровъ и бранилъ себя. Не слѣдовало откровенничать.

— Болтушка!.. Ничего не держится... Побѣжалъ и первымъ дѣломъ похвастался...

Непріятный осадокъ на душѣ несъ я до самаго дома, а когда увидалъ занавѣшенное голубенькой занавѣской окно Ко-

зочки, то почувствовалъ себя глубоко виноватымъ передъ ней... Должно быть, всѣ спятъ. Придется звонить. Напугаешь ее... Какъ-же быть? Посидѣлъ на крыльчикѣ. Въ разныхъ концахъ городка пѣли, перекликаясь, пѣтухи. Это было странно. Такъ много пѣтуховъ. Людей не слыхать, одни пѣтухи. Точно здѣсь живутъ только одни пѣтухи. Клонило ко сну. Какъ хорошо-бы повалиться на свой диванъ и протянуть ноги. Развѣ позвонить?... Нѣтъ. Спитъ княжна Гильдѣева..,

Посмотрѣлъ на занавѣшенное окошечко и вспомнилъ:

— Вы на мнѣ женитесь?

Пошелъ бродить. Часа черезъ два вернулся. Что это значитъ: почему окно раскрыто... Уже стало румяниться небо, забезпокоились въ садахъ птицы, предутренній вѣтерокъ колыхалъ голубую занавѣску... Скоро взойдетъ солнышко... Сталъ ходить около дома, отъ угла до воротъ и обратно.,.

На третьемъ рейсѣ бросаю взглядъ на голубое окошечко и радостно удиляюсь: на подоконникѣ сидитъ бѣлоснѣжный ангелъ съ огромными глазами.

— Козочка!.. Вы не спите?..

— Не спится... А вы... почему вы не идете домой?..

— Боялся звонить,—испугать васъ...

— Какой вы!.. Скоро утро... Хотите пойдемъ гулять...

— Вамъ надо спать...

— Я не хочу. А гдѣ вы были до сихъ поръ?..

— У Касьянова.

— Пойдемъ за городъ, къ лѣсу, на гору... Посмотримъ какъ будетъ всходить солнышко!.. Я—сейчасъ...

Закрылась занавѣсочка. Прошла сонливость. Точно только сейчасъ всталъ съ постели. Минутъ черезъ пять голубая занавѣсочка подпялась, и Козочка выпрыгнула изъ окна. Вся бѣленькая. Только черная рамка волосъ, подъ бѣлымъ шелковымъ платкомъ, рѣзко оттѣняетъ блѣдное матовое лицо съ огромными глазами.

— Тише... Пусть спятъ.., Не надо говорить громко, а то проснутся и меня не пустятъ...

Какъ бѣглецы, крадучись, прошли мы мимо нашего дома и только, повернувъ за уголъ, почувствовали полную безопасность и заговорили полнымъ голосомъ.

— Давайте руку!..

— А помните, какъ вы упрямились, когда я предлагалъ вамъ руку?..

— Я васъ тогда боялась... и боялась еще... Марьи Петровны...

— А теперь?

— Никого...

Вышли за городскую околицу на зеленыя лужайки, съ разсыпанными на нихъ желтыми и бѣлыми цвѣтами. Козочка стала щипать ихъ, а я смотрѣлъ на ея дѣтскую фигурку и умилялся:

— Зина!.. Тамъ сыро, промочите ноги... Не смѣйте туда ходить!..

Послушалась, вернулась. Пошли къ горамъ, къ лѣсу. Поднялись на высокій холмъ и, усѣвшись на травкѣ, стали смотрѣть на восходящее солнце...

Изъ пурпуровой рѣки, протянувшейся по горизонту, выглянулъ багряный краешекъ солнца и сталъ золотиться и шириться на нашихъ глазахъ, обливая радостнымъ золотисто-розовымъ свѣтомъ горы и лѣсъ. Быстро побѣжала радость по землѣ и по небу, по лужкамъ и по тучкамъ, по океану небесной синевы и по засверкавшимъ лужицамъ...

— Боже мой, какъ хорошо!..

Теплой лаской баюкало солнце душу и тѣло, хотѣлось смѣяться отъ радости и счастья...

— Какъ хорошо!..—грустно шептала Козочка...

— А зачѣмъ слезки?..

— Нѣтъ мамочки... умерла бѣдная мамочка...—еще тише прошептала Козочка и, уронивъ голову мнѣ на колѣни, потихоньку заплакала...

Я положилъ руку ей на плечико и сталъ утѣшать: мама очень страдала, жизнь свою она уже прожила и впереди кромѣ страданія ничего у ней не было; смерть пришла избавить ее отъ ненужныхъ страданій. Мы, молодые и здоровые—большіе эгоисты: мы хотимъ, чтобы близкіе намъ люди страдали, мучились, но жили для... насъ. Не для себя, а для насъ...

Козочка слушала и стихала...

— Да... Конечно... Можетъ быть, ей лучше... Но она никогда не узнаетъ, что... я... такая счастливая!.. Пора!.. Вѣрно, у насъ встали...

Козочка поднялась на ноги и, отеревъ платочкомъ слезы, тихо сказала:

— Поцѣлуйте меня!..

Я подошелъ, почти подбѣжалъ къ дѣвушкѣ. Козочка протянула шейку и, подставляя губы, закрыла глаза...

Такъ цѣлуются дѣти...

Вернулись мы часовъ въ пять утра. Городокъ уже просыпался, попадались жители, по преимуществу женщины съ корзинками въ рукахъ, очевидно, на базаръ; поскрипывали те-

лѣги и колодезные журавли; въ пыли по дорогамъ купались воробьи.

— Боюсь...

— Чего!

— А вдругъ у насъ уже встали... Надо тихо-тихо... Я влѣзу въ свое окно и отопру вамъ...

Какъ ни таились, а попались таки Марьѣ Петровнѣ.

— Мое почтенье!.. Съ добрымъ утромъ!..—сказала она, выглядывая въ окно изъ зала.

— Мы гуляли...

— Вижу!..

— Смотрѣли на восходъ солнца...

— Великолѣпно!..

Козочка, красная какъ піонъ, напоминала провинившуюся дѣвочку, растерянно стояла у своего окна и смотрѣла въ землю.

— Марья Петровна, отоприте дверь!..

— Кто-же ее за вами заперъ?..

— Не знаю...

Вошли въ переднюю и на цыпочкахъ разошлись по своимъ комнатамъ...

— И вовсе вы ее не любите!—начала Марья Петровна, стоя въ моихъ дверяхъ.—Если-бы вы ее любили, то не потащили-бы съ собой...

— Люблю...

— Не любите!..

— Я буду раздѣваться... Извините!.. Напрасно трудитесь доказывать...

— Конечно, гражданскимъ бракомъ... думаете?

Я плотно прихлопнулъ дверь и ничего не отвѣтилъ.

XVIII.

Почти ежедневно въ коммунѣ дебатируется вопросъ о бракѣ. Словно всѣ женщины собираются выходить замужъ. Параша, Марья Петровна, жена Курепкова, передовыя во всѣхъ отношеніяхъ женщины, отвергающія весь укладъ буржуазной жизни, доказываютъ другъ другу, что законный бракъ—самая лучшая форма сожитія... Я отлично понимаю, къ чему ведутся эти разговоры, но упорно отмалчиваюсь. Это подливаетъ масло въ огонь.

— А какъ думаете вы, Тархановъ?—значительно спрашиваетъ Марья Петровна, переглядываясь съ другими женщинами.

— Я?.. свободное чувство сильнѣе и ярче, хотя...

— А какъ думаете вы, Козочка?..

— Не знаю... Мамочка была противъ гражданскихъ браковъ.

— Да у насъ нѣтъ никакихъ гражданскихъ браковъ... Въ томъ-то и дѣло, что у насъ нѣтъ ихъ!—горячится Марья Петровна.—Я сама стою за гражданскій бракъ, но въ нашихъ законахъ онъ не признается...

— Въ нашихъ законахъ никакой свободы не признается, Марья Петровна.

— Знаемъ мы вашу свободную любовь!.. Позабавился, связалъ женщину дѣтьми, и затѣмъ—прощайте: я полюбилъ другую...

— А по вашему въ такихъ случаяхъ полиція можетъ освѣжить любовь?..

— Гм!.. Не освѣжить, а напомнить объ обязанности отца...

— Не понимаю, какъ можно любить человѣка и думать, что онъ—прохвостъ.

— А я не понимаю, почему въ такомъ случаѣ не исполнить маленькой формальности? Вѣдь отъ нея тоже не разлюбишь, если любишь по настоящему...

Козочка пугливо посматриваетъ и терзается неразрѣшимымъ вопросомъ. Вѣроятно, кромѣ этихъ дебатовъ въ моемъ присутствіи, женщины еще напиногновываютъ ее тайными дружескими совѣтами. Нервничаетъ, сердится на меня за то, что любитъ, топаетъ ножкой и капризничаетъ. Однако ни словомъ не обмолвится о предстоящемъ бракѣ. Однажды, послѣ такого принципіальнаго разговора, Козочка, взволнованная, вышла и спряталась въ своей комнатѣ.

— Параша!.. Марья Петровна!.. Я отлично вижу... и цѣню ваше усердіе въ отстаиваніи законнаго брака, но все-таки прошу васъ принять во вниманіе, что ни на одной изъ васъ я жениться не собираюсь!..

— Скажите пожалуйста!.. Какое самомнѣніе!..

— Вы вмѣшиваетесь въ чужую жизнь, въ наши личныя отношенія...

— Козочка намъ—не чужая... Я люблю ее, какъ родную сестру.

— А главное — она ребенокъ... Она не понимаетъ и не знаетъ жизни...

— Да я вовсе не предлагалъ ей гражданскаго брака... Не понимаю, на какомъ основаніи вы подняли этотъ бабій бунтъ...

— Прошу поделикатнѣе!..

— Я могу просить объ этомъ васъ, а не вы меня...

— Но надо же знать... Если вы думаете вѣнчаться, то...

— Ну-съ.. что тогда?..

— Надо шить платье, надо...

— Надо переговорить съ попомъ, сдѣлать оповѣщенія въ церкви... Мало ли какія формальности!.. Скоро Петровскій постъ, не будутъ вѣнчать...

— Ахъ, платье!.. Вонъ оно въ чемъ дѣло...

Я расхохотался. Параша съ Марьей Петровной тоже...

— Знаете, господа, сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ...

— А кто въ этомъ виноватъ?.. Вы же, мужчины...

Потомъ я тихо подошелъ къ дверямъ Козочкиной комнаты и постучалъ.

— Кто?

— Я, Козочка.

— Что вамъ?

— Надо шить подвѣнечное платье!..

— Платье?.. Да, да!.. Оно почти готово... Это недолго... Мы всѣ шьемъ...

— Можно къ вамъ?..

— Н... нѣтъ... Послѣ...

— Если нельзя къ вамъ, то высуньте въ дверь хотя руку.

Выглянула обнаженная рука изумительнаго изящества, словно выточенная изъ слоновой кости, и за дверью прозвучалъ капризный голосокъ:

— Смотрите: кольца покупаетъ женихъ!..

Я поцѣловалъ руку и съ упрекомъ отвѣтилъ:

— Какъ вы практичны!.. Вотъ не думалъ...

— Это обычай... Они стоютъ не такъ дорого... Если вы думаете, что я изъ практичности, то пойдемте покупать вмѣстѣ... Я вамъ дамъ денегъ.

— Говорятъ, что надо еще говѣть.

— Непремѣнно...

— Тоже вмѣстѣ?

— Мы... не знаю. Кажется, надо врозь... Пустите же руку!..

— Жаль, что нельзя вмѣстѣ...

Итакъ, дѣло рѣшено. Жениться, такъ жениться. Нечего канитель разводить. Написалъ матери:

«Мама! Я женюсь окончательно и безповоротно. Свадьба черезъ недѣлю. Пріѣзжай, мы будемъ тебя ждать... Если и

можешь, пришли мнѣ рублей сто. При всей дешевизнѣ здѣшнихъ цѣнъ это—минимумъ, необходимый для того, чтобы превратиться въ законнаго мужа. Прости мою разсѣянность, я еще не сказалъ тебѣ, на комъ женюсь. Княжна Зинаида Дмитріевна Довлетъ-Гильдѣева. Политическая преступница, сослана сюда прямо съ гимназической скамейки, по выраженію Касьянова, за «плюхождѣйствіе при обыскѣ».—Крымская татарка. Не бойся: крещеная! Глаза, какъ у Тамары, а душа, какъ арабская сказка. Благослови блуднаго сына! Твой Геннадій»...

И все-таки не такъ-то оно легко жениться, какъ кажется издали. Спасибо Марьѣ Петровнѣ и Парашѣ, которыя помогаютъ мнѣ жениться. Выросъ я большой, а стыдно идти къ попу и сказать ему, что я хочу жениться... Пошелъ было къ попу и вернулся: какъ я буду спрашивать, сколько стоитъ это удовольствіе?.. Положительно не могу.

— Не могу, господа!.. Языкъ не поднимется...

— Вотъ ерунда!.. Идемте вмѣстѣ, я переговорю...

— Какъ вы добры, Марья Петровна!..

— Какія тамъ церемоніи!.. Еще торговаться придется... Они запрашиваютъ...

— Боже мой, какая это гнусность... торговаться!..

— Дѣло житейское... Я одного знакомаго женила... Знаю, какъ надо...

Пошли вмѣстѣ. Я шагалъ за Марьей Петровной и чувствовалъ себя въ идіотскомъ положеніи: ведутъ жениться... Пришли къ батюшкѣ. Вышла матушка:

— Чѣмъ могу служить?

— Мы къ батюшкѣ...

— Онъ отдыхаетъ. Если какая экстренность, такъ я могу разбудить.

— Вотъ этому господину жениться надо...

— Можно придти въ другой разъ,—проворчалъ я, глядя на полъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Разъ жениться хотите, надо разбудить... Присаживайтесь на креслица, а то на диванъ!.. Куда хотите!.. Я сейчасъ. Онъ давно ужъ спитъ, пора и честь знать...

Матушка ушла мелкимъ, торопливымъ шажкомъ въ дальнія комнаты. Марья Петровна важно разсѣлась на диванѣ, а я сталъ разсматривать развѣшанныя по стѣнамъ олеографіи, удостовѣренія въ награжденіяхъ, объ окончаніи курса въ семинаріи, фотографическіе портреты... Глупо и неловко. Вдали послышался кашель, отплевываніе и тяжелые шаги...

— Прошу извинить!.. Вздремнулъ минутъ десять... Мое нижайшее почтеніе!

Поздоровались.

— А позвольте спросить, кто желаетъ жениться?..

— А вотъ этотъ молодой человѣкъ...

— Вы-съ?

— Я.

— Дѣло доброе... Съ Богомъ!.. Документики имѣете?.. Метрику, паспортъ?..

— Я, батюшка, въ ссылкѣ. У насъ на рукахъ никакихъ документовъ не бываетъ.

— А какъ-же я могу?.. Можетъ быть, вы ужъ однажды женаты...

— Что вы, батюшка!.. Я—не татаринъ.

— Безъ документа я и этому не могу вѣрить... Безъ метрическаго свидѣтельства я не могу знать вашего вѣроисповѣданія... Давно говѣли?

— Да, давненько... Пожалуй, лѣтъ пять тому назадъ, а можетъ быть...

— Вотъ видите! Васъ надлежало-бы отлучить отъ церкви, а не освящать ваше сожитіе таинствомъ...

Былъ моментъ, когда я готовъ былъ отвѣтить попу дерзостью и уйти вонъ, но Марья Петровна попросила батюшку поговорить наединѣ, въ другую комнату, а мнѣ моргнула глазомъ. Съ полчаса они пробыли въ уединеніи, а затѣмъ появилась съ улыбочкой на лицѣ Марья Петровна, моргнула мнѣ глазомъ и сказала:

— Идемъ! Все устроила...

— Такъ вотъ... такъ ужъ... не скупитесь!.. Буду дѣлать оглашеніе...

— Хорошо, батюшка. Двадцать пять рублей!

— А вы и невѣста поговѣете... все по хорошему надо... Счастливо оставаться!.. Такъ занесите записочку отъ исправника-то... справочку-то! Безъ этого не могу... Ни подъ какимъ видомъ не могу...

— Хорошо, хорошо... До свиданья!

Когда я очутился на улицѣ и мнѣ въ лицо пахнулъ чистый вѣтерокъ, я почувствовалъ невѣроятное облегченіе...

— Фу, даже потъ на лбу выступилъ!..

— Скажите спасибо, что уломала за четвертную. Тридцать пять просилъ.

— Замолчите ради Бога!.. Омерзительно.

— Теперь идите къ исправнику и просите справку о своей вѣрѣ, лѣтахъ и холостомъ состояніи...

— Дайте отдохнуть!.. Схожу завтра.

— Идите вмѣстѣ съ Козочкой: ей тоже нужна справка.

— Если-бы вы, Марья Петровна, сходили съ Козочкой...

— Вѣдь не я, а вы женитесь... Не понимаю, что тутъ стѣсняться. Ничего дурного вы не дѣлаете.

— Эхъ, какъ все это противно, унизительно... и оскорбляетъ чувство...

— Плюньте! Смотрите на это, какъ на неизбѣжное зло...

— Точно лошадь покупаешь... Или дѣлаешь себѣ непріятную операцію...

На другой день мы съ Козочкой отправились къ исправнику. И тутъ я опять сыгралъ пассивную роль.

— Чѣмъ могу служить?—спросилъ исправникъ, любезно усадивъ насъ противъ своего письменнаго стола. Я опустилъ голову, игралъ своей шляпой и никакъ не находилъ подходящей фразы, что бы отвѣтить. Козочка посмотрѣла на меня и, видя мою безпомощность, отвѣтила съ запинками:

— Вотъ онъ, Тархановъ, и я... Мы хотимъ жениться и вотъ...

— Очень радъ, поздравляю, благословляю, одобряю!.. Однако, при чемъ же тутъ я, вашъ покорнѣйшій слуга?

Только теперь я заговорилъ. Заговорилъ съ раздраженіемъ, котораго никакъ не могъ скрыть, о глупыхъ формальностяхъ, документахъ, справкѣ...

— Такъ, такъ... Теперь понимаю. Зайдите завтра въ канцелярію, я распоряжусь приготовить вамъ справки...

Выглянула изъ двери племянница, поклонилась Козочкѣ, вошла. Онѣ поздоровались за руку.

— Когда вы успѣли познакомиться?—удивленно спросилъ исправникъ.

— А вотъ познакомились... Не скажу тебѣ, дядя!.. Мы были знакомы раньше...

— Рекомендую: женихъ и невѣста!—съ насмѣшливой улыбочкой произнесъ исправникъ.—Просятъ меня разрѣшить имъ обвѣнчаться, а я не желаю...

— Почему это?..

— Шучу, шучу! Успокойся!

— Вы—писатель? Это вашъ разсказъ я читала?..

— Онъ, онъ! Я могу гордиться: у меня сидитъ будущее свѣтило...

Я глупо улыбался и не зналъ, какъ мнѣ поскорѣе уйти и освободиться отъ любезныхъ шутокъ. И опять, когда мы очутились на улицѣ, я отеръ со лба потъ и почувствовалъ пріятное облегченіе...

— Эхъ, поскорѣй бы кончилась эта пошлятина!..

— Какая пошлятина?..

— Да вотъ это хожденіе по мытарствамъ.

— Быть можетъ, вы раскаиваетесь?.. У васъ такое печальное лицо...

— Мнѣ тяжела вся эта пошлая процедура... Только! Я чувствую себя такъ, словно... все время унижаюсь, вступаю въ компромиссы съ мѣщанствомъ, позволяю постороннимъ людямъ рыться въ моей душѣ... Какъ вы этого, Зина, не поймете!..

— Мерси!.. Я отказываюсь...

Козочка вырвала свою руку и быстро пошла впередъ...

— Зина!.. Зина!.. Опомнитесь!..

Не обернулась, прибавила еще шагу и перешла на другую сторону улицы.

— Зина! Погодите же!.. Выслушайте!..

Не обернулась. Исчезла за угломъ. Я медленно шагалъ по тротуару съ опущенной головою и переживалъ состояніе оплеваннаго человѣка. Стыдъ, оскорбленіе, незаслуженная обида, униженіе...

— Не понимаемъ другъ друга. Нѣтъ, не понимаемъ...

Побродилъ, зашелъ къ Касьянову.

— Ну, скоро ли пировать будемъ?

— Не знаю.

— Почему ты повѣсилъ носъ на квинту?

— Такъ, скверно на душѣ что-то...

— Развѣ у жениховъ это бываетъ? Вотъ не понимаю, братецъ... Женихъ долженъ козломъ прыгать, а ты... Имѣй въ виду, что я—твой шаферъ!

— Имѣю въ виду...

— Получилъ сейчасъ письмо отъ Вѣры изъ Казанскаго пересыльнаго замка.. Всѣхъ ихъ, Вѣру, пророка и Петра Куренкова въ Томскую губернію на пять лѣтъ... Судъ скорый и милостивый...

— Да, не ладится... Скучно, братъ.

Часа два просидѣлъ въ номерѣ Касьянова въ угнетенномъ состояніи духа. Какъ-то страшно и половко было возвращаться въ коммуну.

— Надо идти...—говорилъ я и не двигался съ мѣста.

Стукъ въ дверь, тревожный, нервный.

— Можно?

— Входите.

Параша. Лицо пасмурное, гнѣвное и значительное.

— Здравствуйте!.. Простите, Касьяновъ, мнѣ собственно нуженъ Тархановъ.

— Я знаю, что я никому не нуженъ. Такова моя судьба!— отвѣтилъ Касьяновъ и вышелъ изъ номера. Какъ только онъ исчезъ, Параша набросилась на меня съ цѣлымъ потокомъ возмущенныхъ словъ:

— Что вы себѣ позволили!.. Что вы пздѣваетесь!.. Вы— писатель, а ломаетесь, какъ Титъ Титычъ!.. Вскружили дѣвочкѣ голову, а теперь, когда уже все сдѣлано... Вѣдь она можетъ кончить самоубійствомъ!.. Вы ее мало знаете...

— Параша!.. Помолчите, дайте мнѣ разсказать вамъ, въ чемъ дѣло... Не оскорбляйте хоть вы меня!.. Я рѣшительно ни въ чемъ не виноватъ...

Я старался владѣть собой, но голосъ мой дрожалъ и хотѣлось разревѣться.

— Вы дали ей понять, что не любите...

— Да замолчите же! Дайте мнѣ сказать или оставьте меня въ покоѣ...

— Ну, говорите!..

Я долго не могъ начать. Ходилъ, пилъ воду, ерошилъ на головѣ волосы...

— Вотъ все, что произошло... Воспроизведу съ буквальной точностью...

Разсказалъ все, что произошло. Параша, какъ строгій и нелицепріятный судья, выслушала меня, пожала плечами и сказала:

— Только?

— Клянусь вамъ честью!.. Она просто не поняла меня...

— Какая взбалмошная дѣвчонка!.. Она вернулась, скомкала свое подвѣнечное платье и бросила его въ огонь, въ кухонную печь. А потомъ—истерика... Кричитъ: лучше бы умереть... зоветъ умершую маму, гонитъ всѣхъ вонъ... А когда немного стихла, я съ трудомъ добилась узнать, въ чемъ дѣло. Изъ ея отрывочныхъ фразъ и загадочныхъ словъ мы вывели заключеніе, что вы высказали что-то въ родѣ раскаянія...

— Я, Параша, усталъ отъ этой глупой интермедіи.

— Конечно, если въ вашей душѣ шевелится сомнѣніе, лучше сказать искренно и... любовь должна быть свободна...

— Люди связали ее по рукамъ и ногамъ, Параша... Они на каждомъ шагу оскорбляютъ сами свою любовь, не берегутъ ея, грязнятъ подозрѣніями, пошлостью... А любовь, какъ цвѣтокъ... скоро вянетъ, когда мнутъ ее въ грязныхъ рукахъ...

На моихъ глазахъ навернулись слезы. Я смолкъ и закрылъ лицо рукою.

Параша подошла, вздохнула и шепнула:

— Не надо. Все это—мелочь, пустяки... Все пройдетъ... объяснится... Она—пойметъ и сама будетъ раскаиваться и просить прощенія...

— Ахъ, Параша, развѣ дѣло въ прощеніи?..

— Идемъ въ коммуну!.. Знаете, Анна Григорьевна получила письмо отъ сына: въ Сибирь ихъ всѣхъ.., на пять лѣтъ!..

— Можно?—пробасилъ за дверями Касьяновъ.

— Иди!

— Секретное совѣщаніе чиновника особыхъ порученій княжны съ нареченнымъ женихомъ ея сіятельства!..

Касьяновъ успѣлъ побывать внизу въ трактирѣ и выпить: глаза его туманились особой масляной дымкой, по лицу скользила юмористическая улыбка.

— Извините, но на свадьбѣ я напьюсь, какъ сапожникъ.

— Всякому свое!—сердито отвѣтила Параша.

— Презираете?

— Не презираю, а терпѣть не могу пьяныхъ... Мнѣ бываетъ стыдно за нихъ.

— А мнѣ часто бываетъ стыдно за трезвыхъ!

— Тархановъ, идемте, насъ ждутъ...

Пришли въ коммуну. Тихо. Слышно, какъ на окнѣ жужжитъ большая муха.

Повисло горе, непріятности, общая тягость. Въ залѣ сидитъ подъ окномъ Гришенька, и поза его такъ тосклива, что раздражаетъ. Что онъ торчитъ?

Какъ это не пойметъ человѣкъ, что тосковать надо дома, въ уединеніи?

Вышелъ Павелъ Петровичъ, походилъ съ заложенными за спину руками и произнесъ:

— На пять лѣтъ въ Сибирь!.. гм...

И ушелъ.

Параша засѣла въ Козочкиной комнатѣ, и было слышно, какъ она тихо и ласково говоритъ тамъ, словно воркуетъ голубь. Объясняются. Я прошелся по комнатѣ, заглянулъ въ кухню: на лавкѣ валяется бѣлое обгорѣлое подвѣнечное платье моей не-

вѣсты. Одинъ рукавъ уцѣлѣлъ. Взялъ этотъ рукавъ, началъ разсматривать: опять въ душѣ шевельнулась нѣжность, какая-то отеческая нѣжность.

— Взбалмошная дѣвчонка!..

И вдругъ стало смѣшно. Даже понравилось, что взбалмошная дѣвчонка сожгла подвѣнечное платьице:

— Дѣвчонка съ характеромъ... Капризуля.

— Вы что тутъ?

— Такъ... Смотрю на платье, Параша!..

— Трудились цѣлую недѣлю, а она взяла, и въ печку!.. Идите: зоветъ.

— Боюсь, Параша.

— Пустяки. Все прошло. Улыбается...

Со страхомъ растворилъ дверь въ комнату: сидитъ на кровати, а лицо спрятала въ подушку.

— Ну, Зина!.. Кончилось?..

Молча протянула руку, но лицо по прежнему пряталось въ подушкахъ.

— Я васъ прощаю!

— Благодарю васъ, но я ей-Богу не знаю, въ чемъ я провинился.

— Вы меня любите?

— Да.

Приподняла голову и конфузливо улыбается:

— Эхъ, капризуля!.. И не стыдно?

— Пойдемте покупать кольца!..

— Идемте!..

— Уйдите: мнѣ надо умыться.

— А глаза красные...

— Не смотрите!..

Вышелъ и облегченно вздохнулъ. Словно гора съ плечъ свалилась. Да, не такъ-то легко жениться, какъ это кажется со стороны... А жена будетъ капризная, съ норовомъ...

— Вамъ два письма: заказное и денежное...

Взялъ повѣстки. Семьдесятъ пять рублей. Откуда-же это? Изъ Петербурга.

Странно. Надо зайти на почту.

— Зина, вы—скоро?

— Готова...

— Надо на почту, получить деньги. Боюсь, закроютъ.

— Ну, откроютъ завтра... Не могу-же я идти неодѣтая!..

— Да, да... конечно.

Ждалъ очень долго и немного сердился.

— Зина, будетъ кокетничать съ зеркаломъ!

— Готова!..

Сперва зайдемъ на почту, а потомъ—покупать кольца.

— Нѣтъ, я хочу сперва за кольцами!..

— Отлично. Сперва за кольцами.

— Ахъ, Гришенька... Вы у насъ? А я и не подозрѣвала. Здравствуйте!..

Гришенька приподнялся, бокомъ подалъ Зинѣ руку и не взглянулъ въ лицо.

— Что вы тутъ дѣлаете?..

— Читаю. Ничего особеннаго.

— Идемте-же, Зинаида Дмитріевна!

— Хотите, Гришенька, съ нами?

— Нѣтъ. Благодарствую. Я почитаю...

Отправились въ лавки за кольцами.

— Подвѣнечныя кольца есть?

— Пожалуйте! Сколько угодно.

Подали цѣлую связку надѣтыхъ на шнуръ колецъ; Козочка смотрѣла, дѣлала гримасу и говорила:

— Гадость! Лучше нѣтъ?

— Помилуйте!.. Зачѣмъ гадость!.. Превосходный товаръ...

— Идемъ въ другую лавку!

Здѣсь повторилась та-же исторія:

— Гадость!

— Никакихъ гадостей мы не держимъ.

Купецъ обидѣлся и грубо убралъ кольца и повернулся спиной.

— Идемъ дальше!..

Но нигдѣ болѣе колецъ не нашли и пришлось вернуться въ первую лавку:

— Покажите-ка кольца-то!

— Да вѣдь у насъ—гадость, вамъ не подходитъ...

— Покажите!.. Какъ-же это у васъ нѣтъ золотыхъ, а только позолоченныя?

— Серебряныя, вызолоченныя... Золотыя у насъ не идутъ.

Пришлось взять, какія нашлись. Козочка выбросила на прилавокъ деньги и, когда вышли на улицу, улыбнулась и сказала:

— Давайте обручаться!.. Вашъ палецъ!..

— Извольте!

— Да не этотъ! Кто-же носитъ кольцо на лѣвой рукѣ!..

Надѣла мнѣ кольцо и подставила свой пальчикъ:

— Надѣвайте!

Зашли на почту и, конечно, опоздали. Отправились въ канцелярію исправника за справочками. Тамъ на насъ смотрѣли, какъ на заморское чудо, и шептались между собою.

— Ну, кажется, наконецъ...

Вечеромъ, когда мы съ Козочкой, примиренные и довольные другъ другомъ, сидѣли у нея въ комнатѣ и ворковали, въ передней раздался чужой сиповатый голосъ:

— Господа, кто у васъ тутъ женится?..

Я выглянулъ въ дверь: пьянепькій псаломщикъ съ краснымъ посомъ стоялъ въ передней и заглядывалъ въ залъ.

— Эй, кто есть!.. Кто здѣсь желаетъ вступить въ законный бракъ?..

— Что вамъ угодно?

— Кто у васъ жениться хочетъ?

— А вамъ это зачѣмъ знать?

— Батюшка приказалъ колечки получить.

— Колечки? Какія колечки?

— Обручальныя.

— Зачѣмъ?

— Такъ слѣдуетъ... Освятить надо. Крѣпче будетъ...

— Зина!.. Прислали за кольцами...

Съ досадой и раздраженіемъ Козочка стягивала съ пальчика кольцо, надула губы и, отдавая кольца, сказала:

— Не развертывайте!.. У васъ грязныя руки.

— Поздравить слѣдовало-бы!..

— Мерси!..

— А выпить?.. Въ сухую что-же проздравлять!..

— Нѣтъ у насъ водки. Не пьемъ.

— Сожалѣю!.. Весьма и очень сожалѣю. Однако, на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Не потеряйте!..

— Батюшка говѣть васъ ждутъ!..

Говѣть?.. Все еще не кончилось... Завтра начнемъ говѣть...

— А платья у меня нѣтъ... Какая я глупая... Все вы виноваты!..

— Я, конечно, я!..

— Вы милый!.. любимый!.. хорошій!.. Дайте я васъ поцѣлую...

XIX.

— Два письма! Одно денежное...

— Есть, есть!.. Отъ редакціи-съ... Потрудитесь роспи-саться.

Расписываюсь, а рука дрожитъ, не слушается.

— Почемъ тамъ платятъ?

— Что говорите?

— Выгодное дѣло или такъ, для развлеченія?

— Да, да... До свиданья!

— До свиданья! А скажите, который изъ вашихъ женится?..

— Извините, не знаю...

Вылетѣлъ съ почты и, остановившись въ уголкѣ на лѣстницѣ, торопливо распечатываю письмо. Вотъ пріятная неожиданность; семьдесятъ пять рублей гонорара за «Безсонную ночь!» Семьдесятъ пять рублей... И не просилъ. Сами выслали. Это благородно. И какъ кстати! Точно знаютъ, что я женюсь. Смотрю на деньги, и онѣ кажутся мнѣ какими-то особенными, необыкновенными... «Милостивый Государь, Геннадій Николаевичъ, при семъ препровождается вамъ гонораръ за напечатанный у насъ разсказъ вашъ»...

А другое тоже со штемпелемъ редакціи, той-же редакціи... Это странно. Разрываю конвертъ, а въ немъ другой, съ адресомъ на редакцію, съ передачей сотруднику журнала, Геннадію Николаевичу Тарханову... Любопытно.

«Многоуважаемый Геннадій Николаевичъ! Случайно прочитала вашъ разсказъ «Безсонная ночь» и спѣшу поблагодарить васъ за память и посвященіе, а еще больше за то необыкновенное удовольствіе, которое я получила при чтеніи. Спасибо отъ душевно благодарной читательницы, которую вы заставили провести безсонную ночь въ грустныхъ, но дорогихъ воспоминаніяхъ о далекихъ дняхъ юности. Съ искреннимъ уваженіемъ Зоя Перелѣшина (бывшая Рахманинова)»...

Я стоялъ, какъ оглушенный, въ углу на лѣстницѣ и не могъ двинуться съ мѣста. Пугливо озираясь впередъ и назадъ, я еще разъ прочиталъ письмо и сталъ искать число, годъ, когда оно написано, словно могло быть такъ, что письмо—не современное, а отъ прежнихъ, далекихъ лѣтъ. Я не сразу сообразилъ, что, если въ немъ меня благодарятъ за разсказъ, недавно напечатанный, то оно не можетъ быть старымъ. Откуда

послано? Изъ Симбирска. Значитъ, она—въ Симбирскѣ. Внизу по тротуару застучали чьи-то ноги, и, скомкавъ письмо, я быстро спряталъ его въ боковой карманъ... Чего я испугался? Не знаю. Вообще въ первыя минуты я сильнѣе всего чувствовалъ страхъ, почти ужасъ. Послѣ, когда я нѣсколько пришелъ въ себя, въ душѣ, кромѣ этого непонятнаго страха, стала шевелиться какая-то пугливая радость, радость преступника, которому удалось украсть драгоцѣнную вещь, съ которой онъ не знаетъ что дѣлать. На улицѣ, когда вѣтерокъ освѣжилъ мою голову, тамъ всталъ вопросъ, заставившій меня остановиться:

— Зоя Перелѣшина... Почему Перелѣшина?..

Вышла замужъ. Теперь она Перелѣшина, бывшая Рахманинова. Ага, вотъ какъ! Перелѣшина!... Перелѣшина!... Мадамъ Перелѣшина... Желаю полнаго благополучія и блаженства!..

— Гм... Перелѣшина!.. Странно. Ай да Зоя Сергѣевна!.. Пе-ре-лѣ-ши-на!.. Какое, однако, мнѣ дѣло, мнѣ, который любитъ другую и самъ черезъ три дня женится? До чего это глупо и странно. Ужъ не думаетъ-ли она, что я до сихъ поръ страдаю и...

Я вынулъ письмо и со злобой изорвалъ и бросилъ его на земь. Вѣтерокъ погналъ мелкіе клочки по лужку. И вдругъ мнѣ стало жаль письма, такъ жаль, что я началъ собирать обрывки... Собиралъ и пряталъ въ карманъ. Долго не возвращался я домой: опять былъ какой-то страхъ и робость. Вѣдь ничего дурного я никому, въ томъ числѣ и Зинѣ, не сдѣлалъ. Почему же такъ неспокойна моя совѣсть? И что это такое совѣсть, которая живетъ въ человѣкѣ своей отдѣльной жизнью и не хочетъ подчиняться логикѣ и здравому смыслу? Какой-то особый, непонятный инстинктъ... Зашелъ безъ всякой надобности къ Касьянову и, войдя въ номеръ, сталъ искать взоромъ альбомы съ портретами... Не видать.

— Касьяновъ, гдѣ у тебя альбомы съ нашими студенческими карточками?

— Зачѣмъ тебѣ?..

Совралъ. Совралъ тоже какъ-то безъ участія здраваго смысла, а по инстинкту:

— Хочу переснять себя студентомъ... Для Зинаиды Дмитріевны.

— Чортъ ихъ знаетъ, гдѣ... Поищи вонъ тамъ, въ корзинѣ, подъ кроватью!

Полѣзъ подъ кровать, весь испачкался въ пыли, долго рылся въ книгахъ и вздрогнулъ, завидя обтрепанный знакомый

альбомъ. Тутъ-же, около кровати, сидя на полу, сталъ перелистывать и отыскалъ Зою съ Вѣрой... Смотрѣлъ на Зою и боялся, какъ-бы не замѣтилъ этого Касьяновъ. Мелькнула мысль стащить этотъ портретъ изъ альбома... Чортъ знаетъ, какъ все это глупо и непонятно!..

— Свадьба въ четвергъ?..

— А? Свадьба?.. Моя свадьба?.. Да, да, въ четвергъ. Не забудь, что ты—шаферъ...

Вылѣзъ, отряхнулъ съ колѣнъ и пиджака пыль, положилъ альбомъ на кресло.

— Не бережешь ты этотъ интересный альбомъ...

— Тѣни прошлаго... Вѣдь теперь всѣ мы совершенно другіе, почти чужіе тѣмъ, которые въ альбомѣ. Я даже избѣгаю смотрѣть: одна грусть и тоска. Не хочешь ли я подарю тебѣ этотъ альбомъ въ знакъ дружбы и вниманія?

— Врешь. Не подаришь.

Касьяновъ взялъ альбомъ и небрежно швырнулъ его мнѣ на колѣни:

— Бери! Мой свадебный подарокъ...

— Ну, спасибо!.. Ты мнѣ дѣлаешь огромное удовольствіе... Я люблю тѣни прошлаго...

Посидѣлъ, выпилъ съ Касьяновымъ коньяку и, захвативъ альбомъ, ушелъ... Вернулся, когда въ коммунѣ обѣдали.

— Поздравьте: получилъ изъ редакціи первый гонораръ...

— Вамъ?.. Прислали гонораръ?!, Сколько-же?..

— Цѣлыхъ семьдесятъ пять цѣлковыхъ...

Общее восхищеніе. Даже перестали кушать. Козочка прогнала рядомъ сидѣвшаго Гришеньку и ласково бросила мнѣ:

— Садитесь, писатель, сюда, я хочу—рядомъ!

Я прошелъ въ свою компату, спряталъ альбомъ подъ подушку и, вернувшись, сѣлъ на приготовленный стулъ.

— Опоздали, не слѣдовало-бы васъ кормить, да такъ и быть ужъ... Сдѣлаемъ писателю исключеніе...

Женщины ухаживали за мной на перебой, стараясь опередить другъ друга въ заботливости о моемъ питаніи, а мнѣ совершенно не хотѣлось ѣсть, и подчеркнутое вниманіе — результатъ полученнаго гонорара—рождало досадное чувство:

— Тише, господа! Не стучите и не говорите всѣ разомъ...

— У васъ болитъ голова?..

— Да, немного...

— Что вы! что вы! Вѣдь это не соль, а перецъ!..

— Эхъ!.. Испортилъ...

— Вы какой-то разсѣянный сегодня?..

— Нѣтъ...

— Ну, а что? что?—спросила Козочка, непонявшая иронiи на мой счетъ.

— Ничего... А курить, Геннадiй Николаевичъ, за столомъ, какъ вамъ извѣстно, у насъ воспрещается, — замѣтилъ Куренковъ.

— Виноватъ! Забылъ.

— Тушить окурки въ тарелкахъ тоже неудобно... Здѣсь не трактиръ.

Я всталъ изъ-за стола и пересѣлъ на диванъ. Козочка испуганно посматривала въ мою сторону и сердито на Куренкова. Потомъ сказала «мерси» и, демонстративно покинувъ столъ, пересѣла ко мнѣ на диванъ. Взяла мою руку и тихо спросила:

— Вы здоровы?

— Голова болитъ немного. Былъ у Касьянова и выпилъ двѣ рюмки коньяку.

— Противный Касьяновъ!.. Пьяница! Ненавижу. Отъ этого у васъ и голова болитъ...

— Я выпилъ, а Касьяновъ — пьяница!.. Какъ будто немного несправедливо...

— Онъ и обѣдать здѣсь пересталъ потому, что мы не позволяемъ пить водку...

— Я пойду, Зина, въ свою комнату и попробую уснуть.

— Я вамъ дамъ фенацетину...

— Не надо... Пройдетъ...

— Нѣтъ ужъ, извольте принять и не капризничать.

— Хорошо, давайте...

Принялъ фенацетину, ушелъ къ себѣ и легъ. Что творится въ душѣ моей? Откуда пришло это тяжелое, гнетущее чувство? Отвернулся къ стѣнѣ и, сомкнувъ глаза, началъ разбираться въ своихъ ощущенiяхъ... Неужели все это принесло съ собою письмо? Да, несомнѣнно. Но вѣдь давнымъ-давно умерла та любовь и сейчасъ я не испытываю къ Зоѣ того чувства, которымъ горѣлъ и жилъ въ далекiе дни студенчества. Вѣдь ничего нѣтъ, только тѣнь, одна тѣнь прошлаго. Вѣдь теперь я люблю Зину и съ прошлымъ все порвано. Одно воспоминанiе... Развѣ не правъ Касьяновъ: мы совсѣмъ не тѣ, какими были; насъ тѣхъ, прошлыхъ, не существуетъ; мы—чужiе другъ другу люди... Тѣни, только тѣни...

Я вынулъ изъ-подъ подушки альбомъ, отыскалъ Зою и долго всматривался въ ея лицо. Да, любви нѣтъ, но есть какая-то

жгучая горечь, есть острое болѣзненное ощущеніе невозвратности... и еще что-то... какое-то безличное ощущеніе ревности...

— Мадамъ Перелѣшина...

Кто такой этотъ Перелѣшинъ? Красивъ? Молодъ? Богатъ? Талантливъ?.. А не все-ли мнѣ равно... Замолчи, проклятый звѣрь!..

Я захлопнулъ альбомъ и сердито сунулъ его подъ подушку. Надо уснуть и освободиться изъ-подъ власти всѣхъ тѣней прошлаго. Опять закрылъ глаза. Гдѣ-то Козочка потихоньку напѣвала жалобную восточную пѣсенку безъ словъ, и ея голосокъ и пѣсенка рождали въ воображеніи югъ, жгучее солнце, каменный водоемъ и плачущую около него съ восточнымъ кувшиномъ въ рукахъ тонкую дѣвушку въ костюмѣ оперной Тамары... Такъ жаль эту бѣдную дѣвушку!.. Милая, бѣдная Козочка!.. Точно чувствуетъ она всѣ мои мысли и тоскуетъ ея сердце, въ неясномъ предчувствіи какого-то горя... Нѣтъ, нѣтъ!.. Не горюй, не скорби въ напрасной тревогѣ!.. Я люблю тебя. А это все такъ, туманъ, миражъ, тѣнь...

Замолчала. Отлегло отъ сердца. Отпустили тѣни прошлаго. Начала одолѣвать пріятная истома и дрема. Все хорошо. Ничего не случилось...

Тихо-тихо скрипнула дверь. Я раскрылъ глаза: это она, моя Козочка, хочетъ успокоить себя и тайно, крадучись смотритъ, заснулъ ли ея любимый писатель...

— Зина...

— Бѣдный!. Болитъ голова? Очень?..

Я помахалъ ее кивкомъ головы. Она робко вошла и, притворивъ за собой дверь, подсѣла ко мнѣ на кровать. Взяла и стала ласкать мою руку.

— Что вы пѣли?.. такъ жалобно, что хотѣлось заплакать...

— Развѣ вы слышали?..

— Поцѣлуйте меня!..

— Но... но вѣдь мы же говѣемъ...

А сама смотритъ пугливо на дверь.

— Я жду...

Наклонилась и упала ко мнѣ на грудь головкой... И въ этомъ неожиданномъ порывѣ и поцѣлуяхъ въ капризной взбалмошной дѣвочкѣ я почувствовалъ будущую женщину...

— Любишь?..

— Да, да... Не спрашивай...

Вскочила, одно мгновеніе постояла на мѣстѣ, закрывъ лицо руками, и вдругъ выскочила за дверь...

И впервые еще къ прежней нѣжности, которую я испытывалъ къ этой дѣвушкѣ, примѣшался хмель страсти... Я опьянѣлъ...

— Да, люблю... конечно, люблю...

Вдали застучала швейная машина. Словно пошелъ поѣздъ или пароходъ... Это Параша обшиваетъ Козочку къ свадьбѣ. Я такъ привыкъ къ этому стуку—вотъ уже двѣ недѣли, какъ стучитъ настойчиво и непреложно машина... Словно торопится, но нисколько ни въ чемъ не сомнѣвается. Смѣшно... Полюбилъ я Козочку, а Козочка меня, и съ утра до ночи застучала машина... Идетъ поѣздъ моей жизни, все дальше, дальше... Когда же станція?.. Такъ и заснулъ подъ этотъ ритмическій стукъ, успокаивающій и рождающій мысль о непреложности и неизбѣжности прошлаго, настоящаго и будущаго.

Наканунѣ свадьбы пріѣхала моя мать. Пріѣхала она ночью, и звонки, стукъ и говоръ подъ окнами произвели переполохъ въ коммунѣ: у всѣхъ явилась мысль, что опять пріѣхали жандармы съ обыскомъ и съ предписаніями арестовъ, и когда дѣло разъяснилось, всѣ много смѣялись и съ удвоеннымъ доброжелательствомъ встрѣтили мою старушку. Встрѣча наша была трогательная; мать расплакалась и долго не выпускала меня изъ своихъ объятій и ласкала, какъ маленькаго мальчика. Она сильно состарилась, сгорбилась и вся сдѣлалась какой-то сухой и маленькой. Видя эту перемѣну, я тоже поплакалъ, а, глядя на насъ, источали слезы и всѣ женщины...

— Ну, а гдѣ и когда я увижу твою княжну?..

— Мама!.. Да вотъ же она!..

— Это—я...

— Ты?.. Дай же поглядѣть на тебя!.. Господи, да тебѣ сколько же лѣтъ?..

И Козочку она цѣловала, ласкала и шептала все благодарности Господу, что Онъ далъ ей дожить до такого счастія...

— Ты княжна настоящая или только такъ, въ шутку Геня тебя называетъ?..

— Настоящая...

— Значитъ—ваше сіятельство?..

— Ея сіятельство...

— А мы называемъ ее Козочкой...

— Ну, ребятушки, устала я, всѣ кости болятъ, растрясло, раскачало... Вы меня уложите поскорѣе... Завтра ужъ хорошенько другъ на друга посмотримъ... Я вамъ всѣмъ спать не дала...

Козочка уступила свою комнату матери, несмотря на всѣ мои протесты.

— Тогда ложитесь въ моей!..

— А вотъ не хочу... Мы съ Парашей на одной постели... Я—маленькая...

— Но длинненькая.

— Подожмусь...

Разошлись, но я долго не могъ заснуть и слушалъ, какъ Козочка съ Парашей потихоньку болтали весело такъ и интимно, сдержанно посмѣивались, дѣлились секретами. Совсѣмъ особая это порода, женщины. Мы—одно, онѣ—другое. Есть у нихъ такіе уголки души, куда они ни за что не пустятъ даже... даже жениха. О чемъ хихикаютъ тамъ?..

Постучалъ въ стѣнку,—замолчали. А въ окна уже ударило солнце и запѣли пробудившіяся птицы и гдѣ-то загромыхала пустая телѣга...

— Геничка!.. Ты что вздыхаешь?..

— Ахъ, это вы, мама!.. Не спите?..

— Забыла, голубчикъ, печальную новость тебѣ сказать...

— Ну, что такое?..

— Калерія-то... велѣла тебѣ долго жить...

Я даже сѣлъ въ постели—такъ поразила и задѣла меня эта печальная новость.

— Что вы говорите!.. Калерія?.. умерла Калерія?..

— Да, да... Богъ съ ней, царство ей небесное!.. Что бы тамъ ни было, а душа у ней была хорошая, добрая... Сбиться въ жизни легко, а направиться трудно... Не намъ ее судить...

— Неужели?.. Невѣроятно!.. Какъ же это...

— Одно тяжело: не своей смертью... Отравилась она... Все кутила, все шампанское пила... И ядъ-то съ шампанскимъ выпила...

— Какъ же это?.. Когда же это случилось?..

— Да вотъ, какъ я выѣхала изъ дому, девятый день былъ... Гостила у меня, оставила мальчика и поѣхала въ Симбирскъ, а тамъ и... случилось... Съ мужемъ-то вѣдь она развелась и хотѣла выйти замужъ за одного... военнаго, говорятъ, я его не знаю...

Мать говорила, а я ничего больше не слыхалъ: въ головѣ, въ душѣ, во всемъ моемъ существѣ стояли только два страшныхъ слова: «отравилась», «умерла»...

— Ты что, голубчикъ?..

— Такъ... Лучше бы вы мнѣ не говорили, мама...

— Я всегда говорила, что она добромъ не кончитъ...

— Какъ же мальчикъ...

— Геня-то?.. У насъ покуда. Написали отцу за границу... Возьметъ, поди... Единственный наслѣдникъ!.. Послѣ матери-то, поди, все кое-что осталось... Не все, поди, промотала... Богъ ей прости!.. Не наше дѣло... Спи!..

Мать ушла..

— Эхъ, Калерія, Калерія!.. Зачѣмъ ты это сдѣлала?..

Такъ и не сомкнулъ глазъ. Тѣни прошлаго неотступно кружились надъ моимъ изголовьемъ, легкія, яркія, хрупкія, быстро носились, какъ ласточки передъ грозой, задѣвая меня своими крыльями и дразня своей мнимой близостью...

— Все, какъ сонъ, и все—какъ дымъ...

Ударилъ колоколъ къ ранней обѣднѣ, а у меня заныло сердце: вотъ такъ же ударилъ колоколъ, когда отпѣвали Калерію... Было такое же яркое веселое утро, такъ же пѣли птицы, такъ же смѣялось въ окна къ людямъ солнышко...

— Геннадій Николаевичъ, вы проснулись?..

— Да, да!.. Проснулся, Зина...

— Я васъ сегодня во снѣ видѣла?.. Вы здоровы...

— Да.

— А голова не болитъ?

— Нѣтъ.

— А я страшный сонъ видѣла и плакала во снѣ...

— О чемъ, Зина?..

— Приснилось, что вы... вы умерли.

— Когда-нибудь умру...

— Не смѣйте меня разстраивать! Одѣвайтесь скорѣе: я соскучилась...

— Сейчасъ... Единымъ духомъ...

— Вы не забыли, что сегодня—наша свадьба?

— Нѣтъ, помню.

— То-то!..

Распахнулъ окно: мелодично гудитъ воскресный колоколъ и въ этомъ гулѣ радостно звенятъ веселыя пѣсни птичекъ. Вѣтерокъ, еще прохладный и влажный, пошевеливаетъ оконную занавѣску и приноситъ запахъ луговыхъ травъ и цвѣтовъ. Сверкающая синева небесъ смотритъ въ комнату, когда занавѣска откидывается... А въ комнатахъ звенитъ голосъ и смѣхъ моей невѣсты...

Ахъ, жизнь, жизнь, что же ты такое?.. Какъ ты прекрасна и... какъ ты, жизнь, жестока!..

Весь день прошелъ въ какомъ-то угарѣ. Женщины суетились и волновались, опять стукала машина, что-то примѣряли, горячились и спорили, стряпали и сердились: то появлялся, то опять исчезалъ Касьяновъ, приносили что-то изъ лавки и уносили; заходилъ Гришенька. У всѣхъ было какое-то важное, неотложное дѣло. Только я болтался безъ всякаго дѣла, всѣмъ мѣшалъ и казался въ этомъ событіи совершенно лишнимъ персонажемъ... Про меня всѣ забыли, даже мама больше возилась съ невѣстой и съ тряпьемъ, чѣмъ со мною. День показался мнѣ безконечно-длиннымъ .. Но вотъ медленно ударилъ вечерній колоколъ: вечерня, а послѣ вечеренъ—вѣнчаться.. Усталъ, какъ никогда. Все время ходилъ и болтался на ногахъ, а теперь вдругъ захотѣлось сѣсть и не двигаться.

— Вы готовы?.. Боже мой, онъ еще не одѣлся!.. Что-же вы!

— Долго-ли, господа, снять пиджакъ и облечься въ сюртукъ?..

Влетѣла въ комнату бѣлая, похожая на бабочку, дѣвушка и принесла съ собой ароматъ тонкихъ духовъ, напомнившихъ о веснѣ, о радости, о томъ, что когда-то уже было, но что не повторится...

Холодна моя новая любовь, не пьянитъ счастіемъ, не кружитъ голову вихремъ буйной радости...

Пошли гурьбой въ церковь. Изъ оконъ смотрѣли любопытные, бѣжали за нами босые ребятишки, кричали «свадьба! свадьба»! и, сверкая голыми пятками, торопились раньше насъ попасть въ церковь. А когда вошли въ церковь, то здѣсь насъ встрѣтила цѣлая толпа зѣвакъ, и среди нихъ предо мною мелькали знакомыя физіономіи: почтальонъ, почтовый чиновникъ, который говоритъ «до виданья», г. наблюдающій, какія-то старомодныя барыни, дѣвицы въ необыкновенныхъ шляпахъ, кухарка исправника, докторъ съ опухшей физіономіей, надзиратель, аптекарь съ женой и дочерями... Очевидно, весь городъ зналъ уже о нашей свадьбѣ и теперь спѣшилъ воспользоваться безплатнымъ зрѣлищемъ... Переглядываются, перешептываются, тычатъ пальцами... Боже, какъ это невыносимо! Скорѣй-бы ужъ...

— Благословенъ Богъ нашъ!.. — началъ батюшка гнусавымъ голосомъ, откидывая рукой изъ-подъ воротника ризы клочья сѣдыхъ волосъ ..

Опустилъ голову въ полъ и не поднималъ ее до конца, словно меня не вѣнчали, а свершали надо мной смертный приговоръ... Батюшка началъ допросъ и вразумленіе, а я кивалъ головой и... Какъ это странно!.. Я думалъ о Калеріи, смѣю-

щееся лицо которой неожиданно стало вставать передъ моими глазами... Отчетливо, ярко смотрѣло въ глаза мои это улыбающееся лицо съ палящими глазами и говорило беззвучно:

— Я умерла... Я умерла...

— Поцѣлуйтесь теперь!..

Послѣднее испытаніе...

Евгеній Чириковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ОЛЬХОВАТОМЪ [1].

Изъ дневника М. В. Крестовской.

(Окончаніе).

Все бы хорошо—и запущенный садъ съ его задумчивыми аллеями золотыхъ кленовъ, и сѣрый прудъ, обросшій поникшими ветлами, съ стадами бѣлыхъ гусей на немъ, и старый домъ съ низенькими свѣтлыми комнатами, въ которыхъ живется просто и незатѣйливо: одно ужасно—крысы и мухи прямо изводятъ. Крысы освоились, кажется, даже съ храпомъ Сергѣя и, уже не пугаясь его больше, при немъ шмыгаютъ такъ же свободно какъ и безъ него. Анюта заставляется отъ нихъ къ ночи даже стульями и закладываетъ всѣ щели и дверь въ буфетную, гдѣ ихъ особенно много. Но и это мало помогаетъ. Положительно онѣ чувствуютъ себя здѣсь хозяевами и, кажется, добьются того, что я сбѣгу отсюда со страха предъ ними... Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются невѣроятной дерзостью и поняв вѣрно, что люди боятся ихъ, потеряли къ нимъ всякое уваженіе и уже не боятся ихъ больше сами. Особенно одна изъ нихъ. Она ежедневно является въ столовую, немедленно послѣ нашего обѣда, часъ котораго она отлично знаетъ, подбирать крошки. Она пользуется тѣмъ, что въ это время все въ домѣ тихо. Я сижу у себя за работой, Анюта что-то дѣлаетъ въ своей компатѣ, Акулина убирается на кухнѣ, Сергѣй въ полѣ и она можетъ распоряжаться какъ ей угодно и пользуется этимъ. Значитъ и у нихъ есть свое представленіе времени,

[1] См. октябрь, стр. 3.

свои разсчеты и цѣлая система, пониманіе которыхъ мы приписываемъ только себѣ. Я всегда увѣрена, что найду ее въ этотъ часъ у стола или буфета нѣсколько разъ нарочно провѣряла, тихонько входя, и почти ни разу не обманулась. Мнѣ кажется, что мы даже узнаемъ уже другъ друга, не только я ее, но и она меня; по крайней мѣрѣ послѣдніе разы, увидѣвъ меня, она не двинулась уже съ мѣста, а только какъ бы приподнимала голову, вся настороживаясь, и, готовая убѣжать при первомъ моемъ подозрительномъ движеніи, зорко всматривалась въ меня своими острыми глазками. Мгновеніе мы смотрѣли другъ на друга, быть можетъ—съ одинаковымъ жуткимъ чувствомъ страха и любопытства; но, видя, что я не трогаю ее, она спокойно продолжаетъ свое занятіе и убѣгаетъ только тогда, когда я дѣлаю шагъ по направленію къ ней. На дняхъ какъ-то я сидѣла одна въ ея обычное время въ столовой, когда изъ-за буфета показалась ея острая мордочка съ разнюхивающимъ носомъ и двигающая усиками... Она тотчасъ же увидѣла меня, потому что «взгляды наши встрѣтились», выражаясь литературно; на мигъ она замерла и притаилась подъ буфетомъ но убѣдившись, вѣроятно, что это ни кто иной, какъ все та же старая знакомая ея, совершенно развязно вылѣзла изъ-подъ буфета, тотчасъ же занявшись своимъ обычнымъ дѣломъ—собираніемъ крошекъ и уже не обращала на меня больше вниманія, точно безмолвно сказала мнѣ: «А, это ты; ну, сиди пожалуйста, я тебѣ не мѣшаю, надѣюсь, и ты мнѣ мѣшать не будешь».

Мнѣ все кажется, что она побывала въ какомъ-нибудь странствующемъ циркѣ и принадлежала къ дрессированной труппѣ ручныхъ крысъ бродячаго клоуна. Мнѣ она такъ и представляется въ голубомъ кафтанчикѣ, красномъ беретѣ, пиликающей крошечнымъ смычкомъ по игрушечной скрипкѣ. Почемъ знать, можетъ быть въ этомъ родѣ и было. Развѣ мы знаемъ біографію крысъ, и вообще животныхъ, птицъ и насѣкомыхъ? Развѣ знаемъ ихъ психологію, нравы, обычаи? Скорѣе ужъ они нашу, какъ, можетъ быть, болѣе зависимые отъ того и по неволѣ принужденные наблюдать насъ. Мы же или боимся ихъ, или не замѣчаемъ.

Но чего тутъ буквально милліопы—это мухъ. Нигдѣ не видѣла я ничего подобнаго. Когда внезапно входишь въ комнату или взмахнешь въ воздухѣ полотенцемъ, ихъ поднимается разомъ цѣлая туча и отъ жужжанія стоитъ стонъ нѣсколько минутъ, пока онѣ снова не усядутся по мѣстамъ.

Отъ нихъ нѣтъ спасенія нигдѣ и никогда—ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни вечеромъ. Онѣ положительно неутомимы

и не даютъ отдыха себѣ и покоя другимъ никогда. Ихъ подаютъ съ жаркимъ, съ супомъ, съ молокомъ, и всѣ такъ привыкли къ тому, что глядятъ на нихъ какъ на что-то въ родѣ приправы и, спокойно вылавливая, бросаютъ на полъ или оставляютъ тутъ же на краяхъ тарелки. Онѣ забираются въ ротъ, въ носъ, стараются попасть вамъ въ горло вмѣстѣ съ ложкой чего-нибудь, наполняютъ за ночь поставленный стаканъ воды, гасятъ почникъ, плаваютъ въ умывальникѣ, измѣняютъ цвѣтъ и рисунокъ обоевъ, въ первое же лѣто засиживая ихъ такъ, что они кажутся покрытыми чернымъ тюлемъ, усѣиваютъ безчисленными точками повѣшенныя на стѣну хотя бы на одинъ часъ свѣтлыя платья и буквально не даютъ ни дышать, ни спать, ни работать, ни даже думать подчасъ. Это настоящая кара египетская. Сергѣй увѣряетъ, что теперь онѣ особенно злы передъ своимъ концомъ.

Когда я впервые пожаловалась ему на нихъ и на крысъ, онъ даже обидѣлся немного.

— Крысы, — воскликнулъ онъ почти съ негодованіемъ на мою «блажь»,—да какъ же вы хотите, чтобы ихъ тутъ не было! Въ какой же усадьбѣ ихъ нѣтъ? Вѣдь рядомъ закрома, амбары, кладовыя, какъ же имъ не быть? Ужъ безъ этого нельзя!

— Но такъ много,—робко пыталась я возразить,—можетъ быть, ихъ можно было бы какъ-нибудь перевести?

Но Сергѣй только расхохотался.

— Крысъ-то перевести? Да вы шутите, Маруся? Тутъ, сударыня моя, скорѣе люди переведутся, чѣмъ крысы. Вѣдь ихъ здѣсь тысячи! понимаете, тысячи! а вы вдругъ «перевести».

Эти кишащія тысячи приводятъ меня въ содроганіе отъ одного мысленнаго представленія ихъ. Подавленная ими, я уже не возражаю больше, рѣшая, что, можетъ быть, и дѣйствительно лучше ужъ не трогать, чтобы не подвергнуться ихъ мести и страшной участи епископа Гаттона. Но со стороны мухъ такой опасности не предвидится и, побѣжденная однѣми, я желаю избавиться хоть отъ другихъ. Но при первомъ же моемъ заявленіи о нихъ Сергѣй дѣлаетъ совершенно неожиданный для меня выводъ. Оказывается, что и тутъ мы же сами виноваты.

— Мухи?—говоритъ онъ совершенно просто,—да вы, вѣрно, окна растворяете, оттого и мухи.

Я смотрю на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ и не понимаю, что онъ собственно хочетъ сказать этимъ.

— Какъ это растворяете окна? Развѣ ихъ можно не раство-

рять? Вѣдь теперь же почти лѣто еще и жарко страшно, какъ же ихъ не растворять!

— Да невозможно же, Маруся. Кто же у насъ днемъ окна растворяетъ! Конечно, ихъ тогда сейчасъ же милліоны къ вамъ налетятъ! Вѣдь кругомъ конюшни, скотные дворы, хлѣва! Какъ же вы хотите, чтобы здѣсь мухъ не было? Вѣдь вы не въ Питерѣ, Маруся.

Я опять сбита съ позиціи и немного теряюсь предъ очевидной непзбѣжностью всѣхъ этихъ золъ. Конечно, это не Петербургъ, и нельзя требовать отъ деревни всѣхъ его удобствъ и комфорта. Но вдругъ вспоминаю Финляндію. Вѣдь и тамъ есть свои конюшни, скотные дворы и такъ далѣе и однако...

— Отчего же ихъ нѣтъ въ Финляндіи, Сергѣй?—спрашиваю я, не безъ удовольствія предвкушая, какъ поймаю, наконецъ, и Сергѣя. Но, увы, это не удается.

— Финляндія? Такъ развѣ тамъ то, что здѣсь? Развѣ тамъ нашъ климатъ!—восклицаетъ онъ съ полнымъ презрѣніемъ и къ Финляндіи и къ ея климату и ко мнѣ, не понимающей такой простой вещи.

Но и я не сдаюсь.

— Ну а Швейцарія, Германія, Франція? Тамъ отчего ихъ меньше и почему ихъ не подаютъ ни съ кушаньемъ, ни съ молокомъ? Вѣдь солнца тамъ не меньше вашего?

На мгновеніе Сергѣй опѣшиваетъ, но черезъ секунду ужъ справляется и находитъ выходъ самый простой.

— А чортъ ихъ знаетъ, почему!—говоритъ онъ откровенно и вдругъ приходитъ къ совершенно неожиданному выводу:— ужасно въ васъ, Маруся, патріотизма мало! Васъ послушать, такъ все тамъ лучше! И что вамъ эти нѣмцы да швейцарцы дались? Да провались они совсѣмъ! Тоже хорошіе ребята, только пальца въ ротъ не клади: откусятъ безъ остатка. А русскій человѣкъ весь тутъ нараспашку, худъ ли, хорошъ ли, за то ужъ безъ утайки, а вамъ все нѣмцевъ, да французовъ подавай—не патріотка!

Я невольно смѣюсь такой резолюціи и спрашиваю:

— При чемъ тутъ нѣмцы и патріотизмъ? Развѣ онъ въ мухахъ?

— Да мухи что,—говоритъ Сергѣй,—отъ мухъ сдѣлать сѣтки, и нѣтъ ихъ. Да и были сѣтки, самъ заказывалъ года три назадъ, да засудобили куда-нибудь, ну и пропали даромъ. Развѣ на этотъ народъ напасешься?—заключаетъ онъ съ точно такимъ же глубокимъ убѣжденіемъ, какъ и Ефремъ о заборѣ.— Все равно не напасешься!

— Ну, а съ крысами что дѣлать?—спрашиваю я, поддразнивая уже нарочно.—Вѣдь онѣ скоро насъ уже кушать начнутъ, не только наши припасы.

Но Сергѣй только безнадежно машетъ рукой.

— А что съ ними дѣлать? Съ этими ужъ ничего не подѣлаешь. Отцы и прадѣды такъ жили, такъ ужъ чего тутъ разсуждать!—И, недовольный разговоромъ, онъ спѣшитъ отдѣлаться отъ меня и уйти подъ первымъ предлогомъ.

«Ничего не подѣлаешь и не напасешься» — вотъ два основные, нерушимые, всѣхъ объединяющіе собой принципа русской земли и ея народа, въ которыхъ онъ родится, воспитывается, живетъ и умираетъ, впитывая ихъ въ свое сознаніе съ молокомъ матери и передавая въ свой чередъ грядущимъ поколѣніямъ, какъ вѣрное наслѣдіе. Поневолѣ разбивается о его непроходимую стѣну всякій прогрессъ и культура.

22-е сентября.

— Вотъ вы все мухами да крысами у насъ недовольны,— говоритъ мнѣ черезъ день Сергѣй, видимо, не простившій мнѣ еще «моего хваленаго европеизма».—А не хотите ли посмотрѣть, какъ тутъ люди живутъ. Пойдемте, я сведу васъ.

— Пойдемте,—соглашаюсь я, хотя ужъ много разъ была, конечно, въ крестьянскихъ и въ рабочихъ избахъ и, увы, достаточно уже видѣла, какъ живутъ вмѣстѣ и люди и телята, какъ ребятишки вмѣстѣ съ ними ѣдятъ взапуски изъ одного корыта и по почамъ всѣ спятъ вповалку на грязномъ полу, безъ различія возраста и пола. И ужасъ, испытанный мною когда-то, еще въ первые мои пріѣзды сюда, почти уже смѣнился привычнымъ и преступнымъ примиреніемъ, которое находитъ тѣмъ легче, чѣмъ меньше оно касается насъ самихъ.

Этимъ уже нельзя было меня удивить. Значитъ, онъ велъ меня показать что-то худшее... тѣмъ хуже.

Мы идемъ сначала по нашему главному двору, большому и просторному, густо поросшему низкой зеленой травой. Этотъ дворъ, расположенный прямо передъ «барскимъ домомъ» и окруженный всѣми главными постройками усадьбы, на который я очень люблю смотрѣть издали, сидя на моемъ крылечкѣ, приводитъ меня каждый разъ въ брезгливое содроганіе, когда приходится идти по немъ. Всѣ слѣды проходящихъ по немъ за день животныхъ, отъ коровъ и лошадей до поросятъ и гусей включительно, остаются на немъ всегда въ полной неприкосновенности, и идти, не попадая во все это, задача вовсе не легкая.

— Сергѣй,—говорю я ему въ двадцатый уже, кажется, разъ,—

ну отчего вы не приказываете мести его ежедневно? Все-таки же было бы несравненно чище.

— Да невозможно же это, Маруся! Ужъ я вамъ сто разъ говорилъ, что на него, чтобы его вымести какъ слѣдуетъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, человѣкъ пять рабочихъ требуется. Нельзя же на такой вздоръ рабочія руки тратить, вѣдь за нихъ деньги платятъ. И такъ предъ вашимъ пріѣздомъ нарочно мели. Да и безполезно, все равно черезъ день то же будетъ.

— Значитъ не стоитъ совсѣмъ?

— Да, конечно же, не стоитъ—говоритъ Сергѣй съ убѣжденіемъ. И опять мы приходимъ все къ той же заколдованной вѣчной стѣнѣ—«не стоитъ, не напасешься, ничего не подѣлаешь».

Мы проходимъ мимо конюшенъ, риги и скотнаго двора, гдѣ идти отъ всевозможныхъ отбросовъ еще страшнѣе, и приходимъ къ скотной избѣ, то есть къ помѣщенію, гдѣ живетъ скотница Агафья и старый сохарь ея, дѣдушка «Памфила», живущій днемъ больше на печи, а ночью сторожащій дворъ вмѣстѣ съ собаками. Впрочемъ, у него есть еще одно занятіе — няньчить Агафьиныхъ дѣтей, которыхъ на ея горе цѣлыхъ четверо. Всѣ «малъ мала меньше», какъ говорятъ здѣсь. А главное все дѣвчонки, что при нашемъ нелѣпомъ законѣ, отнимающемъ землю у вдовы, если у нея нѣтъ мальчиковъ, а только дѣвочки, дѣйствительно страшное горе, пускающее по міру порой цѣлыя семьи.

Года три тому назадъ Агафья овдовѣла. Сначала было еще ничего, потому что въ числѣ ребятъ ея былъ сынъ—мальчикъ четырехъ лѣтъ—и братъ «безнадѣльный», помогавшій по хозяйству. Но брата взяли въ солдаты, «мальченка» померъ дифтеритомъ, а дѣвчонкамъ надѣла не полагается, и сходъ землю отнялъ, и все послѣднее несчастное хозяйство пошло прахомъ. Сергѣй сжалился надъ ней и опредѣлилъ второй скотницей на усадьбу,— кажется, нарочно для нея придумавъ эту должность, потому что раньше ея не было.

Агафья сознаетъ это и чувствуетъ къ нему безконечную благодарность, говоря что «барипъ ей съ дѣвчонками съ голоду подохнуть не далъ».

— А то хоть ложись и помирай было,—говоритъ она покорно, съ застывшею тоской во всемъ ея изможденномъ, почти коричневомъ лицѣ. Я думаю, она на добрые три-четыре года моложе меня, но въ то время какъ моя холеная кожа сохранила всю нѣжность и почти не тронута еще ни одной морщин-

кой, ея—изборождена имя вся, а костлявая изсохшая фигура вся согнулась подъ непосильнымъ трудомъ и работой. И вотъ она выглядитъ уже старухой, въ то время какъ меня еще всѣ называютъ «молодой женщиной». И дѣйствительно, когда мы стоимъ съ ней рядомъ, этотъ контрастъ между ея преждевременной старостью и моей продолжающейся молодостью такъ разителенъ, что въ немъ есть уже что-то страшное и преступное, какъ весь нашъ несправедливый строй, и мнѣ самой почти стыдно его. Каждый разъ видя ее, я невольно сравниваю ее съ собой, и мнѣ дѣлается предъ ней какъ-то неловко и виновно на душѣ, точно я что-то отняла у нея. Стоитъ сравнить наши руки—и въ нихъ уже есть какое-то общественное преступленіе, о которомъ не думаешь и забываешь у себя въ городѣ.

Агафьи не было, когда мы прошли. Она пошла поить телятъ, и въ избѣ были только дѣдушка «Памфила», нянчившій «внученку», и еще другая дѣвочка лѣтъ пяти. Старшія двѣ уже полютъ огороды и собираютъ свеклу въ страдную и осеннюю пору, зарабатывая по гривенничку въ день и съ дѣтства уже сгорбливаясь отъ этой работы.

— Вотъ полюбуйтесь-ка!—говоритъ Сергѣй, широкимъ жестомъ захватывая почти все пространство избы, въ которой стоитъ удушливый запахъ чего-то кислаго и вонючаго. Она, освѣщаемая единственнымъ тусклымъ оконцемъ, наполовину разбитымъ и заткнутымъ какими-то тряпками, такъ низка и темна, что въ ней и дышать трудно, не только двигаться, а между тѣмъ весь уголъ ея заполненъ еще огромной русской печью, гдѣ сушатся грязныя пеленки. И тутъ же стоитъ хлѣбная опара, рядомъ съ провонявшими отъ пота и мокроты опучами и валенками дѣдушки Памфилы, а въ другомъ углу помѣщаются два больные теленка, нещадно марая его.

Маленькая дѣвочка сползла съ рукъ дѣда, поднявшагося при нашемъ входѣ и поползла къ телятамъ, тыкаясь во всѣ ихъ нечистоты прямо голенькимъ тѣльцемъ и роясь ручонками по локоть въ стоявшемъ подлѣ нихъ корытѣ съ пойломъ. Въ противоположномъ углу изъ-подъ земляного пола виднѣлась огромная дыра, прямо во дворъ, и въ нее быстро, какъ мышенокъ юркнула другая дѣвочка, предпочитая ее, вѣрно, тѣмъ дверямъ, въ которыхъ невольно остановилась я, не рѣшаясь перешагнуть чрезъ ихъ порогъ.

— Ишь шмыгнула, ровно волченокъ!—говоритъ вслѣдъ ей Сергѣй и спрашиваетъ, обращаясь уже непосредственно къ старику:

— Это что же у васъ за дыра на полу выведена? Это кто же еще такія лавейки выдумалъ тутъ вырывать?

— Это, батюшка—отвѣчаетъ Памфила,—куры прорыли, ишь повадились таскаться тутотка проклятыя, ну и разрыли, чтобы имъ неладно было!

На этотъ разъ удивляется даже и Сергѣй.

— Какъ такъ куры? Да какъ же ихъ угораздило? Чортъ знаетъ что такое, тутъ и куры какія-то апокрифическія! Глядите на милость! цѣлыя стѣны разрываютъ! Вотъ тутъ и хозяйничай!

— Да стѣна-то, батюшка, гнилая!—убѣдительно говоритъ Памфила,—а онѣ ее клювъ да клювъ, да и одолѣли. Особливо индюки стараются, у нихъ носы-то крѣпкіе, ну имъ это и взанятку... Такъ по щепочкамъ все и разнесли. Агафья-то на печи, значитъ, цыплятъ ихнихъ выводитъ, ну онѣ и бѣгаютъ, да тутотка имъ поближе будетъ, вотъ онѣ и дошли... Тоже на что птица глупая, а разумъ имѣетъ, свою смѣтку, значитъ, тоже имѣетъ...

— Слышите на милость, смѣтку имѣетъ! Это у него смѣтка называется! Всю стѣну разворотили, а онъ «смѣтка»! Да ты-то, старая анафема, что же за ними не глядѣлъ?

— Сергѣй!—говорю я тихо, съ упрекомъ, все еще не привыкнувъ къ этому «россійскому обращенію». Но «старая анафема» нисколько не обижается.

— Да нешто за ними, батюшка, углядишь!— отвѣчаетъ онъ, какъ и всѣ.—За ними не углядишь.

— Такъ ты бы хоть поправилъ какъ-нибудь, старый чортъ! Что у тебя руки-то отвалятся, что ли, задѣлать ее, или хоть кому другому бы сказалъ, коли самого ужъ Богъ убилъ.

— Да какъ ее, батюшка, задѣлаешь? Кабы тутъ плотникъ, ну тогда точно что.

— Плотникъ, плотникъ!—передразниваетъ его Сергѣй, уже не на шутку сердясь,—а что же ты не знаешь что ли, что плотникъ тутъ же тебѣ на дворѣ. Что же ты его не звалъ, старый чортъ ты этакій, въ самомъ дѣлѣ?

— Да оно бы точно, что можно, да мнѣ, батюшка, не къ чему,—говоритъ смиренно «старый чортъ».—Да опять и то взять: ужъ онѣ теперь свой проходъ значитъ нашли тутотка, ужъ онѣ того... своего не оставятъ, все одно опять разроютъ, коли такую привычку завели.

Сергѣй даже присаживается отъ досады.

— Вотъ тутъ и хозяйничай съ этими продами!—говоритъ

онъ чуть не плача,—когда у нихъ и куры даже опустошительныя привычки заводятъ. Анафемы, прямо анафемы!

— Оставьте Сергѣй—прошу я, невольно проникаясь жалостью къ этому несчастному, жалкому стариченкѣ, безропотно выслушивающему хозяйскую брань.

— Вотъ развѣ только что дуетъ изъ нея очень, особенно по ночамъ, а тутъ ребятишки спятъ...

— Ни, касатка, ничего,—говоритъ добродушно Памфила,—мы на ночь-то ее тряпьемъ разпымъ затыкаемъ, ничего тогда; днемъ-то оно дѣвствительно несподручно, потому куры все равно растащутъ, имъ что ни заткни, все клювами растеребятъ. Ну а ночь-то онѣ по мѣстамъ спятъ, оно и покойно.

Пока они ведутъ свой діалогъ, я осматриваюсь по сторонамъ и уже черезъ двѣ-три минуты съ ужасомъ замѣчаю, что потолокъ и стѣны, до-черна прокопченые сажей и дымомъ, буквально шевелятся какъ живыя отъ тысячи кишащихъ тамъ таракановъ и прусаковъ. Они сидятъ по всѣмъ щелямъ плотными рядами и только пошевеливаютъ усиками, выглядывая оттуда и озабоченно бѣгая взадъ и впередъ двумя широкими полосами въ томъ углу, что ближе къ печкѣ, гдѣ у нихъ видимо устроился свой Невскій проспектъ.

Я невольно вскрикиваю отъ ужаса и въ первую минуту едва удерживаюсь отъ инстинктивнаго бѣгства.

Сергѣй замѣчаетъ произведенное впечатлѣніе и очень доволенъ его эффектомъ.

— Вотъ, вотъ. За этимъ-то я и велъ васъ сюда!—говоритъ онъ почти съ торжествомъ,—нарочно, чтобы вы полюбовались на эту прелесть, а то вы все мухами да крысами меня попрекаете. А что онѣ въ сравненіи съ этимъ. Вѣдь здѣсь буквально пальцемъ ткнуть нельзя, вездѣ тараканъ сидитъ.

— Ужасно, ужасно!—содрогаюсь я, невольно съеживаясь вся отъ омерзенія и страха предъ этими кишащими стѣнами и потолкомъ, въ которыхъ живутъ люди. Люди! какой ужасъ!

— Да отчего же вы не изводите ихъ?—спрашиваю я почти съ отчаяніемъ. Но Сергѣй только хохочетъ.

— Попробуйте, изведите ихъ!—говоритъ онъ, точно торжествуя,—развѣ избу вмѣстѣ съ ними спалить! Такъ тогда полъ-Россіи придется изъ-за того же пережечь. Слишкомъ, сударыня, накладно обойдется сіе.

Ахъ, ужъ эта несчастная Россія!

— Но все-таки же, можетъ быть, можно было бы изво-

дизъ ихъ какъ-нибудь. Все же меньше бы было, а то вѣдь это что-то кошмарное.

— Что же ихъ изводить,—покорно вставляетъ Памфила— И тараканъ Божья тварь, тоже жить хочетъ. Ужъ, значитъ, такъ отъ Бога положено, чтобы и нечисть всякая жила. Жить-то всякому въ охотку.

Я съ изумленіемъ смотрю и слушаю его. До какой же степени смиренія способенъ доходить этотъ народъ, который даже и въ тараканѣ жалѣетъ «тварь Божью» и не рѣшается изводить его, потому что «жить всякому въ охотку». И при такой кротости тутъ же вмѣстѣ и безсмысленная жестокость. Старикъ пожалѣетъ и таракана, а мальчуганъ шутя, просто для смѣха и отъ нечего дѣлать, равнодушно обваритъ собаку и подобьетъ камнемъ птицу. Какъ все это согласовать? И что же, какая великая школа высшаго христіанства обращаетъ постепенно этихъ маленькихъ жестокихъ дикарей въ какихъ-то святыхъ стариковъ, которые и сами не понимаютъ своей великой святости?.. Школа вѣчнаго гнета, труда и нужды, изъ которыхъ одинъ выходъ—въ могилу? Или школа вѣчнаго неряшества, грязи и лѣни, къ которымъ такъ привыкаютъ, что ужъ не сознаютъ больше того скотскаго состоянія, къ которому привела ихъ жизнь? И что это—святые или просто темные и нерадивые люди? Кажется, и то, и другое вмѣстѣ, потому что при всей ихъ нерадивости, если бы они не были такъ кротки по самой натурѣ, они давно поняли бы то, чего еще не понимаютъ теперь, что сила на ихъ сторонѣ... И такъ или иначе они захотѣли бы хоть попробовать тѣхъ земныхъ благъ, которыми на ихъ глазахъ вѣками пользовались и пользуются другіе, болѣе счастливые и въ то же время несравненно болѣе малочисленные. Понять это и, разъ понявъ, искуситься тѣмъ—казалось бы такъ просто. Что же удерживаетъ всю эту великую массу во всей безвыходности ея горя, нужды и безконечныхъ лишеній? Вкоренившаяся ли вѣками и поколѣніями привычка или врожденная благость? И пока говоритъ въ народѣ душа его, живы и мы, все взявшіе себѣ; но когда заговоритъ сила его, что тогда будетъ!

Но приходитъ Агафья и прерываетъ мои размышленія; она кажется сконфуженной нашимъ визитомъ, котораго не ожидала и начинаетъ наскоро что-то прибирать въ избѣ. Маленькій ребенокъ, увидѣвъ ее, кричитъ и тянется къ ней, и она беретъ его, открывая ему свою изсохшую, какъ какой-то жалкій мѣшечекъ, грудь почти уже безъ молока, къ которой дѣвочка жадно припадаетъ сейчасъ же.

— Ты это зачѣмъ же кормишь ее до сихъ поръ, вѣдь ужъ ей третій годъ поди? — спрашиваетъ Сергѣй, не безъ брезгливости поглядывая на эту неэстетичную женскую грудь...

— Пущай ее—говоритъ Агафья потупившись — хлѣба меньше съѣстъ...

Мнѣ кажется, что кто-то даетъ мнѣ пощечину. Сильнѣе, чѣмъ когда-либо, мнѣ стыдно предъ этой изсохшей въ трудѣ и голодѣ, коричневой отъ несходящаго загара женщиной, своей холеной и вдобавокъ даже ни на что и никому ненужной красоты,—если вѣрить, что она есть у меня,—своихъ нѣжныхъ рукъ, ароматнаго бѣлья и ряда пустыхъ комнатъ, въ которыхъ я живу... Я невольно встаю и подхожу къ ней и не знаю, какъ сунуть ей незамѣтнѣе отъ Сергѣя золотой пятирублевикъ, случайно болтающійся въ моемъ карманѣ. Сергѣй возмутится, если узнаетъ, и опять скажетъ, что я ему порчу весь народъ.

Я наклоняюсь какъ будто надъ ребенкомъ и невольно отшатываюсь; весь онъ покрытъ какой-то ужасной сыпью и паршами.

— Что это съ ней, отчего это у нея?—спрашиваю я опять съ ужасомъ.

— А кто ее знаетъ,—спокойно говоритъ Агафья—видно тараканы поѣли, вонъ ихъ туча какая... И она любовно проводитъ по этимъ струпьямъ своей худой коричневой рукой, которой только что убирала телячій навозъ въ коровникѣ. Но есть что-то безконечно трогательное и захватывающее душу болью въ этой коричневой рукѣ, съ такой материнской лаской проводящей по струпьямъ ребенка своего. Точно не имѣя и не умѣя ничего другого, она хотя этой лаской тщетно хочетъ согнать и залѣчить ихъ...

— Пойдемте, Сергѣй, довольно,—говорю я, чувствуя, что душа переполнилась, и всунувъ ей тихонько мой золотой, совершенно, кажется, поражающій ее и представляющійся вѣрно чѣмъ-то въ родѣ упавшаго съ неба богатства, я поспѣшно выхожу вслѣдъ за Сергѣемъ на чистый воздухъ и прежде всего инстинктивно вздыхаю всей грудью.

— Сергѣй!—говорю я ему на возвратномъ пути,—отчего бы вамъ не построить имъ новую, чистую избу,—эта уже вся сгнила почти.

— Сгнила!—восклицаетъ Сергѣй съ негодованіемъ, — да она еще лѣтъ 20 простоитъ. И чего вы, Маруся, только не придумаете. Васъ послушать, такъ всѣмъ имъ палаты пона-

строить нужно, а изъ какихъ такихъ капиталовъ, желалъ бы я знать! И такъ концы съ концами еле-еле сводимъ, каждый годъ на волоскѣ висимъ. Да Евгеній сколько своего еще вкладываетъ. Вы бы это лучше посчитали. Кромѣ убытковъ, ничего и такъ не видимъ, а вы еще хотите всѣмъ тутъ дворцы завести какіе-то.

— Ну, хорошо. Сколько такой дворецъ можетъ стоить? Я беру его на себя, какъ-нибудь скоплю за годъ, но пусть живетъ лучше.

— Ну, рублей 300 надо класть. Да дѣло не въ этомъ. А вы думаете другіе то лучше живутъ! Всѣ одинаково. Коли снаружи изба-то и показистѣе, такъ вѣдь это только снаружи, а внутри у всѣхъ то же самое. Вся Россія такъ живетъ, сударыня, т. е. крестьянская, конечно, наша черноземная Россія. Ну да и у нашего брата-помѣщика, особенно изъ мелкихъ, у многихъ такая же грязь заведена, только попросторнѣе, конечно, а во всемъ прочемъ тоже недалеко ушли. Тѣ же клопы и тараканы всюду ползаютъ, а вы «нельзя ли ей новую»! Нѣтъ, ужъ вы эти фантазіи оставьте, а то вы тутъ мнѣ весь народъ собьете такъ.

Я уже не возражаю и покоряюсь, чувствуя, что мы опять подошли къ заколдованной, непроходимой стѣнѣ. «Вся Россія такъ живетъ»! Какой позоръ и какой ужасъ! Позоръ и государству, допускающему это, и намъ всѣмъ, знающимъ это и равнодушно проходящимъ мимо, позоръ и самому народу, мирящемуся съ этимъ ужасомъ и даже не стремящемуся выйти изъ него... Но что тутъ дѣлать? какъ помочь? чѣмъ? Раздавать сколько хватитъ, кому попадется, мои золотые? Построить двѣ-три новыхъ избы? Какая ничтожная капля въ этомъ океанѣ нужды и горя, и развѣ она что-нибудь измѣнитъ въ общемъ, цѣломъ, невыносимомъ уже, тяжкомъ и постыдномъ! А все лучше, чѣмъ ничего...

Но Боже, Боже, и я смѣю воображать себя несчастной! смѣю страдать и думать о своемъ горѣ послѣ ихъ горя! Да развѣ *то* горе! развѣ оно стоитъ убитыхъ на него страданія и отчаянія! Вотъ, вотъ оно гдѣ во всемъ его великомъ объемѣ и страшной безъисходности, а не у меня, пустой, избалованной всѣмъ и всѣми женщины, страдающей только отъ того, что ее бросили. Но, Господи, дай мнѣ силу остаться здѣсь, забыть все и служить имъ, какъ могу и какъ съумѣю... Можетъ быть и сама я стану здѣсь спокойнѣе и счастливѣе... кто знаетъ!..

25-е сентября.

Я люблю подъ вечеръ проѣзжать съ Сергѣемъ полями въ маленькомъ шарабанчикѣ, на которомъ мы вдвоемъ едва помѣщаемся. Какая тишина и покой повсюду. Небо все золотится, медленно остывая и потухая, и придорожныя ветлы, съ неопавшей еще листвой, нѣжнымъ, темнымъ кружевомъ вырѣзываются на немъ... Вечернія тѣни бѣгутъ и ложатся на поля, широкимъ и холмистымъ горизонтомъ раскинувшіяся во всѣ стороны, куда ни кинешь взглядомъ. Съ нѣкоторыхъ точекъ видъ на нихъ простирается на 20, 30 и больше верстъ... И всюду разбросаны деревеньки и усадьбы. То тутъ, то тамъ выглядываютъ зеленыя маковки бѣлыхъ церковокъ. То тутъ, то тамъ вспыхнетъ и зажжется подъ сумерки огонекъ, закурится въ полѣ костеръ. И издали кажется, что все это потонуло въ садахъ и рощахъ и полно такого мира и покоя. Но гдѣ они, этотъ миръ и покой, отнятый и точно запрещенный человѣчеству! Въ какой душѣ «обрящешь его»? «Ищите и обрящете»! Всѣ ищутъ, Господи, и никто не находитъ. Да, но ищемъ ли? ихъ ли ищемъ? Вѣрнѣе, ищемъ бурь, борьбы, страстей, а не покоя и мира...

26-го сентября.

Люблю ходить тоже и на ригу [1]) въ разгаръ работы. Сколько тамъ жизни, сколько звуковъ и движенія въ общей картинѣ, какія краски! Крики и свистъ рабочихъ, которыми они подгоняютъ лошадей и другъ друга, пыхтѣнье молотилки, ржанье лошадей, работающихъ тутъ же вмѣстѣ съ людьми, цѣлые столбы поднимающейся пыли и въ ней красныя, синія и бѣлыя рубахи мужиковъ и платки бабъ, яркими пятнами мелькающіе на солнцѣ. Вездѣ гигантскіе скирды соломы, цѣлыми горами вырисовывающіеся на фонѣ синевы неба, на которые ежеминутно взлетаютъ все новыя золотыя груды ея. Какъ угорѣлый, несется впереди ихъ верхомъ на лошади рыжій Ромка или высокій, худой, съ впалой грудью Гаврила-работникъ, волоча за собой длинные концы веревокъ, на которыхъ «подаютъ вверхъ», и дѣвушки наверху только успѣваютъ подхватывать и укладывать ихъ. Вездѣ телѣги, вездѣ люди, всѣ объединенные одной спѣшною работой.

1) Молотильный сарай.

Но работа эта точно не тяжелая, а веселая: вездѣ слышны смѣхъ, шутки, у всѣхъ довольныя лица... Чувствуется какое-то общее удовлетвореніе. Хлѣбъ уродился и собранъ, и великая задача года разрѣшена благополучно, что бываетъ, увы, далеко не всегда.

И дѣвушки и парни давно уже ознакомились со мной, даже пришлые изъ другихъ деревень, нанимаемые на подмогу своимъ, ничуть не боятся меня. Напротивъ, мое присутствіе точно подзадариваетъ ихъ, заставляя желать выказать себя получше въ работѣ.

Сергѣй, который всегда почти въ дни молотьбы присутствуетъ лично, не очень довѣряя старостѣ, со своей стороны не скупится на свои своеобразныя подбадриванья работающимъ.

Его великолѣпная фигура, чуть не головой выше остальныхъ, рельефно выдѣляется, облеченная въ рубашку и синій кафтанъ, который онъ надѣваетъ спеціально на эти работы, а зычный голосъ покрываетъ собой даже общій гулъ и свистъ машины.

— Ѳомка, рыжій чортъ!—кричитъ онъ весело и грозно,—ты чего зѣваешь? вотъ погоди, анафема, спустишься внизъ со скирды, я тебѣ твой рыжій-то хохолъ надеру! Будешь на дѣвокъ козырять, образина рыжая!

Кругомъ хохотъ. Всѣ очень довольны и хохочутъ, зная слабость Ѳомки къ прекрасному полу, и больше всѣхъ доволенъ, кажется, самъ «рыжая образина», съ быстротой молніи бросающійся раскидывать солому.

— А ты, Гришка косоротый, тоже не прохлаждайся тутъ, не на печи вѣдь со своей бабой грѣешься, а хозяйскую работу справляешь. Даромъ, что ли, я васъ, лодырей, кормить буду?

И опять въ отвѣтъ общій дружный хохотъ и никакой обиды. Даже бабы и дѣвушки, вышучиваемыя имъ не меньше мужиковъ, не только не обижаются, но остаются кажется очень довольны хозяйскими окриками и шутками, точно особымъ вниманіемъ.

— Ну, ну, Машутка, черная!—говоритъ Сергѣй одной изъ нихъ,—буркалы-то на Митюху не пяль, а поворачивайся живо, а то смотри, какъ бы коса-краса въ моихъ рукахъ не побывала.

И все въ этомъ родѣ. И чѣмъ больше покрикиваетъ и пробираетъ ихъ Сергѣй, тѣмъ споръе, кажется, идетъ работа и тѣмъ бодрѣе и веселѣе кругомъ настроеніе. Невольно приходитъ въ голову, что Сергѣй правъ, говоря что русскій человѣкъ «любитъ», чтобы его ругали.

— Вы знаете, какъ у насъ бабы разсуждаютъ?—спрашиваетъ онъ меня какъ-то,—это, говорятъ, что за мужъ, который не де-

рется. Не бьетъ, стало быть, не любитъ. А вы въ претензіи, что я ихъ ругаю.

Подходитъ зачѣмъ-нибудь староста, солидный пожилой мужикъ. Онъ слегка хромаетъ и заикается и больше всего въ мірѣ боится Сергѣя.

— Ты что же это, дяденька, мнѣ устроилъ?—встрѣчаетъ его Сергѣй,—и послѣ краткаго объясненія я неизбѣжно слышу всякій разъ: «хромой чортъ». И никого, кажется, Сергѣй—вовсе не злой по природѣ, а скорѣе мягкій и добродушный по своему—не разноситъ съ такимъ наслажденіемъ, какъ этого трепещущаго передъ нимъ мужика, который отъ страха теряетъ послѣднюю способность что-нибудь проговорить.

И какъ все это просто: «старый чортъ, хромой чортъ, косой чортъ, рыжій чортъ». Сколько разнообразныхъ чертей, и каждый откликается какъ на собственное крещеное имя.

Какъ же надо забить въ народѣ все самолюбіе и даже самое понятіе о немъ, прежде чѣмъ достигнуть этой «простоты» обращенія» съ нимъ! Самолюбіе! Да онъ даже и слова этого не знаетъ. Оно непонятно ему, какъ конституція, федерація и т. п. иностранныя слова, которыхъ нѣтъ въ его обиходѣ. Есть соотвѣтствующее понятіе гордости, но и она понимается скорѣе какъ грѣхъ, чѣмъ какъ простое человѣческое свойство.

У мѣстнаго богача и лавочника умеръ недавно любимый сынъ, и я слышала, какъ мужики толковали о немъ:—Годеръ больно сталъ, Бога забылъ, вотъ Богъ-то и покаралъ.

Говорятъ, у хищныхъ звѣрей и ядовитыхъ змѣй въ циркахъ, гдѣ дрессируютъ ихъ и кормятся ими, подпиливаютъ и вырываютъ опасные зубы, чтобы сначала обезвредить ихъ и легче управлять ими въ безопасности. То же, кажется, сдѣлали и съ нашимъ народомъ; у него тоже искусственно отнято естественное человѣческое чувство—національное и индивидуальное самолюбіе; оно тоже вырвано у него, чтобы безопаснѣе справляться съ нимъ, съ дикимъ звѣремъ, на случай, если звѣрь проснется въ немъ.

Недавно я даже какъ-то спросила у СергѢя, почему онъ зоветъ ихъ всѣхъ разными чертями. Вѣдь не называютъ же они его въ свою очередь ну, напримѣръ, хоть «толстымъ чортомъ», что ли! Но Сергѣй терпѣть не можетъ моихъ разспросовъ въ этомъ родѣ. Онъ только безнадежно сдвигаетъ отъ нихъ шапку со лба каждый разъ и усерднѣе вытираетъ потный затылокъ.

— Ахъ, Маруся, Маруся!—говоритъ онъ съ укоромъ,—и сколько въ васъ этого самаго революціонерства сидитъ, страсть

просто! Вамъ бы тутъ дать волю, такъ вы бы намъ такую революцію закатили, что...

— Что меня бы повѣсили, хотите вы сказать?

— Очень просто!—говоритъ Сергѣй не безъ удовольствія.

Увы, дѣйствительно у насъ дѣлаются такія вещи «очень просто», даже слишкомъ просто. Впрочемъ, это уже наша система: чѣмъ сложнѣе вопросъ, тѣмъ проще разрубаютъ его, именно разрубаютъ.

И однако это не мѣшаетъ, повидимому, Сергѣю пользоваться искренними симпатіями мужиковъ и рабочихъ. Его положительно любятъ. Я уже не разъ убѣждалась въ этомъ по разнымъ мелочамъ, изъ которыхъ вывожу обыкновенно свои заключенія. Мелочь часто характернѣе крупнаго указываетъ истину.

Я замѣтила, что къ нему охотно идутъ съ разными дѣлами и за совѣтами и съ удовольствіемъ разговариваютъ при случаѣ. Вѣрно, имъ нравится его образный и упрощенный языкъ, онъ понятенъ имъ и сейчасъ же сближаетъ, даже когда онъ ругаетъ ихъ.

Все-таки же въ ихъ глазахъ онъ не «чужакъ», не пришлый, новый баринъ, который «кто его знаетъ, каковъ опъ еще», а этого всѣ знаютъ и въ худомъ и въ хорошемъ, и не только его самого, но знали хорошо и его отца съ матерью, помнятъ и дѣда съ бабкой, кое-кто еще и прадѣдовъ не забылъ. Своему легче прощаютъ, потому все же свой, у всѣхъ на глазахъ выросъ. Это всегда великая связь, которая по неволѣ соединяетъ людей, часто совсѣмъ различныхъ и по положенію, и по натурамъ.

Къ чести Сергѣя надо сказать, что въ серьезномъ онъ ни въ чемъ не притѣсняетъ ихъ, по своему даже заботится, особенно съ тѣхъ поръ, какъ имѣніе взялъ Евгеній и сталъ требовать этого.

Если нужно кому лѣса на избу, муки или деньженокъ впередъ перехватить, охотнѣе всего идутъ сюда же въ Ольховатое, зная, что тутъ скорѣе всего получатъ, и опять-таки особенно съ тѣхъ поръ, какъ хозяйство принялъ на себя Сергѣй. Въ сущности Евгеній, будучи владѣльцемъ имѣнія, дѣлаетъ только самыя крупныя распоряженія и оплачиваетъ всѣ расходы и убытки, которые безконечны, какъ снѣгъ зимой. Хозяйничаетъ же и распоряжается всѣмъ Сергѣй—его замѣститель. Мнѣ кажется, что послѣдній избралъ благую долю, но это, конечно, ихъ дѣло.

29-го Сентября.

Вчера я слышу изъ своей комнаты, какъ Сергѣй говоритъ красивой Пелагеѣ:

— Приходи, какъ стемнѣетъ, къ амбару, знаешь туда, гдѣ прошлый разъ..,

Она собираетъ въ корзину яблоки, и Сергѣй, проходя мимо по саду, думаетъ, что ихъ никто не слышитъ, и не стѣсняется по своему обыкновенію. Но я сижу какъ разъ у окна, выходящаго въ этотъ садъ, и на грѣхъ все вижу и слышу.

— Приходи же!—повторяетъ онъ скорѣе строго, чѣмъ нѣжно. «Хозяинъ» чувствуется и тутъ.

Дѣвушка оставляетъ на минуту работу и стоитъ потупившись, не отвѣчая ни да, ни нѣтъ, и въ ея лицѣ нѣтъ ни удовольствія, ни негодованія.

— Чего уперлась лбомъ въ землю, не слышишь что ли?—поощряетъ ее милостиво Сергѣй.

— Нельзя, Сергѣй Пафродитычъ,—говоритъ она, наконецъ запинаясь,—съ Петрова просватали!

— Такъ что,—говоритъ Сергѣй просто,—хоть бы и выдали даже! Что тебя убудетъ, что ли?

— Узнаютъ, заругаются...—говоритъ она перѣшительно.

— Заругаются, узнаютъ!—передразниваетъ ее Сергѣй, уже слегка сердясь,—а тебя что же за языкъ тянуть будутъ, что ли! Не къ попу вѣдь на духъ идешь. Не болтай зря чего не слѣдуетъ, вотъ тебѣ и не узнаютъ и не заругаются. Тоже отговорку нашла, скажите, пожалуйста! А впрочемъ, какъ желаешь! Не хочешь, такъ и не надо, кланяться тоже не будемъ. Была бы честь предложена... Не желаешь, позову Дашутку Аксиньину — та небось ломаться не станетъ! Тоже кочевряжится! Дура!

И онъ отходитъ съ видомъ оскорбленнаго достоинства, а дѣвушка задумчиво теребитъ въ зубахъ концы платка и, кажется, уже раскаивается.

— Сергѣй, Сергѣй, ну какъ вамъ не стыдно! Что вы дѣлаете,—говорю я ему, когда онъ входитъ и ничего не подозрѣвая, нарывается прямо на меня.

— А вы уже и это слышали,—отвѣчаетъ онъ мнѣ же съ упрекомъ.—Ахъ, Маруся, Маруся, бѣда мнѣ съ вами! И вѣчно-то вы умудритесь увидѣть и услышать, чего не слѣдуетъ! Ну что мнѣ съ вами дѣлать! Еще опишете теперь пожалуй—го-

воритъ онъ, смѣясь и не безъ удовольствія отъ перспективы «быть описаннымъ». Кажется этого только и не хватаетъ для полноты его славы уѣзднаго льва.

— Слѣдовало бы,—говорю,—да не хочется. Нѣтъ, право, ну зачѣмъ вы это дѣлаете? Вѣдь вы же развращаете и губите ихъ этимъ и даже, кажется, не задумываетесь надъ тѣмъ.

— Губите, развращаете! Ахъ, Маруся, Маруся, какъ вы громкія слова любите!—говоритъ онъ съ искреннимъ сокрушеніемъ о моей дурной привычкѣ.—Да онѣ, голубчикъ, и безъ меня всѣ давно погублены и развращены, если посмотрѣть съ вашей точки зрѣнія. Что я, одинъ пѣтухъ на эти мѣста, что ли? И безъ меня всякаго народа довольно для этихъ-то дѣлъ. А по нашему-то, по практикѣ жизни, а не по разнымъ тамъ отвлеченнымъ идеямъ вашимъ, такъ тутъ только въ оба гляди, какъ бы самому съ ними не погибнуть. Вотъ это такъ бѣда—этотъ вопросъ небось посерьезнѣе будетъ: половина уѣзда заражена, коли не больше; отъ этого, если призадуматься хорошенько, такъ дѣйствительно страшно станетъ.

— Тѣмъ хуже, Сергѣй, значитъ какой-то обоюдный ядъ. Вы отравляете имъ душу, онѣ вамъ—тѣло. Тѣмъ ужаснѣе все это.

— Ну меня-то, положимъ, Богъ миловалъ еще. Тоже не дуракъ и не несмышленокъ какой-нибудь, съумѣю оберечься, а вотъ при чемъ тутъ ихъ душа—неизвѣстно. Что же вы думаете, имъ это непріятно, что ли! Да любую только позови—съ удовольствіемъ придетъ. Съ мужиками-то тоже, не Богъ вѣсть какая сласть.

— Мужикъ хоть женится, по крайней мѣрѣ.

— Тоже не каждый-то женится. Одинъ женится, а другой и нѣтъ. А кому жениться надо, тотъ все равно женится, на это не посмотритъ!

— То есть какъ это такъ не посмотритъ?

— Да такъ. Какъ не смотрятъ. Коли женится, значитъ ему прежде всего работница въ домъ нужна. А коли за ней еще и приложеніе десятка въ два, три рублишекъ есть, такъ на прочее ему наплевать въ высокой степени. Да и поди, ищи ихъ тутъ еще; всѣ онѣ одинаковы, каждой съ молоду свое отгулять хочется. Въ бабахъ-то не дадутъ; среди тѣхъ это дѣйствительно рѣдкость, развѣ солдатки или вдовы, а при мужѣ, да еще настоящемъ хозяинѣ, который не по батракамъ шляется, это ужъ не моги. За это и по шеямъ, не поздоровится. Ну а дѣвки-то, тѣ всѣ съ Исаемъ-то до вѣнца еще отликовали.

— Да неужели? Это вы, навѣрное, уже преувеличиваете, не можетъ быть!..

— Да ужъ повѣрьте, въ лучшемъ видѣ, даромъ не скажу. Самъ чуть не съ каждой курсъ проходилъ, такъ ужъ знаю, что говорю.

— Богъ знаетъ, Сергѣй, что вы говорите! — не выдерживаю я, наконецъ, и возмущаюсь — Ну какъ вамъ не стыдно, и даже точно хвастаетесь еще этимъ! Ну тамъ другіе, крестьяне что ли, Богъ ужъ съ ними, но вы то зачѣмъ же это дѣлаете, вѣдь вы то не можете не сознавать все зло этого. Какъ же вы рѣшаетесь на него съ такой легкой совѣстью? Ваше дѣло, какъ человѣка болѣе культурнаго и развитого, было бы скорѣе другихъ остановить, а вы сами ихъ въ ту же пропасть толкаете.

— Да что я имъ сторожемъ отъ Господа Бога, что ли, приставленъ, или становой! Мнѣ-то что, съ какой это я стати въ блюстители ихъ нравственности полѣзу! А по мнѣ, помни 11-ую заповѣдь — «не зѣвай» — и вся недолга.

Удивительно просто рѣшаетъ Сергѣй всѣ самые сложные вопросы. Для него не существуетъ никакихъ дилеммъ и сомнѣній — все просто и ясно. Истый сынъ своего отечества!

— Ужасно! — повторяю я невольно, сознавая, что его все равно не убѣдишь. Да и мнѣ ли убѣждать кого-нибудь!

— Ничего тутъ нѣтъ ужаснаго, — спокойно возражаетъ Сергѣй. — Всѣ въ томъ Богу грѣшны, царю виноваты, на томъ и міръ стоитъ.

— А что же вы думаете, въ нашемъ кругу этого нѣтъ? — спрашиваетъ онъ черезъ минуту, и я чувствую, какъ кровь внезапно бросается мнѣ въ лицо.

— Ужъ повѣрьте, что то же самое происходитъ, только въ обратномъ порядкѣ. Тутъ дѣвки, а у насъ дамы шалятъ. Раньше не смѣютъ обыкновенно, боятся, что замужъ не возьмутъ. Развѣ ужъ очень какая отчаянная. А здѣшняя деревенская этого не боится, она знаетъ, что все равно сойдетъ, такъ что она за дура, чтобы свое упускать, какой ей разсчетъ. Баба, та боится, что мужъ побьетъ, да пожалуй, и такъ еще, что и цѣла не выйдешь. Ну а наши дамы этого не боятся и тоже, понятное дѣло, свое наверстываютъ.

Я сижу молча, не смѣя двинуться, и только чувствую, какъ отъ какой-то холодной боли стыда и тоски, разомъ сжавшей сердце, весь лобъ и затылокъ стали холодными и влажными.

Но Сергѣй готовъ меня заподозрить въ чемъ угодно, только не въ этомъ, и наивно развиваетъ свою идею все дальше и дальше.

— Да и позвольте!—восклицаетъ онъ вдругъ, точно ухватившись за послѣдній аргументъ.—Почему это мужчинѣ можно, а женщинѣ нѣтъ? За что такая несправедливость? Все это одни предразсудки вздорные—вѣрьте мнѣ!

Я и сама говорила себѣ сто разъ то же самое, и тогда это мнѣ казалось разрѣшеніемъ всего, но сейчасъ въ устахъ Сергѣя мнѣ это кажется только противнымъ и пошлымъ и невольно коробитъ, усугубляя какъ бы и самую вину...

— Да и потомъ позвольте, что же бы дѣлали мы-то, если бы всѣ женщины въ серьезъ бы это исповѣдывали. Тоже нечего сказать, въ пріятное положеніе попали бы!—И онъ громко и весело хохочетъ, очень довольный и своей остротой, и своимъ положеніемъ теперь, когда женщины этого вовсе не исповѣдуютъ.

Ахъ Боже ты мой, Боже, какъ все это гадко и противно и пошло и... и я сама себѣ въ томъ числѣ...

30-го сентября и 4-го октября.

Сергѣй любитъ мнѣ исповѣдываться въ разныхъ своихъ любовныхъ похожденіяхъ, которыхъ насчитываетъ десятками, но все больше довольно дешеваго сорта. Кажется, его увлекаетъ не столько качество, сколько количество его романовъ. Онъ ведетъ имъ счетъ, какъ статистикъ и любитель-коллекціонеръ.

Какъ они ни банальны, но нѣкоторую долю пользы и поучительности изъ «сихъ басенъ», конецъ которыхъ всегда одинъ и тотъ же, все-таки же можно извлечь. И я слушаю его довольно охотно, тѣмъ болѣе, что онъ разсказываетъ недурно и по своему даже талантливо, особенно по вечерамъ, подъ затихающую пѣсню самовара, когда за печкой стрекочетъ домашній сверчокъ и вокругъ лампы бьются налетѣвшія изъ темноты открытыхъ оконъ ночныя бабочки и мошки.

Онъ разсказываетъ мнѣ, расхаживая по своей привычкѣ по комнатѣ, а я сижу въ креслѣ у окна или стола, слушая его. И такъ коротаемъ мы наши длинные вечера, въ которыхъ иногда уже чувствуется осень...

Въ сущности мы съ Сергѣемъ добрые пріятели и по своему понимаемъ и даже любимъ другъ друга, хотя почти всегда пикируемся, но это такъ, больше «для упражненія въ словесности», какъ говоритъ онъ, и добродушно.

Порой онъ даже не прочь полюбоваться мной, какъ женщи-

ной, хотя я вовсе не въ его вкусѣ, но онъ находитъ меня «интересной и изящной» и цѣнитъ, что со мной, по его мнѣнію, нельзя соскучиться.

А въ Петербургѣ, когда онъ бываетъ у насъ, онъ очень любитъ выѣзжать со мной. Это занятіе до сихъ поръ способно увлекать его, какъ мальчика; тогда онъ обыкновенно оглядываетъ меня съ ногъ до головы и восхищается моими туалетами, съ видомъ тонкаго знатока и цѣнителя, которыхъ я совсѣмъ въ немъ не признаю, говоря, что для этого надо пройти хорошую школу, а его не шла дальше Щигровскаго уѣзда и Курской губерніи, чѣмъ не на шутку сержу его.

Иногда онъ громогласно заявляетъ тоже, что если бы не былъ моимъ beau-frère'омъ, то адски ухаживалъ бы за мной, на что я неизмѣнно отвѣчаю ему, что скоро бы пересталъ, потому что убѣдился бы, что ничего изъ этого не выйдетъ.

На это онъ обижается и съ искреннимъ негодованіемъ восклицаетъ: «Да позвольте, почему ужъ вы это такъ увѣрены? Посмотрѣли бы мы еще тогда» и прибавляетъ съ самодовольнымъ видомъ, обдергивая жилетъ, или собирая своеобразнымъ жестомъ руки свою бородку: «К.....ы», сударыня, фіаско не знаютъ!»

Въ сущности онъ добрый малый, на котораго нельзя сердиться и по своему очень неглупый и много наблюдавшій человѣкъ; мнѣ съ нимъ тоже, несмотря на всю разность нашихъ натуръ и умовъ, скучно никогда не бываетъ. Это качество мы обоюдно цѣнимъ другъ въ другѣ. Вѣроятно, оно-то и является главнымъ фундаментомъ нашихъ пріятельскихъ отношеній—не дружбы, нѣтъ, мы не друзья, а именно пріятели.

5-го октября.

Пріѣхалъ Евгеній и я рада ему; опять всколыхнуло въ груди все старое. Слишкомъ много пришлось пережить съ нимъ вмѣстѣ, и самый видъ его, одно присутствіе будятъ въ душѣ знакомую боль и мучительно напоминаютъ все то, что такъ боюсь вспоминать и не вспоминать чего не въ состояніи.

Я сказала Евгенію о моемъ желаніи остаться здѣсь на зиму, но онъ и слышать о томъ не хочетъ.

— Помилуй,—говоритъ онъ,—какъ ты тутъ будешь совсѣмъ одна! Ни докторовъ, ни аптеки, ни людей подходящихъ кругомъ да и домъ уже непадеженъ для зимы, вездѣ продуваетъ и сквозитъ. Да ты въ первую же недѣлю хорошихъ морозовъ такъ просту-

дишься, что все равно придется совсѣмъ уже больную перевозить обратно. Нѣтъ, милая, я рѣшительно не согласенъ на это.

А разъ если онъ противъ, конечно, надо уступить и покориться. У него и такъ уже столько отнято. Не могу же я прямо сказать ему, что здѣсь мнѣ легче будетъ совладать съ собой, съ своей тоской... Да и во что бы то ни стало надо скрыть отъ него, какъ и отъ всѣхъ въ мірѣ, эту постыдную, унизительную тоску... скрыть даже отъ себя самой...

7-е октября.

Сегодня мы пошли всѣ втроемъ лежать на соломенные ометы. Это удовольствіе дѣтства и юности Евгенія. Сюда онъ приходилъ читать Гомера и Тацита уже въ 13—14 лѣтъ, нарочно забираясь подальше отъ людей и поближе къ небу. Онъ говоритъ, что смотря бывало въ куполъ его, распростертый надъ головой, ему казалось, что онъ видитъ и наблюдаетъ вселенную. И часто онъ проводилъ тамъ не только дни, но даже и ночи, засыпая прямо подъ звѣздами и просыпаясь съ восходомъ солнца.

Ему хотѣлось оживить въ памяти эти впечатлѣнія вмѣстѣ со мной, и онъ настоялъ, чтобы я поднялась вмѣстѣ съ ними.

Это не такъ-то легко. Ометы соломы накладываются въ нѣсколько саженей высоты и тянутся вдоль саженей на 20, изображая собой громадину не меньше четырехэтажнаго дома. Мнѣ помогали Евгеній и Сергѣй, и все-таки же я едва добралась до верха и сначала не нашла въ этомъ ничего хорошаго; напротивъ, мнѣ все казалось, что мы провалимся въ солому или оступимся и упадемъ внизъ, и я почти не рѣшалась тамъ двигаться, въ то время какъ Сергѣй для моего убѣжденія въ полной безопасности, протанцовалъ, «вспоминая старину», вальсъ чуть не по самому краю омета. Когда-то онъ также забирался сюда, но не для того, чтобы читать или мечтать, какъ Евгеній, а больше для разныхъ rendez-vous, благо тамъ никому не приходило въ голову «искать», а еще чаще — для маленькихъ пирушекъ и пикниковъ, которые онъ устраивалъ тамъ съ товарищами и барышнями. Они забирали сюда закуски и напитки и устраивали настоящіе балы съ музыкой и танцами, тѣмъ болѣе интересные, что мамаши и тетеньки не охотились туда за ними лѣзть, а барышнямъ нравилась необычайная обстановка и чувство опасности и страха во время танцевъ. Сергѣй увѣряетъ, что изъ всѣхъ ба-

ловъ это были самые веселые, но я съ недовѣріемъ поглядывала внизъ съ нашей высоты. Очевидно, и къ удовольствіямъ надо развить привычку и вкусъ, иначе ихъ не понимаешь.

Но когда мы легли посреди стога, закинувъ руки подъ головы, и я вдругъ увидѣла прямо надъ собой необъятное звѣздное небо, я невольно поняла Евгенія.

Казалось, дѣйствительно надъ нами раскинулась вселенная, безконечная въ своей ширн и глубинѣ, съ міріадами мерцающихъ звѣздъ, съ туманной полосой млечнаго пути—необъятная и непостижимая, отъ которой мы такъ далеки въ нашей повседневной простой жизни, что почти забываемъ о ней, но изъ которой мы всѣ пришли и куда уйдемъ, таинственные и неизвѣстные самимъ себѣ, не познавшіе здѣсь даже себя.

И вотъ, можетъ быть, еще впервые я какъ бы дѣйствительно увидѣла вселенную, которой не видѣла и не замѣчала раньше, запертая въ своемъ крошечномъ міркѣ и невольно содрогнулась, подавленная ея необъятностью и страшной тайной.

Она глядѣла на насъ изъ глубины темнаго неба, безчисленными милліонами своихъ загадочныхъ міровъ, свѣтившихся изъ ночной тьмы, какъ чьи-то страшные божественные глаза, все видящіе и все вѣдающіе. И я вдругъ почувствовала себя такой песчинкой, такой ничтожной, почти несуществующей отдѣльно въ своей индивидуальности, въ другое время такъ переполнявшей для меня собою міръ, что самое существованіе его внѣ «ея» казалось точно немыслимымъ...

И было странно слушать простой, громкій голосъ Сергѣя, разсуждавшій такъ же увѣренно, какъ у себя въ конторѣ, объ умолотѣ ржи и цѣнахъ на пшеницу. А меня охватывалъ все больше и больше какой-то мистическій ужасъ, отъ котораго хотѣлось бѣжать или зарыться, какъ ребенку, съ головой въ соломы, лишь бы не чувствовать и не видѣть надъ собой этого страшнаго, необъятнаго неба съ глядѣвшими оттуда чуждыми мірами.

Вѣчность! Вселенная! Какія страшныя, непостигнутыя нами слова, неуловимыя даже воображеніемъ. Даже оно, такое причудливое и смѣлое въ остальномъ, создающее намъ цѣлыя волшебныя картины, вызывающее къ жизни исчезнувшія эпохи и невиданныя страны, здѣсь точно пугается и, складывая свои сіяющія крылья, погружается во тьму... Отчего, сколько бы ни создавали мы «научныхъ» теорій, предположеній и гипотезъ, оно не въ состояніи освѣтить ни одну изъ нихъ своимъ яркимъ свѣтомъ! Отчего, когда я произношу мысленно эти слова, я не

чувствую ничего реальнаго, не могу ничего представить себѣ за ними, за ихъ звукомъ, теряющимся въ представляемой безконечности, и точно проваливаюсь въ какую-то темную, бездонную пустоту, все поглощающую въ себѣ!

Вѣчность! Самое представленіе о ней точно раздавливаетъ и уничтожаетъ, и при малѣйшей попыткѣ попять ее, охватить, проникнуть въ тайну ея, съ нашей мыслью дѣлается то же, что съ глазами, когда мы пытаемся взглянуть на солнце.

Я лежала, почти не смѣя двигаться и открывать глаза, и, должно быть, Евгеній, какъ и всегда, угадалъ мое смятеніе, хоть я и молчала, и, взявъ мою руку, тихонько гладилъ и ласкалъ ее въ своей, почти не отвѣчая Сергѣю.

Тогда примолкъ на минуту и тотъ.

—Шть вызвѣздило-то какъ!—сказалъ онъ, замѣтивъ, наконецъ, небо и тоже задумался о чемъ-то. И мы слились съ тишиной, уже не нарушая ее своими голосами и думая каждый про себя.

Но Сергѣю это скоро надоѣло. Онъ сладко зѣвнулъ и вскочилъ на ноги, потягиваясь во весь ростъ и странно вырѣзываясь своими огромными мѣшковатыми контурами на фонѣ звѣзднаго неба.

— Ну, пора и по домамъ, къ самовару тянетъ,—заявилъ онъ, помогая мнѣ подняться и предлагая спустить меня внизъ на рукахъ, какъ когда-то какую-то изъ кузинъ.

Но мнѣ не хотѣлось еще балагурить съ нимъ какъ всегда и я предпочла помощь Евгенія. Но когда мы спустились и пошли сжатымъ, пустыннымъ, точно прислушивающимся къ тишинѣ ночи щетинистымъ полемъ, тихо шуршавшимъ подъ нашими шагами, внезапный страхъ, страхъ предъ небомъ, предъ пустынностью темныхъ полей, предъ Богомъ, гдѣ-то тамъ въ высотѣ раскидывавшимся надъ головой, предъ чѣмъ-то невѣдомымъ и непостижимымъ вновь охватилъ меня, и, уже не борясь съ нимъ, я вдругъ побѣжала, совсѣмъ такъ какъ бѣгала бывало испугавшись чего-нибудь еще дѣвочкой...

И разъ поддавшись страху бѣжала, не отдавая себѣ отчета, все быстрѣй и шибче, точно спасаясь отъ того невѣдомаго и страшнаго, настигающаго меня своей властью въ этихъ пустынныхъ, темныхъ поляхъ—бѣжала прямо къ дому, къ людямъ, къ освѣщеннымъ окнамъ, свѣтившимся издали и точно звавшимъ скорѣй къ себѣ, точно обѣщавшимъ защитить и спрятать отъ всего угрожающаго и непостижимаго.

И только вбѣжавъ въ домъ и очутившись въ освѣщенной

столовой, гдѣ уже кипѣлъ самоваръ и Анюта накрывала ужинъ, звеня посудой и ножами, я снова какъ бы нашла себя, свое простое чувство жизни, свое крохотное мѣсто въ необъятной вселенной и мнѣ стало смѣшно и стыдно своего внезапнаго страха, такъ овладѣвшаго мною тамъ...

Но неужели мы такъ малы и ничтожны, что можемъ чувствовать себя спокойно и увѣренно только въ привычныхъ условіяхъ привычной повседневной жизни, гдѣ все знакомо и все просто, въ стѣнахъ нашихъ домовъ, которыми мы точно ограждаемъ себя отъ всего, что лежитъ за рубежомъ нашего пониманія и нашей воли! Въ нихъ мы воображаемъ себя великими, умными и властными въ своей человѣческой силѣ, которой такъ много приписываемъ, въ которой такъ увѣрены и которую такъ легко утрачиваемъ, едва встаемъ предъ лицомъ чего-то иного, къ чему такъ мало подготовлены и во что страшимся проникать даже мыслью.

Что, въ сущности, и здѣсь отдѣляетъ меня все отъ той же великой тайны, предъ которой невольно содрогаешься? Старыя стѣны и тонкая крыша!—И тѣмъ не менѣе ихъ уже достаточно, чтобы успокоиться.

Тамъ свѣтились звѣзды загадочныхъ міровъ, зажженныхъ чьей-то таинственной и страшной рукой, тутъ же горитъ маленькая лампа, заправленная Анютой, и въ распахнутыя окна смотритъ знакомый дворъ и садъ, по которому ходятъ люди такіе же, какъ и я и слышатся ихъ голоса, странные тамъ, въ окружавшемъ безмолвіи міра, и такіе простые здѣсь.

И самыя звѣзды, мерцающія сквозь листву тополей, кажутся уже не загадочными мірами, а скорѣе тѣми тихими «Божьими огнями», о которыхъ разсказывала еще въ дѣтствѣ старушка няня съ ея простой, трогательной вѣрой, которой мы уже не съумѣли усвоить и передать во всей ея былой душевной теплотѣ и прелести нашимъ дѣтямъ, и жить имъ отъ того будетъ, вѣрно, еще труднѣе, чѣмъ жилось даже намъ...

Но приходятъ Евгеній съ Сергѣемъ.

— Что вы такъ испугались и сбѣжали отъ насъ?—спрашиваетъ меня Сергѣй.

Я смѣюсь и отвѣчаю какой-то шуткой. Теперь здѣсь мнѣ опять уже и стыдно, и трудно объяснить, *чего* испугалась я *тамъ*. Да и пойметъ ли онъ!

— Ну давай, Марьюшка, чаю,—говоритъ Евгеній. И все разомъ снова становится простымъ и яснымъ, если не въ душѣ, то кругомъ, въ окружающей жизни, такой знакомой и привычной и по своему все же прекрасной... несмотря ни на что.

Нѣтъ, въ маленькой комнаткѣ все же лучше, чѣмъ въ необъятной вселенной...

9-го октября.

Сегодня мы разсматривали старинный альбомъ гравюръ, оставшійся еще отъ стариковъ. Разсматривая Тиціановскую Венеру, Евгеній вдругъ говоритъ: «Когда Маруся еще не начинала болѣть и не была такъ исхудавши, какъ сейчасъ, я не видѣлъ женщины, сложеннои лучше ея».

И сердце мое вдругъ охватила радость и гордость отъ этихъ словъ, потому, потому что...

Но сейчасъ мое старое бѣлое платье и новая прическа, гладкая съ проборомъ, что любитъ Евгеній, плѣнили и Сергѣя, и онъ говоритъ мнѣ.

— То есть рѣшительно, Маруся. вы одна изъ самыхъ привлекательныхъ женщинъ, какихъ я знаю и зналъ! — говоритъ онъ, одобрительно разглядывая меня.—И какъ же бы я ухаживалъ за вами, если бы вы не были женою Евгенія: страсть!

Мы смѣемся всѣ трое, потому что отлично знаемъ теоретичность всѣхъ этихъ восклицаній. Сергѣй все это говоритъ, но, слава Богу, еще никогда не пытался пробовать этого на практикѣ; оттого вѣрно мы и остаемся съ нимъ добрыми пріятелями.

И я отвѣчаю ему, какъ всегда въ этихъ случаяхъ:

— Я же вамъ сто разъ говорила уже, Сергѣй, что изъ этого ничего бы не вышло, и вы только даромъ потратили бы ваше драгоцѣнное время.

Тогда и Сергѣй обижается, тоже какъ и всегда.

— Нѣтъ, это даже удивительно!—восклицаетъ онъ разобиженно,—и съ чего вы это такъ безапелляціонно рѣшили, въ самомъ дѣлѣ! Я же вамъ докладывалъ уже, какъ нѣкоторыя дамы такъ говорили, а потомъ приходили какъ разъ къ обратному.

— Ну, значитъ вы были во вкусѣ этихъ дамъ,— говорю я,— а я не люблю такихъ громоздкихъ мужчинъ, это не мой типъ.

Сергѣй комически вздыхаетъ и говоритъ довольно многозначительно:

— Знаю я вашъ типъ!.

А я сейчасъ вся внутренно съеживаюсь и настораживаюсь, и что-то ужъ замираетъ въ груди сладко и больно, какъ всегда, когда я предчувствую, что сейчасъ будетъ произнесено роковое

имя, и уже пугаюсь заранѣе, но тѣмъ не менѣе спрашиваю, точно на зло себѣ:

— Какой типъ?

—Да нечего, нечего!—говоритъ Сергѣй, хитро подмигивая,—знаемъ мы, гдѣ раки зимуютъ. «Какой типъ»! скажите, пожалуйста! а этотъ-то черненькій, какъ его, ну жидочекъ-то вашъ!

Охъ! я даже вздрагиваю вся отъ оскорбленія, и мнѣ кажется, что онъ хлеснулъ меня по лицу или вонзилъ ножъ прямо въ сердце! «Жидочекъ»!

И мнѣ хочется ударить его, хочется сказать что-нибудь злое, злое, что оскорбило бы его также больно. Но Евгеній здѣсь, и я должна щадить его и не выдавать своего негодованія. Поэтому я говорю только, какъ будто шутя, но довольно ѣдко:

— Нельзя сказать, чтобы вы были великодушны къ отсутствующимъ соперникамъ. Пожалуй, онъ могъ бы сказать о васъ что-нибудь еще злѣе и вѣрнѣе.

— Что-жъ обо мнѣ говорить,—сердился Сергѣй почти уже не на шутку.—Слава Богу, рожденъ отъ православныхъ родителей, а онъ какъ тамъ себѣ ни верти, а все же «жидочекъ»!

Но тутъ неожиданно вступается вдругъ Евгеній.

— У этого «жидочка»,—говоритъ онъ сумрачно и съ удареніемъ, тоже какъ бы задѣтый Сергѣемъ,—крупное европейское имя въ наукѣ, и этотъ «жидочекъ» одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и интересныхъ людей...

Онъ точно вступается и за него и за меня, а можетъ быть... можетъ быть, и за себя... за свое самолюбіе. Но отъ всего этого разговора, поднявшагося такъ случайно и неожиданно, у меня уже похолодѣли руки и звенитъ въ ушахъ чуть не до обморока, хотя внѣшне я успѣла справиться съ собой и принять обычный равнодушно-шутливый видъ, какъ будто и дѣйствительно все это мнѣ ничего не стоитъ и отнюдь не трогаетъ.

— И прибавьте еще къ этому, дивный музыкантъ! Вотъ видите, сколько достоинствъ, которыхъ нѣтъ у васъ!—говорю я, притворяясь, что уже нарочно дразню Сергѣя.

—Ну еще бы—восклицаетъ онъ съ пафосомъ — всѣ таланты и геніальности въ даръ на прокатъ за дешевые проценты отпущены; жаль только, что «немного ошибку далъ» и неосторожно выбралъ своихъ родителей, а, впрочемъ, и сіе ему можетъ быть только въ украшеніе.

Но, вѣроятно, боясь, что зашелъ слишкомъ далеко и желая уже помириться со мной, неожиданно переходитъ въ другой тонъ и говоритъ.

— Я полагаю, что долженъ же человѣкъ представлять собой что-нибудь, если удостоился обратить на себя ваше вниманіе. Иначе и быть не можетъ.

— Вѣроятно,—говорю я ему въ тонъ. А Сергѣй киваетъ вдругъ на Евгенія и говоритъ, опять подмигивая и посмѣиваясь:

— А онъ-то обидѣлся, кажись, больше вашего.

— Я только справедливъ,—говоритъ Евгеній. И оба мы опять находимъ въ себѣ силу разсмѣяться, и невольно я обнимаю его, благо сижу на ручкѣ его кресла и крѣпко, крѣпко прижимаюсь къ нему, вся полная внутренне растроганной благодарности и безконечной жалости и нѣжности къ нему... за все... за все... и разговоръ переходитъ на что-то другое, но долго еще звенитъ у меня гдѣ-то въ ушахъ и сердцѣ: «жидочекъ!»

«Жидочекъ!», а я думала—«Богъ!».

10-го октября.

На разсвѣтѣ былъ сильный утренникъ, и выпалъ первый, легкій снѣжокъ. Когда я встала и подошла къ окну, все кругомъ было бѣло, и запоздавшіе въ отлетѣ грачи сидѣли сумрачно и нахохлившись на оголившихся уже почти совсѣмъ деревьяхъ... Только кое-гдѣ рѣдкіе, желтые листья зябко дрожатъ и трепещутъ на вѣткахъ...

Сразу вдругъ пахнуло зимой. Правда, къ полудню все растаяло, но еще утромъ деревенская дѣтвора съ радостнымъ визгомъ и крикомъ продавливала голыми красными ноженками тонкій слой льда, покрывшій прудъ у береговъ... Черезъ день мы всѣ разъѣзжаемся отсюда вмѣстѣ съ послѣдними грачами, долго о чемъ-то озабоченно кричавшими и слетѣвшимися на наши деревья изъ сосѣднихъ рощъ и полей. Всѣ деревья были полны ими и въ воздухѣ стонъ стоялъ отъ ихъ трескотни.

Казалось, они о чемъ-то спорятъ и совѣщаются, стараясь перекричать другъ друга и поджидая остальныхъ, все подлетавшихъ отовсюду. И каждаго новаго присутствовавшіе уже встрѣчали все однимъ и тѣмъ же дружнымъ однообразнымъ крикомъ, на который онъ отвѣчалъ короткимъ и рѣзкимъ звукомъ, словно здороваясь и привѣтствуя собраніе.

Тѣ же, что жили на деревьяхъ нашего сада и двора, по нѣсколько разъ возвращались къ своимъ гнѣздамъ, спѣшно и суетливо вертясь подлѣ нихъ и что-то осматривая въ нихъ, точно съ тревогой оставляя свои дома на долгую зиму...

Потомъ они всѣ вдругъ снялись, поднялись всей стаей и полетѣли куда-то на западъ съ послѣдними, какими-то жалобными, тревожными, быть можетъ, прощающимися криками... И долго еще ихъ стая темной, движущейся тучей видпѣлась на сѣромъ фонѣ неба и вѣтеръ доносилъ ихъ крикъ, все удалявшійся и затихавшій вдали, пока не затихъ совсѣмъ и стая не скрылась за горизонтомъ, словно растаявъ въ пространствѣ...

И разомъ все кругомъ стало тихо, тихо и какъ-то пусто. «Поздняя осень, грачи улетѣли...»

Да, грачи улетѣли, поля замолкли, осыпались деревья—пора разлетаться и намъ. Евгеній ѣдетъ еще на Кавказъ, Сергѣй домой, а я въ Харьковъ и въ Кіевъ къ моимъ друзьямъ...

12-го октября.

Сегодня опять тихій, мягкій, осенній, сѣренькій денекъ. Мы пошли съ Евгеніемъ обойти въ послѣдній разъ поля и садъ, проститься съ ними...

Сначала мы шли полями, тихими, пустынными и замолкшими, надъ которыми только изрѣдка крутились черныя вороны, поднимавшіяся съ земли при нашемъ приближеніи. Такъ тихо, тихо было кругомъ и мягкій воздухъ точно прощальной лаской обвѣвалъ лицо. Сколько разъ проходила я тутъ за эти пять недѣль—и каждый разъ ихъ тишина, просторъ и свѣтлая даль что-то словно заживляли въ душѣ, притупляя ея мучительную боль, ея безумное отчаяніе, съ которыми пришла я къ нимъ сюда впервые... Если что-то смирилось и успокоилось внутри, это сдѣлало оно, милое, старое Ольховатое, его покой, тишина и одиночество... его затерянность отъ міра между этими полями и небомъ, его близость къ природѣ, великой цѣлительной силѣ ея... Близость къ ней, къ простому человѣку, къ ихъ простой мудрости и словно къ Богу... безъ котораго такъ тяжко жить тому, кто горячо чувствовалъ Его раньше...

Потомъ мы прошли къ моей любимой скамеечкѣ у пруда, проститься съ ней... Все кругомъ было занесено желтыми листьями, облетѣли даже ивы... только самый прудъ сѣрѣлъ еще лѣниво и сонно, точно и онъ собирался уже отдыхать зимнимъ покоемъ, а напротивъ дремала за нимъ въ легкомъ туманѣ деревенька. Тамъ кто-то пѣлъ заунывную русскую пѣсню, и она повисала надъ водой и тихой жалобой разносилась по воздуху туда, къ полямъ, гдѣ бѣлѣлась старая церковь... Сквозь оголившіяся деревья кладбища

виднѣлись темные, точно намокшіе отъ слезъ осени крестьянскіе кресты, бѣжавшіе по косогору... Тамъ же когда-нибудь быть можетъ ляжемъ и мы съ Евгеніемъ... рядомъ съ милымъ мужемъ моимъ, уйдя отъ всего навсегда и все забывъ, все простивъ...

И мы стояли съ нимъ такъ рука объ руку, прислушиваясь къ пѣснѣ, къ тишинѣ и къ своимъ примолкшимъ душамъ. И вдругъ раздался благовѣстъ!..

Это для насъ была заказана служба передъ отъѣздомъ. И столько какой-то благости и умиротворенія было въ знакомыхъ, съ дѣтства запавшихъ въ душу звукахъ... Этотъ благовѣстъ, эти поля, эта дремлющая за прудомъ деревня и бѣлая церковь за ней и ея кресты и доносящаяся откуда-то заунывная пѣсня, все это слившееся между собой и точно приросшее къ душѣ, къ сердцу, все это—родина, милая и безконечно близкая, несмотря ни на что, родина! родина! родина! родина!.. И все существо мое вдругъ такъ почувствовало ее, такъ слилось съ ней разомъ, и растроганное и умиленное сознаніе ея какой-то сладкой волной всколыхнуло грудь, подступило къ горлу и хлынуло слезами изъ глазъ... И я заплакала, сама не понимая о чемъ... но понялъ вѣрно Евгеній. Молча, ничего не говоря, ни о чемъ не спрашивая, прижалъ онъ меня къ себѣ, тихо гладя рукой мою голову...

И на душѣ дѣлалось все свѣтлѣе и умиленнѣе, и плакать было радостно и сладко, точно нашлось что-то потерянное, забытое, какъ будто умершее уже и вдругъ воскресшее и затеплившееся снова...

А рука его все гладила мою голову, и въ ней, этой тихой ласковой рукѣ тоже было что-то безконечно свое, родное—тоже родина,—слившееся вмѣстѣ съ этими родными полями, съ этимъ благовѣстомъ и тишиной окружавшаго покоя.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА.

I.

Въ жертву наукѣ!..

— Позвольте представиться! Я—прозекторъ анатомическаго театра...

— Я васъ знаю; помните, встрѣчались у Т... Чѣмъ могу служить?..

— Видите ли, у меня необыкновенное дѣло...

— Полно, ничего необыкновеннаго нѣтъ... Не стѣсняйтесь!...

— Не знаю... Дѣло идетъ о покупкѣ мертваго тѣла...

— Что-о?! Какого??!..

— Да собственно еще не мертваго... Она пока жива и здорова...

— Ничего не понимаю... Неужели что-нибудь вродѣ мертвыхъ душъ Чичикова?...

— А вотъ послушайте...

— Разскажите!..

— Недавно ко мнѣ въ прозекторскую пришла молодая, красивая дѣвушка—портниха. Она принесла записку отъ пріятеля врача. Я плохой разсказчикъ. Прочтите, сразу все поймете...

Я взялъ.

Его товарищъ писалъ: — «посмотри эту необыкновенную женщину. У нея всѣ внутренности перемѣщены: сердце на правой сторонѣ, желудокъ на лѣвой. Феноменъ! Если тебѣ удастся изслѣдовать ея сердце, ты напишешь работу, которая прогремитъ на весь цивилизованный міръ. Не могу отказаться отъ удо-

вольствія оказать тебѣ въ этомъ мою добрую, просвѣщенную услугу (помни для предисловія!). Я выслушивалъ дѣвушку и лично убѣдился, что она создана по собственному подобію! Да здравствуетъ же наука и молодой ученый»!

— Ну, хорошо... Но при чемъ—эта записка?

— Она все объясняетъ...

— Неужели вы обвиняетесь въ покушеніи на ея убійство?...—спросилъ я шутя.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я попросилъ пришедшую позволить ее выслушать. Согласилась. Да, она оказалась необыкновенной женщиной! Исторія анатоміи знаетъ такіе случаи, но они недостаточно изслѣдованы! Теперь же возможность научнаго изслѣдованія такъ широка и велика!.. И я твердо рѣшилъ добыть ея мертвое тѣло!

— Какъ?!

— Конечно безъ преступленія...

— Но вѣдь сейчасъ это невозможно...

— Я понимаю. Рѣчь идетъ о будущемъ...

— Что же произошло дальше?! Разскажите!

— Я объяснилъ портнихѣ, что она—исключительный человѣкъ...

— «Что же помирать мнѣ, что-ли?»—испуганно спросила дѣвушка.—Нѣтъ, нѣтъ,—успокоилъ я ее. Вы можете еще долго жить и здравствовать, но у меня къ вамъ просьба!—«Какая?»—Не можете ли Вы устроить, чтобъ ваши родственники продали намъ вашъ трупъ?...—«Ничего не понимаю, какой трупъ?»—спросила она.—Ну, мертвое тѣло...—«Чье»?..—Да ваше! отвѣтилъ я и получилъ злой окрикъ.—«Что ты?! Чтобъ тебѣ пусто было! Я—дѣвушка порядочная! Чего ты ко мнѣ привязался?!»... Я долго объяснялъ ей...

— Поняла?..

— Одно хорошо поняла, что я—не даромъ прошу. «Пусть», —говорю,—«ваши родственники продадутъ потомъ, когда умрете, а Вы, дай Богъ здоровья, побольше живите»... Она отошла сердцемъ.

— «А для чего Вамъ это тѣло-то мое?! Еще надругаетесь!»—«Нѣтъ»,—говорю,—«будьте спокойны; все будетъ по правиламъ, по порядку... Мы васъ разслѣдуемъ. Работу напишемъ. Вы такъ и скажите вашимъ домашнимъ: въ случаѣ, если вы умрете, пусть поскорѣе доставятъ намъ ваше тѣло! За это они получатъ хорошія деньги. Я не пожалѣю пятисотъ рублей...

— И что-жъ, согласилась?

— Вотъ тутъ-то дѣло и начинается. Прошло нѣсколько дней. Приходитъ она ко мнѣ разстроенная, взволнованная.

— «Что такое?»

— Нельзя ли сдѣлать такъ, чтобъ самой деньги получить?!

— «За что?»

— А за мой трупъ!

— «Вы еще живы!»

— Да, но вы мнѣ впередъ заплатите! А то сейчасъ я и дома боюсь быть! Разсказала я домашнимъ... У меня только они и есть—братъ двоюродный да его жена... Обрадовались они страшно... И взяло меня сомнѣніе... Стали такъ дико на меня смотрѣть, что хоть изъ дому бѣги. Боюсь въ ротъ что-нибудь взять... Все оглядываю да обнюхиваю... Одними яйцами начала кормиться... Могутъ, знаете, каждую минуту отравить... Тогда что-же я?! Умру, вы будете меня на куски рѣзать, а они за это будутъ гулять и веселиться? Такъ лучше же я сама погуляю да повеселюсь, а вы ужъ потомъ меня рѣжьте, когда придетъ время...

— «Ну что-жъ»,—отвѣтилъ я ей,—«конечно, это имѣетъ свои основанія, вы правы. Но если покупать заранѣе, я долженъ доложить объ этомъ факультету»...

— Я дѣйствительно и доложилъ на собраніи медицинскаго факультета. Всѣ отнеслись очень сочувственно къ этой идеѣ. Факультетъ готовъ дать 500 рублей за ея трупъ, если есть возможность юридически прочно обезпечить полученіе его. Съ этимъ вопросомъ я и обращаюсь къ вамъ!

— Говоря правду, я даже не представляю себѣ, какъ-бы это сдѣлать! Конечно, возможно духовное завѣщаніе, но достаточно написать новое съ болѣе поздней датой и прежнее уже отмѣнено...

— А для чего ей писать новое?

— Да потому, что она будетъ ѣздить по разнымъ университетскимъ городамъ и являться во всѣ прозекторскія. Ее осмотрятъ и, навѣрное, тоже предложатъ гонораръ за это оригинальное завѣщаніе...

— Можно предупредить всѣ университеты...

— Будьте увѣрены, что, получивъ первые пятьсотъ рублей, она появится въ прозекторскихъ не только Европы, но затѣмъ и всей Америки...

— Нельзя ли какую-нибудь неустойку по особому договору выговорить?

— Да неужели вы сомнѣваетесь, что американскіе врачи

или университеты не покроютъ десяти неустоекъ?! И что ей неустойка?—Отвѣтитъ: ничего у меня нѣтъ, деньги давно прожиты... И напишетъ еще одно завѣщаніе...

— Ну, а подписка о невыѣздѣ?..

— Достаточно ей тогда отъ тоски покончить съ собой, и ея завѣщаніе теряетъ силу...

— Почему?

— Завѣщанія самоубійцъ недѣйствительны ..

— Нельзя-ли придумать какой-нибудь договоръ?!

— Да вѣдь вамъ нуженъ ея трупъ, а пока вы будете судиться съ ея наслѣдниками, ее уже похоронятъ... Даже соединеніе всего этого—черезчуръ малая гарантія для васъ... Ея трупъ, несмотря ни на какія условія, можетъ достаться кому угодно, но не вамъ. Правда и пятьсотъ рублей — небольшія деньги... Есть чѣмъ рискнуть...

— Ахъ, тутъ не въ деньгахъ дѣло! Я долженъ во что бы то на стало оставить за собой ея трупъ... Это такая поразительная находка!..—воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

— Вы холосты?

— Да...

— Вы сами говорили, что она молода, красива... Женитесь на ней ради науки!—замѣтилъ я смѣясь.

— Что-о?!

— Для нея выходъ за васъ—такая карьера... Она одинока, даже родныхъ боится... Я увѣренъ, что она охотно пойдетъ за васъ...

— И я гарантированъ?—улыбнулся онъ...

— Да, ничто не держитъ женщину такъ на привязи какъ наши русскіе законы о замужнихъ... Если она уѣдетъ, вы ее вытребуете даже съ того свѣта, и полиція вамъ доставитъ ее. Въ анатомическій же театръ вы своевременно отправите ее сами. Вы изучите ее при жизни, какъ никто...

— А вѣдь знаете, это тоже идея...—отвѣтилъ онъ, и хотя смѣялся, мнѣ показалось, что моя шутка произвела на него впечатлѣніе... По крайней мѣрѣ, онъ уходилъ довольный, насвистывая веселый маршъ.

II.

Жакъ Лакомбъ.

(Изъ злоключеній клієнта).

— Вы можете не говорить. Всякій обвиняемый имѣетъ право молчать, и его никто за языкъ не тянетъ...

Сказавъ эти прекрасныя слова, жандармскій полковникъ вопросительно гляпулъ на меня добродушными глазами.

— Въ такомъ случаѣ я буду молчать...

— Это ваше частное дѣло... Только будьте любезны, запишите въ протоколъ, что вы отказываетесь давать какія бы то ни было показанія...

— Сдѣлайте одолженіе!

И я охотно, стараясь быть понятнымъ, написалъ самымъ разборчивымъ почеркомъ свой отвѣтъ на вопросъ, признаю ли себя виновнымъ:—«желаю молчать».

Наша бесѣда и до, и послѣ этого велась въ корректнѣйшемъ тонѣ.

И когда я кончилъ писать, жандармскій полковникъ, подмахнувъ мое показаніе, или, вѣрнѣе, «нежеланіе давать показаніе», также любезно, съ корректнѣйшей въ мірѣ улыбкой, сказалъ:

— Ну, теперь пожалуйте...

— Все туда же?

— Да, придется посидѣть...

— Въ губернской?

— Конечно...

И столько дружескаго сочувствія было въ этихъ словахъ...

— Надолго?

— Не знаю... Отъ васъ зависитъ...

— Въ такомъ случаѣ я желалъ бы поскорѣе. Согласитесь сами: сидѣть подъ замкомъ не такъ весело...

Онъ молча и мило развелъ руками, точно говоря ими:—«да, конечно!»...

И меня увезли въ тюрьму. И снова потянулись мучительные дни одиночнаго заключенія. Я старался не сдаваться и часто, вспоминая свой послѣдній разговоръ съ полковникомъ, отвѣчалъ самому себѣ на всѣ сомнѣнія: «отъ васъ зависитъ!»

И не сдавался: молчалъ и сидѣлъ, сидѣлъ, повторяя эти слова... Точно дѣйствительно отъ меня зависѣло сидѣть въ тюрьмѣ...

Черезъ три мѣсяца меня снова привезли въ жандармское управленіе, и снова начался все тотъ-же любезнѣйшій въ мірѣ «разговоръ». Да, разговоръ молчанія и о молчаніи.

— Не желаете отвѣчать?! Пожалуйста, пожалуйста, не безпокойтесь! Ваше законнѣйшее право! Такъ и запишемъ...

И мы записали...

А на прощанье полковникъ все такъ же мило говорилъ:

— Да, вамъ придется долго посидѣть! Ничего не подѣлать. Знаете, пока мы все сами узнаемъ и установимъ безъ вашей помощи, времени уйдетъ немало! Ну, да вамъ, очевидно, его и не жаль... Что жъ, посидите!..

Тюремное заключеніе приводило меня въ отчаяніе. Работать—читать, писать—я уже не могъ. И когда одиночество начало сводить съ ума, я рѣшилъ развлечься бесѣдой съ любезнымъ полковникомъ. И тогда я написалъ ему прошеніе, ходатайствуя вызвать меня «для разговора».

День спустя я былъ привезенъ къ полковнику.

Онъ встрѣтилъ меня какъ вернувшагося на лоно блуднаго сына. Привѣтливо, радушно.

— Очень мило, что написали. Очень радъ побесѣдовать съ вами...

— Я тоже... Ну, что новаго въ политическомъ мірѣ?..

— Какомъ?—спросилъ съ изумленіемъ полковникъ...

— Да вѣдь я газетъ не читаю, а вы читаете... Меня интересуетъ весь міръ!..

— Ахъ!.. Ничего особеннаго...

— Но о какихъ событіяхъ сообщаютъ газеты?

— Какъ всегда, о пустякахъ! Но, позвольте, вы никакъ просили вызвать васъ, чтобъ поговорить со мною... Такъ я къ политикѣ, а тѣмъ болѣе міровой, не имѣю никакого отношенія...

— О нѣтъ, я желалъ только побесѣдовать...

— Ну, такъ приступимъ къ дѣлу...

— Къ какому?

— Вашему... Разскажите, отъ кого у васъ это письмо?..

— Простите, господинъ полковникъ, вы сами сказали, что по закону я имѣю право...

— Конечно, конечно...

Онъ позвонилъ. Вошелъ жандармскій унтеръ-офицеръ.

— Распорядись немедля приготовить карету.—Надо будетъ отвезти обратно моего собесѣдника.

Полковникъ показалъ на меня глазами.

— Вамъ нечего сказать?—спросилъ онъ, когда унтеръ скрылся за дверью.

— Нечего...

— Придется еще посидѣть...

— Сдѣлайте одолженіе...

И меня снова увезли.

Послѣ этого, соскучивъ одиночнымъ томленіемъ, я опять написалъ полковнику, что прошу вызвать «для бесѣды». Я еще разъ проѣхался по шумнымъ улицамъ города въ управленіе, хотя и въ душной каретѣ, но съ комфортомъ и безпадежной мечтой кого-нибудь увидѣть или встрѣтить. Снова побесѣдовалъ съ полковникомъ о законнѣйшемъ изъ законнѣйшихъ правъ подсудимаго и снова вернулся въ тюрьму...

Мое третье прошеніе вызвать для новой бесѣды не имѣло никакого успѣха!

Прошло шесть мѣсяцевъ, а полковникъ не «приглашалъ» меня. Даже просьба допросить, правда—безъ указанія, о чемъ именно, не оказала никакого дѣйствія.

Полковникъ хотѣлъ взять меня измором. Я его—молчаніемъ..

И я томился въ тюрьмѣ! За письмо отъ болтливаго человѣка, даже не полученное мною, а «случайно» прочитанное на почтѣ... Я по прежнему не желалъ назвать его, моментами надѣясь, что онъ самъ сдѣлаетъ это...

А полковникъ все не вызывалъ меня. Иногда мнѣ начинало казаться, что онъ просто забылъ о моемъ существованіи. Моя мать, у которой я былъ единственнымъ сыномъ, жила въ провинціи, а здѣсь въ городѣ не было никого изъ близкихъ. И некому было надоѣдать въ жандармскомъ управленіи, некому обивать порогъ, напоминать, напоминать и тѣмъ двигать дѣло.

Я еще разъ написалъ полковнику, прокурору. Отвѣта не было... И я ломалъ голову, какъ заставить ихъ вспомнить обо мнѣ...

Удивительный мудрецъ-тюремщикъ составилъ нашу библіотеку. Ничего глупѣе, скучнѣе и бездарнѣе «народныхъ» книжекъ, наполняющихъ ее, нельзя было себѣ и представить. И чтеніе такихъ книгъ, вынужденное отъ бездѣлія чтеніе, было второю тюрьмою, быть можетъ, еще худшей—тюрьмою духа... И я метался въ этомъ чтеніи, переходя отъ одной книжки къ другой, уныло, тоскливо витая въ образахъ кровавыхъ убійствъ и злодѣяній. И когда однажды, утомленный такимъ чтеніемъ, я почувствовалъ, что болѣе читать не способенъ, то рѣшился заняться... чистописаніемъ!.. Да, просто переписывать изъ этой

глупой книжки «О коварномъ Ричардѣ» и тѣмъ убивать время! И я открылъ первое попавшееся мѣсто. Удивительно! Оно представляло собою «трогательное» письмо несчастнаго преступника къ прокурору, письмо съ раскаяніемъ въ тяжкомъ преступленіи, въ убійствѣ родного брата... Письмо было подробное.—«Я не могу больше молчать, совѣсть замучила меня!»—писалъ несчастный Жакъ.—«Я долго таилъ въ душѣ свое злодѣяніе. Но тюрьма, одиночество и образъ брата, который постоянно невѣдомыми путями является ко мнѣ въ ночной тиши, заставляютъ меня заговорить. Я, я, а не кто иной убилъ его! То звѣрское, загадочное убійство, которое привело въ ужасъ весь городъ, совершено мною! Мои руки въ крови, и эта кровь вопіетъ! Я задушилъ его, я одинъ спряталъ трупъ въ мѣшокъ и стащилъ въ озеро, это я выкололъ на лицѣ покойнаго глаза, изуродовалъ его, чтобъ никто не могъ узнать! Несчастный офицеръ, схваченный и арестованный по моему оговору, въ этомъ убійствѣ неповиненъ!»...

Далѣе въ письмѣ шли «потрясающія» подробности самаго убійства... Я списалъ его отъ начала до конца, кромѣ подписи «Жакъ Лакомбъ». И когда окончилъ эту работу, вдругъ подумалъ: зачѣмъ ей пропадать даромъ?! Пошлю-ка мое упражненіе по чистописанію полковнику, пусть полюбуется какими пустяками мнѣ—путейскому инженеру—приходится здѣсь заниматься. И я отправилъ мою рукопись любезному полковнику, прибавивъ отъ себя къ посланію: «сіе собственноручно отъ начала до конца писалъ инженеръ Иванъ Петровъ». Послалъ—и за тюремной скукой забылъ объ этомъ...

Прошло четыре дня. Вдругъ утромъ ко мнѣ въ камеру входитъ старшій надзиратель.

— Поскорѣе одѣвайтесь, зовутъ въ жандармское управленіе! Торопятъ! ..

Я обрадовался и поторопился. Пріѣзжаю. Ведутъ въ кабинетъ самого начальника. На дверяхъ надпись. Въ воздухѣ чувствуется что-то торжественное. Въ кабинетѣ—мой добрѣйшій полковникъ, съ серьезнымъ, дѣловитымъ выраженіемъ на лицѣ. Здѣсь же товарищъ прокурора. Въ погонахъ. Меня просятъ присѣсть на прекрасное мягкое кресло, обитое шелковымъ ковромъ. Я охотно разваливаюсь въ немъ. Къ допросу приступаетъ самъ начальникъ-генералъ. Въ рукахъ у него... мое чистописаніе!.. Боже мой, когда я увидѣлъ письмо злополучнаго Жака, я едва удержался отъ смѣха! Но общая торжественность сдержала меня

— Это вы писали?..—гостепріимно обратился ко мнѣ генералъ...

— Я...—послѣдовалъ самый скромный въ мірѣ отвѣтъ.

— Собственноручно?.. Признаете?..

— Конечно!..

— Какимъ образомъ у васъ все это произошло?..

— Отъ скуки...

— И вы отъ скуки рѣшились?..

— Да... Обо мнѣ точно забыли, и я хотѣлъ напомнить о о себѣ...

— То есть, какъ напомнить?!—Неужели, убивъ своего брата, вы не почувствовали...

— Въ первый разъ слышу о такомъ убійствѣ!

— Перестаньте шутить. Это дѣло серьезное...

— Какія шутки?!—У меня никогда и никакого брата не было...

— Какъ не было!.. А убитый?

— Какой?

— Яковъ!

— Ничего не понимаю!..

— Но вѣдь вы пишете!

— Это не я!

— А кто же, чортъ возьми!

— Это пишетъ Жакъ Лакомбъ!

— Какой?

— Герой бульварной книжечки «О коварномъ Ричардѣ», полученной мною изъ самой паиказеннѣйшей, тюремной библіотеки...

— Вы глумитесь?

— Нисколько! Несчастный Жакъ Лакомбъ сдѣлалъ эту глупость подъ диктовку коварнаго Ричарда, а я ее дословно списалъ...

— Не можетъ быть!

— Если хотите, пошлите за «Коварнымъ Ричардомъ». Онъ—у меня въ камерѣ на столѣ... Легко убѣдиться: списано дословно...

— Что-о?

— Дословно! Отъ скуки настоящимъ чистописаніемъ занялся...

— Вотъ видите, я говорилъ!—воскликнулъ товарищъ прокурора.—Я все время говорилъ, что тутъ что-нибудь скрывается... А вы такъ кипятились!

— Еще бы, офицеръ невинно арестованъ!

— Вы заставили меня написать объ этомъ министру...

— Вы сами сказали, что туда поступаютъ купоны о новыхъ дѣлахъ отъ всѣхъ слѣдователей... Сами же говорили, что только въ министерствѣ...

— Да, но теперь отписывайся! Чѣмъ я все это объясню?!

— Тѣмъ, что очень долго держали меня въ тюрьмѣ, и я началъ сходить съ ума,—скромно вставилъ я...

— Да ужъ! Принять Жака Лакомба за васъ—это точно... И сидите-то вы нелѣпо...

— Господинъ прокуроръ, умоляю васъ поскорѣе отпустить мою душу на покаяніе! Право, годъ моего молчанія доказываетъ, что я не назову болтливаго автора письма...

— Прежде чѣмъ освободить, надо во всякомъ случаѣ убѣдиться, что вы дѣйствительно списали... Я сейчасъ затребую книжку по телефону,—сказалъ мой милый полковникъ...

— Да, да, ее придется послать при бумагѣ министру...

Они убѣдились, что ни одна запятая не была мною пропущена, и освободили меня въ тотъ же день.

Когда я вышелъ на волю и точно узналъ, что авторъ письма умеръ, то сообщилъ имъ его имя... И что же? Меня теперь административно высылаютъ... Я думаю, что это за Жака Лакомба, такъ какъ больше не за что!—Вотъ ужъ подлинно правы хохлы, когда говорятъ: и перевернись бьютъ, и недоперевернись—бьютъ!.. Вѣдь, когда я выходилъ изъ тюрьмы, то благославлялъ имя Жака, а теперь... Не можете ли вы, господинъ адвокатъ, помочь указаніемъ, куда обратиться?..

Владиміръ Берештамъ.

ТРАГЕДІЯ ВѢРНОСТИ.

I.

Міровая энергія, она же и Афродита-Уранія, опредѣляющая взаимное тяготѣніе брошенныхъ въ пространство тѣлъ, въ силу своей божественной прихоти сдѣлала несоизмѣримыми вращательныя движенія земли и луны. Этимъ она задала неразрѣшимую задачу своей великой противницѣ, Деметрѣ-Ѳесмофорѣ, блюстительницѣ правильности и благозаконія въ гражданскомъ сожительствѣ людей, когда она пожелала воспользоваться взаимоотношеніемъ этихъ движеній для установленія гражданскаго года и мѣсяца.

Населеніе нашей маленькой планеты и понынѣ разорвано на части вслѣдствіе неразрѣшимости этой задачи. А впрочемъ трагедій на эту тему не пишутъ. Для этого наше отношеніе къ Афродитѣ-Уранін недостаточно страстное; оно гораздо болѣе занимаетъ нашъ разумъ, чѣмъ волнуетъ наше сердце.

Но та же богиня въ послѣдовательномъ восхожденіи по послѣдовательнымъ царствамъ своей міровой державы, поднимаясь отъ неорганической природы къ органической, затѣмъ—къ одушевленной, наконецъ—къ человѣческой, пожелала сдѣлать еще болѣе несоизмѣримымъ взаимное тяготѣніе мужскихъ и женскихъ особей въ томъ дѣлѣ, которое для нея дороже всѣхъ—въ дѣлѣ продолженія породы. Уподобивъ ихъ другъ другу въ кровообращеніи, въ пищеваренін, въ нервныхъ реакціяхъ и особенно въ мыслительныхъ функціяхъ головного мозга, она именно въ той области, о которой здѣсь говорится, уничтожила всякое подобіе между ними, опредѣливъ первой быть оплодотворяющимъ,

а второй—оплодотворяемымъ началомъ. Этимъ было положено основаніе двойной физіологіи въ области половыхъ функцій, при полномъ сходствѣ во всѣхъ прочихъ частяхъ физическаго организма. А при зависимости психологіи отъ физіологіи, двойственность послѣдней не могла не повести и къ двойной психологіи во всемъ, что касается полового вопроса. И, наконецъ, при столь же несомнѣнной зависимости нравственности отъ психологіи, та основная двойственность должна была дать и дала дѣйствительно въ конечномъ итогѣ и двѣ различныя морали: мораль мужчины и мораль женщины, несоизмѣримыя и непонятныя одна для другой.

Такъ повелѣла Афродита—уже не Уранія, а Пандема, какъ мы ее называемъ, или Афродита просто. И этимъ она опять поставила неразрѣшимую и еще болѣе мучительную задачу все той же своей великой противницѣ, блюдущей правильность и благозаконіе въ гражданскомъ сожительствѣ людей, Деметрѣ-Ѳесмофорѣ.

* * *

Попробуемъ разобраться въ смыслѣ этого повелѣнія. Вѣдь античная точка зрѣнія есть въ то же время, какъ правильно сказалъ проф. Рауберъ, и точка зрѣнія біологическая — и во всякомъ случаѣ стоитъ къ ней ближе, чѣмъ какая-нибудь иная.

Итакъ, Афродита прежде всего опредѣлила, чтобы женская особь, однажды оплодотворенная, вплоть до выдѣленія плода уже не могла быть оплодотворена другой мужской особью. Изъ этого физіологическаго корня выростаетъ психологическій цвѣтокъ исключительной любви женщины къ своему избраннику, выростаетъ то чудное сознаніе, которое на трогательномъ языкѣ жены-голубицы выливается въ слѣдующія слова: я не могу полюбить другого, не разлюбивъ *его*. А изъ этой чисто женской психологіи выростаетъ и тотъ чисто женскій нравственный долгъ, который мы называемъ вѣрностью—прибавимъ для ясности: *отрицательной вѣрностью*...

Я очень прошу тутъ читателя не прерывать яснаго хода разсужденія разными смущающими справками, которыми его можетъ снабдить этнологическая и палеэтнологическая ученость: о групповыхъ бракахъ, о поліандріи, о матріархатѣ и т. д. Не все то естественно, что встрѣчается у дикарей; и грубо ошибаются тѣ, которые переносятъ папуасскую культуру въ предположительный примитивизмъ родоначальниковъ греческаго на-

рода. Я преклоняюсь передъ авторитетомъ ботаниковъ, признающихъ въ монерѣ скромнаго пращура, изъ котораго мало-по-малу, въ теченіе милліонолѣтій, развился нашъ дубъ. Но все же я позволяю себѣ думать, что монера, изъ которой развился дубъ, была нѣсколько иного рода, чѣмъ та, которая за тѣ же милліонолѣтія дала нашу монеру; ибо если бы она была совсѣмъ такая же, то изъ нея тоже вышла бы монера, а не дубъ.

Мужской особи Афродита опредѣлила, чтобы оплодотворивъ одну женскую, она не лишалась склонности оплодотворить и другую, и такъ далѣе. А то, что въ біологіи именуется склонностью, въ психологіи даетъ волю, въ нравственности—долгъ. Другими словами: ни исключительной любви, ни отрицательной вѣрности Афродита мужской особи не положила. Значитъ ли это, что отъ нея никакой вѣрности не требуется? Что правъ Шопенгауеръ, сказавшій, что вѣрность женщины естественна, а вѣрность мужчины—искусственна? Не совсѣмъ. Сравнительная безпомощность отягченной ребенкомъ матери налагаетъ на отца долгъ заботы объ обоихъ. Отсюда голосъ совѣсти, говорящій благородному, т. е. естественно чувствующему мужчинѣ: полюбивъ—не разлюбляй. Но это уже не отрицательная, а *положительная вѣрность*.

Это, повторяю, прежде всего. Во-вторыхъ, Афродита опредѣлила, чтобы рожденье было явнымъ, зачатіе же — тайнымъ актомъ. Отсюда различныя послѣдствія невѣрности—я разумѣю отрицательную—того и другого супруга. При невѣрности мужа жена тѣмъ не менѣе знаетъ, что рожденное ею дитя—ея дитя; при невѣрности же жены мужъ не можетъ знать, ему ли принадлежитъ рожденное его женою дитя, или нѣтъ. Отсюда, при наличности инстинкта отцовства, адскія мученія одной стороны—вспомнимъ Филиппа Второго передъ портретомъ инфанты въ трагедіи Шиллера: «моя, или не моя?»—мученія, совершенно неизвѣстныя другой сторонѣ. Отсюда также, по признаніи желательности обоюдной отрицательной вѣрности (объ этомъ признаніи потомъ), тѣмъ не менѣе гораздо болѣе строгое отношеніе, при одинаковыхъ условіяхъ, къ невѣрности жены, чѣмъ къ невѣрности мужа. Это неравенство имѣетъ своимъ основаніемъ незыблемый біологическій фактъ, что невѣрность мужа оставляетъ семью неприкосновенной, между тѣмъ какъ невѣрность жены ее разрушаетъ.

Въ третьихъ, Афродита, надѣливъ и ту, и другую особь одинаковой продолжительностью жизни, по неисповѣдимой своей прихоти постановила, чтобы плодоносная пора мужчины была

много длительнѣе таковой же поры у женщины. Женская молодость цѣликомъ укладывается въ мужскую, но не наоборотъ, и жестокая богиня, воздвигши для мужчины это Прокрустово ложе, предоставила ему самому рѣшать, что дѣлать со свѣшивающимся сверху или снизу концомъ. А что это значитъ, это пусть скажетъ намъ одинъ изъ умнѣйшихъ пророковъ ея противницы, Аристотель: «поэтому надлежитъ женщинамъ вступать въ бракъ восемнадцати, а мужчинамъ—тридцати семи лѣтъ или около этого; въ этомъ случаѣ они, идя вровень другъ съ другомъ, по разсчету времени вмѣстѣ достигнутъ конца дѣторождной поры» (Политика VII, 14 § 6).

И въ четвертыхъ, Афродита,—и это самое таинственное изъ ея таинствъ,—опредѣлила, чтобы первая мужская особь, оплодотворившая женскую, этимъ самымъ наложила на нее свою неизгладимую печать, непонятнымъ образомъ вліяющую на естество слѣдующаго, хотя бы и въ другомъ союзѣ прижитаго ею ребенка. Поэтому, строго говоря, только первый мужъ (въ біологическомъ смыслѣ) женщины является единственнымъ отцомъ своего ребенка, между тѣмъ какъ уже второй оплодотворяетъ ее совмѣстно съ призракомъ перваго. И, дѣйствуя съ чудесной послѣдовательностью, она устроила такъ, что обманъ со стороны женщины тутъ невозможенъ: всякій мужчина имѣетъ возможность распознать, первый ли онъ мужъ своей жены или нѣтъ. Отсюда цѣнность дѣвственности,—а это понятіе, какъ показываетъ само слово, существуетъ только для женщины и лишь путемъ натяжки переносится на мужчину.

Изо всего этого выводъ одинъ: многобрачіе (біологическое) для мужчинъ, единобрачіе для женщинъ. И если-бы мужчины, недовольные этимъ рѣшеніемъ (а большинство имѣло бы полное основаніе быть недовольными) обратились къ Афродитѣ съ жалобой: да какъ же такъ? на всѣхъ не хватитъ! — она презрительно отвѣтила-бы имъ: И не надо, чтобы хватило. Бейтесь смѣло изъ-за вашихъ самокъ: онѣ достанутся лучшимъ, эти лучшіе получатъ многократную возможность продолжать свою породу, а худые будутъ ея лишены вовсе. Вашъ родъ отъ этого станетъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ совершеннѣе—а это и есть то, чего я хочу.

А если-бы женщины, въ свою очередь, стали ее упрекать: отчего такая несправедливость? Отчего, возложивъ на насъ муки родовъ, ты еще ограничиваешь нашу свободу такими требованіями, которыхъ ты мужчинамъ не ставишь? — отвѣтъ и имъ былъ-бы готовъ: Нѣтъ лишенія тамъ, гдѣ нѣтъ и потребности;

а за ваши страданія я награждаю васъ счастьемъ материнства—такимъ, съ которымъ ничто въ жизни мужчины сравниться не можетъ. Итакъ, не ропщите; я справедлива, и нѣтъ правды внѣ меня.

* *
*

Такова была задача, поставленная Афродитой Деметрѣ-Ѳесмофорѣ. Надлежало сопзмѣрить несопзмѣримое: построить семью на сожительствѣ мужчины и женщины, съ тѣмъ, чтобы на семьѣ построить гражданскую общину.

И вотъ, поверхъ закона Афродиты легъ законъ Деметры, провозгласившій принципъ единобрачія, какъ главный устой семьи и общины. Домъ былъ признанъ конструктивной единицей государства,—а домъ предполагалъ одного хозяина и одну хозяйку. Изъ домовъ слагалась политическая община,—а ей нужны были гражданинъ и гражданка. Деметра исключила изъ среды женщинъ, обходящихъ ея праздникъ, всѣхъ тѣхъ, кто не былъ гражданкой и хозяйкой, ставъ таковой путемъ законнаго брака. Дѣторожденіе, какъ таковое, отступило на задній планъ: «даю тебѣ мою дочь для выпашки *законныхъ* дѣтей»—такова была торжественная формула, заимствованная изъ исконной области Деметры, посредствомъ которой тесть-гражданинъ пріобщалъ зятя-гражданина къ своей семьѣ. Афродита была устравена; не ей, а строгой блюстительницѣ единобрачія Герѣ ввѣрила Деметра «ключи брака» въ своей общинѣ. Вмѣстѣ съ единобрачіемъ и обязательность для обѣихъ сторонъ также и отрицательной вѣрности была, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, провозглашена. Положительной вѣрностью—«полюбивъ, не разлюбляй!»—Деметра не довольствовалась; перенося также и на мужа то, что Афродита опредѣлила женѣ; она говорила и ему: «полюбивъ одну, не влюбляйся въ другую»... Правда, выраженія эти не совсѣмъ точны: они отдаютъ Афродитой. Хозяйственная Деметра выразилась-бы иначе; но дѣло не въ выраженіи.

Самое серьезное затрудненіе представляло для нея то Прокрустово ложе, о которомъ было сказано выше, и свѣшивающійся либо снизу, либо сверху конецъ мужской молодости. Она въ принципѣ велѣла ему свѣшиваться снизу. Мы видѣли, что Аристотель рекомендуетъ мужчинѣ поздній бракъ по біологическимъ разсчетамъ; къ тому-же вели соображенія и хозяйственнаго характера. Времена были здоровыя, и хозяинъ до семидесяти пяти лѣтъ врядъ-ли чувствовалъ склонность передать хозяйство сыну и лечь на полати. А для этого было желательно,

чтобы этотъ сынъ именно къ тому времени женился—для чего условіемъ было, опять таки, чтобы самъ отецъ родилъ его около середины прожитой жизни. Такъ и получается Аристотелево опредѣленіе—на что онъ, впрочемъ, намекаетъ и самъ.

Отсюда практическій выводъ: до 35—37 лѣтъ ты свободенъ, а затѣмъ — бракъ и обѣ вѣрности. Свободенъ! Что это значитъ? Какъ ею пользоваться, этой свободой? Чужая жена—запретный плодъ; объ этомъ ниже. Чужая дочь — тоже, въ силу четвертаго повелѣнія Афродиты; объ этомъ выше... Оставимъ эту тему; мы слишкомъ хорошо знаемъ этотъ суррогатъ, который Деметра, скрѣпя сердце, допустила въ своей общинѣ, чтобы спасти принципъ единобрачія. Онъ то и былъ отданъ Афродитѣ; опорочено было святое имя богини, она была низведена до блюстительницы «естественной потребности», оторванной отъ дѣла дѣторожденія и этимъ опошленной и загрязненной... А впрочемъ, для гетеры было хорошо, что рука богини была простерта надъ нею: благодаря этому ея положеніе было все-таки не такъ безотрадно, какъ позднѣе, въ христіанскомъ мірѣ.

Легче было справиться съ первымъ затрудненіемъ. Почтенной посредственности—а таковыхъ было, разумѣется, большинство—нечего было забираться въ чужое гнѣздо, такъ какъ тамъ сидѣла другая посредственность, столь-же почтенная и имѣющая столько-же біологическихъ правъ на продленіе своей породы; суррогатъ-же былъ въ данномъ случаѣ баловствомъ. Итакъ, Гера могла быть довольна: отрицательная вѣрность была въ принципѣ признана обязательной для обѣихъ сторонъ.

Правда, нарушеніе ея каралось не одинаково—и закономъ, и общественнымъ мнѣніемъ. Въ этомъ, если угодно, можно признать проявленіе «двойной морали», но можно — что сводится къ тому же и вмѣстѣ съ тѣмъ нагляднѣе — представить себѣ дѣло, какъ своего рода параллелограммъ силъ, въ которомъ одною изъ составляющихъ будетъ законъ Афродиты, а другою—законъ Деметры. Женѣ и Афродита (объ исключеніяхъ—ниже), и Деметра велятъ соблюдать вѣрность; нарушая ее, она «поддѣлываетъ»—adulterat—потомство своего мужа, давая ему дѣтей чужой крови, точно поддѣльныя монеты, adulterini nummi. Это и есть adulterium; только прелюбодѣяніе жены и можетъ быть обозначено этимъ словомъ. Итакъ, здѣсь законы Афродиты и Деметры взаимно усиливаютъ другъ друга, и равнодѣйствующая равна ихъ суммѣ, доходя до разрѣшенія мужу убить невѣрную жену вмѣстѣ съ прелюбодѣемъ. Напротивъ, невѣрность—отрицательная — мужа нарушаетъ только законъ Деметры, а не

Афродиты. Здѣсь и взысканіе меньше: жалоба въ совѣтъ родственниковъ, въ тяжелыхъ случаяхъ—особенно если невѣрный мужъ «обижалъ» или «безчестилъ» жену—судъ передъ архонтомъ и разводъ, съ его гражданскими послѣдствіями.

Мы говоримъ объ историческихъ временахъ; но что и въ героическія времена дѣло, въ принципѣ, обстояло не иначе, объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ роль Геры у Гомера: въ ней освящена законная ревность жены-единобрачницы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ и примѣры, какъ положительные — я имѣю въ виду Лаэрта и его ключницу Евриклею (Од. I, 426, перев. Жуковскаго):

> Куплена въ лѣтахъ цвѣтущихъ Лаэртомъ она; заплатилъ онъ
> Двадцать быковъ и ее съ благонравной своею супругой
> Въ домѣ своемъ уважалъ наравнѣ, но себѣ не позволилъ
> Ложа коснуться ея, опасаяся ревности женской,—

такъ и отрицательный, мрачная семейная исторія Аминтора, о которой повѣствуетъ Иліада (IX, 448 сл.).

Итакъ, единобрачіе и обоюдная вѣрность, какъ положительная, такъ и отрицательная—таковъ законъ Деметры. Прежде чѣмъ заговорить объ исключеніяхъ, остановимся на правилѣ: представимъ себѣ возможно нагляднѣе ту картину тихаго счастья, которое Деметра даритъ своимъ приверженцамъ. Мы найдемъ ее въ «Домостроѣ» Ксенофонта, тамъ, гдѣ описывается супружеская жизнь Исхомаха и его молодой жены (гл. 7). Онъ взялъ ее, будучи уже зрѣлыхъ лѣтъ, совсѣмъ молоденькой, умѣвшей только ткать да стряпать; сговорился онъ о ней съ ея родителями, а какъ она къ нему относилась до брака, видно изъ его безподобныхъ словъ о ней: «когда она ко мнѣ настолько привыкла и стала ручной, что могла со мной уже разговаривать...» Тогда именно началось ученіе: ученіе о домѣ, чтобы онъ какъ можно лучше развивался подъ его и ея попеченіемъ. «Подъ моимъ попеченіемъ?—спрашиваетъ жена;—да что я могу сдѣлать? Вся сила—твоя; мой же долгъ, говорила мнѣ матушка, одинъ: быть вѣрной тебѣ». «Да и мнѣ,—отвѣтилъ Исхомахъ,—отецъ мой заповѣдывалъ тоже самое; но вѣдь обоюдная вѣрность совмѣстима съ обоюдной заботой о домѣ». И вотъ, онъ развиваетъ ей сущность этой обоюдной заботы; ея основа—дѣлежъ всѣхъ трудовъ по хозяйству между мужемъ и женой: мужу—работа внѣ дома, пріобрѣтеніе, женѣ—работа внутри дома, использованіе и охраненіе пріобрѣтеннаго. Она довольно сложна, эта женская работа: и выдѣлка платья, и приготовленіе хлѣба,

и выдача продуктовъ. «Одна изъ твоихъ обязанностей,—сказалъ тутъ Исхомахъ,—пожалуй, покажется тебѣ непріятной: если кто изъ челяди заболѣетъ, то уходъ за нимъ—дѣло твое». «Напротивъ,—отвѣтила жена,—эта обязанность—изъ самыхъ пріятныхъ. Вѣдь за хорошій уходъ они отвѣтятъ мнѣ благодарностью и любовью». Въ дальнѣйшемъ разговорѣ жена все-таки старается выставить мужа главной силой въ домѣ: «вѣдь мое охраненіе и распредѣленіе внесеннаго въ домъ будетъ смѣхотворнымъ занятіемъ, если ты не позаботишься о томъ, чтобы въ него извнѣ вносилось то, что надо».—«Да и мое внесеніе,—отвѣчаетъ мужъ,—будетъ смѣхотворнымъ, если не будетъ въ домѣ лица, способнаго охранять вносимое». Затѣмъ, возвращаясь къ вопросу о челяди, онъ, надо полагать—съ улыбкой, прибавилъ: «Самое же пріятное для тебя то, что если ты окажешься лучше меня, ты и меня сдѣлаешь своимъ слугой, и тебѣ не придется бояться, что съ приближеніемъ старости твое положеніе въ домѣ станетъ менѣе почетнымъ, напротивъ: ты будешь увѣрена, что съ годами ты будешь тѣмъ почтеннѣе въ нашемъ домѣ, чѣмъ лучшимъ товарищемъ ты будешь мнѣ и лучшей хозяйкой-матерью нашимъ дѣтямъ».

Такова безыменная для насъ супруга Исхомаха—настоящій образецъ жены-голубицы въ древне-аѳинской жизни. Ея счастье, что она вышла именно за Исхомаха. Его имя не занесено на скрижали аѳинской исторіи: ни на войнѣ, ни въ народномъ собраніи, ни въ состязаніяхъ Діониса не заставилъ онъ говорить о себѣ... Но можно смѣло сказать: не составляй Исхомахи большинства въ аѳинскомъ народѣ, не обладай онъ въ ихъ лицѣ тою здоровой и крѣпкой гражданской почвой, которая одна только обезпечиваетъ здоровье и крѣпость самого государства—въ немъ не могло бы быть и тѣхъ, имена которыхъ записаны на скрижаляхъ его исторіи.

Это несомнѣнно такъ. Но ради полной правды слѣдуетъ также прибавить: если бы аѳинскій народъ состоялъ изъ однихъ только Исхомаховъ,—его собственное имя не было бы записано на скрижаляхъ всемірной исторіи.

* * *

Законъ Деметры былъ принятъ народами на всемъ европейскомъ западѣ; другіе народы жили по другимъ законамъ. И вотъ, началось долгое состязаніе между тѣми и другими. Въ этомъ состязаніи побѣдила Европа, а съ ней и Деметра. Не можетъ быть культурнаго прогресса безъ единобрачія: таковъ смыслъ этой побѣды.

Такъ, по крайней мѣрѣ, было до сихъ поръ; какъ будетъ дальше, не знаемъ.

И все же рѣчь шла пока только о принципѣ, о правилѣ; пора сказать и объ исключеніяхъ. Историкъ культуры и моралистъ ихъ не касается: съ обоихъ довольно и правила. Но поэты и тѣ, кто судитъ о поэтахъ, ими должны заниматься, такъ какъ именно на почвѣ этихъ исключеній возникаетъ конфликтъ—конфликтъ между закономъ Деметры и закономъ Афродиты,—а съ нимъ и трагедія: трагедія вѣрности.

Возникаетъ она по почину той или другой стороны—мужа или жены.

Во первыхъ, по почину жены—въ томъ случаѣ, если законъ сочеталъ ее съ мужемъ, отверженнымъ Афродитой. Въ этомъ случаѣ законъ Афродиты дѣйствуетъ съ такой непреоборимой силой, что одно изъ двухъ должно разбиться: либо вѣрность жены, либо она сама. Къ этимъ случаямъ относится прекрасное слово жены у Ницше: ja, ich brach die Ehe—aber zuerst brach die Ehe mich. Одинъ изъ нихъ имѣетъ въ виду Шекспиръ въ первомъ актѣ своего «Короля Іоанна». Молодую, здоровую, прекрасную женщину выдали за біологически половинчатую личность, лорда Фоконбриджа. У него гоститъ король Ричардъ Львиное Сердце; она отдается ему—не потому, что онъ король, а потому что онъ—Ричардъ Львиное Сердце. Отъ него она рождаетъ сына—здороваго, крѣпкаго, прекраснаго. Потомъ она, уже въ законномъ сожительствѣ, даетъ жизнь второму сыну, такому же заморышу, какъ и его отецъ. Сыновья выростаютъ; младшій оспариваетъ права старшаго на наслѣдство лорда, называя его—юридически неправильно — незаконнымъ. Тотъ допрашиваетъ свою мать; она, съ краской стыда на лицѣ, признается ему, отъ кого она его понесла:

Тотъ государь, что прозванъ Львинымъ Сердцемъ,
Тебѣ отцомъ былъ. Долгою любовью
И жаркими мольбами онъ склонилъ
Меня на грѣхъ—пусть Богъ тотъ грѣхъ проститъ мнѣ!
Та страсть была превыше силъ моихъ,
И ты ея плодомъ на свѣтъ родился.

И сынъ ей отвѣчаетъ:

Клянуся солнцемъ, мать моя, когда-бъ
Мнѣ предложили въ свѣтъ родиться снова,
Я не желалъ бы лучшаго отца...
Ты отдала законной данью сердце...
И если бы Ричарда ты любовь

Отвергла, то-бъ отказъ тотъ былъ грѣхомъ,
И первый я тебѣ поклялся-бъ въ томъ!

Итакъ, мать оправдана своимъ сыномъ—и въ своемъ сынѣ: въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ она жила, вѣрность была грѣхомъ, а прелюбодѣяніе—долгомъ.

Во-вторыхъ, по почину мужа... впрочемъ, мы имѣемъ его и здѣсь. Вѣдь и Ричардъ былъ женатъ; и онъ, значитъ, нарушилъ долгъ вѣрности, давая жизнь сыну леди Фоконбриджъ, и этотъ сынъ вмѣстѣ со своей матерью оправдалъ и его. На какомъ же основаніи? Ему вѣдь дѣла не было до законной супруги Ричарда, была ли она біологически состоятельна или нѣтъ. Очевидно, основаніе здѣсь было другое; сынъ, *такъ* оправдывающій своего незаконнаго отца, этимъ самымъ говоритъ ему: тебѣ многое дозволено, чего другимъ нельзя, потому что ты (возвращаемся къ нашей терминологіи)—избранникъ Афродиты. Но какъ объ этомъ судила законная супруга Ричарда?

На эту тему никто трагедіи—если трагедія тутъ была—не написалъ. Оно и не нужно: это была-бы та-же трагедія, что и та, къ которой мы приступаемъ теперь—«Трахинянки» Софокла, конфликтъ закона Афродиты и закона Деметры въ сердцѣ Геракла, конфликтъ двухъ правдъ: правды орла и правды голубицы.

* *
*

Въ ту эпоху, когда орлы задавали тонъ—я говорю объ эпохѣ героической,—и ихъ правда требовала себѣ признанія и находила его. Одаренный доблестью мужъ былъ слишкомъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для своихъ, чтобы особенно тщательно разбирать, по какому закону онъ произошелъ, по закону ли Деметры или по закону Афродиты. Общественное мнѣніе по молчаливому уговору охотно предоставляло Ахиллamъ то право, въ которомъ оно отказало бы Ѳерситамъ. Вѣдь способность давать жизнь доблестнымъ сыновьямъ—способность далеко не дюжинная; кто ею обладаетъ, тотъ, конечно, прежде всего долженъ ею пользоваться въ широкомъ руслѣ законнаго брака, въ этомъ всѣ были согласны. Но если онъ, кромѣ того, могъ и побочнымъ путемъ дать слѣдующему поколѣнію носителя своей доблести—въ этомъ ничего, кромѣ пользы для цѣлаго, не усматривалось. Храбрый стрѣлокъ Тевкръ, побочный сынъ Теламона, въ минуту всеобщаго унынія ахейцевъ одинъ воспрянулъ духомъ и одержалъ рядъ успѣховъ, поднявшихъ мужество войска. Радостно привѣтствуетъ его Агамемнонъ (Ил. VIII, 282, пер. Гнѣдича.):

Тевкръ, удалая глава, предводитель мужей, Теламо̀нидъ!
Такъ поражай, и успѣешь, и свѣтомъ ахейцамъ ты будешь,
Славой отцу Теламону: тебя возлелѣялъ онъ съ дѣтства
И, побочнаго сына, воспитывалъ въ собственномъ домѣ.
Старца, хотя и далекаго, славой возвысь благородной!

Можно ли было Теламону нарушить правило отрицательной вѣрности, чтобы родившійся благодаря этому нарушенію сынъ сталъ, со временемъ, «свѣтомъ» для своихъ соратниковъ?—А между тѣмъ стоитъ представить себѣ условія, при которыхъ былъ зачатъ этотъ Тевкръ! Его отецъ Теламонъ незадолго передъ тѣмъ женился на Эрибеѣ; и вотъ, Гераклъ приходитъ къ нему и приглашаетъ его принять участіе въ его, Геракла, походѣ на Трою. За его согласіе онъ вымаливаетъ ему у Зевса драгоцѣннѣйшую награду! «смѣлаго сына отъ Эрибеи». Теламонъ отправляется въ походъ, и въ его отсутствіе Эрибея рождаетъ ему сына, Аянта. А за взятіе города Гераклъ даетъ ему другую награду: красавицу-царевну Гесіону; онъ и ее къ себѣ приближаетъ и дѣлаетъ ее матерью своего второго, незаконнаго сына, Тевкра. Ему это можно было—ему, орлу, не въ примѣръ прочимъ, будь то вороны или зяблики.

Но какъ же къ этому отнеслась Эрибея? Не знаемъ; мы слишкомъ мало съ ней знакомы. Зато другую мы знаемъ—благородную Оеано, супругу Антенора, тоже орла, если не битвы, то совѣта. Лишь вскользь упоминаетъ Гомеръ—но это тѣмъ болѣе драгоцѣнно — объ ея прекраснѣйшемъ подвигѣ; это по поводу смерти того, кто былъ его предметомъ (Ил. V, 69).

Мѐгесъ. Педея сразилъ, Антенорова храбраго сына.
Сынъ незаконный онъ былъ, но его воспитала Ѳеано
Нѣжно, какъ собственныхъ чадъ—до того она мужа любила.

«До того она мужа любила»—этимъ названъ тотъ высшій и лучшій законъ, подъ вліяніемъ котораго ласково сглаживается конфликтъ, и не только сглаживается, но и превращается въ источникъ обоюднаго счастья. И еще одно знаемъ мы про эту великодушную женщину. Когда троянскія жены идутъ молиться Аѳинѣ въ ея храмъ, что въ троянскомъ кремлѣ (Ил. VI, 298):

Двери предъ ними разверзла прелестная ликомъ Оеано,
Дщерь Киссея, жена Антенора, смирителя коней,
Трои мужами избранная жрица Аѳины-богини.

И я думаю, что это совпаденіе не случайно. Должна быть выше мелочной женской ревности та, которая народнымъ избра-

ніемъ удостоена высшей чести—чести быть представительницей общины передъ ликомъ божества.

II.

Законъ Деметры легъ твердой корой на всемогущій до тѣхъ поръ законъ Афродиты—но все же не настолько твердой, чтобъ ея не могъ прорвать тамъ и сямъ клокочущій подъ нею бурный потокъ огненной лавы. И тамъ, гдѣ онъ ее прорывалъ—тамъ мы имѣемъ почву для конфликта, для трагедіи.

Софоклъ эту трагедію—трагедію вѣрности—воплотилъ въ личностяхъ двухъ своихъ героевъ, Геракла и Деяниры, орла и голубицы. И лучше онъ поступить не могъ. Самой же трагедіи онъ далъ заглавіе «*Трахинянки*».

Происходитъ это названіе отъ имени старинаго города Трахина, лежавшаго на склонахъ горы Эты (Oeta), недалеко отъ того мѣста, гдѣ ея отроги подходятъ къ самому морю, образуя славную въ греческой исторіи тѣснину—Оермопилы. Вся эта мѣстность можетъ быть названа колыбелью греческой миѳологіи. Сѣверное подножье Эты омываетъ Спархей, на низовьяхъ котораго жили ахейцы, съ ихъ племеннымъ героемъ Ахилломъ. По ту сторону этой рѣки возвышается другая гора, Оорисъ, къ которой послѣ всемірнаго потопа присталъ ковчегъ Девкаліона, прародителя человѣчества. Тамъ же, на побережьи, село Аѳеты, изъ котораго пустились въ плаваніе Аргонавты, цвѣтъ греческихъ богатырей. Сама Эта, наконецъ, полна воспоминаній о Гераклѣ.

Здѣсь были горячіе ключи (therma lutra), давшіе имя Оермопиламъ; ихъ произвела, по преданію, Аѳина, чтобы утомленный боемъ Гераклъ могъ въ нихъ подкрѣпить свои силы. Здѣсь—у той предательской тропинки, по которой Эфіальтъ повелъ персидское войско въ обходъ запятой Леонидомъ позиціи—находились причудливыя скалы, которыя народъ называлъ «сидѣньями Керкоповъ», въ память расправы Геракла съ хитрыми карликами этого имени. Здѣсь текла рѣчка Дирасъ, появившаяся на свѣтъ, чтобы помочь Гераклу въ его предсмертныхъ мученіяхъ. Но славнѣе всѣхъ сама вершина Эты, заповѣдный лугъ Зевса: здѣсь былъ воздвигнутъ костеръ, въ пламя котораго велѣлъ себя бросить сынъ Зевса—Гераклъ.

Смерть Геракла на Этѣ—завершеніе нашей трагедіи; оттого-то поэтъ и составилъ ея хоръ изъ гражданокъ ближайшаго города Трахина. Но кто такое онъ самъ, этотъ Гераклъ?

Думаю, что большинство изъ тѣхъ, которые имѣютъ какое-нибудь представленіе о Геракліе (или, какъ онъ чаще у насъ называется, Геркулесѣ), видятъ въ немъ скорѣе комическое, чѣмъ трагическое лицо. Геркулесъ—это прежде всего несокрушимый силачъ, причемъ къ представленію о тѣлесной силѣ примѣшивается представленіе о плотской необузданности и объ умственной ограниченности. Если мы пожелаемъ прослѣдить исторію этого типа, то намъ придется миновать сначала три, такъ сказать, передаточныхъ станціи: во-первыхъ, галантную поэзію и искусство французскихъ классиковъ; во-вторыхъ, ихъ вдохновительницу, поэзію ранней римской имперіи; и, наконецъ, вдохновительницу этой поэзіи — поэзію съ искусствомъ эллинистическаго или александрійскаго періода. Затѣмъ только мы достигнемъ настоящаго источника этого типа—греческой карикатурной комедіи V-го вѣка. Особенно въ ходу было карикатурное изображеніе Геракла, какъ обжоры и грѣховодника, у аттическихъ комиковъ. Слѣдуетъ-ли это объяснять тѣмъ, что Геракліъ былъ главнымъ племеннымъ героемъ дорійцевъ, враждебныхъ аоинянамъ? Можетъ быть. А впрочемъ, и дорійцы относились къ нему не лучше: сиракузскій комикъ Эпихармъ изображалъ Геракла въ столь же смѣшномъ видѣ, какъ и Аристофанъ.

Но комическій Геракліъ или Геркулесъ не имѣетъ, разумѣется, никакого отношенія къ нашей трагедіи, хотя его существованіе было далеко не безразлично для ея успѣха; не легко намъ принимать въ серьезъ то, что насъ пріучили видѣть въ кривомъ зеркалѣ комедіи. Фактъ тотъ, что среди огромнаго числа трагедій, заглавія которыхъ намъ извѣстны, лишь очень немногія посвящены Гераклу. Эсхилъ, напримѣръ, его не касался совсѣмъ; Еврипидъ вывелъ его на сцену въ одной изъ своихъ сравнительно раннихъ трагедій, въ «Алкестѣ» (438 г.), но и здѣсь его образъ вышелъ слегка карикатурнымъ. Есть основаніе полагать, что впервые въ нашей трагедіи Аоиняне увидѣли на своей сценѣ чистый типъ серьезнаго, трагическаго Геракла.

Но что же онъ такое, этотъ трагическій Геракліъ?

* * *

Какъ уже было вскользь замѣчено, онъ былъ дорійскимъ племеннымъ героемъ. Долина Сперхея близъ Оермопилъ—первое мѣсто, гдѣ мы встрѣчаемъ дорійцевъ; отсюда они пошли дальше на югъ. Завоеваніе Пелопоннеса было мотивировано дорійцами тѣмъ, что этотъ полуостровъ—наслѣдіе ихъ родоначальника Ге-

ракла; и вотъ, дорическій богатырь переносится въ Пелопоннесъ. Первенствующимъ его городомъ въ полуисторическое время былъ Аргосъ; наибольшаго расцвѣта миѳологія Геракла достигла въ Аргосѣ. Здѣсь получилъ онъ, прежде всего, то имя, подъ которымъ его знали отнынѣ: Hêraklês значитъ «Герою прославленный», а Гера была аргосской, не дорической богиней. Первоначальное же имя дорическаго героя—такимъ мы имѣемъ основаніе считать имя Alkaios или Alkeidês, Алкидъ (—«Отвратитель») — осталось за нимъ лишь какъ прозвище. Въ Аргосѣ, затѣмъ, былъ созданъ циклъ «двѣнадцати подвиговъ» Геракла: всѣ они имѣютъ точкой исхода Аргосъ, а первые два—борьба съ немейскимъ львомъ и лернейской гидрой—даже пріурочены къ мѣстностямъ, сосѣднимъ съ Аргосомъ, а именно къ Немеѣ и Лернѣ.

Прослѣдимъ этотъ циклъ и далѣе.

Слѣдующія четыре работы ведутъ насъ въ Аркадію и къ ея границамъ: укрощеніе лани—въ Керинею, охота на вепря—на гору Эриманѳъ, истребленіе птицъ-стимфалидъ — къ Стимфальскому озеру, борьба съ кентаврами—подъ Фолою. Дальнѣйшія четыре работы пріурочены къ четыремъ концамъ тогдашняго свѣта: охота на критскаго быка—къ югу, добываніе коней Діомеда Оракійскаго—къ сѣверу, борьба съ трехтѣлымъ Геріономъ—къ западу, походъ противъ черноморскихъ амазонокъ—къ востоку. Этимъ земля умиротворена; на землѣ дорическому богатырю дѣлать болѣе нечего. Остаются мѣста внѣ предѣловъ свѣта: адъ и рай. Геракл отправляется въ адъ и вяжетъ Кербера, бога смерти; онъ отправляется и въ рай, къ Гесперидамъ, и получаетъ отъ нихъ молодильныя яблоки, т. е. безсмертіе. Отнынѣ онъ—богъ, супругъ олицетворенной Юности, богини Гебы.

Таковъ знаменитый циклъ двѣнадцати подвиговъ Геракла; только внутри этого цикла каждый изъ нихъ получаетъ серьезный смыслъ. Борьба со львомъ, со змѣемъ и т. д. сама по себѣ мало интересна: это — безцѣльное проявленіе молодечества, жажды приключеній. Не то впечатлѣніе производитъ циклъ работъ. Если Геракл распространяетъ свою дѣятельность съ Аргоса на Пелопоннесъ, съ Пелопоннеса на весь міръ, вездѣ убивая дикихъ звѣрей и беззаконныхъ людей, то мы видимъ въ этомъ уже не рядъ безцѣльныхъ и безсвязныхъ подвиговъ, достойныхъ блуждающаго рыцаря средневѣковыхъ сказаній, а выполненіе великой задачи—задачи *очищенія земли* отъ населяющихъ ее чудовищъ въ звѣриномъ и человѣческомъ

образѣ. Передъ нами—культурный герой, которому земля обязана своей обитаемостью; Геракл—очиститель вселенной.

И это отнюдь не наша конструкція: такъ дѣйствительно понимали Геракла и въ древности всѣ, кто къ нему относился серьезно. Такое представленіе имѣемъ мы и въ нашей трагедіи. Такъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ страждущій герой кричитъ своей дружинѣ (ст. 1010):

Вы откуда
Родомъ, Эллады сыны недостойные? Вамъ посвятилъ я
Жизнь безотрадную всю, и моря очищая, и земли.

Или тамъ, гдѣ онъ говоритъ о виновникѣ своей смерти (ст. 1058):

И кто-жъ мой врагъ? Не рать на полѣ брани,
Не исполиновъ земнородныхъ племя,
Не дикій звѣрь, не кто-либо изъ сильныхъ,
Будь эллинъ, варваръ онъ, иль кто другой
На всемъ пространствѣ матери-земли,
Которую, скитаясь, я очистилъ.

Такъ понимали Геракла и Еврипидъ въ трагедіи его имени (ст. 850), и еще раньше Пиндаръ, въ первой немейской одѣ. А что этотъ взглядъ остался преобладающимъ до римскаго времени, доказываетъ, между прочимъ, Лукрецій въ вступленіи къ 5-ой книгѣ, гдѣ онъ сопоставляетъ трехъ божественныхъ благодѣтелей человѣчества, Деметру, Діониса и Геракла: первая даровала людямъ хлѣбъ, второй—вино, а третій истребилъ чудовища. Въ связи съ этимъ представленіемъ и апоѳеозъ получаетъ особое значеніе: Гераклъ удостоился его за свой великій подвигъ умиротворенія земли.

Нѣтъ сомнѣнія, что это взглядъ очень серьезный и глубокомысленный, вполнѣ достойный народа, который болѣе другихъ обладалъ даромъ сознательно относиться къ жизни, замѣчать важныя ея стороны и давать имъ выраженіе въ полныхъ поэтической красоты картинахъ. Дикость первобытнаго состоянія, когда жизнь людей не была обезпечена отъ болѣе сильныхъ породъ животныхъ, да и homo былъ homini lupus, жила въ памяти эллиновъ; контрастъ съ окружавшей ихъ законностью требовалъ объясненія. То, что было работой многихъ поколѣній, они, по своей склонности къ наглядному мышленію и олицетвореніямъ, приписали одному лицу: такъ возникъ образъ Геракла какъ умиротворителя вселенной. Образъ серьезный, нѣтъ

спора; но можно ли назвать его трагическимъ? Очевидно—нѣтъ. Идея о человѣкѣ, облагодѣтельствовавшемъ землю и пріобщенномъ за это къ сонму боговъ—это идея религіозная, поскольку она выражается въ культѣ, идея нравственная, поскольку такой человѣкъ является предметомъ подражанія для другихъ, но не идея трагическая. Для трагедіи необходимъ конфликтъ, а конфликта въ идеѣ о Гераклѣ-умиротворителѣ вселенной нѣтъ.

А между тѣмъ Гераклъ былъ для эллиновъ глубоко-трагическимъ образомъ. Въ чемъ заключается его трагизмъ, это мы увидимъ тотчасъ, а пока отмѣтимъ, что элементъ трагизма въ образѣ Геракла-умиротворителя вселенной является ирраціональнымъ, т. е. необъяснимымъ на основаніи однихъ только тѣхъ соображеній, которыя могли быть внушены благодарностью человѣчества своему благодѣтелю.

* * *

Но въ чемъ же заключается его трагизмъ?

Первымъ дѣломъ—въ томъ, что этотъ умиротворитель вселенной, этотъ будущій богъ не владѣетъ ни одной пядью земли—той земли, которую онъ очищаетъ своими подвигами. У него нѣтъ дома, гдѣ бы онъ могъ отдохнуть отъ трудовъ; нѣтъ меча и брони: его оружіе—палица, которую онъ добылъ себѣ въ лѣсу; нѣтъ плаща: его одежда—шкура того звѣря, котораго онъ самъ убилъ. Мало того: онъ не располагаетъ даже самъ собою, онъ—вассалъ царя аргосскаго Еврисѳея, гораздо худшаго, въ смыслѣ личной доблести, человѣка, чѣмъ онъ. Это представленіе о Гераклѣ, какъ человѣкѣ подневольномъ, такъ же упорно держалось въ народѣ, какъ и представленіе о Гераклѣ-умиротворителѣ вселенной. Оно имѣется въ виду въ ст. 266 нашей трагедіи, гдѣ Евритъ попрекаетъ героя тѣмъ,

Что онъ, на рабство волю промѣнявъ,
Побои терпитъ отъ господъ надменныхъ

И еще Бабрій, баснописецъ III-го в. по Р. Х., предполагаетъ его въ интересной баснѣ, гдѣ аѳинянинъ и беотіецъ спорятъ о своихъ родныхъ геояхъ, кто лучше, Гераклъ или Ѳесей; аѳинянинъ, разумѣется, доказываетъ, что Ѳесей лучше: онъ былъ царемъ, а Гераклъ рабомъ. И мы имѣемъ право считать это представленіе основнымъ: только при такомъ предположеніи понятны аттрибуты, съ которыми герой изображается—львиная шкура и булава.

Итакъ, вотъ первый контрастъ въ образѣ Геракла: съ одной стороны, онъ самый могучій богатырь изо всѣхъ, когда либо видѣнныхъ на землѣ; съ другой стороны, онъ влачитъ самую жалкую жизнь, какая только возможна для человѣка—жизнь бездомнаго скитальца, работающаго на другихъ.

Но трагизмъ въ образѣ Геракла не ограничивается этимъ контрастомъ. Какъ бы ни была несчастна земная участь Геракла, мы легче миримся съ ней, если мы знаемъ, что ему суждено быть безсмертнымъ и наслаждаться вѣчнымъ счастьемъ въ обществѣ своей божественной супруги Гебы.—Не то читаемъ мы въ одномъ изъ старинѣйшихъ свидѣтельствъ о Гераклѣ, въ 11-ой пѣснѣ Одиссеи. Въ ней описывается сошествіе въ преисподнюю Одиссея; въ числѣ прочихъ тѣней встрѣчаетъ его и тѣнь Геракла (ст. 605).

Мертвые шумно летали надъ нимъ, какъ летаютъ въ испугѣ
Хищныя птицы, и темной подобяся ночи, держалъ онъ
Лукъ напряженный съ стрѣлой на тугой тетивѣ, и ужасно
Вкругъ озирался, какъ будто готовясь выстрѣлить. Страшный
Перевязь блескъ издавала, ему поперекъ перерѣзавъ
Грудь златолитнымъ ремнемъ, на которомъ съ чудеснымъ искусствомъ
Львы грознооkіе, дикіе вепри, лѣсные медвѣди,
Битвы, убійства, людей истребленье изваяны были...
Взоръ на меня устремивъ, угадалъ онъ немедленно, кто я,
Жалобно, тихо вздохнулъ и крылатое бросилъ мнѣ слово;
«О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одиссей благородный,
«Иль и тобой, злополучный, судьба невреклонно играетъ
«Также, какъ мной подъ лучами всезрящаго солнца играла?
«Сынъ я Кроніона Зевса, но тѣмъ отъ безмѣрныхъ страданій
«Не былъ спасенъ: покориться подъ власть недостойнаго мужа
«Мнѣ повелѣла судьба».

Не ради меланхолическихъ словъ самого Геракла привелъ я это мѣсто—въ нихъ, послѣ сказаннаго выше, ничего новаго не заключается. Нѣтъ; важно для насъ теперь то, что Одиссей среди тѣней преисподней встрѣчаетъ и Геракла, который ведетъ тамъ такое же безцѣльное и безотрадное существованіе, какъ и другіе: никогда не пуститъ онъ той стрѣлы, которою онъ угрожаетъ, точно такъ же какъ Танталъ никогда не напьется воды, которой онъ жаждетъ, или какъ Сизифъ никогда не докатитъ своего камня до вершины горы. Какъ же попалъ въ преисподнюю Геракла? Вѣдь ему было суждено пировать съ богами въ вѣчномъ блаженствѣ, имѣя супругой божественную Гебу? Эти два представленія совершенно несовмѣстимы. Нашъ поэтъ самъ это

сознавалъ; появленіе Геракла онъ вводитъ слѣдующими словами:

> Видѣлъ я тамъ, наконецъ, и Гераклову силу—*одинъ лишь Призракъ воздушный*: а самъ онъ съ богами на свѣтломъ Олимпѣ
> Сладость блаженства вкушаетъ близъ Гебы, супруги цвѣтущей.

Но такое раздвоеніе личности совершенно лишено аналогій въ греческой религіи и свидѣтельствуетъ лишь о стремленіи поэта примирить между собой два разнородныхъ представленія.

Дѣйствительно, благодаря изслѣдованіямъ Эрв. Роде (въ его геніальной книгѣ «Psyche»), мы имѣемъ возможность поставить слѣдующую дилемму: если Гераклъ безсмертенъ и божественъ, то онъ никогда не умиралъ; если же онъ умеръ и былъ сожженъ, то его душа находится въ преисподней—изъ этого правила нѣтъ исключеній. Это значитъ, что представленіе о пребываніи души Геракла въ аду есть прямое и необходимое послѣдствіе представленія объ его смерти и сожженіи.

Теперь спрашивается: имѣется ли миѳъ о смерти и сожженіи Геракла?—Да, имѣется; это—именно тотъ миѳъ, который образуетъ содержаніе нашей трагедіи.

* *
*

Изъ сказаннаго видно, что значеніе Геракла далеко не исчерпывается формулой: «обоготворенный очиститель вселенной». Къ представленію объ очистителѣ прибавился трагическій элементъ—представленіе о бездомномъ скитальцѣ, работающемъ на худшаго человѣка; что же касается обоготворенія, то оно прямо исключается представленіемъ о пребываніи Геракла въ аду.

Слѣдуетъ ли отсюда, что выведенная нами формула неправильна?—Нѣтъ, конечно: мы вѣдь видѣли, что она жила въ сознаніи эллиновъ отъ Пиндара до позднихъ временъ. Отсюда слѣдуетъ только, что она *не исконна*. Всматриваясь въ нашъ образъ, мы за Геракломъ-умиротворителемъ вселенной различаемъ другого Геракла, великаго и грустнаго; мы должны сдѣлать попытку уразумѣть его значеніе, такъ какъ только этимъ путемъ мы можемъ понять также и тѣ элементы, которые живутъ и въ историческомъ, такъ сказать, Гераклѣ, но не разрѣшаются формулой «обоготворенный очиститель вселенной»—и, главнымъ образомъ, странное противорѣчіе между апооеозомъ Геракла и его пребываніемъ въ царствѣ тѣней.

Доискиваться формулы для этого доисторическаго Геракла нѣтъ надобности: ее даетъ намъ въ ясныхъ словахъ древнѣйшій

послѣ Гомера свидѣтель—Гесіодъ. Во вступленіи къ его поэмѣ «Щитъ Геракла» говорится о цѣли, которую преслѣдовалъ Зевсъ, рождая этого своего сына (ст. 27).

Отецъ же безсмертныхъ и смертныхъ
Новую думу задумалъ въ душѣ своей: чтобы и людямъ,
И олимпійцамъ создать *отвратителя гибели лютой*.

«Отвратителя» — по гречески alktêra. Если мы теперь вспомнимъ, что доисторическимъ именемъ Геракла было именно Alkaios или Alkeidês, «Отвратитель», то исконность этой гесіодовской формулы станетъ еще болѣе очевидной. Гераклъ — отвратитель; въ этомъ его призваніе. Но онъ не только отвратитель бѣдствій, Alexikakos, для призывающихъ его въ историческое время вѣрующихъ людей: Зевсъ создалъ его для того, чтобы онъ отвратилъ гибель, тяготѣвшую и надъ богами, и надъ людьми, надо всѣмъ его царствомъ. Это ясно слѣдуетъ изъ словъ Гесіода. А этимъ мы вступаемъ на космогоническую почву; трагедія, героемъ которой становится *этотъ* Гераклъ — уже не земная трагедія, а сама divina commedia эллинской вѣры: религіи Зевса.

Въ чемъ же состоитъ религія Зевса?

Зевсъ—отецъ боговъ и людей; но онъ былъ имъ не всегда и будетъ имъ не вѣчно.

Было время, когда человѣческій родъ жилъ въ полномъ мирѣ со своей кормилицей землей: она и питала его, подобно прочимъ тварямъ, и снабжала его тѣмъ знаніемъ, въ которомъ онъ нуждался, наравнѣ съ прочими тварями—тѣмъ загадочнымъ для біологовъ, удивительнымъ и чудеснымъ для простого человѣка знаніемъ, которое мы называемъ инстинктомъ. То былъ золотой вѣкъ. Зевса тогда не было; Кроносъ управлялъ людьми.

Но вотъ настала перемѣна: человѣчество отдѣлилось отъ земли и обратилось противъ нея, силой добывая у нея ея дары. Земля отказала ему за это въ исходящемъ отъ нея знаніи; мѣсто инстинкта занялъ разумъ. И здѣсь эллинъ, благодаря той же своей склонности къ наглядному мышленію и къ олицетвореніямъ,—то, что было результатомъ долгаго развитія, приписалъ одному лицу. «Зевсъ», говоритъ Эсхилъ, «повелъ человѣчество по стезѣ сознанія»; Зевсъ сразился съ силами Земли, съ Титанами, и низвергнувъ ихъ въ Тартаръ, основалъ свое царство. Земля, побѣжденная, покорилась, но не навсегда.

Все, что имѣло начало, будетъ имѣть и конецъ; одна только Земля будетъ существовать во вѣки. Ея власть продолжаетъ тяготѣть надъ человѣчествомъ: какъ горы со временемъ упадутъ и

заполнятъ долы, такъ и человѣчество вернется подъ законы Земли. Выражаясь миѳологически: царство Зевса обречено гибели; какъ нѣкогда сыны Земли, Титаны, были сражены богами, такъ въ отдаленномъ будущемъ боги будутъ низвергнуты сынами Земли, Гигантами. Зевсъ знаетъ объ этомъ рѣшеніи рока; онъ одинъ среди «легкоживущихъ боговъ» не можетъ наслаждаться блаженствомъ. Какъ спасти царство боговъ отъ грозящей гибели? Знаетъ это только та, что все знаніе въ себѣ скрыла—Земля. Какъ заставить ее выдать свою тайну?

Въ дикихъ горахъ Эпира есть мѣстность, называемая Додоной; тамъ растетъ вѣковой дубъ, корни котораго заходятъ въ глубь земли. Его листья постоянно шепчутся между собою; ихъ шелестъ—это вѣсть Земли. И двѣ голубки сидятъ на вѣтви дуба и, проникнутыя исходящей отъ него силой Земли, тихо воркуютъ; ихъ воркованіе — это вѣсть Земли. Зевсу эта вѣсть непонятна; онъ—врагъ Земли.

Здѣсь въ традиціи незначительный пробѣлъ. Но позволительно догадаться, что Зевсъ именно ради выясненія этой непонятной ему вѣсти отправилъ къ дубу людей, приказавъ имъ жить по законамъ Земли, какъ живутъ звѣри лѣсные. Это —тѣ Селлы, о которыхъ мы узнаемъ изъ молитвы Ахилла у Гомера (Ил. XVI, 233): «Зевсъ, владыка Додонскій, пелазгическій, далеко живущій, властвующій въ бурной Додонѣ, въ ней же Селлы живутъ тебѣ пророками, не моющіе ногъ, спящіе на голой землѣ»—это послѣднее для того, чтобы и ихъ проникла сила Земли, чтобы имъ стали понятны и шелестъ дуба, и воркованіе голубицъ, чтобы они передали ему, невѣдущему богу, вѣсть всевѣдущей Земли.

И дѣйствительно, старинное свидѣтельство, сохраненное миѳографомъ Аполлодоромъ (I, 6, 4), гласитъ: «Богамъ былъ данъ оракулъ, что Гиганты никѣмъ изъ боговъ сражены быть не могутъ, *но что они падутъ, если нѣкто смертный придетъ на помощь богамъ*». — «Нѣкто смертный»—и только? Не было-ли прибавлено: «смертный изъ крови Зевса»? — мы не знаемъ; свидѣтельство наше сохранено въ слишкомъ краткомъ и отрывочномъ видѣ.

Зато одно мы знаемъ теперь: мы знаемъ, что значатъ вышеприведенныя слова Гесіода: «Отецъ же безсмертныхъ и смертныхъ новую думу задумалъ въ душѣ своей: чтобы и людямъ и олимпійцамъ создать отвратителя гибели лютой». Всѣ работы Геракла, на которыхъ основано его значеніе, какъ умиротворителя вселенной, весь этотъ «вѣнецъ страдавій», какъ его красиво называетъ Еври-

видь, отходитъ на задній планъ: Гераклу сужденъ одинъ великій подвигъ—низвергнуть Гигантовъ, отразить гибель отъ боговъ и людей.

* * *

Началась земная жизнь Геракла. Зевсъ—его отецъ; но онъ ничего не могъ ему дать кромѣ жизни. Это вполнѣ понятно: только вполнѣ самобытный въ своемъ развитіи сынъ можетъ быть сильнѣе отца. Власть царей исходитъ отъ Зевса — поэтому Гераклъ не царь. Богатствомъ награждаютъ боги—поэтому Гераклъ бѣднякъ. Такимъ-то образомъ былъ созданъ этотъ типъ вполнѣ и во всѣхъ отношеніяхъ самобытнаго человѣка. Самобытенъ онъ также и нравственно. У Геракла одинъ законъ: его воля. Онъ одинъ, никому не будучи ничѣмъ обязанъ, имѣетъ право никого не слушаться, кромѣ себя. Съ такими задатками отправляется въ свѣтъ спаситель боговъ и людей. Зевсъ съ тревогой слѣдитъ за его судьбой: удастся ли его сыну, не имѣющему другой путеводной звѣзды, кромѣ своей собственной воли, побороть всѣ препятствія, которыми такъ богата жизнь?

Видитъ и раздѣляетъ его заботы его божественная дочь, Паллада Аѳина. Ея вольной волѣ возможно то, чего себѣ не можетъ разрѣшить ея отецъ: она становится — на то она валькирія греческой религіи—покровительницей и помощницей его сына. Правда, литературная традиція объ этомъ почти умалчиваетъ; зато на древнѣйшихъ росписныхъ вазахъ она съ нимъ встрѣчается замѣчательно часто—до того часто, что явилось даже мнѣніе о бракѣ между нимъ и Аѳиной. А впрочемъ, и литературная традиція все же не совсѣмъ объ этомъ умалчиваетъ, и изъ сохранившихся свидѣтельствъ одно стоитъ сотни. Мы читаемъ его въ Иліадѣ (VIII, 362). Аѳина негодуетъ на Зевса, помогающаго троянцамъ.

> Лютый, всегда неправдивый, моихъ предпріятій рушитель,
> Онъ никогда не воспомнитъ, что нѣсколько разъ я спасала
> Сына его, Еврисоеемъ томимаго въ подвигахъ тяжкихъ.

Это преданіе позднѣе заглохло; въ нашей трагедіи сохранился лишь слѣдъ его (ст. 1031). Зато и литературная, и изобразительная традиціи знаютъ супругой Геракла *Деяниру*.

Отвлечемся немного отъ «нѣжной, прекрасноокой» героини Софокла: Деянира не всегда была такой. Прежде всего ея имя: Dei—aneira, «возбуждающая къ брани мужей»—настоящее имя валькиріи, мало идущее къ кроткому характеру Софокловой героини. Затѣмъ интересно сравнить свидѣтельство вышеназваннаго

Аполлодора про Деяниру: «она умѣла управлять конями и занималась военнымъ дѣломъ» (I, 64). У Софокла не осталось и слѣда отъ этихъ воинственныхъ наклонностей его героини. Но это свидѣтельство не единично: въ схоліяхъ на Аполлонія Родосскаго (I, 1212) сохранилось поразительное извѣстіе, что Деянира помогла Гераклу въ его войнѣ противъ дріопійцевъ, сражаясь рядомъ съ нимъ. Поразительно это извѣстіе по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, дріопійцы—это тотъ самый народъ изъ котораго происходила Іола, вторая героиня «трагедіи вѣрности». А во-вторыхъ, потому, что это представленіе о Деянирѣ-валкиріи, помогающей Гераклу въ его сраженіяхъ, окончательно сближаетъ ее съ Аѳиной, всегдашней валкиріей греческихъ сказаній.

Быть можетъ, она первоначально и была Аѳиной? Быть можетъ, великодушная дочь Зевса, раздѣляя его тревогу о земной жизни Геракла, пожертвовала и своей божественностью, и своей дѣвственностью, чтобы стать Деянирой, смертной супругой намѣченнаго рокомъ спасителя царства боговъ?

Тамъ, гдѣ для насъ снова загорается свѣтъ, мы видимъ Деяниру дочерью Энея (Oeneus), царя этолійскаго города Плеврона на берегу великой рѣки греческаго запада, Ахелоя. Замѣчу тутъ же, что этотъ Ахелой, почитавшійся и въ Додонѣ, былъ для грековъ рѣкой по преимуществу, подобно Рейну германской миѳологіи. И вотъ, богъ этой рѣки получаетъ власть надъ Деянирой, являясь ея чудовищнымъ женихомъ (ст. 6):

Еще въ Плевронѣ, у отца Энея,
Такой ужасной мнѣ грозили свадьбой,
Какъ ни одной изъ этолійскихъ женъ.
Мнѣ женихомъ потокъ былъ—Ахелой,
И въ трехъ онъ образахъ къ отцу являлся.
То настоящимъ приходилъ быкомъ,
То скользкимъ змѣемъ приползалъ, то снова
Какъ будто мужъ, но мужъ быкоголовый,
И съ бороды его густой и длинной
Струи стекали влаги ключевой.

Откуда его власть надъ нею? мы не знаемъ. Не стояла ли она въ связи съ очеловѣченіемъ Аѳины-Деяниры? Такъ въ позднѣйшихъ греческихъ сказаніяхъ божественная Мудрость,—соотвѣтствующее Аѳинѣ отвлеченное понятіе, — снизойдя на землю, подпадаетъ власти земныхъ силъ и ждетъ своего освободителя. Такъ въ германскихъ сказаніяхъ Сигурдъ освобождаетъ валкирію Брунгильду изъ ограды пламени на прирейнской скалѣ.

Деяниру освобождаетъ Гераклъ, сразившись съ Ахелоемъ;

она слѣдуетъ за нимъ, какъ его жена, въ аргосскій городъ Тиринѳъ, въ которомъ онъ княжитъ, какъ вассалъ Еврисѳея. На пути имъ встрѣчается другой потокъ, тоже еще этолійскій, Эвенъ; русло было глубокое, моста не было, перевозчикомъ служилъ кентавръ Нессъ, а перевозилъ онъ путниковъ на своей собственной лошадиной спинѣ. Гераклъ довѣрилъ ему Деяниру; очутившись съ ней на серединѣ теченія, Нессъ нескромной рукой коснулся своей прекрасной ноши. Деянира вскрикнула; замѣтивъ въ чемъ дѣло, Гераклъ пустилъ въ Несса стрѣлой, а его лукъ былъ волшебнымъ, и его стрѣлы были отравлены ядовитой кровью лернейской гидры. Чувствуя себя при смерти, Нессъ сказалъ Деянирѣ, чтобы она взяла съ собой комъ его запекшейся крови; эта кровь, говорилъ онъ, будетъ для нея талисманомъ, благодаря которому Гераклъ уже ни одной женщины не полюбитъ послѣ нея. Не подозрѣвая коварства этихъ двусмысленныхъ словъ, Деянира послушалась его совѣта.

Итакъ, два потока—Ахелой и Эвенъ. И два чудовищныхъ любовника Деяниры, сраженные Геракломъ—Ахелой и Нессъ. Не совпадали ли они первоначально? Стоитъ вдуматься въ эту возможность.

Тиринѳская жизнь Геракла, въ которую миѳъ вставляетъ циклъ его двѣнадцати подвиговъ (точнѣе, его продолженіе и конецъ)—наслоеніе позднѣйшее, плодъ переселенія миѳа о Гераклѣ въ Арголиду. Исконнымъ продолженіемъ стариннаго миѳа о Гераклѣ, какъ намѣченномъ спасителѣ царства боговъ, была *эхалійская драма*.

Въ Эхаліи—первоначально «городѣ исчезновенія» (отъ oichomai-«удаляюсь»), позднѣе представляемомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ Эллады, и между прочимъ на островѣ Евбеѣ—жило могучее племя дріопійцевъ (отъ drys-«дубъ»; итакъ, дріопійцы—«сыны дуба», носители силъ земли, т. е. тѣ же гиганты). Ихъ царь, Евритъ, былъ отцомъ многихъ дѣтей, изъ которыхъ наиболѣе славились старшій сынъ, «могучій» Ифитъ, и красавица дочь, «свѣтлокудрая» Іола. Какъ гость Еврита, Гераклъ подружился съ его сыномъ, но и Іолѣ его образъ запалъ въ душу... Въ этой эхалійской исторіи многое остается для насъ пояснымъ, но нѣкоторые слѣды, сохранившіеся и въ нашей трагедіи (ст. 447, 462, 491; и особенно 584), показываютъ намъ, что первоначально починъ любви принадлежалъ Іолѣ, и что она задумала достигнуть своей цѣли съ помощью волшебнаго напитка, который она подвесла Гераклу, сговорившись объ этомъ со своимъ братомъ, а его другомъ Ифитомъ.

И вотъ, когда Еврит, желая выдать дочь замужъ, объявилъ для ея жениховъ состязаніе съ его сыновьями въ стрѣльбѣ, то въ числѣ женихов явился и Гераклъ. Съ помощью своего волшебнаго лука онъ легко побѣдилъ всѣхъ; но въ рукѣ дочери Еврит мужу Деяниры, понятно, отказалъ.

Здѣсь позднѣйшій миоъ вставляетъ два эпизода, чуждыхъ, думается мнѣ, первоначальному сказанію: во-первыхъ, убійство Геракломъ Ифита, пришедшаго къ нему въ Тиринѳъ, чтобы выслѣдить славный табунъ коней, уведенныхъ разбойниками у его отца Еврита; во-вторыхъ, рабскую службу Геракла у Омфалы, царицы лидійской, во искупленіе этого убійства. Позднее происхожденіе этихъ эпизодовъ доказывается, во-первыхъ, ихъ очевидной цѣлью перенести дѣйствіе изъ Тиринѳа обратно въ Ѳессалію; предполагается, что именно совершенное убійство заставило оскверненную семью оставить Тиринѳъ и искать убѣжища въ ѳессалійскомъ Трахинѣ, на склонѣ Эты, у царя трахинскаго Кеика. Первоначальный миоъ, имѣвшій своей родиной Ѳессалію, въ этомъ средствѣ не нуждался. Во-вторыхъ, самая идея искупительной службы и очищенія отъ убійства—идея аполлоновская, составная часть аполлоновской «каоартики». Я не настаиваю на томъ, что представленіе объ Омфалѣ, какъ лидійской царицѣ—представленіе довольно позднее, вызванное притязаніемъ лидійскихъ царей вести свой родъ отъ Геракла: очень возможно, что въ болѣе древнемъ фазисѣ миоа Омфала была царицей ѳессалійскаго города Омфалія. Но я вижу въ обоихъ именахъ несомнѣнную связь съ omphalos—«пупомъ» земли въ дельфійскомъ храмѣ, а стало быть, и новый, неоспоримо аполлоновскій элементъ.

Первоначально событія развивались быстрѣе. За состязаніемъ и отказомъ шелъ эхалійскій походъ—осада города, взятіе его, истребленіе Евритова дома, плѣненіе Іолы. Здѣсь поворотный пунктъ. Все время Зевсъ съ тревогой слѣдилъ за земной судьбой своего сына: удастся ли ему, не имѣющему другой путеводной звѣзды, кромѣ своей собственной воли, побороть препятствія, которыми такъ богата жизнь? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ вѣдь участь царства боговъ.

Рокъ отвѣтилъ: нѣтъ. Долгое время великодушная валкирія Деяниры его охраняла, сражаясь съ нимъ вмѣстѣ противъ дріопійцевъ-Гигантовъ. Побѣда уже была въ его рукахъ; Эхалія, «городъ полезновенія», пала. Но вотъ прекрасная дѣва изъ вражьяго племени плѣняетъ сердце непобѣдимаго богатыря. Узнавъ, что онъ полюбилъ другую, Деяниpa посылаетъ ему плащъ, про-

питанный ядомъ Несса—мнимый талисманъ, долженствовавшій вернуть ей его любовь. Не будучи въ состояніи вынести мученія, которыя ему причинялъ отравленный плащъ, Гераклъ самъ велитъ поднять его на костеръ и живымъ сгораетъ на немъ. Его душа навѣки нисходитъ въ адъ; не стало «отразителя гибели», нависшей надъ богами и людьми; царству Зевса наступаетъ конецъ.

* * *

Я попытался, въ предыдущемъ, извлечь изъ древнѣйшаго *сохраненнаго* намъ преданія о Гераклѣ-намѣченномъ рокомъ спасителѣ царства боговъ—его древнѣйшую *уловимую* для насъ форму, ту, въ которой этотъ мифъ былъ основнымъ мифомъ религіи Зевса. Въ древнѣйшей же литературной обработкѣ мифа—Софоклъ читалъ ее въ «киклическомъ» эпосѣ «Взятіе Эхаліи» (Oichalias halôsis), содержаніе котораго мы, поэтому, возстановляемъ на основаніи и его трагедіи, и другихъ разрозненныхъ свидѣтельствъ—онъ уже оказывается запечатлѣннымъ печатью *религіи Аполлона*, которая значительно измѣнила его смыслъ и характеръ. Нѣкоторые аполлоновскіе элементы эпическаго преданія были уже отмѣчены попутно: другіе даетъ Одиссея. Евритъ—искусный стрѣлокъ, получившій отъ самого Аполлона лукъ и стрѣлы. Но онъ возгордился и вздумалъ вызвать на состязаніе самого бога, за что и былъ убитъ имъ—обычная аполлоновская мораль. Его лукъ достался его сыну Ифиту, который подарилъ его Одиссею, своему купцу; это—тотъ самый лукъ, съ помощью котораго Одиссей позднѣе убилъ жениховъ Пенелопы. Такимъ образомъ связь Геракла съ домомъ Еврита разрушена; а съ нею разрушено и основаніе для мифа о смерти Геракла.

Дѣйствительно, религія Аполлона, будучи наслоена на религію Зевса, произвела въ ней такой переворотъ, послѣ котораго преданіе о смерти Геракла стало непріемлемымъ. Царству Зевса была обезпечена вѣчность. А если такъ, то Гигантовъ, отъ которыхъ ему грозила гибель, пришлось признать побѣжденными имъ: Гигантомахія, эти «сумерки боговъ» религіи Зевса, была изъ будущаго перенесена въ прошлое, гдѣ она явилась довольно нелогичнымъ повтореніемъ титаномахіи. Но мы видѣли—Гиганты могли быть побѣждены только съ помощью Геракла. Итакъ, эта помощь состоялась: Гераклъ на колесницѣ своего отца сразилъ эту дикую рать (ст. 1058). А разъ онъ совершилъ этотъ подвигъ, то уже не было никакого основанія отказывать ему въ обѣщанномъ апоѳеозѣ.

Радуйся! Дѣло свершилъ ты великое въ сонмѣ безсмертныхъ.

Нынѣ живешь ты, не зная ни горя, ни старости лютой,— говоритъ про него Гесіодъ (Θеог. 954).

Съ этимъ исходомъ, понятно, не уживалось представленіе о сошествіи души героя въ адъ: то мѣсто Одиссеи, которое я привелъ выше—единственное свидѣтельство о немъ, и его странная двойственность прекрасно соотвѣтствуетъ духу той переходной эпохи, когда образъ Геракла, погибшаго спасителя боговъ, сталъ блекнуть передъ побѣждающимъ образомъ Геракла, обоготвореннаго очистителя вселенной. Логика требовала, однако, чтобы вмѣстѣ съ миѳомъ о сошествіи души Геракла въ адъ и миѳъ объ его смерти былъ преданъ забвенію. И дѣйствительно, этотъ миѳъ не былъ перенесенъ дорійцами на ихъ новую родину, въ Аргосъ; онъ остался въ Θессаліи. Конечно, разъ онъ нашелъ себѣ поэтическое выраженіе въ эпосѣ о «взятіи Эхаліи», то позднѣйшимъ поэтамъ не возбранялось иногда брать изъ него свои сюжеты; такъ, новонайденный Вакхилидъ въ одномъ дифирамбѣ описываетъ намъ предсмертное жертвоприношеніе Геракла, и сходство этого описанія съ Софокловымъ (ст. 750 сл.) доказываетъ намъ, что оба поэта очень точно слѣдовали своему источнику — указанному эпосу. Не возбранялось также въ вольной поэзіи соединять, вопреки религіознымъ вѣрованіямъ, сожженіе на Этѣ съ апоθеозомъ, какъ это дѣлаетъ Софоклъ въ «Филоктетѣ» (ст. 727):

Тамъ въ огневой зарѣ
Вознесся мужъ о мѣдномъ щитѣ къ богамъ
Надъ Эты вершиной.

При всемъ томъ это былъ умирающій миѳъ. Религія Аполлона не призвала его къ новой жизни, подобно миѳамъ объ Асантѣ, Филоктетѣ, Агамемнонѣ; исказивъ его, она обрекла его на исчезновеніе.

Дѣйствительно, послѣ эпоса о «взятіи Эхаліи» движеніе нашего миѳа прекращается. Ни лирика, ни ранняя трагедія его не приняли въ свое русло. Первымъ, давшимъ новую его обработку, былъ Софоклъ. Но и онъ не пожелалъ возстановить доаполлоновскую форму миѳа о богочеловѣкѣ, намѣченномъ рокомъ спасителѣ царства боговъ: онъ изобразилъ Геракла, какъ героя «трагедіи вѣрности».

III.

Мы въ Трахинѣ, въ томъ домѣ, въ которомъ Деянира съ дѣтьми нашла себѣ убѣжище, какъ гостья царя Кеика, послѣ того какъ загадочное для нея убійство ея мужемъ Ифита заставило всю семью покинуть аргосскій Тиринѳъ. Съ дѣтьми, которыхъ у нея нѣсколько; сколько именно—этого поэтъ себѣ и намъ не выяснилъ. Судя по ст. 54, они всѣ живутъ при Деянирѣ; но по ст. 1153 одни остались при своей бабкѣ Алкменѣ въ Тиринѳѣ, другіе у родныхъ въ Ѳивахъ, и только старшій, Гиллъ (Hyllos), послѣдовалъ за матерью въ Трахинъ. Это, если угодно, противорѣчіе, но неважное; для трагедіи имѣетъ значеніе только Гиллъ, по возрасту эфебъ, опора своей матери. Геракла вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ какъ въ Трахинѣ нѣтъ. Гдѣ онъ—не знаетъ никто.

Время предразсвѣтное; изъ дому выходитъ Деянира, съ ней ея старушка-няня. Для чего выходитъ она? Зрителямъ это было ясно по ея игрѣ; намъ объ этомъ предоставлено догадываться. Думаю, что для своей женской работы. Такъ вѣдь и Андромаха въ Иліадѣ, и Пенелопа въ Одиссеѣ коротаютъ тоскливое время разлуки съ мужьями. Конечно, этой работѣ было мѣсто скорѣе внутри дома; но это уже неизбѣжная условность трагедіи, которая лишена возможности изображать внутреннія покои. Ея работа—драгоцѣнный плащъ, будущій даръ ея Гераклу. Немудрено, что мысли о немъ не оставляютъ ея; чувство оспротѣлости и однообразная «пѣсня ткацкаго челнока» поневолѣ вліяютъ на ея настроеніе. Она чувствуетъ себя глубоко несчастной; мало того, ей кажется, что она никогда счастлива не была. Въ такія минуты человѣкъ охотно вспоминаетъ о своемъ прошломъ, ища грустнаго утѣшенія въ сознаніи, что ему не за что благодарить судьбу.

И вотъ передъ ея глазами проходятъ: сватовство Ахелоя, ея освобожденіе Геракломъ, ея тоскливая жизнь въ Тиринѳѣ при вѣчныхъ отлучкахъ мужа, вассала презрѣннаго царя Еврисоея. Уже близокъ былъ покой по окончаніи этой службы; но вотъ—убійство Ифита, изгнаніе, новая, особенно мучительная и тревожная отлучка Геракла. Онъ оставилъ ей, уходя, завѣщаніе, сказавъ, что оно должно вступить въ силу, если онъ по истеченіи пятнадцати мѣсяцевъ не вернется. Она считаетъ... да, ровно пятнадцать мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ прошло, и его все еще нѣтъ.

Силы оставляютъ ее; она съ рыданіемъ опускается на свое сидѣніе.

Такова ея дума. Критики усмотрѣли въ ней сходство съ прологами Еврипида, упустивъ изъ виду одно рѣшающее обстоятельство—что въ прологахъ Еврипида говорящій обращается къ публикѣ, нарушая иллюзію, между тѣмъ какъ Деянира обращается къ самой себѣ. И еще одно упустили они изъ виду — богатый внутренній драматизмъ этого монолога. А впрочемъ, именно въ нашей трагедіи они очень многое упустили изъ виду.

Къ ней подходитъ ея кормилица—одинъ изъ излюбленныхъ типовъ древней трагедіи. У нея есть слово утѣшенія: если долгое отсутствіе Геракла томитъ Деяниру, почему бы не послать на поиски отца одного изъ сыновей, напримѣръ, Гилла?.. Едва успѣла она произнести его имя, какъ является онъ самъ. Такое совпаденіе имѣло въ глазахъ древнихъ особое значеніе, служа какъ бы доказательствомъ, что сами боги одобряютъ задуманное дѣло и что оно, слѣдовательно, будетъ имѣть успѣхъ. Но Гиллъ явился съ вѣстью: онъ былъ въ гавани, онъ узналъ, что Гераклъ отслужилъ годъ своей рабской службы у лидійской царицы Омфалы—Деянира вспыхиваетъ при этомъ повторящемъ словѣ,—что онъ теперь свободенъ и воюетъ съ царемъ Евритомъ на Евбеѣ. Все это мало вразумительно, но Деянира слышитъ только одно: походъ, война, опасность. Ей опять вспоминается завѣщаніе Геракла и роковой пятнадцатимѣсячный срокъ, именно сегодня истекшій. Да, старушка была права: необходимо Гиллу отправиться на поиски отца.

Эта ея готовность не лишена знаменательности: она даже не задумывается объ опасностяхъ, угрожающихъ ея молодому сыну на этомъ пути. Намъ вспоминается, какъ отнеслась другая супруга-мать, Пенелопа, къ отъѣзду своего сына, который вѣдь тоже отправился, подобно Гиллу, на поиски отца (Од. IV, 732):

> О! Для чего не сказалъ мнѣ никто, что отплыть онъ замыслилъ?
> Или тогда бъ, отложивши отъѣздъ, онъ остался со мною,
> Или сама-бъ я осталася мертвою въ этомъ жилищѣ.

Это говорится не въ упрекъ Деянирѣ, а чтобы подчеркнуть ея характеръ, какъ супруги и только супруги—каковой она и была въ первоначальномъ мнѣ, не знавшемъ ея дѣтей.

Гиллъ охотно отправляется; Деянира опять одна. Тѣмъ временемъ солнце окончательно взошло; къ тоскующей прихо-

дятъ ея новыя подруги, трахинскія дѣвушки, составляющія хоръ. Особой мотивировки ихъ прихода нѣтъ, какъ нѣтъ ея и въ «Электрѣ»; зрители не были особенно требовательны относительно этой необходимой условности греческой трагедіи. Онѣ привѣтствуютъ взошедшее солнце, онѣ хотятъ утѣшить Деяниру. Конечно, какъ дѣвушки неопытныя и счастливыя, онѣ не въ состояніи вдуматься въ настроеніе своей искушенной жизнью подруги. Такія мысли, какъ чередованіе радости съ горемъ, воля Зевса и т. п., Деяниру утѣшить не могутъ; отъ всей пѣсни дѣвушекъ у нея остается лишь одно—увѣренность, что онѣ принимаютъ близко къ сердцу ея горе. Это ихъ теплое участіе достойно довѣрія съ ея стороны; она рѣшаетъ отвѣтить на него откровенностью.

Въ ея разсказѣ насъ особенно интересуетъ одно: тотъ додонскій оракулъ, на который она намекнула еще въ разговорѣ съ Гилломъ (ст. 79), что въ тотъ день, который исполняется нынѣ, *сужденъ конецъ Геракловымъ страданіямъ*. Какъ понимать слово «конецъ»? Этотъ оракулъ придаетъ особое значеніе тому завѣщанію Геракла, въ которомъ завѣщатель опредѣлилъ тотъ же день, какъ срокъ вступленія въ силу его воли. Видно, что-то недоброе ей предстоитъ...

Но нѣтъ: къ бесѣдующимъ подходитъ вѣстникъ съ зеленой вѣтвью на головѣ. Его слово—слово радости (ст. 180):

Мужъ твой
Живъ, побѣдилъ и дань побѣды славной
Несетъ роднымъ Трахина божествамъ.

Что же случилось? Посмотримъ.

* * *

Изъ тѣхъ пятнадцати мѣсяцевъ, которые прошли со времени его ухода, Геракл двѣнадцать провелъ въ рабской службѣ у лидійской царицы Омфалы, искупая убійство Ифита. Но затѣмъ онъ набралъ вольницу — въ числѣ прочихъ, глашатая Лихаса— и двинулся противъ Еврита. Послѣ кратковременной осады Эхалія пала, мужское населеніе было перебито, Іола въ числѣ другихъ плѣнницъ досталась въ руки побѣдителю. Самъ онъ остается пока на Евбеѣ, чтобы въ благодарность за побѣду посвятить «Кенейскому» Зевсу часть завоеванной земли и принести торжественную жертву; Лихаса съ Іолой, плѣнницами и прочей добычей онъ посылаетъ впередъ, въ Трахинъ.

Какія были его намѣренія относительно его плѣнницы? Поэтъ намъ этого ясно нигдѣ не сказалъ—и не могъ сказать. До сихъ поръ мужъ Деяниры своей супружеской вѣрности никогда не нарушалъ; это ясно видно изъ позднѣйшихъ словъ прозрѣвшей Деяниры (ст. 540).

Вотъ какой гостинецъ
Гераклъ, мой *вѣрный*, любящій супругъ,
Привозитъ мнѣ—за то, что я такъ долго,
Такъ честно домъ скитальца берегла!

Не нарушилъ-бы и теперь, если бы не необходимость. Какая? Деянира все приписываетъ чарамъ Іолы; и возможно, что мы въ этомъ имѣемъ пережитокъ основного миѳа. Но въ нашей трагедіи ничто этого предположенія не подтверждаетъ. Напротивъ, когда мы читаемъ отзывъ Лихаса (ст. 488):

Вѣдь онъ—во всемъ непобѣдимый витязь
И лишь предъ ней оружіе сложилъ [1]).

—мы убѣждаемся, что здѣсь дѣйствовала *внутренняя необходимость, непреборимо влекущая мужчину къ той женщинѣ, которая намѣчена непреложной, таинственной волей, чтобы родить ему дитя его надежды.* Другими словами — *Афродита.*

Въ такомъ положеніи не разсуждаютъ. Іола ему нужна, какъ орлица орлу—ради орленка. Онъ ея требуетъ, въ числѣ прочихъ жениховъ, у ея отца Еврита, исполняя ради этого условія состязанія; когда же Деметра, устами Еврита, отказываетъ женатому жениху въ незаконной второй женѣ, онъ добываетъ ее силой. Кто ему такъ велѣлъ — это прекрасно сознаетъ хоръ (ст. 856).

О грозный рокъ Эхаліи вѣнчанной!
О ты, копье, что пламенемъ зловѣщимъ
Передъ дружиною неслось!
Не ты-ль привело тогда
Невѣсту съ чужой страны
На бракъ торопливый къ намъ?
Но все вершила, властвуя безмолвно,
Афродита!

Что случилось? То, что должно было случиться. Но что будетъ дальше? То, что должно быть. Но какъ оно сбудется?

---

[1]) Ироническое толкованіе этихъ словъ исключается подлинникомъ.

Загладывать праздно; съ горы виднѣе будетъ. Пока что, Геракль посылаетъ Лихаса съ Іолой и прочими въ Трахинъ. Почему именно въ Трахинъ? Потому, что и онъ вскорѣ тамъ будетъ. А почему онъ долженъ быть тамъ? Потому, что тамъ—Деянира.

Но тамъ, гдѣ не разсуждаетъ господинъ, вдвойнѣ охотно разсуждаетъ слуга. Лихасъ ведетъ плѣнницъ въ Трахинъ, къ Деянирѣ. Ея самой онъ не знаетъ; знаетъ только, что она—законная жена его боготворимаго повелителя, вѣроятно, старая, и ужъ конечно, злая. Онъ не торопится: къ чему? Награды ему отъ законной жены, все равно, ждать нечего. На выгонъ, у воротъ Трахина, къ нему сходятся мѣстные пастухи. Онъ съ ними поболтать не прочь: о войнѣ, объ осадѣ, о взятіи города, о добычѣ, объ Іолѣ. Кто она? Догадаться нетрудно: новая жена повелителя. А прежняя? Той, значитъ, пора въ отставку... И вотъ, пока въ Трахинѣ кроткая, прекрасная Деянира горюетъ объ отсутствующемъ мужѣ, съ любовью ткетъ плащъ для него—у воротъ города ея имя и ея любовь дѣлаются мишенью грубыхъ солдатскихъ шутокъ посланца ея мужа.

Лихасъ, впрочемъ, самъ по себѣ не грубъ; напротивъ, у него мягкое, благородное сердце—мы въ этомъ еще убѣдимся. Но онъ не знаетъ Деяниры—и подавно не знаетъ Афродиты. Зато его слушатели знаютъ, по крайней мѣрѣ, первую. И вотъ, одинъ изъ нихъ, простой трахинскій старикъ, пускается бѣжать къ ней. Не для того, чтобы предупредить ее—къ чему? Бѣдѣ, все равно, не поможешь. Нѣтъ: для того, чтобы сообщить ей только вѣсть о благополучномъ возвращеніи Геракла и получить положенную счастливымъ вѣстникамъ награду. А про Іолу пусть сообщаетъ самъ Лихасъ.

* * *

Итакъ, приходитъ вѣстникъ со словомъ радости. Деянира не сразу вѣритъ: долгій жизненный опытъ научилъ ее осторожности. Да и самъ вѣстникъ не безъ запинки отвѣтилъ на ея естественный вопросъ, почему пославецъ ея мужа самъ не принесъ ей извѣстіе первымъ. Но ему удается успокоить ее; она уходитъ въ домъ; туда же кормилица-ключница уводитъ и вѣстника для угощенія и награды; на опустѣвшей сценѣ дѣвушки исполняютъ пѣсни богамъ радости: Аполлону—пэанъ, Діонису—дифирамбъ.

Вернувшись на сцену, Деянира застаетъ ее полной праздничнаго движенія: передъ ней проходитъ тріумфальное шествіе

побѣдителя Эхалін. Послѣднимъ является Лихасъ, съ нимъ Іола и прочія плѣнницы. Радостная, благодарная идетъ она ему на встрѣчу (ст. 226):

Тебѣ, глашатай, первый мой привѣтъ!
Давно желанный—

Тутъ самообладаніе оставляетъ Лихаса. Та-ли эта «законная жена» его повелителя, какою онъ себѣ ее рисовалъ въ своемъ воображеніи, когда онъ поносилъ ее на выгонѣ у трахинскихъ воротъ? Ей ли онъ скажетъ то слово горькой истины, которое навѣки разобьетъ ея счастье?—Нѣтъ. Всѣ добрыя чувства его доброй души, дремавшія подъ корой солдатской грубости, пробиваются наружу. Будь, что будетъ, но онъ ея не тронетъ.

Быстро справившись со своимъ волненіемъ, онъ отвѣчаетъ на ея вопросы и затѣмъ — не замѣчая вернувшагося и жадно прислушивающагося вѣстника—разсказываетъ о причинахъ эхалійской войны и о самой войнѣ. Разсказъ его правдивъ—долгъ глашатая велитъ ему не лгать,—но не совсѣмъ вразумителенъ, такъ какъ все относящееся къ Іолѣ старательно пропущено. Со стороны Еврита—простое оскорбленіе за кружкой вина, со стороны Геракла—коварное убійство его сына и, точно этого мало, взятіе и разрушеніе его города со всѣми послѣдствіями... Повидимому, кара чрезмѣрно превзошла вину. Деянира болѣе опечалена, чѣмъ обрадована услышанной вѣстью, а тутъ—оборотная сторона торжества побѣдителей, горе побѣжденныхъ: плѣнницъ, Іолы.

Тутъ Софоклъ воскресилъ традицію Эсхила: употребивъ всѣ краски своей палитры на то, чтобы сдѣлать возможно обаятельнымъ для насъ образъ Деяниры, онъ предоставилъ намъ самимъ воплотить въ нашей мечтѣ образъ ея несчастной соперницы. Въ горделивомъ молчаніи стоитъ передъ нами и ею та, передъ которой одной «сложилъ оружіе» непобѣдимый витязь—умиротворитель вселенной.

А впрочемъ—читатель самъ оцѣнитъ эту единственную въ своемъ родѣ сцену, обращеніе кроткой Деяниры къ роковой подругѣ ея мужа; толкователю поэта нечего прибавить къ его словамъ.—

Старшая дѣвушка.

Царица, нынѣ счастлива ты явно:
И взоръ, и слухъ побѣдою полны.

Деянира (съ грустной улыбкой).

Конечно, рада повѣсти я славной
О счастьи мужа—рада отъ души.
И быть не можетъ иначе. Но все же
И страхъ питать за баловня успѣха
Велитъ намъ разумъ: долго-ль до паденья?
Ахъ, жалко мнѣ, такъ жалко мнѣ, подруги,
На нихъ смотрѣть, на сиротъ горемычныхъ,
Бездомныхъ, брошенныхъ въ странѣ чужой.
Давно-ль онѣ цвѣли въ свободной долѣ
Среди своихъ? Теперь удѣлъ ихъ—рабство!

(Простирая руки къ этейскому Зевсу).

О Зевсъ-вершитель! Не суди мнѣ видѣть
Такого-жъ гнѣва твоего на тѣхъ,
Что мною рождены! Такой боязнью
Меня исполнилъ ихъ печальный видъ.

(Снова всматривается въ плѣнницъ. Мало по малу ея взоръ останавливается на Іолѣ, которая одна не старается ее разжалобить. Деянира продолжаетъ вполголоса, обращаясь болѣе къ себѣ самой, чѣмъ къ Іолѣ).

Ахъ, кто ты, кто, страдалица младая?
Въ дѣвицахъ ли? Иль матерью слыла?
Не говоритъ о мукахъ материнства
Твой станъ... и столько благородства въ немъ...

(Подойдя къ Лихасу и указывая ему рукою на Іолу, причемъ Лихасъ вздрагиваетъ).

Чья, Лихасъ, эта плѣнница? Скажи мнѣ!
Кто мать ея? Какъ звать ея отца?
Скажи! Всѣхъ болѣ тронута я ею:
Она одна достоинство хранитъ.

Лихасъ (съ подозрительной торопливостью, въ крайнемъ смущеніи).

Почемъ мнѣ знать? Къ чему меня пытаешь?
Евбеянка—и видно, не простая.

Деянира.

Ужъ не царевна-ль? (Какъ бы осѣненная внезапной мыслью, быстро).

Дочь имѣлъ Евритъ?

Лихасъ.

Почемъ мнѣ знать? Не наводилъ я справокъ.

Деянира.

И имени отъ спутницъ не слыхалъ?

Лихасъ.

Да нѣтъ же: молча путь свой совершалъ я.

Деянира (подходитъ къ Іолѣ и тономъ теплаго участія говоритъ ей).

Откройся-жь ты мнѣ, бѣдная!

(Іола, потупивъ взоръ, молчитъ; Деянира съ ласковою настойчивостью продолжаетъ):

Вѣдь горе,
Когда и имя пропадетъ твое.

(Хочетъ дружелюбно положить ей руку на плечо. Іола, съ протестующимъ движеніемъ руки, отступаетъ. Въ это время ея взоръ встрѣчается со взоромъ Деяниры; она какъ будто уже готова выдать тайну, но внезапно закрываетъ лицо руками и начинаетъ рыдать. Лихасъ, все время обнаруживавшій признаки крайней тревоги, поспѣшно вмѣшивается).

Лихасъ.

Не жди отвѣта. Не измѣнитъ дѣва
Упорству своему. Она ни слова,
Ни звука одного не проронила
На всемъ пути. Въ страданіи безмолвномъ
Она лишь слезы льетъ съ минуты той,
Когда добычей шаловливымъ вѣтрамъ
Свой отчій домъ оставила она.
Была жестока къ ней судьба,—но этимъ
На снисхожденье право ей дала.

Деянира (не сводя глазъ съ Іолы, съ участіемъ).

Иди же съ миромъ въ домъ мой, чужестранка,
Такъ, какъ самой пріятнѣй. Не хочу
Двойныхъ страданій причинять тебѣ:
Довольно терпишь ты и такъ...

Лихасъ съ плѣнницами удаляется во дворъ; собирается удалиться и Деянира. Но вдругъ нѣкто преграждаетъ ей путь; она смотритъ—предъ ней трахинскій вѣстникъ.

Чего ему надо? Свою награду—по обычаю героическихъ временъ, плащъ—онъ получилъ. Въ угощеніи тоже, надо полагать, изъяна не было; хвативъ, какъ водится, лишняго (стр. 437), онъ чувствуетъ удвоенную нѣжность къ этой доброй царицѣ и удвоенную злобу противъ этого Лихаса, который тамъ, на выгонѣ, такъ обидно смѣялся надъ ней, а здѣсь такъ безсовѣстно ее обманываетъ. Нѣтъ, этому не быть; онъ рѣшилъ открыть ей все.

Вотъ—гдѣ трагизмъ.

Если бы сама Афродита —какъ въ «Данаидахъ» Эсхила,—спустившись съ небесъ, попыталась разъяснить женѣ-голубицѣ роковую несоизмѣримость мужской и женской психологіи въ «трагедіи вѣрности» — все ея божественное краснорѣчіе пропало

бы даромъ. Вѣдь эта жена именно въ силу своей голубиной нѣжности проникнута инстинктивнымъ убѣжденіемъ, что она-то не могла бы полюбить другого иначе, чѣмъ разлюбивъ Геракла. И вотъ, она столь же инстинктивно строитъ и относительно мужа свое неизбѣжно послѣдовательное и неизбѣжно неправильное заключеніе: «полюбилъ другую—значитъ, разлюбилъ меня». И какъ могла бы богиня расшатать это убѣжденіе, коренящееся въ самой основѣ женской природы? Какъ могла бы она сказать свое: «пойми!» тамъ, гдѣ понять значитъ—вчувствоваться, а вчувствоваться значитъ—внести свое собственное сердце въ сердце иначе чувствующаго человѣка, значитъ—чувствомъ соизмѣрить несоизмѣримое?

И если бы Лихасъ съ его доброй душой, Лихасъ, давно уже любившій Геракла, а теперь полюбившій и Деяниру—если бы Лихасъ бережно и нѣжно раскрылъ ей роковую тайну, стараясь и ее щадить, и не унижать передъ ней ея мужа—его увѣщанія, конечно, были бы напрасны, но все же онъ сказалъ бы: «прости!» тамъ, гдѣ богиня могла бы сказать только: «пойми!», и ударъ былъ бы не такъ жестокъ, не такъ убійственъ.

Но нѣтъ; орудіемъ рока является трахинскій вѣстникъ. Софоклъ, подобно Шекспиру, пользуется иногда низменными, почти комическими персонажами для усугубленія трагическихъ эффектовъ; таковъ стражъ въ «Антигонѣ», таковъ и нашъ посредникъ. Онъ—воплощенная мѣщанская сплетня. Правда, онъ ничего отъ себя не привираетъ, и этимъ онъ все-таки на сто головъ выше своихъ потомковъ въ древнее и новое время. Онъ только освѣщаетъ все по своему. Той силы, которая отдала Іолу въ руки Геракла, онъ, разумѣется, никогда не пойметъ: онъ замѣняетъ ее той, которая ему непосредственно понятна—обыкновенной плотской необузданностью. И какъ онъ радъ, что ему удалось, наконецъ, понять и этимъ подчинить себѣ, сбрасывая его съ пьедестала, этотъ недосягаемый образъ Геракла! Какъ доволенъ онъ, что можетъ вложить въ сердце герою всѣ пошлыя побужденія своей собственной мѣщанской душонки!.. А впрочемъ, тутъ есть еще одна черта, безъ которой мѣщанскій характеръ этой мастерски обрисованной фигуры былъ бы неполнымъ. Эта черта—состраданіе къ Деянирѣ. Кому неизвѣстно это лицемѣрное состраданіе сплетни? Она всегда сострадательна къ якобы обижаемымъ—и изъ состраданія убиваетъ ихъ. За то какъ же она бываетъ недовольна, когда этого-то ея фарисейскаго состраданія не хотятъ признать! (ст. 369).

Прости; рѣшилъ я все тебѣ открыть,
Царица, что отъ Лихаса я слышалъ.
Тебя разсказъ мой огорчилъ, я вижу:
Что-жъ дѣлать! Правду я за то сказалъ.

Конечно, правда прежде всего. Лихасъ, изволите видѣть, утаилъ, солгалъ; возможно ли сомнѣваться, что нашъ сплетникъ неизмѣримо благороднѣе его?

* * *

Кумиръ поверженъ. Что же дальше? Пока—пустота. И въ этой пустотѣ неотвязчивая, гложущая мысль: «полюбилъ другую—значитъ, разлюбилъ меня». А затѣмъ—ея постепенное превращеніе: «только разлюбивъ ее, вновь полюбитъ меня». А затѣмъ—естественный для сильнаго, здороваго, любящаго существа вопросъ: «какъ достигнуть того, чтобы онъ разлюбилъ ее?» И вдругъ, какъ ударъ молніи, мысль о талисманѣ Несса. Не онъ ли ей заповѣдывалъ передъ смертью (ст. 573):

Возьми въ свой плащъ моей ты крови комъ,
Что запеклась вокругъ стрѣлы въ томъ мѣстѣ,
Гдѣ ядъ лернейской гидры въ черный цвѣтъ
Ее окрасилъ. Талисманъ могучій
Въ немъ обрѣтешь ты для любви Геракла.
Его отвѣдавъ, ни одной жены онъ
Опричь тебя ужъ больше не полюбитъ.

Теперь, очевидно, наступило время къ нему обратиться.—Эта мысль озаряетъ ее внезапно во время допроса вѣстникомъ вышедшаго изъ дому Лихаса, этой тягостной для Деяниры борьбы пошлой откровенности вѣстника съ желаніемъ Лихаса спасти осколки разбитой тайны.

И конечно, зритель долженъ былъ быть поставленъ въ извѣстность о томъ, что эта спасительная мысль у Деяниры возникла: вѣдь ею опредѣляется ея дальнѣйшее отношеніе къ Лихасу. А такъ какъ она словами этой мысли выдать не могла—рѣчи «въ сторону» не были въ обычаѣ у древнихъ трагиковъ—то ее должна была выразить ея игра. Какъ—объ этомъ возможны только предположенія. Думаю, что средствомъ послужилъ тотъ плащъ, который она ткала въ прологѣ. Она бѣшено хватаетъ его; такъ и кажется, что она хочетъ бросить его на землю, растоптать—вдругъ она останавливается, бережно сглаживаетъ его складки и въ глубокомъ раздумьи возвращается къ спорящимъ.

Итакъ, она пошлетъ плащъ Гераклу, смазавъ его предварительно талисманомъ кентавра; пошлетъ его, удобнѣе всего, черезъ этого самого Лихаса. А для этого нужно сначала заручиться его откровенностью и довѣріемъ. И вотъ, по удаленіи вѣстника, она сама заклинаетъ Лихаса открыть ей всю правду. Онъ колеблется. Она увѣряетъ его, что не питаетъ враждебныхъ чувствъ противъ Іолы... кривя душой, какъ намъ докажетъ потомъ ея признаніе подругамъ (ст. 536 сл.) Онъ не вѣритъ. Тогда она прибѣгаетъ къ послѣднему, крайнему средству: она клевещетъ на Геракла и на себя (ст. 468).

Ужъ сколько женщинъ въ жены бралъ супругъ мой—
И что-жъ? Слыхала ль хоть одна изъ нихъ
Дурное слово отъ меня?

Это измѣняетъ дѣло; несуществующей святыни и щадить нечего. Онъ открываетъ ей все, въ томъ дружелюбномъ освѣщеніи, которое теперь, запоздалое, уже не облегчитъ боли. Цѣль достигнута; они удаляются въ домъ.

Тамъ теперь произойдутъ любовныя чары; дѣвушки хора, вдумываясь въ намѣренія подруги, помогаютъ ей пѣсней о той любви, которая нѣкогда соединила Геракла съ Деянирой. Но имъ не удается выдержать до конца того бодраго тона, который нуженъ для дѣла, и въ эподѣ наступаетъ неожиданный перебой настроенія, вызванный унылыми мыслями о разлукѣ. Это—первая зловѣщая примѣта.

Выходитъ Деянира съ роковымъ плащомъ, бережно уложеннымъ въ деревянный ларецъ. Теперь, среди подругъ, она даетъ волю своимъ женскимъ чувствамъ, всей той обидѣ, которая ныла въ ея груди (ст. 536).

Ту дѣву (только подлинно-ли—дѣву?)
Я приняла, какъ судовщикъ товаръ—
Товаръ обидный, купленный цѣною
Любви моей. И вотъ теперь насъ двое,
И подъ однимъ мы одѣяломъ ждемъ
Объятій мужа. Вотъ какой гостинецъ
Геракловъ, мой вѣрный, любящій супругъ
Привозитъ мнѣ—за то, что я такъ долго,
Такъ честно домъ скитальца берегла!

А впрочемъ—сею движетъ не ревность; она сама это намъ говоритъ, и она права. Единственное, чего она хочетъ, это—вернуть себѣ любовь своего мужа, которую она считаетъ утраченной; ради этого она призываетъ на помощь Несса и его

талисманъ. Умные люди находили эту довѣрчивость слишкомъ легкомысленной и поэтому невѣроятной; но, хотя это и были умные люди, а все же Софоклъ былъ много умнѣе ихъ. Онъ зналъ психологію женъ-голубицъ. Разъ онѣ—справедливо или нѣтъ—извѣрились въ любви мужа, онѣ способны очертя голову довѣриться даже чужому, даже врагу—его и своему. Такова Беата въ «Росмерсхольмѣ» Ибсена; такова и наша Деянира.

Сомнѣнія подругъ не дѣйствуютъ на нее: она—«увѣрена». Лихасъ получаетъ смертоносный даръ; онъ уходитъ. Уходитъ не сразу: тревожное чувство нѣтъ-нѣтъ да и проснется у царицы, создавая новую, уже вторую зловѣщую примѣту. Наконецъ, она отпускаетъ его (ст. 630), говоря про себя:

А о любви моей—
О нѣтъ, молчи. Узнать сначала надо,
Насколько тамъ любима Деянира.

И это такъ характерно — и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ трогательно, такъ грустно! Эта боязнь «передать» любовныхъ чувствъ, взять на себя починъ ласки и примиренія... Впрочемъ, теперь уже все равно: колесу рока дано движеніе, оно остановится не раньше, чѣмъ раздавитъ въ трехъ послѣдовательныхъ оборотахъ, сначала Лихаса, затѣмъ Деяниру, наконецъ Геракла.

* *
*

Слѣдующая хорическая пѣсня—затишье передъ бурей; вслѣдъ за ней первый раскатъ — ужасъ Деяниры, внушенный ей непонятнымъ, тревожнымъ явленіемъ внутри дома, саморазрушеніемъ того клока шерсти, которымъ она смазала плащъ. Впрочемъ, если читатель не побоится испортить свое настроеніе наблюденіями посторонняго свойства, онъ замѣтитъ поразительно тщательное отношеніе Софокла къ этому процессу саморазрушенія органическаго вещества, и притомъ нетолько здѣсь, но уже раньше, въ наставленіяхъ, данныхъ царицей Лихасу (ст. 602 сл.). Оно не должно насъ озадачивать: мы знаемъ вѣдь, Софоклъ былъ врачемъ. Поэтъ писалъ тутъ въ совмѣстной работѣ съ натуралистомъ.

За первымъ раскатомъ немедленно слѣдуетъ второй: приходъ Гилла съ извѣстіемъ о происшедшемъ несчастіи... Кстати: одна изъ условностей трагическихъ композицій заключается въ томъ, что хорическая пѣснь—какъ у насъ антрактъ—покрываетъ собой любой промежутокъ времени. Все же то, что мы наблюдаемъ здѣсь, въ своемъ родѣ очень интересно. Въ самомъ дѣлѣ,

сколько времени прошло между уходомъ Деяниры и этимъ ея приходомъ? Если сопровождать мысленно ее самое, то очень мало, всего нѣсколько минутъ: она вѣдь только вошла въ свои покои, увидѣла явленіе съ клокомъ шерсти и тотчасъ, разстроенная, опять выбѣжала наружу. Но если сопровождать Лихаса— много, очень много: и странствованіе Лихаса на Евбею къ Гераклу, и кенейское жертвоприношеніе, и смерть Лихаса, и болѣзнь Геракла, и его переправа въ Трахинъ. Трагедія въ этомъ отношеніи, какъ видно, вполнѣ безъ забота.

Обо всѣхъ этихъ несчастіяхъ Деянира узнаетъ изъ гнѣвной рѣчи сына: онъ не сомнѣвается въ томъ, что у его матери былъ коварный замыселъ погубить его отца, что она дѣйствовала подъ вліяніемъ преступной ревности. Она могла бы защищаться; но къ чему? Для нея теперь все потеряно. Напутствуемая проклятіемъ сына, она идетъ принести себя въ жертву той непонятной, роковой силѣ, которая руководила и ея судьбой, и ея дѣйствіями.

Разсказъ объ ея смерти мы слышимъ въ слѣдующей сценѣ изъ устъ кормилицы; этотъ разсказъ дополняетъ тотъ чудный ея обликъ, который остался въ нашей памяти по первой половинѣ трагедіи. Да, она—подобно женѣ Исхомаха—изъ тѣхъ, которыя могли бы дать счастье всякому другому мужу, кромѣ того, съ которымъ ее связала судьба. Преданная своему дѣлу хозяйка, любящая свою челядь и боготворимая ею—какимъ роскошнымъ цвѣткомъ могла бы она расцвѣсть въ супружествѣ съ мужемъ дѣловитымъ, хозяйственнымъ, со своего рода Исхомахомъ героическихъ временъ!

А ей достался—творецъ.

* * *

Трагедія Деяниры кончена; наступаетъ трагедія Геракла, Чувство, съ которымъ зритель ждетъ появленія этого страдальца, предваряетъ хоръ въ своей пѣснѣ (ст. 356):

О Зевса многославный сынъ!
Боюсь умереть отъ страха
Тебя завидя лишь средь насъ.

Къ мужу-орлу и раньше не всякому было безопасно подступиться; а теперь этотъ орелъ раненъ—и раненъ на смерть. Мы видимъ отчаянные, судорожные взмахи его крыльевъ; мы слышимъ—и притомъ не разъ—отъ него то слово, которое оправдываетъ въ глазахъ справедливости тѣ рѣзкія, жестокія

черты, на которыя не поскупился поэтъ самаго могучаго въ мірѣ богатыря.

Дѣйствительно, сознавая свою неотразимую власть надъ людьми, Гераклъ пользуется ею неограниченно: *онъ жертвуетъ всѣми ради себя*. Нечего и говорить, что для такой натуры самые священные законы не писаны: Гераклъ не останавливается ни передъ убійствомъ кунака, ни передъ убійствомъ глашатая. Полюбивъ Іолу, онъ пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы добыть ее, ничуть не смущаясь при мысли, что жертвами его страсти будутъ не только враги-эхалійцы, но и его нѣжная, безотвѣтная жена.

Такія натуры сами по себѣ не внушаютъ симпатіи; деспотъ не можетъ быть героемъ трагедіи. Но Гераклъ не деспотъ: *жертвуя всѣми ради себя, онъ жертвуетъ собой ради дѣла*. Въ этомъ его оправданіе. Свою жизнь онъ провелъ не въ удовольствіяхъ, а въ неустанныхъ, тяжкихъ подвигахъ для пользы ближнихъ. Другіе наслаждались плодами его трудовъ (ст. 993, сл. 1032 сл. и особенно 1063—75); для него же каждая исполненная задача была лишь предвѣстницею новой. И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ, всю жизнь (ст. 1075):

> Безъ стона слѣдовалъ повсюду
> Я за звѣздой неласковой моей.

И теперь, послѣ всего этого, такія муки. Подобно сыну, и онъ не сомнѣвается, что его жена со злымъ умысломъ прислала ему роковой плащъ; узнавъ правду отъ прозрѣвшаго сына, онъ прощаетъ ее, но прощаетъ молча.

Послѣдняя задача передъ нимъ. Услышанное отъ сына не оставляетъ въ немъ сомнѣнія въ томъ, что его гибель неминуема; пусть же она наступитъ ярко и торжественно, достойно лучшаго въ мірѣ богатыря. Онъ требуетъ, чтобы его сожгли на кострѣ, тамъ, на вершинѣ Эты, на заповѣдномъ лугу его отца. Но это еще не все.

Мы видѣли, что трагедія намѣченнаго рокомъ спасителя царства боговъ была уже забыта въ эпоху Софокла: онъ понялъ своего героя какъ героя трагедіи вѣрности. Съ этой точки зрѣнія и его любовь къ Іолѣ получила другое значеніе. Когда-то она представлялась внушенной чарами враговъ, желавшихъ уничтожить спасителя до исполненія имъ великаго подвига; теперь она стала дѣломъ Афродиты, отдавшей орлицу орлу ради питати его надеждъ, ради героя будущаго. И если бы кто-либо

могъ усумниться въ правильности этого толкованія—послѣдняя сцена трагедіи должна переубѣдить его.

Дѣйствительно, эта сцена при всякомъ другомъ толкованіи непонятна—и тѣмъ болѣе непонятна при томъ отсутствіи всякаго толкованія, которымъ грѣшатъ наши комментаріи.

Онъ требуетъ отъ своего сына, чтобы тотъ взялъ Іолу за себя, какъ свою законную жену. Что это? Сколокъ съ восточныхъ обычаевъ, разрѣшавшихъ сыну наслѣдовать гаремъ своего отца? Врядъ ли что-либо въ этой трагедіи такъ чуждо нашему чувству, какъ эта послѣдняя воля Геракла, за неисполненіе которой онъ грозитъ сыну страшнымъ проклятіемъ.

Я же говорю: эта воля—послѣдовательное проявленіе той самой силы, которая и раньше такъ неотразимо влекла его въ объятія Іолы. Гераклъ—это особь, преходящее явленіе; но Гераклиды—это родъ, это вѣчность. Ему не суждено было самому слить свою кровь съ кровью этой чудо-дѣвы и дать ей то дитя, въ которомъ бы, усугубленная, воскресла его сила; пусть же это сдѣлаетъ Гиллъ. Такъ или иначе, а нужно связать орлицу съ родомъ Гераклидовъ—не черезъ отца, такъ черезъ сына.

Съ нами объ этомъ толковать нечего; все равно не поймемъ. Но дѣвушки-трахиніянки прекрасно поняли волю страдальца, и старшая изъ нихъ вызываетъ Іолу изъ терема, чтобы и она, рядомъ со своимъ женихомъ, послѣдовала за печальными носилками на мѣсто послѣдняго упокоя Геракла.

Гераклъ (опускаясь на носилки).

Спасибо за конецъ. Теперь же, сынъ мой,
О скоромъ исполненіи прошу,
Чтобъ, не дождавшись судорогъ и корчей,
Ты упокоилъ на кострѣ отца (Дружинѣ).
Скорѣй, друзья! Тамъ будетъ исцѣленье,
Послѣдній отдыхъ вашего вождя!

Гиллъ.

Препятствій нѣтъ; съ усердіемъ исполнимъ
Твое желанье—твой приказъ, отецъ.

(Глубокая ночь. На вершинѣ Эты показываются первые огни; это—факелы тѣхъ, которые пришли воздвигнуть костеръ для Геракла. Челядь Деяниры высыпала на сцену, наполнила ее вмѣстѣ съ дружиной Геракла; за нею появляются плѣнницы, въ томъ числѣ Іола. Маршевая музыка, торжественная и траурная, сопровождаетъ всю слѣдующую сцену).

Гераклъ.

А теперь, пока вновь не взъярилась болѣзнь,
Мой безтрепетный духъ, удила на языкъ

Наложи мнѣ стальныя и крикъ задуши;
Пусть покажется всѣмъ, что на радость себѣ
Ты свершишь подневольное дѣло.

(Закрываетъ голову плащемъ и остается безъ движенія до конца).

Гиллъ (съ укоризненнымъ движеніемъ руки по направленію къ Этѣ).

Поднимайте, друзья; вы великое мнѣ
Въ томъ дадите свидѣтельство; вы и боговъ
Уличите въ великой неправдѣ,—боговъ,
Что отцами слывутъ и спокойно съ небесъ
На такія мученья взираютъ.

Старшая дѣвушка.

О грядущемъ судить не дано никому.
Настоящаго-жъ обликъ печаленъ для насъ
И позоренъ для нихъ; но изъ всѣхъ тяжелѣй
Онъ тому, что несетъ
Несказаннаго бѣдствія бремя.

(Дружинники поднимаютъ носилки; у нихъ стоитъ Гиллъ, за нимъ ратники, далѣе челядь, позади всѣхъ плѣнницы; одна только Іола въ смущеніи остановилась подъ колоннами портика. Старшая дѣвушка подходитъ къ ней).

Не скрывайся, невѣста, и ты въ терему:
Ты младую, ужасную видѣла смерть,
Ты извѣдала столько страданій—душа
И понынѣ болитъ.
Но во всемъ была Зевсова воля!

(Приводитъ ее къ Гиллу, который молча подаетъ ей руку; всѣ участвующіе въ шествіи, впереди Гиллъ съ Іолой, медленно идутъ по подъему направо, ведущему на Эту. Трахинянки при послѣднихъ словахъ старшей дѣвушки обратились съ простертыми руками къ вершинѣ Эты; послѣ нѣмой молитвы онѣ всѣ отправляются въ теремъ Деяниры, дверь котораго затворяется, оставляя сцену въ полномъ мракѣ).

Такъ создается тотъ полный надежды и искупленія исходъ трагедіи, который такъ любилъ Софоклъ. Среди мрака страданій и смерти мы видимъ новую зарю надъ главами дѣтей, Гилла и Іолы—зарю-предвѣстницу того солнца, которое взойдетъ надъ землею тогда, когда отца не станетъ.

IV.

«Трахинянки», по мнѣнію многихъ филологовъ, самая слабая трагедія Софокла среди сохранившихся. Эта оцѣнка сама по себѣ ничего обиднаго не содержитъ: въ ряду превосходныхъ пьесъ обязательно одна должна быть наименѣе превосходной и,

стало быть, что одно и тоже, самой слабой; если кто находитъ вкусъ въ сравнительныхъ количественныхъ оцѣнкахъ—пусть ставитъ «Трахинянки» на послѣднее мѣсто—возражать не стану.

Нехорошо, однако, что сравнительная оцѣнка нерѣдко переходитъ въ абсолютную, и люди силятся доказать, что наша трагедія не только самая слабая изъ семи, но и просто слабая пьеса. Эта оцѣнка имѣетъ въ своемъ основаніи отчасти неправильные выводы изъ несомнѣнныхъ фактовъ, отчасти же и недоразумѣнія. Постараюсь выяснить дѣло.

Вѣрно одно: въ трагедіи много мѣста удѣлено разсказамъ, поэтъ далеко не въ достаточной степени растворилъ сплошной эпическій матеріалъ въ діалогѣ. Воспоминанія Деяниры о своей юности—ея разсказъ объ уходѣ Геракла—разсказъ Лихаса о взятіи Эхалія—разсказъ о томъ же вѣстника—разсказъ Деяниры о талисманѣ Несса—ея же разсказъ о тревожномъ явленіи съ шерстью—разсказъ Гилла о кенейскомъ жертвоприношеніи—разсказъ кормилицы о смерти Деяниры—разсказъ Геракла о своихъ подвигахъ — все это, въ своей совокупности, занимаетъ добрую половину трагедіи и придаетъ ей скорѣе эпическій, чѣмъ драматическій характеръ. Но таковъ весь Эсхилъ: и мы правильнѣе поступимъ, признавъ въ этой массѣ нерастворенный эпическаго матеріала признаки архаичности трагедіи, чѣмъ пользуясь ею для эстетической оцѣнки.

Въ другихъ мнимыхъ изъянахъ виновато невнимательное чтеніе. Наша трагедія болѣе, чѣмъ другія, разсчитана на оживленную игру—а эта игра составляла часть «дидаскаліи», непосредственнаго обученія актеровъ поэтомъ, и намъ не сохранена; возстановить ее можно только путемъ очень тщательнаго изученія частностей. Это я попытался сдѣлать выше — прошу вспомнить сказанное о встрѣчѣ Лихаса и Деяниры, объ игрѣ Деяниры съ плащемъ и т. д. Конечно, безъ извѣстной доли субъективизма тутъ не обойтись, и ошибки въ частностяхъ неизбѣжны; но хуже этихъ частичныхъ ошибокъ—ошибка въ цѣломъ, не хотящая признать въ драмѣ драматическаго момента и обрекающая ее этимъ на непонятность и въ цѣломъ, и въ частностяхъ. И тутъ хотѣлось бы примѣнить остроумное слово Иммермана: «Только тѣ люди не заблуждаются, вся жизнь которыхъ—сплошное, сухое заблужденіе».

Отъ этого пострадали главнымъ образомъ характеры. Правда, характеръ Деяниры сравнительно менѣе. Ужъ слишкомъ обаятельна эта жена-голубица: такъ и представляешь себѣ ее, съ ея кроткой, грустной улыбкой, съ ея большими, прекрасными гла-

зами... Дѣйствительно, таковой задумалъ ее Софоклъ: «А нѣжная дѣва о взорѣ прекрасномъ»—такъ поетъ про нее хоръ (ст. 522). И когда Гераклъ изливаетъ свой несправедливый гнѣвъ на ея мнимое коварство, она представляется ему (ст. 1050) «съ ея притворной кротостью во взорѣ». Да, передъ ней критика почтительно умолкаетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Эрв. Роде назвалъ ее «самымъ величавымъ (hehrste) женскимъ образомъ, который когда-либо выступалъ на греческой сценѣ». И если тѣмъ не менѣе ученикъ Роде, Вильг. Шмидъ, въ новѣйшемъ изданіи Кристовской исторіи греческой литературы (ст. 312) высказывается въ иномъ, крайне недоброжелательномъ для героини смыслѣ, то мы можемъ лишь вспомнить о гомеровскомъ стихѣ:

Нѣтъ, Тидей произвелъ себѣ не подобнаго сына.

Конечно, эти отзывы филологовъ-ремесленниковъ вполнѣ безвредны, и оцѣнка великаго Роде останется за Деянирой. Она прежде всего—жена любящая, но не жена ревнивая: трагедію ревности далъ Еврипидъ въ своей «Медеѣ», и онъ не безъ умысла носительницей этой страсти, недостойной греческой женщины, сдѣлалъ варварку. Здѣсь ревности и въ поминѣ нѣтъ: всѣ думы Деяниры направлены на то, чтобъ вернуть себѣ любовь мужа, которую она—несправедливо—считаетъ погибшей. Я сказалъ: несправедливо; дѣйствительно, поэтъ въ краткомъ, но многозначительномъ намекѣ далъ намъ понять, что Гераклъ по прежнему любилъ свою кроткую жену (ст. 763):

Вначалѣ онъ съ душою просвѣтленной
Мольбы, несчастный, возносилъ къ богамъ,
Плющу и ласкѣ радуясь.

Для такой суровой натуры этого намека вполнѣ достаточно.

Но настоящимъ камнемъ преткновенія для критиковъ былъ характеръ героя трагедіи—*Геракла*. Ему вмѣняется въ вину, прежде всего, его крикъ въ сценѣ мученій, ст. 1065 и сл. Но, во-первыхъ, въ эту откровенную эпоху крикъ, исторгнутый болью, не позорилъ человѣка; а во-вторыхъ—я уже выше замѣтилъ, что Софоклъ былъ врачемъ. Какъ онъ въ сценѣ съ шерстью пасъ переноситъ въ лабораторію, такъ онъ здѣсь воспроизводитъ сцену изъ клиники, безъ всякаго желанія—здѣсь, какъ и въ родственной сценѣ изъ «Филоктета» (ст. 730 сл.)—опорочить ею своего героя. И чѣмъ требовать отъ Геракла совсѣмъ непдущей къ нему гладіаторской выправки, критики по-

ступили бы лучше, если бы внимательнѣй вникли въ эту сцену мученій, эту «физическую трагедію Геракла», эту борьбу могучей воли съ наростающей, нестерпимой болью вплоть до ея крайняго предѣла (ст. 1080):

Смотрите всѣ на бѣдственное тѣло,
Вы видите, какъ я истерзанъ весь!

— этого Ecce homo античной религіи богочеловѣка.

А затѣмъ—его отношеніе къ Іолѣ. И тутъ критика сыграла довольно жалкую роль: свое сужденіе о поступкѣ Геракла она основала отчасти на разсказѣ вѣстника, забывая объ его сплетническомъ характерѣ, отчасти на притворномъ заявленіи Деяниры (ст. 460), притворности котораго — несмотря на явное противорѣчіе съ ея же искренними словами (ст. 540 сл.)—она не замѣтила. Кромѣ того тутъ сказалось незнакомство съ античными взглядами на любовь и вѣрность, о которыхъ была рѣчь въ первой главѣ, и филистерскія корректность и лицемѣріе, ставящія современнаго человѣка въ такое смѣхотворно-безпомощное положеніе передъ лицомъ здоровой античной природы. Оставимъ, однако, филистеровъ; всмотримся пристальнѣе въ Софокловскаго героя.

* * *

Геракль гигантомахіи, спаситель царства боговъ—Геракль двѣнадцати подвиговъ, умиротворитель вселенной—Геракль-герой трагедіи вѣрности—всѣ эти три концепціи слились и вмѣстѣ дали того, который предсталъ передъ нами въ «Трахинянкахъ» Софокла.

Для историка религіи и саги наиболѣе заманчивымъ является первый, одна изъ исконнѣйшихъ фигуръ индо-европейскаго человѣчества. Его я попытался обрисовать въ одной изъ своихъ прежнихъ статей, напечатанной на страницахъ этого журнала [1]); здѣсь скажу только то, что для возстановленія его «Трахинянки» имѣютъ въ греческой литературѣ такое же значеніе, какое имѣетъ «пѣснь о Нибелунгахъ» въ германской или «Сакунтала» въ индійской. Вездѣ исконная концепція богочеловѣка—Геракла, Зигфрида, Душянты—погребена подъ новыми наслоеніями; лишь въ туманѣ различаемъ мы могучій и грустный образъ того, которому былъ обѣщанъ апоѳеозъ за «великое дѣло въ сонмѣ безсмертныхъ»—и который тѣмъ не менѣе прежде-

[1]) «Идея богочеловѣка въ греческой и германской сагѣ». В. Евр. 1910. Іюль.

временно долженъ былъ низойти въ обитель Аида, принявъ смерть не отъ врага, будь то звѣрь, или человѣкъ, или демонъ, а отъ той, которая его любила больше всего на свѣтѣ.

Да, низойти въ обитель Аида; таковъ конецъ нашей трагедіи. Апофеоза она не признаетъ; это—исконная черта. Исконную же черту слѣдуетъ признать и въ томъ, что наша трагедія не знаетъ храмовъ: Зевсу служатъ по старинному, на его заповѣдномъ лугу, тамъ высоко на Этѣ, гдѣ небо всего ближе. Въ остальномъ же мы на почвѣ новыхъ религій: признаются и Аполлонъ, и Діонисъ, а гигантомахія, перенесенная въ прошлое, стала однимъ подвигомъ среди многихъ (ст. 1058). Правда, сама трагедія вѣрности заимствована изъ исконнаго мноа; но она потеряла свое первоначальное значеніе, какъ вѣнецъ вражьей интриги, и была связана не съ Геракломъ гигантомахіи, а съ Геракломъ двѣнадцати подвиговъ, умиротворителемъ вселенной.

И только въ связи съ нимъ она получила свой новый, трагическій характеръ.

Его мы поймемъ, посмотрѣвъ на него глазами современниковъ Софокла; не комедіи, конечно—хотя это дѣлается, безсознательно, и понынѣ слишкомъ часто—а людей серьезныхъ, въ родѣ того Продика, притча котораго о Геракліе у распутья намъ сохранена Ксенофонтомъ. У распутья молодого Геракла встрѣчаютъ двѣ женщины, Aretê (добродѣтель-доблесть) и Hêdonê (наслажденіе); каждая старается повести его по своему пути. Онъ выслушиваетъ посулы обѣихъ и рѣшительно слѣдуетъ за Aretê. Позднѣе киники видѣли въ немъ идеалъ человѣка, отказавшагося ради Aretê отъ всякихъ благъ и радостей жизни; «жить по геракловски» становится лозунгомъ въ ихъ кругахъ, и фанатикъ Перегринъ (II-й в. по Р. Х.) вѣнчаетъ даже свою «геракловскую жизнь» «геракловской смертью», бросаясь на пылающій костеръ въ Олимпіи.

Таковъ и Гераклъ «Трахинянокъ», и я внесъ бы въ притчу Продика только одну поправку, ничего въ сущности не измѣняющую и только болѣе приближающую фигуру Геракла къ нашему современному пониманію. Я сказалъ бы: у распутья Гераклъ производитъ выборъ между двумя цѣлями жизни — творчествомъ и счастьемъ. Онъ выбираетъ творчество, но все-же съ затаенной мыслью, что хоть поздно, хоть по совершеніи всѣхъ подвиговъ творчества онъ найдетъ также и счастье (ст. 1170):

Онъ обѣщалъ мнѣ отдыхъ отъ трудовъ
Въ тотъ самый день, что нынѣ жизнью дышитъ.

На счастіе лелѣялъ я надежду,
А рокъ мнѣ смерть сулилъ—и былъ онъ правъ.

Да, рокъ былъ правъ: творчество и счастье несовмѣстимы. Конечно, назначеніе творца—созидать счастье для людей. Но это счастье не для него; творецъ, что пламя: грѣя, сгораетъ. И равнымъ образомъ не для близкихъ ему творецъ, что пламя: издали грѣетъ, вблизи жжетъ.

* * *

Понятно ли теперь, чѣмъ для подобнаго человѣка должна была быть Іола, какой должна была быть та сила, которая неотразимо тянула его къ ней?

Какъ далеки мы, прежде всего, отъ того банальнаго «женолюбца», котораго намъ все еще преподносятъ, не имѣя на то никакого права, поверхностные критики «Трахиняновъ!» Тотъ ли женолюбецъ, котораго его законная жена называетъ своимъ дотолѣ «вѣрнымъ, любящимъ супругомъ» (ст. 541)?

Тотъ ли женолюбецъ, о которомъ его другъ и товарищъ Лихасъ говоритъ, что онъ (ст. 484):

во всемъ непобѣдимый витязь
И лишь предъ ней оружіе сложилъ!

Конечно, въ раннюю эпоху греческаго средневѣковья, когда составлялись генеалогіи знатныхъ родовъ Греціи, для людей было лестно имѣть родоначальниковъ Геракла; тогда и были сочинены мнѣ объ его связи съ Авгой, съ Астидаміей, съ Омфалой, съ Мидеей, съ Оестіадами, ихъ же было пятьдесятъ, и съ mille etc. Къ нашей трагедіи все это никакого отношенія не имѣетъ; иначе какъ же объяснить, что Деянира только теперь вспоминаетъ о талисманѣ Несса [1])?

Нѣтъ, фактъ остается фактомъ: страсть къ Іолѣ—первая, роковая, всепобѣждающая страсть любящаго, хотя и не нѣжнаго супруга Деяниры. И мы поймемъ ее только тогда, когда отнесемся къ ней съ точки зрѣнія творца. Что хотѣлъ сказать жгучій взглядъ, направленный Геракломъ на Іолу, когда она

[1]) Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что попытки объяснять это на почвѣ «женолюбія» Геракла были дѣлаемы: мнѣ извѣстны двѣ. 1) Деяниру спускала своему мужу всѣ его измѣны, пока онѣ происходили внѣ дома, но когда онъ ей прислалъ разлучницу въ домъ, она не вытерпѣла. Итакъ, неблагоразуміе Геракла состояло лишь въ томъ, что онъ не снялъ для Іолы отдѣльной квартиры; подумаешь, на чемъ держится трагедія! 2) Деяниру спускала ихъ ему, пока была молода сама, и приревновала его тогда, когда стала стариться. Психологія, думается мнѣ, изъ сомнительныхъ.

подносила ему чашу вина въ гостепріимныхъ хоромахъ своего отца? Онъ хотѣлъ сказать: «Дай мнѣ того, который будетъ дѣлать мое дѣло, когда меня не станетъ».

А если такъ, то любовь къ Іолѣ—не разрушеніе, а завершеніе того величественнаго образа, который далъ міру дорическая Эллада въ лицѣ своего племеннаго героя. Пусть этотъ образъ—не абсолютный идеалъ жизни; все же это одинъ изъ ея идеаловъ, и притомъ идеалъ непревосходимый. Идеалъ этотъ—дѣло ради дѣла, безъ постороннихъ разсчетовъ. На твоемъ пути—подвигъ; соверши же его, не ради награды на томъ свѣтѣ, не ради благодарности отъ людей, а только потому, что этотъ подвигъ нуженъ, и тебѣ дана сила его совершить. Иди своей дорогой, дѣлай добро, гдѣ только можно и кому только можно. Не жди отъ боговъ того, что они ревниво берегутъ для себя; не требуй отъ людей того, что для нихъ неисполнимо—чтобы они хоть зломъ не платили за твое добро. И пусть за все тебя вознаградитъ тотъ гордый духъ, который обитаетъ въ твоей груди, сознаніе того, что ты *можешь* любить, не быть любимымъ и всетаки любить, что ты *можешь* дѣлать добро, не только не требуя благодарности, но даже не ожидая ея. А станетъ боль нестерпимой, сбовьетъ тебя несокрушимымъ кольцомъ Нессовъ плащъ людской тупости и злобы—тогда вспомни о томъ исцѣленіи, которое ждетъ тебя на заповѣдномъ лугу Эты; тогда

Мой безтрепетный духъ, удила на языкъ
Наложи мнѣ стальныя и крикъ задуши:
Пусть покажется всѣмъ, что на радость себѣ
Ты свершишь подневольное дѣло.

Ѳ. Зѣлинскій

ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА ВЪ ЭПОХУ ПОЛЬСКОЙ МОНАРХІИ И ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Подъ именемъ тайныхъ обществъ разумѣются обыкновенно группы, состоящія изъ извѣстнаго числа лицъ, установившія особую обрядность при принятіи въ число членовъ, имѣющія свой пароль, свою іерархическую организацію, тайныя собранія, желѣзную дисциплину.

Значеніе такихъ обществъ было велико въ началѣ XIX-го вѣка, когда политическая жизнь сосредоточивалась въ рукахъ небольшого числа людей. При отсутствіи, въ эту эпоху, какой бы то ни было свободы ассоціацій и собраній, лучшіе люди, вѣрные традиціямъ XVIII вѣка, могли примѣнять свою энергію только въ масонскихъ ложахъ или другихъ аналогичныхъ организаціяхъ, служившихъ прибѣжищемъ всего антиправительственнаго. Важность тайныхъ обществъ стала уменьшаться съ тѣхъ поръ, какъ расширеніе избирательнаго права призвало къ участію въ политической борьбѣ большее число людей. И послѣ того, однако, было время, когда тайныя общества были болѣе распространены, чѣмъ думаютъ обыкновенно. Это доказываютъ документы, недавно опубликованные во Франціи [1]).

Расширяя свои рамки, тайныя общества теряютъ свое первоначальное значеніе. Это уже не группировки интеллектуальнаго и философскаго порядка, и еще меньше—боевыя организаціи: это — обыкновенные союзы, часто порождаемые мѣстными условіями, сосѣдствомъ, между рабочими—примѣромъ

[1]) «Associations et sociétés secrètes sous la deuxième République d'après des documents inédits», par I. Tchernoff (Парижъ 1905).

обществъ подмастерьевъ (compagnonnage), между буржуа—примѣромъ масонскихъ ложъ. Свобода собраній и союзовъ еще не существуетъ. Политическія собранія разрѣшены въ рѣдкихъ случаяхъ Кругъ гражданъ, принимающихъ участіе въ политической жизни, ограниченъ—какъ это было во Франціи до 1848 г. — довольно высокимъ имущественнымъ цензомъ. А между тѣмъ широкая масса также чувствуетъ потребность мѣняться впечатлѣніями и мыслями. Отсюда появленіе новыхъ тайныхъ обществъ.

Для исторіи тайныхъ обществъ въ эпоху іюльской монархіи весьма важенъ судебный отчетъ по дѣлу «Общества Правъ Человѣка» (Société des droits de l'homme).

Тотчасъ же послѣ восшествія Людовика-Филиппа состоялось пониженіе избирательнаго ценза, но недостаточно значительное. Рабочіе, принявшіе дѣятельное участіе въ низверженіи старшей линіи Бурбоновъ, остались безправными. Съ другой стороны, не оправдалась надежда республиканцевъ на коренное измѣненіе образа правленія. И между болѣе умѣренными людьми было много недовольныхъ ходомъ новаго режима. Все это привело къ образованію ассоціацій, сначала политическихъ. Одна изъ нихъ, носившая названіе: «Aide-toi, le ciel t'aidera», была основана еще въ концѣ реставраціи; къ ней принадлежали такіе умѣренные люди, какъ Гизо, Ройе-Колларъ, но рядомъ съ ними и болѣе пылкіе, проникнутые преданіями великой революціи. Другая, болѣе активная организація—Les amis du peuple—съ самаго начала имѣла отчасти соціалистическій оттѣнокъ [1]). Здѣсь нашла отголосокъ пропаганда сенсимонизма, фурьеризма и бабувизма. Всѣ эти доктрины сходились на необходимости произвести соціальную реформу. Во время процесса «Друзей народа» (15 янв. 1832 г.) Бланки въ первый разъ изложилъ свои политическія убѣжденія. На вопросъ: «Ваше званіе?» онъ отвѣтилъ: «Пролетарій».—«Это не званіе».—«Это званіе тридцати милліоновъ французовъ, живущихъ своей работой и лишенныхъ политическихъ правъ». По окончаніи процесса «Общество Друзей Народа» влачило печальное существованіе и, наконецъ, претворилось въ другой союзъ, болѣе важный: «Общество Правъ Человѣка». Въ составъ его вошли люди, которыхъ можно назвать представителями радикальной демократіи: Распайль, Годфруа Кавеньякъ (братъ будущаго главы республики), Трела, Д'Аржансонъ; позднѣе къ нимъ присоеди-

[1]) Tchernoff, „Le parti républicain sous la Monarchie de juillet" (2-ое изд. Пар. 1901).

вились философы соціализма, какъ Пьеръ Леру, и люди активной борьбы, съ революціоннымъ темпераментомъ, какъ Лебонъ, Лагранжъ, Коссидьеръ (будущій префектъ полиціи въ 1848 г.), Маркъ Дюфрессъ. Въ брошюрахъ, изданныхъ этой ассоціаціей, идетъ рѣчь о послѣдствіяхъ введенія машинъ въ промышленности, о вытекающей отсюда необходимости правительственнаго вмѣшательства. Въ преніяхъ «Общества Правъ Человѣка» можно прослѣдить исторію идеи всеобщаго голосованія, понимаемаго не только какъ средство обезпечить политическую свободу, но и какъ двигатель соціальнаго прогресса.

Пьеръ Леру уже въ 1833 г. замѣтилъ въ комитетѣ общества три различныхъ тенденціи. Представителемъ первой былъ Арманъ Марра (Marrast), проповѣдывавшій свободу и бывшій, по выраженію Леру, «крайнимъ концомъ въ хвостѣ Дантона». Другое теченіе, защищавшее принципъ равенства, имѣло главаремъ Лебона и Виньерта, послѣдователей Бабефа; это былъ «хвостъ Робеспьера». Наконецъ, Годфруа Кавеньякъ воплощалъ въ себѣ тенденціи братства. Итакъ, «Общество Правъ Человѣка» олицетворяло собою какъ бы связь идей, завѣщанныхъ великой революціей, съ концепціями философскихъ школъ позднѣйшаго происхожденія. Въ нѣдрахъ этого общества выработалось соціальное «credo», въ которомъ можно найти даже черты знаменитаго манифеста Карла Маркса. М. Андлеръ, въ своемъ этюдѣ объ этомъ манифестѣ, доказываетъ неопровержимыми документами, что закрытіе «Об-ва правъ человѣка», организованное преслѣдованіе его членовъ и отъѣздъ нѣкоторыхъ изъ нихъ за границу распространили соціально-революціонное движеніе и сдѣлали его повсемѣстнымъ.

По своей тактикѣ «Общество правъ человѣка» является не такимъ, какъ по своимъ идеямъ. Оно не бросаетъ немедленнаго вызова государству и только мало по малу порываетъ съ монархіей. «Республика—читаемъ мы въ манифестѣ комитета общества,—должна обезпечить каждому возможность свободнаго и совершеннаго развитія его способностей, физическихъ и моральныхъ, полученныхъ имъ отъ природы; монархическое правительство стремится только заключить и сжать существованіе человѣка въ границы, опредѣленныя произволомъ и пороками нашего соціальнаго строя. Для общества важно знать, позволитъ ли правительство республиканцамъ дѣйствовать путемъ союзовъ и проповѣдывать свои идеи свободно и миролюбиво». Министры Людовика-Филиппа не смотрѣли неблагосклонно на пропаганду кабинетныхъ утопій; она представлялась имъ про-

сто романомъ, неосуществимой мечтой. Въ высшихъ сферахъ жадно читались сочиненія и романы Евгенія Сю и Жоржъ-Зандъ, вообще все, носившее характеръ утопическаго романа. Наоборотъ, съ крайнимъ недовѣріемъ правительство слѣдило за политическими манифестаціями.

Отмѣтимъ, кстати, что ни одно покушеніе на жизнь Людовика-Филиппа не можетъ быть приписано тайнымъ обществамъ. Алибо и Кениссэ рѣшились на покушеніе, только потерявъ надежду работать съ успѣхомъ въ группѣ, къ которой они принадлежали.

«Общество правъ человѣка» рано замѣтило опасность, грозящую со стороны бонапартизма. Комитетъ общества высказался за исключеніе изъ его среды секціи «Побѣда», гдѣ начали проявляться бонапартическія тенденціи. Имя Бонапарта—читаемъ мы въ резолюціи комитета,—«напоминаетъ уничтоженіе свободы, преслѣдованіе патріотовъ, возстановленіе дворянства и духовенства, созданіе привилегій и монополій». Несмотря на этотъ отказъ отъ союза съ партіей, враждебной правительству, «Общество правъ человѣка» возбуждало опасенія оффиціальныхъ сферъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, главари республиканской партіи пытались организовать отдѣлы общества и завязать связи съ департаментами. Во вторыхъ, комитетъ общества старался вступить въ сношенія съ мѣстными газетами. Республиканскія группы стремились къ децентрализаціи, къ созданію очаговъ политической жизни въ департаментахъ, до того времени слѣпо подчинявшихся велѣніямъ изъ Парижа. Этимъ объясняется одновременное провозглашеніе республики, въ 1848 г., во многихъ департаментахъ самостоятельно, безъ предварительнаго приказа изъ столицы. Особенно опаснымъ казалось правительству отношеніе «Общества правъ человѣка» къ вопросу о правѣ союзовъ. Чтобы обойти законъ, запрещавшій всякое собраніе болѣе двадцати человѣкъ, не получившее предварительнаго административнаго разрѣшенія, комитетъ общества придумалъ организацію цѣлой серіи секцій, содержавшихъ, каждая въ отдѣльности, меньше двадцати человѣкъ. Это и было непосредственнымъ поводомъ къ процессу, окончившемуся закрытіемъ «Общества правъ человѣка».

Дважды разсѣянныя, въ 1831 и 1834 гг., рабочія группы имѣли время снова возстановиться. Образовался сильный союзъ мутуализма. Господствующія идеи, вдохновлявшія его, ясно формулированы въ слѣдующихъ требованіяхъ къ членамъ общества:

1. За указаніями ты будешь являться аккуратно разъ въ мѣсяцъ. 2. Для правильной пропаганды будь обо всемъ хорошо освѣдомленъ. 3. Если будешь указывать на кого-либо, дѣлай это совершенно открыто. 4. Не будь эгоистомъ ни самъ по себѣ, ни по принужденію. 5. Братьямъ своимъ воздавай равнымъ за равное. 6. При исполненіи своихъ обязанностей слѣдуй точно нашимъ правиламъ. 7. Замѣтивъ измѣнника, наблюдай за нимъ съ полвымъ вниманіемъ. 8. Братьямъ своимъ открой его безъ пощады. 9. Будь преданъ одинаково союзу и долгу. 10. Сохраняй тайну, помня свою клятву.—Мутуалистовъ, организованныхъ по образцу общества карбонаріевъ, т. е. десятками, сотнями и тысячами, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ насчитывалось отъ 23 до 30 тысячъ. Средства, которыми они располагали, доходили до 180 тыс. фр. въ годъ.

По иниціативѣ республиканскихъ группъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи, пропаганда велась путемъ брошюръ, народныхъ библіотекъ, лекцій, собраній подъ открытымъ небомъ, многочисленныхъ клубовъ. Изданіе закона 1834 г., ограничивавшаго право собраній, повлекло за собою образованіе новыхъ тайныхъ обществъ. Бланки, слѣдуя въ одно и то же время традиціямъ карбонаріевъ, сенсимонскимъ доктринамъ и внушеніямъ Буанороттн, ученика Бабефа, попребовалъ возстановить въ Парижѣ двѣ революціонныя группы: «Семейства» (Les familles) и «Времена года» (Les Saisons). Общество «Семейства» образовалось тотчасъ же послѣ апрѣльскаго процесса (1834 г.), положившаго конецъ существованію «Обществу Правъ Человѣка». Это была дѣйствительно тайная ассоціація, соединившая въ себѣ всѣ главные революціонные элементы. Въ его средѣ существовала непрестанная борьба между различными фракціями; одни хотѣли немедленнаго дѣйствія, другія проповѣдывали терпѣніе и пропаганду. На ряду съ фразами о смерти, какъ наказаніи измѣнниковъ, въ заявленіяхъ общества говорится о революціонныхъ актахъ, какъ о чемъ-то предстоящемъ въ отдаленномъ будущемъ. Общество дѣлилось на секціи; каждый членъ секціи былъ въ сношеніяхъ съ іерархическимъ начальникомъ. Несмотря на мѣры предосторожности, «Семействамъ» не удалось что-либо предпринять. Разоблаченія, сдѣланныя однимъ изъ участниковъ заговора Фіески, Пепеномъ (1835), усилили бдительность правительства. Одинъ изъ конфиденціальныхъ агентовъ комитета, аптекарскій ученикъ Люка, продалъ тайну союза. 23 августа 1836 г. 24 члена «Семействъ» были присуждены къ различнымъ наказаніямъ за фабрикацію пороха и за принадлежность къ

тайному обществу. Въ виду раскрытаго участія вѣсколькихъ военныхъ, 22-ой армейскій полкъ поспѣшно былъ переведенъ изъ Парижа въ Африку. Болѣе умѣренные члены общества образовали общество «Времень Года». И «Семейства», впрочемъ, задавались образовательными цѣлями. Манифестъ комитета особенно настаивалъ на томъ, что для побѣды достаточно хорошо понять свои обязанности и свои права.

Существовали разрозненныя группы, какъ напримѣръ: «Равные работники», «Монтаньяры», фракція коммунистическая, тяготѣвшая къ «Humanitaire»—органу бабувистскаго направленія. Во вновь образовавшихся тайныхъ обществахъ были «коммунисты», «реформисты», «эгалитаристы». Новыя общества, наученныя предшествующими преслѣдованіями, выработали рядъ мѣръ для сохраненія тайны. Открывать имена членовъ комитета разрѣшалось только въ моментъ открытой борьбы. Центромъ своей дѣятельности они часто избирали провинцію. «Ложные патріоты — читаемъ мы въ одномъ оффиціальномъ документѣ—повидимому пресытились Парижемъ». Барбесу, несмотря на его популярность, не удалось, однако, основать газету въ Монпелье; мѣстные республиканцы не хотѣли парижскаго редактора.

Организація общества «Времена года», начавшись въ 1837 г., когда амнистія вернула свободу Бланки, была закончена въ 1838 г. Общество имѣло отъ 600 до 700 членовъ и состояло исключительно изъ рабочихъ. Въ его средѣ существовала особая ненависть къ людямъ во фракахъ («en habit»), которые много обѣщаютъ и ничего не исполняютъ. Общество приступило къ активной борьбѣ не совсѣмъ по доброй волѣ. Призывъ къ возстанію исходилъ отъ автономной группы «Монтаньяровъ» и былъ результатомъ дѣйствій полиціи. Уже въ 1838 г. во «Временахъ года» существовалъ острый конфликтъ между двумя главарями, сотрудниками Бланки, уединившагося въ то время въ деревнѣ Понтуазъ, около Парижа. Одинъ изъ нихъ былъ сильно скомпрометированъ сношеніями съ своимъ землякомъ, чиновникомъ полиціи, который арестовалъ одного изъ членовъ общества, разносившаго порохъ. Эта вражда между двумя главарями поселила въ обществѣ сильную смуту и послужила началомъ дезорганизаціи. Для прекращенія подобнаго положенія вещей было рѣшено собрать всѣ силы и устроить возстаніе (1839). Оно не удалось и повлекло за собой осужденіе его участниковъ. Съ этого момента больше нѣтъ рѣчи о тайныхъ боевыхъ обществахъ. Февральскую революцію подготовилъ рядъ банкетовъ; въ редакціяхъ республиканскихъ журналовъ были намѣчены центральные пункты дви-

женія и даже составленъ первый списокъ членовъ временнаго правительства.

Съ введеніемъ всеобщаго голосованія, участіе въ политической жизни многихъ милліоновъ гражданъ сдѣлало невозможнымъ сохраненіе старыхъ республиканскихъ организацій. Немыслимо управлять сотней тысячъ лицъ такъ же, какъ управляютъ маленькой группой: формулы клятвы, приносимой при вступленіи въ члены, могли вліять извѣстнымъ образомъ и подчинять извѣстной дисциплинѣ только членовъ маленькаго общества.

Людовикъ-Наполеонъ, бывшій самъ когда-то карбонаріемъ, предполагалъ, подъ вліяніемъ своихъ раннихъ воспоминаній, что тайныя общества были душой и главнымъ двигателемъ революціи. Сдѣлавшись президентомъ республики, онъ ни съ чѣмъ такъ не спѣшилъ, какъ съ упраздненіемъ тайныхъ обществъ. Онъ ихъ пашелъ повсемѣстно—т. е. его правительство раскрывало ихъ повсюду, потому что установленіе республики вызвало образованіе значительнаго числа обществъ и союзовъ. Группировались всѣ, вплоть до національной гвардіи. И ко всему этому присоединилась, въ нѣкоторыхъ частяхъ страны, особенно на югѣ, привычка соединяться для опредѣленныхъ промышленныхъ цѣлей. Тамъ вошло въ обычай, вѣроятно подъ вліяніемъ масонскихъ традицій, производить посвященіе въ организаціи, не имѣвшія ничего секретнаго и всѣмъ извѣстныя. Во всѣхъ подобныхъ обществахъ, за исключеніемъ Ліонскихъ, не было ни малѣйшаго намека на соціалистическія идеи. Только позднѣе, когда президентъ сталъ приготовлять государственный переворотъ, образовались повсюду комитеты сопротивленія, въ сущности не тайные, но устроенные безъ разрѣшенія правительства, потому что въ то время законодательство не допускало ассоціацій. Эти группировки были незначительны, но послѣ переворота правительство постаралось преувеличить ихъ важность, чтобы приписать имъ попытки сопротивленія, послѣдовавшія за 2-мъ декабря.

Общества стараго типа, какъ «Времена года», «Семейства», не добились даже непосредственнаго вліянія на рабочія общины, напр., ліонскую. Южныя тайныя общества, особенно тѣ, которыя основалъ Жантъ (Gent), составлялись исключительно изъ буржуа и не только не проповѣдывали коммунизмъ, но были ему прямо враждебны. Южный крестьянинъ видѣлъ въ тріумфѣ соціальной республики не болѣе, какъ обѣщаніе сокращенія налога на соль и вино. Такія общества, даже если у нихъ существовали формулы посвященія, не были созданы для

того, чтобы взять на себя инициативу движенія. Они имѣли въ виду скорѣе сопротивленіе, чѣмъ нападеніе.

Совсѣмъ иначе представлялось дѣло Людовику-Наполеону, убѣжденному, что тайныя общества ослабляли правительство, а потому достаточно разбить ихъ кадры, чтобы держать въ рукахъ всю страну. Къ тому же, по старымъ представленіямъ, Парижъ былъ очагомъ тайныхъ обществъ: достаточно уничтожить ихъ въ столицѣ, чтобы прочно утвердить свою власть во всей Франціи. Людовикъ-Наполеонъ натолкнулся на сопротивленіе въ такихъ департаментахъ, гдѣ ждалъ этого менѣе всего, какъ, напр., въ Нижнихъ Альпахъ. Тогда, съ быстротой обобщенія—характерной чертой людей, не знающихъ дѣйствительности,—онъ приписалъ отдѣльныя мѣстныя движенія заранѣе обдуманному плану и нашелъ въ этомъ историческое оправданіе своей диктатурѣ. Именно въ это время широко было использовано посѣянное магистратурой іюльской монархіи смѣшеніе между обществами нелегальнымъ, т. е. не утвержденными администраціей, и тайнымъ, въ уголовномъ смыслѣ этого слова. Это послужило поводомъ къ изданію декрета, грозившаго ссылкой въ Кайенну или Ламбессу каждому члену тайнаго общества. Подъ дѣйствіе декрета могъ быть подведенъ членъ всякой группировки, хотя бы кооперативной, не имѣющей въ себѣ ничего политическаго.

Какъ сказано выше, традиціи магистратуры іюльской монархіи значительно облегчали дѣло, предпринятое Людовикомъ-Наполеономъ. Доказательства этому можно найти въ документѣ, озаглавленномъ: «Демагогическое движеніе до 2 декабря», представляющемъ обзоръ всѣхъ республиканскихъ организацій, подвергшихся надзору съ момента занятія Людовикомъ-Бонапартомъ президентскаго поста. «Въ Лонъ-ле-Сонье,—читаемъ мы здѣсь,—общество «Друзей порядка» дѣйствуетъ непрестанно. Члены его, кажется, вооружены. Замѣчается возрожденіе дѣятельности въ ложахъ карбонаріевъ. Производится преобразованіе въ масонскихъ ложахъ и въ благотворительныхъ обществахъ. Политика ихъ захватила. Общество «Правъ человѣка» все еще существуетъ и работаетъ подпольно въ пользу президентской кандидатуры Ледрю-Роллена». Послѣдняя подробность очень характерна. Заподозрѣны группировки, не имѣвшія никакой связи съ политикой—напр., «Добрые братья»—заподозрѣны только потому, что въ нихъ видѣли возможную поддержку кандидатуръ, враждебныхъ Людовику-Наполеону.

Вотъ заключеніе этого документа, помѣченное 1-мъ декабря

1851 г. (знаменательная дата: канунъ государственнаго переворота).

«Большая часть страны, преимущественно въ центрѣ, на востокѣ и югѣ, покрыта сѣтью многочисленныхъ тайныхъ обществъ, изъ которыхъ одни прячутся въ тѣни, другія скрываются подъ маской легальныхъ благотворительныхъ обществъ. Эти общества сообщаются между собой посредствомъ тайныхъ агентовъ, настоящихъ коммивояжеровъ демагогіи. Такое сообщничество доказывается всѣмъ: извѣстными знаками—каковы, напр., печати, прилагаемыя къ неподписаннымъ бумагамъ,—ихъ клятвами, формулами посвященія, разъѣздами агентовъ, паролями. Обычное предрасположеніе къ возстанію повело къ многочисленнымъ заговорамъ, во время предупрежденнымъ. Общая цѣль этой продолжительной конспираціи—ниспроверженіе власти и существующаго общественнаго строя, не только во Франціи, но и въ Европѣ. Основанныя во Франціи тайныя общества подчинены управленію центральнаго комитета и состоятъ въ сношеніяхъ съ политическими изгнанниками въ Швейцаріи. Боевая демократія, большая часть которой, если не вся она сполна, зарегистрована въ секціяхъ тайныхъ обществъ, для обезпеченія успѣха своихъ плановъ снабжена оружіемъ и боевыми припасами».

Авторъ донесенія очевидно разумѣетъ подъ именемъ тайныхъ обществъ группы людей, сближаемыхъ одинаковостью стремленій; гдѣ онъ усматриваетъ общую цѣль, тамъ для него несомнѣнно существованіе чего-то въ родѣ масонства, связывающаго всѣхъ единомышленниковъ. Не только буржуа, рабочіе, но и крестьяне подпадаютъ подъ эти подозрѣнія.

Такъ готовился государственный переворотъ. Уничтожались группировки не только политическаго, но и кооперативнаго характера и дискредитировались въ общественномъ мнѣніи. Эта легенда сначала исходила отъ чиновниковъ-орлеанистовъ,—людей, воспитавшихся при господствѣ режима, не знавшаго свободы союзовъ и сосредоточившаго политическую жизнь въ рукахъ небольшого числа лицъ. Изъ протоколовъ полицейскихъ коммисаровъ, присутствіе которыхъ на публичныхъ собраніяхъ было установлено декретомъ 28 декабря 1848 г., видно, что въ собраніяхъ сталкивались два направленія: старое, рутинное, и новое, всецѣло обращенное къ будущему. Несчастный полицейскій коммисаръ, прислушиваясь къ непривычнымъ для него рѣчамъ, приходилъ къ мысли, что за ними кроется тайная, подпольная работа революціоннаго конспиратора. И то же подозрѣніе возникало у провинціальныхъ властей. Провинція, о которой мало

думали до 1848 г., также становится предметомъ подозрѣнія. Въ ея жизни, тихой и гладкой, вдругъ замѣчаютъ волненія. Съ рутинной точки зрѣнія ихъ нельзя было приписать естественной, свободной потребности въ чемъ-то новомъ; гораздо проще, казалось, объяснить ихъ работой какой-то тайной силы, управлявшей нитями обширнаго заговора. Послѣ государственнаго переворота взвалили именно на тайныя общества отвѣтственность за сопротивленіе провинціи, на самомъ дѣлѣ возникшее совершенно самостоятельно. Въ работѣ, посвященной изученію республиканской партіи въ эпоху государственнаго переворота и второй имперіи, мы доказали документально, что сопротивленіе вспыхнуло именно тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали. Въ городахъ, подобныхъ Ліону, уже давно поднадзорныхъ, не было никакихъ серьезныхъ манифестацій. Онѣ разразились, наоборотъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ничто не заставляло предполагать существованіе тайнаго общества. Послѣ переворота, судебныя власти, для оправданія своей недальнозоркости, также стремились видѣть повсюду руку тайныхъ обществъ. Такъ, напр., въ Варскомъ департаментѣ судебныя власти округа Бриньоль заподозрили существованіе тайнаго общества, хотя сами должны были признать, что «общество не имѣло ни постояннаго мѣстопребыванія, ни особаго устава, ни списка членовъ». Чтобы понять, до чего доходило озлобленіе и ослѣпленіе власти, необходимо привести еще выдержку изъ донесенія прокурора ажанской судебной палаты: «Формула клятвы и страшные аттрибуты, окружавшіе, въ моментъ ея произнесенія, вступающаго въ общество, обнаруживаютъ съ достаточною ясностью цѣль ассоціаціи и средства, которыми предполагалось ея достигнуть. Посвященный становился на колѣни, съ опущенными глазами, держа правую руку на пистолетѣ, кинжалѣ или саблѣ, остріе которой касалось его груди. Сабли и штыки были направлены въ то же время въ его глаза. Три минуты онъ оставался неподвижно въ этомъ положеніи и клялся бороться противъ тиранніи, религіи, семьи и собственности, разрушать замки и дома, убивать богатыхъ и реакціонеровъ и всегда защищать какъ демократическую и соціальную республику, такъ и всеобщее голосованіе. Во многихъ мѣстахъ прибавлялось, что еслибы было назначено жребіемъ убить, въ интересахъ республики, какое-нибудь лицо, хотя бы родственника, это должно быть исполнено». Прокуроръ версальскаго суда считалъ принадлежащими къ тайному обществу членовъ союза, основаннаго для составленія петиціи противъ закона 31 мая 1850 г., которымъ было отмѣнено всеобщее голосованіе. Прокуроръ, очевидно, за-

былъ, что этотъ законъ былъ уничтоженъ именно декабрьскимъ переворотомъ.

Смѣшенію понятій о тайномъ и недозволенномъ обществѣ способствовалъ декретъ 28 іюля 1848 г. Онъ давалъ власти возможность разбить республиканскіе кадры, подавивъ боязнью репрессій дѣятельность противниковъ переизбранія Людовика-Наполеона въ президенты республики. Декретъ 28 іюля 1848 г. былъ направленъ противъ клубовъ; онъ состоялся послѣ іюньскихъ дней, когда наступила реакція противъ свободы собраній. Уже во время преній, предшествовавшихъ его изданію, министръ внутреннихъ дѣлъ, Сенаръ, высказалъ мысль, что всякое собраніе, о которомъ не было сдѣлано требуемаго декретомъ предварительнаго заявленія, должно считаться тайнымъ обществомъ. На клубы стали смотрѣть, какъ на главный источникъ политической агитаціи. Недоброжелательно настроенная и придирчивая администрація всегда могла найти въ текстѣ декрета орудія для борьбы съ противниками. Такъ, напр., статья шестая гласила: «Члены бюро не должны допускать обсужденія предложеній, направленныхъ противъ общественнаго порядка или добрыхъ нравовъ». Подъ понятіе общественнаго порядка стали подводить все имѣющее отношеніе къ семьѣ и собственности. Понятно, что въ 1848 г. всѣ собранія позволяли себѣ обсуждать основы собственности, хотя бы для того, чтобы принципу свободной конкуренціи противопоставить принципъ кооперативныхъ ассоціацій,—и такимъ образомъ оказывались нарушителями закона. Никакой сборъ не могъ, за силою декрета, взиматься при входѣ въ клубъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что подобный сборъ ограничилъ бы публичность собранія; на самомъ дѣлѣ имѣлось въ виду сдѣлать право собраній исключительно достояніемъ людей богатыхъ. Нарушеніе установленнаго порядка влекло за собою отвѣтственность передъ закономъ; становясь нелегальными, собранія обращались въ тайныя общества. Только одни масонскія собранія ускользали отъ этой строгой регламентаціи.

Декретъ 28 іюля 1848 г. скоро оказался недостаточнымъ. Законъ 19—22 іюля 1849 г. разрѣшилъ правительству въ теченіе года запрещать клубы и другія собранія. Полномочія эти были продолжены еще на два года. Послѣ декабрьскаго переворота декреты 25 марта и 12 апрѣля 1852 г. отмѣнили декретъ 28 іюля 1848 г., и вновь ввели въ дѣйствіе запретительныя по отношенію къ собраніямъ правила статей 291 и 294 уголовнаго кодекса и закона 10 апрѣля 1834 г. Съ этихъ поръ ни одно собраніе не могло быть устроено безъ разрѣ-

шенія правительства, и въ случаѣ нарушенія этого правила признавалось тайнымъ обществомъ.

Еще раньше, циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ Бароша отъ 25 іюля 1850 г., было признано, что общество взаимопомощи, которое откажется повиноваться распоряженію о роспускѣ собранія, подлежитъ преслѣдованію на основаніи декрета 28 іюля 1848 г., но не передъ судомъ присяжныхъ, какъ до тѣхъ поръ, а передъ судомъ исправительной полиціи. Это до крайности стѣснило дѣятельность обществъ взаимопомощи. Какъ только являлось предположеніе, что подъ видомъ общества взаимопомощи скучивается республиканская группа, тотчасъ же администрація обрушивалась на него. Между тѣмъ, силою вещей, главными пропагандистами кооперативныхъ началъ являлись республиканцы, какъ наиболѣе убѣжденные послѣдователи доктринъ, благопріятныхъ этимъ началамъ. Они пытались организовать подъ сѣнью закона собраніе или союзъ. Но союзъ могъ дѣйствовать въ ущербъ правительственной централизаціи; въ союзѣ могли проявиться мѣстныя вліянія; свободные люди, привыкнувъ, благодаря ему, къ самостоятельности, могли воспитать въ этомъ духѣ подростающее поколѣніе. Это не могло нравиться власти. Будущій императоръ, расчитывавшій на слѣпое послушаніе, становился лицомъ къ лицу съ тревожнымъ, опаснымъ явленіемъ, когда узнавалъ изъ донесеній прокуроровъ о проблескахъ жизни въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ государства. Получивъ власть путемъ всеобщаго голосованія, логика котораго требуетъ свободы ассоціацій, онъ ломалъ общества съ упорствомъ, достойнымъ стараго режима. Декабрьскій переворотъ положилъ конецъ молодой свободѣ союзовъ и собраній и уничтожилъ прекрасный починъ кооперативныхъ обществъ. Общества взаимопомощи, вмѣсто того, чтобы слѣдовать по пути, предначертанному эволюціей англійскихъ союзовъ, развиваются съ тѣхъ поръ въ борьбѣ противъ государства, противъ существующихъ властей.

Послѣ государственнаго переворота циркуляръ 10 декабря 1851 г. относитъ къ числу тайныхъ обществъ всѣ политическія ассоціаціи, существующія безъ исполненія формальностей, предписанныхъ декретомъ 28 іюля 1848 г. Если подобное собраніе будетъ захвачено на мѣстѣ, префектамъ предписывается отнестись съ надлежащей строгостью къ участвовавшимъ въ немъ лицамъ. Центральные парижскіе комитеты имѣютъ обыкновеніе посылать въ департаменты развѣдчиковъ, возлагая на нихъ устройство центровъ пропаганды и извращенія общественнаго

мнѣнія. Эти опасные агенты должны быть арестованы и заключены въ тюрьму каждый разъ, какъ будетъ обнаружено ихъ появленіе. Нѣкоторыя общины находятся подъ гнетомъ этихъ людей, обязанныхъ своимъ господствомъ только внушаемому ими ужасу. Обыски и аресты, произведенные въ различныхъ мѣстахъ, доставятъ доказательство ихъ причастности къ тайнымъ обществамъ. Имъ должно быть назначено обязательное мѣстопребываніе тамъ, гдѣ присутствіе ихъ не будетъ сопряжено съ неудобствами. Въ заключеніе циркуляръ напоминаетъ о декретѣ 8 декабря, организовавшемъ административную ссылку опасныхъ лицъ.

Извѣстно, какъ воспользовалась администрація этимъ циркуляромъ. Смѣшанныя комиссіи, составленныя изъ префекта, командующаго войсками и прокурора, функціонировали какъ судебныя мѣста, и не только по отношенію къ обвиняемымъ въ сопротивленіи государственному перевороту, но и ко всѣмъ тѣмъ, за которыми администрація имѣла надзоръ со времени объявленія свободы ассоціацій. Ихъ спѣшили отправлять въ ссылку, обвинивъ ихъ въ преступной принадлежности къ тайному обществу. Для мотивировки обвиненія прибѣгали къ классической процедурѣ, арестуя сначала самыхъ слабыхъ, неграмотныхъ, и угрозой ссылки заставляя ихъ признаться въ существованіи сообщества. Иногда у нихъ, какъ у свидѣтелей, выпытывали показанія, обѣщая за это свободу, а потомъ свидѣтелей превращали въ обвиняемыхъ. Объ ужасахъ системы можетъ дать понятіе такой, напримѣръ, списокъ:

«Жанъ Буэ; поденщикъ, 45 лѣтъ, вдовъ, имѣетъ одного ребенка, неграмотенъ. Не былъ арестованъ. Членъ одной изъ декурій. Признался. Принадлежитъ къ хорошей работящей семьѣ, безукоризненъ въ частной жизни. Предполагаютъ, что во время послѣднихъ выборовъ онъ положилъ въ урну отрицательный бюллетень. Приговоръ: на 5 лѣтъ въ Ламбессу.

Луи Гиллеминэ, литейщикъ; женатъ, имѣетъ ребенка, немного грамотенъ. Допрошенъ какъ свидѣтель. Причастенъ къ обществу. Признался. Ярый соціалистъ. До сихъ поръ ни въ чемъ не былъ замѣшанъ. Выражаетъ живѣйшее раскаяніе. Приговоръ: на 10 лѣтъ въ Ламбессу.

Жанъ Гиллеминэ, собственникъ, 36 лѣтъ; женатъ, имѣетъ ребенка, грамотенъ. Допрошенъ какъ свидѣтель. Членъ тайнаго общества. Признался. Уменъ, но завистливъ и честолюбивъ. Честенъ въ частной жизни. Приговоръ: на 5 л. въ Кайенну.

Жанъ Делажъ, плотникъ, 36 лѣтъ; женатъ, трое дѣтей,

не грамотенъ. Допрошенъ какъ свидѣтель. Причастенъ къ обществу. Признался. Смышленъ, хитеръ, въ корнѣ испорченъ, поджигатель толпы; опасенъ. Его прошлое не говоритъ въ его пользу. Приговоръ: на 5 л. въ Кайенну.

Франсуа Котильонъ, каменотесъ, 25 лѣтъ; женатъ, имѣетъ ребенка, грамотенъ. Допрошенъ какъ свидѣтель. Членъ десятка. Признался. Негодяй, но не особенно опасенъ. Приговоръ: на 7 л. въ Ламбессу».

Вотъ къ чему привела легенда о тайныхъ обществахъ, обратясь въ оружіе правительственныхъ репрессій.

Въ эпоху имперіи судебная хроника изобилуетъ процессами объ обществахъ, называемыхъ тайными. Не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно происхожденія этихъ обществъ: это были политическія группировки, не получившія правительственнаго разрѣшенія. Знаменитый рабочій Интернаціоналъ, сначала терпимый правительствомъ постольку, поскольку оно надѣялось подчинить его своему покровительству и господству, позднѣе подвергся во Франціи судебному преслѣдованію какъ тайное сообщество.

Только законъ 1884 г. о рабочихъ синдикатахъ уничтожилъ внѣдренное въ умы извращеніе понятій о легально осуществляемыхъ ассоціаціяхъ и объ ассоціаціяхъ не укладывающихся въ рамки правительственнаго разрѣшенія, но не образующихъ тѣмъ самымъ тайнаго общества. Окончательнымъ торжествомъ принципа явился законъ 1901 г., предоставившій свободу какъ политическимъ, такъ и неполитическимъ ассоціаціямъ.

I. Черновъ.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ХАСИНТО БЕНАВЕНТЕ.

На аукціонѣ.

Великій художникъ, одухотворяя произведеніе искусства, не можетъ не вложить въ него частицу своей души. И жизнь, и душа были въ твореніи безсмертной кисти—женскомъ портретѣ. Изображенная на немъ аристократка глядѣла печально, съ выраженіемъ внутренней пустоты, скрытымъ подъ доброй и привѣтливой улыбкой, и говорила душѣ чуткаго зрителя, разсказывала печальную повѣсть, но какъ бы не касавшуюся ея самой, а воспринятую изъ другого, высшаго міра,—міра свѣтлаго, гдѣ природа гармонируетъ съ искусствомъ, гдѣ проясняется тѣнь грустныхъ воспоминаній. Она говорила слѣдующее:

«Печаленъ день, когда свершилось разореніе моего знатнаго дома, и я была предназначена къ публичной продажѣ вмѣстѣ съ другими пышными остатками величія, нѣкогда изумлявшаго міръ.

«Проклятіе художнику, который своей геніальной кистью продолжилъ мое существованіе изъ вѣка въ вѣкъ и сдѣлалъ меня свидѣтельницей грустнаго паденія.

«Да, въ прежнія времена величіе могло низвергнуться въ одинъ мигъ, въ силу мести или каприза владыки. Все—дворянскія привилегіи, жалованныя земли, художественныя сокровища и съ ними жизнь—утрачивалось сразу. Однако величіе сохра-

---

[1]) Изъ сборника «Figulinas».

нялось даже въ паденіи. Это былъ обвалъ фундамента, колоннъ и башенъ, а не обветшаніе покинутаго дома, гдѣ понемногу осыпается штукатурка, трескаются крыши и водосточныя трубы.

«Лучше топоръ палача, чѣмъ перо судебнаго пристава! Если неизбѣжно попасть въ добычу, то лучше льву, чѣмъ волку.

«Сколько я выстрадала на этомъ аукціонѣ, съ оцѣнкой безцѣннаго и дешевой распродажей славы! И еще больше выстрадала потому, что видѣла радость злобныхъ умовъ. Это естественно: только паденіе можетъ уравнять великое съ малымъ! Но не ликуйте! Сегодня пострадали мы, а завтра придетъ чередъ ликвидировать другія богатства. Сейчасъ съ аукціона продается наше имущество для уплаты нашимъ кредиторамъ... А вы, нынѣ торжествующіе буржуа, обогатившіеся остатками нашего величія, царящіе въ политикѣ, въ промышленности и въ торговлѣ, развѣ вы въ свою очередь не имѣете кредиторовъ? Настанетъ день, когда они потребуютъ уплаты, и ваше имущество также превратятъ въ деньги. Я боюсь попасть въ ваши руки. Куда-то меня закинетъ судьба?

«Аукціонъ начинается. Покупатели и любопытные внимательно разглядываютъ меня.

«У меня мелькаетъ надежда, что кто-нибудь изъ моихъ потомковъ, изъ тѣхъ людей, которые носятъ мое имя и гордятся моимъ титуломъ, пріѣдетъ меня выкупить... Не вижу никого. Очевидно, они не считаютъ приличнымъ пріобрѣсти то, чѣмъ отказались владѣть.

«Мало у нихъ уваженія къ знатной прародительницѣ! Надо сознаться, что голосъ крови не слышенъ—потому ли, что голубая кровь говоритъ невнятно, или же потому, что кредиторы заглушаютъ ее своимъ крикомъ.

«Мнѣ не придется занимать почетнаго мѣста среди своихъ потомковъ. Потомковъ?... Нынѣшній наслѣдникъ титула, чтобы позолотить свой гербъ, женился на дочери нашего бывшаго управляющаго, нынѣ пожизненнаго сенатора, богача, мнящаго себя родовитымъ сановникомъ. Таковъ маркизъ де Санъ-Димасъ! Всѣ эти знатные родственники носятъ имена святыхъ. Должно быть, изъ благодарности за чудо!

«Удивительно, какъ перемѣщеніе соціальныхъ организмовъ заглаживаетъ многія несправедливости! Дочь недобросовѣстнаго управляющаго своимъ капиталомъ выручаетъ раззорившагося дворянина, а онъ обязуется снова спустить то, что пріобрѣлъ сомнительнымъ путемъ, и обогатить какого-нибудь ростовщика, дочь котораго, въ свою очередь, для компенсаціи выйдетъ за

благороднаго мота. Вотъ власть любви, неизмѣнно тяготѣющая къ равновѣсію!

«Но если внуки одного изъ нашихъ лакеевъ будутъ называть меня бабушкой, то отъ этого свернутся самыя тонкія краски моего существа.

«Я предпочитаю не принадлежать семьѣ. Но кому же?

«Вижу: идетъ капиталистъ донъ Ферминъ Антонъ. Его фамилія—не что иное, какъ имя, и сомнительно даже, чтобы у него была настоящая фамилія. Онъ ищетъ старинныхъ вещей, чтобы украсить ими свою роскошную квартиру.

«Онъ разглядываетъ шкатулку—поддѣльную. На меня онъ не смотритъ. Если-бъ я была хромолитографіей, другое дѣло... А у него въ столовой, изволите ли видѣть, французскіе обои и въ библіотекѣ книгъ на двадцать тысячъ...

«Лучше мнѣ разсыпаться въ прахъ, чѣмъ очутиться въ его домѣ!

«Нѣсколько антикваріевъ съ интересомъ окружили меня. Заманчивая перспектива! Попасть въ руки какого-нибудь англичанина, который будетъ восторгаться мною фразами изъ Бэдекера...

«А вотъ и еще хуже! Ко мнѣ подходятъ двѣ дѣвицы, граціозныя и нарядныя. У одной благородная осанка и прекрасныя манеры: она говоритъ о Парижѣ, объ *Hôtel des Ventes* и знаетъ толкъ въ произведеніяхъ искусства. Другая совсѣмъ невыдержанная: все ей не нравится, все ее смѣшитъ. Она говоритъ, что у меня странный чепчикъ, и разсуждаетъ, какъ неудобно мнѣ было въ моемъ парадномъ платьѣ... Въ этомъ она, пожалуй, права.

«Герцогъ Серинола, старичекъ, раскрашенный больше, чѣмъ я, отпускаетъ шуточки и украдкой перемигивается съ дѣвицами. Нѣсколько молодыхъ аристократовъ, въ томъ числѣ и мои родственники, смотрятъ на нихъ и дѣлаютъ имъ знаки, когда публика не наблюдаетъ.

«Порокъ тоже мастеръ уравнивать! Великій демократъ!

«Не дай Богъ, чтобы какой-либо изъ этихъ дѣвицъ пришла фантазія украсить свой будуаръ моимъ портретомъ.

«Отъ нея можетъ статься, что она будетъ выдавать меня за свою бабушку...

«Положимъ, я у нея не соскучилась бы и по временамъ видѣла бы своихъ родственниковъ.

«Что такое?... А, моя судьба рѣшилась! Теперь я принадлежу государству. Я знала, что министръ заинтересуется мною. Онъ человѣкъ чуткій.

«Остатокъ жизни я проведу въ музеѣ. Я ужъ не пятая герцогиня въ роду, а только произведеніе искусства. Отнынѣ людямъ безразлично, кто я. Всѣ будутъ лишь спрашивать, кто художникъ.

«Четверо дюжихъ рабочихъ снимаютъ меня и кладутъ на носилки, чтобы доставить въ музей. Должно быть вѣсъ у меня большой, такъ какъ они всю дорогу ругаются, на чемъ свѣтъ стоитъ, зачѣмъ меня купило правительство.—Какой въ ней прокъ? Только *наши* денежки переводятъ,—ворчали они. Ко мнѣ относятся враждебно и какъ къ герцогинѣ, и какъ къ произведенію искусства.

«За второе я чувствую себя обиженной; но какъ герцогиня, я очень радуюсь, слушая варварскія рѣчи этихъ грубіяновъ. Это они-то должны разрушить старое общество? Это они—угрожающіе намъ новые варвары? Ба! Съ однимъ голодомъ, безъ идеаловъ, производятся только бунты, а не революціи. Конь Аттилы приближается, но всадника на немъ нѣтъ. Толпа безъ идеаловъ, безъ возвышающаго художественнаго чутья не можетъ быть больше, чѣмъ конемъ. Всадникъ, который ее обуздываетъ и ведетъ по своему усмотрѣнію, всегда будетъ изъ нашихъ, божьей милостью чистокровный аристократъ.

«И такъ какъ ни одна ассоціація не можетъ создать произведенія искусства, то созидательная работа останется за личнымъ геніемъ, неизмѣнно властнымъ и могучимъ.

«Наконецъ, я прибыла. Нѣсколько почтенныхъ господъ выходятъ мнѣ на встрѣчу и велятъ меня установить.

«Меня помѣщаютъ рядомъ съ какими-то пьяницами и противъ какихъ-то пряхъ.

«Въ мірѣ живыхъ такая компанія была бы для меня нестерпимой. Въ свѣтломъ мірѣ искусства общество пьяницъ и пряхъ—это честь, которая для аристократки можетъ сравниться только съ честью первенствовать».

Неразумныя дѣвы.

Картинка изъ современныхъ нравовъ.

Въ домѣ маркизовъ де Кастрохерисъ. Кабинетъ въ стилѣ Людовика XV, иначе «Музыкальная зала». Большой рояль и рядомъ съ ними Эраровская арфа оправдываютъ это наименованіе. Художественное убранство, не бьющее въ глаза. Съ виду оно кажется простымъ, и его какъ будто легко скопировать при незначительныхъ затратахъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что оно очень цѣнно, гармонично и полно очаровательныхъ подробностей. Драпировки изъ стариннаго шелка, голубого цвѣта съ блѣдно-розовыми разводами и вѣточками мелкихъ бѣлыхъ розъ. Стулья изъ бѣлаго дерева съ золотыми рѣшетками; плетеные табуреты, также бѣлые, а на нихъ подушки изъ такой же матеріи, какъ драпировки. На большомъ мраморномъ каминѣ зеркало съ рѣзной золоченой рамой, бронзовые часы, канделябры и севрскій фарфоръ. Экранъ передъ камнемъ и ширма съ живописью—имитаціями или копіями Ватто. Витрина со статуэтками, чашками, табакерками и старинными миніатюрами. На стѣнахъ рѣзьба по дереву. Портретъ дѣвочки пастелью, работы извѣстнаго художника. Еще двѣ-три картины, тоже пастелью; по сюжету и исполненію видно, что ихъ писала нѣжная женская рука, но подъ руководствомъ хорошаго учителя.

Дѣйствующае лицо: Пепита Кастрохерисъ, девятнадцати лѣтъ. Нервная, тонкая, какъ англійская борзая. Непрестанная подвижность всего тѣла контрастируетъ съ холодной безстрастностью лица: словно издерганный клоунъ съ застывшей физіономіей подъ густымъ слоемъ бѣлилъ. Большой ротъ съ очень тонкими, стиснутыми губами, которыя обозначаются одной красной линіей на блѣдномъ лицѣ. Пепельные волосы, волнистые, задорнымъ чубомъ взбитые на лбу, дополняютъ сходство съ клоуномъ.

Она съ аристократической непринужденностью держится въ своемъ очень богатомъ платьѣ, которое на другой было бы на эффектъ, но на ней кажется только изящнымъ, красивымъ, случайно выбраннымъ изъ ряда другихъ. Между тѣмъ портниха, переписка, пошлина и пересылка разъ шесть изъ Парижа и обратно обошлись болѣе двухъ тысячъ франковъ. Это — платье для небольшого обѣда. Бѣлая шелковая кисея отдѣлана ирландскими кружевами цвѣта слоновой кости, которыя, какъ легкая паутина, умѣряютъ блестящую бѣлизну шелка. Широкіе рукава ниспадаютъ до половины кисти и обрисовываютъ руки, которыя кажутся удлиненными и застывшими въ неподвижныхъ линіяхъ съ какимъ-то жреческимъ величіемъ. На юбкѣ разрѣзы, открывающіеся на сложенный вѣеромъ шелкъ, похожій на смѣлыя юношескія крылья, которыя протестуютъ противъ холодной и торжественной неподвижности рукъ. У Пепиты этотъ протестъ выходитъ особенно рѣзкимъ. Рукава *à la femme riche* стѣсняютъ ея нервныя руки развинченнаго клоуна. Чувствуется, что она

готова сдѣлать если не вольтъ, то, по крайней мѣрѣ, сальто-мортале.

Вечеръетъ. Пепита одѣлась къ обѣду и перешла изъ своей уборной въ музыкальную залу, такъ какъ она отлично умѣетъ подбирать фонъ для своего туалета. Она сѣла за рояль и принялась напѣвать французскую пѣсенку XVIII вѣка, выразительный *marivaudage* любовныхъ чувствъ, вздутыхъ какъ фижмы *à la* Помпадуръ.

Гармонія, выбранная Пепитой, успокаиваетъ ея мысли и нервы, разстроенные больше чѣмъ когда-либо.

Черезъ открытую балконную дверь (выходящую въ сырой и темный садъ, окруженный высокими домами, смежными съ дворцомъ Кастрохерисъ) проникаетъ желтоватый вечерній свѣтъ, пробиваясь сквозь листву высокихъ и раскидистыхъ индійскихъ каштановъ. Драпировки затемняютъ своими складками послѣдніе проблески тусклаго свѣта, отражающагося на блестящемъ шелку нѣжныхъ оттѣнковъ. Старинная пѣсенка нашептываетъ о любви былыхъ временъ, и Пепита старается, въ окружающихъ медлительныхъ и гармоничныхъ сумеркахъ, продолжить сумерки своей души, изъ которой навсегда должно исчезнуть нѣчто сокровенное и глубокое. Ей хотѣлось бы пріостановить, усыпить свою мысль, чтобы смягчить неизбѣжную разлуку.

Какъ это могло случиться?

Пепита перебираетъ въ памяти всѣ обстоятельства, которыя привели ее къ столь затруднительному положенію, и старается судить о нихъ объективно, словно слушаетъ откровенное признаніе близкой подруги. Скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ огорченіемъ, она спрашиваетъ себя:

«Какъ это могло случиться? Какъ, никогда не допуская возможности любви между ними, Федерико и она полюбили другъ друга? Полюбили! Не было даже такихъ словъ, чтобы опредѣлить истинное чувство, соединявшее ихъ. Но какъ могла возникнуть эта любовь?»

Пепита не понимала, что существуетъ безсознательная воля, желаніе помимо насъ. И эта внѣшняя воля работаетъ, внезапно вызывая передъ нашимъ мысленнымъ взоромъ живой образъ нашихъ поступковъ, незнакомый, отталкивающій, какъ дитя преступной любви, родившееся въ нашемъ домѣ и не наше.

Они полюбили другъ друга... Нечаянно, какъ говорятъ дѣти въ свое оправданіе, когда смѣхъ игры оканчивается слезами драки. Нечаянно, не желая сдѣлать зла, да; но чтобъ не желая играть... нѣтъ!

Играя, Пепита подружилась съ Федерико. Онъ былъ болѣе интереснымъ собесѣдникомъ, чѣмъ другіе. Благодаря тому, что онъ былъ женатъ, Пепита держалась съ нимъ свободнѣе. Обычныя бесѣды съ молодыми людьми нагоняли скуку. Возможные кандидаты въ мужья, разговаривая съ дѣвушкой, какъ бы боялись выдать себя слишкомъ выразительной фразой, слишкомъ откровеннымъ признаніемъ. Всѣ они думали: берегись, чтобъ не попасться!

Дѣвушки были еще сдержаннѣе, но по другой причинѣ. Онѣ принимали оборонительную, недовѣрчивую позицію и думали: берегись, чтобы не сорвалось!

Пепита, по характеру экспансивная до безстыдства, съ любопытствомъ наблюдающая міръ, жадная не до плода познанія, а до познанія плода, не терпѣла той игры въ осторожность, которую ведутъ дѣвицы на выданьѣ. Она хотѣла знать все, рѣшительно все, хорошее и дурное, и съ Федерико могла пойти на рискованные разговоры.

Поводъ и случай представлялъ для нихъ всякаго рода спортъ: велосипедъ, коньки, тэндемъ, стрѣльба въ цѣль.

Жена Федерико, нѣжная мимоза, тепличное растеніе, слѣдовала модѣ въ болѣзняхъ, какъ другія дамы въ костюмахъ, и въ ту пору носилась съ неврастеніей. Это была настоящая женщина нѣги, созданная для гарема или гинекея. Федерико, привлеченный контрастомъ, нашелъ въ Пепитѣ очаровательнаго товарища, юнаго, отважнаго, съ которымъ можно говорить обо всемъ безъ стѣсненія.

Федерико не разлучался съ Пепитой. Она была его спутницей на козлахъ *mail-coach'a* и на охотѣ. Всегда вмѣстѣ на обѣдахъ и вечерахъ, они вели оживленный разговоръ, который начинался то съ кучеровъ, то съ охотниковъ, но всегда оканчивался любовными темами.

Сперва ихъ дружба не удивляла никого. Что тутъ особеннаго? Они знакомы съ дѣтства, принадлежатъ къ одному обществу, сходятся во вкусахъ; наконецъ, онъ женатъ, а она не замужемъ... Кто могъ бы заподозрить дурное? Но вскорѣ они сами стали замѣчать, что люди и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ отводятъ имъ больше мѣста, того мѣста, которое въ хорошемъ обществѣ предоставляется влюбленнымъ: островки любви можно найти въ любой гостиной, при любой соціальной географіи.

Потомъ начались пересуды. Молодые люди, претенденты на любовь Пепиты, снимали свою кандидатуру. Какъ-то на балу

одна подруга спросила Пепиту: «Неужели жена Федерико такъ сильно больна?» Одинъ дерзкій писатель сдѣлалъ ядовитый намекъ: «Вы такая любительница модернизма — вѣроятно, вы читали *Полудѣвы* Прево?» Родители Пепиты, маркизы де Кастрохерисъ, послѣдніе узнали объ этомъ, и хотя ничего предосудительнаго въ поведеніи дочери не усматривали, но рѣшили, что ради приличія это больше не можетъ продолжаться.

Не можетъ продолжаться! Пепита и сама понимала... Но въ то же время она почувствовала, какъ далеко они зашли, какъ немыслимо ей было порвать близость съ Федерико.

Жизнь обоихъ сплошь состояла изъ легкомысленныхъ развлеченій, безсодержательныхъ мелочей, но вездѣ ихъ соединяли общіе помыслы, и все ихъ существованіе переплеталось таинственными нитями.

Пепита притворилась больной (это ей было не трудно), чтобы отдалить неизбѣжное объясненіе.

Насталъ роковой день. Федерико выслушалъ ее и старался ее успокоить. Все сплетни. Его жена получаетъ анонимныя письма и нестерпимо ревнуетъ.

— Видишь, Пепита, какіе бываютъ люди! Какіе люди! Но вѣдь они правы! — внезапно воскликнулъ Федерико. — Я не могу жить безъ тебя!

— Я тоже! Какъ это, Господи, какъ съ этимъ быть?.. Ты мужчина: что ты мнѣ посовѣтуешь?

— Выйти замужъ.

На этомъ Федерико простился съ Пепитой.

Его слова терзали Пепиту въ теченіе ряда тревожныхъ дней и безсонныхъ ночей. Выйти замужъ! Былъ этотъ совѣтъ продиктованъ раскаяніемъ или надеждой? Воздвигалась ли между ними навѣки стѣна... или открывалась дверь для любви?.. Выйти замужъ? Да, она выйдетъ.

Вотъ почему Пепита надѣла къ обѣду новое платье; вотъ почему напѣвала французскій романсъ; вотъ почему въ окружающихъ сумеркахъ силилась продлить сумерки своей души! И съ послѣднимъ лучемъ угасающаго вечерняго свѣта, изъ тайниковъ мысли въ ея душу проникалъ трепетный, неясный лучъ грѣховной надежды.

И, чувствуя въ сердцѣ усладу отъ этой надежды, она плакала съ неизъяснимой печалью. Бѣдная неразумная дѣва, погасившая свѣтильникъ раньше, чѣмъ пришелъ женихъ!

ЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ.

Разсказъ Граціи Деледда.

Въ предпослѣднее воскресенье карнавала въ мѣстечкѣ разнесся слухъ, что донна Мануэла Кобрасъ умираетъ. Публика, собравшаяся на площади вокругъ замаскированныхъ быками и медвѣдями ряженыхъ, которые танцовали какой-то дикій танецъ, сопровождаемый меланхолическими выкрикиваніями, раздѣлилась на группы и начала комментировать слухъ.

Донна Мануэла была самая богатая, самая сварливая и больше всѣхъ помогавшая бѣднымъ землевладѣлица округа. Она ссорилась съ сосѣдями по дому изъ-за оконъ и стока дождевой воды, ссорилась съ землевладѣльцами сосѣдняго округа изъ-за прохода по ея землямъ, лежавшимъ пустырями. Она даже съ церковью умудрилась затѣять процессъ изъ-за маленькой часовенки, абсида которой выходила на ея усадьбу. Зажиточные люди и духовенство ненавидѣли ее; бѣдные превозносили, такъ какъ она имъ тайно помогала.

Почтальонъ, принадлежавшій къ послѣднимъ, прошелъ черезъ площадь съ письмомъ въ рукѣ. Что дѣлать? Онъ хорошо зналъ, отъ кого было это письмо съ четко написаннымъ, точно напечатаннымъ адресомъ. Оно было отъ претора, жениха дочери донны Мануэлы. Почтальонъ не могъ рѣшить, долженъ ли онъ отдать письмо сейчасъ или подождать до завтра. Размышляя, онъ миновалъ маленькую часовню, запертую теперь изъ-за процесса, и остановился передъ домомъ донны Мануэлы. Домъ и часовня стояли почти на краю ущелья. Это были два старинныхъ зданія, еще временъ пизанскаго владычества, и принадле-

жали, вѣроятно, одному и тому же владѣльцу, какъ это утверждала донна Мануэла. Всѣ входы въ усадьбу были заперты; только большія ворота время отъ времени пріоткрывались, чтобъ пропустить кого-нибудь изъ служанокъ, пробѣгавшихъ съ испуганнымъ видомъ.

Почтальонъ остановилъ одну изъ горничныхъ и спросилъ:

— Ну что, какъ?

— Умираетъ... Скоро умретъ... она была слишкомъ полная...

— А Донна Мануэлита? Вотъ письмо... Это отъ жениха.

— Они должны были вѣнчаться въ воскресенье... Все ужъ готово... А теперь не знаю...

Горничная, возвращаясь, прошла по вымощенному камнемъ, съ проросшими пучками травы, двору, надъ которымъ въ ясномъ, но печальномъ февральскомъ небѣ, каркая, пролетали лиловатыя вороны, поднимавшіяся изъ ущелья. Дѣвушка, на мгновеніе склонившись на ступеняхъ часовни, перекрестилась и пошла вручить письмо.

Священникъ, докторъ и нѣсколько женщинъ собрались въ низкой бѣлой комнатѣ умирающей. Старуха, покрытая бѣлымъ одѣяломъ, казалась огромной на своей широкой деревянной кровати. Ея голова была повязана чернымъ платкомъ. Она, казалось, спала, а ея красное, вспухшее лицо имѣло такое выраженіе, какъ будто она во снѣ надъ кѣмъ-то смѣялась. Возлѣ нея донна Мануэлита, маленькая и блѣдная, точно восковая фигурка, въ своей черной кофточкѣ съ мелкими, застегнутыми до горла пуговками, казалась испуганнымъ ребенкомъ.

Увидѣвъ горничную, она вздрогнула, но не двинулась съ мѣста. Та подала ей письмо. Мануэлита взяла его и положила на ночной столикъ подъ подсвѣчникъ.

— Почему вы не прочтете? —вполголоса спросилъ докторъ. Но невѣста въ знакъ отрицанія покачала головой. Какое значеніе имѣлъ вѣстникъ жизни передъ картиной смерти?

Немного спустя она осталась одна: мать уснула, и ей, казалось, стало лучше. Въ молчаніи сумерекъ доносились меланхолическія гортанныя вскрикиванія ряженыхъ, и казалось, будто они поднимались изъ гротовъ ущелья, обитаемыхъ, согласно народнымъ вѣрованіямъ, карликами и великанами.

Невѣста украдкой взяла письмо и на цыпочкахъ приблизилась къ окну.

Письмо было длинное, самое длинное изъ всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя мало экспансивный женихъ писалъ ей послѣ отъѣзда изъ мѣстечка. Но она, спѣша дочитать до конца, прочла

его наскоро, перескакивая черезъ строчки. Ей казалось, что она соскакиваетъ со скалы на скалу внизъ, въ пропасть, и, наконецъ, упала на дно и разбилась. Но въ то же время она продолжала слышать какой-то оглушающій шумъ и чувствовать смертельный холодъ, сковывающій все ея тѣло. Женихъ писалъ, что онъ никогда не пріѣдетъ: онъ отказывался отъ нея.

Оправившись послѣ перваго ужаснаго впечатлѣнія, Мануэлита слово за словомъ прочла все письмо. Но только тѣ фразы, которыя и сначала поразили ее, остались отчетливыми въ ея памяти. «Наканунѣ брака мы имѣемъ обычай исповѣдываться, какъ наканунѣ смерти. Позволь мнѣ, Мануэлита, исповѣдаться передъ тобою. Ты добрая дѣвушка, а твоя мать благоразумная и сильная женщина, и вы поймете и пожалѣете меня». «Я раньше имѣлъ связь, но надѣялся избавиться отъ нея. Теперь же эта женщина угрожаетъ мнѣ скандаломъ. Я нахожусь на службѣ, и такая исторія компрометтировала бы и меня, и тебя». «Можетъ быть позже»... «Можетъ быть я освобожусь».

Она неподвижно стояла передъ окномъ, не отрывая глазъ отъ письма, дрожавшаго въ ея рукѣ, точно бѣлое крыло. Ея огромная черная коса, обвивавшая ея маленькую головку, казалась на фонѣ оконныхъ стеколъ чернымъ терновымъ вѣнкомъ.

Мать прожила еще три дня. Иногда въ бреду она произносила нѣсколько словъ, относившихся къ свадьбѣ, къ приданому, къ отъѣзду любимой дочери. Дѣвушка ни разу не заплакала. Она спрятала письмо въ своей комнатѣ и время отъ времени заходила посмотрѣть, на мѣстѣ ли оно. Ее все мучила мысль, что кто-нибудь можетъ его прочесть и узнать о томъ, какъ ее оставилъ женихъ, о которомъ съ завистью думали самыя хорошенькія дѣвушки въ мѣстечкѣ—а это было бы для нея невыносимымъ стыдомъ.

Письмо всегда было на мѣстѣ. Она возвращалась и смотрѣла на картину смерти. Ей казалось, что она страдаетъ только отъ этого. Но иногда она вздрагивала, чувствуя, будто что-то забыла. Ахъ да, письмо! Она шла убѣдиться, не взялъ ли его кто, ощупывала его и потомъ, возвратившись, погружалась въ созерцаніе страшной тайны. Ей казалось, что и она сама умираетъ. Хрупкая, неопытная, она всегда жила словно въ тѣни своей сильной матери, какъ живетъ слабое растеніе въ тѣни дуба. Ей казалось, что если бы ея мать осталась въ живыхъ, то достаточно было бы опереться на нее, чтобъ побѣдить тоску и стыдъ

покинутой невѣсты. Но одна она не могла ихъ побѣдить. Она шаталась, искала опоры, но вокругъ была пустота.

Въ среду вечеромъ у старухи началась агонія. Ей представлялось, будто она присутствуетъ на вѣнчаніи дочери или разсматриваетъ свадебные подарки, или, провожая молодыхъ, даетъ Мануэлитѣ золотую монету, сопровождая ее послѣднимъ совѣтомъ:

— Скрывай свои слабости!

Ей стало худо; отнялся языкъ. Тогда зажгли свѣчи въ семи серебряныхъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ подсвѣчникахъ. Мануэлита спустилась во дворъ и склонилась на холодныхъ ступенькахъ часовни. Желтая февральская луна поднималась среди черныхъ облаковъ; ущелье было полно таинственныхъ голосовъ шумящаго вѣтра.

— Боже, помоги мнѣ! Сдѣлай такъ, чтобъ моя мать осталась жива или пошли и мнѣ смерть.

Но часовенка была заперта. Господь долженъ былъ покинуть маленькое святилище, изъ-за котораго велся безконечный процессъ. И когда дѣвушка вернулась къ матери, то и та уже покинула ее...

Донна Мануэлита рѣшила умереть. Она отпустила одну за другой всю прислугу, объявила, что не хочетъ идти замужъ, и больше никогда не выходила изъ дому.

Только по утрамъ пожилая женщина, ея бывшая мамка, приходила помогать ей приводить въ порядокъ домъ.

— Скрывай свои слабости,—сказала Мануэлитѣ мать.

Донна Мануэлита хотѣла умереть, но такъ, чтобы ея смерть была приписана несчастной случайности.

Но какъ это сдѣлать? Мамка какъ-то говорила ей, что вино съ солью причиняетъ смерть, похожую на смерть отъ колики.

Донна Мануэлита чувствовала отвращеніе къ вину, но теперь она, подавивъ его, проглотила цѣлую кружку вина, въ которую бросила ложку соли. Потомъ она легла на кровать. Спустя нѣкоторое время она почувствовала сильный жаръ и жгучую жажду. Она поднялась и выпила еще вина. Но вмѣсто того, чтобъ снова лечь, она вышла во дворъ и съ удивленіемъ осмотрѣлась вокругъ. Все ей показалось инымъ: все было такое красивое и такъ ей нравилось, какъ тогда, когда она ребенкомъ играла пятью камешками, подбрасывая и ловя ихъ, удобно устроившись на ступенькахъ часовни подъ жгучимъ солнцемъ.

Шатаясь и спотыкаясь, она отыскала пять камешковъ и, сѣвъ на ступенькѣ, принялась играть ими. Она перебрасывала

ихъ съ тыльной части руки на ладонь, потомъ клала одинъ на ступеньку и, подбрасывая вверхъ остальные, успѣвала поднять лежавшій и подхватить падавшіе.

Она смѣялась отъ удовольствія, но ей все еще хотѣлось пить. Она снова пошла выпить вина и, возвращаясь, придерживалась за стѣну, чтобъ не упасть.

Былъ теплый голубой полдень. На каменной оградѣ, окружавшей усадьбу, краснѣли мелкіе цвѣточки вьющагося растенія, а оттуда, гдѣ сидѣла опьянѣвшая дѣвушка, виднѣлись далекія горы, голубыя и зеленоватыя, похожія на матерію ея подвѣнечнаго платья, лежавшаго запакованнымъ въ ящикѣ, въ которомъ оно было прислано изъ Сассари.

Но почему воспоминаніе объ этомъ платьѣ и обо всемъ остальномъ теперь не причиняло ей боли? Ей казалось, будто передъ ней распахнулась какая-то дверь, по другую сторону которой все было прекрасно и легко. Она до заката сидѣла на ступенькахъ часовни. Потомъ пріятная сонливость побѣдила ее, и она уснула.

Послѣ этого она уже не хотѣла умирать. Теперь она имѣла утѣшеніе своему горю и продолжала имъ пользоваться. Сначала, когда по утрамъ мамка помогала въ домашнихъ дѣлахъ и когда пастухи и арендаторы приходили вносить деньги, она была въ отчаяніи. Но она всегда помнила предостереженіе своей матери: «скрывай свои слабости».

Послѣ обѣда она начинала жить заколдованной жизнью. Она садилась на ступенькахъ часовни и, прислонившись спиной къ запертой двери, играла камешками и любовалась горами, къ веснѣ покрывшимися розовой дымкой.

Время отъ времени Мануэлита поднималась и шла выпить вина.

Иногда, впрочемъ, въ такіе моменты ей казалось, будто какой-то далекій голосъ звалъ ее, будто ей надо что-то вспомнить. Ахъ да, письмо!

Она шла въ свою комнату, отыскивала его и прочитывала. Фразы: «можетъ быть, позже», «можетъ быть, я освобожусь»—возбуждали въ ней огромную радость.

Но однажды мамка ей сказала, что въ газетѣ есть извѣщеніе о бракосочетаніи претора, произведеннаго въ судьи, съ дѣвушкой того города, откуда онъ былъ родомъ.

Это не причинило долгѣ Мануэлитѣ большого страданія; но послѣ этого она уже никогда не перечитывала письма.

Прошло четыре года. Она выиграла процессъ относительно часовни, но не захотѣла ее открыть. Ей она казалась заклятымъ мѣстомъ, потому что какъ разъ во время ея осмотра властями она познакомилась съ преторомъ, тогда же узнавшимъ, что дочь донны Мануэлы самая богатая невѣста въ мѣстечкѣ.

Однажды между пастухами, пришедшими нанимать пастбища, оказался одинъ изъ того самаго городка, откуда былъ эксъ-женихъ. Мамка спросила его:

— А какова та, на которой онъ женился?

— Хорошая женщина. Ужъ изъ того видно, что хорошая, что о ней никогда ничего не говорятъ.

— Значитъ, неправда, будто онъ раньше имѣлъ какую-то связь—подумала донна Мануэлита. Въ это утро, раньше чѣмъ ушла мамка, она выпила бѣлаго вина и водки.

Когда мамка почувствовала запахъ водки изъ ея рта, она поблѣднѣла и, взявъ ее за обѣ руки, сказала:

— Посмотрите мнѣ въ глаза, донна Мануэлита.

Та взглянула и разрыдалась. Ея слезы упали на грудь, когда-то дававшую ей молоко. Но ни упреки, ни угрозы, ни мольбы ни къ чему не привели. Мамкѣ удавалось только изъ жалости и преданности скрывать отъ другихъ несчастье Мануэлиты.

Спустя десять лѣтъ послѣ смерти донны Мануэлы, почтальонъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ письмо съ черной каймой и съ четко написаннымъ, точно напечатаннымъ адресомъ. Почеркъ былъ ему знакомъ.

Но вѣдь преторъ былъ женатъ. А можетъ быть, онъ овдовѣлъ и снова хочетъ попытать счастья

Была осень. Сквозь полуотворенныя ворота былъ видѣнъ вымощенный камнемъ, съ пучками проросшей травы, дворъ.

Каменная ограда была покрыта вьющимися растеніями съ мелкими красными цвѣточками.

Мамка взяла письмо и отнесла его доннѣ Мануэлитѣ, находившейся въ это время въ комнатѣ, гдѣ когда-то умерла ея мать. Какъ тогда, Мануэлита приблизилась къ окну и прочла письмо, дрожавшее въ ея рукѣ, точно бѣлое крыло съ черными краями.

Преторъ, назначенный судьей, а потомъ прокуроромъ, наконецъ освободился отъ давней связи и хотѣлъ жениться на своей прежней невѣстѣ. «Я остался вдовцомъ съ двумя дѣтьми. Если вы, донна Мануэлита, примете мое предложеніе, я

былъ бы счастливъ, если бы мы могли обвѣнчаться въ концѣ ноября».

Она положила письмо подъ подсвѣчникъ и ничего не отвѣчала. Но кормилица наблюдала за ней: она заставила Мануэлиту прочесть ей письмо и преслѣдовала ее до тѣхъ поръ, пока та не отвѣтила прокурору. Она принимала его предложеніе, но съ условіемъ, что они обвѣнчаются въ послѣднее воскресенье карнавала. Женихъ прислалъ ей фотографію, на которой онъ былъ снятъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Она смотрѣла на группу своими черными, теперь немного потускнѣвшими глазами, но не говорила, счастлива ли она или нѣтъ.

Одно ее очень радовало: она можетъ уйти изъ этого дома и избавиться отъ мамки, которая надоѣла ей, сдѣлавшись настоящей и единственной хозяйкой дома. Какъ была права ея мать: «скрывай свои слабости».

Мать ей дала еще какой-то совѣтъ, но она его не помнила. Она столько перезабыла за это время!

Прошла зима. Шумъ потока ослабѣлъ въ ущельѣ. Снова раздавались меланхолическіе и дикіе выкрики ряженыхъ и странное пѣніе, сопровождавшее ихъ танцы на площади.

Въ четвергъ публика, присутствовавшая на дикихъ бѣгахъ верховыхъ ряженыхъ, увидала желто-зеленый дилижансъ, изъ котораго вышелъ прежній преторъ, сдѣлавшійся теперь прокуроромъ. Онъ сталъ краснымъ мужчиной. Большіе рыжеватые усы пересѣкали его полныя щеки; несмотря на сравнительно небольшой ростъ, онъ имѣлъ очень представительный и внушительный видъ.

Онъ направился прямо къ невѣстѣ и нашелъ ее такою, какою онъ когда-то ее оставилъ: худенькой, маленькой, все также одѣтой въ черную кофточку съ густо посаженными, застегнутыми до горла пуговками, съ маленькой головкой, увѣнчанной огромною черною косой. Только глаза немного измѣнились, точно затуманились, или подернулись какой-то странной дымкой.

Женихъ поцѣловалъ ее; послѣ поцѣлуя онъ почувствовалъ на губахъ запахъ кедровой воды, который ему даже понравился. Мамка слѣдила за Мануэлитой.

Вѣнчаніе совершилось утромъ въ воскресенье, въ часовенькѣ, открытой для этого событія.

Послѣ обѣда въ понедѣльникъ, когда родственники и друзья, наконецъ, оставили ихъ въ покоѣ, новобрачный воспользовался свободнымъ временемъ, чтобы пройтись по улицамъ мѣстечка.

Онъ все еще имѣлъ видъ вдовца: задумчивый и молчаливый. Но въ душѣ онъ былъ доволенъ.

«Мануэлита—думалъ онъ—не блестящая женщина, она не ловкая, слишкомъ скромная и даже немного странная. Глаза у нея теперь точно затуманились. Но она будетъ для дѣтей хорошей матерью, а это самое главное».

Возвратясь съ прогулки, онъ нашелъ домъ запертымъ. Онъ постучалъ, но никто ему не отпиралъ. Тогда онъ обошелъ кругомъ, намѣреваясь пройти черезъ часовеньку. Но она была заперта изнутри.

Онъ уже собирался снова возвратиться назадъ, какъ вдругъ ему показалось, что во дворѣ послышался голосъ его жены.

— Отвори, Мануэлита!

Она въ это время сидѣла на ступенькахъ часовеньки. Услыхавъ его голосъ, она тотчасъ же поднялась и отперла дверь. Потомъ она, шатаясь, отступила назадъ. Ея глаза какъ-то странно сверкали и казались глазами не то больной въ бреду, не то сумасшедшей. Сколько разъ онъ видалъ такіе глаза со своего судейскаго кресла, въ качествѣ защитника общества.

— Мануэлита, что съ тобою?

Онъ хотѣлъ взять ее за руку, но она инстинктивно поднесла ее ко рту. Онъ приблизился къ ней и, почувствовавъ запахъ вина, тотчасъ же угадалъ ужасную истину. Въ то время, когда жена, отступая назадъ, выронила изъ руки камешки, онъ испыталъ то же чувство, какое испытала она когда-то, получивъ его письмо съ отказомъ: ему казалось, будто онъ со скалы на скалу падаетъ въ пропасть и, наконецъ, разбивается, упавъ на дно.

Пер. съ итальянск. Н. Кибальчичъ.

ЧЕРНАЯ ДАМА.

Идетъ увѣренно и прямо
Въ часы полночной тишины
Изъ темныхъ залъ сѣдая Дама.
Одежды легкія черны.
Черна мечтательная Дама
Въ часы полночной тишины...

Въ уютѣ маленькой гостиной,
Среди застѣнчивыхъ цвѣтовъ
Проходитъ Дама, и въ старинный
Она скрывается альковъ—
Въ уютѣ маленькой гостиной,
Среди застѣнчивыхъ цвѣтовъ...

Быть можетъ, странное видѣнье
Въ своихъ причудахъ ночь сплела?..
Но повторяютъ зеркала
Печальной Дамы отраженье,
И угасающая мгла
Скрываетъ легкое видѣнье...

Олегъ Леонидовъ.

* *
*

Я тоскую по ширп зеленыхъ полей,
По немолчному говору стараго сада,
По лужайкѣ, гдѣ вьется игривый ручей
И гдѣ звонко чему-то смѣется наяда.

Я тоскую по рощѣ столѣтнихъ дубовъ,
По цвѣтамъ, наклоненнымъ надъ дикимъ оврагомъ,
По скользящимъ тѣнямъ золотыхъ облаковъ
И по тихимъ, навѣяннымъ грезами сагамъ...

По таинственнымъ сказкамъ волшебныхъ ночей,
Завороженныхъ мѣсяца жуткою властью,
И по пѣснямъ, что ночью поетъ соловей
— И по счастью, по счастью, по счастью!..

Вѣра С.

---

* * *

Я въ церквахъ давно не молилась,
Я иконъ не цѣловала долго,
Но сошла ко мнѣ Божья милость—
Приманила синяя Волга.

Я съ котомкой хожу по селамъ,
Пѣсню въ ладъ колокольнымъ звонамъ
Въ сердцѣ свѣтломъ, весеннемъ, веселомъ
Выношу къ берегамъ зеленымъ.

Не пойду къ городамъ стотрубымъ,
А носить переставутъ ноги,
Я платкомъ призакроюсь грубымъ
И лягу съ краю дороги.

Р.

МАТЬ.

Разсказъ Карины Михаэлисъ.

Вы знаете Каиръ? Ни въ одномъ городѣ нѣтъ такого голубаго неба и такихъ ярко-красныхъ фесокъ. И пахнетъ въ этомъ городѣ всегда, чудесно пахнетъ свѣже-скошеннымъ сѣномъ. Вокругъ сада Эсбекджэ расположены большіе отели, роскошнѣйшіе въ цѣломъ мірѣ. Кричатъ маленькіе сѣрые ослики, расхаживаютъ по улицамъ верблюды. Гуляютъ красивыя женщины, ведя за собою на ленточкахъ блѣдно-алыхъ, на высокихъ ногахъ, фламинго. Солнце играетъ на цѣпочкахъ изъ цвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, которыя милліонами продаютъ мѣстнымъ жителямъ и иностранцамъ—и которыя фабрикуются въ Тюрингіи. На открытыхъ, поросшихъ травой площадяхъ, на перекресткахъ четырехъ улицъ, лежатъ арабы и ѣдятъ лукъ и нерецъ, обмакивая ихъ въ растительное масло. Отъ всего города вѣетъ довольствомъ и покоемъ. Казалось бы, при такихъ условіяхъ должно явиться желаніе основаться здѣсь, поселиться здѣсь навсегда; а между тѣмъ, вы этого не дѣлаете. Почему? Рѣка виновата. Рѣка втягиваетъ въ себя, увлекаетъ съ собой. На югъ—въ Луксоръ и Филэ; на сѣверъ — въ европейскія страны, гдѣ культура стоитъ высоко, гдѣ большинство людей умѣютъ читать и писать.

Мы жили за садомъ Эсбекджэ, въ французскомъ пансіонѣ. Это было какъ разъ въ тотъ годъ и въ тотъ мѣсяцъ, когда разразилась война между Россіей и Японіей. За табльдотомъ собирались представители всѣхъ націй. Арабы въ длинныхъ шелковыхъ халатахъ, напоминающихъ кителя нашихъ врачей, прислуживали намъ. Послѣ обѣда всѣ переходили въ большой салонъ напротивъ столовой, гдѣ, за кофе, пѣли, играли, флиртировали и разсказывали анекдоты.

Климатъ въ Каирѣ чудесный. Прелестные ясные дни, прохладныя ночи. Только сейчасъ послѣ заката поднимается иногда морской вѣтеръ, сырой и холодный, загоняющій людей въ дома. Вечеромъ въ Каирѣ, если не считать большихъ отелей и тѣхъ кварталовъ, куда не водятъ дамъ, скука страшная. Вечерами мы всего охотнѣе сидѣли дома, и хотя нашъ пансіонъ былъ очень скромный, космополитическое общество, собравшееся тамъ, было на рѣдкость привлекательное.

Былъ тамъ англичанинъ, писавшій сочиненіе по исторіи искусствъ и уже нѣсколько лѣтъ занимавшійся изученіемъ надписей на массивныхъ стѣнахъ Карнакскаго храма, понемногу освобождаемыхъ изъ объятій сыпучихъ песковъ. Были два римскихъ прелата, чаровавшіе нашъ слухъ и зрѣніе краснорѣчивыми и полными достоинства бесѣдами о сравнительной цѣнности міровыхъ религій, которыя они, съ изящнѣйшими жестами, повергали къ стопамъ Пресвятой Дѣвы и его святѣйшества Папы. Была пожилая нѣмка, собирательница народныхъ пѣсенъ, намѣревавшаяся проѣхать въ Суданъ, чтобы тамъ поискать оригинальныхъ мелодій. Было нѣсколько парочекъ молодоженовъ—шведовъ и французовъ. Были два японца, похожіе другъ на друга, какъ близнецы. Были красавица американка и молодой художникъ, русскій. Общество было «смѣшанное», но въ хорошемъ смыслѣ этого слова. Ни одинъ изъ насъ не былъ претенціозенъ или чѣмъ бы то ни было непріятенъ другимъ.

Все шло отлично—до извѣстія о томъ, что русскій флотъ находится на пути къ театру военныхъ дѣйствій. Это извѣстіе внесло тревогу въ нашъ мирный лагерь. До тѣхъ поръ мы говорили о войнѣ спокойно и безстрастно, какъ говорятъ о непрочитанной книгѣ, или о пьесѣ, которая дается въ другомъ городѣ. Но теперь каждый счелъ необходимымъ стать на ту или другую сторону.

Маленькіе японцы оба вели себя тактично и сдержанно; только улыбающіеся глаза выдавали ихъ тайную радость по поводу того, что симпатіи обитателей пансіона главнымъ образомъ на сторонѣ ихъ государства.

Молодой русскій—назовемъ его хоть Каринымъ—съ каждымъ днемъ становился блѣднѣй и нервнѣе. Онъ всегда былъ застѣнчивъ, а теперь казался почти запуганнымъ. За обѣдомъ онъ забывалъ о ѣдѣ и сидѣлъ потупившись; и губы его иной разъ начинали дрожать, какъ у ребенка, который вотъ-вотъ расплачется. А иногда онъ такъ крѣпко сжималъ въ рукахъ ножикъ и вилку, что косточки пальцевъ выступали наружу бѣлыми пятнами.

Это бывало, когда разговоръ принималъ слишкомъ руссофобскій характеръ. Съ перваго же дня я прониклась къ нему какимъ-то материнскимъ состраданіемъ, и, хотя разница лѣтъ между нами была не такъ ужъ велика, у меня нерѣдко являлось такое чувство, какъ будто онъ ищетъ у меня защиты противъ чего-то, мнѣ невѣдомаго.

Кожа у него была удивительно бѣлая, матовой бѣлизны, какъ лепестки камелій. Такой тонъ кожи я до сихъ поръ видала только у женщинъ съ волосами цвѣта вороньяго крыла и еврейской кровью въ жилахъ. Онъ былъ блондинъ; взглядъ у него былъ грустный, унылый, какъ видъ большихъ рѣкъ, протекающихъ черезъ безотрадно убогія и скудныя мѣстности. Я сразу чутьемъ угадала, что онъ—потомокъ вырождающаго стариннаго рода, и что онъ боленъ.

Самъ онъ никогда не вмѣшивался въ разговоръ. Когда кто-нибудь обращался къ нему, легкая краска смущенія выступала на всемъ его лицѣ—не только на щекахъ—и губы начинали дрожать. Но это скоро проходило; онъ оживлялся и заинтересовывался разговоромъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась война, о чемъ бы мы ни говорили за столомъ—о сѣверномъ ли полюсѣ, или о могилахъ гуриовъ,—въ концѣ концовъ бесѣда неизбѣжно сводилась на Россію и Японію, и съ каждымъ днемъ споры становились рѣзче и несдержаннѣе.

Однажды вечеромъ, когда мы собирались встать изъ-за стола, произошло нѣчто необычайное: молодой русскій неожиданно уронилъ голову на столъ и разрыдался. Казалось, онъ утратилъ всякое самообладаніе и плакалъ горькимъ, надрывающимъ сердце плачемъ, какъ малое дитя. Для всѣхъ насъ это было очень тягостное зрѣлище. Наконецъ, у него вырвались отрывочныя фразы: «Мой послѣдній братъ ушелъ на войну... я получилъ телеграмму... Если мы оба умремъ, мать останется совсѣмъ одна... Насъ было пятеро... троихъ ужъ нѣтъ... Я самъ конченый человѣкъ... она останется совсѣмъ одна... о, она не вынесетъ!..»

Съ этого дня мы уже не упоминали о войнѣ. На другое же утро оба японца исчезли. Я видѣла ихъ на террасѣ Шепгердъ-отеля. Они учтиво раскланялись, высокомѣрно и тонко улыбаясь.

Каринъ не показывался за табльдотомъ. Онъ расхворался. Посылали за докторомъ, и по лицу доктора мы видѣли, что дѣло плохо.

На слѣдующей недѣлѣ мы должны были ѣхать южнѣе, въ

Луксоръ. Но до отъѣзда я каждый день подолгу сидѣла у него. Онъ лежалъ, не двигаясь, и, несмотря на запретъ врача, не выпускалъ изо рта папироски. Онъ привезъ съ собой собственныя подушки и одѣяла. Дорогія кружева и искусно вышитые гербы на наволочкахъ еще болѣе укрѣпили меня въ моемъ предположеніи, что онъ происходитъ изъ стариннаго рода. Вечеромъ, наканунѣ нашего отъѣзда, у него былъ страшный жаръ; онъ былъ очень возбужденъ, но, тѣмъ не менѣе, умолялъ меня не уходить, такъ какъ ему надо о чемъ-то переговорить со мной. И все боялся, какъ бы намъ не помѣшали. «Вѣдь мы видимся въ послѣдній разъ, и вы—единственный человѣкъ, съ которымъ я могу говорить. Всѣ остальные только раздражаютъ меня. А вашъ голосъ похожъ на голосъ моей матери...».

Нѣкоторое время онъ лежалъ молча, видимо собираясь съ силами, чтобы начать.

— Если вы когда-нибудь поѣдете въ Россію, прошу васъ, навѣстите мою мать и разскажите ей обо мнѣ. Скажите ей... разскажите ей обо мнѣ...

Онъ далъ мнѣ адресъ своей матери.

— Вы вѣрите въ сверхъестественное?

Я отвѣтила уклончиво.

— Случалось вамъ пережить что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Ничего значительнаго. А вамъ?

Онъ приподнялся, опершись на локоть, посмотрѣлъ на меня и кивнулъ головой. Потомъ сталъ разсказывать.

— Въ нашей семьѣ наслѣдственны душевныя болѣзни. Душевныя болѣзни и художественныя наклонности. Мы всѣ такъ чувствительны, такъ воспріимчивы; мы не переносимъ ни шума, ни гнѣва. Поэтому намъ трудно быть съ людьми. Можетъ быть, это оттого, что мы ужъ болѣе двухсотъ лѣтъ живемъ все на одномъ и томъ же мѣстѣ, на берегу Волги. Все состарилось вокругъ насъ и никто изъ насъ не желалъ новаго. О, эта тишина... Я день и ночь тоскую по ней. Только у пирамидъ, когда зайдетъ солнце и всѣ люди уходятъ, только тамъ бываетъ такая тишина. Но тамъ нѣтъ Волги... нѣтъ нашей рѣки... Нилъ тревожитъ меня... всѣ эти пароходы, на которыхъ люди поютъ и танцуютъ...

Я художникъ, но писать я могу только на родинѣ. И только Волгу и руки моей матери... Это мама виновата, что я сталъ художникомъ. «Что ты все сидишь и глядишь на мои руки?—бывало, говорила она.—Ты бы лучше нарисовалъ ихъ—такъ лучше будетъ». Не могъ же я отвѣтить: «Я гляжу на

твои руки, потому что мнѣ нестерпимо смотрѣть на твои темные очки, какіе носятъ только слѣпые».

Такъ я сдѣлался художникомъ. Но не удивительно ли, что мнѣ даже въ голову не пришло спросить: «Откуда же ты знаешь, что я все смотрю на твои руки? Вѣдь ты слѣпа». Прямо таки въ голову не приходило. И потомъ, мама, очевидно, чувствовала, что я смотрю на ея руки. Такихъ другихъ рукъ нѣтъ на свѣтѣ—такихъ печальныхъ и тихихъ. Онѣ не могутъ забыть — не могутъ забыть всѣхъ тѣхъ, кого онѣ касались. Я смотрѣлъ на моихъ умершихъ братьевъ и плакалъ надъ ними, но гладить и ласкать ихъ мертвыхъ, въ гробу, какъ это дѣлала мама—нѣтъ, этого я не могъ. Нехорошо это было съ моей стороны. Но я не могъ... Не скажи мнѣ мама тогда этихъ словъ, я, вѣроятно, сталъ бы писателемъ, поэтомъ. Я все писалъ сонеты—даже во снѣ. Съ пятнадцати и до девятнадцати лѣтъ я жилъ и дышалъ сонетами. Я сочинялъ ихъ тысячами. Бывало, пока записываю одинъ, въ головѣ уже складывается другой. Меня самого страшно это утомляло, но я не зналъ, какъ отъ этого отдѣлаться. Меня пытались отвлечь отъ этого музыкой, игрой на роялѣ, но подъ музыку у меня еще быстрѣе слагались въ головѣ стихи, и все въ формѣ сонетовъ. Разумѣется, это тоже своего рода болѣзнь. Мы говорили объ этомъ съ однимъ врачемъ. Но этотъ врачъ—деревенскій житель, не бывалъ въ большихъ городахъ; ему знакомы лишь недуги тѣла. Онъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать путешествовать. А за спиною матери онъ совѣтовалъ мнѣ другое...

Молодой человѣкъ схватился за голову, словно силясь освѣжить пылающіе виски.

— Вы понимаете меня? Не сердитесь? Нѣтъ, не правда ли? Онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Парижъ и «жить»... Это, молъ, будетъ полезно для всего моего организма. Но я всегда боялся женщинъ. И не могъ оставить мать, мою бѣдную слѣпую маму. Въ то время я еще не зналъ...

Отецъ мой умеръ, умерли и двое старшихъ братьевъ. Василій былъ въ Крыму, младшій, Сергѣй—въ кадетскомъ корпусѣ, отданный туда противъ воли. Какъ онъ молилъ, чтобъ его не отдавали въ корпусъ, но мама все-таки услала его изъ дому. Она забрала себѣ въ голову, что онъ умретъ, если не останется дома. И онъ уѣхалъ. Но его письма... У меня сердце плачетъ, когда я вспоминаю его письма. Жизнь въ кадетскомъ корпусѣ такая суровая. Все ему тамъ не нравилось, все было не по душѣ. У Сергѣя было такъ много общаго со мной...

Потомъ пришло письмо. «Скажи матери, что я умру, если не вернусь домой». Я пошелъ къ мамѣ, сталъ на колѣни передъ ея большимъ кресломъ и со слезами выговорилъ: «Позволь Сережѣ вернуться, а то нехорошо будетъ»... Мать поднялась и выпрямилась вся... какъ тогда, когда выносили гробы... Всѣ плакали, только она одна не плакала. Но зато въ ночь передъ погребеніемъ она всегда оставалась одна при покойникѣ... И теперь она только сказала: «Да, да, пусть онъ пріѣдетъ... Знаешь, Алеша, зачѣмъ онъ ѣдетъ домой? Умирать. Что-жъ! Пусть ѣдетъ. Что пользы прать противъ рожна?»..

Въ тотъ же вечеръ я послалъ телеграмму, но было уже поздно. Мой бѣдный маленькій Сережа не выдержалъ и застрѣлился... Домой его привезли уже въ гробу.

Въ эту ночь мать попросила меня вмѣстѣ съ нею побыть у тѣла Сергѣя. Только мы двое и были при немъ... Но въ эту ночь во всей усадьбѣ никто не ложился. Я зналъ это, угадывалъ...

Въ эту ночь мама сняла темные очки... И я увидѣлъ, что она не была слѣпа. Ея глаза были свѣтлые, какъ листья серебристаго тополя, но они видѣли ясно. Мама едва держалась на ногахъ; я почти поднесъ ее къ открытому гробу. И тутъ она закричала: «Я хочу видѣть моего мальчика. Хочу наглядѣться въ послѣдній разъ на моего Сереженьку, моего младшенькаго, самаго моего любимаго...

Мама не была слѣпа. Но у меня было такое чувство, какъ будто она до сихъ поръ все время была зрячей и только въ эту ночь ослѣпла...

Ни разу мать не взглянула на меня. Ни единаго раза. Она смотрѣла только на Сережу. О, какъ она ласкала его, какъ нѣжно ласкала! Казалось, онъ, хоть и мертвый, долженъ былъ почувствовать это.—

Карпъ откинулся назадъ, на подушки. И нѣкоторое время лежалъ молча, глядя въ потолокъ. Я уже думала, что онъ позабылъ о моемъ присутствіи.

— Знаете,—началъ онъ вдругъ,—когда я смотрю на людей, я смотрю не на носъ ихъ, не на ротъ, не на глаза, а только на бабочку...

Я была убѣждена, что онъ бредитъ. Но онъ продолжалъ:— Вы этого не замѣчали. Въ лицѣ каждаго человѣка можно разглядѣть какое-нибудь большое насѣкомое съ распростертыми крыльями; по большей части, это — обыкновенный мотылекъ, или ночная бабочка, а иногда и нѣчто болѣе непріятное—

саранча, или летучая мышь. Въ самомъ дѣлѣ, вы этого не замѣчали? И всего удивительнѣе, что красота этого насѣкомаго зависитъ отъ свойствъ души человѣка, а не отъ чертъ лица. У людей, отъ природы добрыхъ, бабочка всегда красива, хотя бы сами они были и безобразны. И наоборотъ...

Можетъ быть, это у меня материнское наслѣдство—способность видѣть это. Конечно, это тоже своего рода душевная болѣзнь, но совершенно безвредная. Въ вашемъ, напримѣръ, лицѣ живетъ большая ночная бабочка, и это говоритъ мнѣ, что въ душѣ вы тихая и застѣнчивая, какъ и я, хоть вы и кажетесь всегда веселой. Развѣ я не правду говорю?

Я, молча, отвернулась, и онъ продолжалъ:—Мать моя была совсѣмъ молоденькой дѣвушкой, когда за нее посватался князь Каринъ. Жизни она совсѣмъ не знала, но была набожна и покорна родительской волѣ. И согласилась потому, что отецъ ея желалъ этого брака. Незадолго до свадьбы она была въ церкви и горячо молилась. Но вдругъ заволновалась и поникла головкой.—«Что съ тобою»?—спросилъ ея отецъ.—«Подними голову. Стой прямо». Она повиновалась, но въ душѣ говорила себѣ: «Батюшка скоро умретъ. Я по лицу его вижу, что онъ скоро умретъ». Кромѣ нея, никто этого не видѣлъ. Но въ ту же ночь старикъ священникъ умеръ отъ разрыва сердца.

Можетъ быть, это была простая случайность, но мама была тогда такъ молода; ею овладѣлъ страхъ, такъ какъ она видѣла то, что не было видимо другимъ глазамъ. Видѣла въ лицѣ священника что-то особенное, тѣнь, или что-то въ этомъ родѣ, не мертвую голову—нѣтъ... не то...

Потомъ она вышла замужъ. Однажды вечеромъ, когда у нея было уже четверо дѣтей, она играла съ двумя младшими на берегу Волги. Рѣка протекаетъ вплотную мимо нашего парка, деревья склоняются надъ самой водой; въ бурю вѣтеръ такъ шумитъ ихъ вершинами, что, кажется, насталъ часъ кончины міра. Свѣтила луна, и мама, чтобъ позабавить дѣтей, танцовала на лугу. Въ то время она носила волосы заплетенными въ двѣ тяжелыхъ косы, висѣвшихъ вдоль спины: онѣ были слишкомъ тяжелы, что-бы устраивать изъ нихъ прическу. И вдругъ ей почудились на дѣтскихъ личикахъ какія-то страшныя тѣни, словно отъ деревьевъ, или отъ облаковъ. Она перестала танцовать и заплакала. Она знала теперь, что ея младшія дѣти оба умрутъ, и спасенія для нихъ нѣтъ.

Отецъ просилъ ее не говорить такого вздора, не то онъ пошлетъ за докторомъ. И она замолчала. Но дѣти все же

умерли; одному было всего пять лѣтъ, другому семь. Мать отъ горя заболѣла. И рѣшила, что больше у нея не будетъ дѣтей; но все таки родила еще одного сына, Сережу.

Мама купалась въ снѣгу, чтобы стать здоровой и сильной, и насъ, дѣтей, тоже каждое утро голенькими катали въ снѣгу. Однажды, зимой, мать съ отцомъ поѣхали кататься. Мама была въ новой собольей шубкѣ; серебряные колокольчики у саней, такіе же древніе, какъ наше помѣстье и настроенные въ одинъ тонъ съ церковными колоколами, звенѣли красиво и нѣжно. Въ лѣсу зимой совсѣмъ тихо. Слышно только, какъ гнутся вѣтви подъ тяжестью снѣга, и этотъ звукъ походитъ на вздохъ.

Какая-то птица перелетѣла черезъ дорогу. Мать посмотрѣла ей вслѣдъ и при этомъ увидала лицо отца. И, вдругъ, вся кровь въ ней застыла; сердце перестало биться.—«Поворачивай домой!» крикнула она. «Скорѣе! Мнѣ нездоровится!» Но это была неправда. По лицу отца она увидала, что онъ скоро умретъ.

И онъ умеръ, недѣлю спустя. Мать надѣла траурное платье и длинный, до земли, черный вдовій вуаль. Она была до того напугана, что не смѣла глядѣть на своихъ дѣтей. У нея было такое чувство, что, стоитъ ей взглянуть на насъ, какъ покажется роковая тѣнь, и мы должны будемъ умереть. Она хотѣла утопиться, но во время вспомнила, что дѣти могутъ прожить безъ отца, но не безъ матери.

Она съѣздила въ Петербургъ, въ Москву, въ Парижъ и всюду совѣтовалась съ лучшими врачами. Всѣ они говорили: «Пустяки. Это просто нервность. Воображеніе! Старайтесь совсѣмъ не думать объ этомъ!». Наконецъ, въ Швейцаріи она столкнулась съ умнымъ врачемъ, который сказалъ ей: «Разумѣется, вы—душевно-больная. Но запирать насъ въ домъ умалишенныхъ нѣтъ смысла. Это бываетъ, когда въ семьѣ часто женятся на племянницахъ и кузинахъ, и когда родъ, вообще, вырождается».

Мама спросила: «Что же мнѣ теперь дѣлать? Хоть бы ослѣпнуть—тогда я, по крайней мѣрѣ, не видѣла бы этой тѣни...» И въ тоскѣ молила врача, чтобы онъ ослѣпилъ ее. Онъ посовѣтовалъ ей носить темные очки, если она такъ ужъ боится. Вѣдь она можетъ снимать ихъ, когда ей угодно.

Цѣлый годъ мама пробыла одна за границей и еще до возвращенія ея къ намъ пришелъ слухъ, что она слѣпнетъ. Съ тѣхъ поръ мы видѣли ее только въ черныхъ очкахъ, стекла которыхъ были такъ устроены, что они совершенно закрывали глаза. Я думаю, мама постепенно и сама забыла, что она не слѣпая.

Потомъ пришлось уѣхать Василію. Онъ былъ самый живой и веселый изъ насъ. Мама поцѣловала его и сказала: «Живи спокойно. Не думай объ насъ слишкомъ много. Вѣдь со мной остаются Сергѣй и Алеша».

Но однажды Сергѣй простудился и захворалъ. Мать сидѣла надъ нимъ ночью и не удержалась отъ искушенія на минутку сдвинуть очки, чтобы взглянуть на него. И, быть можетъ, просто оттого, что глаза ея отвыкли отъ свѣта, но только ей показалось, что по лицу больного скользнули двѣ большія черныя тѣни—словно тѣни пролетѣвшихъ двухъ птицъ. Она не могла сказать навѣрное, видѣла ли она на его лицѣ эти тѣни смерти, или ей только почудилось, но она такъ испугалась, что рѣшила услать его изъ дому.—

Каринъ разсказывалъ мнѣ все это тихимъ и ровнымъ голосомъ, которому его иностранный акцентъ и порой неумѣлые обороты французской рѣчи придавали чарующе-трогательную прелесть. Мнѣ хотѣлось взять въ свои руки его голову и поцѣловать его, какъ поцѣловала бы его мать, если бы она была здѣсь. Но тотчасъ же мнѣ вспомнилось, что онъ молодой человѣкъ, а я молодая женщина, и что это не принято.

Каринъ снва закурилъ папироску. Вся комната была теперь наполнена дымомъ. Его, повидимому, очень облегчило, что онъ нашелъ человѣка, которому могъ высказаться, отвести душу.

— Все это разсказала мнѣ мама въ ту ночь, у гроба Сережи. И стала просить меня уѣхать, говоря: «Сергѣй былъ мой любимецъ. Послѣ него ты всѣхъ ближе моему сердцу. Я уже старѣюсь и у меня нѣтъ силы поступить такъ, какъ велитъ мнѣ долгъ. Но я знаю, что ты будешь жить. Пока вы оба, ты и Вася, живы, хотя бы вы были и вдали отъ меня, я не буду чувствовать себя одинокой. Поѣзжай, сынъ мой. Поѣзжай, ради меня».

Я обѣщалъ, но взялъ съ мамы слово, что она больше не будетъ носить этихъ ужасныхъ черныхъ очковъ и будетъ каждый день гулять у рѣки, подъ старыми большими деревьями... И я знаю: она держитъ слово. Мама каждый день пишетъ мнѣ: я живу только для нея, и она для меня. Но я давно знаю, что мнѣ недолго жить, и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ была мысль, что у нея останется Василій. Онъ прошлой весной женился и хотѣлъ побывать дома, чтобы показать матери свою невѣсту, но мама просила его не пріѣзжать. А теперь онъ ѣдетъ на смерть... И я умру, и мать останется совсѣмъ одна...

Въ пансіонѣ никто объ этомъ не подозрѣваетъ, иначе они не желали бы такъ горячо побѣды Японіи... Отсюда такъ далеко до Россіи. Мама не увидитъ въ гробу ни Василія, ни меня...

Полчаса спустя мы разстались. Карпнъ лежалъ спокойно и съ улыбкой перечитывалъ письма своей матери. На другое утро мы уѣхали въ Луксоръ.

Когда мы, мѣсяцъ спустя, вернулись въ Каиръ, Карпна уже похоронили. Съ матерью его я не видалась. Мнѣ такъ и не случилось побывать въ Россіи.

Перев. съ нѣм. З. Журавская.

ДВЕРЬ ВЪ СТѢНѢ.

Разсказъ Х. Г. Уэллса.

I.

Однажды вечеромъ, въ минуту откровенности—всего какихъ-нибудь три мѣсяца назадъ—Ліонель Уоллэсъ разсказалъ мнѣ эту исторію про дверь въ стѣнѣ. И въ тотъ вечеръ я думалъ, что исторія эта, поскольку она касается его самого, правдива.

Онъ разсказывалъ такъ просто, искренно и убѣдительно, что я не могъ ему не вѣрить. Но на другой день утромъ, припоминая все разсказанное, я уже вѣрить не могъ. Теперь, когда я не слышалъ его гипнотизирующаго, серьезнаго голоса, когда передо мной не было затѣненной абажуромъ лампы, свѣтъ которой падалъ только на столъ, окутывая насъ обоихъ тѣнью, не было и всей этой пріятной обстановки—бѣлой скатерти на столѣ, за которымъ мы только что пообѣдали, стакановъ, десерта,—на время отрѣзавшей насъ отъ обыденной дѣйствительности, то, о чемъ онъ разсказывалъ, представлялось мнѣ совершенно невѣроятнымъ. «Онъ мистифицировалъ меня» — говорилъ я себѣ. И тутъ же прибавлялъ: «какъ онъ чудесно это сдѣлалъ!.... Вотъ ужъ отъ него меньше всего можно было этого ожидать».

Позже, сидя въ постели и прихлебывая свой утренній чай, я пытался объяснить себѣ непонятный для меня привкусъ реальности въ этихъ невозможныхъ переживаніяхъ предположеніемъ, что, быть можетъ, мой пріятель хотѣлъ такимъ образомъ изобразить, символизировать, повѣдать мнѣ—я не умѣю найти нуж-

наго слова—такія свои переживанія, о которыхъ въ иной формѣ онъ мнѣ сказать не могъ.

Теперь я уже не ищу объясненій. Я преодолѣлъ свои сомнѣнія и вѣрю, какъ вѣрилъ, слушая Уолляса, что онъ добросовѣстно, поскольку это было въ его силахъ, старался открыть мнѣ свою тайну. Но видѣлъ ли онъ самъ, или ему только казалось, что онъ видитъ, или же былъ жертвой фантастическаго сна—я не берусь угадывать. Даже обстоятельства его смерти, разъ навсегда положившей конецъ моимъ сомнѣніямъ, не бросаютъ свѣта на этотъ темный пунктъ.

Пусть-же читатель судитъ самъ.

Теперь ужъ я не помню, какая фраза, случайно сказанная мной, или какое мое критическое замѣчаніе по поводу его поступковъ побудили этого сдержаннаго человѣка довѣриться мнѣ. Кажется, онъ защищался отъ обвиненія въ слабости, по поводу одного крупнаго общественнаго дѣла, въ которомъ отъ очень разочаровалъ меня. И вдругъ брякнулъ.

— Дѣло въ томъ, что я... что мои мысли заняты другимъ...

— Я знаю,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—что я небрежно относился къ дѣлу. Но, видите ли—это не то, что призракъ, или привидѣніе... Тебѣ покажутся странными мои слова, Редмондъ, но—я точно околдованъ. Со мной точно какое-то наваожденіе, отъ котораго меркнетъ все вокругъ, которое наполняетъ меня тоской желанія...

Онъ запнулся, съ характерной для англичанина застѣнчивостью, часто нападающей на насъ, когда намъ приходится говорить о чувствахъ, объ утратѣ или о красотѣ. Потомъ продолжалъ: «Вѣдь мы вмѣстѣ были въ Сентъ-Эгельстанѣ... Ну такъ вотъ»...—И опять запнулся. Помолчавъ немного, онъ, вначалѣ сдержанно, потомъ свободнѣе, сталъ разсказывать мнѣ о такой сторонѣ своей жизни, которой никто не зналъ. Его преслѣдуетъ воспоминаніе о красотѣ и счастьѣ, наполняющее сердце его неутолимой тоской—воспоминаніе, на столько захватившее его, что рядомъ съ нимъ всѣ обычные человѣческіе интересы и самая жизнь кажутся ему суетными, надоѣдливыми, скучными.

Теперь, когда у меня есть ключъ къ разгадкѣ, я припоминаю, что это его душевное состояніе можно было угадать и по его лицу. У меня есть его фотографическая карточка, на которой уловлено и закрѣплено это не здѣшнее выраженіе, эта отрѣшенность отъ міра. И мнѣ припоминается, что о немъ однажды сказала женщина, очень любившая его: «Онъ такой странный:

говорить съ вами и вдругъ—совершенно перестаетъ интересоваться вами. Забываетъ о вашемъ присутствіи, какъ будто васъ и на свѣтѣ нѣтъ,—хотя вы сидите тутъ-же, рядомъ съ нимъ...»

Однако, онъ не всегда относился безъ интереса къ окружающему. Когда ему удавалось сосредоточить на чемъ-нибудь свое вниманіе, онъ могъ достигнуть многаго. Вся его карьера была блестящая, полная успѣховъ. Меня онъ сразу обогналъ и далеко оставилъ за собою. Ему не было и сорока лѣтъ, а, говорятъ, что въ новомъ кабинетѣ, будь онъ живъ, онъ непремѣнно получилъ бы портфель министра. И въ школѣ онъ всегда опережалъ меня, безъ всякаго усилія—какъ будто такъ и слѣдовало. Въ коллегію Сентъ-Этельстана въ Западномъ Кенсингтонѣ мы съ нимъ поступили одновременно и одинаково успѣшно держали экзамены, но тамъ онъ совсѣмъ затмилъ меня, сразу выдвинувшись своими блестящими способностями. А, между тѣмъ, думается мнѣ, и я былъ по способностямъ не изъ послѣднихъ. Въ школѣ же я и услыхалъ впервые о «Двери въ Стѣнѣ»—о которой мнѣ довелось услыхать вторично всего лишь за мѣсяцъ до смерти Ляйонеля.

Для него, по крайней мѣрѣ, эта «Дверь въ Стѣнѣ» была реальной дверью, ведущей сквозь настоящую стѣну въ царство безсмертныхъ реальностей. Въ этомъ я вполнѣ увѣренъ.

Это вошло въ его жизнь давно-давно, когда онъ еще былъ мальчуганомъ лѣтъ пяти-шести. Дѣлая мнѣ свои признанія, онъ медлительно и важно соображалъ и вычислялъ, стараясь установить, когда это съ нимъ началось.—Помню,—говорилъ онъ,—тамъ была ящерица, вся малиновая, ровнаго ярко малиноваго цвѣта, такъ отчетливо выдѣлявшаяся, въ янтарномъ солнечномъ свѣтѣ, на бѣлой стѣнѣ. Почему-то я обратилъ на это вниманіе, и она врѣзалась мнѣ въ память: почему именно—теперь уже не помню. И еще тамъ были листья дикаго каштана на плитахъ тротуара, возлѣ зеленой двери. Они были пожелтѣвшіе,—зеленые съ желтымъ, знаете, какъ бываетъ осенью—но не коричневые и не грязные, должно быть, недавно упавшіе. Изъ этого я заключаю, что дѣло было въ октябрѣ. Я каждый годъ теперь приглядываюсь, когда падаютъ листья дикаго каштана, и врядъ ли ошибаюсь. Мнѣ было тогда пять лѣтъ и четыре мѣсяца, или около того.

Ляйонель, по словамъ его, развивался чрезвычайно рано, выучился говорить чуть не на рукахъ у мамки и былъ такой здоровый, рослый мальчикъ, такой «старомодный ребенокъ», какъ его называли, что ему въ четыре года предста-

влялось гораздо больше свободы и самостоятельности, чѣмъ другимъ дѣтямъ въ семь-восемь лѣтъ. Мать его умерла, когда ему было всего два года, и онъ остался на попеченіи гувернантки, менѣе бдительной и менѣе для него авторитетной, чѣмъ мать. Отецъ его былъ адвокатъ, всегда угрюмый, озабоченный; онъ мало занимался сыномъ, но возлагалъ на него большія надежды. Несмотря на веселый характеръ ребенка, жизнь, я полагаю, должна была казаться ему немного сѣренькой и скучной. И вотъ, въ одно прекрасное утро онъ пошелъ странствовать.

Ляйонель не могъ припомнить, что именно его обидѣло и заставило уйти изъ дому, какъ не могъ припомнить и того, въ какую сторону онъ направился и по какой дорогѣ. Все это совершенно изгладилось изъ его памяти. Остались только бѣлая стѣна и зеленая дверь въ стѣнѣ: это отчетливо врѣзалось въ память.

Насколько онъ могъ возстановить въ воспоминаніи это ребяческое приключеніе, при первомъ же взглядѣ на зеленую дверь онъ ощутилъ какое-то особенное волненіе, влеченіе, желаніе подойти къ ней, отворить ее и посмотрѣть, что тамъ за нею. И въ то же время онъ чувствовалъ совершенно отчетливую увѣренность, что поддаваться этому влеченію онъ не долженъ, что это было бы не хорошо, или неблагоразумно съ его стороны. Разсказывая мнѣ объ этомъ, онъ подчеркивалъ, какъ курьезную деталь, что онъ съ самаго начала зналъ,—если только капризная память не обманываетъ его самымъ безжалостнымъ образомъ—что дверь была не заперта, и что онъ можетъ войти, если захочетъ.

Я какъ будто вижу передъ собой лицо этого мальчугана, котораго и тянетъ къ себѣ, и отталкиваетъ загадочная дверь. И еще—для него было совершенно ясно, хотя причины этого онъ мнѣ не объяснилъ, что отецъ его очень разсердится, если онъ войдетъ.

Уоллэсъ чрезвычайно подробно описывалъ мнѣ всѣ свои колебанія. Онъ прошелъ мимо двери, заложивъ руки въ карманы и съ дѣтской задорностью пытаясь насвистывать, и дошелъ до самаго конца стѣны. Тамъ было множество какихъ-то скверныхъ, грязныхъ лавочекъ; особенно ему запомнилась лавка лудильщика съ пыльнымъ хаосомъ глиняныхъ трубокъ, желѣзныхъ листовъ, крановъ, шариковъ, свернутыхъ роликами образчиковъ обоевъ и жестяной посуды. Онъ стоялъ и дѣлалъ видъ, будто разсматриваетъ весь этотъ хламъ, и въ то же

время страстно желалъ, жаждалъ, томился по зеленой двери. И вдругъ, въ приливѣ волненія, бѣгомъ кинулся къ ней, ловя моментъ, чтобы опять имъ не овладѣло колебаніе; бѣжалъ съ протянутой рукой, ударилъ ею о зеленую дверь, распахнулъ ее и тотчасъ захлопнулъ за собою. И въ то же мгновеніе очутился въ саду, по которомъ потомъ всю жизнь тосковалъ.

Уоллэсу было, видимо, очень трудно описать мнѣ въ точности, какимъ именно онъ увидѣлъ этотъ садъ. Въ самомъ воздухѣ его было что-то поднимающее, веселящее, вызывающее ощущеніе легкости во всемъ тѣлѣ и хорошее, бодрое настроеніе. Всѣ цвѣта и краски въ немъ почему-то казались особенно чистыми, яркими и даже какъ будто слегка лучистыми. Попадая въ этотъ садъ, вы испытывали восхитительную радость: такъ радуются люди въ этомъ мірѣ только въ рѣдкіе моменты, когда они еще молоды и склонны радоваться всему. И все въ этомъ саду было прекрасно...

Прежде, чѣмъ разсказывать дальше, Уоллэсъ немножко подумалъ и, начавъ, запнулся, какъ бы сознавая, что онъ разсказываетъ невѣроятное, и врядъ ли ему могутъ повѣрить.

— Видишь-ли... въ этомъ саду были двѣ большія пантеры... Да, да, пятнистыя пантеры. Тамъ была длинная, широкая дорожка съ цвѣтными клумбами по бокамъ, обложенными мраморомъ, и на этой дорожкѣ два огромныхъ, бархатныхъ звѣря играли въ мячъ. Одинъ изъ нихъ увидалъ меня и подошелъ ко мнѣ, повидимому заинтересованный. Прямо ко мнѣ подошелъ, ласково потерся своимъ большимъ мягкимъ ухомъ о мою ручонку и замурлыкалъ. Я же тебѣ говорю, садъ этотъ былъ волшебный. Я знаю. Ты хочешь знать, большой ли былъ садъ? О да! огромный. Онъ тянулся во всѣ стороны, куда глазомъ ни кинь. И, кажется, вдали были холмы. Одному Богу извѣстно, куда вдругъ исчезъ Западный Кенсингтонъ... И у меня было такое чувство, какъ будто я пришелъ домой.

— Какъ только за мною захлопнулась дверь, я въ тоже мгновеніе забылъ дорогу съ палыми листьями каштана, съ экипажами и телѣжками зеленщиковъ; забылъ, какъ меня передъ этимъ инстинктивно тянуло назадъ къ домашней дисциплинѣ и покорности, забылъ всѣ свои колебанія и страхи, забылъ скромность, забылъ все, что въ жизни считается реальнымъ и важнымъ. И сразу сталъ очень веселымъ и удивительно-счастливымъ маленькимъ мальчуганомъ—въ иномъ мірѣ. Это былъ міръ совсѣмъ иной, чѣмъ оставшійся за дверью: въ немъ было теплѣе, и свѣтъ былъ мягче и ярче, и въ воздухѣ разлита какая-то

особенная ясность и веселье, а на лазурномъ небѣ плавали островками пронизанныя солнцемъ облака. А передо мной убѣгала вдаль широкая, привѣтливая дорожка, съ красивыми куртинами по бокамъ, на которыхъ было множество роскошныхъ цвѣтовъ и ни одной сорной травки. Она словно манила пойти по ней. И около меня двѣ большія пантеры. Я безъ всякаго страха гладилъ ручонками ихъ бархатныя, мягкія спины и щекоталъ ихъ за ушами, и игралъ съ ними, и онѣ какъ будто поздравляли меня съ тѣмъ, что я пришелъ домой. Это ощущеніе, что я дома, было во мнѣ удивительно остро и ярко. И когда на дорожкѣ появилась высокая, красивая дѣвушка, съ улыбкой шедшая мнѣ навстрѣчу, и когда она меня подняла и поцѣловала, а загѣмъ поставила на землю, взяла за руку и повела, я нисколько не удивился, а только почувствовалъ, что такъ и надо, что мнѣ напомнили о счастьѣ, которое мнѣ по какой-то странной причинѣ забывали дать... Помню широкія красныя ступени между копій боярской спѣси: по этимъ ступенямъ мы поднялись въ широкую аллею очень старыхъ и очень тѣнистыхъ темныхъ деревьевъ. Вдоль всей аллеи, между красными, растрескавшимися отъ старости стволами, были нарядныя мраморныя скамьи и бѣлыя статуи, и бѣлые, ласковые, ручные голубки...

Моя новая пріятельница вела меня за руку по этой прохладной аллеѣ. Я смотрѣлъ на нее снизу вверхъ и видѣлъ милыя, привлекательныя черты лица, изящно вылѣпленный подбородокъ. Мягкимъ, ласковымъ, пріятнымъ голосомъ задавала она мнѣ вопросы и говорила мнѣ что-то пріятное—да, пріятное, хотя я никогда не могъ вспомнить, что̀ именно... Неожиданно съ сосѣдняго дерева спустилась къ намъ маленькая обезьянка, очень чистенькая, съ рыжевато-коричневой шерстью и кроткими газельими глазками, и побѣжала рядомъ со мной, заглядывая мнѣ въ глаза и скаля зубы. И вдругъ вскочила ко мнѣ на плечо. И такъ мы пошли дальше, оба очень счастливые...

Уоллэсъ остановился.

— Разсказывай дальше—сказалъ я.

— Помню мелкія детали. Помню старика, задумчиво сидѣвшаго между лавровыми деревьями, мимо котораго мы проходили; помню веселое мѣстечко, гдѣ порхали болтливые попугаи, помню большую тѣнистую колоннаду, ведущую къ большому прохладному дворцу, полному журчанья фонтановъ—полному всего, о чемъ только мечтаетъ человѣческое сердце. Тамъ было много людей; нѣкоторыхъ изъ нихъ я до сихъ поръ помню отчетливо, другихъ—довольно смутно; но всѣ эти люди добры и

прекрасны. Какимъ-то образомъ—я ужъ не знаю, какъ — мнѣ дано было понять, что они всѣ любятъ меня, рады моему приходу и каждое ихъ прикосновеніе, ихъ привѣтливые жесты и ласковые взгляды наполняли меня радостью. Да...

Онъ опять задумался.

— Были у меня тамъ и сверстники, товарищи игръ. Это для меня значило очень много, такъ какъ я росъ одинокимъ. Мы играли въ очаровательныя игры на поросшемъ травою дворѣ, посреди котораго, въ цвѣтахъ, были солнечные часы...

— Но—странно—тутъ опять пробѣлъ въ моей памяти. Я не могу припомнить, въ какія игры мы играли. И никогда не могъ. Ребенкомъ я долгіе часы проводилъ въ слезахъ, напрасно силясь припомнить это счастье. Мнѣ хотѣлось снова играть во всѣ эти игры—у себя въ дѣтской, одному. Но нѣтъ. Все, что у меня сохранилось въ памяти, это—ощущеніе счастья и двое милыхъ товарищей, которые все время были возлѣ меня... Потомъ пришла грустная темноволосая женщина, съ блѣднымъ, серьезнымъ лицомъ и мечтательными глазами, въ длинной мягкой одеждѣ свѣтло-алаго цвѣта; въ рукахъ у нея была книга. Она знакомъ подозвала меня и увела въ высокую галлерею. Мои товарищи огорчились, прекратили игру и смотрѣли мнѣ вслѣдъ, пока женщина уводила меня. «Возвращайся къ намъ!» кричали они. «Скорѣй возвращайся!» Я заглянулъ въ лицо женщинѣ, но она какъ будто не слышала. Лицо у нея было очень ласковое и серьезное. Она сѣла на скамью въ галлереѣ и положила книгу къ себѣ на колѣни; я стоялъ возлѣ нея. И вотъ, книга раскрылась. Она указывала мнѣ рукой на страницы, а я смотрѣлъ и дивился, потому что страницы эти были живыя, и книга эта была разсказъ обо мнѣ самомъ, и въ ней было все, что происходило со мною съ тѣхъ поръ, какъ я родился... И удивительно было мнѣ смотрѣть въ эту книгу, потому что на страницахъ ея были, понимаешь, не картины, а живая дѣйствительность.

Уоллэсъ остановился и серьезно посмотрѣлъ на меня.

Я сказалъ:—Разсказывай дальше. Я понимаю.

— Живая дѣйствительность... да, конечно такъ: тамъ была жизнь, движеніе, люди уходили и приходили; я видѣлъ свою милую маму, которую я почти забылъ; видѣлъ отца, суроваго, съ пегнущимся станомъ, прислугу, дѣтскую, всю знакомую обстановку моего дома. Потомъ входную дверь нашего дома и шумныя людныя улицы. Я смотрѣлъ, дивился и снова недовѣрчиво заглядывалъ въ лицо грустной женщинѣ и перевертывалъ страницы, пропуская по нѣсколько, чтобы поскорѣй

узнать, что будетъ дальше, и наконецъ дошелъ до самого себя, стоящаго въ нерѣшимости передъ зеленой дверью въ длинной бѣлой стѣнѣ, и снова почувствовалъ нерѣшительность, страхъ и борьбу.

— А дальше? — крикнулъ я и хотѣлъ перевернуть страницу, но грустная женщина удержала мою руку своей мягкой прохладной рукой.

— Дальше! Я хочу дальше!—настаивалъ я, мягко отстраняя ея руку и разжимая ея пальцы, насколько хватало моихъ ребяческихъ силъ; и, когда наконецъ, рука эта разжалась и страница перевернулась, она, какъ тѣнь, склонилась надо мною и поцѣловала меня въ лобъ.

На этой страницѣ не было ни волшебнаго сада, ни пантеръ, ни дѣвушки, ведущей меня за руку, ни товарищей, которымъ такъ не хотѣлось отпускать меня. Тамъ была длинная сѣрая улица въ Западномъ Кенсингтонѣ, въ холодный пасмурный предвечерній часъ, передъ тѣмъ, какъ зажигаютъ фонари, и былъ я—жалкая маленькая фигурка, плачущая навзрыдъ, потому что, какъ я ни старался, я не могъ удержать рыданій и плакалъ, вспоминая о моихъ милыхъ товарищахъ, которые звали меня: «Вернись къ намъ! Вернись поскорѣе!» А я былъ не съ ними; я былъ на улицѣ. Ибо это была уже не страничка изъ книги, а жестокая дѣйствительность: очарованный садъ и ласковая рука серьезной грустной женщины, удерживавшая меня, все исчезло—куда? зачѣмъ?

Онъ снова остановился и нѣкоторое время молча глядѣлъ въ огонь.

— О! какъ печально было это возвращеніе.

— Ну?—сказалъ я, подождавъ минуту-другую.

— Какой я былъ тогда маленькій и жалкій—и какъ мнѣ тяжко было возвращаться къ этому скучному, сѣрому міру!.. Когда я сознавалъ во всей полнотѣ случившееся со мной, я предался самому безудержному горю. До сихъ поръ меня жжетъ стыдомъ и униженіемъ этотъ громкій ревъ на улицѣ и это позорное возвращеніе домой. Какъ сейчасъ вижу добродушнаго пожилого джентльмена въ золотыхъ очкахъ, который остановился и заговорилъ со мной, предварительно ткнувъ меня зонтикомъ.— «Бѣдный мальчугашка!—ты, должно быть, заблудился?» — А вѣдь я былъ столичный мальчикъ, и мнѣ было тогда уже больше пяти лѣтъ. Ну, разумѣется, онъ счелъ долгомъ привести молодого полисмена, такого же добродушнаго, и собрать толпу. И такъ меня всей гурьбой повели домой. Испуганный, плачущій,

предметъ общаго вниманія—вотъ какъ вернулся я изъ очарованнаго сада въ родительскій домъ.

— Вотъ все, что я могу припомнить о моемъ видѣніи этого сада, по которомъ я и сейчасъ тоскую. Разумѣется, я не съумѣю передать тебѣ ту не поддающуюся описанію атмосферу нереальности, которой былъ пропитанъ этотъ садъ, гдѣ все было не такое, какъ въ будничной, познаваемой опытомъ дѣйствительности. Но если это былъ сонъ, то, во всякомъ случаѣ, сонъ наяву, среди бѣлаго дня, и совершенно необычайный сонъ... Ну, дома, само собой, всѣ начали меня разспрашивать, выпытывать: отецъ мой, тетка, нянька, гувернантка—всѣ...

— Я попробовалъ было разсказать имъ—отецъ впервые въ жизни отколотилъ меня за вранье. Позже, когда я сталъ объяснять случившееся со мной моей теткѣ, она снова наказала меня, за «гадкое упорство». Никто не хотѣлъ слушать меня; я никому не могъ ничего разсказать. У меня на время отобрали даже мои книги съ волшебными сказками—на томъ основаніи, что у меня и такъ «слишкомъ много воображенія». Какъ тебѣ это нравится? Да, да, отобрали. Мой отецъ былъ человѣкъ стараго закала... Волей-неволей мнѣ пришлось переживать все это одному. Я разсказывалъ объ этомъ шопотомъ своей подушкѣ, перѣдко мокрой отъ дѣтскихъ слезъ. И къ моимъ обязательнымъ и не слишкомъ усердымъ молитвамъ прибавилась еще одна, горячая, прочувствованная: «Господи, дай, чтобъ мнѣ приснился садъ! О! дай мнѣ опять вернуться въ мой садъ!» И садъ мнѣ снился часто. Быть можетъ, въ своихъ снахъ я кое-что прибавилъ, кое-что измѣнилъ—не знаю... Все это, ты понимаешь, только попытка возстановить по обрывкамъ воспоминаній нѣчто пережитое въ раннемъ дѣтствѣ. Между этимъ и другими, позднѣйшими воспоминаніями, относящимися уже къ тому времени, когда я былъ подросткомъ—пропасть. И было время, когда мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы я когда-нибудь и съ кѣмъ-нибудь заговорилъ объ этомъ волшебномъ приключеніи моего дѣтства.

Я задалъ вопросъ, невольно напрашивавшійся на языкъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ онъ. — Не помню, чтобы въ раннемъ дѣтствѣ я когда-нибудь пытался отыскать дорогу къ моему саду. Теперь это кажется мнѣ страшнымъ, но, должно быть, за мною стали бдительнѣй присматривать, и уйти вторично я ужъ не могъ.—До того времени, какъ мы уже были знакомы съ тобой, я не пытался вторично проникнуть въ мой садъ. И, думается мнѣ, даже было время—хотя теперь это и кажется мнѣ

невѣроятнымъ,—когда я совсѣмъ забылъ о немъ. Было мнѣ тогда, должно быть, лѣтъ восемь-девять. Ты помнишь меня ученикомъ въ Сентъ-Этельстанѣ?

— Еще бы!

— Вѣдь въ то время врядъ ли замѣтно было, что въ моей жизни есть тайна и волшебный сонъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня и неожиданно усмѣхнулся.

— Играли мы съ тобой когда-нибудь въ Сѣверо-Западный Проходъ?.. Впрочемъ, нѣтъ—вѣдь намъ съ тобой было не по дорогѣ...

— Видишь-ли, это была игра, въ которую любятъ играть всѣ дѣти, надѣленныя живымъ воображеніемъ. Я стремился отыскать новый путь въ школу, который называлъ Сѣверо-Западнымъ Проходомъ. Дорога въ школу была прямая и недолгая; вся игра заключалась въ томъ, чтобы найти дорогу не прямую и запутанную. Для этого нужно было выйти изъ дому на десять минутъ раньше и пойти куда-нибудь совсѣмъ въ другую сторону, а затѣмъ пробираться къ цѣли новыми, мало знакомыми улицами. И вотъ, однажды, я такъ запутался въ лабиринтѣ узкихъ улочекъ и переулковъ по ту сторону Кэмпденъ-хилля, что уже началъ сожалѣть о своей затѣѣ, опасаясь, что опоздаю въ школу. Съ энергіей отчаянія я принялся разыскивать выходъ изъ улицы, которая казалась мнѣ тупикомъ, и въ концѣ концовъ нашелъ его. И съ воскресшей надеждой устремился по этой новой улицѣ, говоря себѣ: «Если прибавить шагу, я еще успѣю». Прибавляя шагу, я шелъ мимо грязныхъ вонючихъ лавченокъ, почему-то казавшихся мнѣ знакомыми, и вдругъ—увидѣлъ длинную бѣлую стѣну и зеленую дверь, ведшую въ мой заколдованный садъ.

Меня точно ударили по головѣ. Такъ, значитъ, мой садъ, этотъ дивный садъ я всетаки видѣлъ не во снѣ.

Онъ помолчалъ.

— Мой второй опытъ съ зеленой дверью, думается мнѣ, очень характеренъ, какъ показатель разницы между дѣловой, занятой жизнью школьника и безпредѣльнымъ досугомъ ребенка. Мнѣ даже и въ голову не пришло забыть о школѣ и просто-напросто войти. Видишь-ли... прежде всего, я былъ озабоченъ мыслью, какъ бы не опоздать въ школу, не испортить своей репутаціи точности и аккуратности. Разумѣется, у меня было маленькое желаніе войти; разумѣется, я былъ чрезвычайно заинтересованъ этимъ своимъ открытіемъ, всѣ мои мысли были заняты имъ—но все таки я прошелъ мимо. Я пробѣжалъ мимо

двери, на бѣгу вытащилъ часы, убѣдился, что до начала уроковъ остается еще десять минутъ — и затѣмъ бѣжалъ уже по знакомымъ улицамъ. Въ школу я прибѣжалъ, правда, запыхавшись и весь въ поту, но все же во время... Прошелъ мимо двери и оставилъ ее за собою... Странно, не правда-ли?

Онъ задумчиво смотрѣлъ на меня.

— Разумѣется, я не зналъ тогда, что дверь не всегда бываетъ тамъ, гдѣ я видѣлъ ее. У школьниковъ воображеніе ограниченное. Должно быть, я думалъ тогда, что ужасно пріятно знать дорогу къ ней; но школа тянула къ себѣ сильнѣе. Помнится, въ это утро я былъ невнимателенъ и разсѣянъ: я все припоминалъ прекрасныхъ и странныхъ людей, которыхъ я скоро увижу снова. Курьезно, но я нимало не сомнѣвался, что они будутъ рады увидѣть меня. Въ это утро садъ представлялся мнѣ чѣмъ-то вродѣ укромнаго мѣстечка, въ которомъ пріятно отдохнуть въ промежуткахъ напряженной школьной работы.

Въ тотъ день я такъ и не пошелъ разыскивать дверь. На другой день былъ полу-праздникъ и въ школѣ занимались только до двѣнадцати часовъ. Должно быть, это и удержало меня. А, можетъ быть, меня за невниманіе оставили въ классѣ послѣ уроковъ и кружнымъ путемъ идти домой было ужъ некогда. Не знаю. Знаю только, что всѣ мои мысли были полны заколдованнымъ садомъ, настолько, что я не въ состояніи былъ удержать языкъ за зубами.

И я разсказалъ о садѣ этому—какъ бишь его?—помнишь, еще его звали «хорькомъ».

— Гопкинсу младшему,—подсказалъ я.

— Вотъ-вотъ, Гопкинсу. И непріятно было мнѣ разсказывать ему—я чувствовалъ, что говорить не слѣдуетъ, что это неладно—но всетаки я сказалъ. Часть дороги мы шли съ нимъ изъ школы вмѣстѣ; онъ былъ страшный болтунъ, и, не заговори я о садѣ, онъ бы заговорилъ о чемъ-нибудь другомъ—а мнѣ нестерпимо было думать о другомъ. И я проболтался. Ну, а онъ, конечно, разсказалъ другимъ. На другой же день, во время большой перемѣны меня окружили съ полдюжины учениковъ старшихъ классовъ и, частью изъ любопытства, частью, чтобы подразнить, пристали ко мнѣ, чтобы я разсказалъ имъ про заколдованный садъ. Въ числѣ ихъ былъ верзила Фаустъ — ты помнишь его?—И Карпаби, и Морлей Рейнольдсъ. А тебѣ при этомъ не случилось быть? Да нѣтъ, я бы запомнилъ, еслибы ты былъ съ ними.

Мальчики — странныя существа: они все переживаютъ и

чувствуютъ по своему. Я положительно убѣжденъ, что, несмотря на затаенное недовольство собой, мнѣ все же до извѣстной степени льстило вниманіе этихъ взрослыхъ учениковъ. Помню, въ особенности пріятна мнѣ была похвала Крамтоу—помнишь Крамтоу старшаго, сына композитора? — который сказалъ, что такого удивительнаго врапья онъ въ жизнь свою не слыхалъ. И въ то же время въ глубинѣ души мнѣ было очень больно и стыдно, что я разсказываю другимъ о томъ, что для меня было святыней и тайной. Эта скотина Фаусетъ отпустилъ какую-то шуточку насчетъ дѣвушки въ зеленомъ платьѣ...

У Ляйонеля дрогнулъ голосъ — такъ больно жгло его и теперь еще это постыдное воспоминаніе.

— Я притворился, будто не слышу,—продолжалъ онъ.— Потомъ, вдругъ, Карнаби обозвалъ меня вральманомъ и фыркнулъ, когда я сталъ увѣрять его, что я говорю правду. А я говорилъ, что знаю, гдѣ зеленая дверь и въ десять минутъ могу провести ихъ всѣхъ къ ней. Карнаби внезапно обнаружилъ необычайную строгость и объявилъ, что я непремѣнно долженъ это сдѣлать и доказать правдивость моихъ словъ, а не то... Ты помнишь, какъ Карнаби умѣлъ сучить веревки изъ чужой руки? Онъ когда-нибудь продѣлывалъ это съ тобой? Ну, такъ вотъ, теперь ты знаешь, каково мнѣ было. Я клялся и божился, что говорю только правду. Въ то время во всей школѣ не нашлось бы никого, кто осмѣлился бы вступиться за меня противъ Карнаби, хотя Крамтоу все же вставилъ словечко... И Карнаби настоялъ на своемъ. Я былъ возволнованъ, возбужденъ, нѣсколько испуганъ и велъ себя, совсѣмъ какъ маленькій глупый мальчишка... Въ результатѣ всего этого вышло, что я, вмѣсто того, чтобы одному пойти искать свой заколдованный садъ, повелъ туда полдюжины любопытныхъ, насмѣшливыхъ и угрожающихъ мнѣ школьниковъ. У меня горѣли уши, щеки, глаза; душу мою, какъ огнемъ, жгли боль и стыдъ...

— Ну? и что же?..

— То, что мы не нашли ни бѣлой стѣны, ни зеленой двери.

— То есть?..

— То есть, я не могъ найти. Еслибъ могъ, конечно, нашелъ бы. И потомъ, когда я уже одинъ ходилъ искать, тоже не могъ найти. Такъ и не нашелъ. Мнѣ теперь кажется, что я потомъ все время, пока былъ въ школѣ, искалъ ея, но такъ и не могъ найти...

— Ну, и отъ товарищей тебѣ... влетѣло?

— Жестоко... Карнаби учинилъ надо мною судъ за мое

«наглое вранье»... Помню, какъ я, крадучись, пробирался домой и наверхъ къ себѣ, въ свою комнату, чтобы домашніе не увидали моего распухшаго, заплаканнаго лица. Такъ я и уснулъ въ слезахъ, но плакалъ я не оттого, что меня избилъ Карнаби, а отъ тоски по тому чудесному вечеру, на который я надѣялся, по милымъ, ласковымъ женщинамъ и ожидавшимъ меня товарищамъ игръ, по той игрѣ, которую я надѣялся снова припомнить—по прекрасной забытой игрѣ... Я былъ увѣренъ, что еслибъ я не разболталъ... Послѣ этого для меня наступили тяжелые дни; въ школѣ меня жестоко дразнили, по ночамъ я обливался слезами... Семестра два я учился плохо и мнѣ сбавили баллъ за поведеніе. Ты помнишь? Ну, конечно, помнишь. Вѣдь это изъ-за тебя,—изъ-за того, что ты обогналъ меня по математикѣ,—я началъ опять зубрить.

Нѣкоторое время другъ мой молча глядѣлъ въ алое сердце огня. Потомъ заговорилъ:

— Я увидалъ ее снова, когда мнѣ было уже лѣтъ семнадцать. Было это такъ. Я ѣхалъ въ Паддингтонъ, спѣша въ Оксфордъ на экзаменъ, въ надеждѣ на удачный отвѣтъ и стипендію. Это было мгновенно. Я сидѣлъ высунувшись изъ окна экипажа, куря папироску и, безъ сомнѣнія, воображая себя невѣсть какимъ великимъ человѣкомъ, какъ вдругъ, вижу: дверь, стѣну, все незабвенное и еще доступное...

Мы съ трескомъ прокатили мимо—я былъ слишкомъ пораженъ неожиданностью, растерялся и не успѣлъ остановить экипажъ. Только, когда мы уже завернули за уголъ, я постучалъ въ маленькое окошечко на крышѣ кэба и сейчасъ же, опустивъ руку, вынулъ изъ кармана часы. Это былъ страшный моментъ душевнаго разлада и раздвоенія воли. «Слушаю, сэръ»,— быстро откликнулся возница.—«Нѣтъ—такъ—ничего,—крикнулъ я.—Я ошибся. У насъ слишкомъ мало времени. Поѣзжайте дальше».—

И мы поѣхали дальше...

Я получилъ стипендію. И въ тотъ же вечеръ, когда мнѣ сообщили объ этомъ, я сидѣлъ у себя наверху, у камелька, въ домѣ моего отца; въ ушахъ моихъ звучали его похвалы—такія рѣдкія—и его благоразумные совѣты, а я, посасывая трубку—огромную трубку, какія любятъ курить юноши—все думалъ объ этой двери въ длинной бѣлой стѣнѣ. «Остановись я тогда,— думалъ я,—не видать бы мнѣ стипендіи, какъ своихъ ушей, не видать бы мнѣ и Оксфорда — пропала бы тогда вся моя прекрасная карьера. Нѣтъ, я положительно поумнѣлъ». Въ то время я не сомнѣвался, что моя карьера стоила жертвъ.

Ласковые товарищи и полная дивной ясности атмосфера сада были очень дороги моему сердцу, безконечно прекрасны, но такъ далеки... Меня теперь влекло къ себѣ другое—свѣтъ. Передо мной открывалась другая дверь—дверь будущаго.

Онъ опять уставился на огонь. На мигъ отблескъ пламени сверкнулъ на его лицѣ, озарилъ черту врожденнаго упорства—и погасъ.

— Ну-съ,—продолжалъ онъ со вздохомъ,—и вотъ, я сталъ работать для созданія этой карьеры. Немало я сдѣлалъ, немало потрудился для этого. Но тысячу разъ мнѣ снился заколдованный садъ. А наяву я видѣлъ его дверь—но крайней мѣрѣ, мелькомъ видѣлъ,—еще четыре раза. Да—четыре. Одно время здѣшній міръ казался мнѣ такимъ интереснымъ, такимъ яркимъ, полнымъ значенія и возможностей, что, въ сравненіи съ нимъ, очарованіе сада на половину изгладилось, ушло куда то далеко. Кому охота гладить по бархатнымъ спинамъ пантеръ по пути на обѣдъ, за которымъ онъ встрѣтится съ прекрасными женщинами и выдающимися мужчинами?.. Изъ Оксфорда я пріѣхалъ прямо въ Лондонъ; на меня возлагали большія надежды, которыя я, до извѣстной степени, оправдалъ. До извѣстной степени... были и разочарованія...

Дважды я влюблялся—объ этомъ не хочу распространяться. Одинъ разъ, идучи къ женщинѣ, которая, я зналъ, не вѣрила, чтобы я осмѣлился къ ней придти, я, для сокращенія пути, пошелъ наудачу по глухой дорогѣ близъ Эрльсъ-Корта и тутъ наткнулся снова на бѣлую стѣну и зеленую дверь. «Странно,—сказалъ я себѣ,—а я думалъ, что она на Кэмпденъ-хиллѣ. Вѣдь это та самая стѣна, которой я никакъ не могъ найти—та самая стѣна, которую я видѣлъ въ своемъ странномъ ребяческомъ дневномъ снѣ наяву». И—прошелъ мимо. Я слишкомъ былъ захваченъ цѣлью своего пути. И садъ въ этотъ день не имѣлъ для меня никакого обаянія.

Лишь на одинъ мигъ во мнѣ шевельнулось желаніе попробовать, не заперта ли дверь—хотя въ душѣ я былъ увѣренъ, что для меня она откроется; но тотчасъ же его вытѣснила мысль, что я рискую опоздать на свиданіе, въ которомъ, какъ мнѣ казалось, замѣшана моя честь. Потомъ я жалѣлъ о своей пунктуальности; можно было бы все-таки хоть заглянуть и помахать рукой пантерамъ... Но къ тому времени я уже достаточно набрался опыта и, упустивъ время, не искалъ того, что можно найти только не искавши.

Потомъ шли годы тяжкаго труда. Двери я ужъ больше

не видалъ. Только недавно она опять явилась мнѣ—и, одновременно съ этимъ, такое ощущеніе, какъ будто все кругомъ для меня потускнѣло. Мнѣ стало казаться такимъ горькимъ и обиднымъ, что я никогда больше не увижу этой двери. Быть можетъ, я немножко переутомился,—а можетъ быть, и годы сказываются: говорятъ, подъ сорокъ всѣ начинаютъ тосковать. Не знаю. Но несомнѣнно одно—та замапчивость, яркость цѣлей и задачъ, которая дѣлаетъ легкимъ усиліе, исчезала для меня—и какъ разъ тогда, когда мнѣ слѣдовало бы особенно налечь на работу; теперь столько новыхъ политическихъ комбинацій... Странно, не правда ли? Но я начинаю находить жизнь утомительной, ея награды — немногаго стоющими. Въ послѣднее время я прямо жестоко тоскую по саду. Да—и три раза я видѣлъ снова...

— Садъ?

— Нѣтъ—дверь. И не вошелъ.

Онъ перегнулся ко мнѣ черезъ столъ; въ голосѣ его звучала безпредѣльная скорбь.—Трижды мнѣ представлялся случай—трижды! И каждый разъ я давалъ себѣ клятву, что если я опять увижу эту дверь, я войду, покину эту пыльную и жаркую дорогу, весь этотъ мишурный блескъ и суетную погоню за призрачными благами для душистой прохлады волшебнаго сада. Войду—и больше ужъ не вернусь. Останусь тамъ... Я клялся—а, когда наступало время, я не входилъ.

За одинъ годъ три раза я имѣлъ возможность войти—и проходилъ мимо.

Въ первый разъ это было въ тотъ вечеръ,—помнишь?—когда, при голосованіи квартирнаго билля, такъ неожиданно раздѣлились голоса, и правительство было спасено лишь большинствомъ трехъ голосовъ. Ты помнишь? Никто изъ нашихъ, да и изъ противниковъ нашихъ мало кто ожидалъ, что окончательное голосованіе состоится въ тотъ вечеръ. А потомъ вдругъ прелія скомкали, какъ яичную скорлупу. Мы съ Гочкисомъ обѣдали у его кузины въ Брентфордѣ. Насъ вызвали по телефону, и мы сейчасъ же поѣхали, на моторѣ его кузины. Времени было въ обрѣзъ — только-только поспѣть къ голосованію; мы страшно торопились и по пути проѣхали мимо моей стѣны и двери. При лунномъ свѣтѣ она казалась мертвенно бѣлой, съ ярко желтыми бликами отъ падавшаго на нее отсвѣта фонарей; но не узнать ея я не могъ.—«Боже мой»! воскликнулъ я.—«Въ чемъ дѣло»?—спросилъ Гочкисъ.—«Нѣтъ, ничего»,—отвѣтилъ я. И моментъ былъ упущенъ.

— Я принесъ большую жертву, чтобы попасть сюда,—

сказалъ я, войдя, нашему главарю.—«Всѣ мы приносимъ пхъ», отвѣтилъ онъ и прошелъ мимо.

Въ другой разъ это было, когда я спѣшилъ къ умирающему отцу—проститься. И здѣсь, опять таки, голосъ жизни былъ сильнѣе. Но въ третій разъ не то. Это было съ недѣлю тому назадъ. И я не могу вспомнить объ этомъ безъ мучительныхъ угрызеній совѣсти. Я шелъ съ Гуркеромъ и Ральфсомъ—ты знаешь, теперь ужъ это не секретъ, что я веду переговоры съ Гуркеромъ. Мы обѣдали у Фробишера, и понемногу бесѣда стала интимной. Вопросъ о моемъ участіи въ составѣ будущаго кабинета—уже вопросъ рѣшеный. Да, да. Это рѣшено. Пока, это разглашать не слѣдуетъ, но и скрывать отъ тебя нѣтъ причины... Да. Спасибо, спасибо. Но позволь мнѣ докончить разсказъ.

— Въ эту ночь мое назначеніе, такъ сказать, уже висѣло въ воздухѣ. Положеніе мое было очень щекотливое. Мнѣ очень хотѣлось добиться отъ Гуркера чего-нибудь опредѣленнаго, но меня стѣсняло присутствіе Ральфса. Я напрягалъ всѣ силы своего ума, чтобы поддерживать легкую и безпечную болтовню, не слишкомъ замѣтно направляя ее на важныя для меня темы. Это было необходимо. Поведеніе Ральфса впослѣдствіи болѣе чѣмъ оправдало мою осторожность... Я зналъ, что Ральфсъ простится съ нами на углу Гай-стритъ, и тогда я могу ошеломить Гуркера внезапной откровенностью. Иной разъ приходится прибѣгать къ тамъ маленькимъ уловкамъ... И надо же было, чтобы какъ разъ въ этотъ моментъ въ моемъ полѣ зрѣнія снова появилась бѣлая стѣна и зеленая дверь въ ней.

Бесѣдуя между собою, мы всѣ трое прошли мимо. И я прошелъ мимо. Какъ сейчасъ вижу падающую на нее тѣнь Гуркера, его рѣзкій профиль, шляпу, надвинутую на его огромный носъ, пышныя складки его кашнэ, и наши двѣ тѣни, слѣдующія за этой первой.

Я прошелъ въ двадцати вершкахъ отъ двери, спрашивая себя. «А что, если я сейчасъ попрощаюсь съ ними и войду»? Но мнѣ не терпѣлось сегодня же переговорить съ Гуркеромъ.

И такая путаница мыслей была у меня въ головѣ, что на этотъ вопросъ я не умѣлъ отвѣтить. «Они подумаютъ, что я сошелъ съ ума», говорилъ я себѣ.—«А что, если скроюсь за этой стѣной, и навсегда»?—«Изумительное исчезновеніе выдающагося политическаго дѣятеля». Опасеніе быть смѣшнымъ сыграло свою роль въ этотъ критическій моментъ. И тысяча другихъ соображеній, невообразимо мелочныхъ, тоже сыграли свою роль.—

Онъ повернулся ко мнѣ съ грустной усмѣшкой и медленно выговорилъ: «И вотъ, я здѣсь... а случай ужъ не повторится. Трижды за этотъ годъ я видѣлъ передъ собою дверь, готовую отвориться—дверь, ведущую въ царство покоя, восторга, несказанной красоты, благоволенія, котораго не знаютъ жители земли. И трижды я отвергъ ее, Редмондъ, и больше ея не увижу...

— Почемъ ты знаешь?

— Знаю. Знаю. Теперь мнѣ остается только заботиться о достиженіи тѣхъ цѣлей, которыя удерживали меня съ такой силой, когда наступалъ моментъ выбора. Ты говоришь: я имѣлъ успѣхъ—вульгарный, скучный, суетный успѣхъ, которому всѣ такъ завидуютъ. Да, я имѣлъ его.—Онъ взялъ въ руку орѣхъ.—Вотъ что такое для меня мой успѣхъ.—Онъ своей сильной рукой раздавилъ орѣхъ и показалъ мнѣ на ладони гнилую сердцевину.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Редмондъ? Эта утрата убиваетъ меня. Вотъ ужъ два мѣсяца—больше: вотъ уже скоро десять недѣль, какъ я совсѣмъ не работаю, кромѣ самаго неотложнаго и необходимаго. Моя душа полна неутолимыхъ сожалѣній. По ночамъ—когда меньше опасности, что я буду замѣченъ и узнанъ—я выхожу изъ дому и брожу по улицамъ. Да. Что бы подумали обо мнѣ люди, еслибъ они знали? Будущій членъ кабинета, отвѣтственный глава цѣлаго министерства, бродитъ одинъ, въ тоскѣ, иной разъ чуть не громко жалуясь и плача... объ утратѣ двери, сада!..

Передо мной, какъ живое, стоитъ его поблѣднѣвшее лицо и жуткій, мрачный огонь, сверкающій въ его глазахъ. Особенно сегодня онъ представляется мнѣ удивительно живо. Я припоминаю его слова, его интонаціи, а на диванѣ возлѣ меня лежитъ вечерняя «Вестминстерская газета» съ извѣщеніемъ о его смерти. За ленчемъ въ клубѣ сегодня только объ этомъ и говорили.

Его нашли вчера чуть свѣтъ, въ глубокой ямѣ, близъ станціи Восточный Кенсингтонъ. Эта была одна изъ цилиндрическихъ ямъ, выкопанныхъ въ связи съ постройкой дополнительной желѣзнодорожной вѣтки, направляющейся къ югу. Для безопасности ее обнесли со стороны шоссе досчатымъ заборомъ, въ которомъ прорубили небольшую дверь для удобства рабочихъ, живущихъ въ этой сторонѣ. Дверь эта случайно оставлена была незапертой, и Уоллэсъ вошелъ...

Въ головѣ у меня путаница отъ вопросовъ и загадокъ.

Должно быть, онъ изъ парламента пошелъ домой пѣшкомъ; въ прошлую сессію ему часто случалось это дѣлать. Мнѣ такъ и чудится его темная фигура на пустынныхъ вечернихъ улицахъ, закутанная и внимательно приглядывающаяся. Быть можетъ, блѣдный свѣтъ станціонныхъ электрическихъ фонарей ввелъ его въ заблужденіе, и некрашеный досчатый заборъ онъ принялъ за бѣлую стѣну. Или эта проклятая незапертая дверь напомнила ему другую...

Видѣлъ ли онъ когда-нибудь, въ дѣйствительности, такую зеленую дверь въ бѣлой стѣнѣ?

Не знаю. Я разсказалъ его исторію, какъ онъ разсказалъ ее мнѣ. Иной разъ мнѣ кажется, что Уоллэсъ сдѣлался жертвой совпаденія между рѣдкимъ, но все же имѣющимъ прецеденты типомъ галлюцинаціи—и по небрежности разставленной ловушкой. Но, по совѣсти, не могу сказать, чтобъ это было мое глубокое убѣжденіе. Вы можете счесть меня суевѣрнымъ, если хотите, даже глупымъ, но, право же, я больше, чѣмъ на половину убѣжденъ, что мой пріятель надѣленъ былъ анормальнымъ даромъ, чутьемъ—не знаю, какъ назвать это—словомъ, способностью видѣть, во образѣ двери и стѣны, тайный и лишь ему одному доступный выходъ въ иной и несравненно болѣе прекрасный міръ. Вы скажете: а все-таки, въ концѣ концовъ, даръ этотъ обманулъ его. Но обманулъ ли? Тутъ мы касаемся завѣтнѣйшей тайны мечтателей, ясновидцевъ и фантазеровъ. Съ нашей точки зрѣнія, въ свѣтѣ нашего дневного разума, онъ ушелъ отъ безопасности во мракъ, опасность и гибель.

Но то ли видѣлъ онъ?

Съ англійскаго перев. З. Журавская.

НОВѢЙШЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНѢ.

Его характеристика и результаты.

Принятіемъ законодательными учрежденіями законопроекта о выдачѣ Крестьянскимъ Поземельнымъ Банкомъ ссудъ подъ залогъ надѣльныхъ земель, замѣнившаго собою указъ 15 ноября 1906 г., закончился рядъ законодательныхъ актовъ, составляющихъ содержаніе аграрной реформы послѣднихъ лѣтъ. Основныя положенія этой реформы теперь установлены; то, что можетъ послѣдовать въ области аграрнаго законодательства въ ближайшемъ будущемъ, если общее направленіе аграрной политики не измѣнится, будетъ только развитіемъ и дополненіемъ уже сдѣланнаго. Пора оглянуться на пройденный путь и поставить вопросъ: что же выполнено въ области законодательнаго творчества и фактическаго измѣненія существовавшихъ у насъ до реформы поземельныхъ отношеній? Разсмотримъ этотъ вопросъ, поскольку онъ относится къ существованію общиннаго землевладѣнія.

Принципы аграрной реформы, задуманной нашей бюрократіей еще тогда, когда самая мысль о введеніи въ Россіи конституціоннаго режима признавалась преступной, и проведенной главнымъ образомъ покойнымъ Столыпинымъ, съ помощью Государственной Думы 3-го созыва, вполнѣ ясны.

Разрушеніе общиннаго землевладѣнія въ Россіи въ возможно скоромъ времени и такъ, чтобы отъ него не осталось и слѣда—таковъ лозунгъ нашихъ аграрныхъ реформаторовъ. Главная цѣль реформы—насажденіе, вмѣсто общиннаго, единоличнаго землевладѣнія, съ расширеніемъ мобилизаціи надѣльныхъ

земель. Руководящія идеи реформаторовъ: политическая—состоящая въ замѣнѣ общинниковъ личными земельными собственниками, крѣпко держащимися за «свое» и поэтому уважающими «чужое», и экономическая—содѣйствіе земледѣльческому прогрессу въ крестьянскомъ хозяйствѣ съ помощью «чудодѣйственной силы» личной собственности. Вѣра въ старое изрѣченіе Артура Юнга, что собственникъ превращаетъ скалы въ сады, а временный владѣлецъ—сады въ пустыни, служитъ теоретической опорой для обоснованія аграрныхъ законовъ истекшаго пятилѣтія.

Изложенные принципы проведены въ новѣйшемъ законодательствѣ съ полной послѣдовательностью, поскольку рѣчь идетъ о разрушеніи общины, но съ гораздо меньшей рѣшительностью, поскольку дѣло касается созданія свободной поземельной собственности крестьянскаго типа. Увѣренія въ довѣріи къ здравому смыслу русскаго земледѣльца, такъ широко расточаемыя руководителями современной аграрной политики, пока не получили еще реальнаго выраженія въ законодательствѣ о надѣльныхъ земляхъ: право распоряженія ими остается до сихъ поръ существенно ограниченнымъ какъ въ отношеніи продажи, такъ и въ отношеніи залога. Продавать надѣльную землю можно, какъ общее правило, только лицамъ, принадлежащимъ къ составу обществъ сельскихъ обывателей, а закладывать—исключительно въ Крестьянскомъ Поземельномъ Банкѣ. Эти ограниченія, какъ бы ни относиться къ нимъ по существу, во всякомъ случаѣ не свидѣтельствуютъ о довѣріи законодателя къ способности сельскаго обывателя правильно распоряжаться своимъ имуществомъ.

Законодательныя мѣры по разрушенію общиннаго землевладѣнія, напротивъ, отличаются большой рѣшительностью, но едва ли и въ нихъ можно усмотрѣть выраженіе довѣрія къ здравому смыслу обывателя. Если бы законодатель дѣйствительно былъ проникнутъ такимъ довѣріемъ, онъ держался бы руководящей идеи творцовъ Положеній 19 февраля: предоставилъ бы самому населенію свободно рѣшать въ каждомъ конкретномъ случаѣ вопросъ о формѣ землевладѣнія. Онъ, можетъ быть, облегчилъ бы переходъ сельскихъ обществъ и селеній отъ общиннаго землевладѣнія къ единоличному, замѣнивъ требуемое для этого закономъ большинство $^2/_3$ голосовъ сельскаго схода простымъ большинствомъ и точнѣе опредѣливъ права отдѣльныхъ членовъ общества на надѣльную землю и порядокъ ихъ осуществленія; но при этомъ онъ руководился бы стремленіемъ не оказывать на населеніе давленія въ ту или другую сторону и одинаково

охранять законные интересы какъ выходящихъ изъ общины, такъ и остающихся въ ней. Словомъ, законодателю надлежало бы на дѣлѣ руководиться тѣмъ взглядомъ, который былъ высказанъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ его представленіи въ Государственную Думу отъ 4 апрѣля 1907 г. (№ 10902), но съ которымъ въ дѣйствительности не согласовали своей политики ни правительство, ни Государственная Дума.

Аграрная реформа послѣднихъ лѣтъ основана не столько на принципѣ довѣрія къ сельскому обывателю, на который ссылалось министерство, сколько на противоположномъ началѣ принужденія. Новѣйшее аграрное законодательство не ограничилось открытіемъ дверей изъ общины для желающихъ выйти изъ нея; оно самымъ безцеремоннымъ образомъ выталкиваетъ въ эти двери и тѣхъ, которые при иныхъ условіяхъ предпочли бы остаться при общинномъ землевладѣніи. Законъ 14-го іюня 1910 г. объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ постановленій о крестьянскомъ землевладѣніи представляетъ систему принудительно-поощрительныхъ нормъ, направленныхъ къ тому, чтобы превратить общинниковъ, не считаясь съ ихъ желаніемъ, въ единоличныхъ владѣльцевъ или чтобы сдѣлать для упорствующихъ въ своей приверженности къ общинному началу существованіе въ общинѣ настолько тяжелымъ, что они рано или поздно окажутся вынужденными бѣжать изъ общиннаго уклада въ разрядъ единоличнаго владѣнія.

Отдѣлъ «А» 1-й главы закона 14-го іюня (ст. 1—8) построенъ преимущественно на принудительномъ началѣ. Какъ извѣстно, статья первая признаетъ перешедшими къ наслѣдственному (участковому или подворному) владѣнію общества и имѣющія отдѣльныя владѣнія селенія, въ коихъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею. Нѣтъ надобности подробно воспроизводить здѣсь всѣ доводы, приведенные въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи законопроэкта, ставшаго впослѣдствіи закономъ 14-го іюня, въ доказательство того, что положеніе, выраженное въ 1-й статьѣ этого закона, является насильственнымъ переводомъ населенія, владѣющаго землею на общинномъ правѣ, въ разрядъ единоличныхъ владѣльцевъ. Тогда указывалось на трудность, а во многихъ случаяхъ и полную невозможность установить самый фактъ отсутствія общихъ передѣловъ со времени надѣленія крестьянъ землею, т. е. за цѣлое полустолѣтіе; на недостаточную опредѣленность самаго понятія общаго передѣла; на то, что отсутствіе общихъ передѣловъ еще не означаетъ отсутствія передѣловъ вообще, потому что кромѣ

общихъ существуютъ еще частные передѣлы, касающіеся отдѣльныхъ угодій или отдѣльныхъ членовъ общины; наконецъ, обращено было вниманіе и на то, что существованіе передѣловъ не составляетъ необходимаго признака общиннаго землевладѣнія, которое можетъ существовать, и дѣйствительно существуетъ—напр. у нашихъ нѣмцевъ колонистовъ,—при отсутствіи какъ общихъ, такъ и частныхъ передѣловъ какихъ-либо угодій.

Тѣмъ не менѣе, съ помощью голосовъ членовъ правительства, I-я ст. законопроэкта, введенная въ него Государственной Думой, прошла и въ Государственномъ Совѣтѣ, хотя и очень незначительнымъ большинствомъ. Эта статья, вмѣстѣ съ послѣдующими семью, входящими въ отдѣлъ А, и составляетъ въ настоящее время главный таранъ, которымъ разбивается общинное землевладѣніе.

Содержаніе 1-ой статьи закона 14-го іюня обязывало произвести изслѣдованіе всѣхъ существующихъ общинъ и точно установить, въ какихъ изъ нихъ не было общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею. Только на основаніи подобнаго изслѣдованія возможно было бы установить, какія общества съ общиннымъ землевладѣніемъ должны быть признаны перешедшими къ единоличному владѣнію, а входящіе въ ихъ составъ домохозяева—причислены къ разряду единоличныхъ владѣльцевъ. Вопросъ факта—именно отсутствія общихъ передѣловъ въ общинѣ со времени надѣленія общества или селенія землею,—въ данномъ случаѣ настолько важенъ, съ нимъ сопряжены столь серьезныя для населенія послѣдствія, что изслѣдованіе общинъ съ указанной выше точки зрѣнія должно было бы быть произведено съ возможно большей тщательностью и полнымъ знаніемъ дѣла. Тѣмъ не менѣе подобнаго изслѣдованія не было предпринято, а взамѣнъ его собраны были канцелярскимъ путемъ, черезъ земскихъ начальниковъ и волостныя правленія, свѣдѣнія о непередѣлявшихся общинахъ. Земскіе начальники съ головокружительной быстротой произвели эту работу, которая, при надлежащемъ ея выполненіи, потребовала бы громаднаго труда и немалаго времени. При этомъ нѣкоторые земскіе начальники удовольствовались сообщеніями волостныхъ правленій, не употребляя особенныхъ усилій къ тому, чтобы разыскать возможно больше такихъ обществъ и селеній, которыя подошли бы подъ первую статью закона 14-го іюня; другіе же, изъ ретивыхъ, развивали въ этомъ направленіи значительную энергію и старались занести въ списки обреченныхъ какъ можно больше обществъ. Поэтому статистика непередѣлившихся общинъ, возникшая такимъ путемъ, не можетъ

не имѣть пестраго характера: извѣстны примѣры, когда изъ двухъ сосѣднихъ и однородныхъ по составу и характеру населенія участковъ земскихъ начальниковъ одинъ оказался усыпаннымъ обществами, будто бы не производившими общихъ передѣловъ, а въ другомъ такихъ обществъ почти не обнаружилось,— или когда въ одномъ и томъ же участкѣ одинъ земскій начальникъ насчиталъ всего нѣсколько неподѣлившихся общинъ, а его преемникъ черезъ короткій промежутокъ времени сразу открылъ десятки ихъ. Результатомъ статистическихъ изысканій земскихъ начальниковъ явились свѣдѣнія, сообщенныя въ объяснительной запискѣ министра финансовъ къ росписи на 1912 г. Согласно этимъ свѣдѣніямъ къ 1-му января 1911 г. насчитывалось 116.043 общества съ 3.489.898 домохозяевами и 30.656,940 десятинами земли, въ которыхъ будто бы не происходило общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею. На основаніи дѣйствующаго закона эти общества признаются перешедшими къ единоличному землевладѣнію, и входящіе въ ихъ составъ дворы причисляются къ разряду личныхъ владѣльцевъ, въ качествѣ одного изъ самыхъ крупныхъ трофеевъ похода противъ поземельной общины.

Министръ финансовъ указывалъ въ своей запискѣ на необходимость имѣть въ виду, при оцѣнкѣ данныхъ о числѣ домохозяевъ, вышедшихъ изъ общины, что ростъ личной собственности не исчерпывается ими, ибо въ силу закона 14-го іюня 1910 г. личными собственниками признаны также члены всѣхъ тѣхъ крестьянскихъ земельныхъ обществъ, которыя со времени надѣленія хотя и владѣли землей на общинномъ правѣ, но никогда общихъ передѣловъ не производили и теперь, со второй половины 1910 г. получаютъ землю въ собственность въ порядкѣ «удостовѣрительномъ». Что же это за порядокъ? Въ этомъ и заключается главный вопросъ, съ которымъ связана оцѣнка практическихъ результатовъ перваго отдѣла закона 14-го іюня и въ значительной мѣрѣ даже всего этого законодательнаго акта.

На основаніи ст. 4-ой сельскіе и селенные сходы въ обществахъ и селеніяхъ, не производившихъ общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею, имѣютъ право требовать составленія общихъ на все общество или селеніе актовъ, удостовѣряющихъ права собственности отдѣльныхъ домохозяевъ на участки надѣльной земли, состоявшіе, ко времени обнародованія закона, въ ихъ безспорномъ постоянномъ (неарендномъ) пользованіи. Такимъ правомъ пользуются и отдѣльные домохозяева въ непередѣлявшихся обществахъ по отношенію къ находившимся

въ ихъ пользованіи участкамъ. Если требованіе исходитъ отъ общества (или селенія), то земскимъ начальникомъ выдается одинъ на все общество удостовѣрительный актъ, въ которомъ указываются владѣнія каждаго домохозяина; когда же ходатайствуютъ о выдачѣ удостовѣрительнаго акта отдѣльные домохозяева, то каждый изъ нихъ получаетъ особый удостовѣрительный актъ, свидѣтельствующій о правѣ собственности его обладателя на состоящій въ его пользованіи участокъ общинной земли.

Согласно преподаннымъ указаніямъ [1]) земскіе начальники, хотя и имѣютъ свѣдѣнія о непередѣлявшихся общинахъ, тѣмъ не менѣе не предпринимаютъ по отношенію къ нимъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока эти общины или отдѣльные домохозяева изъ ихъ состава не возбудятъ ходатайствъ о выдачѣ имъ удостовѣрительныхъ актовъ. Но разъ подобное ходатайство возбуждено обществомъ или хотя бы однимъ домохозяиномъ изъ его состава и получило удовлетвореніе, общество, которому выданъ удостовѣрительный актъ или въ которомъ хотя бы одинъ домохозяинъ получилъ такой актъ, по выраженію записки министра финансовъ «фактически переходитъ въ разрядъ подворнаго пользованія». Это и есть такъ называемый удостовѣрительный порядокъ.

Въ дѣйствительности, однако, пріемы примѣненія перваго отдѣла закона 14-го іюня выходятъ за предѣлы послѣдняго.

Согласно установленному инструкціоннымъ путемъ правилу, функціонированіе общинъ, не заявлявшихъ о выдачѣ удостовѣрительнаго акта ни въ цѣломъ составѣ, ни въ лицѣ отдѣльныхъ домохозяевъ, ставится въ зависимость отъ того, можетъ ли быть установлено, что въ обществѣ былъ общій передѣлъ со времени надѣленія его землею. Послѣ того, какъ закономъ 14-го іюня 1910 г.—объясняютъ «Извѣстія Земскаго Отдѣла»—всѣ не передѣлявшіяся общества и селенія признаны перешедшими къ наслѣдственному владѣнію, ни одинъ приговоръ объ общемъ передѣлѣ не можетъ быть утвержденъ уѣзднымъ съѣздомъ, пока не будетъ установлено, что въ данномъ обществѣ были общіе передѣлы со времени надѣленія землей и что оно не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя признаны перешедшими къ наслѣдственному владѣнію».

Тотъ же порядокъ примѣняется къ семейнымъ раздѣламъ,

---

1) Изд. Зем. Отд. 1911 г. №№ 4 и 5: о примѣненіи стт. 1—8 закона 14-го іюня 1910 г.

которые не разрѣшаются въ обществахъ, не доказавшихъ существованія у нихъ общихъ передѣловъ.

Итакъ, примѣненіе перваго отдѣла закона 14-го іюня основано на презумпціи въ пользу подведенія обществъ съ общиннымъ землепользованіемъ подъ ст. 1-ую. Для того, чтобы не подпасть подъ нее, обществу приходится доказать, что у него были общіе передѣлы. Нечего говорить, насколько бываетъ трудно привести такія доказательства: если это еще возможно по отношенію ко времени послѣ закона 1893 г., да и то далеко не всегда, то по отношенію къ предшествовавшему періоду установленіе факта общаго передѣла въ огромномъ большинствѣ случаевъ практически невозможно.

Въ какое же положеніе попадаетъ общество, которому не удалось доказать, что у него были общіе передѣлы? Приговоры такого общества объ общихъ передѣлахъ не утверждаются, семейныхъ раздѣловъ въ немъ не разрѣшаютъ и вообще къ нему не примѣняютъ правилъ, относящихся къ общинному землепользованію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ему нельзя выдать и удостовѣрительнаго акта, потому что о таковомъ не возбуждено требуемаго закономъ ходатайства. Поэтому подобныя общества оставляются въ неопредѣленномъ положеніи не функціонирующихъ общинъ, несмотря на явно выраженное ими желаніе осуществлять свои общинныя функціи, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда постановляются приговоры объ общемъ передѣлѣ.

На практикѣ рѣшающее значеніе имѣетъ усмотрѣніе земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ. Поэтому порядокъ примѣненія 1-ой статьи закона 14-го іюня въ дѣйствительности далеко не одинъ и тотъ же въ разныхъ случаяхъ.

Сколько извѣстно, одни учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ держатся въ точности вышеизложенныхъ указаній и требуютъ отъ всѣхъ обществъ, въ связи съ дѣлами объ общихъ передѣлахъ и семейныхъ раздѣлахъ, доказательствъ существованія у нихъ общихъ передѣловъ; другія же справляются со спискомъ непередѣлявшихся общинъ и отказываютъ въ утвержденіи приговоровъ объ общихъ передѣлахъ или въ разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ обществамъ, помѣщеннымъ въ этомъ спискѣ, остальныя же допускаютъ функціонировать. При этомъ, когда требуется доказательство существованія передѣловъ, вопросъ о способѣ доказательствъ также разрѣшается различно. Нерѣдко вызываемые для объясненія уполномоченные общества даютъ разнорѣчивыя показанія относительно того, былъ ли у нихъ передѣлъ—и тогда вопросъ разрѣшается земскимъ начальникомъ.

Повидимому, всего чаще поводомъ для выдачи удостовѣрительныхъ актовъ служатъ просьбы объ укрѣпленіи. Если при разсмотрѣніи такой просьбы выясняется, что вопросъ о томъ, былъ ли общій передѣлъ, не получаетъ опредѣленнаго разрѣшенія въ утвердительномъ смыслѣ, то вмѣсто укрѣпительнаго акта выдается просителю удостовѣрительный, и вътакомъ случаѣ общество подводится подъ первую статью. Это тѣмъ легче бываетъ сдѣлать, что различіе между актомъ укрѣпительнымъ и удостовѣрительнымъ въ большинствѣ случаевъ совершенно неясно крестьянамъ.

Не однообразна практика и относительно обществъ, не просящихъ о выдачѣ удостовѣрительныхъ актовъ, но числящихся въ спискѣ непередѣлявшихся. Въ однихъ случаяхъ такія общества оставляютъ въ неопредѣленномъ положеніи, въ расчетѣ, что неудобства послѣдняго въ концѣ концовъ заставятъ ихъ просить о перечисленіи въ разрядъ единоличнаго владѣнія; въ другихъ случаяхъ общества, не доказавшія, въ связи съ дѣлами о передѣлахъ и семейныхъ раздѣлахъ, существованія у нихъ общихъ передѣловъ со времени надѣленія ихъ землею, какъ приходилось слышать, формально причисляются къ владѣющимъ землею подворно, о чемъ даже торжественно объявляется земскими начальниками на сходахъ, съ выдачей обществу удостовѣрительнаго акта. Нельзя не признать, что основаніемъ для дѣйствій земскихъ начальниковъ, выходящихъ за предѣлы удостовѣрительнаго порядка, служитъ какъ будто намѣренная неопредѣленность оффиціальныхъ указаній по этому вопросу.

Органъ министерства внутреннихъ дѣлъ, разъясняя порядокъ примѣненія стт. 1—8 закона 14-го іюня, признаетъ, что съ точки зрѣнія послѣдняго нельзя вполнѣ приравнивать постановленія уѣздныхъ съѣздовъ по дѣламъ объ общихъ передѣлахъ и семейныхъ раздѣлахъ къ постановленіямъ тѣхъ же съѣздовъ объ утвержденіи удостовѣрительныхъ актовъ. Тѣмъ не менѣе министерство находитъ возможнымъ проводить аналогію между указанными видами постановленій уѣздныхъ съѣздовъ и придавать ихъ постановленіямъ по дѣламъ объ общихъ передѣлахъ и семейныхъ раздѣлахъ юридическое значеніе въ качествѣ способовъ признанія обществъ непередѣлявшимися и поэтому перешедшими въ разрядъ единоличнаго владѣнія.

Соображенія, развиваемыя по этому предмету «Извѣстіями Земскаго Отдѣла», очень туманны. Если нельзя уравнивать объ указанныя категоріи постановленій уѣздныхъ съѣздовъ, то и юридическое значеніе ихъ не можетъ быть одинаково. Между тѣмъ

конечный выводъ какъ будто клонится къ противоположному утвержденію, подсказывая земскимъ начальникамъ расширительное примѣненіе удостовѣрительнаго порядка. Въ разъясненіи Главн. Упр. Землеустройства и Земледѣлія отъ 12 апр. 1912 г. (№ 1193) юридическія тонкости опущены и дѣло излагается такъ, что признаніе обществъ подходящими подъ дѣйствіе ст. 1-ой закона 14-го іюня наступаетъ либо съ выдачей удостовѣрительнаго акта на цѣлое общество или хотя бы на одного его члена, либо въ связи съ разрѣшеніемъ дѣлъ объ утвержденіи приговоровъ о передѣлѣ, объ укрѣпленіи, о разрѣшеніи семейныхъ раздѣловъ и т. д. [1]).

Шаткость основанія, на которомъ построена 1-ая ст. закона 14-го іюня, и недостаточная опредѣленность оффиціальныхъ указаній относительно ея примѣненія, проникнутыхъ исключительно стремленіемъ какъ можно скорѣе добить общину, открываютъ широкій просторъ административному усмотрѣнію. Судьба общиннаго землевладѣнія въ Россіи зависитъ теперь въ громадномъ числѣ, если не въ большинствѣ случаевъ, отъ личныхъ взглядовъ, симпатій и усердія земскихъ начальниковъ.

Такова правовая сторона примѣненія 1-ой ст. закона 14-го іюня. Что касается численныхъ результатовъ ея дѣйствія, то они выражаются въ слѣдующемъ.

Къ 1 января 1912 г. число обществъ и селеній, заявившихъ требованія о выдачѣ имъ удостовѣрительныхъ актовъ, составляло 4.656, съ 128.245 домохозяевами. Изъ этого числа были утверждены уѣздными съѣздами по 1-е января с. г. удостовѣрительные акты по 2.638 обществамъ и селеніямъ, съ 76.161 домохозяиномъ, которымъ принадлежитъ площадь земли въ 464.770 дес. Кромѣ того, число отдѣльныхъ домохозяевъ, заявившихъ требованія о выдачѣ имъ удостовѣрительныхъ актовъ, достигло на тотъ же срокъ 174.198, принадлежащихъ къ составу 45.994 обществъ и селеній. Изъ этого числа утверждены уѣздными съѣздами удостовѣрительные акты по дѣламъ 95.214 домохозяевъ, которымъ принадлежитъ 547.132 десятины земли [2]). Въ общемъ заявленія о выдачѣ удостовѣрительныхъ актовъ относятся къ 302.443. домохозяевамъ, принадлежащимъ къ 50.650 обществамъ и селеніямъ, а утверждены удостовѣрительные акты для 171.375 домохозяевъ, надѣльная земля которыхъ состa-

---

[1]) Положеніе о землеустройствѣ съ законодат. мотивами и разъясненіями. Составлено юридич. отдѣломъ канцеляріи Комитета по землеустроит. дѣламъ, подъ ред. А. А. Зноско-Боровскаго, 1912 г., стр. 128.

[2]) Изв. Земск. Отд., 1912 г., № 3.

вляетъ 1.011.902 дес. Но тѣ общества и селенія, изъ состава которыхъ отдѣльные домохозяева возбудили ходатайства о выдачѣ удостовѣрительныхъ актовъ, по установившейся практикѣ подпадаютъ подъ дѣйствіе статьи первой и переходятъ въ разрядъ единоличныхъ собственниковъ. Поэтому приходится причислять къ послѣднимъ не домохозяевъ, по дѣламъ коихъ составлены постановленія уѣздныхъ съѣздовъ объ утвержденіи удостовѣрительныхъ актовъ, а общее число домохозяевъ въ обществахъ и селеніяхъ, въ составъ которыхъ входятъ лица, получившія удостовѣрительные акты. Къ сожалѣнію, соотвѣтствующихъ данныхъ въ оффиціальныхъ свѣдѣніяхъ не имѣется, и поэтому приходится по неволѣ довольствоваться приблизительнымъ подсчетомъ.

Если предположить, что общества, изъ среды которыхъ возбуждены были и удовлетворены ходатайства о выдачѣ удостовѣрительныхъ актовъ отдѣльнымъ домохозяевамъ, въ среднемъ такого же численнаго состава, какъ и общества, возбудившія въ цѣломъ подобныя ходатайства, то въ обществахъ, къ которымъ принадлежатъ 95.214 домохозяевъ, получившихъ удостовѣрительные акты, состоитъ приблизительно .663 тыс. домохозяевъ, которые и должны быть причислены къ единоличнымъ владѣльцамъ.

Въ такомъ случаѣ числовой результатъ примѣненія первой статьи по 1-е января 1912 г. выразится въ переходѣ въ разрядъ единоличнаго владѣнія приблизительно 739 тыс. домохозяевъ. Эта цифра еще очень далека отъ $3^1/_2$ милл. домохозяевъ, которыхъ перечисляетъ въ разрядъ единоличнаго землевладѣнія объяснительная записка къ росписи, и еще дальше отъ 3.700.000, о которыхъ говоритъ г. Лосицкій въ докладѣ, читанномъ имъ въ Вольномъ экономическомъ Обществѣ по вопросу о распаденіи общины [1]).

Эти итоги страдаютъ явнымъ преувеличеніемъ, точнѣе характеризуя желанія авторовъ, которые даютъ ихъ, чѣмъ дѣйствительность. Общества и селенія, не получившія удостовѣрительныхъ актовъ, нельзя считать фактически перешедшими въ разрядъ единоличнаго землевладѣнія, хотя бы они и были занесены въ списокъ непередѣлявшихся. Такія общества, находясь въ числѣ обреченныхъ, далеко не всегда даже знаютъ объ этомъ и обыкновенно продолжаютъ жить какъ жили прежде, производятъ частичные передѣлы, ежегодно передѣляютъ сѣнокосы—словомъ, функціонируютъ какъ общины.

[1]) Труды В. Э. О. №№ 1—2 за 1912 г. Докладъ г. Лосицкаго вышелъ также отдѣльнымъ изданіемъ.

Трудно ожидать, чтобы передъ описаннымъ выше удостовѣрительнымъ порядкомъ въ концѣ концовъ устояло много обществъ съ общиннымъ землепользованіемъ, и поэтому весьма вѣроятно, что итоги, приведенные въ объяснительной запискѣ министра финансовъ и въ докладѣ г. Лосицкаго, станутъ въ будущемъ дѣйствительностью; но пока они только плодъ мечты.

При всемъ томъ, разрушительное дѣйствіе первой статьи закона 14-го іюня, несомнѣнно, очень велико. Однако, изъ вышеизложеннаго ясно, что судить объ истинномъ отношеніи населенія къ общинѣ по результатамъ примѣненія перваго отдѣла этого закона совершенно неправильно.

II.

Указъ 9-го ноября и соотвѣтствующая ему часть закона 14-го іюня не могутъ быть поставлены въ уровень съ первымъ отдѣломъ того же закона въ отношеніи давленія на крестьянъ. Тѣмъ не менѣе нельзя согласиться съ защитниками аграрной реформы въ томъ, что указанныя узаконенія предоставляютъ самому населенію свободно рѣшать вопросъ о реформѣ владѣнія землей. Оставляя даже въ сторонѣ дѣятельность исполнителей, нельзя закрывать глаза на то, что въ самыхъ нормахъ дѣйствующаго закона заключаются элементы, толкающіе населеніе къ выходу изъ общины. Тотъ-же характеръ носятъ «вѣдомственная» агрономія и землеустроительная политика, опредѣляемая «Положеніемъ о землеустройствѣ» (зак. 29 мая 1911 г., вынѣ Св. Зак. т. X ч. 3 изд. 1912 г.).

Право на укрѣпленіе надѣльной земли, независимо отъ согласія общины и безъ права съ ея стороны замѣнить укрѣпленіе денежнымъ вознагражденіемъ, само по себѣ уже служитъ сильной приманкой для находящихся въ положеніи bcati possidentes, тѣмъ болѣе, что укрѣпляющіеся нерѣдко находятся въ счастливомъ невѣдѣніи относительно того, что укрѣпленныя за ними полосы могутъ быть, въ случаѣ надобности, передвинуты по ст. 36-ой закона 14-го іюня.

Очень серьезнымъ побужденіемъ къ укрѣпленіямъ служитъ, кромѣ того, наблюдаемое въ послѣднее время стремленіе крестьянъ, не державшихъ надѣльной земли въ обществахъ, въ составъ которыхъ они входятъ, вновь получить таковую. По имѣющимся свѣдѣніямъ, учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ завалены теперь дѣлами подобнаго рода. Естественно, что на-

тискъ населенія, требующаго себѣ отвода участковъ изъ мірской земли, побуждаетъ обладателей послѣдней спѣшить съ ея укрѣпленіемъ.

Этимъ путемъ происходитъ какъ разъ въ настоящій моментъ обезземеленіе значительнаго числа лицъ, пользовавшихся до сихъ поръ правомъ на землю. Вѣроятно, часть стремящихся теперь къ полученію земельныхъ участковъ руководится не столько желаніемъ владѣть землею, сколько надеждой сбыть ее при удобномъ случаѣ за выгодную цѣну. Но на-ряду съ мотивами спекулятивнаго свойства, несомнѣнно, дѣйствуютъ и другіе, болѣе почтеннаго характера: желаніе возобновить земледѣльческое хозяйство или сохранить за собою клочекъ земли, какъ убѣжище на старость или на случай инвалидности. Если лица, добивающіяся теперь отвода имъ въ общинѣ земельныхъ участковъ, не несли платежей за землю, то ихъ отцы и дѣды платили за нее, и притомъ въ то время, когда платежи, лежавшіе на землѣ, превышали ея доходность.

Процессъ укрѣпленія надѣльной земли, совершающійся въ общинѣ, лишаетъ лицъ указаннаго разряда права, которое они справедливо считали неотъемлемо принадлежащимъ имъ и которое теперь отнимается у нихъ безъ всякаго вознагражденія. Укрѣпленіе мірской земли за отдѣльными домохозяевами было допущено безъ предоставленія членамъ обществъ, не державшимъ земли, предъявить свои права на отводъ имъ земельныхъ участковъ. Поэтому такія лица имѣютъ полное основаніе считать себя экспропріированными закономъ 14-го іюня. Укрѣпленіе надѣльной земли за отдѣльными домохозяевами дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на общину еще и потому, что лица, не державшія земли, продолжая числиться въ составѣ общины, изъ которой выбываютъ укрѣпившіеся, увеличиваютъ собою число претендентовъ на пользованіе мірскими угодьями. Чѣмъ больше домохозяевъ укрѣпилось, тѣмъ невыгоднѣе для остающихся складывается отношеніе между численнымъ составомъ общины и ея земельной обезпеченностью, и тѣмъ сильнѣе становится побужденіе къ укрѣпленіямъ.

Дальнѣйшимъ, и очень сильнымъ побужденіемъ къ укрѣпленію надѣльной земли служитъ предоставленное домохозяевамъ право укрѣплять за собою излишки находящейся въ ихъ пользованіи земли сравнительно съ числящимися у нихъ разверсточными единицами.

Анкета казанскаго земства показала, что желаніе сохранить за собою весь надѣлъ руководило крестьянами, укрѣпив-

ними свои надѣлы, почти въ половинѣ случаевъ (46%), о которыхъ собраны были свѣдѣнія, причемъ въ большинствѣ случаевъ этого рода въ пользованіи домохозяевъ находились излишки надѣльной земли, оставшіеся за ними большею частью послѣ смерти членовъ семьи мужского пола [1]). Еще при дѣйствіи указа 9-го ноября 1906 г., именно по 1-е сентября 1909 г., слѣдов., за періодъ менѣе 3-лѣтъ, число укрѣпившихъ свои надѣлы съ доплатами за излишки достигло 39.000 домохозяевъ, уплатившихъ за излишне пріобрѣтенную землю болѣе 2, 3 милл. руб. [2]).

Постановка въ законѣ 14-го іюня вопроса о выдѣлахъ также создаетъ весьма серьезный стимулъ къ выходу изъ общины для тѣхъ домохозяевъ, которые, можетъ быть, при иныхъ условіяхъ и предпочли бы остаться въ общинѣ или, по крайней мѣрѣ, не выдѣлять своихъ участковъ. Законъ 14-го іюня, какъ извѣстно, признаетъ за каждымъ домохозяиномъ право не только укрѣпить въ личную собственность земельные участки общинной земли, находящіеся въ его постоянномъ пользованіи, но и требовать выдѣла ихъ къ одному мѣсту. Легко представить себѣ, въ какомъ положеніи оказываются общинники, когда рядъ ихъ сочленовъ одинъ за другимъ требуютъ выдѣла. Едва общество успѣетъ выдѣлить одного, какъ ему приходится выдѣлять другого, а каждый выдѣлъ требуетъ перераспредѣленія угодій, т. е. связанъ для общины съ глубокимъ хозяйственнымъ переворотомъ.

Правда, законъ предоставляетъ право выдѣла внѣ общихъ передѣловъ только группамъ домохозяевъ, а выдѣлъ единичныхъ домохозяевъ ставитъ въ зависимость отъ того, будетъ ли таковой признанъ возможнымъ и не связаннымъ съ особыми неудобствами. Но и группы могутъ выдѣляться одна за другой, вопросъ же о возможности и удобствѣ единичныхъ выдѣловъ разрѣшается не самою общиною, а землеустроительными учрежденіями. Указанія закона, которыми должны руководиться послѣднія въ этомъ случаѣ, настолько неопредѣленны, что на практикѣ рѣшеніе вопроса всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія землеустроительныхъ комиссій.

На эту сторону дѣла обращено было вниманіе еще въ Государственномъ Совѣтѣ при обсужденіи законопроекта, ставшаго впослѣдствіи закономъ 14-го іюня. Совѣтская комиссія справедливо указывала на то, что «выдѣлъ къ одному мѣсту въ дѣй-

1) Оцѣночно-статистическое бюро казанскаго губернскаго земства: «Укрѣпленіе надѣловъ въ личную собственность въ Казанской губ.», 1911, стр. 58.

2) Сообщеніе тов. м. в. д. А. И. Лыкошина въ Комиссіи Гос. Сов.

ствительности всегда возможенъ и почти всегда связанъ съ неудобствами для общества. Такимъ образомъ вышеприведенное правило (о выдѣлахъ), по мнѣнію комиссіи, открывало бы широкій просторъ произволу землеустроительныхъ комиссій и самой разнообразной практикѣ на мѣстахъ въ этомъ важномъ дѣлѣ [1]).

Предвидѣнія комиссіи Государственнаго Совѣта не оправдались только въ томъ отношеніи, что практика землеустроительныхъ органовъ по вопросу о выдѣлахъ оказалась, сколько извѣстно, очень однообразной: какъ общее правило, выдѣлы отдѣльныхъ домохозяевъ не только всегда признаются возможными и удобными, но обыкновенно выдѣляющимся отводится и лучшая земля. При такихъ условіяхъ остальнымъ домохозяевамъ, даже если бы они и желали остаться при общинномъ землевладѣніи, часто по неволѣ приходится укрѣплять свои участки и спѣшить съ выдѣломъ ихъ, чтобы не остаться при земляхъ худшаго качества. У ретивыхъ земскихъ начальниковъ такая опасность особенно велика—а много ли такихъ, которые рискнули бы не обнаружить ретивости въ дѣлѣ столь близкомъ сердцу высшаго правительства?

Извѣстны случаи, когда крестьяне, испытавъ нѣсколько послѣдовательныхъ выдѣловъ и убѣдившись въ невозможности воспрепятствовать имъ, поспѣшили перейти къ единоличному владѣнію, хотя и предпочли бы остаться при прежнихъ условіяхъ землепользованія.

Не маловажное значеніе, въ качествѣ побужденія къ выходу изъ общины, имѣетъ и «Положеніе о землеустройствѣ». Одна изъ главныхъ цѣлей, преслѣдуемыхъ этимъ закономъ, заключается въ устраненіи черезполосицы, которая, при извѣстныхъ условіяхъ—т. н. «спеціальная» черезполосица безъ сомнѣнія вредна для сельскаго хозяйства. Разверстаніе угодій на отрубные участки, т. е. полное устраненіе черезполосицы, составляетъ землеустроительную операцію, не связанную съ опредѣленной формой владѣнія землей. Коммассація земельныхъ участковъ можетъ имѣть мѣсто—и дѣйствительно производится,—и тогда, когда лежащіе черезполосно и подлежащіе соединенію участки принадлежатъ ихъ владѣльцамъ на правѣ личной собственности, и тогда, когда они находятся только въ ихъ пользованіи. Извѣстно, что общины уничтожаютъ у себя черезполосицу полностью или отчасти, когда признаютъ это необходимымъ; это доказываетъ, что коммассація вполнѣ совмѣстима съ общиннымъ землевладѣ-

1) Цит. по книгѣ оберъ-прокурора Прав. Сената 2-го д-та И. М. Тютрюмова: «Законъ 14-го іюня 1910 г.», стр. 93.

піемъ. Тѣмъ не менѣе разверстаніе угодій для устраненія черезполосицы—настолько сложная и дорогая операція, что община не всегда въ состояніи предпринять ее. Поэтому было бы важно облегчить ея производство не только единоличнымъ владѣльцамъ, но и общинамъ. Между тѣмъ, «Положеніе о землеустройствѣ», не допуская частичнаго устраненія черезполосицы, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы достаточно, связываетъ кромѣ того коммассацію съ переходомъ къ единоличному владѣнію. Съ точки зрѣнія этого узаконенія (стт. 42 и слѣд.) полное по цѣлымъ обществамъ разверстаніе угодій на отрубные участки равнозначуще разверстанію земли въ личную собственность. Коммассація земли въ обществахъ съ общиннымъ землевладѣніемъ не допускается, въ землеустроительномъ порядкѣ, съ сохраненіемъ общиннаго строя. Такимъ образомъ община, пока она не рѣшила перейти къ единоличному владѣнію, не можетъ воспользоваться землеустроительнымъ аппаратомъ, находящимся къ услугамъ однихъ единоличныхъ владѣльцевъ.

Въ борьбѣ съ черезполосицей общины не только предоставлены собственнымъ силамъ въ отношеніи техники размежеванія, но кромѣ того встрѣчаются съ часто непреодолимымъ препятствіемъ въ видѣ затрудненія въ утвержденіи приговоровъ объ общемъ передѣлѣ, безъ котораго уничтоженіе или сокращеніе черезполосицы невозможно. Если общество не докажетъ, что у него были общіе передѣлы со времени надѣленія землею, передѣлъ не будетъ разрѣшенъ, хотя бы его цѣлью было только сокращеніе числа полосъ. Такому обществу придется остаться при черезполосицѣ, какъ бы она ни была вредна для земледѣлія, или перейти къ единоличному владѣнію. При подобной постановкѣ дѣла борьба съ черезполосицей обращается въ орудіе борьбы съ общиннымъ землевладѣніемъ.

Согласно послѣднему «Обзору дѣятельности землеустроительныхъ комиссій», матеріальная помощь хозяйствамъ единоличнаго владѣнія при землеустройствѣ за 5 лѣтъ (1907—1911) выразилась въ суммѣ 13,4 мил. руб., выданныхъ въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ 147,670 дворамъ (по 91 р., въ среднемъ, на каждый) и 864,5 тыс. руб., выданныхъ въ видѣ безвозвратныхъ пособій 32.100 домохозяевамъ (въ среднемъ—по 27 руб. на дворъ), не считая авансовыхъ ссудъ, расходовъ на меліоративныя работы, зачисляемыхъ въ ссуду, и содѣйствія огнестойкому строительству.

Всего за 5 лѣтъ (1907 — 1912) ассигновано по смѣтамъ

деп. гос. зем. имущ. на ссуды и пособія крестьянамъ при землеустройствѣ 30,2 мил. руб.

Въ показанныя суммы не входятъ, однако, ассигнованія на агрономическую помощь въ районахъ разселенія и на гидротехническія мѣропріятія для надобностей землеустройства. По первой изъ этихъ статей было ассигновано въ 1912 г. 6,5 мил. руб., а на 1913 г. предположено 7,5 мил. руб. Эти суммы предназначены на содѣйствіе мѣстнымъ начинаніямъ въ дѣлѣ оказанія агрономической помощи крестьянамъ, перешедшимъ къ хуторскому и отрубному владѣнію.

По расчету, произведенному Л. Н. Литошенко въ докладѣ на областномъ агрономическомъ съѣздѣ 1911 г., средній расходъ на агрономическую помощь, при землеустройствѣ, единоличнымъ владѣніямъ составилъ въ 1910 г. около $^2/_3$ руб. на дес., а въ 1911 г.—57 к. [1]).

Все это дѣлается исключительно въ интересахъ единоличныхъ владѣльцевъ. Общинникамъ приходится довольствоваться преимущественно земской агрономической помощью, размѣры которой хотя и возрастаютъ въ послѣдніе годы, но тѣмъ не менѣе остаются пока еще очень скромными: въ среднемъ по 34 губерніямъ расходы земства на сельскохозяйственныя мѣропріятія (безъ расходовъ на поддержку подсобныхъ промысловъ и распространеніе ремесленныхъ знаній) составили въ 1910 г. 13 к. на десятину всѣхъ посѣвовъ противъ 10,2 коп. въ предшествовавшемъ 1909 г., 7,7 к.—въ 1908 г. и 5,8 к.—въ 1906 г. На одного сельскаго жителя приходилось въ тѣ же годы: 12,3 к., 9,7 к., 7,7 к. и 6,1 к. [2]). Какъ далеки эти скромныя цифры отъ приведенныхъ выше!

Если принять во вниманіе вышеизложенныя черты дѣйствующаго законодательства и соотвѣтствующее направленіе аграрной политики, да еще присоединить къ этому усердіе земскихъ начальниковъ, то, оставаясь безпристрастнымъ, нельзя не признать безнадежной всякую попытку отдѣлить въ послѣдствіяхъ аграрной реформы то, что составляетъ результатъ добровольнаго стремленія крестьянъ-общинниковъ къ выходу изъ общины, отъ того, что является съ ихъ стороны вынужденнымъ или вымученнымъ подчиненіемъ неизбѣжному.

---

1) «Земскія и правительственныя ассигнованія на мѣропріятія агрономической помощи населенію».

2) Изв. Глав. Упр. Земл. и Землед. 1912, № 27, стр. 649.

III.

Обратимся теперь къ результатамъ новѣйшаго законодательства объ общинномъ землевладѣніи.

Общее число домохозяевъ, заявившихъ требованіе объ укрѣпленіи земли въ личную собственность на основаніи указа 9 ноября и ст. 9 и сл. закона 14-го іюня, достигло къ 1 января 1912 г.— 2.284.017, изъ которыхъ окончательно укрѣплено по постановленіямъ уѣздныхъ съѣздовъ 1.621.981 [1]). Кромѣ того укрѣпленіе надѣльной земли въ личную собственность происходитъ при полномъ разверстаніи цѣлыхъ обществъ и селеній въ землеустроительномъ порядкѣ. По 1-е января 1912 г. поступило ходатайствъ о полномъ разверстаніи обществъ и селеній съ общиннымъ землепользованіемъ отъ 10.940 обществъ съ 598.039 дворами; окончательно же разверстано, со сдачей соотвѣтствующихъ землеустроительныхъ работъ населенію, 5.450 обществъ, съ 265.569 дворами, которымъ принадлежитъ 2.843.780 дес. земли.

Для того чтобы получить общій итогъ дворовъ, перешедшихъ отъ общиннаго землевладѣнія къ единоличному, слѣдуетъ къ числу укрѣпившихся по указу 9 ноября и по ст. 9 и сл. закона 14-го іюня присоединить: 1) число дворовъ въ обществахъ и селеніяхъ, подвергшихся полному разверстанію, и 2) число дворовъ, получившихъ удостовѣрительные акты, которыхъ, по произведенному выше приблизительному расчету, должно быть (на 1-е января 1912 г.)—739 тыс. Все это даетъ въ конечномъ итогѣ около 2,6 милл. домохозяевъ или дворовъ, перешедшихъ и переведенныхъ въ разрядъ единоличнаго владѣнія по 1-е января 1912 г.

Этотъ итогъ является, впрочемъ, завѣдомо преувеличеннымъ, потому что часть дворовъ, укрѣпившихся еще на основаніи указа 9-го ноября 1906 г., могла затѣмъ попасть вторично въ счетъ вышедшихъ изъ общины, если общества, въ составъ которыхъ входили эти дворы, подпадали подъ дѣйствіе ст. 1-ой или подвергались полному разверстанію. Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика не даетъ возможности выдѣлить такіе дворы, вслѣдствіе чего приходится имѣть дѣло съ итогомъ завѣдомо неточнымъ и несомнѣнно преувеличеннымъ.

Имѣя въ виду эту оговорку, посмотримъ, какую часть об-

---

1) Изв. Зем. Отд. № 3, 1912 г.

щинныхъ дворовъ, существовавшихъ до 1906 г., захватило современное аграрное законодательство. Въ 40 губерніяхъ, къ которымъ относятся послѣднія свѣдѣнія о ходѣ укрѣпленій и выдачѣ удостовѣрительныхъ актовъ, насчитывалось въ 1905 г. 8,9 милл. общинныхъ дворовъ, а принимая во вниманіе приростъ населенія—около 10 милл. къ 1 января 1911 г. [1]) Если отнести число укрѣпленій (подводя подъ это понятіе и переходы по удостовѣрительнымъ актамъ) къ только что приведеннымъ итогамъ, то окажется, что новѣйшее законодательство успѣло по 1-е января 1912 г. перевести въ разрядъ личныхъ собственниковъ около 25% всѣхъ дворовъ, числившихся въ указанныхъ губерніяхъ на 1-е января 1911 г. входящими въ составъ обществъ съ общиннымъ землепользованіемъ (по отношенію къ 1905 г.— 29,2%). Укрѣпленіе надѣльной земли за отдѣльными домохозяевами не составляетъ, однако, конечной цѣли аграрной реформы. Творцы ея неоднократно заявляли, что конечной цѣлью проведеннаго ими законодательства они признаютъ выдѣлъ укрѣпленной земли въ отруба или, еще лучше, въ хутора, самое же укрѣпленіе разсматриваютъ только какъ переходную ступень. Укрѣпленіе надѣльной земли безъ выдѣла ея къ одному мѣсту имѣетъ только то значеніе, что обезпечиваетъ укрѣпившихся домохозяевъ отъ измѣненія площади находящейся въ ихъ постоянномъ пользованіи надѣльной земли, но оно не уничтожаетъ и даже не уменьшаетъ черезполосицы, какъ бы она ни была неудобна въ хозяйственномъ отношеніи, и даже не ограждаетъ владѣльцевъ отъ передвиженія ихъ владѣній, помимо ихъ воли, въ предѣлахъ общинной территоріи (ст. 36 закона 14-го іюня). Укрѣпленіе надѣла само по себѣ еще не ставитъ земледѣльца въ условія, существенно отличающіяся отъ тѣхъ, которыя признаются сторонниками аграрной реформы необходимыми для улучшенія сельскаго хозяйства. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ признать существенными и окончательными только тѣ результаты указа 9-го ноября и закона 14-го іюня, которые выразились въ выдѣлахъ земли къ одному мѣсту, причемъ идеаломъ современнаго землеустройства признаются хутора, а на второмъ планѣ ставится отрубъ. Какіе же результаты достигнуты въ этомъ направленіи?

Отрубныя и хуторскія хозяйства образуются въ землеустроительномъ порядкѣ черезъ полное разверстаніе обществъ

[1]) См. „Статистику Землевладѣнія 1905 г.“ (Изд. Центр. Стат. Ком. 1907 г.) и таблицу г. Лосицкаго на стр. 46—47 его книги: «Распаденіе общины“.

и селеній съ общиннымъ и подворнымъ землепользованіемъ и черезъ выдѣлъ къ одному мѣсту отдѣльныхъ участковъ изъ общинныхъ земель. Свѣдѣнія по этимъ видамъ землеустроительныхъ работъ сообщаются въ оффиціальныхъ отчетахъ подъ рубрикой единоличнаго землеустройства.

Насъ интересуетъ здѣсь ходъ послѣдняго лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ оно касается общиннаго землевладѣнія. Въ этихъ предѣлахъ достигнутые результаты представляются въ такомъ видѣ. По 1-е января 1912 г., какъ было указано выше, поступило ходатайствъ о полномъ разверстаніи обществъ и селеній съ общиннымъ землепользованіемъ отъ 10.940 обществъ съ 598.039 дворами; окончательно же разверстано, со сдачей соотвѣтствующихъ землеустроительныхъ работъ населенію, 265.569 дворовъ, которымъ принадлежитъ 2.843.780 дес. земли. Кромѣ того, 390753 двора, входящихъ въ составъ 50.493 обществъ, возбудили ходатайства о выдѣлѣ имъ къ одному мѣсту отдѣльныхъ участковъ изъ общинныхъ земель; окончательно же выдѣлено 129.253 двора, съ площадью земли въ 1.384. 163 дес. [1]).

Итакъ, въ общемъ перешло на отруба и хутора путемъ полнаго разверстанія и выдѣла 394. 822 (265.569 + 129.253) двора, съ площадью бывшихъ общинныхъ земель въ 4.227.943 дес. По отношенію къ выведенному выше итогу укрѣпленій (около 2,6 м. дв.) это составляетъ приблизительно 15%. При этомъ, однако, приходится имѣть въ виду очень сильныя колебанія разверстаній и выдѣловъ по губерніямъ.

Расчеты, произведенные въ этомъ направленіи г. Лосицкимъ, котораго нельзя заподозрить въ несочувствіи политикѣ разрушенія общины, приводятъ къ заключенію, что разверстанія общинныхъ селеній и выдѣлы отдѣльныхъ дворовъ на хутора и отруба въ общинной Россіи получили пока незначительное распространеніе. Изъ 30 губерній этой группы только 8 дали 6% разверставшихся и 1,3% выдѣлившихся по отношенію къ общему числу общинныхъ дворовъ; въ общемъ же по 30 губерніямъ разверставшихся оказалось всего 1,7%, а выдѣлившихся—0,7% [2]).

Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика не раздѣляетъ хуторовъ и отрубовъ, подводя тѣ и другіе подъ общую рубрику единоличнаго землеустройства. Поэтому не представляется возможнымъ опредѣлить, насколько въ единоличномъ землеустройствѣ преобладаютъ настоящіе хутора. Однако, имѣются отдѣль-

[1]) Обзоръ дѣятельности землеустроительныхъ комиссій. 1907—1911 (СПБ., 1912 г., стр. 5.)

[2]) «Распаденіе общины», стр. 33.

ныя указанія, позволяющія предполагать, что большинство выдѣловъ приходится на другіе, менѣе совершенные съ землеустроительной точки зрѣнія виды единоличныхъ владѣній. Напр., по сообщенію агронома П. М. Степанова на областномъ съѣздѣ въ Москвѣ, всѣ хозяйства единоличнаго владѣнія Нижегородской губерніи, независимо отъ того, на какой землѣ они устроены, можно раздѣлить на три группы: 1) типично-хуторскія—когда всѣ угодья сведены въ одинъ отрубъ съ нахожденіемъ въ немъ усадьбы; 2) хозяйства хуторского типа, когда усадьба расположена на отрубномъ участкѣ пахатной земли, а прочія вспомогательныя угодья находятся въ общемъ владѣніи или отдѣльномъ участкѣ и 3) отрубныя—когда усадьба расположена на отдѣльномъ отъ пахатныхъ угодій участкѣ. По свѣдѣніямъ г. Степанова отрубныя владѣнія составляютъ 96% обшаго числа единоличныхъ хозяйствъ, возникшихъ на надѣльной землѣ, владѣнія хуторского типа—3% и типичные хутора—только 1% [1]).

Такъ ли обстоитъ дѣло и въ другихъ мѣстахъ—мы не знаемъ; но въ виду трудности и дороговизны устройства хуторовъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что бо́льшая часть, выдѣловъ относится не къ типичнымъ хуторамъ.

Однако, и тамъ, гдѣ развиваются хутора, ихъ вліяніе на сельское хозяйство больше всего доказываетъ справедливость той мысли, что хуторская, и тѣмъ болѣе отрубная, системы сами по себѣ не обезпечиваютъ земледѣльческаго прогресса. Къ такому выводу приводитъ, по крайней мѣрѣ, матеріалъ, накопившійся за послѣднее время въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ по иниціативѣ Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія и нѣкоторыхъ земствъ.

Въ Кіевской и Самарской губерніяхъ, гдѣ хутора возникли задолго до послѣдней реформы, русскіе хуторяне рѣзко не выдѣляются своимъ благосостояніемъ по сравненію съ остальнымъ населеніемъ, въ томъ числѣ и общинниками. Замѣтно поднимаются надъ среднимъ уровнемъ только хуторяне-чехи и нѣмцы, въ Самарской губ.—особенно меннониты, что объясняется сравнительно крупными размѣрами ихъ участковъ, наличностью у колонистовъ необходимаго капитала и большею культурностью ихъ самихъ [2]). Въ Псковской губ., гдѣ хуторское разселеніе идетъ

1) Моск. Областной Съѣздъ дѣятелей агрономической помощи населенію 21—28 февраля 1911 г. Труды Съѣзда, часть вторая, вып. I., стр. 212.

2) См. «Хуторскія хозяйства Кіевской губерніи. Результаты обслѣдованія, произведеннаго въ 1908—1909 гг.» (2 тома, 1911 г., изд. Кіевской Губерн. землеустр. Ком.) и «Подворное и хуторское хозяйство въ Самарской губерніи (изд. Самарскаго Губерн. Земства», (2 тома, 1909 г.).

успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, встрѣчая рядъ благопріятныхъ условій для своего развитія, хутора охватываютъ почти исключительно крупныя владѣнія крестьянскаго типа, что одно уже даетъ имъ серьезныя преимущества. Тѣмъ не менѣе свѣдѣнія о хуторскомъ хозяйствѣ въ этой губерніи не оставляютъ впечатлѣнія значительнаго техническаго подъема. Большинство хуторскихъ хозяйствъ пользуется простыми орудіями для обработки земли и уборки урожая; искусственныя удобренія примѣняются какъ исключеніе, трехполье еще широко распространено (35% изъ 110 хуторовъ, изслѣдован. въ Псковской губ., 80% хуторскихъ хозяйствъ въ Торопецкомъ у.) Все это не служитъ признакомъ высокаго уровня земледѣльческой культуры [1]). Если, тѣмъ не менѣе, наблюдается ея улучшеніе, что выражается, между прочимъ, въ сравнительно высокихъ урожаяхъ, то, оцѣнивая это явленіе въ связи съ развитіемъ хуторского разселенія, необходимо имѣть въ виду и наступившія въ послѣднее время перемѣны въ постановкѣ агрономической помощи въ Псковской губ. Такъ напр., въ Торопецкомъ у. до 1905 г. земство не обращало никакого вниманія на агрономическія мѣропріятія. Между тѣмъ, одновременно съ развитіемъ хуторского разселенія въ уѣздѣ была организована и агрономическая помощь хуторянамъ, причемъ для этой цѣли землеустроительная комиссія пользовалась съ весны 1908 г. услугами земскаго агрономическаго персонала [2]).

Совсѣмъ печальную картину рисуетъ обслѣдованіе 149 хуторскихъ хозяйствъ въ Полтавской губ. Здѣсь уже не наблюдается никакихъ преимуществъ на сторонѣ послѣднихъ въ отношеніи земледѣльческой культуры. Въ тѣхъ случаяхъ, когда хутора образовались раньше введенія послѣднихъ аграрныхъ мѣропріятій и не были поставлены въ положеніе исключительно благопріятствуемой формы землевладѣнія, ихъ вліяніе на состояніе земледѣлія ничѣмъ не обнаружилось. По словамъ «Обзора», старыя хуторскія хозяйства повсюду въ губерніи имѣютъ болѣе или менѣе сходный характеръ и общіе выводы для характеристики напрашиваются сами собою. Это—обычно—сравнительно стойкія организаціи, крѣпкія, главнымъ образомъ, обезпеченностью землей, которая и даетъ хозяину главный доходъ. Техника въ этихъ хозяйствахъ, большею частью, отсталая, дѣдовская, почему

---

[1]) См. «Результаты изслѣдованія 110 хозяйствъ мелкаго единоличнаго владѣнія Псковской губ. 1910 г.», (изд. Псков. губ. Зем. Ком.), и П. Я. Наймаркъ, «Хуторское разселеніе на надѣльныхъ земляхъ Торопецкаго у.» (1912 г).

[2]) Наймаркъ, стр. 47.

урожаи рѣдко достигаютъ величины выше средней; пары рѣдко удобряются, сѣвообороты вообще отсутствуютъ, преобладаетъ безпарье, а въ сѣверныхъ уѣздахъ—трехполье» [1]).

Приведенные факты свидѣтельствуютъ о томъ, что улучшеніе земледѣлія зависитъ не столько отъ преимуществъ хуторской системы, сколько отъ многихъ другихъ условій, при наличности которыхъ и общинное землепользованіе не помѣшало бы земледѣльческому прогрессу. Допустимъ, однако, что хуторская система, съ точки зрѣнія успѣховъ сельскаго хозяйства—наилучшая изъ всѣхъ существующихъ системъ. Тѣмъ не менѣе изъ собранныхъ до сихъ поръ свѣдѣній о хуторахъ вытекаетъ во всякомъ случаѣ съ полной несомнѣнностью то, что хутора могутъ получить распространеніе и укорениться только при извѣстныхъ естественныхъ и бытовыхъ условіяхъ, далеко не вездѣ существующихъ. Изслѣдователи псковскихъ хуторовъ единодушно отмѣчаютъ эту сторону дѣла, останавливаясь на особенностяхъ рельефа Псковской губ., на распредѣленіи по ея территоріи почвъ разнаго рода, на характерѣ положенія въ ней грунтовыхъ водъ, на размѣрахъ деревень и степени земельной обезпеченности крестьянъ, на составѣ ея населенія и другихъ условіяхъ, благодаря которымъ именно эта губернія сдѣлалась райономъ распространенія хуторского хозяйства на надѣльныхъ земляхъ. [2]) Уже въ силу указанной причины хутора не могутъ быть признаны универсальнымъ средствомъ подъема русскаго земледѣлія.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что во многихъ случаяхъ послѣдствія новѣйшаго аграрнаго законодательства выразятся только въ укрѣпленіи земли за отдѣльными домохозяевами и, въ лучшемъ случаѣ, въ распространеніи отрубовъ, что, по признанію самихъ иниціаторовъ аграрной реформы, не составляетъ еще ея конечной цѣли.

IV.

Выводъ изъ вышеизложеннаго вытекаетъ самъ собою. Дѣйствующее законодательство объ общинѣ представляетъ, въ связи съ существующей постановкой землеустроительной и агрономи-

1) Полтав. Губерн. Зем. Ком., «Обзоръ агрономической помощи хозяйствамъ единоличнаго владѣнія Полт. губ. въ 1911 г.» (Полтава, 1912 г., стр. 21). См. по поводу этого изданія ст. г. Н. Огановскаго въ Русс. Вѣд., 1912 г. № 222.

2) См. Наймаркъ, стр. 5 и сл., также статью кн. Оболенскаго въ «Русской Мысли» (1912 г., 4).

ской помощи населенію, систему прямого (ст. 1-ая) и косвеннаго понужденія къ отказу отъ общиннаго землепользованія. Если бы даже тѣ органы, на которые возложено примѣненіе аграрныхъ законовъ, относились къ дѣлу съ полнымъ безпристрастіемъ, то и въ такомъ случаѣ давленіе въ пользу единоличнаго владѣнія тѣмъ не менѣе существовало бы, потому что оно вытекаетъ изъ самаго содержанія дѣйствующихъ узаконеній, независимо отъ способа ихъ примѣненія.

Сторонники аграрной реформы, какъ изъ праваго, такъ и изъ лѣваго лагеря, обыкновенно указываютъ на то, что процессъ разложенія общиннаго строя начался гораздо раньше указа 9-го ноября, встрѣтившаго въ жизни уже вполнѣ подготовленную почву. Такъ, г. Чернышевъ въ брошюрѣ: «Крестьяне объ общинѣ наканунѣ 9-го ноября 1906 года» (1912) утверждаетъ, что община въ Россіи «разрушается не декретомъ 9 ноября, а экономическимъ процессомъ, подготовившимъ почву для воспріятія населеніемъ этого декрета. Не будь этой готовой почвы—замѣчаетъ онъ,—не будь община тяжелой обузой для нѣкоторыхъ слоевъ крестьянства задолго до 9 ноября,—декретъ о разрушеніи общины остался бы на бумагѣ, и общинная Россія прошла бы мимо него» [1]). Изъ существованія процесса, о которомъ говоритъ авторъ цитированной брошюры и многіе другіе, примыкающіе къ тому же взгляду, не вытекаетъ, однако, заключенія, къ которому приходитъ, напр., г. Лосицкій, въ своемъ докладѣ о распаденіи общины, признающій новое законодательство объ общинѣ «отвѣчающимъ интересамъ значительныхъ массъ крестьянства» [2]). Прежде всего, потребность населенія въ примѣненіи существующихъ при общинѣ условій землепользованія тамъ, гдѣ она дѣйствительно существуетъ, представляетъ гораздо болѣе сложное явленіе, чѣмъ простое стремленіе къ разрушенію общины и переходу въ разрядъ единоличнаго владѣнія. При возможности свободнаго удовлетворенія, эта потребность во многихъ случаяхъ привела бы, вѣроятно, не къ распаденію, а къ преобразованію общиннаго строя, хотя бы, напр., по типу западноевропейскихъ альмендъ, гдѣ одни угодья, обыкновенно—пахатныя земли и сѣнокосы, состоятъ въ личной собственности, а другія остаются въ общественномъ пользованіи.

Альменда представляетъ очень важныя соціальныя и экономическія преимущества передъ единоличнымъ владѣніемъ въ

---

[1]) Стр. 85.
[2]) Стр. 44 (отд. изданія).

чистомъ видѣ, обезпечивая населенію возможность пользоваться на удобныхъ условіяхъ общими пастбищами и лѣсами. Эта весьма существенная выгода альмендной формы землевладѣнія признается въ настоящее время многими изслѣдователями аграрнаго вопроса на Западѣ, высказывающимися за сохраненіе общинныхъ земель и выражающими сожалѣніе о бывшемъ раздѣлѣ ихъ [1]). Между тѣмъ, дѣйствующее у насъ законодательство, какъ это неоднократно разъяснялось, [2]) не допускаетъ укрѣпленія части надѣла и поэтому дѣлаетъ невозможнымъ образованіе общинъ смѣшаннаго типа.

Независимо отъ стремленія закрыть населенію пути къ преобразованію общины, оставивъ открытымъ только выходъ изъ нея, наше законодательство о землѣ прямо или косвенно заставляетъ отказываться отъ общиннаго землевладѣнія и тѣхъ, которые желали бы сохранить его даже въ настоящемъ его видѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда само населеніе стремится перейти къ единоличному владѣнію, этотъ переходъ связывается дѣйствующимъ законодательствомъ съ нарушеніемъ справедливыхъ интересовъ тѣхъ, кто остается въ общинѣ, и съ лишеніемъ правъ на пользованіе мірской землею значительныхъ разрядовъ населенія. Если такой способъ удовлетворенія потребности населенія въ переходѣ къ единоличному владѣнію выгоденъ съ точки зрѣнія частно-хозяйственныхъ интересовъ одной части землевладѣльческаго населенія, то онъ крайне невыгоденъ для другой части, оказывающейся въ этомъ случаѣ безъ вины виноватой.

Можно быть вполнѣ свободнымъ отъ фанатическаго поклоненія общинному началу, нисколько не идеализировать современной общины и не придавать ей значенія ступени къ лучшему строю хозяйственныхъ отношеній, можно признавать въ полной мѣрѣ необходимость открыть свободный выходъ, по возможности съ землею, всѣмъ желающимъ отказаться отъ общиннаго землепользованія—и тѣмъ не менѣе рѣшительно быть противъ аграрнаго законодательства послѣднихъ лѣтъ. Съ точки зрѣнія государственныхъ, а не частныхъ интересовъ и узко партійныхъ или доктринерскихъ лозунговъ, не безразлично, какъ совершается законодательное удовлетвореніе потребностей населенія—съ соблюденіемъ ли требованій справедливости и права, или съ нарушеніемъ ихъ. Это не безразлично въ интересѣ еще

---

1) См., напр., Bücher, «Die Allmende»; Seebom Rowntree, «Comment diminuer la misère. Etudes sur la Belgique» и др.

2) Ук. 2 Деп. Прав. Сената 30 янв. 1910 г. № 569, 17 марта 1909 г. № 2584 и др. Тютрюмовъ, стр. 19 и сл.

болѣе высокомъ и важномъ, чѣмъ тотъ, чрезвычайно важный самъ по себѣ интересъ, который связанъ съ измѣненіемъ формъ землевладѣнія. Но и съ точки зрѣнія народнаго хозяйства не можетъ быть оправдано бюрократическое разрѣшеніе вопроса, который можетъ быть правильно рѣшенъ только въ строгомъ согласіи съ желаніями самого населенія, его бытомъ и всей совокупностью условій каждаго конкретнаго случая. Здѣсь навязываніе населенію готовыхъ рѣшеній можетъ принести только вредъ—а это именно и дѣлаетъ дѣйствующее аграрное законодательство.

Открытіе возможно широкаго простора для распространенія и развитія разныхъ формъ землевладѣнія и землепользованія, соотвѣтственно особенностямъ отдѣльныхъ районовъ страны въ физическомъ, бытовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, вмѣсто производимаго теперь насильственнаго внѣдренія одной формы, должно было бы служить руководящимъ началомъ аграрнаго законодательства. Нѣтъ другой области, гдѣ вмѣшательство власти надлежало бы ставить въ болѣе опредѣленныя и ограниченныя рамки и гдѣ бы претензіи правящихъ классовъ навязывать населенію излюбленныя ими и соотвѣтствующія ихъ интересамъ формы хозяйства, было менѣе умѣстно и болѣе вредно.

Въ этомъ вопросѣ старинное изрѣченіе: «Pour gouverner mieux il faudrait gouverner moins» служило бы во всякомъ случаѣ болѣе надежнымъ правиломъ, чѣмъ стремленіе рѣшать за населеніе, что̀ ему выгодно и полезно.

А. Мануиловъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Н. Г. Чернышевскій, какъ новый типъ общественнаго дѣятеля.

I.

Есть имена, которыя покрываютъ собою духовную работу цѣлаго поколѣнія, дѣятельность огромнаго числа лицъ, иной разъ лицъ очень самостоятельныхъ и сильныхъ. Имя одного человѣка становится выразителемъ массоваго движенія—движенія не темной массы, а цѣлыхъ интеллигентныхъ группъ. При наличности самыхъ разнообразныхъ сужденій и настроеній, какими волнуются участники единаго общественнаго движенія, имя одного человѣка способно сосредоточить на себѣ и любовь всѣхъ, кто идетъ съ нимъ одной дорогой, и вражду всѣхъ, кому этотъ новый путь кажется пагубнымъ.

Для молодого поколѣнія шестидесятыхъ годовъ, въ его радикальныхъ группахъ разныхъ оттѣнковъ, имя Чернышевскаго было такимъ условнымъ именемъ, произнося которое друзья узнавали друзей, а враги—своихъ недруговъ. Такъ велико было обаяніе этого имени, что даже мечты и фантазіи его носителя пріобрѣтали для его поклонниковъ цѣнность осуществимаго, чуть ли не осуществленнаго явленія. И такъ велика была ненависть къ нему людей съ нимъ несогласныхъ, что самый фактъ его существованія былъ сочтенъ за достаточный поводъ къ его пожизненному устраненію изъ общественнаго обихода. Послѣ опубликованныхъ документовъ судебнаго слѣдствія надъ Чернышевскимъ ясно, что кара пала на него не за тѣ или другіе опредѣленные его проступки, а за то, что онъ былъ—онъ,

самый сильный, самый вліятельный, самый талантливый изъ всѣхъ его окружавшихъ спутниковъ. Въ немъ судили и наказывали историческій фактъ порожденія и развитія новаго общественнаго типа, новаго направленія въ жизни и въ мысляхъ. Предполагалось, что это направленіе можетъ заглохнуть и умереть, если заглохнетъ и умретъ имя человѣка. Заглушить это имя, дѣйствительно, удалось въ томъ смыслѣ, что лѣтъ тридцать оно въ предѣлахъ Россіи не появлялось въ печати. Но жизнь спасла его отъ забвенія. Вокругъ неназваннаго, но всѣмъ извѣстнаго имени вспыхивали споры, все еще достаточно ожесточенные—яркія зарницы умчавшейся бури. И наконецъ, въ наши дни жизнь и творчество человѣка, носившаго это имя, стали предметомъ историческаго, научнаго обслѣдованія.

Наука должна исправить ту несправедливость, какою жизнь передъ Чернышевскимъ провинилась: она же должна найти ту справедливую оцѣнку, отъ которой вольно или невольно уклонились и его враги, и его поклонники. Чернышевскій давно уже принадлежитъ исторіи, чуть ли не съ самаго момента его гражданской смерти, когда тюремная стѣна отдѣлила его и отъ людей, съ которыми онъ работалъ надъ дѣломъ своей жизни, и отъ самаго этого дѣла. Тюрьма и ссылка не были перерывомъ въ его работѣ: они навсегда ее остановили. Возвращенный изъ Сибири старикъ могъ радоваться труду своихъ наслѣдниковъ, но никакой помощи оказать имъ не могъ, если не считать помощью живой примѣръ необычайно сильнаго ума и желѣзной энергіи, сломленныхъ не случайнымъ, а сознательно принятымъ на себя страданіемъ и сознательно навлеченнымъ на себя несчастіемъ. Полуживой среди своихъ послѣдователей, онъ въ наши дни сталъ историческимъ воспоминаніемъ, и многіе изъ насъ съ болью отмѣчали ту малую отзывчивость, съ какой передовые круги нашего общества отнеслись къ его имени и его памяти въ недавніе дни политическаго броженія. Правда, сочиненія Чернышевскаго были впервые полностью изданы, статей и замѣтокъ о немъ писалось много, появились даже три обширныхъ монографіи, установляющія его связь съ нашимъ временемъ; но все-таки присутствія его тѣни среди насъ не ощущалось такъ живо, какъ на это можно было разсчитывать, судя по тому обаянію, какое имѣло его имя въ радикальныхъ и революціонныхъ группахъ ближайшаго прошлаго. И радикальная мысль, и революціонная тактика ушли быстро впередъ, и въ дни рѣшительныхъ выступленій не имѣли ни времени, ни желанія оглядываться на прошлое. Историческая минута бываетъ иногда очень ревнива и потому очень жестока по отно-

шенію къ тѣмъ людямъ, которые подготовляли ея приходъ. Ей нужны не тѣни, а люди, и она нерѣдко вѣнчаетъ слабыхъ, но живыхъ людей тѣмъ вѣнкомъ, какимъ слѣдовало бы украсить могилу.

Впрочемъ, не все ли равно — сохраняется-ли объ отошедшемъ дѣятелѣ непрерывная, живая, неугасающая память, если живетъ то дѣло, которому онъ свою жизнь отдалъ? Наступитъ время, когда прошлое будетъ воскрешено въ памяти, воскрешено безстрастно, при нелицепріятномъ судѣ, и тогда будетъ возстановлена та справедливость, которая такъ часто нарушается жизнью и всего чаще по отношенію къ сильнымъ людямъ, умѣющимъ будить одновременно и любовь, и ненависть.

Время спокойной оцѣнки дѣятельности Чернышевскаго наступаетъ. Историкъ русской науки и литературы безстрастно оцѣнитъ его большія заслуги передъ нашей образованностью. Онъ укажетъ на его работы по исторіи русской словесности XVIII и XIX вѣковъ и на его литературно-критическія статьи, какъ на образецъ публицистической критики, въ то время только что зародившейся и съ его легкой руки надолго укрѣпившейся; онъ упомянетъ объ его романѣ, надѣлавшемъ столько шуму и, какъ бы строгъ ни былъ историкъ въ оцѣнкѣ этого романа, какъ художественнаго произведенія, онъ признаетъ въ немъ первый русскій «соціальный» романъ, созданный по типу иноземныхъ утопій, но съ совсѣмъ новой тенденціей — представить утопію не въ видѣ сна, видѣнія или грезы, за моремъ лежащей, а въ формѣ реальнаго обыденнаго явленія, уже наступившаго или имѣющаго наступить завтра. Переходя къ оцѣнкѣ чисто публицистической дѣятельности Чернышевскаго, историкъ воздастъ должное его работѣ надъ столь сложными и новыми тогда вопросами дня, какъ вопросъ объ экономическомъ бытѣ крестьянства, объ историческомъ развитіи и нравственной цѣнности крестьянской общины, о положеніи рабочихъ, о политикѣ внутренней, которая должна была считаться съ совершившейся перемѣной, о политикѣ внѣшней, о безчисленномъ количествѣ текущихъ явленій общественной и государственной жизни, явленій нежелательныхъ или желаемыхъ. Во всемъ историкъ оцѣнитъ и смѣлость, и силу мысли Чернышевскаго—и какія бы возраженія онъ ни имѣлъ противъ его словъ, онъ долженъ будетъ признать, что эти слова были сказаны очень дальновиднымъ и освѣдомленнымъ публицистомъ. Говоря о Чернышевскомъ, какъ объ ученомъ, историкъ также долженъ будетъ отмѣтить его вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ научныхъ доктринъ въ Россіи. Его политико-экономическіе трактаты оцѣ-

цены теперь не только нами, но и за границей. Въ исторіи нашей философской науки ему должно быть отведено мѣсто если не какъ оригинальному мыслителю, то какъ популяризатору матеріализма и утилитаризма. Пусть всѣ изъяны этихъ ученій будутъ исчислены и обнаружены, пусть теперь эти ученія отходятъ въ тѣнь,—конечно, съ тѣмъ, чтобы когда-нибудь вновь выдвинуться на первое мѣсто: Чернышевскій дѣлилъ ихъ ошибки со многими сильными міровыми умами, и онъ первый среди русскихъ философскихъ умовъ заговорилъ о научной основѣ этихъ ученій. Они были для него предметомъ спекулятивнаго интереса и реальной основой, на которой можно было построить новую личную и гражданскую этику. Историкъ скажетъ, что если философскіе трактаты Чернышевскаго стали мишенью весьма вѣскихъ возраженій, то эти возраженія относились не къ нему лично, а къ цѣлому порядку міровыхъ идей. Возражавшіе ему забывали, что неясность, недоговоренность, видимая поверхностность его словъ были обусловлены не теоретической слабостью и непродуманностью его взглядовъ, а цензурными условіями того времени. Какъ популяризировать и развивать идеи Фейербаха, когда въ печати нельзя было произнести даже его имени? Какъ укрѣплять въ умахъ читателей антропологическій принципъ, когда обо всемъ, что относится къ генезису религіознаго чувства, нужно было умалчивать? Историкъ признаетъ, что направленіе философской мысли, въ какомъ шелъ Чернышевскій, должно было быть принято русскимъ умомъ, если этотъ умъ желалъ держаться на уровнѣ европейскаго образованія и развитія. Ошибки этого направленія были видны людямъ старыхъ взглядовъ и стали еще болѣе видны потомкамъ, но ему, Чернышевскому, и его единомышленникамъ онѣ не могли быть видны, такъ какъ вѣровать и одновременно критиковать свою вѣру не одинъ человѣкъ не въ силахъ. И весь прогрессъ человѣческой мысли не что иное—какъ вѣчная смѣна загипнотизированнаго вѣрой убѣжденія и постепеннаго выхода изъ этого гипноза—впредь до новаго.

Подводя итогъ всѣмъ своимъ размышленіямъ надъ творческой работой Чернышевскаго, какъ литератора, публициста и ученаго, историкъ долженъ будетъ согласиться, что въ лицѣ этого писателя передъ нимъ довольно рѣдкій образецъ энциклопедиста стараго типа, какихъ было немало въ XVIII вѣкѣ на Западѣ, и семья которыхъ очень убавилась въ XIX столѣтіи, а у насъ въ Россіи до Чернышевскаго и совсѣмъ не имѣла представителей.

Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одного вопроса жизни духовной и матеріальной, вопроса теоретическаго или практическаго, на который въ сочиненіяхъ Чернышевскаго не было бы отвѣта, разработаннаго болѣе или менѣе подробно или только намѣченнаго. Въ наше время мы такъ привыкли къ спеціализаціи знанія и къ дробленію спеціальностей, что типъ человѣка съ заготовленными отвѣтами на огромное количество вопросовъ жизни и духа кажется намъ подозрительнымъ, не внушаетъ намъ довѣрія. И несомнѣнно, что это—типъ вымирающій, если не навсегда исчезнувшій. Колоссальный ростъ науки въ XIX столѣтіи исключаетъ возможность появленія человѣка, который могъ бы объединить въ одномъ связномъ міросозерцаніи выводы всѣхъ наукъ, сохраняя за собой право самостоятельнаго о нихъ сужденія. Человѣкъ прошлыхъ поколѣній стоялъ въ лучшихъ условіяхъ и былъ гораздо смѣлѣе, и если строгая наука впослѣдствіи обнаружила въ его обобщающихъ построеніяхъ всѣ ихъ изъяны и разрушила даже самый фундаментъ, на которомъ такія построенія были возведены—то громадное культурное значеніе такихъ обозрѣній всѣхъ результатовъ знанія всетаки неоспоримо. Бываютъ эпохи въ жизни общества, когда успѣхъ его дальнѣйшей культурной работы зависитъ отъ увѣренности людей въ томъ, что ихъ мысли, чувства и дѣянія согласованы и что существуетъ единый, цѣльный, истинный взглядъ на жизнь космоса и человѣка, взглядъ, раскрывающій смыслъ мірового процесса и указывающій на его цѣлесообразность. Умы, которымъ удается построеніе такихъ синтезовъ, хотя бы и на короткій срокъ, служатъ самой крѣпкой связью между людьми, ищущими идейнаго объединенія. Въ особенности цѣнна ихъ роль въ эпохи ломки старыхъ идейныхъ или общественныхъ устоевъ жизни. Тогда ихъ міросозерцаніе собираетъ въ себѣ лучи всѣхъ разрозненныхъ однородныхъ мыслей и построеній, и объединяющее ученіе становится руководствомъ для новаго теоретическаго сужденія и новой практической морали личной, общественной и государственной. Такими энциклопедистами были въ ближайшія къ намъ времена Вольтеръ, Руссо, Лессингъ, Гегель, Шеллингъ, Контъ, Спенсеръ, чтобы назвать лишь самыхъ видныхъ. Жизнь и въ теоріи, и на практикѣ считалась съ ихъ міропониманіемъ; оно со страницъ книги переходило въ живую дѣйствительность; оно развивалось, цвѣло и умирало, уступая мѣсто другимъ построеніямъ, все менѣе и менѣе цѣльнымъ и менѣе всеобъемлющимъ.

У насъ въ Россіи, за отсутствіемъ научнаго прошлаго,

типъ энциклопедиста, объединителя разрозненныхъ знаній, долженъ былъ быть большой рѣдкостью. Онъ, впрочемъ, попадался, но не въ томъ цѣльномъ видѣ, какой встрѣчался на Западѣ. Нѣчто родственное съ этимъ типомъ имѣетъ Чаадаевъ, не смотря на обособленность основной мысли его исторіософіи. Къ этому типу приближались и наши гегелисты сороковыхъ годовъ—Бѣлинскій, до послѣдней минуты жизни расширявшій границы трактуемыхъ имъ вопросовъ, и славянофилы, успѣвшіе еще въ сороковыхъ годахъ включить въ кругъ своего религіозно-историческаго міросозерцанія многія проблемы жизни міровой и въ особенности жизни самобытно русской. Но славянофильская группа была представлена нѣсколькими лицами, и каждое изъ этихъ лицъ было заинтересовано въ развитіи одной какой-либо части единой программы; не было между ними такого лица, которое объединило бы работу всѣхъ единомышленниковъ въ одномъ общемъ, стройномъ синтезѣ. Эту работу сведенія всѣхъ итоговъ славянофильская доктрина предоставляла самому читателю и тѣмъ, конечно, уменьшала силу своего вліянія. Въ пятидесятыхъ и въ шестидесятыхъ годахъ, когда славянофильская группа отъ чисто теоретическихъ выкладокъ перешла къ рѣшенію назрѣвшихъ практическихъ вопросовъ, она также не смогла выработать цѣльной и связной системы теоріи и практики, системы, которая помогла бы ищущимъ знанія и дѣла разобраться въ трудностяхъ ихъ положенія.

Чернышевскій былъ, несомнѣнно, нашъ первый по времени энциклопедистъ, и сила вліянія его на подростающія поколѣнія во многомъ зависѣла отъ ясности, цѣльности и полноты того міропониманія, которое онъ предлагалъ усвоить своимъ читателямъ и сторонникамъ. Можно спорить объ истинности тѣхъ основъ, на которыхъ это міросозерцаніе покоилось; можно упрекнуть мыслителя въ томъ, что онъ слишкомъ самовольно и безъ должнаго вниманія отнесся къ нѣкоторымъ проблемамъ духа; можно, наконецъ, усомниться въ достаточной подготовкѣ его къ рѣшенію многихъ сложныхъ отвлеченныхъ и практическихъ вопросовъ. Но одно не подлежитъ сомнѣнію: всякому, кто искалъ цѣльнаго міросозерцанія и хотѣлъ осмыслить имъ свою дѣятельность (а какое же молодое поколѣніе къ этому не стремится?), Чернышевскій предлагалъ готовую систему теоретическихъ взглядовъ на міръ и человѣка, и вмѣстѣ съ ней руководство практической морали, разработанное въ мельчайшихъ деталяхъ. Отъ вопросовъ религіи, отъ теоріи познанія, отъ основъ нравственности, отъ принциповъ эстетики до вопросовъ о разверстаніи

угодій, о путяхъ сообщенія и объ откупной системѣ—все входило въ сферу мысли этого замѣчательнаго человѣка, единственнаго по широтѣ своихъ умственныхъ интересовъ и по интенсивности своего гражданскаго чувства. И кто могъ съ нимъ въ тѣ годы сравняться въ этой способности всесторонняго размышленія? Немало было ученыхъ, гораздо болѣе сильныхъ, чѣмъ онъ—но всѣ они были спеціалистами по отдѣльнымъ вопросамъ; много было художниковъ слова, но выведенные ими типы и собранныя ими наблюденія надъ психикой человѣка были болѣе или менѣе случайны, а тѣ большіе художники, которые стремились въ своемъ творчествѣ проводить цѣлое міросозерцаніе, пока еще не выступали; одинъ лишь Гоголь предлагалъ читателю нѣчто похожее на руководство жизни, но завѣщанная имъ переписка была такъ отрывочна, такъ малоубѣдительна по основнымъ мыслямъ, такъ чужда наступившему историческому моменту, что не могла увлечь людей, живущихъ будущимъ, а не прошедшимъ. Славянофилы, какъ уже сказано, могли претендовать на званіе учителей жизни, но отдѣльныя части ихъ доктрины не были пригнаны другъ къ другу, лежащее въ основѣ этой доктрины религіозное начало требовало исключительнаго къ себѣ вниманія, и наконецъ очень многіе практическіе вопросы, поднятые новымъ временемъ оставались безъ отвѣта. Герценъ могъ, казалось бы, поспорить съ Чернышевскимъ, но онъ жилъ за предѣлами Россіи, и чисто общественные и политическіе интересы замыкали работу его мысли въ кругѣ хоть и широкомъ, но не настолько, чтобы удовлетворить человѣка, желающаго и мыслить, и чувствовать, и дѣйствовать по новому. Людей сороковыхъ годовъ, критиковъ и публицистовъ, романистовъ и поэтовъ, Чернышевскій засталъ еще въ полной силѣ, но ни у кого изъ нихъ не было уже того юношескаго жара въ поклоненіи идеалистическимъ началамъ жизни, который дѣлалъ ихъ столь сильными въ тѣ годы, когда они вѣрили, что они нашли ключи ко всѣмъ тайнамъ жизни въ нѣмецкихъ книгахъ. За Чернышевскимъ они не пошли и не возлюбили его, но и противупоставить его вліянію не могли ничего, кромѣ ихъ несогласія и раздраженія. Имѣлъ Чернышевскій, наконецъ, единомышленниковъ, но кого назовемъ мы, кто могъ бы считаться его прямымъ сотрудникомъ, не говоря уже о соперничествѣ? Онъ самъ называлъ Добролюбова—и конечно, какъ воспитатель подросшихъ поколѣній, Добролюбовъ былъ на своемъ мѣстѣ; но какъ учитель онъ могъ лишь соглашаться съ тѣмъ, что получалъ изъ рукъ своего наставника, и что бы Чернышевскій ни

говорилъ о независимости мысли Добролюбова, все написанное послѣднимъ указываетъ на его полную солидарность съ Чернышевскимъ въ рѣшеніи тѣхъ немногихъ основныхъ проблемъ жизни, которыхъ онъ касался.

Чернышевскій былъ, такимъ образомъ, явленіемъ исключительнымъ по той готовности и способности отвѣчать на огромное количество вопросовъ, общихъ и частныхъ, съ какими къ нему могли обратиться жаждущіе наставленія и руководства. А такихъ въ тѣ годы было очень много. Если мы вспомнимъ, какъ молодое поколѣніе было застигнуто врасплохъ перемѣною курса жизни, какъ оно было неподготовлено къ новизнѣ, какъ ему хотѣлось порвать со всѣмъ старымъ и въ мысляхъ, и въ чувствахъ, и въ дѣйствіи—то не покажется страннымъ, что люди гнались за готовыми теоретическими формулами и за практическими совѣтами, которые помогли бы имъ распутаться въ непосильно трудныхъ задачахъ. Такія формулы могъ дать тогда только одинъ человѣкъ—формулы разносторонніе и, что самое главное, безъ оговорокъ. Извѣстно, что для молодыхъ умовъ и сердецъ нѣтъ ничего болѣе непріятнаго и непріемлемаго, какъ оговорки, столь естественныя и неизбѣжныя въ возрастѣ зрѣломъ, при опытѣ долгаго мышленія и продолжительнаго наблюденія.

Въ томъ связномъ міросозерцаніи, какое Чернышевскій предлагалъ усвоить всѣмъ желающимъ, оговорокъ никакихъ не было. Ясное и доступное всякому, совсѣмъ даже не вышколенному уму, излагаемое настойчиво въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ (1854—1861) въ длинномъ, непрерывающемся рядѣ статей «Современника»—это міропониманіе было удивительно приспособлено къ данному моменту, требовавшему разрыва со всѣмъ прошлымъ и быстраго рѣшенія новыхъ, жизнью выдвинутыхъ вопросовъ. Замѣна религіи «антропологіей», дедуктивнаго метода—индуктивнымъ, идеалистическаго дуализма—матеріалистическимъ монизмомъ, эстетики отвлеченной—эстетикой эмпирической, нравственности, построенной на сверхчувственныхъ началахъ—теоріей разумнаго эгоизма: вотъ что предлагало это новое ученіе тѣмъ людямъ, которые имѣли извѣстное тяготѣніе къ постановкѣ вопросовъ отвлеченныхъ. Все предлагаемое было несомнѣнно «новое», въ полномъ противорѣчіи съ господствующими понятіями, и кромѣ того, въ тѣсной связи съ послѣдними словами науки на Западѣ. Людямъ, которые интересовались больше вопросами практическими, ученіе предлагало очень связную радикальную доктрину, въ которой были сгруппированы всѣ новѣйшіе итоги политико-соціальныхъ наукъ: теорія обще-истори-

ческаго прогресса, съ оттѣненіемъ въ ней преобладающаго значенія массъ, безъ ущерба для выдающейся роли личности; указаніе на огромную роль экономическаго фактора въ жизни, съ цѣлымъ рядомъ поправокъ и дополненій къ господствующимъ политико-экономическимъ теоріямъ; подробное историческое обозрѣніе различныхъ формъ дѣйствующихъ политическихъ системъ, съ очень яснымъ тяготѣніемъ въ сторону тѣхъ изъ нихъ, при которыхъ народной массѣ дана наибольшая возможность вліянія на ходъ жизни; нескрываемое признаніе соціализма, какъ ближайшаго этапа всей цивилизаціи; оцѣнка соціализма утопическаго и предугадываніе его научнаго построенія; опредѣленіе той роли, какая въ этомъ соціалистическомъ движеніи выпадетъ на долю народныхъ земледѣльческихъ массъ и массы рабочей; разъясненіе вопроса о тѣхъ формахъ хозяйственнаго строя, чрезъ которыя должна пройти Россія; опредѣленіе долга русскаго интеллигента передъ народомъ и разные способы уплаты по этому долгу; подробный анализъ нашего общественнаго положенія, съ указаніемъ того мѣста, какое должны занять новые люди по отношенію къ отдѣльнымъ группамъ и партіямъ; начертаніе новаго уклада личной и семейной жизни; наконецъ, довольно ясные намеки на ту тактику, какой новымъ людямъ надлежитъ держаться при проведеніи въ жизнь ихъ общественныхъ и политическихъ убѣжденій.

Все это богатство темъ и вопросовъ разрабатывалось Чернышевскимъ не въ общей только формѣ, а примѣнительно къ конкретнымъ явленіямъ жизни европейской и преимущественно русской. Молодой читатель получалъ, такимъ образомъ, въ руки сразу цѣлую энциклопедію знаній и совѣтовъ, какъ думать и поступать въ томъ или иномъ случаѣ. И онъ довѣрчиво подходилъ къ учителю, съ наивно-открытой душой и умомъ, жаждущимъ насыщенія.

II.

Когда теперь, спустя полстолѣтіе, мы перечитываемъ эти огромные тома перваго русскаго энциклопедическаго словаря, составленнаго по предметамъ, и не для справокъ, а съ цѣлью выработки новаго міросозерцанія,—странное охватываетъ насъ чувство. Мы знаемъ, что эти страницы нѣкогда были полны огня, что онѣ производили на современниковъ впечатлѣніе, не меньшее, если не большее, чѣмъ любая ученая книга и любое

произведеніе художественнаго слова; мы ищемъ теперь отголоска въ нихъ этой прежней силы, которая такъ сердила и плѣняла— и мы этой силы не находимъ. Увлечься этимъ чтеніемъ мы теперь не можемъ, и только нѣсколько статей сохранило еще на себѣ блескъ старой позолоты, блескъ остроумія и политическаго темперамента. Передъ нами—потухшій вулканъ, строеніе котораго для историка представляетъ огромный научный интересъ.

Грустное находитъ чувство, когда думаешь надъ судьбой словъ, сказанныхъ людьми такого типа, какъ Чернышевскій— словъ, рожденныхъ на полѣ битвы, произнесенныхъ въ самую рѣшительную минуту нервнаго напряженія, словъ, брошенныхъ въ лицо врагу, нашедшихъ живой откликъ, звучавшихъ какъ сигналъ и призывъ, словъ, повторяемыхъ почти-что какъ молитва—и такъ скоро отзвучавшихъ, кажущихся при повтореніи такими простыми, общеизвѣстными, лишенными пламени. Сколько великихъ общественныхъ дѣятелей, публицистовъ, ораторовъ, вождей разныхъ партій раздѣляютъ въ данномъ случаѣ участь Чернышевскаго! И какъ рѣчи и статьи ихъ похожи на остывшую лаву! Слова, которыя жизнь вырываетъ у человѣка какъ невольный откликъ на ея страданія и нужды, не такъ долговѣчны, какъ его размышленія и видѣнія, съ которыми онъ имѣлъ время сжиться и которыя облюбовалъ въ тиши своего кабинета. А между тѣмъ, что была бы наша жизнь безъ этого отклика на минутные ея запросы?

Слова Чернышевскаго были такъ тѣсно связаны съ своимъ временемъ, они такъ непосредственно отражали волненія дня, что всѣ волны нашей послѣдующей жизни прошли по нимъ и смыли и стерли многое, что въ нихъ было яркаго и остраго. Если мы хотимъ возстановить блескъ и силу этихъ словъ, мы должны забыть, что бо́льшая ихъ часть стала давно нашей собственностью, или должны вспомнить, что было время, когда эти слова принадлежали ему одному безраздѣльно, когда въ нихъ былъ весь ароматъ новизны, поражающей неожиданности и необычности.

III.

Чернышевскаго давно признали отцомъ русскаго революціоннаго движенія. Какъ такового, его судили, такимъ непремѣнно хотѣли его выставить, и жестокость кары оправдывали этой же догадкой: говоримъ—догадкой, потому что ко дню суда убѣдительныхъ доказательствъ на лицо не было. Сторонники

Чернышевскаго естественно не настаивали на этой сторонѣ его дѣятельности и, пока онъ былъ живъ, избѣгали давать неосторожную оцѣнку его личности и вліянія. Его смерть позволила быть болѣе откровеннымъ, и въ настоящую минуту всѣ, кому приходится говорить о немъ, сходятся въ признаніи его первенствующей роли не только въ общественно-политическомъ движеніи шестидесятыхъ годовъ, но именно въ томъ опредѣленномъ движеніи революціонномъ, какое стало пробиваться наружу съ конца пятидесятыхъ годовъ и въ 1861-мъ году уже ясно опредѣлилось.

Слово: революціонеръ допускаетъ, конечно, много толкованій. Можно быть революціонеромъ въ области мысли и не имѣть революціоннаго темперамента; можно быть человѣкомъ съ революціоннымъ темпераментомъ и не имѣть опредѣленной революціонной программы; можно, наконецъ, и мыслить, и чувствовать революціонно, но не имѣть достаточно воли, чтобы быть агитаторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Цѣльные революціонные типы встрѣчаются очень рѣдко; нужны совсѣмъ особыя обстоятельства, особая историческая школа, чтобы воспитать ихъ. Русская жизнь не могла дать такихъ условій, и исторія развитія этого типа у насъ изобилуетъ массою случайностей: нашъ революціонеръ почти всегда оказывается въ положеніи партизана или заговорщика. И партизанская война, и заговоръ могутъ входить въ революціонную тактику, но ими все дѣло революціи не исчерпывается. Развивающееся въ условіяхъ болѣе или менѣе свободныхъ, революціонное движеніе нуждается въ выработанной объединяющей доктринѣ, въ широкомъ обмѣнѣ мнѣній, въ гласной пропагандѣ, въ историческихъ опытахъ, произведенныхъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ, и въ повтореніи этихъ опытовъ. Есть страны, въ которыхъ революціонное движеніе располагало такими условіями и средствами развитія. Россія къ числу этихъ странъ не принадлежала. Кромѣ того, мы привыкли сужывать самое понятіе о революціи. Подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ почти всегда активное выступленіе противъ существующаго государственнаго порядка,—выступленіе дѣйствіемъ или словомъ; но вѣдь и слово, и дѣйствіе предполагаютъ извѣстный образъ мыслей, и не только мыслей, относящихся непосредственно къ государственному строю, а мыслей самого общаго порядка—мыслей религіозныхъ, философскихъ, историко-философскихъ, научныхъ вообще и спеціально научныхъ въ частности. Кто знакомъ съ исторіей революціонныхъ движеній на Западѣ, тотъ знаетъ, въ какой тѣснѣйшей связи находились всякія активныя выступленія съ ти-

химъ процессомъ мысли человѣческой о Богѣ, о смыслѣ жизни, о сущности мірового историческаго процесса, объ основахъ человѣческаго общества, о законахъ развитія этого общества, о взаимоотношеніи личности и массы, объ экономическихъ устояхъ общежитія. То, что мы обыкновенно называемъ революціей, есть видимое воплощеніе невидимой работы ума, на помощь которой пришли темпераменты, удобный случай и согласіе болѣе или менѣе компактной массы.

Въ русской жизни, до шестидесятыхъ годовъ XIX вѣка — за исключеніемъ развѣ только религіозно-соціальныхъ народныхъ движеній, — мы не имѣли примѣровъ идейнаго роста революціонныхъ стремленій. Была революція, произведенная царской властью при Петрѣ I; происходили перемѣны въ составѣ верховнаго управленія при Елисаветѣ, Екатеринѣ и Александрѣ I; была попытка политическаго заговора 14-го декабря, въ которомъ принимало участіе исключительно дворянское сословіе, увлеченное романтикой свободомыслія; были въ 1848-мъ году совсѣмъ слабыя попытки сочетать соціалистическія утопическія ученія запада съ наличностью русской дѣйствительности — но вплоть до шестидесятыхъ годовъ нѣтъ слѣда работы настоящей революціонной мысли, опирающейся на широкій идейный фундаментъ и вытекающей не изъ гуманныхъ только чувствъ, а изъ цѣлаго историческаго міросозерцанія. Революціонное движеніе такого типа зародилось на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и пропагандистами его были люди новаго поколѣнія. Изъ представителей поколѣнія старшаго къ этому нарождавшемуся движенію примыкали Герценъ и Бакунинъ, но оба они отдавали свои силы исключительно на служеніе революціонному дѣлу на Западѣ. Политическимъ воспитаніемъ русскаго читателя, какъ эмигранты, они не могли заниматься. Если даже ихъ слова находили въ Россіи откликъ, то ихъ политическіе идеалы настолько опережали русскую жизнь, что русскій читатель въ ихъ словахъ не могъ найти повседневнаго руководства.

Идейный фундаментъ подъ растущее революціонное настроеніе первый сталъ подводить Чернышевскій. Если можно спорить о томъ, обладалъ ли онъ настоящимъ революціоннымъ темпераментомъ (онъ самъ къ этой сторонѣ своего характера относился скептически), если нельзя съ точностью опредѣлить степень его активнаго вмѣшательства въ ходъ революціоннаго движенія, то одно не подлежитъ сомнѣнію: его революціонная работа въ области мысли. Опредѣляя такимъ словомъ литературную, научную и публицистическую дѣятельность Чернышевскаго, мы

имѣемъ въ виду опять-таки не спеціально политическую тенденцію тѣхъ или иныхъ его статей, а общій характеръ всего его міросозерцанія. Для Россіи тѣхъ годовъ оно было несомнѣнно явленіемъ революціоннымъ, поскольку оно не продолжало, а отрицало всѣ до него господствовавшіе взгляды на самые коренные, теоретическіе и практическіе вопросы жизни. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ изъ передовыхъ писателей тѣхъ годовъ,—пусть даже радикалъ, какъ Герценъ или Бакунинъ, не говоря уже объ осторожныхъ либералахъ разныхъ оттѣнковъ—не могъ отрицать своей связи съ предшествующимъ поколѣніемъ и зависимости своего образа мыслей отъ системы знаній и отъ метода мышленія, господствовавшихъ въ недавнемъ прошломъ. Взгляды всѣхъ этихъ людей, идущихъ впереди другихъ, быстро или медленно, но правильно *эволюціонировали*. Писатель мѣнялъ старые свои взгляды на новые, и читатель могъ прослѣдить, какъ послѣдовательно эта перемѣна въ немъ происходила. Никакая революція въ мысляхъ не могла быть у этихъ писателей обнаружена.

Міросозерцаніе Чернышевскаго открывалось читателю сразу какъ нежданная новинка, не какъ реформа въ существующемъ строѣ мыслей, а именно какъ революція, сразу упразднявшая все старое и предлагающая мыслить по новому, установить новую оцѣнку старыхъ цѣнностей и ввести въ кругозоръ мышленія новыя стороны жизни, на которыя до тѣхъ поръ почти не обращали вниманія. Конечно, и Чернышевскій въ своемъ умственномъ развитіи шелъ путемъ эволюціоннымъ, и было время, когда онъ мыслилъ такъ, какъ мыслило предшествующее ему поколѣніе; но эта тихая работа ума, о которой мы теперь имѣемъ довольно полныя свѣдѣнія, отъ читателя была скрыта, и въ его глазахъ писатель выступилъ сразу съ установившимся міросозерцаніемъ, отрицавшимъ все прошлое. Пусть это міросозерцаніе не было оригинально, пусть оно покоилось на выводахъ, добытыхъ иностранной наукой—для широкаго круга русскихъ читателей, которые съ этими выводами знакомы не были, оно было неожиданнымъ откровеніемъ, совсѣмъ новой рѣчью о новыхъ вещахъ. Если эта связная новая система мнѣній, сужденій и взглядовъ появлялась передъ читателемъ въ отрывкахъ, съ неравномѣрнымъ освѣщеніемъ входящихъ въ нее вопросовъ, все-таки всѣмъ было ясно, что она—система цѣльная, проникнутая единой тенденціей, съ широкимъ и стройнымъ, планомъ, и необычайно богатая по количеству собранныхъ въ ней свѣдѣній. Какъ отрицаніе всего предшествующаго въ области мысли, она была сама по себѣ несомнѣнно революціоннымъ актомъ, съ не-

меньшимъ, если не съ большимъ революціоннымъ смысломъ, чѣмъ отдѣльныя ея части, относящіяся прямо къ политическимъ вопросамъ и къ тактикѣ борьбы съ существующимъ государственнымъ порядкомъ. Спеціально политическая сторона этой системы потому и производила такое большое впечатлѣніе, что она являлась подъ прикрытіемъ цѣлаго міросозерцанія, и практическая ея сторона оправдывалась основными теоретическими выкладками.

Отрицаніе прежнихъ религіозныхъ представленій, отрицаніе сверхчувственныхъ началъ жизни, установленіе новыхъ основоположеній морали, новое толкованіе нашего эстетическаго отношенія къ дѣйствительности, попытка матеріалистическаго истолкованія историческаго процесса, оправданіе соціализма и указаніе на возможный его переходъ изъ стадіи романтической въ стадію научнаго развитія, научная постановка аграрнаго и рабочаго вопросовъ—все вмѣстѣ взятое казалось разразившейся идейной катастрофой въ спокойномъ и послѣдовательномъ развитіи русской мысли тѣхъ годовъ.

Неудивительно, что взоры всѣхъ молодыхъ людей, ищущихъ знаній и желающихъ привести эти знанія въ систему, были устремлены на того человѣка, который взялъ на себя смѣлость такого оглушительнаго удара по всѣмъ взглядамъ и чувствамъ, освященнымъ традиціей. Неудивительно также, что люди стараго міровоззрѣнія и даже тѣ, которые отъ этихъ старыхъ взглядовъ медленно отходили, почувствовали особое нерасположеніе, иногда доходившее до ненависти, къ этому возмутителю умственнаго покоя и тихой, постепенной умственной работы.

Полемизируя съ Чернышевскимъ по одному частному эстетическому вопросу, К. Случевскій обмолвился удачной фразой: «Васъ надо сдѣлать или идоломъ и принимать отъ васъ все—или попросту не принимать ничего». Такъ, дѣйствительно, и отнеслись къ Чернышевскому его современники: одни повѣрили каждому его слову, считали это слово благомъ и истиной: другіе отвергли все, что онъ говорилъ, во всемъ видѣли ложь и ничего не хотѣли принять изъ его рукъ.

IV.

Кто былъ онъ какъ личность, какъ характеръ? На этотъ вопросъ врядъ ли возможенъ исчерпывающій отвѣтъ. Если предположить, что все, даже самое интимное, станетъ доступ-

нымъ чужому глазу — и тогда врядъ ли удастся сдѣлать наглядными всѣ изгибы этой замѣчательной психической организаціи. Когда Чернышевскій былъ на свободѣ, время еще не приспѣло для оцѣнки его личности — она могла интересовать только его близкихъ; со дня его заключенія—въ годы полнаго расцвѣта его силъ и характера—о личности его можно было говорить лишь въ частныхъ бесѣдахъ; на цѣлую четверть вѣка она исчезла изъ поля зрѣнія и близкихъ, и далекихъ ему людей; когда старикъ вернулся изъ ссылки, разговоры о немъ, какъ о человѣкѣ, стали по инымъ причинамъ неумѣстны: когда онъ умеръ— говорить стало возможно, но кто могъ говорить? Многіе изъ друзей и сотрудниковъ его юности умерли, а въ тѣхъ, кто остался въ живыхъ, разговоръ о немъ будилъ столь болѣзненныя воспоминанія, такъ бередилъ старыя раны, что молчаніе казалось имъ лучшей данью его памяти. Воспоминаній о Чернышевскомъ, записанныхъ людьми его знавшими, осталось, такимъ образомъ, мало, и только на его личныя признанія, разсѣянныя въ опубликованныхъ частями дневникахъ (собранія его писемъ мы пока не имѣемъ, да врядъ-ли и будемъ имѣть,—по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя относятся къ 1855 — 1863 гг.) приходится опираться тому, кто рѣшается заговорить о немъ какъ о личности.

Намъ нѣтъ необходимости вникать во все то ординарное, что заранѣе всегда имѣется на лицо въ сильныхъ, умныхъ и талантливыхъ людяхъ. Гораздо большаго вниманія заслуживаютъ тѣ особенности характера и темперамента Чернышевскаго, которыя не совсѣмъ мирятся съ общимъ представленіемъ о человѣкѣ столь радикальнаго образа мыслей, какимъ былъ онъ. Судя по нѣкоторымъ личнымъ признаніямъ Чернышевскаго, онъ обладалъ характеромъ не совсѣмъ обычнымъ для радикальнаго реформатора и революціонера. Человѣка этого призванія мы представляемъ себѣ обыкновенно въ достаточной степени ригористомъ, фанатикомъ, суровымъ, неуступчивымъ, прямолинейнымъ, вообще со всѣми особенностями характера кремневой формаціи. Но революціонеры бываютъ разные, поскольку они люди, и въ ихъ семьѣ возможны многія разновидности. Извѣстная мягкость, даже нѣжность души вполнѣ соединима съ ролью, которая по внѣшности своей кажется и суровой, и жестокой. Исторія знаетъ много примѣровъ такого сочетанія мягкости характера съ твердостью мысли и настойчивостью воли. Чернышевскій, судя по всему, что мы знаемъ о немъ какъ о человѣкѣ, былъ именно такой мягкой душой на службѣ дѣла, требовавшаго суровости. Въ такомъ положеніи находились многіе изъ его современниковъ, шедшихъ тою же до-

рогой, что и онъ, и распространенность такого типа у насъ въ Россіи, въ шестидесятыхъ годахъ, не должна удивлять насъ. Какъ бы рѣзко всѣ наши радикалы ни порвали съ традиціями сороковыхъ годовъ, но извѣстная доза сентиментальности, романтизма и идеализма души перешла къ нимъ по наслѣдству отъ того времени, когда, дѣтьми и юношами, они впервые стали задумываться надъ серьезными вопросами жизни. Для настоящихъ кремней почва еще не была готова.

Въ юности, какъ Чернышевскій самъ признается, его постоянно мучила мысль стать Гамлетомъ; слѣдя за собой въ минуты, которыя требовали какого-нибудь опредѣленнаго и смѣлаго рѣшенія, онъ опасался, какъ бы не оказаться «тряпкой». Въ первый разъ ему пришлось поставить свою волю на испытаніе въ тѣ дни, когда онъ рѣшился жениться и имѣлъ какое-то основаніе думать, что его родители на этотъ бракъ не согласятся. Вспоминая его позднѣйшую проповѣдь свободы въ семейныхъ отношеніяхъ, какъ-то странно читать тѣ строки его дневника, гдѣ онъ самъ себѣ признается, что онъ «созданъ для повиновенія, для послушанія», гдѣ онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что это «послушаніе должно быть свободно (?)» и, не видя возможности примирить послушаніе со свободой, грозитъ своимъ родителямъ самоубійствомъ. Положимъ, всѣ эти строки пишутся въ періодъ очень сильной любовной лихорадки, и понимать ихъ надо съ оговоркой. Но годы идутъ, и Чернышевскій все-таки не пріобрѣтаетъ той увѣренности въ себѣ, какою обыкновенно отличаются люди рѣшительные и сильные. Встрѣча съ Добролюбовымъ заставляетъ его долго думать надъ нравственной цѣнностью своего характера. Утѣшая Добролюбова, который также мучился такой самооцѣнкой, Чернышевскій писалъ ему: «мнѣ остается только удивляться сходству основныхъ чертъ въ нашихъ характерахъ. Въ васъ я вижу какъ будто своего брата: все дурное, что сдѣлали вы, сдѣлалъ бы и я—за то на многое хорошее, которое тутъ же вы дѣлали, не достало-бы у меня характера. Я могу только сказать, что, каковы ни были вы, вы все-таки гораздо лучше меня». Обобщая частный случай, о которомъ шла рѣчь въ этихъ строкахъ, Чернышевскій продолжалъ: «мы съ вами люди, въ которыхъ великодушія и благородства, или героизма или чего-то такого, гораздо больше, нежели требуетъ натура. Потому мы беремъ на себя роли, которыя выше натуральной силы человѣка, становимся ангелами, христами и т. д. Разумѣется, эта ненатуральная роль не можетъ быть выдержана, и мы безпрестанно сбиваемся съ нея и опять

лѣземъ вверхъ, точно нѣвецъ, который запѣлъ слишкомъ высокую арію—то хрипитъ, то пищитъ, въ результатѣ выходитъ, что онъ поетъ фальшиво; смѣйтесь надъ фальшивыми нотами, но не забывайте, что онъ вмѣстѣ съ ними беретъ и другія, которыя заслуживаютъ аплодисментовъ... Если бы я хотѣлъ вамъ исповѣдываться, я разсказалъ-бы вамъ о себѣ подвиги болѣе гнусные, нежели все то, что вы разсказываете о себѣ. Прочтите «Confessions» Руссо, тамъ разсказывается многое изъ моей жизни, но далеко не все. А все-таки я человѣкъ хорошій, а вы лучше меня» (1858). Пусть въ этихъ словахъ есть преувеличеніе, разсчитанное на то, чтобы утѣшить друга, пусть они въ своей сути относятся, какъ это несомнѣнно, къ чисто интимнымъ дѣламъ,— они характерны, какъ откровенное признаніе: носитель «большой роли», сознающій, что въ немъ «великодушія, благородства и героизма больше, нежели требуетъ натура», недоволенъ тѣмъ, что онъ безпрестанно сбивается съ роли и беретъ фальшивыя ноты—какъ раньше въ рѣшительныя минуты онъ боялся оказаться Гамлетомъ. Вспоминая покойнаго друга, Чернышевскій рѣшается публично повторить то, что онъ говорилъ ему наединѣ: «Мнѣ слѣдуетъ коснуться личныхъ характеровъ Добролюбова и моего,— писалъ онъ въ «Современникѣ»,—насколько нужно для показанія, какъ смѣшна догадка, будто Добролюбовъ уступалъ мнѣ энергіею натуры. У меня характеръ уклончивый до фальшивости; это свойство, сходное съ мягкостью въ личномъ обращеніи, можетъ очаровывать моихъ знакомыхъ; дѣйствительно-ли очаровываетъ или возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторую долю презрѣнія, я не знаю. Но какъ бы то ни было, при такомъ изгибающемся, податливомъ характерѣ, никакъ не могу я сравниваться энергіею чувства съ людьми прямого и, сказать безъ церемоній, честнаго характера. Въ Добролюбовѣ такого, какъ во мнѣ, недостатка рѣшительно не было».

Прошло много лѣтъ, и вспоминая свою жизнь на волѣ, Чернышевскій въ романѣ: «Прологъ пролога» далъ свою собственную характеристику, оттѣняя въ ней опять свою мягкость, уступчивость, нерѣшительность, сильную склонность къ самоанализу и большую чувствительность.

Можно было-бы, конечно, пройти мимо всѣхъ такихъ признаній, несмотря на то, что они не случайны и повторяются на большомъ протяженіи времени. Они ни въ какой связи съ литературной и общественной дѣятельностью Чернышевскаго не стоятъ. Въ томъ, что онъ писалъ, и въ томъ, что онъ дѣлалъ, никакихъ колебаній не замѣтно, не говоря уже о какой-нибудь

«уклончивости». Но обойти молчаніемъ эту сторону характера Чернышевскаго—значило бы исказить историческій обликъ. Она имѣетъ несомнѣнное историческое значеніе. Прежде всего она возстанавливаетъ правду о человѣкѣ. Было немало лицъ—и мнѣнія ихъ сохранились,—которые считали Чернышевскаго человѣкомъ сухимъ, черствымъ, самоувѣреннымъ до крайности, непогрѣшимымъ вождемъ неопытныхъ людей, несознававшимъ всей той отвѣтственности, какую онъ бралъ на себя, указывая имъ дорогу. Многіе хотѣли видѣть въ немъ властолюбиваго опекуна и пророка, который присвоилъ себѣ исключительное право на истинныя и добрыя слова и поступки и не знавъ раздумья и сомнѣній. Сколько бы рѣзкихъ и непріятныхъ сторонъ характера ни было въ Чернышевскомъ,—а боевая жизнь вырабатываетъ такія стороны,—отъ упрека въ самолюбованіи, въ аррогантной самоувѣренности и черствости его придется освободить. Съ дѣтскихъ лѣтъ и нѣжныя чувства, и самонаблюденіе были отличительной чертой его характера; это облегчало ему развивать въ себѣ его «любимыя пристрастія». А по собственнымъ его словамъ, такихъ пристрастій у него было два: «во-первыхъ, наклонность къ разрѣшенію чисто-психическихъ задачъ, во-вторыхъ, наклонность къ извиненію человѣческихъ слабостей» (III, 233). Его враги мало вникали въ его психологію и извинять слабостей не хотѣли; вотъ почему они его глубочайшую убѣжденность принимали часто за фанатичную самоувѣренность.

Указанныя черты характера Чернышевскаго служатъ также хорошимъ придаткомъ къ той теоріи разумнаго эгоизма, которую онъ проповѣдывалъ и которая навлекала на него немало нареканій. Этотъ эгоизмъ, совпадавшій съ самопожертвованіемъ, не всѣмъ былъ понятенъ и казался софизмомъ; но при наличности тѣхъ чертъ, о которыхъ говорено выше, онъ сводился къ тщательной нравственной самооцѣнкѣ, далекой отъ слѣпого поклоненія своему «я».

Наконецъ—и это самое главное—это признаніе своего родства съ Гамлетомъ, боязнь всякихъ соблазновъ, сознаніе своей грѣховности, мягкое отношеніе къ людямъ и строгая самопровѣрка—черты характера, отнюдь не одному лишь Чернышевскому свойственныя. Ихъ можно разсматривать какъ психическую особенность всей группы нашихъ радикаловъ и революціонеровъ первой формаціи. Всякій характеръ требуетъ выработки и не формуется сразу; и типъ русскаго радикала и агитатора прошелъ черезъ различныя стадіи развитія. Постепенно, подъ вліяніемъ жестокихъ мѣръ, какія были приняты властью

по отношенію къ ея врагамъ, а также и подъ вліяніемъ все болѣе и болѣе возроставшаго реакціоннаго теченія вообще, характеръ радикаловъ и революціонеровъ ожесточался и черствѣлъ. Вмѣсто того, чтобы какъ-нибудь, по мѣрѣ силъ; согласовать неизбѣжныя радикальныя тенденціи съ жизнью, облегчить имъ возможность приспособленія, дать имъ возможность утратить ихъ рѣзкость,—все было сдѣлано, чтобы изолировать ихъ, сплотить ихъ, развить въ нихъ боевой духъ и, главнымъ образомъ, ожесточить ихъ. Характеръ людей, попавшихъ въ теченіе радикальной и революціонной мысли, долженъ былъ, въ силу вещей, развиваться въ сторону нетерпимости, неуступчивости и всякихъ крайностей.

Въ періодъ времени отъ 1855 до 1861-го годаположеніе было иное; въ людяхъ, хоть и порвавшихъ съ прошлымъ, были все-таки живы многія мягкія чувства, перешедшія по наслѣдству отъ отцовъ; за отсутствіемъ всякаго политическаго опыта, люди имѣли основаніе довѣрять ближайшему будущему, и потому особыхъ причинъ къ ожесточенію сердца у нихъ не было; наконецъ и власть, хоть и стоявшая ревниво на стражѣ своихъ интересовъ, не имѣла пока предлога развить свою систему репрессій и каръ до степеней, способныхъ озлобить тѣхъ, кого надлежало лишь обезоружить. Только съ 1861-го года эта система стала примѣняться, и одной изъ первыхъ жертвъ ея былъ Чернышевскій.

Время, когда слагался характеръ Чернышевскаго было, такимъ образомъ, благопріятно для развитія хотя-бы и въ самыхъ передовыхъ людяхъ того осмотрительнаго, требовательнаго къ себѣ самому отношенія, той строгой нравственной самооцѣнки, той мягкости характера, которая могла идти въ разрѣзъ съ прямолинейностью мысли, повинующейся законамъ желѣзной логики. Зная свой характеръ, многіе и представить себѣ не могли, что ихъ будутъ судить чуть ли не какъ злодѣевъ. Упрекая себя самихъ въ излишней мягкости и уступчивости, они были, вѣроятно, не мало поражены, когда имъ ставили въ вину жестокое и деспотическое обращеніе съ неподготовленными умами и неопытными сердцами.

V.

Колебанія въ характерѣ Чернышевскаго—сказали мы—остались безъ всякаго воздѣйствія на его доктрину, которой

суждено было оказать такое рѣшающее вліяніе на ходъ нашей общественной мысли.

По образу своихъ мыслей Чернышевскій былъ «новымъ» человѣкомъ еще до наступленія новой эры.

Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ вращался среди людей, входившихъ въ составъ кружка Петрашевскаго, ему прояснились всѣ тѣ начала и всѣ тѣ концы, среди которыхъ улеглось его міросозерцаніе. Ему было ясно, что нужна радикальная реформа всей системы нашего мышленія о мірѣ и человѣкѣ—и въ руководители онъ себѣ уже тогда избралъ Фейербаха; онъ былъ убѣжденъ, что историческій процессъ—единъ для всѣхъ народовъ, и что эволюція формъ человѣческаго общежитія должна завершиться торжествомъ соціализма; онъ разсчитывалъ найти у французскихъ соціалистовъ поясненія этой основной своей исторіософской и историко-экономической мысли; наконецъ, онъ призналъ, что Россія должна какъ можно скорѣе принять участіе въ этомъ соціально-политическомъ движеніи и что торопить его можно даже революціонными средствами. Эти убѣжденія и мнѣнія укоренились въ Чернышевскомъ очень быстро и вполнѣ ясно опредѣлялись еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда онъ состоялъ студентомъ Петербургскаго университета (съ 1846-го года).

Ко дню наступленія новаго царствованія Чернышевскій былъ вполнѣ сложившійся умъ и ясно опредѣлившійся характеръ. Ему не пришлось ничего «искать», какъ искали его младшіе современники: онъ былъ хорошо вооруженъ и могъ сразу начать вооружать другихъ.

«Условія, среди которыхъ протекла его дѣтская и юношеская жизнь, сложились такъ естественно и замкнулись въ такой цѣльный кругъ представленій опредѣленной умственной и моральной культуры, что можно безъ преувеличенія назвать семейную атмосферу Чернышевскихъ рѣдко благопріятной для развитія въ мальчикѣ независимой мысли и сильной воли, способной управлять здоровымъ и нормальнымъ чувствомъ»,—говоритъ новѣйшій изслѣдователь его жизни и творчества, г. Ляцкій. Природныя дарованія воспользовались этими условіями, и юноша успѣлъ въ короткій срокъ пріобрѣсти необычайно широкія для того времени познанія. Наряду съ развитіемъ ума шло развитіе сердца, въ направленіи унаслѣдованныхъ отъ семьи «традиціонныхъ демократическихъ началъ». Съ ранняхъ лѣтъ Чернышевскій «проникся глубокимъ пониманіемъ народныхъ нуждъ и стремленій. Впечатлѣнія дѣтства и юности

окрасили господствующее настроеніе его личности духомъ истиннаго демократизма», и такимъ прирожденнымъ и воспитаннымъ демократомъ онъ остался всю жизнь, въ отличіе отъ многихъ нашихъ передовыхъ дѣятелей, которымъ стоило немалыхъ усилій помирить воспитываемый въ себѣ духъ демократизма съ унаслѣдованными сословными аристократическими склонностями.

Старую богословскую школу Чернышевскій, какъ ученикъ Саратовской семинаріи, прошелъ очень быстро и остался къ ней равнодушенъ. Если религіозное, поэтическое чувство продолжало довольно долго жить въ его душѣ, то богословствующій умъ, кажется, никогда не соблазнялъ его, тѣмъ болѣе, что онъ покинулъ семинарію не окончивъ въ ней курса ученія. Его увлекла затѣмъ нѣмецкая идеалистическая философія и, судя по записямъ дневника и по нѣкоторымъ страницамъ его сочиненій, онъ былъ въ ней хорошо освѣдомленъ: по крайней мѣрѣ Гегеля онъ изучилъ весьма внимательно. Но любви къ этому порядку отвлеченной мысли у Чернышевскаго не было: его умъ тяготѣлъ къ ясности, хотя бы въ ущербъ глубинѣ. Умы человѣческіе живутъ на разныхъ глубинахъ, и ставить силу ума въ прямую зависимость отъ его способности жить непремѣнно на большой глубинѣ было бы несправедливо: силенъ тотъ умъ, который въ своей полосѣ обращенія видитъ и понимаетъ все отчетливо и ясно. Чернышевскій искалъ такого яснаго знанія и пониманія. Фейербахъ и родственныя ему философскія ученія на Западѣ пришли Чернышевскому на помощь, и въ началѣ пятидесятихъ годовъ онъ былъ уже ихъ сторонникомъ, адептомъ новаго философскаго ученія, которое, какъ ему казалось, не нуждается въ провѣркѣ, а лишь въ примѣненіи къ возможно большему количеству явленій жизни и духа.

Рядомъ съ этой эволюціей философской мысли отъ идеалистическаго міропониманія къ матеріалистическому, шло быстрое развитіе общественной мысли Чернышевскаго отъ ходячаго гуманнаго либерализма по направленію къ соціализму. Съ системами соціальныхъ утопій онъ былъ знакомъ уже въ концѣ сороковыхъ годовъ. Ему было ясно, что соціалистическій идеалъ есть та конечная цѣль, къ которой должно стремиться общественное и политическое развитіе человѣческаго общежитія. Къ вопросамъ, касающимся непосредственно политики дня, Чернышевскій относился съ достаточнымъ хладнокровіемъ, прежде всего уже потому, что въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда соціализмъ сталъ его вѣрой, онъ не могъ себѣ и представить, какъ въ русскомъ обществѣ политическія тенденціи вообще могли бы послѣдовательно

и правильно развиваться. Не задумываясь надъ политикой дня, Чернышевскій ушелъ весь въ созерцаніе заманчиваго идеала и въ мечты о своемъ служеніи ему.

«Мнѣ кажется,—записалъ онъ въ своемъ дневникѣ 1848-го года,—что я сталъ по убѣжденіямъ въ конечной цѣли человѣчества рѣшительно партизаномъ соціалистовъ и коммунистовъ и крайнихъ республиканцевъ, монтаньяровъ... Противники соціалистовъ ничего не понимаютъ и клевещутъ на нихъ»!

Требовать ясности въ начертаніи соціалистическаго идеала и подробностей въ обрисовкѣ деталей грядущаго строя—мы отъ Чернышевскаго тѣхъ годовъ, конечно, не будемъ. Увлеченіе соціализмомъ было для него столько же дѣломъ ума, сколько и сердца; оно было плодомъ мысли и фантазіи, которыя рвались впередъ и не имѣли пока времени устояться. Въ данномъ случаѣ знаменателенъ самый фактъ его обращенія. Соціализмъ нашелъ себѣ въ Чернышевскомъ перваго по времени адепта въ Россіи. То, что смутно чуялось Бѣлинскимъ, о чемъ молчали другіе западники сороковыхъ годовъ, о чемъ съ такой скорбью и съ такими колебаніями въ настроеніи думалъ за предѣлами Россіи Герценъ и къ чему только подходили друзья и знакомые Петрашевскаго—все это для Чернышевскаго стало вдругъ символомъ новой нравственно-соціальной вѣры, ясной, краснорѣчивой, бодрой, смѣлой и нетребующей доказательствъ. На сколько эта вѣра была сильна въ немъ въ тѣ годы—можно судить по тѣмъ горделивымъ мыслямъ, которыя его искушали, когда онъ думалъ надъ своимъ служеніемъ облюбованному имъ идеалу.

«Если писать откровенно о томъ, что я думаю о себѣ,—говорилъ Чернышевскій,—не знаю, вѣдь это странно, мнѣ кажется, что мнѣ суждено, можетъ быть, двинуть впередъ человѣчество по дорогѣ нѣсколько новой... Пришло Россіи время дѣйствовать на умственномъ поприщѣ, какъ дѣйствовали раньше ея Франція, Германія, Англія, Италія. Я думаю, что похожу въ себѣ нѣкоторыя новыя начала, которыхъ не вижу ясно развитыми и сознательно высказанными въ теперешней наукѣ и теперешнемъ взглядѣ на міръ. Они теперь стоятъ весьма неясно, а главное—еще не получили твердость общепринятости... Въ сущности я нисколько не подорожу жизнью для торжества своихъ убѣжденій, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтоженія нищеты и порока. Если бы только былъ убѣжденъ, что мои убѣжденія справедливы и восторжествуютъ, и если бы увѣренъ былъ, что восторжествуютъ они, то даже не пожалѣлъ бы, что не увижу дня торжества и царства ихъ. И сладко будетъ

умереть, а не горько, если только буду въ этомъ убѣжденъ».

Чернышевскаго часто упрекали въ самомнѣніи, и если бы кто-нибудь могъ заглянуть въ его дневникъ, то, пожалуй, его упрекнули бы и въ маніи величія. Но надо помнить, что самомнѣніе не всегда порокъ, если за нимъ стоитъ сила ума и характера, а что касается маніи величія, то развѣ мы не найдемъ ея слѣдовъ у всѣхъ тѣхъ соціальныхъ реформаторовъ, которые, порвавъ съ прошлымъ и настоящимъ, жили одной лишь мечтой о будущемъ и вѣрили, что именно въ нихъ это будущее намекаетъ о себѣ настоящему?

Удовольствоваться вѣрой и мечтой Чернышевскій, однако, не могъ; этому мѣшало всегда въ немъ живое чувство дѣйствительности. Но подумать о томъ, какъ идеалъ сочетать съ жизнью—значило подавить въ себѣ это чувство. И есть прямыя указанія на то, что Чернышевскій еще въ сороковыхъ годахъ думалъ не только о проповѣди новаго ученія, но и о средствахъ его проведенія въ жизнь. Эти тайныя мысли Чернышевскаго дошли до насъ въ видѣ намековъ и конечныхъ рѣшеній.

Не задумываясь надъ необходимостью постепеннаго перехода отъ положенія отрицаемаго къ положенію желаемому, Чернышевскій какъ будто вѣрилъ въ возможность соціально-революціоннаго переворота въ Россіи. «(Меня занимаетъ)—писалъ онъ въ Дневникѣ 1850-го года—ожиданіе близкой революціи и моя надежда на нее, хотя я и знаю, что долго, долго, можетъ быть, весьма долго изъ этого ничего не выйдетъ, такъ что можетъ быть надолго только увеличатся угнетенія и т. д. Что нужды! — человѣкъ, не ослѣпленный идеализаціей, умѣетъ судить о будущемъ по прошедшему, и благословляющій извѣстныя дикости прошедшаго, несмотря на все зло, какое сначала принесли онѣ, не можетъ устрашиться этого. Пусть будутъ со мною конвульсіи—я знаю, что безъ конвульсій нѣтъ никогда ни одного шага впередъ въ исторіи. Глупо думать, что человѣчество можетъ идти прямо и ровно, когда этого до сихъ поръ никогда не было. Оно идетъ какъ человѣкъ: путь и человѣка, и человѣчества идетъ зигзагами». Еще нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ написать эти строки, онъ занесъ въ свой дневникъ такой возгласъ: «страшно, какой я сталъ человѣкъ крайней партіи!».

Записи эти, конечно, не устанавливаютъ строгой работы мысли Чернышевскаго надъ столь сложнымъ

вопросомъ, какъ возможность революціоннаго переворота въ Россіи. Мало ли какія мимолетныя мысли могли приходить ему въ голову, — по нимъ нельзя судить о какомъ-нибудь установленномъ рѣшеніи вопроса; онѣ скорѣе говорятъ о тѣхъ чувствахъ, какія охватили молодого мечтателя. И въ данномъ случаѣ такое допущеніе возможности революціонной развязки въ Россіи—весьма знаменательно для характеристики Чернышевскаго. Много ли было тогда (1848—50) людей, которые, какъ онъ, были увѣрены, что революція близится и готовы были для нея на всякую жертву? Среди этихъ немногихъ (если таковые существовали) Чернышевскій былъ наиболѣе порывистымъ и чуткимъ—судя опять таки по нѣкоторымъ личнымъ признаніямъ, которыя онъ дѣлалъ въ интимной бесѣдѣ съ самимъ собою. Оказывается—ему приходили иногда въ голову очень рѣшительныя мысли. Въ дневникѣ 1850-го года онъ записалъ: «думалъ о тайномъ печатномъ станкѣ. Если доживетъ теперешнее положеніе общества до того времени, когда я буду жить въ отдѣльной квартирѣ (!) и будетъ у меня нѣсколько денегъ, то едва ли я не буду исполнять своихъ плановъ, которые, между прочимъ, были и такіе: если напечатать манифестъ, въ которомъ провозгласить свободу крестьянъ, освобожденіе отъ рекрутчины, (сбавку въ половину налоговъ—сейчасъ вздумалъ) и т. д. и разослать его всѣмъ консисторіямъ и т. д. въ пакетахъ отъ св. синода и велѣть тотчасъ исполнить, не объявляя никому до времени исполненія и не смущаясь противорѣчіемъ, и объяснить, что въ газетахъ явится—въ тѣхъ, которыя будутъ напечатаны въ день по отправкѣ почты,—чтобы дворяне не подняли бунта здѣсь преждевременно, когда народъ еще не успѣлъ узнать... Потомъ придумалъ, что должно послать и губернаторамъ; потомъ придумалъ, что должно не посылать его въ самыя ближайшія губерніи къ Петербургу, потому что если такъ, то можно, получивши оттуда донесенія, послать курьеровъ, которые догонятъ почту въ дальнихъ губерніяхъ до пріѣзда ихъ туда въ назначенное мѣсто... Пробудилась и та мысль, что ложь, во всякомъ случаѣ, приноситъ всегда вредъ въ окончательномъ результатѣ, поэтому не лучше ли... просто демагогическимъ языкомъ описать положеніе... Теперь подумалъ: да, конечно, ложь здѣсь принесетъ вредъ, а не пользу, такъ что убьетъ довѣріе народа къ воззваніямъ его приверженцевъ въ послѣдующемъ времени».

Эта запись, какъ и предыдущія, не уполномочиваетъ насъ ни на какіе опредѣленные выводы, но нельзя не замѣтить сходства

предложенной Чернышевскимъ тактики съ тѣми пріемами революціонной пропаганды, какіе практиковались впослѣдствіи. О революціонныхъ выступленіяхъ самого Чернышевскаго намъ ничего не извѣстно; на нихъ нѣтъ прямыхъ указаній даже въ его судебномъ дѣлѣ. Но замыслы, подобные вышеизложенному, не теряютъ своего значенія: они проливаютъ большой свѣтъ на психику писателя и показываютъ, что еще въ молодые годы, среди старой дореформенной обстановки, онъ испытывалъ наплывы настоящаго революціоннаго чувства, которое подбивало его на очень смѣлые шаги. Этихъ шаговъ онъ, кажется, пока еще не дѣлалъ, но иногда они ему представлялись съ такой ясностью, что онъ начиналъ бояться за себя. Въ 1852-мъ году ему вдругъ показалось, что онъ не можетъ жениться ужъ по одному тому, что не знаетъ, сколько времени пробудетъ на свободѣ. «Меня каждый день могутъ взять—писалъ онъ въ Дневникѣ;—какая будетъ тутъ моя роль? У меня ничего не найдутъ, но подозрѣнія противъ меня будутъ весьма сильныя. Что же я буду дѣлать? Сначала я буду молчать и молчать. Но, наконецъ, когда ко мнѣ будутъ приставать долго, это мнѣ надоѣстъ, и я выскажу свои мнѣнія прямо и рѣзко. И тогда я едва ли уже выйду изъ крѣпости». «Мнѣ должно жениться, чтобы стать осторожнѣе,—писалъ онъ въ другомъ мѣстѣ Дневника,—потому что если я буду продолжать такъ, какъ началъ, я могу попасться въ самомъ дѣлѣ. У меня должна быть идея, что я не принадлежу себѣ, что я не вправѣ рисковать собою. Иначе, почемъ знать? Развѣ я не рискну? Должна быть защита противъ демократическаго, противъ революціоннаго направленія и этою защитою ничто не можетъ быть, кромѣ мысли о женѣ».

Опасенія ареста высказаны и въ «Прологѣ». Очевидно, что соблазны революціоннаго темперамента были довольно сильны и настойчивы.

Наличность такого темперамента была внѣ сомнѣнія. Онъ могъ повышаться и понижаться, могъ толкать на поступки или не толкать на нихъ—но въ психикѣ русскаго интеллигента конца сороковыхъ годовъ онъ былъ явленіемъ новымъ—новымъ не самъ по себѣ, такъ какъ такіе темпераменты встрѣчались еще въ концѣ царствованія Александра I, но новымъ въ союзѣ съ широкой демократической и, въ особенности, соціалистической программой.

VI.

Да и все въ Чернышевскомъ было новое: съ нимъ вступалъ въ нашу жизнь совсѣмъ особый типъ общественнаго дѣятеля, типъ, который сталъ прообразомъ для всей радикальной группы подроставшаго молодого поколѣнія. Новая доктрина философская, новое пониманіе историческаго процесса, новая оцѣнка общественныхъ условій русской жизни и ея запросовъ, наконецъ, совсѣмъ необычный по тѣмъ временамъ политическій темпераментъ—отдѣляли этого человѣка рѣзко отъ его предшественниковъ и современниковъ и дѣлали его въ полномъ смыслѣ слова человѣкомъ будущаго.

И этому человѣку будущаго надлежало найти себѣ мѣсто въ настоящемъ. Задача была не изъ легкихъ. Одно время онъ думалъ стать ученымъ и потратилъ немало труда на то, чтобы выработать изъ себя филолога. Онъ, вѣроятно, успѣлъ бы въ этомъ и былъ бы хорошимъ профессоромъ словесности, если бы его планы не потерпѣли на первыхъ же порахъ неудачи. Министерство, вопреки рѣшенію факультета, не пожелало дать ему степень магистра. Чѣмъ высшее начальство въ данномъ случаѣ руководилось — трудно сказать (неужели въ самомъ дѣлѣ оно было такъ прозорливо, что по первой же работѣ догадалось объ образѣ мыслей автора?). Ученая карьера была сломана—и приходилось выбирать иную или, вѣрнѣе, оставаться при старой работѣ, т. е. журнальной, при которой Чернышевскій состоялъ со времени своего окончательнаго переѣзда въ Петербургъ въ 1853-мъ году.

Журнальная работа была, конечно, самой подходящей, при образѣ его мыслей и при его умственныхъ потребностяхъ.

Въ «Современникѣ», въ которомъ онъ работалъ, онъ исполнялъ на первыхъ порахъ роль присяжнаго критика, обозрѣвателя очередныхъ литературныхъ и научныхъ новинокъ. Но какъ литературный критикъ онъ былъ тяжелъ, и самъ это чувствовалъ. Его критическія статьи разростались въ цѣлые трактаты, даже въ цѣлыя книги, и онъ замѣтно скучалъ, если затронутый вопросъ былъ несложенъ и если нужно было съ читателемъ говорить какъ съ ученикомъ, а не какъ съ собесѣдникомъ. Человѣкъ съ его знаніями и въ особенности съ его замыслами не могъ помириться съ ролью учителя словесности или, въ лучшемъ случаѣ, учителя обиходной гражданской морали—какимъ бы святымъ ему это дѣло ни представлялось.

По мѣрѣ того какъ закипала новая жизнь, въ ожиданіи новыхъ порядковъ, въ Чернышевскомъ росло нетерпѣніе помочь ей себя осмыслить и сознательно управлять своимъ ходомъ. Нужно было спѣшить и сразу приступить къ работѣ на многихъ пунктахъ. Надо было скорѣе обнародовать тотъ сводъ всяческихъ знаній, который могъ бы служить настольной книгой для новаго читателя. Надо было торопиться и воспитать, и обучить этого нетерпѣливаго читателя.

Добролюбовъ во время пришелъ Чернышевскому на помощь: Чернышевскій сразу разгадалъ въ молодомъ ригористѣ воспитателя по призванію. Ему предоставилъ онъ воспитывать въ читателяхъ «Современника» гражданское чувство, а за собой оставилъ руководящую роль въ дѣлѣ ихъ образованія.

Раздѣленіе властей въ передовомъ журналѣ состоялось съ 1857-го года и длилось до 1861-го года, когда Добролюбовъ умеръ. Къ этому времени и въ дѣятельности Чернышевскаго произошла перемѣна: до сей поры человѣкъ исключительно кабинетный, публицистъ и литераторъ, онъ разрѣшилъ себѣ болѣе активное вмѣшательство въ судьбы своей доктрины. Есть нѣкоторое основаніе думать, что съ 1861 года его участіе въ революціонномъ движеніи стало болѣе интенсивно. Высказавъ все, что онъ имѣлъ сказать по вопросамъ общаго и частнаго характера, зная, что яснѣе ему уже высказаться не придется, онъ отъ тактики гласной пропаганды сталъ переходить къ иной тактикѣ, о которой, за недостаткомъ прямыхъ указаній, можно только догадываться...

Какъ такой таинственный агитаторъ, онъ принадлежитъ инымъ годамъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы говоримъ.

Въ шесть лѣтъ (1855—1861) относительно спокойной литературной и научной работы Чернышевскимъ была возведена та широко раскинутая крѣпость, въ которой всѣ союзники находили готовый и богатый арсеналъ всевозможныхъ знаній и, какъ имъ казалось, несокрушимые заслоны.

Не враги, а время ее разрушило.

Несторъ Котляревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЪ ПОИСКАХЪ РАЦІОНАЛЬНОЙ МОРАЛИ.

(Письмо изъ Парижа).

Франція—свѣтское государство; религія въ ней—личное дѣло гражданина. Французская школа—государственная свѣтская школа, двери которой закрыты для кюрэ. Этотъ разрывъ между государствомъ и церковью произошелъ не путемъ соглашенія вѣковыхъ контрагентовъ, а по волѣ одного изъ нихъ,—государства, несмотря на сопротивленія церкви, и въ ущербъ ей. Въ общественномъ сознаніи третьей республики созрѣло убѣжденіе, что le clericalisme—voilà l'ennemi, что церковь—непримиримый врагъ новаго общества. Въ этихъ условіяхъ разрывъ между государствомъ и церковью явился лишь одной изъ фазъ длительной и неоконченной борьбы между прогрессивной демократіей и живыми еще элементами «стараго порядка»—политическаго и идейнаго,—среди которыхъ церковь занимала, быть можетъ, наиболѣе видное мѣсто. Воинствующая роль французской церкви, отрицающей всѣ основы новаго демократическаго общества, и побудила третью республику, формально объявившую религію личнымъ дѣломъ каждаго, взять народное воспитаніе всецѣло въ свои руки и отказаться отъ принципа свободной школы. Этотъ принципъ, истинно демократическій, открываетъ двери школы всѣмъ существующимъ и дѣйствующимъ въ обществѣ идейнымъ тенденціямъ,—значитъ, въ условіяхъ французской дѣйствительности, и клерикальнымъ вліяніямъ. Если бы католическая церковь занимала нейтральное положеніе по отношенію къ республикѣ и демократіи, въ этомъ не было бы ничего опаснаго. Но она—*врагъ*; поэтому, изъ чувства самосохраненія, республика увидѣла себя вынужденной устранить церковное вліяніе въ школѣ. И такъ какъ, практически, достигнуть этого можно было, лишь сдѣлавъ школу государственной, республика и пошла этимъ путемъ.

Но, сдѣлавъ школу государственной и свѣтской, т. е. исключивъ изъ нея и церковное вліяніе и религіозное преподаваніе, замѣтили, что лишили школу могучаго воспитательнаго средства. Въ теченіе вѣковъ и вѣковъ церковь воспитывала подростающія поколѣнія въ духѣ началъ христіанской культуры, культивировавъ умы и душу, т. е. формировала личность, прививая ей путемъ школьнаго и внѣшкольнаго воздѣйствія извѣстный строй мыслей и чувствъ, и такимъ образомъ стимулировала извѣстное поведеніе въ жизни. Эта задача достигалась церковью-воспитательницей благодаря удивительно разработанной и гармонически связанной системѣ церковно-религіозныхъ дисциплинъ, включавшихъ въ свой составъ и христіанскую догматику, и христіанскую космологію, и метафизику, и мораль. Дисциплины эти не только обращались къ уму воспитываемаго, но и воздѣйствовали на всю его эмоціональную природу.

Очевидно, что отказъ отъ религіознаго воспитанія въ школѣ оставлялъ громадное пустое мѣсто. Чтобы заполнить его, чтобы, вырвавъ рычагъ воздѣйствія изъ рукъ клерикализма, не оставить свою руку безоружной, создатели свѣтской школы — Ферри, Бьюссонъ и др., — ввели въ курсъ низшей и средней школы преподаваніе морали,—свѣтской морали, конечно.

По ихъ представленіямъ, «мораль» должна была быть не просто предметомъ преподаванія въ обычномъ смыслѣ этого слова, т. е. изученіемъ, или, въ худшемъ случаѣ, вызубриваніемъ учебника, своего рода гражданскаго катехизиса. Нѣтъ: учителю ставилась задача сформировать характеръ ученика, привить ему добрыя наклонности или развить уже имѣющіяся, направить умъ и чувства его къ полезной и доброй личной и общественной дѣятельности, словомъ, сформировать моральнаго человѣка и гражданина. Въ инструкціяхъ, данныхъ основателями свѣтской школы учителямъ, цѣль эту рекомендовалось достигать разнообразными способами педагогическаго воздѣйствія. Во-первыхъ, личнымъ примѣромъ—примѣромъ трудолюбія, справедливости, доброты и т. п. Во-вторыхъ, путемъ развитія въ ученикахъ товарищескихъ чувствъ,—взаимопомощи, участія къ нуждѣ, строгаго равенства, солидарности и другихъ общественныхъ навыковъ. Въ третьихъ—путемъ изложенія ряда мыслей, теоретическихъ положеній, т. е. путемъ извѣстнаго ученія. Въ центрѣ этого ученія поставлено было ученіе объ обязанностяхъ къ Богу, къ себѣ, къ роднымъ, къ товарищамъ, къ обществу, къ родинѣ. Этотъ теоретическій курсъ долженъ былъ дать идеологическое содержаніе морали, закончить моральное воспитаніе человѣка и гражданина свободнаго, свѣтскаго и демократическаго общества.

Особенностью этой программы-инструкціи является отсутствіе

внутренней идейной цѣльности. Во-первыхъ, она совершенно незаконно носитъ названіе программы преподаванія свѣтской морали — de la morale laïque. Въ сущности она является испорченной, лишенной цѣльности и дополненной демократическими сентенціями религіозной моралью, преподаваемой свѣтскими учителями. Это видно изъ того, что въ основѣ ученія объ обязанностяхъ лежитъ изложеніе обязанностей къ Богу, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленіе Божества,—правда, въ духѣ деизма. Но если въ христіанской морали идея Божества является центральной идеей, все опредѣляющей и все освѣщающей, изъ которой выводятся всѣ обязанности человѣка и въ которой онѣ находятъ свое абсолютное обоснованіе и оправданіе—идея божества въ школьной программѣ основателей свѣтской школы является мертвымъ, не дѣйственнымъ утвержденіемъ, свидѣтельствующимъ лишь о томъ, что Ферри, Бьюссонъ и, вообще говоря, правители третьей республики, разрывая съ церковью, не рѣшались порвать съ религіей. Считая клерикализмъ зломъ, они не распространили своего отрицательнаго отношенія и на религію. Не будучи, въ каноническомъ смыслѣ, религіозными, они сохранили основные элементы религіознаго ученія въ искаженномъ и обезсложенномъ, и потому ненужномъ видѣ. Объ этой ненужности свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что фактически идея божества, идея обязанностей по отношенію къ Богу, выпала изъ школьнаго преподаванія. Учителя, иррелигіозные въ большинствѣ, отказались развивать утвержденія, ими не раздѣляемыя и не связанныя логически съ системой свѣтской морали. «Это дѣло кюрэ, а не наше,—говорили они,—обучать церковнымъ догматамъ и учить о Богѣ; мы въ этой области не компетентны».

Когда изъ системы школьнаго преподаванія морали выпала основная идея о Богѣ, объ обязанностяхъ по отношенію къ Богу,—все ученіе о морали оказалось безъ основы. Нужно быть трудолюбивымъ; нужно помогать другимъ; нужно поступаться своими интересами въ пользу высшихъ интересовъ справедливости и общества; нужно отбывать воинскую повинность, платить налоги, жертвовать даже жизнью на пользу родинѣ, защищая ея цѣльность и неприкосновенность. Нельзя брать чужого; нельзя портить принадлежащія другимъ вещи; нельзя убивать; нельзя вообще пренебрегать интересами и нуждами другого. Почему? Христіанская мораль говорила ребенку: потому, что Богъ такъ положилъ. Божья воля и Божій законъ опредѣлили, что̀ грѣхъ и что̀ добродѣтель. Обращаясь съ тѣми же моральными утвержденіями къ взрослому, церковь не просто опиралась на божественный законъ, но представляла цѣлую метафизическую и моральную систему, центромъ которой все-таки являлась

идея Божества, какъ абсолютнаго добра, въ его отношеніи къ міру и къ человѣку. Но внѣ этой идеи — почему нельзя брать чужого, почему нужно трудиться, почему надо исполнять тѣ или иныя обязательства и обязанности, включенныя въ программу личной и гражданской морали? Да, наконецъ, какія изъ обязанностей должны и могутъ быть включены туда? Иначе: что морально и что иммораль но? Гдѣ граница добра и зла? Чтобы учить этому, надо знать самому.

Такимъ образомъ передъ свѣтскимъ обществомъ вообще, передъ третьей республикой въ частности возникъ цѣликомъ вопросъ о свѣтской морали, о морали внѣрелигіозной,—проблема, которою былъ занятъ уже Гюйо въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка. Съ тѣхъ поръ работа теоретической и прикладной мысли въ этой области не ослабѣвала во Франціи. Интересъ къ вопросамъ религіи и морали получилъ чрезвычайное напряженіе среди представителей научной мысли, въ Сорбоннѣ, въ философскомъ обществѣ, среди педагоговъ, среди дѣятелей республики, заинтересованныхъ судьбами школы и задачами народнаго воспитанія.

Размѣры письма не позволяютъ мнѣ подробно остановиться на работѣ въ этой области, на теоріяхъ морали, создаваемыхъ анализирующей научной мыслью. Скажу вкратцѣ, что французская научная мысль считаетъ мораль и моральное чувство производнымъ соціальныхъ отношеній и видитъ источникъ ихъ въ обществѣ, въ его жизни и нуждахъ. То мѣсто, которое въ системахъ религіозной морали занимаетъ идея Божества—мѣсто высшаго и священнаго моральнаго авторитета,—въ концепціяхъ соціологовъ, изслѣдующихъ проблемы морали, занимаетъ идея общества, высшей и опредѣляющей коллективной индивидуальности. Для Дюркгейма, главы французской соціологической школы, самая идея Божества, составляющая опорный пунктъ религіозной морали, является лишь трансформированной идеей общества, мыслимаго символически.

Выводъ, что мораль — явленіе общественнаго порядка, имѣетъ большую цѣнность, но онъ недостаточенъ для построенія положительной морали. Чтобы поступать морально, мало знать, что нормы добра и зла стоятъ въ связи съ нуждами и потребностями высшаго общественнаго коллектива: нужно имѣть *опредѣленныя* моральныя *представленія* и соотвѣтственныя имъ *влеченія*. Положительная, и тѣмъ болѣе педагогическая мораль, имѣетъ задачей дать первыя и воспитать послѣднія. Именно въ этомъ направленіи и работаетъ французская педагогическая мысль. Къ какимъ же результатамъ пришла она? Создала ли она систему морали, способную по своей широтѣ и жизненности замѣнить религіозную мораль, изгнанную изъ

школы и жизни? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо коснуться небольшого числа сочиненій, представляющихъ собою отчасти руководства свѣтской морали для школьнаго употребленія, отчасти изслѣдованія по общимъ вопросамъ педагогической морали. Для нашей цѣли излишно излагать ихъ цѣликомъ и анализировать во всемъ ихъ объемѣ. Совершенно достаточное представленіе о ходѣ французской педагогической мысли въ нашей области мы получимъ, остановивъ наше вниманіе на одномъ какомъ-либо отдѣлѣ морали—напр., на отдѣлѣ, трактующемъ объ общественныхъ обязанностяхъ человѣка.

Передо мной четыре руководства морали. Беру книжку Феликса Тома, Les éléments de morale. Нахожу въ ней перечисленіе общественныхъ добродѣтелей—справедливости, доброты, уваженія къ правамъ другихъ, солидарности, взаимопомощи и т. д., и затѣмъ разсужденіе, имѣющее цѣлью внушить ученику необходимость, обязательность этихъ качествъ. Тома утверждаетъ, во первыхъ, что соціальныя добродѣтели отвѣчаютъ естественнымъ чувствамъ людей. Альтруистическія чувства свойственны природѣ человѣка и являются источниками мира, порядка, счастья. Затѣмъ онъ развиваетъ положеніе о *соціальномъ долгѣ*, идею котораго во французской литературѣ особенно тщательно разработалъ Леонъ Буржуа въ своей книгѣ «Solidarité» (Парижъ, 1900 г.). Согласно этой идеѣ, каждый человѣкъ — неоплатный должникъ передъ обществомъ, которому онъ всѣмъ обязанъ; долгъ этотъ уплачивается выполненіемъ соціальныхъ обязанностей, практикой солидарности. Наконецъ, въ третьихъ, идетъ кантіанскій аргументъ равнаго достоинства всякой человѣческой личности: «чтобы понять необходимость справедливости и соціальныхъ чувствъ, недостаточно, однако, видѣть въ намъ подобныхъ нашихъ кредиторовъ, а въ себѣ — ихъ должника, или разсматривать ихъ какъ товарищей, соединившихся во имя общаго интереса; надо прежде всего видѣть въ нихъ такихъ же, какъ мы, людей, личность которыхъ столь-же достойна, какъ наша, и одинаково священна».—Слабость всей этой пестрой аргументаціи очевидна. Во первыхъ, большинство положеній ея спорно или можетъ быть оспариваемо. Спорно положеніе объ альтруистичности нашей природы: эгоистическія чувства и противообщественные инстинкты столь-же естественны, какъ и эгоистическіе. Спорно положеніе о «долгѣ обществу»; оно совершенно неубѣдительно для тѣхъ, у кого общество много беретъ и кому мало даетъ. Кантіанское положеніе о равной цѣнности и равномъ достоинствѣ каждой человѣческой личности много говоритъ философствующему уму, но оно слишкомъ абстрактно, чтобы руководить дѣйствіями обыкновеннаго человѣка или ребенка,

особенно въ томъ случаѣ, если какіе-либо могучіе интересы или чувства внушаютъ ему «антиобщественное» поведеніе. Въ общемъ вся аргументація Тома лишена и единства, и силы, и той глубины, которая способна пересоздавать и культивировать имморальную душу; она лишена, поэтому, серьезнаго воспитательнаго значенія.

Въ книжкѣ Жакобе: «Devoirs» мы встрѣчаемъ нѣсколько иную концепцію. Общественныя добродѣтели и понятіе о справедливости коренятся, по мнѣнію автора, во-первыхъ, въ личномъ, эгоистическомъ стремленіи къ свободѣ и праву для себя; во-вторыхъ, въ чувствѣ симпатіи; въ третьихъ, въ указаніяхъ разума—разумъ показываетъ, что требуя для всякаго всю мѣру свободы, согласную съ равной свободой остальныхъ, я создаю условія наиболѣе благопріятныя для сохраненія и поддержанія общества, всѣ члены котораго сознаютъ свои интересы». Наконецъ, въ-четвертыхъ, справедливость является общественнымъ коррелятивомъ равноцѣнности всякой разумной личности.

Особенностью этой аргументаціи является открытое обращеніе къ эгоизму, къ расчету личныхъ выгодъ. Нужно быть общественно добродѣтельнымъ, потому что это единственное условіе, при которомъ можно разсчитывать, что наши интересы будутъ соблюдаться другими. Дѣлай добро другимъ, чтобы его дѣлали тебѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, не бываетъ ли иногда выгоднымъ сдѣлать зло другимъ, аргументаціи Жакобе можно поставить общій упрекъ: опираясь на теорію разумнаго эгоизма, на теорію выгодъ и убытковъ, она не имѣетъ ничего общаго съ моралью и не воспитываетъ моральныхъ чувствъ и наклонностей, такъ какъ послѣднія всегда безусловны и императивны. Моральное утвержденіе: «нельзя убивать другого». Имморальное утвержденіе: «Нельзя убивать другого, потому что иначе и другой убьетъ меня».

Двѣ слѣдующія книги строятъ теорію морали на соціологическихъ основаніяхъ. «La Morale à l'école», руководство морали М. Пайо, кладетъ въ основу всей своей аргументаціи идею *соціальнаго прогресса*, желаніе принять участіе въ которомъ онъ и стремится вызвать въ ученикѣ. Принять участіе въ громадномъ процессѣ соціальнаго совершенствованія можно только понимая его цѣли, его направленіе. Эти цѣли и это направленіе опредѣляютъ, что слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать, что хорошо, и что дурно. Это во-первыхъ; во вторыхъ, такъ какъ соціальный прогрессъ совершается работой всего общественнаго и даже болѣе—всего человѣческаго коллектива, то участіе въ этой работѣ приводитъ къ соціальной коопераціи, къ сотрудничеству и ко всѣмъ соціальнымъ добродѣтелямъ, вытекающимъ изъ сотрудничества.

Рей и Дюбю, авторы книги «Les leçons de Morale», не считаютъ возможнымъ принять въ качествѣ краеугольнаго камня ученія о морали идею соціальнаго прогресса, какъ такового. Идея соціальнаго прогресса не адекватна идеѣ прогресса добра. Не все черно въ прошломъ, не все хорошо въ настоящемъ. Рядъ культурныхъ измѣненій, совершившихся во времени и составляющихъ содержаніе того, что мы называемъ прогрессомъ, подлежитъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія добра, и потому самъ по себѣ не можетъ служить его критеріемъ. Источникомъ морали можетъ служить, поэтому, не просто солидарность, и не просто участіе въ соціальномъ процессѣ, а солидарность во имя добра, во имя направленія соціальнаго процесса къ добру. Въ книжкѣ Рея и Дюбю, такимъ образомъ, впервые ставится вопросъ объ идеалѣ, о добрѣ, какъ цѣли, къ которой должна быть направлена дѣятельность, а слѣдовательно и жизнь человѣка и общества. Рей и Дюбю выводятъ свѣтскую мораль изъ низинъ расчета, и изъ тумановъ ничего не говорящихъ абстракцій въ область великихъ цѣлей, благородныхъ достиженій, способныхъ направлять колеблющуюся волю человѣка, способныхъ внушить ему тотъ энтузіазмъ, безъ котораго не существуетъ единства и постоянства дѣйствій. Они категорически отказываются аргументировать моральныя предписанія соображеніями выгоды и убытка, и нигдѣ въ своей книжкѣ не апеллируютъ къ эгоистическимъ чувствамъ. Въ качествѣ «моральнаго аргумента» они опираются на утвержденіе, что соціальный прогрессъ есть синонимъ прогресса добра, моральнаго прогресса. Братство и солидарность, по ихъ мнѣнію, являются естественнымъ результатомъ соціальной эволюціи, находясь, такъ сказать, на продолженіи соціальной кривой.

Допустимъ на минуту, что это утвержденіе не противорѣчитъ наблюдаемому въ дѣйствительности, и спросимъ: неужели воззрѣніе, что «братство и солидарность находятся на продолженіи соціальной кривой», можетъ служить *достаточнымъ основаніемъ* для дѣятельности и жизни въ духѣ братства и справедливости? Что моральнаго въ преклоненіи передъ фактомъ? И развѣ моральныя чувства нормальнаго человѣка покоятся на его теоретическихъ представленіяхъ о природѣ соціальной эволюціи? Достаточно поставить эти вопросы, можно не отвѣчать на нихъ. Очевидно, что сложность и глубина явленій моральнаго порядка не стоитъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ скудостью, искусственностью теоретичностью аргументаціи этого лучшаго изъ учебниковъ школьной свѣтской морали. Недостаточность этой аргументаціи обнаружится съ особой ясностью, если мы поставимъ себѣ вопросъ: въ чемъ видятъ свѣтскіе моралисты *двигательную силу* своихъ теоретическихъ представленій объ адекват-

ности человѣческой личности, о соціальномъ прогрессѣ и т. д.? Вѣдь для того, чтобы эти идеи стали дѣйственнымъ основаніемъ моральныхъ поступковъ, нужно, чтобы въ человѣкѣ выросло *стремленіе* согласовать съ ними свои поступки; другими словами—онѣ должны воздѣйствовать не только на умъ, но и на волю. Правда, Рей и Дюбю думаютъ, что ихъ мораль даетъ «всѣмъ мыслящимъ людямъ, всѣмъ совѣстливымъ людямъ, стремящимся осуществлять свои убѣжденія и принимать участіе въ дѣлѣ соціальнаго усовершенствованія» цѣнное орудіе эманципаціи и совершенствованія. Отсюда, однако, слѣдуетъ, что ихъ мораль есть мораль для моральныхъ. А для неморальныхъ, для тѣхъ, кто не «мыслитъ», кто не стремится осуществлять свои теоретическіе взгляды, кто равнодушенъ къ соціальному прогрессу? Очевидно, такого рода мораль лишена воспитательнаго значенія, а если имѣетъ его, то только для рѣдкихъ экземпляровъ человѣческой породы, одушевленныхъ отъ колыбели желаніемъ соціальнаго добра.

Отъ учебниковъ перейдемъ къ книгамъ теоретическаго характера, посвященнымъ тому же вопросу. Изъ нихъ остановимся на двухъ. Сначала на книгѣ Бело: «Etudes de morale positive», стоящей на точкѣ зрѣнія очень распространенной у французскихъ свѣтскихъ моралистовъ и намъ уже знакомой. «Морально то, что соціально полезно»—т. е. то, что полезно для цѣлаго, частью котораго является человѣкъ. «То, что соціально полезно, является предметомъ желанія человѣчества»,—т. е. воля громаднаго большинства людей стремится къ тому, что полезно цѣлому; общеполезное автоматически становится цѣлью человѣческихъ желаній, влеченій и достиженій. Это послѣднее утвержденіе цѣнно въ томъ отношеніи, что оно вводитъ въ разсужденіе моментъ очень важный, но большинствомъ свѣтскихъ моралистовъ оставляемый въ сторонѣ: какимъ образомъ выводъ анализирующаго ума—въ нашемъ случаѣ, напр., идея соціальнаго прогресса,—превращается въ двигательную силу человѣческихъ поступковъ, въ руководящій идеалъ? Бело отвѣчаетъ: автоматически. Анализирующій умъ изслѣдуетъ соціальныя явленія и открываетъ законы ихъ эволюціи, опредѣляющіе общественно-полезное и общественно-вредное; но это общественно полезное и общественно вредное въ свою очередь опредѣляетъ содержаніе воли человѣчества, т. е. и то, къ чему человѣчество стремится, его идеалъ, его цѣли, и то, отъ чего оно отворачивается, что считаетъ зломъ, грѣхомъ и т. п. Поэтому достаточно, по мнѣнію Бело, показать и доказать человѣческому уму, что то-то и то-то общественно-полезно—и немедленно въ человѣческой волѣ должно возникнуть стремленіе достигнуть указаннаго. Во всякомъ случаѣ,

моральная цѣнность его тѣмъ самымъ будетъ установлена. Психологически общественно-полезное превращается въ лично-желаемое, въ причину человѣческихъ дѣйствій (моральныхъ); человѣкъ опытнымъ путемъ приходитъ къ убѣжденію, что, живя въ обществѣ, онъ, только опираясь на общественныя силы, можетъ достигнуть поставленныхъ себѣ цѣлей. Общество является необходимымъ и всеобщимъ средствомъ всякихъ индивидуальныхъ дѣйствій и достиженій, необходимымъ условіемъ дѣятельности и жизни; общество, съ его нуждами, становится въ концѣ концовъ верховной цѣлью, удовлетвореніе общественныхъ нуждъ, достиженіе общественно полезнаго ложится въ основу «желаннаго», формируя и содержаніе морали, и характеръ идеаловъ. Этотъ порядокъ разсужденій ничѣмъ не отличается отъ старомоднаго утилитаризма, немножко подновленнаго и подкрашеннаго.

Отъ книги Бело перейдемъ къ другой, очень интересной и характерной для послѣдняго времени—къ работѣ Дельвольва: «Rationalisme et tradition». Книга носитъ подзаголовокъ, опредѣляющій ея содержаніе: «Изысканіе условій дѣйственности свѣтской морали». Этотъ подзаголовокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что автору ея и преподаваніе свѣтской морали въ школѣ, и большинство установившихся конструкцій свѣтской морали кажутся лишенными «условій дѣйственности». Должно замѣтить, что взглядъ этотъ довольно распространенъ. Другою особенностью книги Дельвольва является то, что за образецъ морали *дѣйственной*, т. е. способной оказывать вліяніе на людей и руководить ихъ дѣйствіями, онъ беретъ традиціонную, т. е. религіозную мораль. Не даромъ же господствовала она надъ міромъ въ теченіе долгихъ вѣковъ. Своей моральной концепціи Дельвольвъ предпосылаетъ, поэтому, анализъ традиціонной морали.

Традиціонная мораль опирается на религіозное чувство и на религіозныя идеи; въ нихъ черпаетъ она свою силу, позволявшую ей въ теченіе вѣковъ руководить поступками людей. Мы никогда, поэтому, не поймемъ ея дѣйственной силы, если не уяснимъ себѣ психологическихъ корней религіозности. Три порядка чувствъ питаютъ въ человѣкѣ религіозность. Это, во-первыхъ, страхъ смерти, общій всему человѣчеству и тѣмъ болѣе сильный, чѣмъ утонченнѣе чувствительность и богаче душевная жизнь. Это, во-вторыхъ, тяжесть жизненной борьбы, и невѣрность ея результатовъ. Чѣмъ сильнѣе въ человѣкѣ стремленіе къ гармонической, счастливой жизни, чѣмъ сильнѣе боязнь страданія, тѣмъ невыносимѣе ожесточенная жизненная борьба; нерѣдко это чувство невыносимости достигаетъ степени настоящаго отчаянія. Третій порядокъ чувствъ стоитъ въ связи съ ощущеніемъ дисгармоніи дѣйствующихъ въ насъ силъ, дисгармоніи

между нашими желаніями, цѣлями, которыя мы себѣ ставимъ, и средствами достиженія ихъ нашими силами, дисгармоніи между нашимъ вѣчнымъ стремленіемъ къ внутренней и внѣшней свободѣ— и детерминизмомъ, управляющимъ нашими чувствами и дѣйствіями. Смерть, необезпеченность и мучительность жизни, наша внутренняя слабость и противорѣчивость—вотъ три главныя формы зла и три главныхъ источника страданія. Это трехликое зло—выраженіе нашей относительности, нашего несовершенства, нашей слабости. И единственный способъ побѣдить это зло заключается въ томъ, чтобы слить наше существованіе и насъ самихъ съ какой-либо высшей формой бытія, абсолютной, совершенной и цѣлостной. Эту побѣду надъ зломъ и даетъ намъ вѣра, даетъ религія, единящая насъ съ Божествомъ. Религіозное чувство, сведенное къ своимъ элементамъ, даетъ человѣку ощущеніе, что онъ «составляетъ часть высшаго, чѣмъ онъ, существа, дѣйствующаго въ мірѣ внѣ его и способнаго придти къ нему на помощь». Разъ достигнуто это ощущеніе Бога въ мірѣ, исчезаетъ жгучее страданіе и отчаяніе. Смерть не страшна, потому что она постигаетъ лишь несовершенную и внѣшнюю форму; ожесточенная жизненная борьба перестаетъ быть страшной, такъ какъ она представляется теперь лишь поверхностною рябью, не нарушающей теченія могучаго и спокойнаго потока жизни. Чувство безпомощности и противорѣчивости умолкаетъ, такъ какъ за человѣкомъ ощущается божественная сила и божественная воля, исполненіе велѣній которой даетъ спокойствіе и увѣренность. «Связь человѣка съ Божествомъ и сознаніе этой связи, отвѣчаютъ потребности освобожденія отъ зла: догматы жизни вѣчной, единенія людей въ Богѣ и господствующей въ мірѣ Божественной любви парализуютъ дѣйствіе трехъ указанныхъ выше формъ вытекающаго изъ нашей природы зла». Религія даетъ человѣку громадное утѣшеніе, внутренній миръ, ясность путей и цѣлей жизни, указанныя высшей волей; она разрываетъ связь между нимъ и невѣрными, низшими, индивидуальными цѣлями, пріобщая его къ цѣлямъ высшимъ и общимъ; она поднимаетъ тонъ его душевной жизни, увеличиваетъ его моральную силу. «Я, признаюсь,—пишетъ Дельвольвъ,— увѣренъ, что подобный результатъ не можетъ быть достигнутъ помимо глубокаго единенія человѣческаго существа, горестно сознающаго свою относительность и слабость, съ высшей формой бытія, свободной отъ человѣческихъ недостатковъ. Я принужденъ, такимъ образомъ, заключить, что чувство божественнаго, идея Божества имѣетъ *абсолютную* практическую цѣнность, т. е. цѣнность, независимую отъ преходящихъ душевныхъ состояній людей, но стоящую въ связи съ всеобщими и постоянными въ нашей циви-

лизованной средѣ психологическими состояніями». Слѣдуетъ ли отсюда, — спрашиваетъ онъ, — что мы должны исповѣдывать то или другое теологическое credo, или класть въ основу нашей морали элементы, оторванные отъ теологическихъ или мистическихъ системъ? Конечно,—нѣтъ. Упадокъ вѣры въ современномъ обществѣ есть слѣдствіе сказавшагося противорѣчія религіозныхъ доктринъ нашимъ научнымъ знаніямъ и нашему опыту. Съ этимъ фактомъ нельзя не считаться, и безполезно реставрировать знаніе теологической морали; но въ то же время надо воспользоваться тѣми выводами, которые даетъ намъ анализъ условій дѣйственности религіозной морали, и построить нашу новую свѣтскую мораль въ согласіи съ психологическими потребностями человѣка. Надо, иными словами, транспонировать идею божественнаго изъ области сверхестественнаго въ область естественнаго, свести Божество съ неба на землю.

Какъ же достигнуть этого? Для этого прежде всего необходимо замѣстить духовную связь человѣка съ трансцендентальнымъ существомъ связью съ реальнымъ существомъ, объективно существующимъ, познаваемымъ, родственнымъ намъ, но высшимъ, цѣли котораго, не противорѣча индивидуальнымъ человѣческимъ цѣлямъ, заключаютъ ихъ въ себѣ,—съ существомъ, обладающимъ могучими силами, обезпечивающими окончательное торжество его цѣлей въ жизни. Этой задачѣ отвѣчалъ-бы, по мнѣнію Дельвольва, религіозно-пантеистическій взглядъ на міръ, какъ на единое цѣлое, живущее единой и цѣльной жизнью, цѣлое, частью котораго является каждый отдѣльный мыслящій и чувствующій человѣкъ. Чувство связи съ цѣлымъ дается намъ въ «чувствѣ природы», въ эстетическомъ чувствѣ, въ соціальномъ инстинктѣ. Чувство природы психологически связываетъ насъ съ «большимъ кругомъ» космоса. Соціальный инстинктъ связываетъ насъ съ «малымъ кругомъ», въ которомъ мы заключены—съ обществомъ. Эти чувства и эти инстинкты *даны*; они показатели того реальнаго единства, которое существуетъ въ матеріальной, соціальной и индивидуальной природѣ, приводимой въ движеніе едиными силами, эволюціонирующей къ однѣмъ и тѣмъ же всеобщимъ цѣлямъ. Сознаніе единства мірового процесса и напряженность космическаго и соціальнаго чувства—основные элементы того религіознаго воззрѣнія на міръ, которое должно и можетъ замѣнить супранатуралистическія религіи и послужить основаніемъ для морали, свободной отъ мистическихъ элементовъ. Особенностью свѣтской морали, основанной на данныхъ критической мысли, является отсутствіе въ ней догмъ, правовѣрныхъ, абсолютныхъ положеній. И третья республика будетъ, поэтому,

вынуждена или терпѣть въ своихъ школахъ разнообразныя моральныя теченія, или, сдѣлавъ обязательной ту или иную систему морали, низвести эту важную учебную дисциплину до простого зубренія свѣтскаго катехизиса. На этотъ послѣдній путь третья республика пока не вступала. Въ своихъ циркулярахъ учителямъ она давала лишь указанія и совѣты, по существу своему необязательные, предоставляя педагогическому персоналу школы широкій просторъ и большую свободу. Предписанія свѣтской морали должны быть ничѣмъ инымъ, какъ прикладными выводами изъ принциповъ космической и соціальной жизни, изъ которыхъ основной—увеличеніе силы и полноты бытія и совершенствованіе его формъ.

Такова одна изъ не лишенныхъ интереса концепцій свѣтской морали, пришедшихъ на смѣну морали утилитарной и морали соціалитаррой. Къ сожалѣнію, и на нее мы должны смотрѣть только какъ на одну изъ стадій того напряженнаго исканія принциповъ дѣйствительнаго моральнаго воспитанія, которое занимаетъ дѣятелей третьей республики, изгнавшей церковь изъ школы. Какъ ни остроумна мѣстами, какъ ни глубока и прочувствована пантеистическая концепція Дельвольва, она не можетъ быть сдѣлана обязательной. Другіе моралисты, другіе общественные дѣятели и педагоги будутъ пользоваться свободой. Часть учителей—очень незначительная,—фактически уничтожила преподаваніе морали, замѣнивъ ее въ низшихъ классахъ диктовкой моральныхъ сентенцій, въ старшихъ, въ которыхъ преподаются «гражданскія обязанности»—зубреніемъ конституціи, административныхъ уставовъ, именъ и фамилій департаментскихъ властей. Громадное большинство учительскаго персонала отнеслось къ преподаванію морали очень серьезно и сдѣлало изъ него орудіе соціальнаго и политическаго воздѣйствія на учениковъ. Въ первые годы существованія свѣтской школы, совпавшіе съ окончательнымъ торжествомъ республики во Франціи, преподаваніе морали сводилось къ пропагандѣ республиканскихъ и антиклерикальныхъ доктринъ. Но по мѣрѣ того какъ республика, съ одной стороны, укрѣплялась, а съ другой, обнаруживалась ея буржуазно-реакціонная природа, учительскій персоналъ передвигался понемногу налѣво, ближе къ пролетаріату, съ которымъ его объединяло очень часто происхожденіе, и всегда—положеніе людей, живущихъ платой за свой трудъ, платой вообще очень скромной. Процессъ Дрейфуса, послужившій во Франціи могучимъ толчкомъ для глубокаго умственнаго движенія и для окончательной дифференціаціи республиканцевъ на два крыла—правыхъ, реакціонно-буржуазныхъ, и лѣвыхъ, прогрессивно-соціалистическихъ,—отразился на французской интеллигенціи, а вмѣстѣ съ нею и на корпораціи учителей.

Движеніе въ сторону соціализма, въ послѣднее время и въ сторону синдикализма совершенно ясно опредѣлилось въ средѣ учителей народной школы; и для этого было множество причинъ, не только общаго, но, и профессіональнаго характера. На одной изъ нихъ стоящей въ связи съ темой настоящаго письма, я остановлюсь подробнѣе.

Народный учитель—преподаватель «свѣтской морали». Если онъ не «человѣкъ въ футлярѣ», не Тартюфъ, и не лицемѣръ, онъ можетъ преподавать мораль только тогда, когда самъ имѣетъ опредѣленные моральные устои и взгляды, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ воспитывать своихъ учениковъ именно въ духѣ своихъ убѣжденій. Профессіональный долгъ поставилъ передъ учителемъ задачу выяснить *для себя* основы свѣтской морали, т. е. принциповъ личнаго и гражданскаго поведенія. Но доктрина, охватывающая и личное поведеніе человѣка, и соціальное поведеніе гражданина, представляетъ собою законченное философское и соціальное міровоззрѣніе. Отсюда слѣдуетъ, что именно на отысканіе такого міровоззрѣнія должны были направиться усилія лучшей, по крайней мѣрѣ, части учителей. Она и нашла его въ соціализмѣ и въ родственномъ ему синдикализмѣ,—и для этого было много очень вѣскихъ причинъ.

Во-первыхъ, теоріи эти всего болѣе отвѣчаютъ соціальному положенію интеллигентовъ-пролетаріевъ, какими чувствуютъ себя учителя народной школы. Во-вторыхъ, идеалистическій характеръ, присущій этимъ концепціямъ, стремящимся осуществить на землѣ своего рода «царствіе Божіе», сообщаетъ адептамъ ихъ тотъ энтузіазмъ, безъ котораго всякое міровоззрѣніе и всякая мораль представляютъ собою кучу абстрактныхъ выкладокъ или мертвыхъ предписаній. Въ третьихъ, соціализмъ выводитъ человѣка изъ низшихъ личныхъ и мелкихъ интересовъ на высшую плоскость классовыхъ и общечеловѣческихъ задачъ, интересовъ и достиженій, и потому болѣе, чѣмъ какая-либо другая свѣтская доктрина способенъ служить основаніемъ для глубокого моральнаго воздѣйствія, приближаясь, въ этомъ отношеніи, къ теологическимъ системамъ. Общая черта этихъ и другихъ—наличность далекаго и высокаго идеала, вѣра въ него, готовность принести въ жертву свои личные интересы высшимъ интересамъ цѣлаго, чувство связи своей личной жизни съ жизнью этого цѣлаго. Въ современномъ буржуазномъ и свѣтскомъ обществѣ соціалистическая доктрина возрождаетъ религіозный элементъ, столь присущій человѣческой природѣ, но возрождаетъ его въ формѣ свободной отъ супранатурализма. Онъ является, поэтому, чрезвычайно удобной базой для педагогическаго воздѣйствія вообще

и для воздѣйствія на дѣтей соціально-неудовлетворенныхъ классовъ въ особенности.

Мнѣ представляется, поэтому, не подлежащимъ сомнѣнію, что поворотъ учительской корпораціи въ пользу пролетарскихъ доктринъ является не только выраженіемъ ихъ классовыхъ нуждъ и потребностей, но и потребностей, вытекающихъ изъ ихъ профессіональныхъ интересовъ, какъ воспитателей какъ учителей личной и гражданской морали. Какъ таковые, они должны воспламенить сердца вонхъ ученпковъ — но въ нашъ свѣтскій вѣкъ такое пламя горитъ лишь среди взыскующихъ о градѣ Божьемъ на землѣ, т. е. среди соціальныхъ реформаторовъ, и мечтателей.

Рядомъ съ исканіемъ основъ свѣтской морали педагогами-теоретиками, государственными людьми и мыслителями по профессіи, идетъ практическое исканіе ихъ учителями - практиками, не вполнѣ согласное съ видами оффиціальныхъ представителей третьей республики, но,—и на это я позволю себѣ обратить особенное вниманіе,—не противорѣчащее ходу научной мысли во Франціи. Эта мысль, поскольку она касается общественныхъ вопросовъ, принимаетъ все болѣе и болѣе соціалистическую окраску. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно посѣтить нѣсколько разъ курсы общественныхъ наукъ въ Сорбоннѣ и въ Collège de France.

Бѣлоруссовъ.

«БАБУШКА» ВЪ ССЫЛКѢ.

Въ иностранной печати, особенно въ американской, часто появляются сообщенія, рисующія условія жизни извѣстной дѣятельницы 70-хъ и 80-хъ годовъ Е. К. Брешковской, находящейся нынѣ въ ссылкѣ въ г. Киренскѣ, Иркутской губерніи. Въ русскихъ газетахъ до сихъ поръ встрѣчались по этому поводу лишь самыя краткія, отрывочныя извѣстія, не дающія почти никакого представленія о томъ положеніи, въ которомъ находится въ настоящее время г-жа Брешковская, пользующаяся большой популярностью въ разныхъ слояхъ интеллигентнаго общества подъ именемъ «бабушки» или «бабушки русскаго освободительнаго движенія».

Недавно получены свѣдѣнія о состояніи здоровья г-жи Брешковской, немало встревожившія ея многочисленныхъ друзей и знакомыхъ. Оказывается, что подъ вліяніемъ суроваго сибирскаго климата болѣзни, которыми она страдала послѣдніе годы, приняли крайне тяжелую форму, особенно болѣзнь почекъ.

Во время послѣдняго заключенія г-жи Брешковской въ Петропавловской крѣпости, два года тому назадъ, у нея появились разные тревожные признаки, между прочимъ, опухоль ногъ. Но въ то время все это приписывалось застарѣлому ревматизму. По окончаніи судебнаго процесса г-жа Брешковская, не оправившись отъ болѣзни, принуждена была въ арестантскомъ вагонѣ отправиться въ далекій путь. По прибытіи въ Иркутскъ, ей пришлось нѣкоторое время просидѣть въ мѣстной тюрьмѣ. Затѣмъ ее отправляютъ по этапу на Лену, въ село Усть-Илимское. Здѣсь она прожила всего двѣ недѣли, послѣ чего была отправлена въ г. Киренскъ. Всѣ эти путешествія ей пришлось сдѣлать по этапу, на простой телѣгѣ, что разумѣется не могло не отразиться печальнымъ образомъ на ея здоровьѣ.

Въ Киренскѣ она поселилась въ ветхой и холодной хибаркѣ, вросшей въ землю [1]). Только по настоянію своихъ друзей изъ ссыльныхъ, она оставила жалкую лачугу и перешла въ болѣе просторную и помѣстительную избу, въ которой и живетъ до сихъ поръ. Такъ какъ въ городѣ оказалась, хотя и очень мизерная, больничка, то г-жа Брешковская начала было брать тамъ необходимыя въ ея болѣзни ванны. Но это продолжалось не долго, такъ какъ болѣзнь ея быстро прогрессируетъ. Въ настоящее время г-жа Брешковская уже не въ силахъ ходить въ больницу. Въ виду этого она должна была завести свою собственную ванну, но чтобы пользоваться ею, ей необходима женская помощь, такъ какъ сама она съ трудомъ двигается. Между тѣмъ она и до сихъ поръ живетъ совершенно одна, не имѣя даже прислуги. Только для топки печей къ ней приходитъ старикъ, бывшій солдатъ Петропавловской крѣпости, Платонъ Вишняковъ, сосланный по дѣлу Нечаева.

Не слѣдуетъ забывать, что г-жѣ Брешковской въ настоящее время 70 лѣтъ. Тѣ, кто хотя въ общихъ чертахъ знакомъ съ біографіей этой замѣчательной женщины, знаютъ, конечно, какъ много пришлось ей испытать и перенести въ теченіе своей долгой жизни, полной тяжелой борьбы и суровыхъ лишеній. Поэтому неудивительно, что болѣзни и круглое одиночество тяжело отзываются на

---

[1]) Снимки съ этой хибарки недавно фигурировали во многихъ англійскихъ и американскихъ иллюстраціяхъ.

организмѣ, расшатанномъ годами и всевозможными житейскими невзгодами.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ г-жа Брешковская писала прошлой зимой: «Была бы я совсѣмъ довольна, если бы могла имѣть всегда около себя милое женское лицо и доброе сердце. Для стараго человѣка, часто хворающаго, вѣтъ дороже ласковой женской руки. Ванна ли, постель ли, напоить, накормить, ношить, покронть— все она, голубушка, можетъ, а у меня такой голубушки нѣтъ и не откуда ее здѣсь взять. Правда, скучно жить со старухой, да еще требующей аккуратности, экономности, предусмотрительности и прочихъ почтенныхъ добродѣтелей; но хотя бы на время такъ пожить, чтобы чувствовать возлѣ себя совсѣмъ близкое существо, чтобы кто тебя поберегъ, а то всегда мнѣ приходится беречь другихъ. Правда, многіе здѣсь помнятъ обо мнѣ, стараются услужить, дѣлаютъ приношенія, но это все носитъ случайный характеръ и часто бываетъ то густо, то пусто, ибо нѣтъ постояннаго глаза, слѣдящаго за моимъ поведеніемъ».

Вообще въ послѣднее время г-жа Брешковская въ письмахъ къ своимъ друзьямъ часто заговаривала о желаніи имѣть при себѣ «дочку», т. е. «такую дѣвушку, которая бы не тяготилась жизнью со старухой, прожила бы годъ, полгода, не чувствуя себя удрученной, которая прощала бы мнѣ мою воркотню, требовательность аккуратности, экономіи (но не жадности и не скупости). Гдѣ такую благодѣтельницу найдешь? А между тѣмъ и ей было бы полезно пройти школу заботъ и вниманія къ ближнему, ибо не обо мнѣ одной пришлось бы ей думать, не меня одну беречь».

Въ объясненіе послѣдней фразы мы должны сказать нѣсколько словъ. Дѣло въ томъ, что имя г-жи Брешковской сдѣлало въ Сибири свое дѣло: достаточно было ей появиться въ Киренскѣ, чтобы мѣстные ссыльные немедленно начали искать знакомства съ нею. Конечно, она не могла имъ отказать въ этомъ, тѣмъ болѣе, что все это—по ея словамъ—«молодой, безпріютный и бѣдный людъ». Такъ какъ люди эти, разумѣется, сильно нуждались, то г-жа Брешковская, по свойственной ей сердечности, не замедлила придти къ нимъ на помощь. Въ концѣ концовъ дѣло кончилось тѣмъ, что почти всѣ тѣ средства, которыя присылались г-жѣ Брешковской, уходили на помощь ссыльнымъ, а сама она, какъ настоящая идеалистка 60-хъ годовъ, проникнутая ригоризмомъ той эпохи, довольствовалась чаемъ и хлѣбомъ съ масломъ и даже готова была мириться съ холодной и тѣсной избой.

Найти въ Киренскѣ сестру милосердія оказалось въ высшей степени затруднительно. Только съ большимъ трудомъ киренскимъ

знакомымъ г-жи Брешковской удалось, наконецъ, найти дѣвушку, которая согласилась принять на себя обязанности сестры милосердія, взялась ухаживать за больной и съ этой цѣлью поселилась у ней въ избѣ. Но тутъ неожиданно на сцену выступаетъ мѣстная полиція, которая почему-то сочла нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло. Вотъ какъ описываетъ эту исторію г-жа Брешковская въ своемъ письмѣ отъ 14-го мая. «Ту самую Катерину Григорьевну, которая перешла ко мнѣ, чтобы ухаживать за мной во время болѣзни, вызвали вчера утромъ въ полицію, арестовали, отправили въ тюрьму, а оттуда,—какъ говорятъ,—препроводятъ въ Макаровскую волость, хотя она имѣетъ паспортъ на жительство по всему Киренскому уѣзду. Вотъ тебѣ и сестра милосердія! А уже на что скромнѣе и тише человѣкъ, какъ эта милая дѣвушка»..

Чѣмъ вызвано это совершенно непонятное распоряженіе мѣстнаго исправника—мы не знаемъ. Жаловаться, вслѣдствіе своей болѣзни, г-жа Брешковская не въ состояніи, но иркутской администраціи слѣдовало бы хоть сколько нибудь войти въ положеніе старой, больной женщины оставшейся безъ всякаго ухода, одинокой, безпомощной, заброшенной. «Сейчасъ сижу подъ замкомъ,—пишетъ г-жа Брешковская одной своей знакомой,—ибо дежурящія у меня барышни наши не могутъ цѣлыми двями сидѣть внѣ дома: у каждой изъ нихъ много работъ и заботъ. Снова ищу «Лушу» какую-нибудь, которая умѣла бы хоть манную кашу сварить да ванну направить. Грубыя челданочки (мѣстныя сибирячки) все въ лѣсъ глядятъ, да и скучно имъ при однообразномъ режимѣ».

Суровыя климатическія условія края разрушающимъ образомъ вліяютъ на здоровье г-жи Брешковской, лютые морозы, доходящіе порой до 50 градусовъ, наводятъ невольный трепетъ и заставляютъ больную женщину въ теченіе всей зимы безвыходно сидѣть въ своей избѣ. Какъ уроженка юга, благодатной Малороссіи, г-жа Брешковская особенно должна страдать отъ жестокихъ сибирскихъ морозовъ и вьюгъ.

«Подумать только,—пишетъ она одной своей пріятельницѣ:—всю зиму просидѣть безвыходно, трепеща передъ холодомъ; между тѣмъ нерѣдко бываетъ нужно достать, послать, подать, затворить. Можно бы и самой выбѣжать и на почту, и въ лавку, и въ чуланъ, и за молокомъ. Но иной разъ морозъ или вѣтеръ дѣйствительно гибельно холодны, а другой разъ вспоминаю строгій запретъ врача высовывать носъ на морозъ при моихъ болѣзняхъ».

«Хорошо, что избу успѣла перемѣнить,—пишетъ она въ другомъ письмѣ.—«Въ той хатѣ не усидѣла бы столько времени,—задохлась бы. А здѣсь есть гдѣ и походить, и уединиться, и у печки погрѣться—роскошь, однимъ словомъ»...

Между тѣмъ надзоръ за г-жей Брешковской со стороны полиціи постоянно усиливается, такъ какъ уѣздная администрація почему-то не вѣритъ въ ея болѣзни. Сначала къ ней были приставлены два соглядатая; черезъ нѣкоторое время число это было удвоено, и за ней начали неотступно и назойливо слѣдить четыре стража. А въ письмѣ отъ 14-го мая г-жа Брешковская сообщаетъ: «теперь меня караулятъ уже не четыре, а шесть сторожей, — очевидно, для нихъ введенъ 8-ми часовой рабочій день. И сейчасъ они въ окно заглядываютъ, не вѣрятъ, что больна»...

Еще въ 60-хъ годахъ — въ годы своей ранней молодости — г-жа Брешковская горячо и искренно заинтересовывается общественнымъ движеніемъ того времени. А съ начала 70-хъ годовъ она уже всецѣло отдается возникшему тогда народническому движенію, которое широкой волной охватило молодое поколѣніе русскаго общества.

Въ 1874-мъ году мы видимъ ее дѣятельнымъ членомъ извѣстной кіевской коммуны, а съ момента «хожденія въ народъ» имя Е. К. Брешковской начинаетъ постоянно встрѣчаться среди наиболѣе активныхъ участниковъ борьбы за кровные интересы трудового народа, на ряду съ именами Ковалика, Войнаральскаго, Мышкина и другихъ главныхъ дѣятелей радикальнаго народничества. Можно подумать, что г-жа Брешковская уже въ то время дала себѣ Аннибалову клятву «всегда быть первой въ первыхъ рядахъ».

Естественно, что дѣятельность г-жи Брешковской, скоро навлекла на нее преслѣдованіе со стороны администраціи. Привлеченная къ такъ называемому «большому процессу», по которому въ 1877 г. судились лица, ходившія въ народъ, въ числѣ 193-хъ человѣкъ,—она подверглась той-же суровой карѣ, которая постигла наиболѣе крупныхъ участниковъ этого движенія. Но г-жа Брешковская не сломилась подъ тяжестью ударовъ судьбы, которые въ изобиліи сыпались на нее. Когда насталъ 1905-ый годъ, она уже 65-лѣтней старухой ѣдетъ въ Америку, чтобы ознакомить Новый Свѣтъ съ русскимъ освободительнымъ движеніемъ. Ея лекціи на эту тему имѣли громкій успѣхъ, вызвали живой интересъ въ средѣ американской интеллигенціи и сдѣлали имя г-жи Брешковской очень популярнымъ въ Америкѣ. Особенно горячо отнеслись къ русской лекторшѣ американскія интеллигентныя женщины, среди которыхъ были видныя общественныя дѣятельницы и извѣстныя писательницы, напримѣръ Алиса Блэквелъ, Изабелла Барроусъ, Елена Дудлей. Со многими изъ нихъ г-жа Брешковская сошлась самымъ дружескимъ образомъ.

Когда, спустя три года, г-жа Брешковская находилась въ Петропавловской крѣпости, Изабелла Барроусъ два раза пріѣзжала въ Петербургъ, чтобы взять ее на поруки. Она и теперь состоитъ въ постоянной перепискѣ съ тюремнымъ вѣдомствомъ, стараясь отстоять г-жу Брешковскую отъ разнаго рода стѣсненій со стороны мѣстныхъ властей.

Съ глубокой, сердечной признательностью говоритъ г-жа Брешковская въ своихъ письмахъ о томъ участіи, какое обнаруживаютъ къ ней ея американскія пріятельницы. «Онѣ такъ добры и такъ неутомимо внимательны ко мнѣ, что я ихъ за родныхъ почитаю и охотно слѣжу за ихъ жизнью, полной дѣятельности и борьбы за лучшіе идеалы»... «Онѣ дѣлаютъ все, что могутъ, чтобы скрасить мои будни»,—пишетъ г-жа Брешковская.

Всякій знакъ вниманія ее очень трогаетъ. Одинъ знакомый, живущій постоянно въ Швейцаріи, прислалъ ей альпійскій цвѣтокъ эдельвейсъ. И она съ благодарностью отмѣчаетъ этотъ фактъ въ письмѣ къ своей старой пріятельницѣ: «точно въ Альпахъ погуляла»,—говоритъ она.

О своихъ болѣзняхъ г-жа Брешковская не любитъ распространяться, никогда не жалуется на нихъ, хотя дѣйствительность обыкновенно выплываетъ потомъ, помимо ея участія, изъ другихъ источниковъ. По мнѣнію врачей-спеціалистовъ, отекъ ногъ при болѣзни почекъ—симптомъ крайне опасный, почти роковой. Для леченья прежде всего абсолютно необходимы теплый климатъ, горячія ванны, постоянный и внимательный уходъ. Живя въ Киренскѣ, г-жа Брешковская, конечно, лишена всѣхъ этихъ условій выздоровленія. Въ виду этого друзья г-жи Брешковской предприняли недавно ходатайство о переводѣ ея въ мѣстность съ теплымъ климатомъ, напримѣръ на Кавказъ, а если это окажется почему нибудь невозможнымъ, то хотя бы въ Закавказье.

Хочется думать, что ходатайство это будетъ удовлетворено и что семидесятилѣтней, тяжко больной женщинѣ будетъ предоставлена возможность провести послѣдніе годы жизни въ условіяхъ менѣе гибельныхъ, чѣмъ тѣ, въ какихъ она находится въ настоящее время. Возрастъ имѣетъ свои права—помимо всего прочаго...

А. Пругавинъ.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ССЫЛКИ.

Послѣднюю свою статью о послѣ-конституціонной административшой ссылкѣ, помѣщенную въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1910-ый годъ, я закончилъ предположеніемъ, что размѣры и физіономія ссылки скоро будутъ прежними, какими были, напримѣръ, при Плеве. Предположеніе это оправдалось. Число административныхъ ссыльныхъ въ мѣстахъ отдаленныхъ и не столь отдаленныхъ, достигнувъ къ началу 1909-го года 30 тыс. человѣкъ [1]), къ лѣту 1912 г. сократилось до $3^1/_2$ тыс. Съ сокращеніемъ числа ссыльныхъ уменьшилась нѣсколько и пестрота ихъ состава. Въ моменты наибольшаго наплыва ссыльныхъ $^2/_3$ ихъ принадлежало къ фабрично-заводскимъ рабочимъ и къ крестьянамъ-землепашцамъ, а остальная треть состояла изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ; студенты и вообще учащіеся составляли по отношенію къ общему числу ссыльныхъ отъ 5 до $7^0/_0$. Къ 1912 г. рабочіе составляютъ половину всѣхъ ссыльныхъ, а другая половина состоитъ изъ крестьянъ-землепашцевъ и разночинной интеллигенціи, все еще довольно пестрой по своему составу. Очень уменьшилось число ссыльныхъ крестьянъ-землепашцевъ: теперь ихъ менѣе $10^0/_0$, тогда какъ въ 1907—8 г. они составляли $25^0/_0$. Въ нѣкоторыхъ ссыльныхъ пунктахъ значительно увеличился процентъ ссыльныхъ студентовъ, что объясняется высылкой послѣ студенческаго движенія 1910—11 г. 500 студентовъ, изъ которыхъ около двухсотъ были направлены въ Архангельскую и Вологодскую губерніи, а остальные высланы за предѣлы градоначальства или губерніи.

Въ 1908 и 1909 гг. къ политическимъ ссыльнымъ прибавлялось (вѣроятно—съ цѣлью очернить ихъ въ глазахъ мѣстнаго населенія) значительное число уголовныхъ ссыльныхъ, выдававшихъ себя за политиковъ. Теперь въ мѣста политической ссылки уголовныхъ перестали высылать. Съ конца 1909 г., съ усиленіемъ гоненій на профессіональные союзы и кооперативы, стали прибывать въ ссылку профессіоналы и кооператоры.

— Васъ-то за что высылаютъ сюда?—спрашиваютъ кооператоровъ, прибывающихъ въ ссылку.

---

[1]) Къ тому же времени высланныхъ за предѣлы губерніи, (такъ называемыхъ „запредѣльниковъ“) было около 70 тыс., такъ что вся армія административно-высланныхъ доходила до 100 тыс. чел.

— За что? мы и сами хорошо не знаемъ, за что. Продавали селедки, крупу, муку и за это попали въ приполярные края.

Особенно часто примѣняется теперь высылка за предѣлы губерніи, съ значительнымъ ограниченіемъ выбора мѣста жительства, какъ это уже издавна заведено. За единичными исключеніями, высылаемымъ за предѣлы генералъ-губернаторства, градоначальства, губерніи не разрѣшаютъ избирать для жительства, не говоря уже о столицахъ, фабричные, портовые, университетскіе и другіе большіе города. Положеніе этой категоріи высланныхъ, очень многочисленной въ настоящее время (газеты теперь такъ и нестрятъ сообщеніями о подобныхъ высылкахъ, хотя, разумѣется, далеко не всѣ высылки попадаютъ въ печать), въ матеріальномъ отношеніи хуже положенія высылаемыхъ въ опредѣленныя мѣстности, такъ какъ «запредѣльникамъ» не выдается никакого пособія отъ казны. Это, какъ оказывается, самый дешевый способъ административной расправы, не вызывающій никакихъ расходовъ со стороны казны. Число лицъ, подвергающихся этой карѣ,можно сохранить въ тайнѣ, такъ какъ никакихъ кредитовъ на нихъ отъ Госуд. Думы не испрашивается. Со стороны «запредѣльниковъ» были попытки добиться хотя того грошеваго казеннаго пайка, который назначается высылаемымъ въ опредѣленныя мѣстности; но попытки эти не имѣли успѣха. Разскажу объ одномъ извѣстномъ мнѣ случаѣ такой безуспѣшной попытки. Двое «запредѣльниковъ»—земскій гласный отъ крестьянъ и его землякъ, волостной выборный, высланные на два года изъ родной губерніи, какъ имъ было объявлено, за принадлежность къ желѣзнодорожному союзу [1]), избрали для жительства городъ Кадниковъ, Вологод. губерніи въ надеждѣ, что въ ссыльной-то губерніи, по примѣру прочихъ ссыльныхъ, и имъ, «запредѣльникамъ», будутъ выдавать отъ казны кормовыя и одежныя. Но разсчетъ ихъ не оправдался. Когда они прибыли этапомъ въ Кадниковъ и обратились въ полицію съ просьбою о выдачѣ имъ кормовыхъ и одежныхъ денегъ, имъ въ этой просьбѣ рѣшительно отказали, какъ высланнымъ за предѣлы губерніи. Послѣ такой неудачи, немного поголодавъ, они сбѣжали въ родные края, гдѣ чрезъ нѣкоторое время ихъ изловили и отправили обратно въ тотъ же Кадниковъ, докончивать срокъ высылки.

Какъ живутъ въ настоящее время административные ссыльные и какова ихъ физіономія? Въ своихъ статьяхъ объ административ-

---

1) Какъ обыкновенные крестьяне-земледѣльцы, они оба постоянно проживали въ своихъ деревняхъ, въ разстояніи 50 верстъ отъ линіи желѣзной дороги, и къ желѣзнодорожному союзу никоимъ образомъ не могли принадлежать.

ной ссылкѣ («Вѣсти. Евр.» декабрь 1909 г. и іюль 1910 г.) я описывалъ, на основаніи личныхъ наблюденій и переживаній, сольвычегодскую ссылку 1908—9 г., въ которой въ то время число ссыльныхъ доходило до 450 чел. Къ концу августа 1912 г. ихъ насчитывалось тамъ только 22 чел. (при Плеве число ссыльныхъ въ Сольвычегодскѣ не превышало 30 человѣкъ). Великороссовъ между ними было 12, малороссовъ 2, евреевъ 5, полякъ 1, нѣмецъ 1, латышъ 1. Мужчинъ 20, женщинъ 2. Въ возрастѣ отъ 25 до 38 л.— 12 чел., остальные десять—отъ 19 до 24 л. Женатыхъ 2, холостыхъ и дѣвицъ 20. Крестьянъ и мѣщанъ 20, почетный гражданинъ одинъ, дочь священника одна. По роду занятій до ссылки— 1 студентъ, 1 фармацевтъ, 1 конторщикъ, 1 эполетчикъ, 1 наборщикъ, 1 рисовальщикъ (типографскій), 1 печатникъ, 1 кожевенникъ, 1 столяръ, 2 землепашца; остальные 11 чел.—фабрично-заводскіе рабочіе. 9 человѣкъ высланы на три года, 12—на два. Причины, послужившія къ высылкѣ, разнообразны; большинство высланы по подозрѣнію въ принадлежности къ тайнымъ организаціямъ и кружкамъ. Большинству ссыльныхъ приходится, какъ и прежде, существовать на казенный паекъ въ 7 р. 40 коп. въ мѣсяцъ (привилегированнымъ — 11 руб. въ мѣсяцъ). Почти всѣ 22 человѣка получаютъ маленькую помощь со стороны, изъ дому или отъ знакомыхъ. Крестьяне-землепашцы лѣтомъ немного зарабатываютъ на полевыхъ работахъ; одинъ, плотникъ, обшиваетъ больничные бараки. Остальные не имѣютъ никакихъ заработковъ. Товарищеская помощь незначительна. О легальныхъ организаціяхъ ссыльныхъ, хотя бы чисто экономическаго характера, теперь не можетъ быть и рѣчи. Кормовыя выдаютъ одинъ разъ въ мѣсяцъ (прежде выдавали два раза) и выдачу задерживаютъ обыкновенно до 18—24 числа, т. е. выдаютъ не въ началѣ, а въ концѣ мѣсяца. Одежныя деньги (ихъ полагается 43 руб. въ годъ) по прежнему выдаются крайне туго, не всѣмъ и не полностью. Многимъ за весь срокъ удавалось получить 13—20 рублей, а нѣкоторые и совсѣмъ ничего не получали. При губернаторѣ Ладыженскомъ (въ 1906 г.) одежныя выдавали безъ задержки и полностью; при Хвостовѣ, особенно въ Сольвычегодскѣ, съ одежными сразу же стало туго, при Шрамченко—еще туже.

Предполагалось, что съ паденіемъ волны ссыльныхъ имъ хотя въ матеріальномъ отношеніи будетъ легче жить, такъ какъ подешевѣютъ квартиры и нѣкоторые продукты, напр., мясо, молоко, масло, яйца, цѣны на которые достигли во всѣхъ мѣстахъ политической ссылки небывалой высоты. Предположеніе это не оправдалось. Въ Сольвычеводскѣ цѣны понизились только на одно молоко, а на всѣ прочіе продукты и даже на квартиры остались прежнія, весьма

высокія—сравнительно, разумѣется,—съ тѣми цѣнами, какія существовали тамъ до 1906-го года, до наплыва послѣ-конституціонныхъ ссыльныхъ. Въ настоящее время (сент. 1912 г.) въ Сольвычегодскѣ фунтъ мяса стоитъ 13 к. (зимой 9—10 к.), масла топленаго 32—38 коп., чернаго хлѣба 3 ½коп., бѣлаго 6—7 коп., крынка молока въ 3 бутылки 4—5 коп. Квартиру ссыльному, по прежнему, найти трудно: комнаты отъ 1 р. 20 коп. до 3 руб. въ мѣсяцъ. Приходится занимать конурки съ однимъ окномъ, только отгороженныя отъ хозяевъ, и платить по 2 руб. въ мѣсяцъ. Прежде, когда ссыльныхъ было много, они снимали цѣлые дома, жили по 10 и даже 20 человѣкъ, и квартира обходилась каждому не дороже 1 руб. въ мѣсяцъ; теперь не разрѣшаютъ жить вмѣстѣ болѣе, какъ втроемъ. Личный составъ ссыльныхъ—примѣрный во всѣхъ отношеніяхъ; пьющихъ, напр., совсѣмъ нѣтъ. У каждаго есть стремленіе возможно лучше использовать время ссылки, пополнить свое образованіе, расширить свой кругозоръ. Съ этою цѣлью добываются учебники и составляются по различнымъ предметамъ кружки, разумѣется, не превышающіе по составу положеннаго полиціей числа — 4-5 чел. Занятія проходятъ оживленно, съ интересомъ; жаль только, что совсѣмъ нѣтъ руководителей и отъ этого получается нѣкоторая растерянность. Да и учебниковъ хорошихъ мало. Почти всѣ ссыльные регулярно читаютъ газеты и журналы, обсуждаютъ текущія политическія событія, принимаютъ участіе въ спорахъ между с.-д. и ликвидаторами. Сторонниковъ противоинтеллигентскаго теченія нѣтъ. Характерная особенность теперешней сольвычегодской ссылки—да, вѣроятно, и всякой другой—заключается въ томъ, что главнымъ элементомъ, задающимъ тонъ, является сознательный рабочій, съ твердо сложившимися убѣжденіями, всегда готовый самостоятельно отстаивать ихъ, критически относящійся къ явленіямъ жизни, не полагающійся всецѣло на мнѣніе интеллигентовъ.

Газетами и журналами сольвычегодскіе ссыльные пользуются безплатно. Обыкновенно редакціи лѣвыхъ періодическихъ изданій, по просьбамъ ссыльныхъ, высылаютъ имъ безплатно по одному экземпляру своихъ изданій. Кромѣ того, ссыльные пользуются газетами и журналами въ безплатной читальнѣ при сольвычегодской земской публичной библіотекѣ, изъ которой можно брать книги и на домъ, за плату по 15 коп. въ мѣсяцъ. Съ 1910-го года земство установило для подписчиковъ изъ ссыльныхъ залогъ въ размѣрѣ 3 руб.; прежде такого залога съ нихъ не требовалось. Земская библіотека за послѣдніе три года пришла въ упадокъ и новыми книгами не пополняется, хотя на этотъ предметъ и отпущено земскимъ собраніемъ 800 рублей.

Полицейскія условія, играющія столь важную роль въ жизни ссыльныхъ, за послѣдніе два года значительно ухудшились не только въ Сольвычегодскѣ, но и во всѣхъ мѣстахъ политической ссылки. Насколько усилились притѣсненія и мелкія придирки, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: сольвычегодскій исправникъ съ зимы 1909 г. запретилъ ссыльнымъ кататься на конькахъ на каткѣ, устраиваемомъ горожанами, считая появленіе ссыльныхъ на каткѣ незаконнымъ собраніемъ, хотя бы число катающихся ссыльныхъ и не превышало 5 человѣкъ. Кромѣ того, въ этомъ онъ видѣлъ общеніе между ссыльными и мѣстными жителями, недопускаемое полицейскими правилами. Въ лѣтнее время на городскихъ окраинахъ ссыльные устраиваютъ игру въ крокетъ; но если число играющихъ превышаетъ 5 человѣкъ, полиція разгоняетъ ихъ, тогда какъ прежде въ этой игрѣ допускалось участіе 8—10 человѣкъ. До 1911-го года ссыльные могли отлучаться за городъ, ходили въ лѣтнее время за грибами, за ягодами, на рыбную ловлю, чѣмъ отчасти пополняли свой скудный бюджетъ; теперь послѣдовало распоряженіе о воспрещеніи ссыльнымъ переступать городскую черту. При губернаторѣ Ладыженскомъ, ссыльнымъ Вологодской губерніи жилось относительно свободно; онъ относился къ ссылкѣ доброжелательно и мягко. Когда въ самомъ началѣ 1906 г. стали прибывать въ Сольвычегодскъ первые этапы ссыльныхъ, исправникъ встрѣчалъ ихъ предупредительно и при нихъ же давалъ наставленія стражнику и полицейскимъ, какъ держать себя по отношенію къ ссыльнымъ: «Вы съ ними должны обращаться вѣжливо, ласково; знайте, что прибыли они сюда на время, какъ бы въ гости къ намъ». И какая вдругъ рѣзкая перемѣна произошла съ этимъ-же самымъ полицейскимъ чиновникомъ, когда губернатора Ладыженскаго уволили за слабость и попустительство и замѣнили Хвостовымъ! Строгости и придирки къ ссыльнымъ дошли до того, что ссыльнымъ не разрѣшалось даже хоронить своихъ умершихъ товарищей. Такой случай былъ лѣтомъ 1909 г.: трагически погибъ ссыльный Бровкинъ, сотрудникъ покойнаго «Сѣвера», выходившаго въ Вологдѣ, и нѣкоторыхъ другихъ періодическихъ изданій. Во время купанья въ Вологдѣ съ нимъ произошелъ параличъ сердца. Тѣло покойнаго было вынуто изъ воды и отправлено въ земскую больницу. Группа ссыльныхъ пожелала похоронить своего товарища на свой счетъ и чрезъ своихъ уполномоченныхъ обратилась къ исправнику за разрѣшеніемъ. Послѣдній рѣшительно отказалъ въ этой просьбѣ. «Вы будете устраивать сборъ на похороны, а я этого не могу допустить. Больница похоронитъ умершаго безъ васъ».

Отношеніе мѣстнаго простого народа къ ссыльнымъ прежнее:

не замѣтно недоброжелательства, но не видно и сочувствія. Нѣкоторые туземцы, особенно изъ числа тѣхъ, которымъ плохо живется—а такихъ, разумѣется, большинство,—завидуютъ «господскому» житью ссыльныхъ: «ничего не дѣлаютъ, а получаютъ отъ казны 7 р. 40 к. въ мѣсяцъ; если бы намъ такое жалованье!»... Отношеніе мѣстныхъ чиновниковъ и мѣстной интеллигенціи къ ссыльнымъ неопредѣленное; но просту сказать, они сторонятся, боятся ссыльныхъ, избѣгаютъ заводить съ ними знакомство, «чтобы не нажить непріятностей». И, дѣйствительно, близкое знакомство съ ссыльными иногда ведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Сынъ одного мѣстнаго купца, молодой человѣкъ, водилъ знакомство съ ссыльными, ходилъ къ нимъ на квартиры, гулялъ съ ними; исправникъ обратилъ на это вниманіе и неоднократно совѣтовалъ отцу этого молодого человѣка воздѣйствовать на сына, чтобы онъ прекратилъ знакомство съ ссыльными, указывая, что въ противномъ случаѣ онъ попадетъ въ тюрьму. Сынъ не слушался совѣтовъ отца, продолжалъ вести знакомство съ ссыльными. Въ концѣ концовъ у него былъ сдѣланъ обыскъ, и за найденный при обыскѣ кинжалъ онъ былъ посаженъ, по постановленію губернатора, на $1^1/_2$ мѣсяца въ тюрьму.

О жизни ссыльныхъ въ другихъ пунктахъ Вологодской губерніи имѣются слѣдующія свѣдѣнія. Въ Кадниковѣ ссыльныхъ 20 (въ 1908—9 гг. ихъ было 250), изъ нихъ 3 женщины; половина—рабочіе, половина—интеллигенты. Большинство ссыльныхъ—«ликвидаторы». Занимаются самообразованіемъ; достаютъ и выписываютъ учебники и книги. Въ Яренскѣ вскрываются письма и посылки ссыльныхъ рабочихъ. Въ Вельскѣ 20 ссыльныхъ (въ 1908-9 г. было 400); число рабочихъ равняется числу интеллигентовъ. Рабочіе съ живымъ интересомъ слѣдятъ за рабочимъ движеніемъ. Отношенія между ссыльными рабочими и интеллигентами за послѣднее время хорошія, благодаря тому, что сами интеллигенты постарались сблизиться съ рабочими. Полицейскія условія плохія: частые обыски и вскрываніе писемъ. Многихъ ссыльныхъ разослали по другимъ, болѣе отдаленнымъ городамъ, не предъявляя къ нимъ никакихъ обвиненій. Мѣстная интеллигенція за послѣднее время сочувственно относится къ ссыльнымъ. Въ Тотьмѣ всѣ ссыльные изъ рабочихъ; занимаются самообразованіемъ. Чувствуется разобщенность, нѣтъ даже кассы взаимопомощи [1]). Устьсысольскіе ссыльные до декабря 1909 г. пользовались относительною свободою; затѣмъ въ Усть-сысольскъ прислали ретиваго полицейскаго надзирателя, ко-

[1]) Не смотря на строжайшій надзоръ полиціи, кассы взаимопомощи существуютъ почти во всѣхъ ссыльныхъ пунктахъ.

торый сталъ дѣйствовать самостоятельно и «подтягивать» ихъ сильнѣе прежняго.

Политическій ссыльный, попавъ изъ тюрьмы въ захудалый городъ, начинаетъ надѣяться, что хоть теперь можно будетъ свободно вздохнуть на лонѣ природы. Но вологодскій губернаторъ смотритъ на дѣло иначе. Ссыльному разъясняется, что «мѣсто ссылки—та же тюрьма, только безъ стѣнъ и крыши». Ссыльный не имѣетъ права выходить за линію послѣднихъ городскихъ домовъ. Пусть рядомъ вьется рѣка, стѣной стоитъ лѣсъ, волнуются поля съ хлѣбомъ, луга съ увѣтами, или разстилается снѣжная равнина. Все это для ссыльнаго запретная земля, куда его нога не должна ступать. Но природа манитъ къ себѣ... Начинается настоящая «охота» за ссыльными по дорогамъ, тропамъ и межамъ. Трофеями стражниковъ являются отобранныя корзины съ грибами и ягодами, полотенца для купанья, лыжи и т. п. Конечно, за всѣмъ этимъ слѣдуетъ наказаніе. За отлучку изъ «черты осѣдлости» ссыльные «отсиживаютъ» отъ недѣли до мѣсяца. Повтореніе проступка вызываетъ переводъ въ худшее мѣсто. Такая же «охота» практикуется и по отношенію къ «незаконнымъ собраніямъ». Это понятіе крайне растяжимо. Трудно ссыльному существовать на выдаваемыя ему деньги. Приходится жить впроголодь. Для сокращенія расходовъ четыре-пять ссыльныхъ собираются вмѣстѣ обѣдать. Вотъ и подлежащее наказанію «незаконное собраніе». Скука смертная въ мѣдвѣжьихъ углахъ, подчасъ прямо тоска. Собралось вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ напиться чаю, отпраздновать именины, встрѣтить новый годъ—собраніе «открыто», и участники его «переписаны». А за участіе въ «незаконномъ сборищѣ» полагается тюрьма до трехъ мѣсяцевъ или переводъ въ дальнее село... Кое-какъ досталъ ссыльный книги и началъ заниматься. И тутъ помѣха въ видѣ обысковъ. Послѣдніе бываютъ постоянно, при чемъ полиція конкурируетъ здѣсь съ жандармскими чинами. Во время обыска нерѣдко забираются всѣ книги, не исключая нѣмецкой грамматики, латинскаго словаря, «Метаморфозъ» Овидія, и всѣ бумаги. Все это отправляется для разбора въ Вологду. Ссыльный сидитъ безъ книгъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ справедливость торжествуетъ: часть книгъ возвращается владѣльцу, но другая, также состоявшая изъ совершенно невинныхъ изданій, гибнетъ. На жалобы по этому поводу не получается отвѣта. Если же среди книгъ найдется хоть одна, которая сперва всюду свободно продавалась и лишь много времени спустя подверглась конфискаціи, о чемъ ссыльный даже и не подозрѣваетъ, то приходится «отсиживать» въ тюрьмѣ три мѣсяца. Подъ вліяніемъ господствующаго настроенія и чины полиціи, отъ исправника до стражника включительно, усвоили осо-

бое обращеніе съ политическими. Столкновенія на этой почвѣ ведутъ къ новымъ отпадкамъ. Словомъ, на каждомъ шагу у ссыльнаго въ перспективѣ тюрьма, глухое село, новый этапъ [1]).

Въ сосѣдней архангельской ссылкѣ то же самое обращеніе съ ссыльными, тѣ же самыя притѣсненія и придирки. Въ Пинегѣ полиція, кромѣ запрещенія ссыльнымъ гулять послѣ 7 час. вечера и кромѣ предусмотрѣнныхъ полицейскими правилами обысковъ, ввела еще особые непредусмотрѣнные правилами визиты. Цѣль визитовъ, по словамъ надзирателя—желаніе узнать, «какъ живутъ ссыльные». Во время этихъ «визитовъ» надзиратели пугаютъ сонныхъ ребятъ, поднимаютъ ихъ съ кроватей, дѣлаютъ ссыльнымъ выговоры по поводу пріема гостей.

Это все «мелочи», скажутъ; но знакомый съ обстановкой ссылки повѣритъ, что онѣ дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ многое, болѣе крупное. Жить трудно отъ этихъ «мелочей» и заключающагося въ нихъ издѣвательства надъ личностью побѣжденнаго и беззащитнаго.

М. Сафоновъ.

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ НА БАЛКАНАХЪ.

Тревожное время, нами переживаемое, богато событіями, предопредѣляющими не только близкое, но и отдаленное будущее. Освободительное движеніе охватило собою весь міръ. Покоренныя національности не довольствуются голыми обѣщаніями, хотя бы порукою въ ихъ исполненіи и были великія державы. Онѣ требуютъ проведенія въ жизнь равенства передъ закономъ, религіозной свободы, уваженія къ ихъ культурнымъ особенностямъ. Турція, возрожденіе которой недавно привѣтствовало общественное мнѣніе Европы, къ сожалѣнію, не осуществила его надеждъ. Національная нетерпимость, религіозный фанатизмъ, въ связи съ неисполненіемъ принятаго на Берлинскомъ Конгрессѣ обязательства обезпечить автономію Македоніи, хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что для народовъ,

[1]) См. «Рѣчь», №№ 41, и 53.

историческія судьбы которыхъ связаны съ владычествомъ Османлисовъ въ Европѣ, нѣтъ возможности добиться прочнаго порядка и мира иначе, какъ путемъ согласнаго дѣйствія.

Намъ выпало въ удѣлъ быть свидѣтелями зарожденія новаго союза монархическихъ государствъ, объединенныхъ общностью вѣры, историческимъ прошлымъ и общностью интересовъ въ настоящемъ. Трое изъ этихъ народовъ говорятъ на родственныхъ языкахъ и не лишены возможности понимать другъ друга. Такимъ образомъ имѣются на лицо тѣ четыре условія, которыя всегда признавались и признаются ближайшими факторами сближенія народовъ и государствъ. Но въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло еще съ однимъ и очень существеннымъ сходствомъ: Черногорія, Сербія, Болгарія и Греція являются настоящими демократіями. Нѣкогда зарождавшаяся у нихъ земельная аристократія настолько связала свои судьбы съ ненавистнымъ игомъ турокъ, что ей нѣтъ мѣста среди освобожденныхъ единоплеменниковъ. Всѣ эти «Дахіи», «Кирджалін» и импровизированные ими паши, съ подчиненными имъ «аенами» или губернаторами изъ разбойниковъ не въ состояніи были сдѣлаться основателями феодальныхъ династій, какъ это было, напримѣръ, въ Босніи и многими вѣками раньше, на всемъ Западѣ, въ эпоху развала Карловингской имперіи.

Сами основатели современныхъ правящихъ династій на Балканахъ или принадлежатъ къ числу иноземцевъ, какъ короли Болгаріи, Румыніи и Греціи, или вышли изъ самыхъ нѣдръ народныхъ. Родоначальникъ Кара-Георгіевичей, Георгій Черный—типическій представитель тѣхъ вождей, которыхъ ставитъ надъ собою народъ въ минуту опасности не за ихъ родовитость, а за воинскую доблесть. Въ 1804-мъ году, въ селѣ Орашцѣ, Георгій Петровичъ Черный, еще въ 90-хъ годахъ XVIII-го столѣтія пріобрѣвшій громкую популярность въ народѣ, избранъ былъ повстанцами въ народные старѣйшины. Не менѣе демократично, какъ извѣстно, происхожденіе рода черногорскихъ королей. Глубокій патріотизмъ, способность самопожертвованія, не знающая границъ храбрость,—таковы ихъ титулы на народное признаніе. Черногорское, сербское и болгарское общества настолько демократичны, что при устройствѣ ихъ на началахъ конституціонной монархіи не нашлось элементовъ для образованія верхней палаты [1]). Сказанное о славянскихъ монархіяхъ должно быть повторено и объ эллинской. Прошлое не позволило

1) Попытка создать ее въ 1869 г. въ Сербіи не оказалась успѣшной. Новая конституція 1888 г. не знаетъ второй палаты. «Законодательная власть—гласитъ 39-я статья ея—осуществляется королемъ и народнымъ представительствомъ» (скупщиной).

современнымъ грекамъ образовать въ своей средѣ туземное земле-владѣльчески-служилое сословіе.

Отмѣна всякой гражданской неволи [1]) у всѣхъ четырехъ дѣйствующихъ сообща народовъ устраняетъ и то препятствіе, какое при образованіи уніи создавала въ отдѣлившихся отъ Англіи 13-ти американскихъ колоніяхъ наличность африканскихъ рабовъ въ однихъ и отсутствіе ихъ—въ другихъ.

Исторія учитъ насъ, что сближеніе народовъ, ведущее, въ конечномъ исходѣ, къ образованію между ними прочнаго союза, всегда возникаетъ въ минуту общей опасности. Такъ было съ лѣсными кантонами Швейцаріи въ моментъ ихъ разрыва съ Австріей; такъ было съ провинціями, вошедшими въ составъ соединенныхъ Нидерландовъ при отпаденіи ихъ отъ Испаніи, съ 13-ю американскими Штатами въ моментъ провозглашенія ими независимости отъ эксплуатировавшей ихъ метрополіи. И не то же ли повторилось на нашей памяти въ моментъ образованія Германской имперіи, въ самый разгаръ франко-прусской войны?

Европейская печать, да и не она одна, въ теченіе десятилѣтій упорствовала въ отрицаніи возможности согласной дѣятельности тѣхъ четырехъ народовъ, которые взяли въ свои руки обоснованіе прочнаго мира на Балканахъ. Намъ говорили о томъ, что смѣшанный составъ населенія въ Македоніи не позволитъ болгарамъ, сербамъ и грекамъ принять согласное рѣшеніе относительно ея будущихъ судебъ. Намъ указывали на соперничество Болгаріи и Сербіи, поведшее одно время къ открытой войнѣ между ними. Въ насъ будили воспоминанія о взаимныхъ подозрѣніяхъ, вызванныхъ открытіемъ документовъ, къ счастію оказавшихся подложными. Они грозили породить рознь между правящими династіями двухъ вѣтвей одного и того же сербскаго народа.

И что же? Сознаніе общаго долга передъ страждущими братьями, потеря всякой вѣры въ исполненіе турками принятыхъ на себя обязательствъ, безсиліе великихъ державъ принудить ихъ къ измѣненію своей внутренней политики въ интересахъ равноправія и справедливости, необезпеченность мира и порядка въ сосѣднихъ съ Сербіей и Болгаріей областяхъ, частое нарушеніе собственной ихъ границы турками и, въ довершеніе всего, звѣрства, напомнившія пережитое болгарами и сербами въ близкомъ и отдаленномъ прошломъ—все это вмѣстѣ взятое заставило народы Балканскаго полуострова положить конецъ внутреннимъ несогласіямъ, распредѣлить между

[1]) Въ Сербіи крѣпостное право отмѣнено было одновременно съ освободительнымъ движеніемъ, положившимъ начало ея существованію въ первые годы 19-го вѣка.

собою, на случай успѣха, спорныя земли и соединить свои силы для новаго освободительнаго движенія. Потерявъ всякую надежду на поддержку Европы и не вполнѣ увѣренные даже въ томъ, чтобы той или другой изъ великихъ державъ не пришло на умъ вмѣшаться въ Балканскую распрю,—они напрягли всѣ свои силы, мобилизируя все способное носить оружіе населеніе, и вступили въ ожесточенную борьбу съ врагомъ—несомнѣнно болѣе сильнымъ, хотя и хуже подготовленнымъ.

Возможность войны на Балканахъ предвидѣлась еще въ январѣ 1911-го года. Въ бытность мою въ это время въ Парижѣ мнѣ пришлось вести о ней продолжительный разговоръ съ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ «восточнаго вопроса» во Франціи, профессоромъ, Викторомъ Бераромъ, авторомъ многихъ статей и книгъ о мусульманскомъ мірѣ, о македонскомъ и армянскомъ движеніяхъ. Бераръ руководилъ въ это время политическимъ отдѣломъ извѣстнаго журнала «Revue de Paris». Онъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ руководящими кругами, принимаемъ былъ и въ нашемъ посольствѣ и искалъ всякаго случая для ближайшаго освѣдомленія насчетъ различныхъ теченій въ общественной мысли Европы. На его вопросъ, много ли озабочены въ Россіи надвигающейся войною на Балканахъ, я принужденъ былъ отвѣтить отрицательно. Мой собесѣдникъ былъ буквально ошеломленъ извѣстіемъ, что въ русскихъ парламентскихъ кругахъ почти не говорятъ о близости новаго возстанія въ Македоніи и о необходимости побудить Турцію соблюдать Берлинскій трактатъ. «Мнѣ завѣдомо извѣстно,—говорилъ онъ,—что между великими державами происходили переговоры, послѣдствіемъ которыхъ можетъ быть аннексія Триполи Италіей, движеніе австрійцевъ въ сторону Салоникъ, компенсація Германіи насчетъ Голландіи въ томъ или другомъ видѣ, наконецъ, обезпеченіе вашимъ военнымъ судамъ свободнаго прохода». Мнѣ не хотѣлось вѣрить сказанному; но война итальянцевъ съ турками заставила меня вспомнить о начавшемъ осуществляться пророчествѣ. Ранней весною текущаго года я отправился лѣчиться въ Карлсбадъ. На границѣ мнѣ пришлось встрѣтиться съ возвращавшимися изъ Петербурга членами юго-славянской депутаціи. Одинъ былъ славистомъ, другой—философомъ; оба не скрыли отъ меня своего недовольства болѣе чѣмъ равнодушнымъ отношеніемъ, съ какимъ встрѣчены были въ руководящихъ кругахъ Петербурга ихъ заявленія о новыхъ притѣсненіяхъ христіанъ въ Македоніи. Они выразили мнѣ свое опасеніе, что въ ней неизбѣжно вспыхнетъ въ ближайшемъ будущемъ междоусобная война. Делегаты ѣхали въ Лондонъ и Парижъ для того, обы подготовить общественное мнѣніе Европы къ предстоящимъ

событіямъ. Все лѣто можно было ждать исполненія ихъ предсказаній. Съ наступленіемъ осени въ нѣкоторыхъ органахъ какъ нашей, такъ и европейской печати стала высказываться болѣе оптимистическая точка зрѣнія. Утверждали, что наступающій періодъ дождей сдѣлаетъ невозможнымъ военное столкновеніе. Но нѣтъ такой непогоды, которая бы помѣшала рѣшенію давно назрѣвшаго вопроса. Побѣдоносное шествіе черногорскихъ, сербскихъ и болгарскихъ войскъ черезъ горныя тѣснины, приближеніе царя Фердинанда къ Константинополю, предстоящее столкновеніе турецкихъ и болгарскихъ силъ къ югу отъ Адріанополя, мобилизація румынской арміи, распространяемыя печатью извѣстія о готовности турокъ пойти на сепаратный миръ съ Сербіей и исполнить требованія великихъ державъ,—все это, въ связи съ достигнутыми уже успѣхами югославянскихъ народовъ, говоритъ о томъ, что мы наканунѣ рѣшительныхъ событій на ближнемъ востокѣ.

И вотъ передъ нами становится вопросъ: какъ должна отнестись русская интеллигенція, русская передовая мысль къ великой трагедіи, совершающейся на Балканахъ? Можемъ ли мы, ближайшіе преемники, а то и современники дѣяній, совершенныхъ Царемъ-Освободителемъ для обезпеченія мира и благоденствія единокровныхъ намъ народовъ на Дунаѣ, занять положеніе спокойныхъ зрителей окончательной, быть можетъ, борьбы угнетаемыхъ балканскихъ народностей съ иноземными владыками? Перестали ли говорить нашему сердцу сознаніе братства по крови и по вѣрѣ и память о вѣковыхъ усиліяхъ, сдѣланныхъ нашими предками для освобожденія румынъ, славянъ и грековъ изъ-подъ турецкаго ига? Неужели мы поставлены въ настоящее время въ болѣе тяжкія условія, чѣмъ тѣ, какія переживала Россія въ годину нашествія Наполеона, и мы ради самосохраненія должны молчать при видѣ тѣхъ неистовствъ, того поголовнаго истребленія мужчинъ, женщинъ и дѣтей одной съ нами вѣры, того надругательства надъ трупами павшихъ враговъ, печальная картина которыхъ развертывается передъ нами чуть не ежедневно при чтеніи газетъ? Неужели мы въ состояніи хоть на одно мгновеніе признать отвѣчающимъ нашему разуму и нашей совѣсти возвращеніе терзаемаго населенія на прежнюю расправу его владыкъ въ интересахъ сохраненія пресловутаго status quo, который, не обезпечивъ порядка, не могъ создать и мира, а въ будущемъ грозитъ новыми распрями и новыми кровопролитіями?.. Ни въ какой другой моментъ нашей исторіи Россія не относилась такъ безучастно къ судьбѣ южныхъ славянъ, какъ въ тѣ печальные годы реакціи, которые послѣдовали за Вѣнскимъ конгрессомъ. Втянутая въ тройственный союзъ

хитрой политикой Меттерниха и религіознымъ мистицизмомъ, овладѣвшимъ Александромъ I-мъ, видя во всякомъ освободительномъ движеніи гидру революціи, Россія оставила Сербію на произволъ судьбы. Кто же воспользовался этимъ, какъ не Австрія, сумѣвшая уже въ это время втянуть Сербію въ орбиту своей политики, неизмѣнно стремившейся и стремящейся къ Салоникамъ, къ южному морю и міровому обмѣну?

Откройте книгу проф. Погодина: «Краткій очеркъ исторіи Сербіи». Данныя, сообщаемыя имъ объ этихъ годахъ нашихъ сношеній съ южными славянами, въ высшей степени поучительны. «Переговоры съ Турціей происходили,—пишетъ г. Погодинъ,—почти наканунѣ Отечественной войны 1812-го года. Тѣмъ не менѣе главнокомандующій Кутузовъ при заключеніи Бухарестскаго мира въ маѣ 1812-го года настаивалъ на автономіи Сербіи, которая и была признана турками. Россія совершила это великое дѣло въ тотъ моментъ, когда ей самой грозила война съ Наполеономъ... Но когда эта война привела къ полной побѣдѣ Россіи, и императоръ Александръ оказался подъ вліяніемъ идей Священнаго Союза и пересталъ вмѣшиваться въ славянскія дѣла Балканскаго полуострова, тѣмъ энергичнѣе принялась за свою политику австрійская дипломатія, руководимая Меттернихомъ». Пользуясь тѣмъ, что Россія перестала интересоваться дѣлами Сербіи, турки чрезъ Босфоръ и Дарданеллы» двинулись на нее тремя колоннами на Дунай, Мораву и Дрину. Въ началѣ октября Бѣлградъ, Шабацъ и Смедерево снова оказались въ ихъ рукахъ. Народному вождю Кара-Георгію пришлось бѣжать изъ предѣловъ освобожденной имъ Сербіи. Турецкая расправа была безжалостна. Протоіерей Ненадовичъ пишетъ о ней въ своихъ мемуарахъ: «турки выжигали и вырѣзали цѣлыя селенія, продавали сербовъ тысячами въ рабство». На письмо, посланное Александру съ мольбою о защитѣ, не получено было отвѣта; наоборотъ, императоръ Францъ принялъ въ началѣ января 1815-го года депутацію сербовъ и заявилъ ей, что сдѣлаетъ все возможное, чтобы убѣдить султана измѣнить свое отношеніе къ сербамъ. Не принявъ сербской депутаціи и не отвѣтивъ на письмо, изливавшее скорбь угнетеннаго народа, Александръ тѣмъ не менѣе, какъ доказываютъ сравнительно недавно опубликованные документы, приказалъ русскому посланнику въ Константинополѣ предложить Турціи прекратить вооруженное нападеніе на Сербію, угрожая въ противномъ случаѣ направить русскія войска на Дунай. Въ апрѣлѣ 1816-го года, въ самый разгаръ возстанія, русское правительство совершило военную диверсію въ пользу Сербіи... Въ эпоху Вѣнскаго конгресса Александръ I-й еще называлъ сербскій вопросъ дѣломъ

чести для Россіи, но въ послѣдующіе годы, когда развернулась въ Сербіи патріотическая дѣятельность родоначальника вовой династіи, Милоша Обреновича, отпала всякая поддержка со стороны Россіи, и новому сербскому вождю приходилось хитрить съ Турціей, подчиняться главенству султана и искать поддержки Австріи.

Въ это время уже завязались съ нею тѣ отношенія, которыя и во второй половинѣ 19-го столѣтія заставили короля Милана связать судьбы своей династіи съ покровительствомъ Габсбургскаго дома. Милошемъ заключенъ былъ съ Австріей договоръ, по которому корреспонденція взъ Вѣны въ Константинополь должна была направляться черезъ Бѣлградъ и Нишъ. Къ этой австрійской почтѣ примкнули и внутреннія сербскія почтовыя сообщенія. Не съ сегодняшняго дня Австрія озабочена мыслью о проложеніи себѣ черезъ сербскія земли пути къ Салоникамъ. Когда на смѣну Милоша, отказавшагося отъ власти и устроившагося на жительствѣ въ Вѣнѣ, и за преждевременной смертью его ближайшаго преемника Милана, на сербскій престолъ вступилъ 17-тилѣтній юноша, его братъ Михаилъ, и власть перешла въ руки лицъ, назначенныхъ Портой въ качествѣ опекуновъ молодого князя, возобновились переговоры съ Австріей, уже въ то время озабоченной судьбою Босніи и Герцоговины.

Въ 1867-го году, какъ извѣстно, Сербія, при Михаилѣ Обреновичѣ, достигла самостоятельности, и хотя квязь Михаилъ и выразилъ по случаю вспыхнувшаго въ Герцоговинѣ возстанія 1862 г. ту мысль, что Босніи, Герцоговина и Старая Сербіи, должны принадлежать ему, т. е. соединиться съ его княжествомъ, но Австрія опредѣленно стала стремиться какъ къ пріобрѣтенію Босніи и Герцоговины, такъ и къ тому, чтобы втянуть Сербію въ орбиту своей политики. Въ августѣ 1867 г. произошло свиданіе между австрійскимъ министромъ графомъ Андраши и княземъ Михаиломъ. Оно произвело тягостное впечатлѣніе при русскомъ дворѣ и, повидимому, стоитъ въ связи съ тѣми предложеніями—поддерживать династію Обреновичей, за отказъ отъ Босніи и Герцоговины, — которыя дѣлались Австріей и позже. Въ эпоху Берлинскаго договора Австрія требовала отъ Сербіи проведенія желѣзной дороги къ Нишу, для соединенія Вѣны съ Салониками, а русская дипломатія, въ лицѣ графа Шувалова, не только не противилась этому, но совѣтовала сербскому министру Ристичу не предпринимать ни одного шага безъ одобренія графа Андраши.

Такимъ образомъ мы сами или своимъ безучастіемъ къ судьбамъ Сербіи, привлекшей къ себѣ симпатіи еще Петра Великаго своей героической борьбой за независимость, или боязнью разойтись

съ Австріей, вызывали тѣ осложненія въ восточномъ вопросѣ, которыя созданы недавнимъ присоединеніемъ Босніи и Герцеговины къ имперіи Габсбурговъ и ея уже нескрываемыми видами на Салоники.

Этотъ бѣглый обзоръ нашихъ почти столѣтнихъ отношеній къ Сербіи наводитъ на печальныя мысли. Въ концѣ 18-го и въ началѣ 19-го вѣка сербскій народъ возлагалъ на насъ всѣ свои упованія. Александръ I-й считалъ еще устройство судебъ Сербіи вопросомъ чести для Россіи. Въ 1876 г. героическое выступленіе Сербіи за угнетаемыхъ славянъ нашло откликъ въ широкихъ кругахъ нашего народа, вызвало движеніе добровольцевъ на Балканы и побудило Александра II-го стать во главѣ освободительнаго движенія, поведшаго къ созданію Болгаріи. Съ тѣхъ поръ, увлеченные дальневосточными предпріятіями, добываніемъ новыхъ рынковъ для защищенной отъ конкурренціи высокимъ тарифомъ нашей заводской и фабричной промышленности, — мы точно забыли о вѣковой связи, соединяющей насъ съ единокровными племенами на Балканахъ. Принявъ ближайшее участіе въ освободительныхъ войнахъ Румыніи, Греціи, Сербіи, Болгаріи, мы, очевидно, не можемъ, безъ урона нашей чести и нашихъ собственныхъ интересовъ на Востокѣ, выступить въ роли жандарма отъ европейскаго согласія, охраняющаго существующій status quo, тѣмъ болѣе, что этотъ status quo не обезпечиваетъ и поддержанія мира. Миролюбивой политикой нельзя считать ту, которая добровольно закрываетъ глаза на тлѣющее, но способное ежечасно возгорѣться пламя.

У кого сохранилось еще какое-либо сомнѣніе насчетъ того, что пріемы Абдулъ-Гамида по отношенію къ вилайетамъ, въ которыхъ численно преобладаютъ армяне—пріемы, направленные къ исправленію статистическаго отношенія христіанъ къ мусульманамъ съ помощью погромовъ и рѣзни,—далеко не отошли въ область исторіи и при обновленномъ турецкомъ строѣ? Хотя берлинскій трактатъ, требовавшій назначенія Портой христіанскихъ губернаторовъ въ вилайеты съ численно преобладающимъ христіанскимъ населеніемъ, доселѣ не находитъ примѣненія въ Македоніи, но турки и здѣсь продолжаютъ политику истребленія въ мирное время возможныхъ враговъ своей державы.

Простая человѣчность, не говоря уже о томъ чувствѣ родственной любви, какое внушаетъ единство крови и вѣры, старинное братство по оружію, общность надеждъ и интересовъ, — заставляютъ русскій народъ не оставаться молчаливымъ зрителемъ завершительнаго акта героической борьбы за права человѣка и свободу народнаго самоопредѣленія.

Мы должны открыто и съ большой опредѣленностью выразить наше сочувствіе движенію, вызванному попираніемъ самыхъ «неотъемлемыхъ» правъ и, прежде всего «права на жизнь», выражаясь языкомъ тѣхъ патріотовъ, которые положили начало американской независимости. Преданность идеѣ мира не требуетъ отъ насъ того, чтобы мы, заботясь о его сохраненіи, жертвовали человѣческими правами. Вѣдь при ихъ нарушеніи никакой прочный миръ не мыслимъ, Не дѣло миролюбцевъ убѣждать жертвы въ необходимости ихъ мученичества въ интересахъ мнимаго спокойствія Европы. Мы обязавы также раскрыть Европѣ глаза на то, чего она, повидимому, не знаетъ или не хочетъ знать. Европа привыкла думать, что за славянскими симпатіями, болѣе или менѣе открыто выражаемыми, скрывается покровительствуемая русскимъ правительствомъ политика панславизма. Широко распространено мнѣніе, что въ опредѣленные моменты, заручившись предварительнымъ разрѣшеніемъ властей, мы открываемъ славянамъ наши объятія не съ цѣлью ихъ освобожденія, а въ надеждѣ подчинить ихъ нашей державѣ. Европа не вѣритъ тому, чтобы въ культурныхъ слояхъ Россіи, независимо отъ давленія сверху, существовала дѣйствительная симпатія къ балканскимъ народамъ, борющимся за свою независимость и за свое право на человѣческія условія жизни. Она полагаетъ, что мы слишкомъ привыкли идти всегда за правительствомъ, чтобы самостоятельно высказывать наши завѣтныя чувства.

Мы привѣтствуемъ идею прочнаго союза юго-славянскихъ народовъ съ греками. Мы считали бы позоромъ для Россіи создавать какія-либо препятствія счастливому исходу ихъ усилій. Мы не думаемъ, чтобы въ чьей-либо власти было повернуть ходъ исторіи; а она несомнѣнно говоритъ намъ объ одномъ—о томъ, что народы призваны сами устраивать свою судьбу и что воля народная есть высшій законъ.

Политика великихъ державъ за послѣдніе полвѣка,—полвѣка побѣдоноснаго хода демократическаго движенія,—привыкла считаться не съ одними видами «кабинетовъ», но и съ запросами народныхъ массъ. Она не въ силахъ болѣе пренебрегать тѣми, напримѣръ, заявленіями, какія дѣлаютъ въ имперіи Габсбурговъ рабочіе классы, южные и западные славяне. Если австрійская дипломатія и проводящая ея взгляды вѣнская печать считаютъ въ настоящее время возможнымъ отступить отъ первоначальной идеи сохраненія на Балканахъ во что бы то ни стало существующаго status quo, то, очевидно, потому, что добрая часть австрійскихъ гражданъ открыто заявляютъ свой протестъ противъ всякаго туркофильства. Если во Франціи, которую представляютъ намъ заинтересованной въ финансовыхъ операціяхъ

Турціи, раздаются голоса въ пользу дѣятельнаго сочувствія грекамъ, а за ними и славянамъ, если въ Англіи дѣйствуетъ особая организація съ цѣлью привлечь симпатіи великой британской націи къ угнетеннымъ народностямъ Балканскаго полуострова, то возможно ли, чтобы въ центрѣ Русской имперіи, изъ среды русской интеллигенціи не раздалось открытаго призыва помогать нашимъ страждущимъ братьямъ врачебными отрядами, которые бы позволили спасти не одну драгоцѣнную жизнь, великодушно приносимую въ жертву за благо народное? Черногорскія семьи остались безъ призрѣвія; онѣ нуждаются въ самомъ необходимомъ — въ пищѣ, въ бѣльѣ. Южные славяне никого не молятъ ни о военной помощи, ни о дипломатическомъ предстательствѣ; они взываютъ къ нашимъ симпатіямъ и къ нашей человѣчности. Никто, и при желаніи, не можетъ отказаться отъ того, чтобы быть человѣкомъ. Никто не въ состояніи подчинить соображеніямъ высшей политики внутренній голосъ своей совѣсти. Поборники мира не могутъ стать поборниками угнетенія и принести ему въ жертву тѣ естественныя влеченія, искоренить которыхъ, по мнѣнію Спинозы, не въ состояніи никакая власть въ мірѣ.

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

За послѣдніе годы я уже не разъ отмѣчалъ на страницахъ *Вѣстника Европы* появленіе новыхъ книгъ по исторіи французской революціи, чѣмъ-либо заслуживающихъ интереса не со стороны однихъ спеціалистовъ. Исторія этой эпохи разрабатывается во Франціи усиленно и еще долго будетъ служить предметомъ усиленной разработки.

Первымъ общимъ трудомъ по исторіи эпохи, послѣ книги П. А. Кропоткина (1909), является «La Révolution» *Л. Маделена*, вышедшая въ свѣтъ въ 1912 г. въ серіи «L'histoire de France racontée à tous», которая издается подъ общей редакціей Функъ-Брентано. Уже самое названіе этого изданія, въ составѣ котораго

есть книги о среднихъ вѣкахъ, о ренессансѣ, о «великомъ вѣкѣ» (эпохѣ Людовика XIV), о XVIII-мъ столѣтіи, указываетъ на популярный характеръ работы Маделена. Это не ученый трудъ, но и не школьное пособіе, а именно книга для большой публики, въ которой авторъ пытается подвести итоги подъ главнѣйшими выводами историческаго изложенія революціи за послѣдніе годы. Ему нельзя отказать въ начитанности въ пособіяхъ и въ источникахъ, которые онъ и называетъ въ концѣ каждой главы; нельзя не похвалить его за намѣреніе оставаться безпристрастнымъ,—первое, чего нужно требовать отъ такой «oeuvre de vulgarisation». Выполненію этого требованія помогло то, что авторъ, по собственному его заявленію, приступилъ къ работѣ безъ какой бы то ни было предвзятой мысли; если у него и были, такъ сказать, нѣкоторыя предварительныя мнѣнія, то во время изученія эпохи они измѣнились подъ вліяніемъ самой работы.

Въ книгѣ Маделена 565 страницъ текста; изложеніе въ ней доведено до 18-го брюмера, при чемъ о до-революціонной Франціи говорится очень коротко. Все вниманіе автора сосредоточено на политическихъ событіяхъ; экономическая сторона революціи, на которую все болѣе и болѣе начинаютъ обращать вниманіе изслѣдователи, остается внѣ кругозора автора. Это—важный пробѣлъ, тѣмъ болѣе, что тамъ, гдѣ авторъ касается этой и тѣсно съ нею связанной соціальной стороны, онъ высказываетъ мнѣнія, которыя не могутъ быть признаны вполнѣ научными. За всѣмъ тѣмъ нельзя не признать книгу Маделена полезнымъ компендіумомъ, и о себѣ могу сказать, что я прочиталъ ее безъ скуки, не смотря на то, что нашелъ въ ней мало новаго.

А вотъ другая книга, о которой я буду теперь говорить, заключаетъ въ себѣ массу новаго, вслѣдствіе чего и заслуживаетъ особаго вниманія. Однако, едва ли у нея найдется много читателей: въ ней одного текста, безъ предисловія, алфавитнаго указателя и подробнаго оглавленія, тысяча сто семьдесятъ шесть страницъ, разсматривается же въ ней сравнительно короткій промежутокъ времени въ исторіи одного Парижа, отъ 20 іюня до 2 декабря 1792 г.

Этотъ громадный трудъ написанъ г. *Ф. Брэшемъ* (Braesch) и называется «La commune du dix août 1792». Крушенію монархіи, совершившемуся 10-го августа 1792 г. посвящена книга проф. Сальяка, о которой я недавно далъ коротенькій отчетъ. Подготовка этого событія началась съ возстанія 20 іюня, когда народная толпа въ первый разъ ворвалась въ королевскій дворецъ. Съ этого момента Брэшъ начинаетъ вести свой обстоятельный и удивительно документированный разсказъ. 10-го августа парижскую ратушу захва-

тилъ революціонный общинный совѣтъ, который оставался у власти до начала декабря того же года. До этого времени и доведено изложеніе въ книгѣ Брэша. Никто до сихъ поръ такъ подробно не разсматривалъ событій лѣта и осени 1792 г., и можно только пожелать, чтобы почтенный авторъ, получившій за свою работу докторскую степень въ Парижскомъ университетѣ, продолжалъ свое плодотворное изслѣдованіе и по исторіи Парижа въ слѣдующіе періоды революціи.

Парижъ всегда игралъ большую роль въ политическихъ переворотахъ, которые переживала Франція; столичный общественный совѣтъ не разъ стремился разыгрывать роль болѣе широкую и важную, нежели та, какая принадлежитъ чисто муниципальному учрежденію. Въ послѣдній разъ это было въ 1871 г., но первая революціонная коммуна образовалась еще 10 августа 1792 г. (если не считать эпохи религіозныхъ войнъ XVI в.). Эта коммуна оставалась у власти около четырехъ мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ законодательное собраніе уступило мѣсто національному конвенту. Съ обоими этими центральными народными представительствами коммуна 10-го августа приходила въ столкновенія. Образовался взглядъ, что Парижъ, голова и сердце Франціи, является какъ бы естественнымъ уполномоченнымъ всей страны, а отсюда дѣлались выводы объ особыхъ правахъ парижскаго населенія. Между тѣмъ, это населеніе имѣло свою особую, совершенно легальную организацію въ такъ называемыхъ секціяхъ, на которыя (ихъ было 48) была раздѣлена столичная коммуна, въ смыслѣ совокупности всѣхъ жителей города. Собственно, эта совокупность гражданъ, раздѣленныхъ на 48 секцій, и называлась коммуной по закону, но въ просторѣчіи это названіе было пріурочено къ ея центральному органу, т. е., говоря по нашему, къ городской думѣ. Коммуна 10-го августа образовалась чрезъ захватъ власти «явочнымъ порядкомъ» со стороны делегатовъ отдѣльныхъ секцій, что не помѣшало впослѣдствіи возникновенію треній между этими послѣдними и коммуною. Особенное значеніе книги Брэша заключается именно въ томъ, что онъ обратилъ большое вниманіе на то, что дѣлалось въ парижскихъ секціяхъ.

Исторія парижскихъ секцій была очень мало извѣстна до выхода въ свѣтъ (въ 1898 г.) книги *Меллье*: «Les sections de Paris pendant la révolution française»; но онъ занялся почти исключительно внутренними отношеніями секцій, и первый, кто систематически изучилъ ихъ роль въ общей исторіи революціи, въ дѣлѣ подготовки и совершенія переворота 10 августа, былъ Брэшъ. Разумѣется, для этого ему нужно было обратиться къ архивному матеріалу, часть

котораго онъ и издалъ отдѣльной книгой одновременно со своимъ большимъ трудомъ. Между прочимъ, онъ самымъ тщательнымъ образомъ прослѣдилъ, какъ постепенно революціонизировались отдѣльныя секціи въ теченіе шести недѣль, отдѣляющихъ переворотъ 10-го августа отъ возстанія 20-го іюня и далъ карту раздѣленія парижскихъ секцій на демократическія, умѣренно-демократическія, консервативныя и умѣренно-консервативныя [1]). Однимъ словомъ, Брэшъ даетъ намъ въ своей книгѣ исторію не только центральной коммуны, но и секцій.

Книга Брэша, нужно еще прибавить, имѣетъ своимъ содержаніемъ главнымъ образомъ политическую сторону революціи, но авторъ не обошелъ и сторону экономическую, посвятивъ ей большую главу (около 120 страницъ), проливающую свѣтъ на соціальный вопросъ въ данную эпоху. Если въ то время и возникали «коллективистическія» идеи, то касались онѣ распредѣленія, а отнюдь не производства, которое мыслилось не иначе, какъ въ формахъ индивидуальнаго хозяйства. Данныя и выводы Брэша опровергаютъ недавно высказанное Кропоткинымъ мнѣніе, будто парижскія секціи уже и фактически приступили къ соціализаціи производства. Втрое меньшихъ размѣровъ главу Брэшъ посвятилъ въ своемъ трудѣ религіознымъ дѣламъ въ Парижѣ за разсматриваемый имъ періодъ времени, показавъ, какъ вели себя по отношенію къ католицизму населеніе, секціи, коммуна, центральное представительство страны. Онъ находитъ, что «логика событій» требовала въ концѣ 1792 г. отдѣленія церкви отъ государства, но «никто или почти никто» тогда объ этомъ не думалъ, хотя строго католическое настроеніе существовало лишь въ пролетаріатѣ, да и то далеко не во всемъ (seule une partie du prolétariat restait foncièrement catholique).

Въ одно время съ трудомъ Брэша вышелъ другой по тому же періоду революціи, но не такой обширный (385 стр. меньшаго формата и съ менѣе убористою печатью) и не столь ученый. Это—книга *П. Лакомба*: «La première commune révolutionnaire de Paris et les assemblées nationales». Изъ числа темъ, разработанныхъ Брэшемъ, Лакомбъ взялъ только одну, именно вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между коммуною 10-го августа и національными собраніями, т. е. законодательной и конвентомъ. Авторъ этой книги, написанной, живо и читающейся съ интересомъ, неизмѣримо меньше, нежели Брэшъ, знакомъ съ непосредственнымъ историческимъ матеріаломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не успѣлъ воспользо-

[1]) Я воспроизвелъ эту карту въ приложеніяхъ къ своей книгѣ: «Парижскія секціи времепъ французской революціи».

ваться данными и выводами Брэша. Притомъ я сказалъ бы, что онъ забываетъ правило: «scribitur historia ad narrandum, non ad probandum», ибо главная его задача—рѣшеніе вопроса, была ли революціонная коммуна права, ставъ къ народному представительству въ тѣ отношенія, въ какія на самомъ дѣлѣ встала [1]).

Къ числу спеціально не изучавшихся вопросовъ по исторіи революціи относится тотъ, который недавно сдѣлался предметомъ большой книги *Гастона Додю*: «Le parlementarisme et les parlementaires sous la révolution» (1911). Слово «парламентаризмъ» авторъ употребилъ здѣсь не въ смыслѣ парламентарнаго режима, какъ зависимости исполнительной власти или министерства отъ власти законодательной, а въ болѣе широкомъ значеніи порядковъ, характеризующихъ длительность французскихъ законодательныхъ собраній между 1789—1799 гг., начиная съ внѣшней обстановки, въ какой онѣ протекали, и кончая подробностями о томъ, какъ происходили засѣданія собраній [2]). «Я, говоритъ Додю, — хотѣлъ разсказать исторію учрежденія, а не исторію фактовъ или идей, среди которыхъ оно развивалось». Другими словами, какъ выражается самъ авторъ, онъ поставилъ своей задачею показать, какъ работали народные представители въ эпоху полнаго переустройства Франціи, имѣя въ виду «не качество работы, а личность работника и достоинство его орудія». Додю беретъ въ своей книгѣ «парламентарія» эпохи революціи не только на трибунѣ или на занятомъ имъ въ залѣ мѣстѣ, но и въ кулуарахъ, и въ комитетахъ (т. е. комиссіяхъ), и въ канцеляріяхъ министерствъ, вообще вездѣ, гдѣ онъ являлся въ роли лица, облеченнаго функціей законодателя. Къ разсмотрѣнію того, какъ шла парламентская работа, авторъ присоединяетъ разсмотрѣніе и внѣпарламентской дѣятельности депутатовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они просто вращались въ свѣтѣ, появляясь въ разныхъ салонахъ и т. п. Нѣкоторыя темы, затронутыя въ книгѣ, имѣютъ и болѣе общій интересъ. Отмѣчу, напр., вопросы о поведеніи публики въ засѣданіяхъ собраній, о парламентскомъ наказѣ, о возникновеніи партій, съ ихъ внутреннимъ режимомъ (между прочимъ, объ отсутствіемъ

---

[1]) Braesch подвергъ книгу Лакомба основательной, но вмѣстѣ съ тѣмъ совсѣмъ не придирчивой критикѣ въ «Revue d'histoire moderne et contemporaine» за 1912 г. Собственный трудъ Брэша подвергся очень рѣзкой и пристрастной критикѣ, напечатанной сразу въ двухъ журналахъ («Revue critique» и «Annales révolutionnaires»).

[2]) Есть интересныя подробности о выборѣ предсѣдателя и товарищей предсѣдателя, секретарей, о составленіи протоколовъ, образованіи комиссій и т. п.

въ нихъ настоящаго лидерства) и дисциплиной, о посѣщеніяхъ депутатами министерскихъ пріемныхъ и т. п., что очень важно для характеристики и «парламентскихъ» нравовъ эпохи. Мѣстами, кромѣ того, авторъ касается попутно вообще политической исторіи революціи и рѣшаетъ такіе вопросы: что, собственно говоря, можно разумѣть подъ диктатурой комитета общественнаго спасенія? Какъ демократическая республика уступила мѣсто республикѣ буржуазной?

Въ заключеніе этого краткаго обзора отмѣчу, что за послѣднее время на французскомъ языкѣ вышли въ свѣтъ и нѣкоторыя работы русскихъ ученыхъ, а именно М. М. Ковалевскаго, П. В. Лучицкаго, Е. В. Тарле. М. М. Ковалевскій напечаталъ второй томъ своей книги «La France économique et sociale à la veille de la révolution» (1911), о первомъ томѣ которой, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1909 г., въ свое время я упоминалъ. П. В. Лучицкій опубликовалъ переводы двухъ своихъ работъ: «Les classes agricoles en France à la veille de la révolution» и «La propriété paysanne en France à la veille de la révolution, surtout en Limousin». Е. В. Тарле еще раньше издалъ одну-двѣ главы своего «Рабочаго класса во Франціи» во французской переработкѣ: «L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime». Присоединю къ этому, для полноты перечня, опубликованные мною «Неизданные документы по исторіи парижскихъ секцій въ эпоху революціи» и свою брошюру: «La densité de la population des différentes sections de Paris pendant la révolution».

Новѣйшія работы по исторіи французской революціи на русскомъ языкѣ въ этотъ обзоръ не вошли [1]).

Н. Карѣевъ.

---

[1]) Отсылаю къ своей статьѣ: «Эпоха французской революціи въ трудахъ русскихъ ученыхъ за послѣднія десять лѣтъ (1902—1911)». Эта работа вошла въ составъ XVII-го тома «Историческаго Обозрѣнія», издаваемаго Истор. Общ. при Спб. унив., и вышла въ свѣтъ отдѣльнымъ оттискомъ изъ этого сборника.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Б. Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 гг). Историческіе очерки. Часть I. Съ 40 портретами и иллюстраціями. Ч. II. Съ 59 потретами и иллюстраціями. Спб., 1913. Ц. за двѣ части 5 р. 50 к.

Въ обстоятельныхъ и интересныхъ очеркахъ г. Б. Глинскаго собраны фактическіе матеріалы, касающіеся нашихъ общественныхъ и революціонныхъ движеній въ періодъ двадцатилѣтія отъ крестьянской реформы до катастрофы 1-го марта. Г. Глинскій называетъ весь этотъ періодъ революціоннымъ, но безъ достаточнаго къ тому основанія. Это былъ періодъ смутныхъ колебаній и внутренняго разлада въ правящемъ классѣ, періодъ взаимнаго недовѣрія между властью и общественнымъ мнѣніемъ, періодъ частичныхъ и несмѣлыхъ реформъ, смѣняемыхъ годами застоя и реакціи. Революціонные кружки и организаціи далеко не играютъ преобладающей роли въ эпоху шестидесятыхъ годовъ; они только начинаютъ тогда образовываться и пріобрѣтать значеніе, которое постепенно усиливается въ семидесятыхъ годахъ подъ вліяніемъ репрессивныхъ мѣръ, направленныхъ противъ всѣхъ передовыхъ элементовъ русскаго общества. Въ бюрократическомъ лагерѣ продолжается непрерывная закулисная борьба личныхъ вліяній и интересовъ; важнѣйшіе вопросы законодательства и политики разсматриваются и рѣшаются съ точки зрѣнія мелочныхъ соображеній соперничества отдѣльныхъ сановниковъ. Осенью 1860-го года, при обсужденіи проектовъ крестьянскихъ положеній,—какъ видно изъ дневника Валуева,—министръ Муравьевъ подлаживается къ мнѣніямъ графа Панина, потому что считаетъ его «сильнымъ часа сего»; вмѣстѣ съ нимъ и княземъ Гагаринымъ онъ рѣзко критикуетъ труды редакціонныхъ комиссій—но двѣ недѣли спустя онъ держится уже другого взгляда и требуетъ болѣе высокой нормы земельнаго надѣла, «вслѣдствіе новаго визита князя Долгорукова и желанія поддѣлаться подъ предполагаемыя воззрѣнія государя». Самъ П. А. Валуевъ, занимавшій тогда скромный постъ директора департамента въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, внимательно изучалъ и примѣнялъ эту систему

лавированія между разными и часто противоположными вліяніями; «обычная моя забота—пишетъ онъ въ дневникѣ—ежедневно разрѣшать проблему параллелограмма силъ и выводить діагонали». Крестьянское дѣло искусственно затягивалось и усложнялось въ Главномъ Комитетѣ, благодаря безконечнымъ преніямъ и большому разномыслію среди наиболѣе вліятельныхъ членовъ, а въ особенности—какъ объяснялъ Головнинъ въ письмѣ къ князю Барятинскому—«потому, что секретарь комитета, Бутковъ, до сихъ поръ не успѣлъ еще раскрыть, который изъ членовъ наиболѣе могущественъ, а слѣдовательно не знаетъ, въ чью пользу привести въ движеніе всю силу канцеляріи, силу, которая имѣетъ дѣйствительную власть у насъ». Весь этотъ комитетъ, заключавшій въ себѣ цвѣтъ тогдашней сановной и придворной бюрократіи, представлялъ, по справедливому замѣчанію г. Глинскаго, «нестройную толпу звѣздоносцевъ, рѣшительно неспособныхъ возвыситься до рѣшенія вопроса первостепенной государственной важности... Старческое топтаніе на мѣстѣ, злобное брюзжаніе, взаимное непониманіе и неспособность схватить даже элементарныя стороны бытовой жизни рѣзко бросаются въ глаза». Основныя черты ихъ дѣятельности—«закулисныя интриги, сословные интересы, соображенія о личномъ вліяніи и положеніи при дворѣ, бездарность, косность и застой».

«Душа болитъ — писалъ Побѣдоносцевъ Ек. Ѳ. Тютчевой двадцатью годами позже,—когда видишь эту толпу сановниковъ и чиновниковъ, безчувственную, пошлую,—страшно сказать—подлую.» За безраздѣльное владычество этой «пошлой толпы» лицемѣровъ и карьеристовъ надъ русскимъ обществомъ и народомъ велась неустанная борьба во имя «священныхъ историческихъ устоевъ самодержавія.» Всякій намекъ на ограниченіе могущества этой придворно-сановной клики принимался за посягательство на ограниченіе верховной власти и преслѣдовался съ безпощадною строгостью, подъ прикрытіемъ усердныхъ заботъ о неприкосновенности существующаго государственнаго строя. Принципъ самодержавія, унаслѣдованный отъ Николая I, былъ откровенно подмѣненъ принципомъ неограниченнаго самовластія высшей бюрократіи, и сама верховная власть какъ будто санкціонировала этотъ подмѣнъ. Охрана неограниченныхъ правъ и полномочій центральнаго бюрократическаго правительства подъ флагомъ самодержавія становится руководящей цѣлью и главнѣйшею задачею внутренней политики. Носитель верховной власти самоотверженно признавалъ самовластье своихъ слугъ необходимымъ проявленіемъ и воплощеніемъ своего собственнаго самодержавія.

Господство неограниченнаго произвола правительственной власти

на почвѣ всеобщаго народнаго безправія сдѣлалось незыблемымъ фундаментомъ русской государственности. Мысль объ измѣненіи этого порядка вещей, о внесеніи въ жизнь принципа законности и о предоставленіи обществу нѣкоторой доли участія въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ—объявлена была преступною. Ее отнесли къ разряду тѣхъ безсмысленныхъ мечтаній, которыми свойственно увлекаться только незрѣлымъ умамъ молодежи и неблагонамѣреннымъ представителямъ оппозиціи. Слово «конституція» внушало суевѣрный страхъ носителямъ власти; самыя скромныя разсужденія о народномъ представительствѣ считались опасными и недопустимыми.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, во время польскаго возстанія, даже самъ П. А. Валуевъ находилъ возможнымъ установить нѣчто въ родѣ выборнаго представительства при государственномъ совѣтѣ, съ «соблюденіемъ полной неприкосновенности верховныхъ правъ самодержавной власти»; но этотъ робкій апрѣльскій проектъ 1863-го года, одобренный на первыхъ порахъ въ принципѣ, былъ вскорѣ положенъ подъ сукно, когда исчезла опасность вынужденнаго дарованія конституціи крамольной Польшѣ. Валуевская записка была извлечена изъ архива и сдѣлалась вновь предметомъ обсужденія черезъ восемнадцать лѣтъ, въ началѣ 1881-го года, по поводу мнимо-конституціонныхъ проектовъ графа Лорисъ-Меликова. Валуевъ отзывался объ этихъ проектахъ «ближняго боярина» весьма пренебрежительно. Это «монументъ посредственности умственной и нравственной»,—говоритъ онъ въ своемъ дневникѣ.—При наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи государю и грубомъ изложеніи разной лжи,—прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ комиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ». Особое совѣщаніе у государя одобрило внесенныя предположенія, съ «обычными неопредѣленными оговорками насчетъ предосторожностей и т. п.,» причемъ сановники «до неприличія льстили гр. Лорисъ-Меликову.» Разсмотрѣніе вопроса по существу, по словамъ Валуева, «было жалко, но безобидно.» «Всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы—все условно. Истины ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. И мы—правительство!»—заключаетъ бывшій министръ, привыкшій «ежедневно разрѣшать проблему параллелограмма силъ и выводить діагонали». Въ данномъ случаѣ «параллелограммъ силъ» ясно указывалъ на графа Лорисъ-Меликова, какъ на безспорнаго фаворита, и этимъ тогдашнее положеніе отличалось отъ обстоятельствъ 1860-го года, когда даже приближенные къ источнику власти не могли угадать, кто является «сильнымъ часа сего». Убогіе по замыслу планы маленькихъ представительныхъ пристроекъ къ государственному совѣту оставались мертворожденными уже потому, что сами ини-

ціаторы больше всего боялись придать имъ цѣлесообразное практическое развитіе, чтобы не быть заподозрѣнными въ сочувствіи конституціоннымъ идеямъ. Такъ было въ концѣ царствованія Александра II, такъ было и въ началѣ, и за все это время надъ русскимъ обществомъ тяготѣлъ одинъ и тотъ же режимъ, въ которомъ отдѣльныя либеральныя учрежденія подавлялись старою системою произвола и безправія.

Мириться съ этимъ режимомъ было трудно, и противъ него растетъ оппозиція въ болѣе образованныхъ классахъ населенія. Борьба съ этой оппозиціей мало по малу завладѣваетъ всецѣло вниманіемъ правительства и пріобрѣтаетъ все болѣе жестокій характеръ. Власть пытается дѣйствовать на недовольныхъ путемъ устрашенія; она преслѣдуетъ и караетъ оппозиціонное настроеніе, хотя бы выраженное въ самой мягкой формѣ; она не допускаетъ свободы слова и печати; она налагаетъ свою руку на литературу и журналистику, подвергаетъ арестамъ и административной ссылкѣ массу университетской молодежи и исподволь вырабатываетъ въ ней кадры будущихъ революціонныхъ дѣятелей. Запугать протестующихъ суровыми карами не удается; на мѣсто погибшихъ борцовъ являются новые, болѣе смѣлые и рѣшительные, которые въ свою очередь прибѣгаютъ къ устрашающимъ мѣрамъ воздѣйствія на правительство. Возникаютъ и сталкиваются между собою два террора—правительственный и революціонный; первый все болѣе увеличиваетъ число своихъ жертвъ, а второй все сильнѣе сосредоточивается на центральныхъ лицахъ государства. Всѣ средства были исчерпаны для искорененія оппозиціи, и они привели только къ ожесточенію противниковъ, ибо самая задача—уничтожить духъ недовольства и протеста, вызываемый завѣдомо негоднымъ оффиціальнымъ режимомъ—была ошибочна въ идеѣ и неосуществима на практикѣ. Нельзя было заставить общество не думать о положеніи и ходѣ государственныхъ дѣлъ, не интересоваться судьбою и бѣдствіями народа, отречься отъ естественнаго права сужденія и критики по поводу волнующихъ публику вопросовъ и положиться всецѣло на мудрость, безкорыстіе и энергію правящихъ сановниковъ, которые, по компетентному опредѣленію Валуева и Побѣдоносцева, составляли въ большинствѣ «безчувственную, пошлую толпу» лицемѣровъ и карьеристовъ. Уничтожить оппозицію противъ неспособныхъ, малосвѣдущихъ или недобросовѣстныхъ органовъ власти, противъ хищничества, беззаконія и произвола администраціи, противъ непроизводительной траты народныхъ средствъ, противъ опасныхъ увлеченій и ошибокъ внѣшней политики,—столь же немыслимо, какъ уничтожить мысль и чувство живыхъ людей. А между

тѣмъ, въ погонѣ за этой недостижимою цѣлью, правительство не щадило средствъ и силъ; никакія жертвы не считались слишкомъ крупными, когда дѣло шло о такъ называемой охранѣ государственнаго порядка и спокойствія: закрывались университеты, тысячи юношей ежегодно высылались въ отдаленныя мѣстности, гдѣ ихъ ждала безпомощная, жалкая гибель; уничтожались популярные и распространенные журналы, въ которыхъ работали лучшія умственныя силы страны; закрывались общеполезныя частныя общества и учрежденія; всякіе порывы широкой самодѣятельности заглушались въ зародышѣ.

Естественно, что по мѣрѣ закрытія путей для откровенной и легальной оппозиціи распространялась оппозиція скрытая, подпольная, конспиративная, съ которой было гораздо труднѣе бороться. Въ эту скрытую оппозицію уходили выдающіеся представители цѣлаго ряда поколѣній, и органы власти охотились за ними, какъ за дичью. Когда поэтъ Михайловъ былъ осужденъ на каторгу въ рудникахъ за участіе въ составленіи воззванія «къ молодому поколѣнію», за свободу литературы вступились многіе умѣренные писатели и ученые, въ томъ числѣ Катковъ и бывшій жандармскій офицеръ Громека; позднѣе такія попытки заступничества уже не предпринимались, какъ безнадежныя. Въ 1862-мъ году, за чтеніе неблагонадежныхъ брошюръ въ воскресныхъ школахъ, два студента приговорены сенатомъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, одинъ—къ ссылкѣ въ каторжныя работы на девять лѣтъ въ крѣпостяхъ, а другой, по молодости и чистосердечному сознанію—къ ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири; слушатели ихъ, фабричные рабочіе, какъ несовершеннолѣтніе—къ аресту и наказанію розгами, а рабочій, виновный въ томъ, что не донесъ своевременно начальству о чтеніи брошюръ, присужденъ также къ тѣлесному наказанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ практическій выводъ изъ этого небольшого, но характернаго процесса, послѣдовало распоряженіе о закрытіи всѣхъ воскресныхъ и безплатныхъ школъ и народныхъ читаленъ въ имперіи; въ Петербургѣ, сверхъ того, упразднено существовавшее при Литературномъ фондѣ особое отдѣленіе для вспомоществованія учащимся, и закрытъ шахматный клубъ, такъ какъ «въ немъ происходятъ и изъ него распространяются неосновательныя сужденія». Такимъ образомъ сразу уничтожено было по всей Россіи 274 просвѣтительныхъ заведенія, безъ замѣны ихъ другими, и этотъ варварскій способъ дѣйствій не вызывалъ никакихъ возраженій въ правящихъ сферахъ. Около того же времени сенатъ присудилъ Писарева къ заключенію въ крѣпость на два года и восемь мѣсяцевъ, за составленіе рѣзкой полемической статьи противъ брошюръ Шедо-Ферротти. Профессоръ Павловъ за произне-

сеніе рѣчи, разрѣшенной цензурою и произведшей извѣстное впечатлѣніе на публику, былъ арестованъ и сосланъ безъ суда въ Ветлугу. Руководящіе и наиболѣе читаемые журналы того времени, «Современникъ» и «Русское Слово», пріостановлены на восемь мѣсяцевъ, а впослѣдствіи закрыты навсегда. За сношенія съ проживающими за границею русскими эмигрантами Н. А. Серно-Соловьевичъ присуждается къ ссылкѣ въ каторжныя работы на двѣнадцать лѣтъ, а въ видѣ смягченія, «во вниманіе къ просьбѣ матери»—къ поселенію въ Сибири навсегда; другіе участники—къ той же ссылкѣ, остальные, виновные лишь въ недонесеніи—къ заключенію въ крѣпость или тюрьму отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года. Властитель думъ передовой интеллигенціи, выросшей на зарѣ «великихъ реформъ», Н. Г. Чернышевскій, сосланъ въ каторгу въ рудникахъ на семь лѣтъ, на основаніи приписаннаго ему подложнаго письма къ Плещееву. Вся прогрессивная часть русскаго общества, съ ея литературою и журналистикою, признавалась какъ бы безправною, подлежащею строгому наблюденію и преслѣдованію. Земство навлекало на себя постоянныя подозрѣнія и подвергалось разнымъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ. Когда петербургское губернское земское собраніе вздумало вступить въ споръ съ администраціею и сослаться на свои законныя права, правительство безъ всякихъ церемоній упразднило на время въ Петербургской губерніи всѣ земскія учрежденія, вновь открывъ ихъ лишь по истеченіи года. Власть губернаторовъ усиливается и расширяется до степени полнаго произвола; имъ даются такія полномочія, противъ которыхъ высказывается даже государственный совѣтъ. Губернаторы дѣлаются настоящими хозяевами своихъ губерній; безъ ихъ согласія ни одно вѣдомство не могло принимать кого-либо на службу, и всѣ учрежденія обязаны были оказывать имъ всякое содѣйствіе по первому ихъ требованію. Пользуясь своими новыми полномочіями, одинъ изъ губернаторовъ,—какъ отмѣчаетъ Никитенко въ своемъ дневникѣ 1866-го года,—издалъ распоряженіе, по которому «всѣ женщины, носящія круглыя шляпы, синіе очки, башлыки, коротко остриженные волосы и не носящія кринолиновъ, признаются нигилистками, забираются въ полицію, гдѣ имъ приказываютъ скинуть всѣ эти наряды и надѣть кринолины, а если онѣ не послушаются, то высылать ихъ изъ губерніи». Такими негодными средствами охранялся государственный порядокъ послѣ Каракозовскаго выстрѣла 4-го апрѣля, и результатомъ этихъ усиленныхъ охранительныхъ мѣръ было непрерывное паростаніе глухого революціоннаго броженія, приведшаго къ цѣлому ряду отчаянныхъ покушеній, вплоть до катастрофы перваго марта.

Очерки Б. Б. Глинскаго какъ нельзя болѣе кстати напоминаютъ широкой публикѣ объ этомъ печальномъ прошломъ, многія черты котораго сохранились и еще понынѣ даютъ себя чувствовать массѣ русскихъ обывателей. Попытка собрать и представить въ болѣе или менѣе связномъ и послѣдовательномъ изложеніи имѣющіеся уже въ литературѣ по этому предмету матеріалы, напечатанные преимущественно въ 1905—1907 годахъ въ разныхъ журналахъ, книгахъ и брошюрахъ, «доступъ къ которымъ большею частью затруднителенъ и даже почти невозможенъ»,—составляетъ несомнѣнную заслугу г. Глинскаго.

Л. Слонимскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Юбилей И. А. Бунина заставляетъ оглянуться на путь, пройденный этимъ писателемъ за четверть вѣка.

Бунинъ вышелъ изъ старой дворянской семьи, той самой, которая дала Россіи Жуковскаго. Онъ родился въ 1870 г., когда уже начался процессъ разложенія нашихъ дворянскихъ гнѣздъ, но навыки и настроенія недавняго прошлаго, крѣпостного быта, еще царили въ нихъ, еще жива была легенда задушевной интимности, поэтичности, уютности этого быта. Вотъ та обстановка, которая опредѣлила душевный складъ писателя.

Начиная свое литературное поприще, онъ въ стихахъ и прозѣ уже пѣлъ поблекшій жизни цвѣтъ. Столько сладкихъ грезъ нашептывала сердцу молодость,—и ни одна греза не сбывалась. Такъ хотѣлось нѣжнаго счастья вдвоемъ, женской ласки и чуткаго сердца, которое утолило бы жажду поэта «быть понятымъ въ нищетѣ его существованія» и въ радостныхъ порывахъ передъ красотой божьяго міра. Но первые опыты сердца были грустны: либо неудача, либо короткое, скоро убѣгающее счастье. И поэтъ грустно склонился передъ судьбой, обрекающей его на одиночество. Онъ привыкъ грустно, но безгнѣвно встрѣчать привычный конецъ недолгой любви:

Какъ свѣтла, какъ нарядна весна!..
Погляди мнѣ въ глаза, какъ бывало,
И скажи, отчего ты грустна?
Отчего ты такъ ласкова стала?

Но молчишь ты, слаба, какъ цвѣтокъ...
О, молчи! Мнѣ не надо признанья:
Я *узналъ* эту ласку прощанья,—
Я *опять* одинокъ!

Но время идетъ, и перестаютъ понемногу болѣть старыя раны сердца:

Спокойный взоръ, подобный взору лани,
И все, что въ немъ такъ нѣжно я любилъ,
Я до сихъ поръ въ печали не забылъ,
Но образъ твой теперь уже въ туманѣ.

А будутъ дни—угаснетъ и печаль,
И засинѣетъ сонъ воспоминанья,
Гдѣ нѣтъ ни счастья, ни страданья,
А только всепрощающая даль.

И этотъ день приходитъ. Пережитая боль превращается въ свѣтлую легенду:

Далекое, мирное счастье!
Не знаю, кого я любилъ,
Чей образъ, и нѣжный, и милый,
Такъ долго я въ сердцѣ хранилъ.
Но сердце груститъ и донынѣ...
И помню тебя я, какъ сонъ,—
И близкой, и странно далекой,
Какъ въ свѣтлой рѣкѣ небосклонъ.

И въ концѣ концовъ жажда любви начинаетъ казаться уже чѣмъ-то такимъ, что и не должно воплощаться. Мечта, невоплотимость—самое сердце любви. «Любовь—это когда хочется того, чего нѣтъ и не бываетъ». «Въ одной мечтѣ объ этомъ несуществующемъ женскомъ образѣ уже было счастье. Но онъ обѣщалъ мнѣ больше,—свою близость, свою любовь, пониманіе самыхъ сокровенныхъ моихъ помысловъ,—все, чего я никакъ не могъ выразить не только словами, но даже думами и что никогда не сбылось и *не сбудется*!».

Вотъ одинъ потокъ настроеній, который отразился во многихъ произведеніяхъ Бунина съ прозрачной простотой и задушевнымъ лиризмомъ. Въ мягкихъ и нѣжныхъ тонахъ добраго стараго времени протекаетъ у него любовная драма. Ему чужды жестокіе экстазы модернистской страсти. Разъ только мелькнула Брюсовская нотка:

«Я хочу объятія до боли,—
Будь со мной безжалостенъ и грубъ!»

Но сейчасъ же и растворилась въ трепетной, ласково-нѣжной волнѣ:

Звѣзды тихо искрились надъ нами,
Тонко пахло свѣжестью росы.
Ласково касался я устами
До горячихъ щекъ и до косы.

И она забылась. Разъ проспулась,
Какъ дитя, вздохнула въ полуснѣ,
Но, взглянувши, слабо улыбнулась
И опять прижалася ко мнѣ.

Ночь царила долго въ темномъ полѣ.
Долго милый сонъ я охранялъ...

Но кромѣ мечты о невоплотимой любви, обрекающей на одиночество, кромѣ грусти объ этой невоплотимости, старая усадьба дала поэту и великую, неизсякающую радость: всѣ чувства его раскрыты для яркаго, изощреннаго воспріятія природы, неувядающей красоты и таинственной, умиротворяющей мудрости ея стихійной жизни. Среди тишины осенняго дня ухо поэта слышитъ «листика шуршанье», а ночью онъ различитъ «тишину другую». Его глазъ четко уловляетъ все разнообразіе очертаній внѣшняго міра, всѣ переливы красокъ: и розовѣющій лѣсъ, и «синеву долинъ» и «даль лиловыхъ деревень». Особенно поразительно чутье Бунина на запахи. «Запахи,—признается онъ,—особенно сильно дѣйствуютъ на насъ, и между ними есть особенно здоровые и яркіе: запахъ моря, запахъ лѣса, чернозема весною, прѣлой осенней листвы, улежавшихся яблокъ... чудный запахъ крѣпкихъ антоновскихъ яблокъ, сочныхъ и всегда холодныхъ, пахнущихъ слегка медомъ, а больше всего—осенней свѣжестью!». И дѣйствительно, тонко различаемые запахи—интегральная часть Бунинскаго пейзажа. Въѣзжая въ полуразрушенную деревню, онъ слышитъ запахъ холодной золы, въ весеннемъ аккордѣ различаетъ

Свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ,

слышитъ, какъ пахнутъ зеленя, поблекшіе осинники, какъ «свѣжо и остро пахнетъ тѣмъ особеннымъ воздухомъ, что бываетъ послѣ вьюги съ сѣвера», узнаетъ по душистому запаху близость сырыхъ дубовыхъ дровъ; «дѣтскіе волосы хорошо пахнутъ, совсѣмъ какъ маленькія птички», и т. д. Далѣе, Бунинъ, какъ никто, умѣетъ передавать ощущенія стужи и всякихъ вообще перемѣнъ температуры, а его эпитеты указываютъ на сильно развитыя чувства вкусовыя и осязательныя. Эти особенности стиля Бунина доказываютъ, какъ ярко, полно и всесторонне воспринимаетъ онъ внѣшній міръ.

Все его физическое существо всѣми своими органами богато отвѣчаетъ на явленія міра и обильно заполняетъ его психику всевозможными впечатлѣніями. Въ этой яркой и интенсивной воспріимчивости растворяются всѣ пессимистическія настроенія и построенія, и выростаетъ великая, всеобъемлющая и все примиряющая «любовь и радость бытія».

Радость жизни во всемъ я люблю—
Въ звѣздномъ небѣ, въ цвѣтахъ, въ ароматахъ...

«Весело жить!» восклицаетъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ, отдавшись созерцанію многокрасочнаго и многограннаго міра. Пусть грустно сейчасъ,

но если
Внезапно глянетъ солнце, что за радость
Овладѣваетъ сердцемъ!

«Замрешь, весь охваченъ какой-то робкой радостью», глядя какъ пара голубей пьетъ «изъ лазурной лужи»,—и въ такія минуты кажется, что

только небо, только радость
Я цѣлый вѣкъ въ душѣ носилъ.

Какія-то тяжелыя не то мысли, не то воспоминанія пробуютъ еще потревожить поэта и «упрекнуть за эту радость»,

Но укоръ въ улыбкѣ замираетъ.

Радость побѣдила, и теперь все тяжелое въ жизни, что оплакивалъ, на что жаловался поэтъ, пріемлется какъ необходимое темное звено въ цѣпи бытія, прекрасной во всей своей совокупности.

Люби и грусть, и радость—пѣсни жизни...
Печаль и радость
Равно прекрасны въ вѣчной жаждѣ жить!..
Я буду жить и сладко плакать
И славить радость бытія...

И окончательная побѣда:

Нѣтъ смерти для того, кто жизнь любилъ.

Какъ Пушкинъ, поэтъ «грустно и легко» оглядывается на прожитую жизнь, благодаритъ ее за то благое, что она ему послала, за свѣтлую, хотя и несбыточную мечту, и посылаетъ привѣтъ тѣмъ, кто идетъ ему на смѣну:

Я свой привѣтъ изъ тихихъ деревень
Шлю дѣвушкамъ и юношамъ-поэтамъ:
Пусть встрѣтитъ жизнь ихъ ласковымъ привѣтомъ,
Пусть будетъ свѣтелъ ихъ весенній день,
Пусть ихъ мечты развѣетъ бѣлымъ цвѣтомъ!

Такъ разрѣшается для поэта трагедія жизни въ субъективномъ художественно-творческомъ процессѣ. Труднѣе дается ему синтезъ, когда онъ обращается къ конкретной русской дѣйствительности настоящаго историческаго момента, анализомъ которой все болѣе и болѣе вытѣсняется у Бунина личный лирическій элементъ, хотя къ этому анализу онъ подошелъ тоже черезъ личные вопросы.

Уже въ раннихъ разсказахъ Бунина часто является центральной фигурой молодой дворянинъ, вынужденный кинуть свою усадьбу и, переселясь въ городъ, заняться такъ называемымъ интеллигентнымъ трудомъ. Трудъ этотъ ему противенъ, весь укладъ городской жизни кажется безсвязнымъ и безсмысленнымъ, убивающимъ лучшія стороны души, опустошающимъ и калѣчащимъ ее Такъ, конечно, и должно быть у типа, столь органически связаннаго съ жизнью природы, какъ то отражается въ лирикѣ Бунина. Мѣсто его не въ городѣ, а въ деревнѣ. И, дѣйствительно, стоитъ Бунинскому герою вырваться изъ Петербурга, какъ онъ весь преображается: нѣтъ и слѣда городской тоски и равнодушія, все ему интересно, во все онъ жадно всматривается: и въ природу, мелькающую за окнами вагона, и въ людей на станціяхъ, и въ случайныхъ попутчиковъ, примѣчая, съ обычной своей остротой воспріятія, каждую мелочь въ ихъ лицѣ, фигурѣ, костюмѣ, манерахъ. Но чѣмъ дальше проникаетъ онъ въ глубь страны, чѣмъ яснѣе развертывается передъ нимъ ея величіе, ея богатство, сокрытое въ нѣдрахъ, и нищета, повсюду царящая въ жизни «молодого, но уже замученнаго народа», тѣмъ яснѣе для него становятся «печали» этой безконечной «пустыни», необходимость и вмѣстѣ невозможность въ нихъ разобраться и помочь имъ,—по крайней мѣрѣ для него, «русскаго интеллигента». И Петербургъ начинаетъ казаться ему «оазисомъ на окраинѣ огромной снѣжной пустыни». Точно также и родная усадьба, теперь заброшенная, полуразрушенная, навѣетъ ему много милыхъ воспоминаній изъ далекаго, ставшаго какъ бы чужимъ дѣтства, много невозвратныхъ легендъ о привлекательной жизни, когда-то свершавшей здѣсь свое теченіе, разбудитъ въ душѣ много искренняго и подлиннаго очищающаго отъ зла, воспитаннаго городской безтолковой сутолокой. Но остаться жить въ этой усадьбѣ ему уже нельзя: традиція жизни тутъ оборвалась, воцари-

лась мерзость запустѣнія. Нуженъ гигантскій трудъ, чтобы эта пустыня снова зажила, но «нищему, слабому духомъ» этотъ трудъ не по плечу, и онъ повлечется опять въ «оазисъ», отлично зная, что и тамъ его ждетъ «безсвязная и безсмысленная жизнь». Въ итогѣ этихъ перебоевъ у Бунинскаго героя получается пониманіе, что старый помѣщичій бытъ не могъ «не погибнуть при первомъ столкновеніи съ новою жизнью», и что онъ самъ, какъ запоздалый обломокъ этого быта, обреченъ также на то, чтобы уступить мѣсто новымъ силамъ, а природа научитъ его «кроткому смиренью тишины и увяданья». И сынъ старой, рушащейся усадьбы помолится:

О, пускай скорѣе умираетъ
Этотъ жуткій, этотъ тусклый день!

Его «томитъ гнѣзда родного запустѣнье». Пора смѣнить старыхъ нерадивыхъ хозяевъ, покинувшихъ свои гнѣзда, предоставившихъ полямъ и лѣсамъ глохнуть безъ заботы. Старый домъ, обреченный тлѣнію, говоритъ:

«Я жду веселыхъ звуковъ топора,
Жду разрушевья дерзостной работы,
Могучихъ рукъ и смѣлыхъ голосовъ!
Я жду, чтобъ жизнь,—пусть даже въ грубой силѣ,
Вновь расцвѣла изъ праха на могилѣ...»

Такъ писалъ Буниъ въ 1903-мъ году, чуя надвигающіяся событія и ожидая отъ нихъ обновленія жизни, хотя уже и тогда прозрѣвалъ, въ какія формы отольются проявленія «грубой силы» въ деревнѣ. Въ разсказѣ «Золотое Дно» кучеръ Корнѣй, молодой мужикъ съ умными глазами, впадаетъ въ ярость при мысли, что «земля по купчишкамъ расходится, а не по народу», и у него вырывается затаенная мечта: «Ну, вотъ ихъ-то, чертей, и зажать въ тѣсномъ мѣстѣ»! Баринъ настораживается. «Слѣдовало бы?»—спрашиваетъ онъ. Но «Корнѣй отводитъ глаза въ сторону» и обрываетъ разговоръ. Другой разъ у Корнѣя проскальзываетъ надежда на иное будущее: «Все что-нибудь будетъ»... Баринъ опять хочетъ заглянуть въ мужицкую душу: «Что же?»—Да что-нибудь будетъ... Разойдется народъ по другимъ мѣстамъ, либо еще какъ...—«А какъ? Какъ иначе?» Но Корнѣй опять «отводитъ глаза куда-то въ сторону» и круто мѣняетъ тему разговора. Въ другой разъ баринъ услышитъ въ вагонѣ, какъ мужики толкуютъ о грядущихъ «бо-ольшихъ дѣлахъ», и захочетъ прислушаться, но рыжій мужикъ «съ загадочно-серьезными и злыми глазами» захлопнетъ у него подъ носомъ дверь, рѣзко замѣтивъ:

— Не господское это дѣло мужицкія побаски слушать.

Наступила пора «бо-ольшихъ дѣлъ». Пока они совершались, Буниnъ ни словомъ на нихъ не откликнулся. Всю тяжесть того, что онъ тогда пережилъ, мы можемъ угадывать только по строкамъ, написаннымъ имъ значительно позже и обращеннымъ къ праху давно почившихъ крѣпостныхъ крестьянъ:

Миръ вамъ, неотмщенные! Свидѣтель
Великаго и подлаго, безспльный
Свидѣтель звѣрствъ, разстрѣловъ, пытокъ, казней,
Я, чье чело отмѣчено навѣки
Клеймомъ раба, невольника, холопа,
Я говорю почившимъ: «Спите, спите!
Не вы одни страдали: внуки вашихъ
Владыкъ и повелителей испили
Не меньше васъ изъ горькой чаши рабства!»

Того же, что произошло тогда вокругъ усадебъ, Буниnъ лишь слегка коснулся въ повѣсти «Деревня», введя эти событія какъ деталь въ общую характеристику деревенскихъ настроеній и быта. У всѣхъ еще свѣжа въ памяти ужасающая картина, развернутая въ этой повѣсти. Грязь, развратъ, пищета, невѣжество, водка, сифилисъ, жестокость, дикіе, пещерные инстинкты, угрюмое варварство,—вотъ мрачные владыки, безраздѣльно царящіе, по наблюденіямъ писателя, среди нашего крестьянства. Если старые хозяева усадебъ довели «золотое дно» до «цѣлой поэмы запустѣнія», то крестьяне, если вѣрить Буниnу, ставъ хозяевами, доведутъ страну до полнаго одичанія. Если и выдѣлится изъ нихъ среды энергичная натура, вродѣ Тихона Красова, то и онъ хозяйничаетъ, какъ хищникъ, внося въ жизнь не устроеніе, а всяческое разложеніе, и въ концѣ-концовъ самъ проклянетъ и броситъ трудъ всей своей жизни.

И только что вышедшій сборникъ Бунина: «Суходолъ» подтверждаетъ безотрадную характеристику русской деревни. Къ этому прибавляется еще окончательное отреченіе автора отъ всяческаго «обольщенія стариною» дворянскаго крѣпостного быта. «Ни къ разумной любви,—пишетъ онъ,—ни къ разумной ненависти, ни къ разумной привязанности, ни къ здоровой семейственности, ни къ труду, ни къ общежитію не были способны въ Суходолѣ. Чуть не поголовно страдали тѣлесными и душевными недугами всѣ Хрущовы изъ поколѣнія въ поколѣніе, равно какъ и близкіе ихъ. Нелѣпыми и страшными былями полна суходольская лѣтопись. Мы послѣдніе въ этой лѣтописи, мы порвали послѣднія нити, связывавшія насъ съ землею. Даже самое имя Хрущовыхъ скоро исчезнетъ навсегда. Но, право, мысль объ этомъ только радуетъ меня теперь». И нѣсколькими строками ниже авторъ подтверждаетъ, что тутъ идетъ

рѣчь не о случайномъ, вырождающемся родѣ, а о русскомъ дворянствѣ вообще, о всѣхъ «старыхъ барскихъ гнѣздахъ». Въ грозномъ, всесокрушающемъ вырожденіи готовъ Бунинъ видѣть ключъ къ пониманію всей современной русской дѣйствительности, и деревенской, и интеллигентской.

Такова безутѣшная картина, которую рисуетъ въ послѣднихъ своихъ произведеніяхъ Бунинъ, достигая именно въ нихъ наибольшаго художественнаго мастерства. Какой поразительный контрастъ съ той идеализаціей русскаго мужика, которую находимъ въ «Запискахъ охотника» Тургенева! Быть можетъ, историческая закономѣрность сказалась на этихъ двухъ полюсахъ: реалистическая реакція противъ идеализаціи добраго стараго времени должна была дойти до своего завершенія, увлеченіе свѣтлыми тонами должно было быть искупленнымъ неменьшимъ увлеченіемъ черными пятнами. Если это такъ, то Бунинъ довелъ этотъ процессъ до предѣла. Дальше должно начаться возстановленіе равновѣсія, и, быть можетъ, самому же Бунину дано будетъ выполнить эту задачу. Почему бы и нѣтъ? Вѣдь юбилей застаетъ его въ полномъ расцвѣтѣ таланта и работоспособности, любовь его и чуткость къ русской жизни стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, а склонность его къ синтетическому міропониманію, сказавшаяся въ его лирикѣ, не дастъ ему успокоиться на пессимистическомъ пониманіи нашей дѣйствительности.

Эпиграфомъ къ «Суходолу» онъ ставитъ стихи:

Вези, грады выхожу,
Русь обдумаю, выгляжу...

Если сегодня онъ «выглядѣлъ» въ нашихъ вѣсяхъ и градахъ только врага, который грозитъ намъ гибелью, и поставилъ его передъ нами во всей его мрачной силѣ, то завтра, освободивъ свою душу отъ переполнившей ее скорби и боли, онъ сможетъ увидѣть хотя бы зачатки той бодрой силы, которая сулитъ воздвигнуть на мѣстѣ разрушающейся ветоши прочное зданіе новой жизни.

Къ юбилею Д. Н. Мамина-Сибиряка товарищество «Просвѣщеніе» выпустило, въ качествѣ перваго тома собранія его сочиненій, романъ «Золото», одинъ изъ лучшихъ романовъ этого знатока и бытописателя жизни уральскихъ горныхъ заводовъ въ пору ихъ перехода отъ крѣпостного труда къ свободному. Маминъ-Сибирякъ—ветеранъ нашей литературы, одинъ изъ немногихъ могиканъ той, нѣкогда широкой полосы, которая ставила себѣ задачей отразить въ беллетристической формѣ сложные процессы, переживавшіеся со-

временнымъ обществомъ подъ вліяніемъ эпохи великихъ реформъ. Въ этой группѣ писателей Маминъ-Сибирякъ занималъ видное мѣсто не только потому, что разрабатывалъ область, которую онъ одинъ только зналъ среди нашихъ литераторовъ, и зналъ превосходно, но и потому, что обладалъ несомнѣннымъ беллетристическимъ талантомъ, яркимъ темпераментомъ, своеобразнымъ языкомъ и художественнымъ чутьемъ. Это чутье не позволяло ему злоупотреблять, подобно многимъ его соратникамъ, введеніемъ въ беллетристику прозаическаго тенденціознаго элемента. Благодаря такимъ свойствамъ, романы Мамина-Сибиряка сохраняютъ и доселѣ не одинъ только историческій интересъ.

С. Адріановъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Прогрессивная часть старообрядчества. — Политическія письма старообрядцевъ и ихъ организованная работа на выборахъ.—Корни конституціи, окрѣпшіе въ тусклое пятилѣтіе.—Характеръ послѣднихъ забастовокъ.—Октябристы въ роли негодующихъ протестантовъ.—Гнѣвъ праваго помѣщика на правительство и духовенство. — Чего ждать въ будущемъ отъ организованнаго духовенства.—Уроки нынѣшнихъ выборовъ.

На Волгѣ на пароходѣ подошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ съ благообразнымъ лицомъ.

— Не узнаете?—застѣнчиво сказалъ онъ, протягивая руку.

Вглядѣвшись, съ трудомъ призналъ я знакомое когда-то юношеское лицо, опушенное теперь густой бородой. Это былъ человѣкъ далеко незаурядный. По происхожденію онъ старообрядецъ. Окончивъ курсъ въ среднемъ учебномъ заведеніи, онъ не только не оторвался отъ старообрядчества (какъ обычно бываетъ), а еще больше прилѣпился къ нему, рѣшивъ посвятить свои силы искреннему служенію старообрядческой средѣ. Былъ онъ сначала учителемъ въ старообрядческой школѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ потерпѣлъ здѣсь первое, большое крушеніе. Въ освободительный періодъ онъ оказался въ числѣ лѣвыхъ. Убѣжденій своихъ не только не скрывалъ, но дѣлился ими съ окружающей средой, и умѣренное старообрядческое

купечество постаралось отдалить его отъ себя. Мѣсто было потеряно. Ему пришлось со своей семьей пережить довольно горькое время. И все же отъ старообрядчества онъ не оттолкнулся.

Теперь, при встрѣчѣ, съ интересомъ сталъ я разспрашивать его объ обстоятельствахъ его личной жизни и о настроеніи старообрядческой среды. Оказалось, что все понемножку наладилось. За послѣдніе годы въ старообрядчествѣ выросла довольно солидная прогрессивная группа, и онъ занялъ въ ней замѣтное мѣсто. Поправилось и матеріальное положеніе: онъ былъ теперь учителемъ въ частномъ среднемъ учебномъ заведеніи и редакторомъ старообрядческаго журнала.

Заговорили о выборахъ.

— Кандидатуру свою не думаете ставить?—спросилъ я.

— Думаю,—откровенно сказалъ онъ, хотя съ нѣкоторой заминкой, и даже какъ будто съ опаской поглядѣлъ на меня.

Колебаніе его черезъ минуту стало понятнымъ.

—Прогрессивная часть старообрядчества,—разсказывалъ онъ,— намѣтила трехъ лицъ въ кандидаты въ четвертую Думу. Но вышла вотъ какая досада: московскія газеты поспѣшили опубликовать имена этихъ трехъ кандидатовъ, и одного немедленно «разъяснили», а другой привлеченъ къ суду за изданіе своей книги. Остался пока я одинъ. Боюсь, какъ бы и меня не разъяснили или не привлекли къ суду. Что-нибудь придумаютъ.

И, нерѣшительно поглядывая на меня, онъ добавилъ:

— Мнѣ кажется, напрасно газеты спѣшатъ сообщать имена кандидатовъ оппозиціи. Вредъ отъ этого выходитъ. Открываютъ глаза администраціи, и она пользуется этимъ.

Мы подробно поговорили на эту странную тему. Припомнили многихъ лицъ, которыхъ населеніе намѣтило желательными кандидатами. Прогрессивныя газеты съ торжествомъ опубликовали эти имена, а въ результатѣ: высылки, «разъясненія», привлеченія къ суду по всякимъ случайнымъ поводамъ. Дѣйствительно, нужно было согласиться, что газеты, не желая того, довольно много причинили вреда оппозиціи. Выходило какъ на войнѣ, гдѣ иной разъ справедливо не допускаютъ корреспондентовъ, чтобы они преждевременно не раскрыли врагу военныхъ секретовъ, плановъ передвиженія, состава отрядовъ и т. д. Выборы, оказывается, не только далеко не носили характера обращенія правительства къ населенію съ довѣрчивой просьбой прислать наилучшихъ, облеченныхъ довѣріемъ лицъ для облегченія правительства въ законодательной работѣ, — нѣтъ, выборы, больше походили на странную внутреннюю войну, съ хитростями, подвохами, обходами, капка-

нами и волчьими ямами. И въ этой неестественной атмосферѣ не совсѣмъ естественной оказалась и дѣятельность прогрессивныхъ газетъ: по странному выверту обстоятельствъ, извѣстной свободы печати въ это время склонны были желать власти (подстерегая лѣвыя имена и лѣвыя программы), въ то время какъ, наоборотъ, прогрессивная часть населенія, возводящая въ основной принципъ свободу печати, на этотъ разъ очень желала видѣть въ газетахъ сдержанность и умолчаніе. А газеты, простодушно идя по своей прямой дорогѣ, долго не могли догадаться, что энергично служа гласности, онѣ во время выборовъ своей откровенностью совершаютъ политическую безтактность!... Такъ при ненормальной государственности принуждены перекрещиваться общественныя функціи.

О встрѣчѣ на пароходѣ со старообрядцемъ мнѣ вскорѣ пришлось вспомнить. Въ началѣ сентября мною было получено отъ одного видного старообрядческаго дѣятеля слѣдующее письмо (выпускаю въ немъ, ради осторожности, хотя выборы теперь уже и закончены,—всѣ имена): «Простите, что, не имѣя чести быть лично съ вами знакомымъ, обращаюсь къ вамъ съ этимъ письмомъ. Сдѣлать это я рѣшилъ по слѣдующимъ причинамъ. Совѣщаніемъ группы старообрядцевъ различныхъ политическихъ (прогрессивныхъ) взглядовъ были намѣчены выборщиками отъ старообрядцевъ въ четвертую Гос. Думу три лица (авторъ письма называетъ ихъ; въ томъ числѣ упомянуто лицо, встрѣченное мною на Волгѣ). Были намѣчены и другіе выборщики по другимъ мѣстамъ, но троихъ вышеуказанныхъ постановлено было проводить обязательно въ виду того, что четвертая Дума будетъ, повидимому, клерикальная, а между тѣмъ въ ней снова будутъ подняты старообрядческіе и прочіе вѣроисповѣдные и церковные вопросы. Поэтому крайне необходимо, чтобы въ Думѣ оказались вполнѣ компетентные и опытные въ этихъ вопросахъ представители и отъ диссидентовъ, и притомъ прогрессивные. Указанные кандидаты фактически направляютъ старообрядческую печать и даютъ тонъ въ общественной жизни старообрядчества на съѣздахъ и совѣщаніяхъ, отлично знаютъ старообрядчество и сектантовъ, имѣютъ массу связей по всѣмъ уголкамъ Россіи, постоянно съ 1905 г. приглашаются участвовать въ различныхъ совѣщаніяхъ по церковно-общественнымъ вопросамъ, устраиваемыхъ, напримѣръ, представителями кадетовъ, въ совершенствѣ знаютъ исторію церкви, каноническое право и творенія отцовъ церкви, что особенно было бы важно въ четвертой Думѣ для отраженія нападеній клерикаловъ ихъ же оружіемъ,—и поэтому они какъ разъ подходятъ къ указанной роли. Послѣдній при томъ же образованный человѣкъ, десять лѣтъ работающій на педагогическомъ поприщѣ.

Къ сожалѣнію, два лица—я и г. N.—предусмотрительно «разъяснены». Тѣмъ необходимѣе провести г. NN (лицо, встрѣченное мною на Волгѣ). Но вотъ онъ сообщаетъ, что едва ли сможетъ исполнить порученіе старообрядцевъ—выставить свою кандидатуру по гор. N, такъ какъ тамъ группой интеллигенціи выставлена еще кандидатура отъ трудовиковъ прис. пов. г. К. И хотя кандидатура г. К. многими сильно оспаривается, какъ человѣка не мѣстнаго, и противъ нашего кандидата ничего не имѣется, поддерживаютъ же г-на К. потому, что онъ раньше выставленъ, но г. NN, и прежде лично неохотно, лишь по настоянію совѣщанія старообрядцевъ, согласившійся выставить свою кандидатуру во имя общихъ интересовъ, теперь почти отказывается отъ выполненія даннаго ему порученія, такъ какъ боится разбить прогрессивные голоса, вслѣдствіе чего можетъ проскочить черный, и притомъ попъ. Нужно, однако, сказать, что за NN все-таки будутъ голосовать всѣ старообрядцы, безъ различія согласій, а также приказчики и мѣстное мѣщанство, среди котораго его имя очень популярно. При томъ же, какъ вы уже могли видѣть, провести его въ Думу прямо необходимо въ интересахъ всего старообрядчества, такъ что его кандидатура имѣетъ не мѣстное только, но и всероссійское значеніе; да, думается, и всякой прогрессивной партіи далеко не безразлично, кто будетъ въ Думѣ говорить и работать отъ старообрядцевъ—искренній демократъ, хотя и безпартійный, или какой-нибудь полуграмотный карьеристъ изъ «націоналистовъ» и т. п. Поэтому я обращаюсь къ вамъ, увѣренный, что выражаю мнѣніе всего старообрядчества, съ большой просьбой»...

Ошибочно полагая, что онъ обращается къ лицу, принимающему значительное участіе вообще въ выборахъ, а въ частности—въ томъ уѣздномъ городѣ, которымъ заинтересованы старообрядцы, авторъ письма просилъ меня поддержать ихъ кандидата и уговорить его противника снять кандидатуру.

«Я совсѣмъ не знаю г. К.,—продолжаетъ авторъ письма,—но думаю, что одинъ лишній адвокатъ, даже талантливый и краснорѣчивый, не будетъ имѣть такого значенія въ Думѣ въ смыслѣ привлеченія вниманія къ работѣ прогрессивной половины Думы, какъ NN, на котораго будутъ обращены взоры милліоновъ старообрядцевъ. Старообрядчество, даже купечество, извѣрилось въ октябристахъ, окончательно и почти поголовно отвернулось отъ правыхъ,—оно можетъ сыграть большую роль въ смыслѣ борьбы съ клерикализмомъ и черносотенствомъ своей сплоченностью, выдержкой, вліяніемъ и богатствомъ. И нужно его на этомъ пути поддерживать. А отсталые его элементы просвѣщать, привлекая ихъ вниманіе къ политической борьбѣ за вѣру и свободу».

Недѣли черезъ три было получено мною другое письмо, на этотъ разъ отъ самого кандидата, упоминаемаго выше. Онъ писалъ: «Мнѣ г. Х. сообщилъ содержаніе вашего письма къ нему въ отвѣтъ на его письмо относительно моей кандидатуры по гор. N. Въ настоящее время я въ этомъ городѣ и все-таки вынужденъ былъ, какъ это ни непріятно, выставить свою кандидатуру при наличности другой прогрессивно-народной кандидатуры, такъ какъ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ нашихъ старообрядческихъ передовыхъ элементовъ и мнѣніемъ ц. к. народной свободы, который, даже завѣдомо зная, что я лѣвый, все-таки поддерживаетъ меня,—мнѣніемъ, что съ точки зрѣнія не партійной и не мѣстной, а съ точки зрѣнія общей всероссійской политической ситуаціи даннаго момента, когда старообрядцы будутъ имѣть на выборахъ серьезное значеніе, моя кандидатура важнѣе, чѣмъ кандидатура представителя петербургской группы г. К., ибо я являюсь, вѣроятно, единственнымъ представителемъ въ Думѣ отъ прогрессивнаго слоя въ старообрядчествѣ, представителемъ вполнѣ компетентнымъ въ волнующихъ его вопросахъ, при чемъ и вообще мои прогрессивныя убѣжденія достаточно извѣстны».

Авторъ письма просилъ передать этотъ вопросъ на обсужденіе въ ту группу, которая выставила кандидатуру г. К., съ тѣмъ, чтобы, при благопріятномъ рѣшеніи, кандидатура эта была немедленно снята и мѣсто выборщика предоставлено ему, автору письма.

Къ сожалѣнію, группа осталась при прежнемъ рѣшеніи. Къ еще большему сожалѣнію, старообрядецъ NN все же выставилъ свою кандидатуру, хотя самъ же предвидѣлъ опасность, что при раздѣленіи голосовъ «можетъ проскочить черный, и при томъ попъ».

Однако, все обошлось благополучно. «Черный» священникъ получилъ всего десятую часть голосовъ. Приблизительно столько же получилъ старообрядецъ NN. Остальными голосами былъ избранъ кандидатъ трудовиковъ. За него, оказывается, голосовали и мѣщане, и большинство старообрядцевъ, хотя и былъ онъ, дѣйствительно, «чужакомъ» для этого города. Сказалась предварительная организаціонная работа, а главное—преемственность съ первой Думой, которую подчеркивалъ этотъ кандидатъ.

Фактъ маленькій, но довольно утѣшительный, такъ какъ онъ свидѣтельствуетъ о нѣкоторой уже прочности политическаго воспитанія въ уѣздныхъ захолустьяхъ.

Но несравненно, мнѣ кажется, значительнѣе по общественному значенію то, что приоткрываютъ письма старообрядцевъ. Если вспомнить, что эти серьезные голоса раздаются изъ той среды, которая всего 10—15 лѣтъ назадъ молчаливо томилась въ религіозномъ и

гражданскомъ подпольѣ—то нельзя не подивиться и не порадоваться. Теперь въ этой средѣ уже имѣется солидная прогрессивная группа, достаточно созрѣвшая въ смыслѣ политическаго самосознанія. Она хорошо понимаетъ значеніе представительнаго учрежденія и не только тратитъ большія усплія, чтобы провести въ Думу своихъ представителей, но и развиваетъ для этого довольно стройную предварительную организаціонную работу.

Можно, слѣдовательно, считать, что пережитое тусклое пятилѣтіе не прошло безслѣдно. Если на поверхности жизни наша доморощенная конституція хирѣла, какъ чахлое растеніе, въ видѣ третьей Думы, то въ слояхъ населенія ея корни неслышно укрѣплялись, забираясь все глубже. И старообрядчество—уже значительная глубина!...

Такими же признаками внутренняго закрѣпленія конституціи хочется считать недавнія забастовки, неожиданно охватившія такіе громадные заводы, какъ Путиловскій, Невскій сталелитейный и другіе. Заводы бастовали потому, что не были утверждены администраціей нѣкоторые уполномоченные, а затѣмъ и выборщики рабочихъ. Фактъ довольно знаменательный и достаточно внушительный. Казалось бы, какой смыслъ рабочимъ волноваться изъ-за четвертой Думы, въ которой ихъ представителямъ суждена безсильная роль. Конечно, рабочіе, охваченные въ общей массѣ духомъ соціалъ-демократизма, не могутъ заблуждаться относительно практическаго значенія для пролетаріата пынѣшней Думы. Но тѣмъ глубже смыслъ ихъ протеста. Очевидно, было оскорблено ихъ гражданское чувство, затронуто внутреннее право, которое стало слагаться въ этой массѣ избирателей. Конституція для нихъ уже не отвлеченность (какъ было даже во время первой Думы, когда та же рабочая масса бойкотировала выборы во имя идеальнаго, призрачнаго пролетарскаго парламента). Они уже какъ будто сознали (или почувствовали безсознательно, а это, можетъ быть, еще значительнѣе), что, какъ ни плоха существующая Дума, но это—реальность, это—зародышъ подлиннаго народнаго представительства, это—выходъ, хоть и узкій, черезъ который можно направлять свои требованія, это—трибуна, съ которой будешь услышанъ не только Россіей, но и всѣмъ міромъ. Конечно, протестуя противъ пынѣшнихъ выборовъ, рабочіе въ своихъ резолюціяхъ указали также широкія политическія требованія, въ видѣ всеобщаго избирательнаго права и т. д., но все же не въ этомъ, мнѣ кажется, главная суть. Знаменательно, что поводъ къ широкому выступленію былъ какъ будто незначительный. Слѣдовательно, онъ долженъ былъ коснуться чего-то живого, органически выросшаго въ рабочей средѣ. И если это новое, это живое чувство

можно считать чувствомъ гражданственности, то слѣдуетъ признать, что пережитое безвременье не прошло даромъ.

Третья Дума, четвертая, пятая, десятая,—все это преходящія явленія, одни—лучше, другія хуже. Главная суть въ томъ, укрѣпляются ли въ странѣ корни конституціи. Протекающіе выборы даютъ нѣкоторые намеки на это, показывая, что населеніе уже морщится отъ боли и гнѣва, когда администрація пробуетъ вырвать или затоптать корешки новаго права. И крѣпость, жизненность и процвѣтаніе нашей конституціи, конечно, въ несравненно большей степени зависятъ отъ дальнѣйшаго укрѣпленія этихъ корней, чѣмъ отъ временнаго торжества гг. Марковыхъ и Пуришкевичей въ четвертой Думѣ.

Нынѣшніе выборы протекали въ такой исключительной, неслыханной атмосферѣ административнаго воздѣйствія, содѣйствія и пресѣкательства, газеты несли и несутъ со всѣхъ сторонъ сотни и тысячи такихъ краснорѣчивыхъ фактовъ, освѣщающихъ духовно-полицейско-правую выборную кампанію, что кажется даже какъ будто страннымъ выбирать изъ этой необъятной массы десятокъ-другой фактовъ и обрисовывать то,что сейчасъ яснѣе дня для всей Россіи,— а именно то, что четвертая Дума является дѣтищемъ правительства и синода, что громаднѣйшая часть населенія была фактически отброшена отъ выборовъ и что сверхмѣрное усердіе администраціи и духовенства довело дѣло до той непріятной для самого правительства черты, гдѣ трагедія русскаго безправія стала уже казаться почти водевилемъ.

Ужъ куда идти дальше, если даже А. И. Гучковъ на октябристскомъ предвыборномъ собраніи въ Москвѣ заявилъ, что правительство хочетъ, чтобы въ Гос. Думу вошли представители съ ярлыкомъ: «Разрѣшено губернаторомъ и дозволено синодомъ». И затѣмъ ораторъ продолжалъ почти въ эсъ-эровскомъ духѣ: «Поэтому въ четвертой Думѣ законодательная работа должна отойти на второй планъ. Октябристы должны прежде всего протестовать противъ фальсификаціи народнаго представительства».

Если ужъ октябристы собираются заниматься на думской трибунѣ главнымъ образомъ, протестами и изобличеніями, то не достаточно ли этимъ охарактеризованы четвертая Дума и траги-комедія предвыборной борьбы изъ-за нея?..

Горизонтъ внутренней политики до того тусклъ и мраченъ, что хочется видѣть въ этой сгущенности мрака признаки его недолговѣчности. Одинъ выборщикъ, пріѣхавшій изъ Волынской губерніи, отмѣчаетъ кое-какіе намеки на подобные признаки.

— Ко мнѣ пришелъ,—разсказываетъ выборщикъ,—одинъ изъ

правыхъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Взволнованный, разсерженный, потрясенный. «Вы—лѣвый,—сказалъ онъ,—и вы мнѣ политическій врагъ. Я всегда буду съ вами бороться. Но позвольте съ вами согласиться, что правительство, дѣйствительно, поступаетъ дурно, объединившись съ этими священниками. Извольте видѣть, они отбросили меня,—меня, праваго по убѣжденіямъ и притомъ помѣщика! Отбросили также и многихъ другихъ правыхъ помѣщиковъ. Во имя чего? Для какой цѣли? Правительство въ сущности отбрасываетъ, въ лицѣ насъ, своихъ наиболѣе крѣпкихъ и прочныхъ защитниковъ. Оно организовало духовенство. Но позвольте! Сегодня духовенство дѣйствовало по указкѣ правительства, а завтра оно сорганизуется для своей цѣли. И вѣдь духовенство отъ деревни не оторвешь. Оно все же ближе не къ намъ и не къ правительству, а къ мужику, съ которымъ живетъ плечо къ плечу. Вы научили его организоваться, вы дали ему сознать свою силу,—пу вотъ, и увидите въ недалекомъ будущемъ, какъ эта сила окажется противъ васъ въ рукахъ лѣвыхъ организацій»!..

Въ этихъ словахъ напуганнаго и обозленнаго помѣщика мелькаетъ для оппозиціонной Россіи тѣнь бодрой надежды. Трудно, дѣйствительно, допустить, чтобы вся масса россійскаго духовенства оказалась преданной прочно и надолго правымъ организаціямъ. На нынѣшнихъ выборахъ сказалась долголѣтняя запуганность низшаго духовенства и привычное подчиненіе его епархіальной власти. Но испугъ проходитъ и рабьи привычки отпадаютъ, когда рядомъ паростаетъ новая, здоровая жизнь. Деревня, несомнѣнно, укрѣпляется новымъ духомъ, и это не можетъ не сказаться постепенно если не на всемъ сельскомъ духовенствѣ, то на значительной части его.

И еще важнѣе мысль помѣщика объ ошибкѣ правительства, научившаго духовенство организоваться. Суть не въ одномъ духовенствѣ. Выборы—вообще большая политическая школа для населенія. Безъ умѣнья организовать свои силы для населенія нѣтъ надежды на завоеваніе ни малыхъ, ни большихъ позицій. Разъ за разомъ предвыборныя кампаніи открываютъ глаза населенію и прививаютъ ему навыки сплачивать свои разрозненныя силы. Въ этомъ смыслѣ полезны не только собственные успѣхи, но и успѣшные пріемы враговъ.

Нынѣшніе выборы снова перетряхнули всю Россію. Наука не пройдетъ безслѣдно.

И. Жилкинъ.

ПЕРЕДЪ ОТКРЫТІЕМЪ ЧЕТВЕРТОЙ ДУМЫ.

Когда мы пишемъ эти строки, послѣдній фазисъ выборовъ еще не начался, но результатъ ихъ предвидѣть нетрудно; онъ въ значительной степени предрѣшенъ составомъ выборщиковъ. Торжество «правыхъ» едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Четвертой Думѣ суждено, по всей вѣроятности, превзойти третью въ игнорированіи народныхъ нуждъ и желаній, въ служеніи интересамъ небольшого меньшинства, идущимъ въ разрѣзъ съ интересами массы. Неудивительно, что въ сферахъ, всего болѣе способствовавшихъ этому результату, чувствуется нѣкоторая неловкость. Къ упоенію успѣхомъ примѣшивается потребность въ извиненіи или оправданіи. И стоитъ только приглядѣться къ попыткамъ самозащиты, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что произошло нѣчто неслыханное и небывалое, нѣчто далеко оставляющее за собою всѣ извѣстные до сихъ поръ способы «руководительства» выборами.

Какъ только обрисовалась роль, отведенная духовенству въ выборной кампаніи, съ разныхъ сторонъ были сдѣланы указанія на то, что главная опасность заключается не въ переполненіи Думы депутатами-священниками, а въ проведеніи, священническими голосами, подавляющаго числа крайнихъ правыхъ изъ среды мірянъ. Совершенно напрасно, поэтому, оффиціозная газета старается затемнить ясное для всѣхъ, вопрошая: «гдѣ та священническая Дума, которою столько времени пугали»? Совершенно напрасно она восхваляетъ смиреніе духовенства, далекаго отъ мысли о безмѣрномъ увеличеніи числа своихъ представителей въ Государственной Думѣ. Не это увеличеніе было задачей, поставленной передъ нимъ волею начальства. Не наводненіе Думы священниками имѣлось въ виду— оно было бы слишкомъ ненормально, слишкомъ рѣзало бы глаза; противъ него говорила самая простая осторожность. Мобилизація силъ, предпринятая Синодомъ по соглашенію съ органами свѣтской власти и проведенная епископами, консисторіями и благочинными, преслѣдовала другую цѣль: сломить, съ помощью эластичнаго избирательнаго закона, силу оппозиціонныхъ элементовъ и обезпечить торжество прошедшаго надъ будущимъ. Для этого нужно было не-

соразмѣрно большое число священниковъ-выборщиковъ—но вовсе не нуженъ, скорѣе даже вреденъ былъ бы избытокъ священниковъ-депутатовъ.

«Духовенство»—говорятъ намъ далѣе, — «отнеслось къ выборамъ лишь какъ къ возможности осуществить дарованное ему право, дабы этимъ послужить родной церкви, натискъ противъ которой давно уже волновалъ умы и требовалъ отпора». Если такъ велико было волненіе, охватившее служителей церкви, если такъ сильно было ихъ добровольное, свободное стремленіе къ избирательнымъ урнамъ, то какой же смыслъ имѣла сѣть приказаній и понужденій, охватившая сельское духовенство, поднявшая его съ мѣстъ, заставившая его совершить своего рода «великое переселеніе народовъ?» Если оно сознавало, кому и въ чемъ слѣдуетъ дать «отпоръ», и чувствовало потребность присоединиться къ этому отпору, то зачѣмъ же ему были даны инструкціи, нарушеніе которыхъ грозило неопредѣленною, но тѣмъ болѣе страшною отвѣтственностью? Какъ объяснить то характерное явленіе, что въ огромномъ большинствѣ епархій священники являлись на съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ почти поголовно, подавляя своею численностью небольшія группы мірянъ и посылая десятки своихъ представителей въ уѣздные съѣзды, а въ петербургской епархіи — одной изъ немногихъ, гдѣ, повидимому, духовенство было предоставлено самому себѣ,—священниковъ было избрано въ уѣздные съѣзды только *два*, мірянъ— *сто пятьдесятъ три*?.. Пользованіе избирательнымъ правомъ, само по себѣ взятое, вполнѣ естественно и законно; никто не поставилъ бы его въ вину священникамъ, если бы не обращеніе права въ обязанность, свободнаго дѣйствія — въ подневольное, если бы не преднамѣренность въ организаціи съѣздовъ, раздробляемыхъ или не раздробляемыхъ сообразно съ видами «руководителей» выборной кампаніи... [1]). Напрасно, наконецъ, оффиціозная газета направляетъ все свое негодованіе противъ печати, обижающей, будто бы, бѣдное, ни въ чемъ неповинное духовенство. «Россіи» не мѣшало бы вспомнить, какой протестъ искусственное размноженіе священниковъ-избирателей вызвало во многихъ уѣздныхъ съѣздахъ со стороны свѣтскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которыхъ никакъ

[1]) Вотъ, напримѣръ, что пишутъ въ «Рѣчь» № 274 изъ Тамбова: въ Тамбовской губерніи нераздѣленными остались тѣ уѣзды — Темниковскій, Моршанскій, Тамбовскій и Елатомскій, — гдѣ возможна побѣда прогрессистовъ, т. е. для торжества надъ ними нужна поддержка духовенства. Въ остальныхъ уѣздахъ, гдѣ обезпечена побѣда правыхъ, духовенство выдѣлено въ особую группу. Въ этихъ случаяхъ, очевидно, рѣшающимъ моментомъ послужило попеченіе о дворянствѣ.

нельзя заподозрить ни въ крайней оппозиціонности, ни въ систематическомъ нерасположеніи къ духовенству...

Одновременно съ оффиціозной газетой толкователемъ и защитникомъ синодской политики въ области выборовъ выступилъ, въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ «Земщины», самъ синодальный оберъ-прокуроръ В. К. Саблеръ. По его словамъ, «рѣшительно всѣ общія наставленія относительно участія въ выборахъ преподаны православному духовенству единодушнымъ рѣшеніемъ высшихъ іерарховъ, образующихъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, и въ совершенномъ, къ тому же, соотвѣтствіи съ мнѣніемъ объединеннаго правительства: оберъ-прокуроръ является въ данномъ случаѣ прямымъ уполномоченнымъ Св. Синода, и эту задачу выполняетъ тѣмъ болѣе охотно, что онъ и самъ находится въ полнѣйшемъ единомысліи съ іерархами, отъ всего сердца преклоняясь передъ тѣмъ единственно-каноническимъ разрѣшеніемъ вопроса, какое принято св. церковью... Напрасно увѣряютъ, будто происходитъ нарушеніе свободы выборовъ и производится давленіе на совѣсть священнослужителей. Послѣдніе, вступая на свободно избранный ими путь, свободно даютъ обѣтъ строгаго исполненія всѣхъ церковныхъ уставовъ и потому, повинуясь голосу высшей духовной іерархіи, поступаютъ этимъ самымъ именно такъ, какъ имъ велитъ православная совѣсть ихъ». Первая часть этой цитаты интересна только какъ оффиціальное подтвержденіе той роли, которую приняла на себя, въ выборной кампаніи, высшая церковная іерархія; но тѣмъ знаменательнѣе вторая. Да, священники принимая на себя этотъ санъ, обязуются исполнять церковные уставы; но какимъ церковнымъ уставомъ предусмотрѣнъ образъ дѣйствій священника въ такомъ чисто свѣтскомъ дѣлѣ, какъ избраніе членовъ Государственной Думы? Къ участію въ этомъ дѣлѣ священники призываются не церковью, а государствомъ, призываются не какъ служители алтаря, а какъ граждане, свободные въ своихъ поступкахъ и отвѣтственные только передъ закономъ и передъ своею совѣстью. Обязанность послушанія всегда и вездѣ обусловливается законностью повелѣнія. Кто способенъ оцѣнять предъявляемыя ему требованія, на томъ лежитъ нравственный долгъ пользоваться этою способностью и дѣйствовать согласно съ тѣмъ, что она ему подскажетъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что этотъ долгъ многими избирателями-священниками былъ понятъ, но не былъ исполненъ. Сознавая, что никто не можетъ и не долженъ вторгаться въ ихъ внутренній міръ, диктовать имъ отвѣтъ на вопросъ, въ рѣшеніи котораго компетентны они одни, они уступали давленію, за которымъ чувствовалась, а можетъ быть и ясно сознавалась угроза. Бывали, вѣроятно, и случаи другого рода: пови-

нуясь глубокому убѣжденію, священникъ могъ голосовать не за тѣхъ кандидатовъ, которыхъ ему указало начальство. И здѣсь, однако, ему грозилъ тяжелый конфликтъ: передъ нимъ могла стать дилемма —или открыто признаться въ нарушеніи данныхъ ему «инструкцій», идя на встрѣчу всѣмъ послѣдствіямъ такого признанія, или сказать неправду, отречься отъ самого себя... Для насъ неясно, что разумѣетъ оберъ-прокуроръ св. синода подъ терминомъ: *православная совѣсть*; мы привыкли думать, что совѣсть не зависитъ ни отъ вѣроисповѣданія, ни отъ общественнаго положенія, и что въ разрѣзъ съ нею идетъ всякое вынужденное нарушеніе ея велѣній. Особенно тягостнымъ такое нарушеніе должно быть для тѣхъ, чье призваніе— проповѣдь искренности и честности.

Но, быть можетъ, несимпатичныя—выражаясь мягко—стороны голосованія по приказу выкупаются результатами, достигаемыми, благодаря ему, правительствомъ и церковью? Истинный интересъ власти, каковъ бы ни былъ, въ данную минуту, ея составъ, каковы бы ни были ея стремленія, заключается въ томъ, чтобы видѣть дѣйствительное положеніе вещей, слышать живой голосъ народа. Этого нельзя достигнуть, когда подъ видомъ избранниковъ населенія выступаютъ ставленники небольшого класса, сплоченнаго повелительнымъ mot d'ordre въ одно искусственное цѣлое. Получается, такимъ образомъ, только иллюзія, чреватая серьезными ошибками... Что касается до церкви, то никакому «натиску», требующему «отпора», она не подвергалась и не подвергается. Нельзя же считать натискомъ первые шаги по направленію къ свободѣ совѣсти — шаги, въ сущности столь же необходимые для господствующей церкви, какъ и для иновѣрцевъ. Содѣйствіемъ «свѣтской руки» православное духовенство въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ пользовалось въ избыткѣ—и результаты его не таковы, чтобы можно было желать его сохраненія или дальнѣйшаго усиленія... Или, быть можетъ, подъ именемъ «натиска» слѣдуетъ понимать теченіе, клонящееся къ объединенію начальной школы? Что къ нему можетъ отрицательно относиться «вѣдомство», отстаивающее свою власть и не желающее поступиться хотя бы ея крупицей— это болѣе или менѣе объяснимо; но какую опасность оно представляетъ для церкви? Наше школьное законодательство открываетъ духовенству полную возможность проявлять свою учительную дѣятельность во всякой школѣ, правительственной, земской, городской, частной—и если духовенство сравнительно мало пользуется этою возможностью, то упрекать въ томъ оно можетъ только самого себя. Содержать существующія и открывать новыя церковно-приходскія школы оно могло бы и при осуществленіи законопроекта, принятіе котораго третьей Думой — одно изъ немногихъ сравнительно удач-

ныхъ дѣлъ ея—вызвало противъ нея столько негодующихъ нареканій. Весь вопросъ сводится къ тому, чтобы начальное образованіе вездѣ получило надлежащую реальность и интенсивность, чтобы оно вездѣ было одинаково подчинено контролю государства, дающаго для него народныя средства, чтобы прекратилось, наконецъ, «вѣдомственное» соперничество, до сихъ поръ тормозящее развитіе безъ того уже крайне запоздавшаго дѣла [1]). Въ такой громадной и отсталой странѣ, какъ Россія, широкіе и прочные результаты въ такомъ дѣлѣ, какъ народное образованіе, могутъ быть достигнуты только общими, дружными усиліями, не встрѣчающими препятствій въ сословныхъ и классовыхъ перегородкахъ... Всего менѣе желательна обособленность именно церковно-приходскихъ школъ. Пока онѣ служили почти единственными органами просвѣщенія широкихъ народныхъ массъ, ихъ было до крайности мало; когда потребность въ образованіи стала чувствоваться сильнѣе, онѣ быстро и легко уступили мѣсто свѣтскимъ школамъ, земскимъ и городскимъ. Въ средѣ духовенства отсутствовали, очевидно, условія для ихъ свободнаго возникновенія и естественнаго развитія. Ихъ ростъ начался только тогда, когда онъ былъ признанъ нужнымъ въ интересахъ власти. Его интенсивность соразмѣрялась съ цифрою пособій изъ государственной казны. Отсюда неизбѣжная, глубокая разница между ними и школами, создававшимися иниціативой мѣстнаго населенія. Другое различіе, не менѣе важное, обусловливается подчиненнымъ положеніемъ учителя въ церковно-приходской школѣ и сравнительною самостоятельностью учителя въ школѣ

---

[1]) Объ этомъ соперничествѣ, начавшемся вслѣдъ за изданіемъ правилъ 1884-го года, часто и много говорилось въ обозрѣніяхъ и хроникахъ нашего журнала. Есть, повидимому, мѣстности, гдѣ оно ведется и теперь, въ весьма обостренныхъ формахъ. О цѣломъ рядѣ подобныхъ случаевъ намъ пишутъ изъ Радомысльскаго уѣзда (Кіевской губерніи). Въ одномъ селѣ, гдѣ предполагалось построить земское училище, священникъ упросилъ крестьянъ привезти лѣсъ для постройки священническаго дома, а когда это было исполнено—заявилъ, что лѣсъ привезенъ для постройки церковной школы. Управа, въ виду этого заявленія, рѣшила открыть земскую школу въ другомъ мѣстѣ. Въ другомъ селѣ, гдѣ существованіе двухкласснаго училища дѣлало излишней дальнѣйшую дѣятельность небольшой церковной школы, у крестьянъ было отобрано, вопреки ихъ волѣ, зданіе общественнаго хлѣбнаго магазина, для помѣщенія въ немъ и, слѣдовательно, для сохраненія въ селѣ церковной школы. Въ третьемъ селѣ, гдѣ отведено было крестьянами мѣсто подъ зданіе земской школы, на это мѣсто было предъявлено притязаніе священникомъ и тамъ былъ сложенъ лѣсъ для постройки церковной школы. Въ томъ же письмѣ сообщаются самыя печальныя свѣдѣнія о результатахъ обученія въ мѣстныхъ церковно-приходскихъ школахъ.

свѣтской. Конечно, послѣдній опутанъ цѣлою сѣтью надзора, легальнаго и сверхъ-легальнаго, явнаго и тайнаго; но все же онъ—первое лицо въ своей школѣ, все же роль его не сводится къ исполненію чужихъ приказаній. Въ церковно-приходской школѣ хозяинъ—священникъ; отъ его усмотрѣнія зависитъ доля самостоятельности, удѣляемая учителю. Наконецъ, въ церковно-приходской школѣ воспитательныя и образовательныя цѣли отступаютъ на второй планъ передъ задачами спеціальной, если можно такъ выразиться, муштровки; она стремится выработать не будущихъ гражданъ, а будущихъ прихожанъ. Для церковно-приходской школы свѣтская школа—не союзникъ, а соперникъ, иногда прямо врагъ, по отношенію къ которому допустимы и открытое противодѣйствіе, и военная хитрость. Священникъ видитъ въ свѣтской школѣ препятствіе къ исполненію требованій или, по меньшей мѣрѣ, желаній духовнаго начальства; духовное начальство не легко мирится съ ограниченіемъ круга его вліянія и власти. Учителю земской школы никто не поставитъ въ вину появленіе рядомъ съ нею школы церковно-приходской; руководитель церковной школы чувствуетъ себя какъ бы отвѣтственнымъ за отвлеченіе отъ нея части учениковъ въ сосѣднюю свѣтскую школу. Все это вмѣстѣ взятое ведетъ не только къ борьбѣ, менѣе всего желательной въ области народнаго образованія, но, во многихъ случаяхъ, къ пониженію результатовъ, достигаемыхъ церковно-приходской школой. По отношенію къ ней особенно часто слышится упрекъ въ недостаточности развитія и знаній, обнаруживаемой ея бывшими учениками. Степень основательности этого упрека могло бы раскрыть только широкое разслѣдованіе, произведенное, на мѣстахъ, компетентными и, главное, безпристрастными лицами. Для насъ, въ настоящую минуту, важно выяснить только одно отсутствіе надобности въ томъ «отпорѣ», которымъ казенныя перья стараются объяснить и оправдать мобилизацію духовенства въ выборной борьбѣ. Объединеніе начальныхъ школъ вполнѣ совмѣстимо съ продолженіемъ дѣятельности духовенства въ области народнаго образованія: оно направило бы ее въ надлежащую колею, обезпечило бы ея нормальный характеръ, поставило бы на первый планъ не количественные, а качественные ея успѣхи. Допустимъ, наконецъ, что мы не правы, что перезбраніе Думы было критическимъ моментомъ для церкви; неужели нельзя было предоставить оцѣнку этого момента самому духовенству, не заставляя его идти сомкнутымъ строемъ къ избирательнымъ урнамъ, не подсказывая ему, за и противъ кого оно должно голосовать, не обращая его въ орудіе партіи? Неужели формулѣ: pereinde ac cadaver предстоитъ войти въ обиходъ православной церкви? Неужели неясно, наконецъ,

что если для членовъ извѣстнаго класса обязательно повиновеніе не только въ профессіональной, но и въ общегражданской, общеполитической сферѣ, то они не должны участвовать въ выборѣ законодательнаго собранія? Если духовенство—такая же дисциплинированная армія, какъ войско, то ограниченіе, установленное для послѣдняго, съ такимъ же точно правомъ должно быть примѣнено и къ первому.

Само собою разумѣется, что результатъ выборовъ, на сколько онъ до сихъ поръ извѣстенъ, зависѣлъ не отъ одной только роли, сыгранной духовенствомъ. Что этому результату способствовала въ значительной степени вся обстановка предвыборнаго періода—это признается даже въ лагерѣ побѣдителей. Жалобы на препятствія, встрѣчаемыя предвыборными собраніями, раздавались даже на страницахъ «Новаго Времени». Во многихъ мѣстахъ такихъ собраній не было вовсе, не потому, чтобы въ нихъ не чувствовалось надобности, а потому, что безнадежнымъ представлялось ихъ устройство. Гдѣ они открывались, тамъ они вызывали, сплошь и рядомъ, противодѣйствіе представителей полицейской власти. Мотивировка предостереженій, приводившихъ къ закрытію собраній, часто поражала своею странностью. Ограничимся однимъ примѣромъ. Въ Москвѣ, гдѣ «наблюдатели» все же отличаются нѣсколько большею сдержанностью, чѣмъ въ провинціи, въ предвыборномъ собраніи, происходившемъ 7-го октября, было сдѣлано указаніе на то, что поводомъ къ закрытію крупнаго профессіональнаго союза послужила находка въ его библіотекѣ *одной* запрещенной книги. Представитель полиціи остановилъ оратора, заявивъ, что онъ не можетъ допустить критики правительственныхъ дѣйствій. Не говоримъ уже о томъ, что отъ отдѣльнаго административнаго распоряженія еще очень далеко до дѣятельности правительства, разсматриваемаго какъ одно цѣлое; но вѣдь и эта дѣятельность, въ странѣ, обладающей хотя бы самой элементарной свободой, самымъ несовершеннымъ конституціоннымъ строемъ, не можетъ быть изъята изъ публичнаго обсужденія. Развѣ она не подвергается ежедневно критикѣ въ печати, кругъ вліянія которой гораздо шире, чѣмъ кругъ вліянія случайнаго собранія? Развѣ мыслимо обойтись безъ нея во время избирательной кампаніи, въ виду тѣснѣйшей связи между сферами дѣйствій правительства и Государственной Думы? Какъ оцѣнить отношеніе Думы къ законопроектамъ, не касаясь содержанія, вложеннаго въ нихъ правительствомъ? Какъ оцѣнить отношеніе Думы къ запросамъ, не касаясь распоряженій, которыми они были вызваны?.. Не менѣе свое-

образенъ другой запретъ, повлекшій за собою закрытіе собранія. Когда одинъ изъ ораторовъ упомянулъ о соціалъ-демократической фракціи, представитель полиціи заявилъ, что не можетъ допустить рѣчи о нелегализированныхъ партіяхъ и остался при своемъ рѣшеніи даже тогда, когда ему напомнили о безспорномъ, всѣми признаваемомъ фактѣ присутствія организованной соціалъ-демократической группы въ Государственной Думѣ. Конечно, обстоятельствомъ, уменьшающимъ вину полицейскаго чиновника, служитъ право гражданства, предоставленное у насъ понятію о легализованныхъ и нелегализованныхъ партіяхъ—понятію, составляющему настоящій политико-юридическій абсурдъ; не мѣшало бы, однако, знать и помнить, что рядомъ съ этимъ понятіемъ не только фактически, но и оффиціально существуетъ другое—объ оппозиціонныхъ фракціяхъ Гос. Думы. Предположимъ, что въ предвыборномъ собраніи кто-нибудь захотѣлъ бы полемизировать съ соціалъ-демократической фракціей, доказывать вредное ея вліяніе, несостоятельность ея принциповъ; не думаемъ, чтобы его остановилъ представитель полиціи—а гдѣ возможно нападеніе, тамъ должна быть возможной и защита. Совершенно ясно, притомъ, что, прерывая ораторовъ, представитель полиціи оба раза шелъ прямо въ разрѣзъ съ закономъ. Въ число поводовъ къ закрытію предвыборнаго собранія—а, слѣдовательно, и въ число поводовъ къ предостереженіямъ, предшествующимъ закрытію,—статья 81-ая положенія 3-го іюня не относитъ ни «критику правительственныхъ дѣйствій», ни «рѣчь о нелегализированной партіи». Она допускаетъ закрытіе собранія *только* въ случаяхъ, ею предусмотрѣнныхъ—случаяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ ходомъ преній въ собраніи 7-го октября. Итакъ, даже такой законъ, какъ положеніе 3-го іюня, является для административной власти мертвой буквой, безсильной ограничить ея усмотрѣніе! Привычка къ произволу слишкомъ глубоко внѣдрилась въ административные нравы.

Невмѣшательство власти въ пренія предвыборныхъ собраній составляетъ, конечно, важное условіе свободы и сознательности самыхъ выборовъ; но еще несравненно важнѣе невмѣшательство ея въ ходъ и исходъ самыхъ выборовъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, положеніе 3-го іюня существенно измѣнило къ худшему избирательные порядки, установленные 6-го августа и 11-го декабря 1905-го года. Ст. 23-я положенія 6-го августа, не измѣненная указомъ 11-го декабря, предоставляла губернаторамъ, подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ, съ правомъ обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ. Ст. 24-ая положенія 3-го іюня пошла гораздо дальше, уполномочивъ

губернаторовъ предлагать объ усмотрѣнныхъ неправильностяхъ на обсужденіе уѣздныхъ и губернскихъ по дѣламъ о выборахъ комиссій, приносить протесты на постановленія уѣздныхъ комиссій въ губернскія, а объ отмѣнѣ рѣшеній губернскихъ комиссій представлять Прав. Сенату. Вмѣстѣ съ этимъ значительно измѣненъ составъ выборныхъ комиссій, съ очевидною цѣлью усилить въ нихъ вліяніе администраціи. Изъ состава уѣздной комиссіи исключенъ податной инспекторъ; въ составъ губернской комиссіи включены, кромѣ непремѣннаго члена губернскаго или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, непремѣнный членъ губ. по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія и старшій совѣтникъ губ. правленія. Прежде въ составъ губ. комиссіи обязательно входилъ управляющій казенной палатой, а теперь входитъ одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ губернскихъ управленій по усмотрѣнію губернатора, за которымъ обезпечены, такимъ образомъ, четыре голоса (а въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земства—пять) изъ девяти; достаточно еще одного голоса, чтобы составилось угодное губернатору большинство—а всегда ли, по нынѣшнимъ временамъ, можно разсчитывать на самостоятельность уѣзднаго предводителя дворянства, городского головы и даже представителей земства и судебнаго вѣдомства?.. Не установлено, затѣмъ, никакого различія между неправильностями, допущенными въ избирательныхъ спискахъ, и неправильностями, допущенными при самыхъ выборахъ; поводами къ протестамъ *послѣ выборовъ* служатъ безразлично какъ тѣ, такъ и другія, между тѣмъ какъ неправильность въ спискахъ, своевременно опротестованная, могла бы быть своевременно и исправлена, съ сохраненіемъ за даннымъ лицомъ права и возможности баллотироваться если не въ одной мѣстности, такъ въ другой, если не по одному цензу, такъ по другому: у насъ вѣдь очень много избирателей, обладающихъ двумя или болѣе цензами, выборъ между которыми предоставленъ, по ст. 12-ой, ихъ свободному усмотрѣнію. Чѣмъ раньше заявленъ протестъ, тѣмъ меньше шансовъ, что онъ будетъ обращенъ въ орудіе борьбы противъ неугоднаго администраціи кандидата. Представимъ себѣ, напримѣръ, что въ избирательномъ спискѣ усматривается, за нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ до выборовъ, какая-нибудь неправильность, касающаяся не одного, а нѣсколькихъ лицъ; протестъ, заявленный противъ нея тогда же, будетъ имѣть не личный, а общій характеръ, одинаково распространяясь на всѣхъ, подходящихъ подъ его дѣйствіе. Совсѣмъ другое дѣло, если протестъ, мотивированный такою неправильностью, предъявляется послѣ выборовъ, противъ одного изъ избранныхъ; это даетъ основаніе предполагать, что цѣль его — устраненіе даннаго лица, и при дру-

гомъ исходѣ выборовъ неправильность осталась бы незамѣченною и неопротестованною. И если протестъ уваженъ комиссіею, то сомнѣніе распространяется и на нее—распространяется и на Сенатъ, когда имъ сказано, во вредъ избранному, послѣднее слово. Прибавимъ къ этому отсутствіе точныхъ постановленій о срокахъ для протеста, о способахъ оповѣщенія опротестованныхъ и «разъясненныхъ» избирателей и выборщиковъ, до крайности (вмѣстѣ съ краткостью времени, въ теченіе котораго совершается «повѣрочная» процедура) затрудняющее защиту угрожаемаго права—и мы поймемъ, какую роль сыграли, при выборахъ въ четвертую Думу, дефекты избирательнаго закона и избирательной практики.

Изъ многихъ примѣровъ, которыми можно было бы иллюстрировать нашу мысль, приведемъ только одинъ, чрезвычайно характерный. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, бывшій членъ первой и второй Думы, обладаетъ издавна имѣніемъ (полноцензовымъ) въ Бѣжецкомъ уѣздѣ (Тверской губерніи), а въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ—незастроеннымъ мѣстомъ въ городѣ Бѣжецкѣ. Въ виду того, что оцѣнка этого мѣста по стоимости (менѣе 300 р.) расходилась съ оцѣнкой его по доходности (болѣе 300 р.), удостовѣренной полученіемъ договорной арендной платы въ размѣрѣ 60 руб. въ годъ и платежемъ городскаго сбора въ шесть рублей, бѣжецкая городская управа обратилась къ губернатору съ просьбою разъяснить, къ какому разряду избирателей—первому или второму — долженъ быть причисленъ собственникъ имущества. Губернаторъ, основываясь на разъясненіи министерства внутреннихъ дѣлъ, сообщилъ, что если размѣръ городскаго сбора доходитъ до шести рублей въ годъ, то стоимость имущества должна быть опредѣлена въ 600 р., т. е. собственникъ его подлежитъ внесенію въ списокъ избирателей по первому разряду. Казалось бы, что губернаторъ, давшій такое разъясненіе, уже не могъ протестовать противъ избранія В. Д. Кузьмина-Караваева въ выборщики по первой куріи. Въ наше время, однако, совершенно невѣроятное бываетъ возможнымъ: губернаторъ возразилъ сначала противъ внесенія В. Д. Кузьмина-Караваева въ списокъ избирателей по первой куріи, а когда возраженіе это не было уважено уѣздною комиссіею, перепесъ дѣло на разсмотрѣніе губернской комиссіи. Въ это время В. Д. Кузьминъ-Караваевъ былъ уже избранъ въ выборщики (25 сентября) и состоялись выборы какъ по второй куріи (27 сентября), такъ и по уѣздному съѣзду (4 октября), т. е. для В. Д. были закрыты другіе пути, ведущіе въ Государственную Думу. Объ отмѣнѣ губернскою комиссіею, 7-го октября, постановленія уѣздной комиссіи онъ узналъ случайно, изъ газетъ, и вынужденъ былъ принести жалобу въ Сенатъ, не зная въ

точности мотивовъ состоявшагося противъ него рѣшенія. Есть поводъ думать, что въ протестахъ губернатора шла рѣчь какъ о неправильномъ зачисленіи В. Д. Кузьмина-Караваева въ первую курію, такъ и о фиктивности его городского ценза (хотя и подтвержденнаго рядомъ доказательствъ); но основаніемъ къ отмѣнѣ его избранія послужило, повидимому, и для губернской комиссіи, и для Сената именно неправильное, будто бы, внесеніе его въ списокъ избирателей первой куріи. Допустимъ, вопреки очевидности, что оно дѣйствительно было неправильно; единственнымъ закономѣрнымъ послѣдствіемъ такой неправильности могло быть перенесеніе В. Д. Кузьмина-Караваева въ число избирателей второй куріи, съ предоставленіемъ ему возможности воспользоваться въ ней своимъ избирательнымъ правомъ. Всѣ спорные вопросы, сопряженные съ содержаніемъ избирательныхъ списковъ, должны быть окончательно ликвидированы до приступа къ выборамъ, и ликвидированы, притомъ, не по отношенію къ одному только избирателю, но ко всѣмъ, находящимся въ одинаковыхъ условіяхъ. Въ городѣ Вѣжецкѣ, какъ видно изъ протокола городской думы отъ 24 августа 1909 г., существуетъ двоякій порядокъ исчисленія и взиманія городского сбора: по стоимости и по доходности имущества. Послѣдній способъ примѣненъ къ 1015 имуществамъ, первый—лишь къ 107. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что между владѣльцами 1015 имуществъ немало такихъ, которые, при оцѣнкѣ ихъ владѣній по стоимости, подлежали бы переводу изъ одной куріи въ другую, быть можетъ—съ немалымъ убыткомъ для городской казны. Почему же все дѣло свелось къ «разъясненію» одного Кузьмина-Караваева? Что̀ сказать объ избирательной системѣ и избирательной практикѣ, при которыхъ возможны подобные факты? Въ положеніи 3-го іюня, спѣшно составленномъ, не обсуждавшемся ни въ печати, ни въ законодательныхъ собраніяхъ, все требуетъ пересмотра и передѣлки—но къ числу самыхъ несовершенныхъ его отдѣловъ безспорно принадлежитъ именно тотъ, который касается административнаго контроля надъ выборами. При господствующей у насъ двухстепенной и многостепенной подачѣ голосовъ гарантіи, существенно обезпечивающія избирателей и избираемыхъ, одинаково необходимы во всѣхъ фазисахъ выборовъ. Что пользы въ томъ, что избраніе депутата можетъ быть отмѣнено только самою Думой, и притомъ не иначе какъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, если судьба выборщика—т. е. возможнаго депутата—зависитъ всецѣло отъ административныхъ коллегій, мало самостоятельныхъ, дѣйствующихъ при закрытыхъ дверяхъ, безъ выслушанія заинтересованной стороны, даже

безъ увѣренности, что «разъясняемому» извѣстно постигшее его «разъясненіе»?

Итакъ, наводненіе избирательныхъ съѣздовъ исполнителями данныхъ извнѣ приказаній, граничащее съ подавленіемъ, ограниченіе избирательной агитаціи, усиленное вмѣшательство администраціи въ выборную процедуру, широко распространенное устраненіе оппозиціонныхъ избирателей и выборщиковъ—вотъ условія, при которыхъ слагалась четвертая Государственная Дума. Это признаютъ, въ большей или меньшей степени, даже газеты, обычно плывущія по теченію, стараясь только смягчить, затушевать значеніе неоспоримаго факта. «Ни для кого не секретъ — говоритъ, напримѣръ, одна изъ нихъ,—что правительство на сей разъ не осталось безучастно къ производству выборовъ въ четвертую Думу. Правительство сдѣлало то, что дѣлаютъ всѣ правительства міра, когда производятся выборы въ законодательныя палаты. Оно до извѣстной степени модифицировало выборы, пользуясь тѣми пріемами, на которые ему даетъ право и возможность избирательный законъ. И конечно ни одинъ практикъ искренно не упрекнетъ за это правительство, которому, разумѣется, не можетъ быть безразлично, образуется ли новая Дума изъ элементовъ, съ которыми ему будетъ удобно работать, или изъ элементовъ иного характера» [1]). Болѣе беззастѣнчивое отношеніе къ важнѣйшему вопросу русской государственной жизни трудно себѣ представить. Примѣровъ такого *модифицированія* выборовъ, какое мы видѣли въ теченіе послѣднихъ недѣль, въ исторіи конституціонныхъ государствъ найти нельзя. Не вездѣ и не всегда раздѣленіе страны на избирательные округа соотвѣтствовало и соотвѣтствуетъ дѣйствительному распредѣленію избирателей. Въ германской имперіи, напримѣръ, большіе города поставлены въ условія гораздо менѣе благопріятныя, чѣмъ сельскія мѣстности; но это происходитъ вслѣдствіе неподвижности однажды установленныхъ рамокъ, а не вслѣдствіе произвольнаго передвиженія ихъ съ предвзятою цѣлью, передъ самыми выборами. Неподвижными являлись на Западѣ (напр. въ Австріи, до послѣдней реформы) и избирательныя куріи, у насъ разъединяемыя и соединяемыя по усмотрѣнію администраціи. Знакомо нашимъ западнымъ сосѣдямъ вліяніе церкви на выборы; но оно выражается въ воздѣйствіи на совѣсть избирателей, свободно принимаемомъ или отклоняемомъ ими, а не въ непосредственной дѣятельности духовенства, повинующагося распоряженіямъ своего начальства. Едва ли найдется гдѣ-нибудь нѣчто

---

[1]) См. «Новое Время», № 13137.

подобное порядку, въ которомъ совершается у насъ устраненіе выборщиковъ; прусскій избирательный законъ, напримѣръ—одинъ изъ наиболѣе отсталыхъ и несовершенныхъ, предоставляетъ самимъ выборщикамъ исключеніе изъ своей среды непранильно избранныхъ въ это званіе. Едва ли легко пріискать за границей аналогію и для многочисленныхъ и разнообразныхъ «разъясненій», столь сильно отразившихся на составѣ нашей четвертой Думы. Безспорно, на многое изъ того, чѣмъ ознаменованы послѣдніе выборы, положеніе 3-го іюня давало правительству не только «возможность, но и формальное право»; не слѣдуетъ, однако, забывать, что къ нѣкоторымъ способамъ пользованія правомъ вполнѣ примѣнима старинная формула: summum jus—summa injuria... Хорошо, далѣе, и пониманіе задачи правительства при выборахъ, сводящее ее къ обезпеченію побѣды за элементами, съ которыми «удобно будетъ работать»! Цѣль выборовъ—не доставленіе «удобствъ» для власти, а выясненіе народныхъ нуждъ и желаній. Конечно, въ чистомъ видѣ эта цѣль не достигается нигдѣ или почти нигдѣ; къ существенно важнымъ задачамъ почти всегда примѣшиваются второстепенныя искусственно созданныя, внушенныя такъ называемыми «правительственными видами». У насъ, однако, послѣдними черезчуръ перевѣшиваются всѣ остальныя. Въ нашей избирательной системѣ безъ того уже содержится сильный наклонъ въ сторону власти. Гдѣ значительная часть населенія вовсе лишена избирательнаго права, гдѣ другая, еще болѣе значительная, пользуется имъ при условіяхъ, парализующихъ его значеніе (четырехстепенные крестьянскіе выборы), гдѣ, наоборотъ, привилегированнымъ является небольшое меньшинство—тамъ меньше всего должно быть мѣста для нажима на законъ, для «руководительства» выборами, соприкасающагося съ ихъ «дѣланіемъ».

Наличность «нажима» констатируютъ теперь и тѣ, которые воспользовались имъ при выборахъ въ третью Думу, примирясь съ его источникомъ—положеніемъ 3-го іюня. «Бѣда въ томъ»—воскликнулъ А. И. Гучковъ въ своей недавней предвыборной рѣчи,—«что нынѣшніе выборы протекаютъ при изумительныхъ новшествахъ, которыя надо назвать своимъ словомъ, именно—чистѣйшимъ административнымъ произволомъ, творимымъ или центральною властью, или автономными губернаторами». Дальше г. Гучковъ подчеркнулъ «мобилизацію» духовенства, голосующаго за тѣхъ кандидатовъ, которые баллотируются «съ разрѣшенія его превосходительства и съ благословенія его преосвященства»,—и «виртуозность», проявленную въ выдѣленіи особыхъ курій. Все это было бы прекрасно, если бы не было такъ тѣсно связано съ неудачами, постигшими ок-

тябристовъ. Вѣру въ искренность и глубину негодованія г. Гучкова подрываетъ онъ самъ, злобно относясь къ недавнему прошлому и болѣе чѣмъ странно—къ настоящему. Характеризуя первую Думу, онъ утверждаетъ, что власть «безъ всякаго повода» была заподозрѣна ею въ нежеланіи исполнить свои обѣты». Безъ всякаго повода? Первая Дума имѣла, значитъ основаніе, довѣрять министерству Горемыкина?.. «Кадетская Дума, вмѣсто реальной работы, безчинствовала»—восклицаетъ г. Гучковъ. А она имѣла время для завершенія безспорно начатой ею реальной работы? И если въ ея стѣнахъ и совершались иногда отдѣльными лицами отдѣльныя «безчинства», то развѣ они не встрѣчали отпора со стороны ея большинства?... Выразивъ увѣренность, что оппозиція на выборахъ будетъ раздавлена, г. Гучковъ прибавилъ: «если бы это явленіе было результатомъ естественной эволюціи нашего общества, можно бы тогда искренно радоваться». [1]) Итакъ, лидеръ партіи, претендующей на либерализмъ, былъ бы «искренно радъ» исчезновенію оппозиціи? Конечно, партіямъ свойственно радоваться побѣдѣ—но для каждой изъ нихъ, кромѣ крайнихъ правыхъ, должно быть ясно, что побѣжденные и «раздавленные»—не одно и то же, что безъ оппозиціи немыслима нормальная политическая жизнь, что уничтоженіе противника—большею частью, притомъ, только кажущееся,—не равносильно уничтоженію одушевлявшей его идеи...

Само собою разумѣется, что рѣчь г. Гучкова не могла быть пріятна присяжнымъ апологетамъ правительства: слишкомъ еще недавно онъ шелъ съ ними рука объ руку, слишкомъ еще и теперь замѣтна его близость къ власти. «Россія» пытается ослабить значеніе его словъ, объясняя по своему единичный фактъ, приведенный имъ только въ видѣ примѣра. Образецъ «виртуознаго» обращенія съ статьею, разрѣшающею дѣленіе на куріи, г. Гучковъ усмотрѣлъ въ случаѣ съ бывшимъ членомъ третьей Думы, Каменскимъ. «За него стояли (въ Бахмутскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи) нѣмецкіе колонисты, обладающіе многими голосами. Тогда этихъ колонистовъ выдѣляютъ въ особую курію, и Каменскій при выборѣ выборщиковъ оказывается забаллотированнымъ». По словамъ «Россіи», дѣло происходило такъ: г. Каменскій, разсчитывая на нѣмецкихъ колонистовъ, возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы они были соединены съ русскими землевладѣльцами, а уполномоченные отъ священниковъ—выдѣлены въ особое отдѣленіе. Такое ходатайство нельзя было ничѣмъ обосновать, кромѣ удобства для г. Камен-

[1]) Мы цитируемъ рѣчь г. Гучкова по «Новому Времени (№ 13148) которому она безъ сомнѣнія была передана въ настоящемъ ея видѣ.

скаго, и удовлетворить его, значило бы отступить отъ практики выборовъ въ третью Думу. Поэтому въ особомъ засѣданіи, происходившемъ въ Екатеринославѣ 16-го августа, постановлено было, по примѣру выборовъ въ третью Думу, раздѣлить бахмутскій съѣздъ землевладѣльцевъ на два отдѣленія: русское и нѣмецкое.—Если все разсказанное «Россіей» вѣрно, то нельзя, конечно, не осудить г. Каменскаго за попытку использовать раздѣленіе на куріи, иниціативу котораго меньше всего подобаетъ брать на себя кандидатамъ въ члены Думы; но для раздѣленія, состоявшагося вопреки желанію г. Каменскаго, это оправданіемъ служить не можетъ. Какъ при выборахъ въ третью Думу, такъ и при нынѣшнихъ, выдѣленіе нѣмецкихъ колонистовъ въ особую курію преслѣдовало, очевидно, особыя цѣли, не имѣющія ничего общаго съ заботой о правильности выборовъ. Такія же цѣли имѣлись, несомнѣнно, въ виду и при соединеніи русскихъ землевладѣльцевъ съ уполномоченными отъ духовенства. Не будь подобныхъ цѣлей, вездѣ было бы принято одно и то же начало: или соединеніе—или раздѣленіе. Вѣдь были же священники во многихъ мѣстахъ выдѣлены въ особыя куріи; были бы выдѣлены они, конечно, и въ бахмутскомъ уѣздѣ, если бы это было признано нужнымъ въ силу тѣхъ «особыхъ соображеній», которыя сыграли столь крупную роль въ послѣднихъ выборахъ. «Практикой выборовъ» въ третью Думу едва ли гдѣ-либо стѣснялись, разъ что она оказывалась неподходящей къ новымъ обстоятельствамъ. И если отрѣшиться отъ теченій, со всею силой проявившихся на послѣднихъ выборахъ, то нельзя не признать, что для выдѣленія уполномоченныхъ отъ духовенства представлялось гораздо болѣе основаній, чѣмъ для соединенія ихъ съ другими выборщиками. Искусственный перевѣсъ, полученный ими вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ, въ первомъ случаѣ оказался бы менѣе опаснымъ, чѣмъ во второмъ. Г. Каменскій не безъ причины опасался участія духовенства въ томъ съѣздѣ, отъ котораго зависѣло его избраніе. Какъ лѣвый октябристъ, онъ былъ въ третьей Думѣ однимъ изъ видныхъ защитниковъ свободы совѣсти, и со стороны церковной іерархіи это не могло не быть зачислено въ его пассивъ... Любопытно было бы знать численное отношеніе духовныхъ и свѣтскихъ голосовъ въ отдѣленіи бахмутскаго съѣзда, забаллотировавшаго г. Каменскаго.

Много усердія проявила оффиціозная газета въ полемикѣ, вызванной послѣдними выборами. Защищала она выборную политику настойчиво, но едва ли защитила ли ее хоть въ чемъ-нибудь. Не больше другихъ обычныхъ пріемовъ ей удается пріемъ наивности. Когда ей говорятъ, что «рядъ общественныхъ круговъ, до сихъ поръ признававшій для себя возможной совмѣстную работу съ правитель-

ствомъ, намѣренъ теперь перейти въ оппозицію», она пробуетъ увѣрить, что не понимаетъ этой угрозы. «Въ оппозицію кому»—спрашиваетъ она—«угрожаютъ перейти? Государству, его задачамъ и интересамъ? Въ оппозицію тому, что составляетъ единственную цѣль работы правительства, а именно интересамъ русскаго народа»? На самомъ дѣлѣ ей, безъ сомнѣнія, извѣстенъ отвѣтъ на эти простые вопросы. Объектомъ оппозиціи является не государство, а правительство, источникомъ оппозиціи — иное, чѣмъ правительственное, пониманіе народныхъ интересовъ.

К. Арсеньевъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— А. Г. Горнфельдъ. О русскихъ писателяхъ. Томъ первый. Минувшій вѣкъ. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Когда критикъ или историкъ литературы выступаетъ со сборникомъ статей, написанныхъ въ разное время по разнымъ поводамъ, мы невольно ищемъ въ такомъ сборникѣ единства, опредѣляемаго или содержаніемъ и предметомъ статей, или развитыми въ этихъ статьяхъ общими взглядами и методомъ. Для г. Горнфельда, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, методъ стоитъ впереди другихъ задачъ и даже важнѣе результатовъ изслѣдованія. «Въ пріемахъ изученія неизмѣримо болѣе, чѣмъ въ ихъ результатахъ, сосредоточено для самого автора значеніе его работъ... «Не то дорого знать, что земля кругла, а дорого знать, какъ дошли до этого», говоритъ Левъ Толстой въ «Ясно-Полянской школѣ». Это не только педагогическое правило, это необходимое условіе сознательнаго стремленія къ теоретической истинѣ». За исключеніемъ большихъ статей—характеристикъ Тютчева, Аксакова и Кущевскаго, сборникъ посвященъ частнымъ вопросамъ, по преимуществу связаннымъ съ изученіемъ путей и пріемовъ творчества поэтовъ. Г. Горнфельдъ, какъ критикъ, весь въ едва ли не лучшей во всемъ сборникѣ коротенькой замѣткѣ: «Объ одной фамиліи у Льва Толстого». Эту фамилію, немногимъ памятную, выдумала въ романѣ «Воскресеніе» старая, умная графиня Екатерина Ивановна, чтобы однимъ словомъ выра-

зить свое барски-презрительное отношеніе къ «стриженнымъ нигилисткамъ», которыя «мѣшаются не въ свое дѣло»—«Халтюпкина какая-то хочетъ всѣхъ учить». Съ большимъ остроуміемъ и тонкостью г. Горнфельдъ показываетъ, какъ въ этомъ неожиданномъ прозвищѣ выразилось все, что можетъ думать умная старая русская аристократка о русской разночинной революціи. Въ глаза такой аристократкѣ мечется прежде всего нѣчто грубое и хамское, выраженное звукомъ «хал», и въ то же время нѣчто ничтожное и поверхностное, чему соотвѣтствуетъ уничижающій звукъ «тю», т. е. нѣчто такое, чему презрительно «тюкаютъ». Отголосокъ фамиліи революціонера Халтурина также звучитъ въ этой выдуманной фамиліи, соскочившей съ остраго язычка старой графини въ безсознательномъ творческомъ вдохновеніи. Нельзя не полюбоваться, какъ артистически этотъ штрихъ у Толстого разобранъ г. Горнфельдомъ, такъ что вмѣстѣ съ тѣмъ обрисована и сочинительница фамиліи. Стоя твердо на почвѣ психологической теоріи творчества, созданной Потебнею, г. Горнфельдъ удачно опредѣляетъ, почему заслуживаетъ вниманія подобный частный вопросъ: «въ томъ, что называется формой, нѣтъ ничего что бы не было содержаніемъ». Критикъ, во всеоружіи теоріи, увѣренно подходитъ къ явленіямъ литературы, углубляя понимавіе уже установившихся иногда взглядовъ и оцѣнокъ. Полемическій характеръ носитъ замѣтка о реализмѣ, направленная противъ извѣстной рѣчи Валерія Брюсова о Гоголѣ: «Испепеленный». Умѣло и умно вскрыты логическія ошибки, приведшія г. Брюсова къ отрицанію гоголевскаго реализма. Также полемична статья о книгѣ г. Венгерова «Героическій характеръ русской литературы»; она справедливо указываетъ натяжки и произвольныя построенія, къ которымъ г. Венгеровъ прибѣгаетъ для обоснованія своего гимна русской литературѣ; при чемъ понижается самое понятіе о героизмѣ. Съ наибольшимъ одушевленіемъ написана въ сборникѣ г. Горнфельда статья объ «Эстетикѣ Глѣба Успенскаго». Но отъ умнаго, разсудительнаго анализа и артистичныхъ критическихъ пріемовъ г. Горнфельда все-таки вѣетъ холодкомъ. Говоря его же словами, «литература дѣлаетъ великое, героическое дѣло... тѣмъ именно, что рождаетъ думы тревожныя и страдальческія»; но ему, сосредоточившемуся на методахъ литературы, при всемъ неизмѣнномъ интересѣ его экскурсовъ, не дано передавать читателю «тревогу и страданіе» литературы, или дано въ гораздо меньшей степени, чѣмъ хотя бы напримѣръ но косточкѣ имъ разобранному г. Венгерову.

— В. А. Михайловъ. Отголоски декабристскаго движенія во французской литературѣ. Историко-литературный очеркъ. Популярная библіотека № 102. Москва. Ц. 10 коп.

Въ 1909 г. вышла въ «Запискахъ историко-филологическаго факультета петербургскаго университета» и отдѣльно книга проф. Д. К. Петрова: «Россія и Николай I въ стихотвореніяхъ Эспронседы и Россетти». Это было первою, если не ошибаемся, попыткою начать изученіе произведеній поэтической литературы Запада, навѣянныхъ политическими событіями и явленіями жизни Россіи. Проф. Петровъ остановился на двухъ стихотвореніяхъ названныхъ поэтовъ, лишь мимоходомъ, въ примѣчаніи, упомянувъ объ отраженіи движенія декабристовъ во французской литературѣ. Теперь этому отраженію посвятилъ небольшую статью г. В. А. Михайловъ. Въ его работѣ дано изложеніе поэмы Альфреда де Виньи «Ванда» и романа Александра Дюма-отца «Le maître d'armes». Оба произведенія не переведены на русскій языкъ, но весьма любопытны. Особенно интересна «Ванда», представляющая какъ бы параллель «Русскимъ женщинамъ» Некрасова и обладающая настоящими художественными достоинствами. Что касается романа Дюма, то онъ переполненъ множествомъ несообразностей; авторъ крайне поверхностно отнесся къ своей темѣ, сплетя приключенія учителя фехтованія Гризье съ исторіею декабриста Апшенкова и его жены. Г. Михайловъ даетъ краткую характеристику обоихъ писателей и излагаетъ ихъ произведенія, при чемъ сопоставляетъ ихъ съ фактической исторіей декабристовъ и ихъ женъ. Оба произведенія (Дюма, конечно, въ особенности) содержатъ значительныя уклоненія отъ исторической правды, но оба касаются жгучаго для Россіи вопроса политическаго и крѣпостного рабства, и на крѣпостное право указываютъ какъ на явленіе, тормозящее, если не совершенно исключающее, возможность движенія Россіи по пути европейской цивилизаціи. «Французская литература,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—какъ самая популярная изъ европейскихъ литературъ, откликнувшись на подвигъ декабристовъ и привѣтствуя его на своихъ страницахъ, тѣмъ самымъ предавала его широкой гласности и останавливала на немъ вниманіе Европы», косвенно способствуя пробужденію сознанія и въ Россіи. Можно пожелать дальнѣйшаго умноженія работъ, подобныхъ работамъ г.г. Петрова и Михайлова.

— Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминанія. М. 1912. Цѣна 2 р. Весь доходъ отъ изданія поступаетъ въ фондъ имени Х. Д. Алчевской на нужды воскресныхъ школъ.

Весною текущаго года въ Харьковѣ дружно чествовалось пятидесятилѣтіе педагогической и просвѣтительной дѣятельности Х. Д. Алчевской. Распорядительной комиссіей по устройству чествованія выпущенъ теперь большой томъ, въ который входитъ весьма разнообразный, а мѣстами и очень интересный матеріалъ. Онъ характеризуетъ какъ личность почтенной дѣятельницы, такъ и условія, въ которыхъ проходила ея работа, а также личность нѣкоторыхъ видныхъ писателей, приходившихъ въ соприкосновеніе съ г-жей Алчевской. Предъ нами длинный рядъ дневниковъ, замѣтокъ, записей, впечатлѣній, школьные дневники, дневникъ объ уходѣ за ранеными во время турецкой войны, воспоминанія о встрѣчѣ съ писателями. Лично Х. Д. рисуется какъ горячая энтузіастка, жившая любимымъ дѣломъ. Въ цѣломъ томъ «Передуманнаго и пережитаго» составляетъ цѣнный вкладъ въ исторію народнаго просвѣщенія на Руси.

Этой книги не обойдетъ своимъ вниманіемъ и историкъ литературы. Г-жа Алчевская разсказываетъ, между прочимъ, о встрѣчахъ своихъ съ такими корифеями литературы, какъ Достоевскій, Тургеневъ, Левъ Толстой и Глѣбъ Успенскій. Попутно приведены и письма ихъ. Воспоминанія существенно новаго не даютъ, но не безъинтересны, какъ дополненіе къ ранѣе извѣстному. Таковы письма Толстого и Успенскаго, вызванныя извѣстнымъ трудомъ г-жи Алчевской и ея сотрудницъ: «Что читать народу?». Отзывы ученицъ о книгахъ, которыя читались въ воскресной школѣ, привели Льва Толстого, по собственнымъ его словамъ, въ сильнѣйшее волненіе: «я, читая ихъ, плакалъ отъ умиленія, чего терпѣть не могу»... Толстой настаивалъ особенно на помѣщеніи въ книгѣ не рецензій о книгахъ, но въ возможно большемъ числѣ именно пересказовъ прочитаннаго. «Наша интеллигенція такъ воспитывается, чтобы умѣть не понимать того, что она читаетъ, судить о читаемомъ такъ, что выходитъ похоже, что она понимаетъ. Гимназическій курсъ въ этомъ состоитъ. Человѣкъ же съ уцѣлѣвшимъ здоровымъ мозгомъ прежде всего старается понять глубже то, что онъ читаетъ, а понять можно всякую вещь мелко и глубоко. Судить же неиспорченный человѣкъ и не любитъ, и не умѣетъ, и потому, по моему мнѣнію, нужны и драгоцѣнны будутъ во всѣхъ отношеніяхъ не отзывы, а различные пересказы ученицами читаемаго. Въ нихъ будетъ и самый вѣрный, и серьезный отзывъ. Сколько разъ я за-

мѣчалъ въ своей практикѣ — все хорошее, все правдивое, гармоничное, мѣткое запомнается и передается; все фальшивое, накладное, психологически невѣрное пропускается или передается въ ужасающемъ безобразіи. Кромѣ того, пересказы эти драгоцѣнны по отношенію къ русскому языку, которому мы только начинаемъ немножко выучиваться. Боюсь, что я вамъ говорю то, что вы сами лучше меня знаете, и потому извините меня, что я заболтался. Я такъ люблю это дѣло, и письмо ваше такъ расшевелило во мнѣ старыя дрожжи».

Не менѣе увлеченъ былъ книгою «Что читать народу?» и Глѣбъ Успенскій. Большое письмо его краснорѣчиво говоритъ о томъ; имъ написана была также и статья о книгѣ, отмѣчавшая то новое, что внесено было этимъ сборникомъ въ дѣло распространенія въ народѣ книги и любви къ литературѣ. Въ письмѣ набросанъ характеризующій самого Успенскаго проектъ народнаго журнала, «который бы старался выработать планъ систематическаго ученья, въ которомъ было бы во-первыхъ главное—для чего человѣкъ живетъ и какъ долженъ жить и во-вторыхъ прикладное къ этому главному—собственно наука, научныя знанія и свѣдѣнія». «Меня давно занимаетъ мысль осуществить эту программу,—пишетъ Успенскій,—въ видѣ хотя бы книги для чтенія въ народной школѣ, гдѣ бы описаніе крестьянскаго домика неизвѣстно почему не продолжалось бы описаніемъ зайца, вслѣдъ за которымъ, также неизвѣстно почему, идетъ разговоръ про Христа и такъ далѣе. А съ первой же страницы касалось бы самаго серьезнаго, какъ жить свято (хотя бы въ видѣ самымъ лучшимъ образомъ написанной біографіи и ученья Христа), затѣмъ переходило бы къ дѣйствительности и все, что въ ней свято, должно бы быть выставлено въ всѣхъ подробностяхъ. Огромный матеріалъ деревенской жизни, заимствованный изъ лучшихъ русскихъ писателей, тутъ много бы помогъ дѣлу и нарисовалъ бы такую картину, которая ясно показала бы, какъ трудно и дѣйствительно плохо жить и какъ много неправды. А затѣмъ началось бы все, что можно сказать о существующемъ хорошемъ: община, о которой надо говорить въ училищѣ, и такъ далѣе. И этакую книгу надо непремѣнно написать и издать...» Исторія выхода въ свѣтъ книги «Что читать народу?», бывшей вершиною дѣятельности г-жи Алчевской, изложена въ одной изъ статей сборника.

— М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. I. Этика и общественная жизнь. II. Кооперація. III. Экономическая жизнь. Спб.

Большая часть книги посвящена вопросамъ чисто экономическимъ, но авторъ ея въ первой части, носящей подзаголовокъ

«Этика и общественная жизнь», въ нѣсколькихъ статьяхъ и замѣткахъ говоритъ о важныхъ явленіяхъ общей литературы. Ясная трезвость мысли и отчетливость въ ея изложеніи придаетъ этимъ статьямъ и замѣткамъ, не смотря на краткость послѣднихъ, особый отпечатокъ дѣловитости и серьезности; мимо нихъ нельзя пройти тому, кто интересуется тѣми же вопросами. Первая статья посвящена Достоевскому и говоритъ о его «всемірно-историческомъ значеніи»: «если за послѣдніе полвѣка былъ писатель, въ равной степени необходимый и важный для всякаго современнаго человѣка, какой бы національности онъ ни былъ, то это именно творецъ «Братьевъ Карамазовыхъ». Устанавливая близость идей Достоевскаго и Канта, авторъ опредѣляетъ постановку въ нравственномъ міровоззрѣніи русскаго писателя трехъ великихъ этическихъ проблемъ: проблемы Бога, проблемы человѣчества и проблемы зла. Слѣдующая статья: «Русская интеллигенція и соціализмъ» написана по поводу сборника «Вѣхи» и содержитъ любопытныя соображенія и данныя о ростѣ внѣклассовой, соціалистически настроенной интеллигенціи на Западѣ и возраженія «вѣхистамъ» относительно предстоящаго якобы сліянія русской интеллигенціи съ буржуазіей. Замѣтка «Марксизмъ и народничество» подводитъ итоги недавней ожесточенной распрѣ, изъ-подъ которой жизнь своей властною рукою уже вынула почву. Сторонникъ созданія новой теоріи соціализма, для которой «Марксъ и Кантъ должны остаться позади, какъ превзойденные этапы общественной мысли» (замѣтка: «Кантъ и Марксъ»), авторъ преслѣдуетъ «скептическое, отрицательное отношеніе къ творческой роли сознательной воли и мысли человѣка въ дѣлѣ созданія новыхъ общественныхъ формъ» и настаиваетъ на необходимости построенія соціализма, какъ положительнаго ученія, какъ представленія объ опредѣленномъ общественномъ идеалѣ. Въ кругъ его мысли естественно входятъ и два виднѣйшихъ литературныхъ представителя ранняго русскаго соціализма: Герценъ и Чернышевскій. Г. Туганъ-Барановскій весьма удачно противопоставляетъ ихъ другъ другу не въ качествѣ соціалистовъ,—какъ таковые, они значительно совпадаютъ,— а какъ представителей крайнихъ противоположностей индивидуалистическаго міровоззрѣнія. Герценъ—сторонникъ индивидуализма *конкретнаго*; этотъ индивидуализмъ требуетъ, чтобы человѣческая личность безпрепятственно развивала все безконечное богатство своихъ индивидуальныхъ чертъ» и отстаиваетъ права меньшинства отъ посягательствъ большинства, права каждой человѣческой мысли противъ массы, права отдѣльнаго индивида противъ толпы. Герцевъ былъ безусловно соціалистомъ, но въ то же время его всего болѣе страшило господство толпы, всеобщей

посредственности, подавленіе индивидуальности, таланта, ради благополучія большинства. Это господство толпы онъ выражалъ терминомъ мѣщанства, и торжество «мѣщанства», казалось ему величайшей опасностью для человѣческой культуры. Чернышевскій былъ представителемъ иного индивидуализма, *абстрактнаго*, который цѣнитъ человѣческую личность лишь какъ общественный атомъ, какъ нѣчто общее всѣмъ людямъ. Находясь въ этомъ отношеніи на крайнихъ полюсахъ, оба знаменитыхъ вождя русской мысли видѣли другъ въ другѣ только слабыя стороны: Герценъ казался Чернышевскому прежде всего бариномъ, аристократомъ, Чернышевскій Герцену—представителемъ «мѣщанскаго» соціализма, враждебнаго всякой сложности и всякому разнообразію жизни. Эта удачно опредѣленная противоположность, думается намъ, могла бы быть прослѣжена и въ позднѣйшемъ развитіи русской общественной мысли.— Помимо отмѣченнаго нами литературнаго интереса книги г. Туганъ-Барановскаго, она важна для каждаго, кого занимаютъ вопросы русской соціальной политики: кооперація, общее вздорожаніе жизни, ростъ промышленности и капитализма въ Россіи. Отмѣтимъ въ заключеніе содержательную замѣтку книги, историческаго характера: «Почему пало крѣпостное право»?

Ч. В—скій.

— С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій. Т. III. Передовой боецъ славянофильства—К. Аксаковъ. Спб. 1912 г.

Идеи, за которыя когда-то сражался Константинъ Аксаковъ, давно принадлежатъ исторіи. Но его исключительная личность сохранила обаяніе до сихъ поръ, и знакомство съ нею особенно поучительно въ наше время, которое такъ бѣдно людьми. Аксаковъ и Бѣлинскій—двѣ исключительно свѣтлыхъ личности, олицетворяющія идеализмъ той эпохи, вообще эпохи великановъ; сначала два интимнѣйшихъ друга, потомъ два непримиримыхъ общественныхъ врага, каждый съ одинаковою страстностью защищавшій то, что ему дорого. С. А. Венгеровъ въ своемъ изслѣдованіи часто сопоставляетъ этихъ двухъ крупныхъ бойцовъ за правду, одинаковыхъ по беззавѣтному энтузіазму и хрустальности душъ. Онъ симпатизируетъ по міросозерцанію «западнику» Бѣлинскому, но не умаляетъ нравственныхъ заслугъ «передового» славянофила.

Очеркъ жизни и дѣятельности К. С. Аксакова у С. А. Венгерова сдѣланъ не только съ исчерпывающей полнотой и обстоятельностью, но и съ широкимъ безпристрастіемъ. Обликъ «передового

бойца славянофильства» вырисовывается неспѣша, постепенно, но зато съ необыкновенною яркостью и отчетливостью, все больше заинтересовывая и увлекая. Односторонній «аскетъ», всю жизнь знавшій только одно города радости и горести—интеллектуальныя,—волнуетъ читателя какъ чудо, гипнотизируетъ цѣльностью и глубиной своихъ мыслей и настроеній. Ознакомившись съ его біографіей, современный читатель долженъ испытывать тотъ же подъемъ и какъ бы нравственное очищеніе, которыя чувствовали современники Аксакова при личномъ общеніи съ нимъ... Подробное знакомство съ жизнью и дѣятельностью Аксакова наглядно показываетъ, до какой степени можетъ быть важно, вѣчно то содержаніе, которое живая личность вкладываетъ хотя бы въ преходящую идею.

Присмотрѣвшись къ самымъ идеямъ, воодушевлявшимъ Аксакова, нельзя не удивляться тому, какъ много въ нихъ общаго съ идеями противоположнаго лагеря того времени. Лучшіе славянофилы и лучшіе западники въ одинаковой степени желали блага Россіи и видѣли это благо прежде всего въ «гласности». Приводя интереснѣйшій документъ — записку, поданную Аксаковымъ императору Александру II при восшествіи его на престолъ, С. А. Венгеровъ говоритъ о томъ, что въ сущности разница между «западниками» и «честными славянофилами» сводится только къ теоретическому обоснованію ихъ идей. «Приглядитесь, въ самомъ дѣлѣ къ тезисамъ записки, отбросьте въ нихъ теоретическія посылки и вы увидите, что не только одна и та же цѣль воодушевляла и западниковъ, и искреннихъ славянофиловъ—счастье и благоденствіе Россіи, но что и пути достиженія этого счастія всего менѣе расходились между собой. Подъ практическою частью записки съ величайшимъ удовольствіемъ подписались бы самые передовые изъ тогдашнихъ западниковъ; въ 1855 г., по крайней мѣрѣ, ихъ мечтанія не шли дальше. «Благодѣтельная гласность» долго составляла единственное опредѣленное требованіе западническаго лагеря. А между тѣмъ Константинъ Аксаковъ пошелъ дальше этого». Въ своей запискѣ, по порядку первой среди подававшихся въ то время записокъ, Аксаковъ настаиваетъ не только на необходимости свободы слова, но и на созваніи въ нѣкоторыхъ случаяхъ земскихъ соборовъ, практиковавшихся въ древней Руси».

Къ книгѣ С. А. Венгерова приложены подробный библіографическій списокъ сочиненій Аксакова и рѣдчайшая брошюра, недавно пріобрѣтенная Имп. Публич. Библіотекой—статья Аксакова о «Мертвыхъ душахъ».

Е. Колтоновская.

— В. М. Устиновъ. Ученіе о народномъ представительствѣ. Т. I. Идея народнаго представительства въ Англіи и Франціи до начала XIX вѣка. М. 1912. Ц. 5 руб.

Объемистая книга, представляющая собою магистерскую диссертацію прив.-доцента Московскаго университета В. М. Устинова, распадается на три отдѣла. «Введеніе» посвящено вообще «проблемѣ народнаго представительства»; часть первая—«идеѣ народнаго представительства въ Англіи»; часть вторая—«идеѣ народнаго представительства во Франціи». При рѣшеніи поставленной проблемы авторъ исходитъ изъ того основного процесса демократизаціи современнаго государства, въ силу котораго господствующая нынѣ теорія народнаго представительства, отстаивающая полную независимость депутатовъ отъ избирателей, все сильнѣе расходится съ практикой народнаго представительства въ передовыхъ государствахъ, гдѣ развитіе демократіи необходимо приводитъ къ подчиненію парламента народу. Въ Англіи, во Франціи и особенно въ Швейцаріи беретъ перевѣсъ взглядъ, противоположный господствующей теоріи (ведущей свое начало отъ знаменитаго Сіейса) и весьма близко подходящій къ мысли Ж. Ж. Руссо: «представительный строй есть только видъ самоуправленія народа; съ нимъ надо мириться лишь поскольку неосуществимо непосредственное народоправство и поскольку онъ не противорѣчитъ верховной власти народа». Эта мысль вполнѣ согласуется съ новѣйшей практикой въ сферѣ народнаго представительства. «Стремленія современной демократіи къ подчиненію представителей избирателямъ находятся въ связи съ общей тенденціей конституціоннаго государства къ установленію подконтрольности всѣхъ проявленій государственной дѣятельности». Установляя такой контрастъ между теоріей и практикой народнаго представительства, авторъ ставитъ своей задачей «создать новую теорію, болѣе соотвѣтствующую современнымъ условіямъ государственности». Такую теорію онъ обѣщаетъ дать во второмъ томѣ своей книги.

Въ исторіи развитія народнаго представительства въ Англіи и во Франціи до XIX в. авторъ намѣчаетъ три этапа. Первый изъ нихъ—средневѣковое феодально-договорное представительство, на началахъ частнаго права, съ полной зависимостью депутатовъ отъ избирателей; второй—упадокъ роли народнаго представительства, возрастаніе абсолютизма и индифферентизмъ населенія къ представительству. Третій—эпоха сословнаго народнаго представительства, съ теоріей, отстаивающей полную независимость депутатовъ отъ из-

бирателей, въ виду ихъ призванія быть представителями всего народа. Въ этомъ изслѣдованіи ясно проявляется симпатія автора къ теоріи, признающей зависимость депутатовъ отъ своихъ избирателей, и, eo ipso, къ первой (средневѣковой) эпохѣ. Къ другимъ эпохамъ и теоріямъ авторъ относится отрицательно, находя, что теоріи эти «были всѣ чисто политическими ученіями, будучи всегда создаваемы съ опредѣленной политической цѣлью» и «съ практическимъ корыстнымъ разсчетомъ». Въ богатой фактическимъ матеріаломъ работѣ изображается ходъ развитія народнаго представительства, но не выясняются его причины; нельзя же считать объясненіемъ указанія автора на «практическіе корыстные разсчеты доктринеровъ» или на «политическія цѣли» тѣхъ или иныхъ теорій, вліявшихъ на ходъ развитія народнаго представительства. Исторія человѣчества движется и направляется не усиліями развыхъ доктринеровъ, руководимыхъ «корыстными разсчетами», а сложными процессами соціально-психическаго свойства.

П. Михайловъ.

— К. А. Пажитновъ. Современная дороговизна на Западѣ и въ Россіи. Харьковъ. 1912.

Книга, составляющая предметъ настоящей замѣтки, посвящена злободневному во всемъ цивилизованномъ мірѣ вопросу, который излагался тѣмъ же авторомъ на страницахъ «Вѣстника Европы» (Февраль, 1912 г.) въ статьѣ, включенной и въ разсматриваемый нами трудъ. Этотъ послѣдній касается собственно дороговизны главныхъ пищевыхъ продуктовъ. Мы находимъ въ немъ данныя о движеніи цѣнъ за нѣсколько десятилѣтій въ главнѣйшихъ иностранныхъ государствахъ и въ Россіи, о сравнительной стоимости жизни и о потребленіи нѣкоторыхъ продуктовъ на Западѣ и въ Россіи, о причинахъ дороговизны и мѣрахъ борьбы съ нею государствъ, муниципалитетовъ и кооперативной организаціи потребителей. Въ изложеніи этихъ предметовъ, однако, не всегда соблюдается надлежащая пропорціональность. Статистическія, напр., данныя о движеніи цѣнъ въ Россіи за продолжительное время могли бы не ограничиваться цѣнами ржанаго хлѣба въ Москвѣ и на мясо—въ Москвѣ и Петербургѣ, а исторія борьбы съ дороговизной (мяса и хлѣба) нашихъ столичныхъ муниципалитетовъ ничего бы не потеряла отъ исключенія подробностей, мало интересныхъ для обыкновеннаго читателя; глава о причинахъ дороговизны могла бы полнѣе представить положеніе этого важнаго вопроса въ наукѣ. Въ противуположность

остальнымъ главамъ книги К. А. Пажитнова, гдѣ авторъ является болѣе или менѣе умѣлымъ регистраторомъ даннаго явленія, въ главѣ о причинахъ дороговизны г. Пажитновъ не столько излагаетъ чужіе взгляды, сколько критикуетъ ихъ и развиваетъ собственныя на этотъ счетъ мнѣнія. Главными причинами современной дороговизны, по мнѣнію г. Пажитнова, слѣдуетъ считать не чрезмѣрное количество добываемаго золота и не «законъ» убывающаго будто бы плодородія почвы—на чемъ настаиваютъ многіе ученые,—а соціальныя условія общества, порождающія земельную монополію, съ налогомъ въ видѣ ренты въ пользу собственника земли, аграрный и промышленный протекціонизмъ съ высокими пошлинами на предметы питанія, обложеніе налогомъ предметовъ потребленія и т. п. «Послѣ земельной монополіи—говоритъ авторъ,—центральнымъ факторомъ въ дѣлѣ установленія цѣнъ на современномъ уровнѣ является финансовая и таможенная политика. Второе по значенію мѣсто занимаетъ неорганизованность торговли», допускающая чрезмѣрное поднятіе доли посредниковъ между производителями и потребителями. При готовомъ опредѣленномъ отвѣтѣ на вопросъ о причинахъ дороговизны, авторъ естественно не указалъ въ своей книгѣ на нѣкоторыя если не окончательныя, то ближайшія и можетъ быть временныя причины поднятія цѣнъ, выходящія изъ рамокъ его схемы, какъ-то относительное (по сравненію съ населеніемъ) сокращеніе скотоводства въ Европѣ (сокращеніемъ скотоводства въ Россіи авторъ объясняетъ лишь повышеніе цѣны мяса въ нашемъ отечествѣ), индустріализація Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, поведшая къ сокращенію экспорта оттуда хлѣбныхъ товаровъ и т. п. Односторонняя точка зрѣнія на причины дороговизны была причиной того, что, при объясненіи поднятія цѣнъ на предметы питанія въ Россіи, зависящаго между прочимъ, по его мнѣнію, отъ усиленнаго экспорта продуктовъ сельскаго хозяйства, самый этотъ экспортъ г. Пажитновъ объясняетъ необходимостью добыть средства, «чтобы оправдать нашъ непомѣрно раздутый государственный бюджетъ». «Господствующая финансовая система, опирающаяся на тяжелое косвенное обложеніе населенія, является несомнѣнно одной изъ главнѣйшихъ причинъ современной дороговизны». Мы бы спросили г. Пажитнова, одно ли косвенное обложеніе увеличиваетъ денежныя затраты сельскаго населенія, не дѣйствуетъ ли въ томъ же смыслѣ, и притомъ болѣо настоятельно, вся совокупность условій современнаго хозяйственнаго строя, побуждающая крестьянина отъ натуральнаго хозяйства переходить къ денежному, за утратой домашнихъ подсобныхъ при земледѣліи занятій расширять посѣвы для увеличенія денежныхъ

рэедствъ и, за отсутствіемъ достаточнаго спроса на зерно внутри страны, выбрасывать его за границу?

Ограничиваясь сдѣланными замѣчаніями и пользуясь случаемъ для исправленія неправильнаго заявленія на с. 14 разсматриваемаго труда о свободномъ будто бы ввозѣ въ Германію коровьяго масла (въ дѣйствительности обложеннаго пошлиной въ $1^1/_2$ р. съ пуда), мы должны въ заключеніе высказать, что, освѣщая различныя стороны жгучаго вопроса о дороговизнѣ предметовъ питанія широкихъ массъ, книга г. Пажитнова отвѣчаетъ естественному интересу къ этому вопросу.

— Государственные доходы по главнымъ источникамъ поступленій въ 1907—1911 г. Спб., 1912.
— Государственные расходы по главнымъ предметамъ назначенія въ 1907—1912 гг. Спб., 1912.
— Распредѣленіе госуд. доходовъ за 1907—1911 гг. по числу душъ населенія. Спб., 1912.
— Свободная наличность государственнаго казначейства за 1892—1911 гг. Спб. 1912.

Съ учрежденіемъ Государственной Думы естественно усилился дѣловой интересъ къ вопросамъ нашего бюджета, и всякая сводка, облегчающая обозрѣніе соотвѣтствующаго матеріала, прямо отвѣчаетъ потребности общества. Такой сводкой является уже объяснительная записка къ государственной росписи доходовъ и расходовъ, представляющая за послѣдніе года нѣчто въ родѣ цѣлаго финансово-экономическаго трактата. Изъ тѣхъ же сферъ выходятъ и другія сводки, къ числу которыхъ относятся указанныя въ заголовкѣ къ этой замѣткѣ статистическія работы г. Дементьева, составляющія оттискъ статей, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ, Промышленности и Торговли». Первыя двѣ работы, обнимающія время существованія третьей Думы, служатъ продолженіемъ работъ, помѣщенныхъ въ томъ же журналѣ раньше и касающихся періода времени отъ 1903 г. до 1909 г. Вмѣстѣ съ послѣдними, онѣ рисуютъ положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ въ послѣдній нормальный годъ передъ образованіемъ новаго государственнаго строя и измѣненіе его въ періодъ дѣятельности третьей Думы. Можно, пожалѣть, что, включивъ въ разсматриваемыя изданія, приведенныя въ первой работѣ данныя за 1907 г., г. Дементьевъ не помѣстилъ въ нихъ и данныя за 1903 г., лучше характеризующій положеніе дѣлъ при прежнемъ режимѣ и къ которому, поэтому, всегда будутъ обращаться при сравненіи стараго и новаго. Государственные доходы въ первой работѣ приведены въ итогахъ

по параграфамъ росписи, сгруппированныхъ въ три группы: налоговъ, хозяйственныхъ предпріятій и разныхъ, съ процентными отношеніями каждаго параграфа къ общему итогу и къ итогу соотвѣтствующаго отдѣла. Здѣсь-же дѣлается попытка исчисленія расходовъ взиманія налоговъ и операціонныхъ и опредѣленія чистаго дохода, идущаго на покрытіе различныхъ государственныхъ потребностей. Третью работу можно считать какъ бы дополненіемъ только что разсмотрѣнной. Государственные доходы по тѣмъ же самымъ дѣленіямъ исчисляются здѣсь въ размѣрахъ, падающихъ на душу населенія.

Въ до-конституціонное время роспись государственныхъ расходовъ группировала послѣдніе по вѣдомствамъ, ихъ выполнявшимъ. Такая же группировка мелкихъ подраздѣленій этихъ расходовъ сохранена и въ новѣйшихъ росписяхъ, но для облегченія оцѣнки финансовъ съ точки зрѣнія удовлетворенія государственныхъ потребностей, послѣ учрежденія Госуд. Думы, въ росписи приводится также группировка государственныхъ расходовъ по предметамъ ихъ назначенія. Этой же системы придерживается г. Дементьевъ во второй своей работѣ, а въ статьѣ, помѣщенной въ № 8 «Вѣстника Финансовъ, Промышленности и Торговли» за 1910 г., по той же системѣ были перегруппированы, насколько это представлялось возможнымъ, и данныя за 1903 г. Если бы этотъ годъ былъ включенъ въ разсматриваемое нами изданіе, то предъ нами была бы цѣлая интересная картина того, сколько расходовалось изъ государственныхъ средствъ на удовлетвореніе отдѣльно указанныхъ потребностей страны въ до-конституціонное время и какія измѣненія претерпѣло соотношеніе между расходами на различныя потребности при наличности Госуд. Думы.

Наибольшій интересъ имѣетъ четвертый трудъ г. Дементьева, представляющій, если не ошибаемся, первую попытку «освѣщенія вопроса о происхожденіи и употребленіи свободной наличности» за послѣднія десятилѣтія. Здѣсь приведены таблицы общихъ итоговъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и расходовъ за время съ 1892 по 1911 гг., съ указаніемъ обстоятельствъ (измѣненіе налоговаго обложенія и др.), имѣвшихъ послѣдствіемъ увеличеніе или умевьшеніе въ каждомъ году поступленій по тѣмъ или другимъ статьямъ, и детальныя таблицы за тотъ же періодъ времени чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ. На основаніи этихъ данныхъ опредѣляется положительный или отрицательный годовой балансъ доходовъ и расходовъ, увеличивающій или уменьшающій итогъ свободной наличности, опредѣлившійся къ началу отчетнаго года. За этимъ слѣдуетъ рядъ сопоставленій болѣе или менѣе услов-

наго характера, съ отнесеніемъ одной части чрезвычайныхъ расходовъ на счетъ обыкновенныхъ доходовъ и объединеніемъ остатка обыкновенныхъ доходовъ и всѣхъ спеціальныхъ поступленій, подъ именемъ общихъ рессурсовъ свободной наличности. Условный характеръ имѣетъ и попытка г. Дементьева оцѣнить вліяніе, оказываемое на накопленіе свободной наличности возвышеніемъ старыхъ и введеніемъ новыхъ налоговъ, потому что на счетъ этихъ источниковъ свободной наличности онъ относитъ лишь приращеніе доходовъ въ первый годъ поступленія прибавочнаго обложенія, будто этимъ и исчерпывается вліяніе послѣдняго на нашъ бюджетъ.

— П. И. Лященко. Хлѣбная торговля на внутреннихъ рынкахъ Европейской Россіи. Спб. 1912.

Авторъ настоящаго труда—кажется единственный ученый, занимающійся спеціально хлѣбными оборотами нашей страны. Послѣднимъ отведено видное мѣсто въ его большомъ трудѣ: «Очерки аграрной эволюціи Россіи» и посвящено нѣсколько отдѣльныхъ, менѣе значительныхъ изданій. О хлѣбной торговлѣ П. И. Лященко помѣщаетъ статьи въ «Вѣстникѣ Финансовъ, Промышленности и Торговли»; этому же предмету посвященъ новый большой томъ, составляющій предметъ настоящей замѣтки. Говоря вообще, хлѣбная торговля въ широкомъ смыслѣ слова—т. е. всѣ процессы, коимъ подвергается зерно съ момента снятія урожая до поступленія въ руки мукомола внутри страны или за границей—подлежитъ изученію съ двухъ сторонъ: со стороны главнѣйшихъ ея условій и результатовъ—спроса внутренняго и внѣшняго рынка (въ зависимости отъ урожая), запасовъ стараго зерна, цѣнъ хлѣба, перемѣщеній зерна изъ однѣхъ мѣстностей въ другія и т. п.,—и со стороны самаго процесса купли-продажи зерна и вспомогательныхъ его средствъ. Наибольшее вниманіе общества привлекаетъ къ себѣ первая сторона дѣла, какъ вслѣдствіе всеобщей практической ея важности, такъ и потому, что составляющіе ее элементы подлежатъ правильной регистраціи. Наименѣе изучены у насъ самыя торговыя операціи, испытавшія въ послѣднія двадцать лѣтъ существенныя перемѣны и подъ вліяніемъ расширенія желѣзно-дорожной сѣти и связанной съ нимъ перемѣны характера хлѣбной торговли, и вслѣдствіе пріобщенія къ торговлѣ банковъ и другихъ крупныхъ учрежденій, и по причинѣ развитія ссудъ подъ хлѣба и т. п. Указанный въ заголовкѣ нашей замѣтки трудъ г. Лященко пополняетъ этотъ пробѣлъ. Главное содержаніе его заключается въ описаніи по-

ложенія, пріемовъ и обычаевъ хлѣбной торговли внутри страны, на основаніи отвѣтовъ тысячи корреспондентовъ на подробно составленный авторомъ опросный листъ. Описаніе ведется по губерніямъ, сгруппированнымъ въ 15 раіоновъ, при чемъ въ погубернскихъ или пораіонныхъ описаніяхъ, кромѣ условій и пріемовъ собственно закупки зерна, дается еще сельско-хозяйственная и хлѣбо-торговая характеристика мѣстности и характеристика ея водныхъ и желѣзнодорожныхъ отправокъ и полученій сырыхъ и переработанныхъ хлѣбныхъ товаровъ. Статистической характеристикѣ перевозокъ хлѣбныхъ грузовъ во внутреннемъ и внѣшнемъ сообщеніяхъ для всей Россіи цѣликомъ посвящена особая глава. Въ особыхъ же главахъ излагается современное состояніе элеваторнаго дѣла, банковаго, кооперативнаго и т. д. кредита подъ хлѣбъ въ Россіи, при чемъ многія данныя для этого извлечены изъ неопубликованныхъ матеріаловъ. Послѣдняя глава разсматриваемаго труда изслѣдуетъ вопросъ о движеніи хлѣбныхъ цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ и въ портахъ за послѣднія 30 лѣтъ. Въ этой главѣ намъ показалась странной система характеристики (на стр. 634) урожаевъ, при которой хлѣбные урожаи 1893—95-ыхъ годовъ попали въ періодъ низкихъ сборовъ зерна. Но это, конечно, не можетъ умалить общаго значенія разсматриваемаго труда въ дѣлѣ уясненія условій, пріемовъ и вопросовъ хлѣбной торговли въ нашей странѣ.

В. В.

— Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія (съ 1655 г. по 1905 годъ). Историческая монографія проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера. Цѣна за два тома 8 рублей.

— Альбомъ старинныхъ плановъ г. Харькова, снимковъ его видовъ и портретовъ его дѣятелей. Ц. 1 руб.

Недавно вышедшій 2-й томъ монографіи, заглавіе которой приведено выше, заканчиваетъ собою работу по изученію прошлаго и настоящаго г. Харькова, пріуроченную къ 250-ти лѣтнему юбилею его существованія и начатую еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ этой работѣ достаточно полно и въ значительной мѣрѣ на основаніи архивныхъ источниковъ охвачены главнѣйшія стороны жизни такого крупнаго торгово-промышленнаго и культурнаго центра, какъ Харьковъ, въ его историческомъ развитіи. О многосторонности программы можно судить по перечню тѣхъ рубрикъ, по которымъ распредѣленъ матеріалъ: топографія, градостроительство, географическія, климатическія и санитарно-гигіеническія условія жизни, составъ и

движеніе населенія, промышленность и торговля, городское самоуправленіе, городское хозяйство и благоустройство, церковь и духовенство, бытъ и нравы мѣстнаго общества, отзывы современниковъ. Есть, однако, и существенные пробѣлы; такъ напр., остались неиспользованными особенно интересныя въ настоящее время данныя о цѣнахъ на рабочія руки и на предметы первой необходимости, имѣющіяся въ архивѣ Городской Думы; не получили освѣщенія вопросъ о мобилизаціи земельной собственности въ г. Харьковѣ и рабочій вопросъ.

Починъ Харьковской Городской Думы, отпустившей значительную сумму на выполненіе этой сложной работы, заслуживаетъ того, чтобы быть отмѣченнымъ. Нельзя не пожелать, чтобы и другія наши городскія общественныя управленія послѣдовали ея примѣру.

Къ числу недостатковъ работы нужно отнести ея громоздкость, дѣлающую изданіе малодоступнымъ для широкой публики, и переобремененіе нѣкоторыхъ отдѣловъ сырымъ матеріаломъ, вслѣдствіе недостаточной его разработки.

К. П.

Въ теченіе октября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Амфитеатровъ, А. В. Княгиня Настя, и др. драм. соч. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Бестужевъ, Вл. Возвращеніе. Стихотворенія. Изд. цеха поэтовъ. 1912 г. Цѣна 1 р. 20 коп.

Богословскій, М. Земское самоуправленіе на русскомъ сѣверѣ въ XVII в. Томъ II. Изд. Импер. о-ва ист. и древн. россійскихъ при московскомъ университетѣ. Москва. 1912 г. Цѣна 2 руб.

Бунинъ, Ив. Суходолъ. Повѣсти и разсказы 1911—1912 гг. «Кн-во писателей». Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Бѣляцкинъ, С. А. Новое авторское право въ его основныхъ принципахъ. Изд. юрид. книжн. склада «Право». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Гердъ, П. Я. Сборникъ игръ и полезныхъ занятій для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Изд. 5-е. Изд-во «Шиповникъ». Спб. Цѣна 2 р.

Герцль, Теодоръ. Фельетоны. Пер. съ нѣм. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Глинскій, Б. Б. Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 гг.). Историческіе очерки. Часть I и II. Изд. т-ва А. С. Суворина — «Новое Время». Спб., 1913 г. Цѣна за двѣ части 5 р. 50 коп.

Гойхбергъ, А. Г. Законъ о правѣ застройки. Практическій комментарій. Изд. юрид. книжн. скл. «Право». Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Горнфельдъ, А. Г. О русскихъ писателяхъ. Томъ I. Кн-во «Просвѣщеніе». 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Горе отъ ума. Жандровская рукопись. Москва. Изд. Бухгеймъ. 1912 г. Цѣна 3 руб.

Данкевичъ, Л. Реформа волостн. Москва. 1912 г. Цѣна 50 коп.

Езерскій, Ѳ. В. Нравственность, ея природа, развитіе, упадокъ. Праздники. Спб., 1912 г. Цѣна 20 к.

Златовратскій, Н. Н. Собраніе соч. Т. VI. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Колкій, Серый. Зеленая исповѣдь. Стихи и разсказы. Спб., 1912 г. Цѣна 90 коп.

Кольцовъ, А. В. Полное собр. стихотв. Из-во «Нижегородскій Ежегодникъ». Н.-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 25 коп.

Краинфельдъ, Вл. П. Въ мірѣ идей и образовъ. Томъ второй. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кувшинская, Е. Исторія фабричнаго законодательства въ Англіи Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

Кудашевъ, С. С., кн. Исторія императора Александра Павловича. Часть третья (Отеч. война). Москва, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Ландау, Э. Г. Краткое руководство къ изученію антропологіи. Юрьевъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Линтенбержс, Андрэ. Мой маленькій Тротъ. Переводъ съ франц. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Львовичъ, М. Послѣдняя позиція (Сарат. ритуальное дѣло въ освѣщ. члена Гос. Думы г. Замысловскаго). Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

Малаховскій, Н. И. Матеріалы для изученія хлопководства. Гл. упр. землеустр. и земледѣлія. Хлопковый комитетъ. Вып. I. Спб., 1912 г.

Мартинъ, Эдгаръ. Исторія римской литературы. Пер. съ нѣм. Часть I. Литература республики. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1912 г. Ц. 2 р. 50 к.

Меликовъ-Каракозовъ, Г. Къ характеристикѣ современныхъ нѣмцевъ. Тифлисъ, 1911 г. Цѣна 20 коп.

Морозовъ, Николай. Звѣздныя пѣсни. Кн-во «Скорпіонъ». Москва. 1910 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Овсянико-Куликовскій, Д. Н. Собраніе сочин. Томъ III. Л. Н. Толстой. Изд. И. Л. Овсянико-Куликовской. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Оппель, Н. А. Въ борьбѣ за свѣтъ. Вниманію потребителей электр. энергіи. Изд. журн. «Гор. Дѣло» и «Зем. Дѣло». Спб., 1912 г. Ц. 1 р. 50 к.

Панкратовъ, А. С. Безъ хлѣба. Изд. В. П. Португалова. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Первушинъ, С. А. Изъ области методологіи бюджетныхъ изслѣдованій. О бюджетныхъ изслѣдованіяхъ. Спб., 1912 г.

Пилипенко, Г. Ал. Петр. Плетневъ, какъ писатель и критикъ. Одесса. 1912 г. Цѣна 50 коп.

Ремизовъ, Алексѣй. Сочиненія. Томъ восьмой. Изд-во «Шиповникъ». Спб., Цѣна 1 р. 25 коп.

Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе разсказы. Томъ VI. Изд. «Посредника». Москва, 1913 г. Цѣна 1 р.

Сентъ-Олеръ. Грезель. Романъ. Пер. съ фр. Спб. 1912 г. Цѣна 1 руб.

Соколовъ, К. Н. Парламентаризмъ. Опытъ правовой теоріи парламент. строя. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р.

Соловьевъ, В. С. Собраніе сочиненій. Второе изданіе. Томъ седьмой. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 2 р.

Сперанскій, В. Н. Общественная роль философіи. Введеніе въ исторію политич. ученій. Вып. I Изд-во «Шиповникъ». Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Стоянъ, П. Е. Малый толковый словарь русскаго языка. Часть первая А—О. Изд. В. Я. Макушкина. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Тиняковъ, Александръ. Книга стиховъ. 1905—1912 года. Кн-во «Грифъ». Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Толстой, Левъ. Посмертныя записки старца Федора Кузьмина. Изд. . Н. Крестовникова. Москва, 1912 г. Цѣна 15 коп.

Туганъ-Барановскій, М. Къ лучшему будущему. Кн-во «Энергія». Спб. Цѣна 1 р. 50 коп.

Целлеръ, Эдуардъ. Очеркъ исторіи греческой философіи. Съ нѣм. пер. С. Л. Франкъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Черновусовъ, Е. А. Очерки по исторіи Римской имперіи 180—235 гг. Подготовка смуты III вѣка. Харьковъ, 1911 г. Цѣна 2 р.

Энгельмейеръ, П. К. Философія техники. Вып. 1-й. Общій обзоръ. Москва. Цѣна 80 коп.

Юрьевскій, Б. Что достигнуто землеустройствомъ. Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

Велесъ. 1-ый альманахъ русскихъ и инославянскихъ писателей. Кн-во «Веелесъ». Спб., 1913 г. Цѣна 1 р.

Ежегодникъ лѣсного департамента. 1910 г. Томъ I. Лѣсной департа, ментъ. Спб., 1912 г.

Извѣстія Импер. русскаго географ. о-ва. Томъ XLVII. 1912 г. Вып. 1—V. Спб., 1912 г.

Историческая библіотека. Кн-во «Дѣло». Москва.

— Императрица Елизавета. К. Бестужева. Цѣна 10 коп.

— Неронъ. П. Мартынова. Цѣна 10 коп.

— Духоборы. С. Хомякова. Цѣна 20 коп.

— Шампль. Н. Ковалевскаго. Цѣна 10 коп.

— Польское возстаніе 1863 г. М. Крашевскаго. Цѣна 10 коп.

— Великій расколъ. П. Бунина. Цѣна 10 коп.

Историческій очеркъ развитія благотв. дѣятельности Елизаветинскаго о-ва въ Москвѣ и въ Московск. губ. за 20 лѣтъ съ 1892 по 1912 гг. Москва. 1912 г.

Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина. Книги на иностр. яз. Импер. росс. историч. музей. Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Обзоръ дѣятельности Гос. Думы третьяго созыва. 1907—1912 гг. Часть третья. Разсмотр. гос. росписей. Со ст. канц. Госуд. Думы. Спб. 1912 годъ.

Отчетъ Импер. русскаго географ. о-ва за 1911 г. Спб., 1912 г.

Отчеты Импер. россійскаго историч. музея за 1908, 1909, 1910 и 1911 гг. Москва 1912 г.

Пам[illegible] Макса Емельяновича Мандельштамма. Рѣчи, статьи и некрологи. Кіевъ, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Правила молодымъ учителямъ (изъ «Vademecum-Leichtenberger'a). Изд. 3-е. Т-во М. О. Вольфъ. Спб., 1912 г. Цѣна 15 коп.

Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ. Сборникъ, сост. Т. С. Рождественскимъ и М. И. Успенскимъ. Зап. импер. р. геогр. о-ва. Томъ XXXV Спб. 1912 г.

Сборникъ Импер. русскаго истор. о-ва. Томъ 138-й. Юрьевъ, 1912 г. Цѣна 3 руб.

Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1911 г. М-во торг. и пром. Отд. промышл. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Schewtschenko, Taras. Der Künstler. Autobiographischer Roman. Leipzig. 1912 годъ.

Статистическій семинарій С.-Петербургскихъ высшихъ женск. курсовъ. Слушательницы высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсовъ. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р.

Труды перваго съѣзда директоровъ среднеуч. завед. с.-петерб. уч. округа (съ 7—11 января 1912 г.). Изд. т-ва М. О. Вольфъ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Томъ 140-й. Спб., 1912 г. Цѣна 3 р.

— Томъ XLVII. 1911 г. Вып. VII—X. Спб., 1911 г.

ФРАНТИШЕКЪ ПАЛАЦКІЙ.

(1798—1876).

— «Я чехъ славянскаго рода и со всѣмъ тѣмъ, что имѣю и что могу, всецѣло и навсегда отдалъ себя служенію своему народу».

«Съ молодости я не зналъ болѣе искренной и высокой мечты для своей жизни, чѣмъ имѣть возможность дать своему дорогому народу картину его прошлаго, въ которой бы онъ позналъ самого себя и уяснилъ себѣ то, что ему нужно».

Въ этихъ двухъ автобіографическихъ заявленіяхъ великаго чешскаго исторіографа и національнаго дѣятеля лаконически, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ исчерпывающимъ образомъ выражены характеръ его необыкновенно богатой и плодотворной дѣятельности для блага чешскаго народа, ея программа и содержаніе. Дѣйствительно, вся жизнь его всецѣло посвящена была служенію великому дѣлу возрожденія народа, въ исторіи котораго онъ былъ послѣднимъ, но въ то же время и величайшимъ національнымъ «будителемъ» (buditel). Можно сказать, что вся жизнь и дѣятельность

Ф. Палацкаго была сплошнымъ и непрерывнымъ воплощеніемъ національнаго и патріотическаго императива. Когда онъ писалъ въ своемъ знаменитомъ письмѣ франкфуртскому парламенту, что онъ «чехъ славянскаго рода», онъ былъ глубоко убѣжденъ въ національномъ возрожденіи своего народа; въ немъ не было тѣхъ сомнѣній о будущемъ чешскаго языка и самобытной культуры, которыя тревожили порою великихъ его предшественниковъ—Добровскаго и Юнгманна. Палацкій, какъ и его современникъ—даровитый публицистъ Гавличекъ,—были уже убѣжденными и вполнѣ сознательными чехами, у которыхъ національное чувство одержало верхъ надъ абстрактной идеей славянскаго единенія, господствовавшей въ первоначальной исторіи чешскаго возрожденія. Для нихъ чехи и Чехія не были уже только составной частью абстрактнаго славянства, но самодовлѣющей національной единицей.

Вполнѣ естественно, поэтому, что Палацкій сталъ первымъ чешскимъ политикомъ или, правильнѣе, первымъ чешскимъ политическимъ идеологомъ и родоначальникомъ новѣйшей политической жизни Чехіи. До него національное возрожденіе чеховъ носило главнымъ образомъ литературно-культурный характеръ, по существу было аполитическимъ движеніемъ. Палацкій и Гавличекъ внесли въ него политическій элементъ, сообщили ему полноту и законченность.

Политическая программа Палацкаго въ основѣ своей австрофильская. Во время политическаго обновленія Австріи — перехода отъ абсолютизма къ конституціонализму—Палацкій заявляетъ себя рѣшительнымъ защитникомъ Австріи. Онъ горячо отстаиваетъ ея политическую самобытность и независимость, приписывая ей историческую миссію: въ былое — время быть оплотомъ противъ исламизма и восточныхъ кочевниковъ, теперь—защищать Западъ отъ восточнаго деспотизма (Россіи) и перестроить внутреннюю жизнь страны на началахъ національной и политической равноправности. Палацкій отклоняетъ приглашеніе франкфуртскаго парламента принять участіе въ его совѣщаніяхъ. Какъ чехъ и австріецъ, онъ считаетъ это для себя недопустимымъ. Въ своемъ письмѣ Палацкій подробно излагаетъ свою политическую идеологію и, между прочимъ, въ защиту своего австрофилизма приводитъ извѣстный афоризмъ, такъ часто подвергавшійся перетолкованіямъ: «Воистину, если бы австрійское государство не существовало уже давно, нужно было бы, въ интересахъ Европы и даже гуманности, какъ можно скорѣе позаботиться о томъ, чтобы оно возникло».

Въ томъ же письмѣ, отстаивая государственную и политическую raison d'être Австріи, Палацкій говоритъ по адресу Рос-

сіи слѣдующія слова: «Вы знаете, господа, какое государство держитъ въ своихъ рукахъ весь огромный Востокъ нашей части свѣта; знаете, что эта имперія, уже теперь увеличившаяся до огромныхъ размѣровъ, съ каждымъ десятилѣтіемъ интенсивно усиливается и разростается; что, будучи почти недоступной нападенію, она уже давно стала опасной своимъ сосѣдямъ. И не смотря на то, что на сѣверѣ у нея есть открытыя ворота, она, подъ вліяніемъ естественнаго инстинкта, все стремится и будетъ стремиться расширяться на югъ; каждый шагъ, сдѣланный въ этомъ направленіи впередъ, угрожаетъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе, основаніемъ *универсальной монархіи*, т. о. невыразимаго зла, безмѣрнаго и безграничнаго несчастья, которое во мнѣ, славянинѣ тѣломъ и душой, ради блага человѣчества вызывало бы тяжелую боль, хотя бы эта монархія и заявляла себя славянской».

Здѣсь нужно сдѣлать оговорку. Будучи австрофиломъ, Палацкій имѣлъ въ виду не дѣйствительную Австрію, какою она тогда была, но идеальную, абстрактную Австрію, въ которой «всѣ подъ ея скипетромъ объединенные народы и вѣроисповѣдавія пользовались бы полною равноправностью и равноцѣнностью». Только это, по мнѣнію Палацкаго, можетъ спасти Австрію отъ потопленія въ океанѣ національно-политическихъ распрей и раздоровъ.

Къ сожалѣнію, политическая эволюція Австріи пошла по совсѣмъ иному пути всецѣло игнорируя національный федерализмъ и автономизмъ Палацкаго. Спитая изъ лоскутковъ конгрессами и упроченная глубокими дипломатическими соображеніями «связь нѣсколькихъ народностей, основанная на отвращеніи ихъ другъ отъ друга»... построила свое государственное бытіе на національной антропофагіи, возведенной въ политическую систему.

Эволюція габсбургской монархіи въ вышеотмѣченномъ направленіи совершилась еще при жизни великаго чешскаго историка. Съ печалью онъ слѣдилъ за ней. Его австрофилизмъ подвергся значительному измѣненію. Его извѣстныя статьи, писанныя въ 1865 г. и изданныя затѣмъ отдѣльною брошюрою подъ названіемъ: «Идея австрійскаго государства» (*«Idea státu rakouského»*)—призывали Австрію образумиться, пока еще не поздно, предостерегали ее отъ пагубныхъ послѣдствій, сопряженныхъ съ дуализмомъ. Палацкій вѣритъ въ историческую миссію Австріи, но сомнѣвается, чтобы реальная Австрія, идя по новому своему пути, могла исполнить свое назначеніе. Однако, его скептицизмъ относится только къ будущему Австріи, но не къ будущему австрійскихъ славянъ. «Славяне—говоритъ онъ,—были прежде Австріи, будутъ и послѣ нея!»

Измѣнилось отношеніе Палацкаго и къ Россіи. Многіе считаютъ его руссофобомъ, основываясь на цитированной выше выдержкѣ изъ его письма франкфуртскому парламенту, а также на заявленіи сдѣланномъ имъ въ 1863 г.: русская имперія зиждется не на славянскихъ началахъ а на какой-то амальгамѣ монгольско-нѣмецкихъ принциповъ. Другіе, наоборотъ, упрекаютъ Палацкаго въ руссофильствѣ, имѣя въ виду его поѣздку (въ 1867 г.) въ Москву и критическое отношеніе къ польскому возстанію 1863 г., пререканія по поводу котораго вызвали среди чеховъ политическій расколъ и образованіе младочешской партіи, въ то время полонофильской.

Въ дѣйствительности отношеніе Палацкаго къ Россіи всегда было критическое. Оно подверглось основному измѣненію послѣ 1861 г., подъ вліяніемъ освобожденія крестьянъ и эпохи великихъ реформъ, принятыхъ имъ вообще съ большимъ оптимизмомъ. Къ упомянутой своей брошюрѣ: «Идея австрійскаго государства» онъ высказывается по этому поводу слѣдующимъ образомъ: «освобожденіе русскихъ мужиковъ и проведеніе въ русской имперіи другихъ великихъ реформъ въ духѣ современной культуры, даетъ право предвидѣть, что по минованіи одного поколѣнія, русскій народъ, до сихъ поръ только пассивный, выступитъ на міровой аренѣ въ качествѣ активной силы, въ духѣ старославянской демократіи».

Въ «Послѣсловіи» къ своему сборнику статей «Radhost», Палацкій спеціально и довольно подробно излагаетъ эволюцію своихъ отношеній къ Россіи. «Прежде всего я долженъ сознаться,—пишетъ онъ,—что благословляю тотъ моментъ, когда я рѣшился отправиться въ Петербургъ и Москву.» Благодаря этому путешествію онъ имѣлъ возможность ближе и лучше изучить настоящую Россію и русскія дѣла. Онъ пересталъ бояться русской «универсальной монархіи», убѣдившись въ невозможности ея осуществленія. «Всѣ просвѣщенные русскіе, а число ихъ отнюдь не мало, не только не думаютъ о расширеніи границъ имперіи на Западѣ, но и считали бы это неудачей, если бы были къ тому вынуждены». Говоря объ отношеніи Россіи къ славянству, Палацкій рѣзко высказывается противъ «панруссизма», о которомъ мечтаютъ нѣкоторые строптивые «панслависты», заявляя, «что чехи съ безчисленными и невыразимыми жертвами защищали и сохранили свою народность не для того, чтобы затѣмъ отречься отъ нея ради какого-нибудь добраго слова. То же можно предполагать и относительно другихъ славянъ, особенно южныхъ. Всѣ мы будемъ тѣмъ охотнѣе изучать русскій языкъ, чѣмъ больше поученія и удовольствія будетъ да-

вать намъ русская литература; однако, ради этого никогда не забросимъ свой собственный языкъ и литературу. Мечты о созданіи и введеніи одного всеславянскаго языка—только мечты, не болѣе. Если бы чехи, какъ народъ, очутились въ подданствѣ русской или прусской имперіи, они никогда не помирились бы съ своей судьбой, никогда бы не забыли, что по праву должны быть подданными своего собственнаго государства. Годъ спустя Палацкій весьма рѣшительно заявилъ варшавскому профессору Макушеву: «Если мы когда-нибудь должны будемъ перестать быть чехами, то намъ будетъ совершенно безразлично, станемъ ли мы нѣмцами, итальянцами, мадьярами или русскими».

Въ своемъ отношеніи къ Россіи Палацкій строго различалъ оффиціальную Россію отъ русскаго народа. Первую онъ обвинялъ въ антиславянской, германофильской политикѣ, указывая при этомъ что у нея нѣтъ даже платоническаго чувства къ чехамъ. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ, по мнѣнію Палацкаго, съ взаимными отношеніями между народами русскимъ и чешскимъ! Здѣсь онъ прежде всего подчеркивалъ своего рода идентичность русскаго и чешскаго духа въ области религіозной, находя аналогію между чешскимъ гусситизмомъ и русскимъ расколомъ, аналогію, впрочемъ, болѣе въ методѣ рѣшенія религіозныхъ вопросовъ, чѣмъ по существу. По сравненію съ чешскимъ гусситизмомъ и движеніемъ «чешскихъ братьевъ» расколъ представлялся ему весьма примитивнымъ, лишеннымъ философской глубины чешскихъ религіозныхъ исканій. Во избѣжаніе недоразумѣній, Палацкій спѣшитъ заявить, что религіозную идентичность русскаго и чешскаго духа отнюдь не слѣдуетъ толковать въ томъ смыслѣ, что чехи легко могутъ стать православными. Православіе, со своими однообразными обрядами, длинными постами и т. п., безъ внутренней реорганизаціи совсѣмъ непріемлемо для чеховъ. Палацкій скептически высказывается о проектахъ (Гильфердингъ) замѣнить чешскую латинскую азбуку гражданской или кириллицей, считая это почти неосуществимымъ и находя, что чешская орографія принадлежитъ къ наилучшимъ и наиболѣе послѣдовательнымъ.

Изложеніе своихъ взглядовъ на отношеніе чеховъ къ русскимъ и наоборотъ чешскій исторіографъ заканчиваетъ слѣдующими словами: «Подобно тому, какъ чехи не требуютъ и не могутъ требовать чехизаціи русскихъ, такъ и всѣ культурные русскіе не хотятъ, чтобы мы отказались отъ своихъ національныхъ особенностей и своей исторіи, благодаря которымъ мы въ исторіи Европы и цивилизаціи занимаемъ далеко не послѣднее мѣсто и, Богъ дастъ, про-

славимся еще больше, если этому не будутъ препятствовать нѣмецкая зависть и мнительность.»

Палацкій былъ въ политикѣ теоретикомъ, идеологомъ, но не практикомъ, не смотря на то, что два раза былъ депутатомъ, а подъ конецъ жизни—членомъ палатыгосподъ. Для австрійскаго парламента, а тѣмъ паче для палаты господъ, его федерализмъ и національный автономизмъ были слишкомъ революціонными доктринами, идущими въ разрѣзъ съ политическимъ централизмомъ габсбургской монархіи. И во внутреннихъ чешскихъ дѣлахъ, будучи родоначальникомъ первой чешской партіи (старочешской), Палацкій не былъ позитивнымъ политикомъ. При его жизни произошелъ расколъ въ единой народной партіи: на политическую арену выступила новая партія, младочешская, которая на первыхъ порахъ своего существованія обѣщала быть носительницей политическихъ принциповъ и идеаловъ новаго времени, и прежде всего—демократизма.

Дѣло въ томъ, что Палацкій, въ рѣшеніи національнаго вопроса далеко опередившій свое время, въ своихъ воззрѣніяхъ на нѣкоторыя другія проблемы, достаточно уже назрѣвшія, не поспѣвалъ за быстрымъ темномъ политической эволюціи новаго времени.

Происходя изъ народа, онъ не былъ демократомъ. Онъ мечталъ о привлеченіи къ политической дѣятельности представителей чешской аристократіи и недружелюбно, поэтому, относился къ нарождавшейся чешской демократіи, не желавшей имѣть ничего общаго съ послѣдними представителями вымирающей аристократіи. Палацкій былъ противникомъ всеобщаго избирательнаго права, считая этотъ политическій постулатъ неосуществимымъ. Точно также онъ былъ противникомъ женскаго равноправія въ области политики, отрицательно относился къ самостоятельному рабочему движенію и къ соціализму, какъ способу самостоятельнаго его рѣшенія. По его мнѣнію начала, защищаемыя приверженцами самостоятельной рабочей политики, неминуемо приведутъ человѣчество къ первобытному состоянію: дикости и варварству. Словомъ, въ политикѣ Палацкій былъ умѣреннымъ консерваторомъ. Онъ не могъ, поэтому, стать политическимъ вождемъ своего народа, хотя и былъ духовнымъ его отцомъ. Послѣ 1848 г. политическая эволюція Западной Европы, разъ сдвинутой съ мертвой точки разложившагося абсолютизма, пошла нервнымъ темпомъ, быстрыми и неровными шагами. Людямъ, міровоззрѣніе которыхъ сложилось до 1848 г., трудно, почти невозможно было уловить основной тонъ этого новаго ритма, а тѣмъ паче—приноровиться къ нему.

Палацкій былъ историкомъ чешскаго народа, историкомъ его давноминувшаго прошлаго, но не могъ быть его политическимъ вождемъ въ настоящемъ, хотя и былъ однимъ изъ главнѣйшихъ творцовъ этого настоящаго. Какъ мѣтко подчеркнулъ французскій ученый *Э. Денисъ*, авторъ извѣстнаго труда: «*Чехія послѣ Бѣлой Горы*», «Палацкій лучше зналъ документы, чѣмъ людей.»

Въ ряду тѣхъ патріотическихъ дѣятелей, которые всю свою жизнь посвятили великому дѣлу пробужденія и возрожденія чешскаго народа, почему и названы были народными «будителями», Палацкій, будучи однимъ изъ послѣднихъ по времени, является однимъ изъ величайшихъ по значенію. Денисъ считаетъ его своего рода «синтезомъ стремленій, руководившихъ тремя поколѣніями, воплощеніемъ разнородныхъ элементовъ, сочетаніе которыхъ образуетъ чешскую отчизну. Мы бы назвали его воплощеніемъ чешскаго національнаго генія. Когда растворъ достаточно насыщенъ, довольно одного кристалла, чтобы вызвать процессъ кристаллизаціи. Въ жизни чешскаго народа такимъ національнымъ кристалломъ былъ Палацкій, своей огромной и необыкновенно плодотворной дѣятельностью ускорившій темпъ чешскаго національнаго возрожденія, способствовавшій переходу его изъ состоянія потенціальной энергіи въ состояніе энергіи кинетической. Именно въ этомъ наибольшее его значеніе для чешскаго народа. Понятно, что и безъ Палацкаго мыслимо завершеніе возрожденія чешскаго народа; но безъ него немыслимо то, что въ этомъ направленіи сдѣлано и достигнуто было во второй половинѣ XIX ст. Иными словами—безъ Палацкаго оно бы значительно запоздало.

Очень разнообразна дѣятельность Палацкаго какъ «будителя» чешскаго народа. Мы въ ней отмѣтимъ только наиболѣе важные моменты, охарактеризуемъ его, какъ чешскаго историографа и организатора въ области культурно-національныхъ начинаній. Его «*Исторія чешскаго народа*» стала для возрождающейся націи мостомъ, переброшеннымъ черезъ роковую Бѣлую Гору (1620), ведущимъ къ наиболѣе красивому и великому въ ея прошломъ (гуситизму) и дающимъ ему своего рода историческую санкцію на право существованія. Палацкій былъ для чеховъ основателемъ исторической науки, ея воплощеніемъ и единственнымъ носителемъ.

«Исторія чешскаго народа» требовала огромныхъ подготовительныхъ работъ, главнымъ образомъ, — архивныхъ изысканій и критическаго изслѣдованія сырого матеріала. Все это Палацкій предпринялъ и сдѣлалъ самъ. Въ этой области совершенъ былъ имъ колоссальный трудъ, который вполнѣ можетъ быть постигнутъ

и оцѣненъ только спеціалистами, новѣйшими чешскими историками, до сихъ поръ пользующимися его трудами.

Въ исторіи Чехіи Палацкій съ особенной любовью относился къ гуссицизму, считая его наиболѣе сильнымъ и оригинальнымъ проявленіемъ чешскаго національнаго духа. «Эпоха Гуса,—говоритъ онъ въ послѣдней своей рѣчи (23 мая 1876 г.), въ своемъ устномъ завѣщаніи чешскому народу, — славная эпоха; тогда чешскій народъ своей образованностью превосходилъ всѣ остальные европейскіе народы... Необходимо, чтобы мы и теперь поступали согласно указаніямъ просвѣщеннаго разума. Это единственное завѣщаніе, которое на порогѣ смерти я оставилъ бы своему народу».

Количественно «*Исторія чешскаго народа*» (1836—1876) составляетъ меньшую часть историографической дѣятельности Палацкаго. Въ культурно-національномъ отношеніи значеніе ея огромно и безсмертно. Она стала національной библіей, священной книгой бытія чешскаго народа. Многое въ «Исторіи чешскаго народа» опровергнуто, устарѣло, но отъ этого отнюдь не поблекло ея національное значеніе. Для чеховъ она навсегда останется національной «res sacra». Новые труды по исторіи чешскаго народа не вытѣснятъ изъ его памяти эту первую его исторію, являющуюся однимъ изъ краеугольныхъ камней въ дѣлѣ его національнаго возрожденія.

Для характеристики исторіософіи Палацкаго отмѣтимъ вскользь, что, вѣрный своей теоріи поляризма—борьбы двухъ противоположныхъ началъ — онъ въ исторіи чешскаго народа видѣлъ борьбу славянскаго пассивнаго, демократическаго, оборонительнаго начала съ западнымъ германо-римскимъ, феодальнымъ, наступательнымъ.

Въ настоящее время эта доктрина давно опровергнута Въ новѣйшихъ чешскихъ историческихъ работахъ съ ней не приходится уже встрѣчаться.

Необходимо сказать нѣсколько словъ объ организаціонной дѣятельности Палацкаго въ области культурно-національныхъ начинаній. Она, какъ уже было сказано, очень разносторонняя, богата и плодотворна. Въ этомъ отношеніи прежде всего приходится отмѣтить основаніе перваго чешскаго литературно-научнаго журнала—органа чешскаго національнаго музея. Онъ былъ основанъ Палацкимъ въ 1827 г. и первоначально издавался параллельно на чешскомъ и нѣмецкомъ языкахъ: «*Časopis společnosti vlasteneckého Museum v Čechach*» и «*Monatsschrift der Gesellschaft des Vaterländischen Museums in Böhmen*». Нѣмецкое его изданіе, изъ-за недостатка подписчиковъ, черезъ пять лѣтъ прекратило свое существованіе. Чешское изданіе, переименованное въ 1831 г. въ

«*Časopis českého Musea*», выходитъ до сихъ поръ. Палацкій былъ редакторомъ и главнымъ сотрудникомъ этого чешскаго журнала, цѣлью котораго было, по его словамъ, «старую Чехію ввести въ новую Европу, а послѣднюю акклиматизировать въ той». Въ этихъ словахъ хорошо схвачена программа культурно-національной дѣятельности Палацкаго. Европеизировать Чехію, «прорубить окно въ Европу»—вотъ главная ея цѣль. Для этого прежде всего необходимо было дать чешскому народу, въ сжатомъ и доступномъ видѣ картину европейской культуры и науки и ея синтезъ. Палацкій проектируетъ, поэтому, изданіе научной чешской энциклопедіи. Вслѣдствіе недоброжелательства австрійскаго правительства,—которое, помня, какія послѣдствія для Франціи имѣло изданіе Энциклопедіи Дидро, враждебно относилось ко всѣмъ энциклопедіямъ вообще,—проектъ этотъ не былъ осуществленъ. Вмѣсто чешской энциклопедіи въ 1831 г. основана была «*Matice česká*»—научное изданіе въ которомъ появились замѣчательные труды «*Славянскія древности*» Шафарика и «*Словарь*» Юнгманна.

Палацкимъ предпринята и совершена была реорганизація чешскаго національнаго музея. Онъ выработалъ болѣе полную его программу (основаніе отдѣловъ историческаго и археологическаго), добился того, что изъ Градчина музей былъ перемѣщенъ въ центръ города и, такимъ образомъ, сталъ доступнымъ широкимъ массамъ пражскаго населенія. Послѣ смерти Франца I (1835) Палацкій внесъ проектъ основанія «*Francisceum'a*»—универсальнаго чешскаго національнаго учрежденія, въ которомъ должны были быть помѣщены чешскіе національные институты основанные въ царствованіе Франца I: музей, академія художествъ, консерваторія и промышленное общество При жизни Палацкаго этотъ проектъ не былъ осуществленъ. Грандіозное зданіе для національнаго чешскаго музея сооружено лишь въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Подъ вліяніемъ Палацкаго чешская академія наукъ была постепенно національнзирована: чешскій языкъ пріобрѣлъ въ ней права гражданства. Разумѣется, Палацкій принималъ участіе и въ дѣлѣ сооруженія чешскаго національнаго театра.

Можно безъ преувеличенія сказать, что при жизни Палацкаго ни одно чешское національное начинаніе не возникало безъ его участія, сотрудничества, если не по его иниціативѣ.

Вѣрный своему обѣту, онъ всю свою жизнь всецѣло отдалъ служенію народу — великому дѣлу національнаго пробужденія и возрожденія.

Чешскій народъ оцѣнилъ этотъ великій подвигъ своего сына.

Свою благодарность онъ выразилъ актомъ глубокаго національнаго піэтета, назвавъ Палацкаго *«отцомъ народа»*.

И. А. Бочковскій.

Прага.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Война на Балканахъ.—Послѣднія дипломатическія попытки и воинственныя заявленія.—Военныя дѣйствія балканскихъ союзниковъ.—Неожиданные успѣхи, ихъ причины и послѣдствія. — Задача и затрудненія дипломатіи.—Русско-монгольское соглашеніе.

Въ краткій двухнедѣльный срокъ, съ 15 (2) до 30 (17)-го октября, положеніе дѣлъ на ближнемъ Востокѣ радикально измѣнилось. Турція, столь высокомѣрно отклонившая «дерзкія» требованія небольшихъ балканскихъ государствъ относительно улучшенія участи ея христіанскихъ подданныхъ, совершенно разбита войсками этихъ небольшихъ государствъ. Недавно еще она гордо отвергала дружественное постороннее вмѣшательство въ ея внутреннія дѣла, а теперь она нуждается въ посторонней помощи для собственнаго своего спасенія. Вмѣсто вопроса о турецкихъ реформахъ внезапно поставленъ вопросъ о самомъ существованіи турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ. То, чего не могла достигнуть Россія путемъ продолжительной и кровопролитной кампаніи 1877—1878 гг., сдѣлано въ двѣ недѣли болгарами и сербами, въ союзѣ съ греками и черногорцами.

Болгары—подъ стѣнами Константинополя! Кто могъ это предвидѣть мѣсяцъ тому назадъ? Еще передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій дипломаты великихъ державъ безпокоились о судьбѣ балканскихъ народовъ въ случаѣ разгрома ихъ войскъ испытанными арміями Оттоманской имперіи; всѣ были увѣрены, что при громадномъ численномъ перевѣсѣ турокъ имъ удастся одолѣть своихъ противниковъ, хотя бы послѣ ряда мѣстныхъ и частичныхъ неудачъ. Даже при неблагопріятномъ для Турціи ходѣ событій ожидалась долгая и трудная война, которая позволила бы великимъ державамъ выбрать подходящій моментъ для посредничества и способствовать установленію безобиднаго для обѣихъ сторонъ мира; но никому не приходила въ голову мысль, что болгары и сербы

могутъ собственными силами уничтожить военное могущество Турціи и подвергнуть опасности ея столицу. Въ дѣйствительности случилось то, что еще недавно казалось несбыточной мечтою.

Европейская дипломатія, съ ея заботами о сохраненіи status quo, очутилась въ довольно затруднительномъ положеніи; она должна была по неволѣ отказаться отъ своей прежней точки зрѣнія и придумать новую формулу, болѣе соотвѣтствующую измѣнившимся обстоятельствамъ. Австрійская печать, съ наибольшею послѣдовательностью проводившая туркофильскія воззрѣнія, круто повернула въ другую сторону и заговорила о Турціи въ тонѣ откровеннаго некролога. «Эта имперія—разсуждаетъ, напримѣръ, «Neue freie Presse»—умираетъ, потому что не съумѣла приспособиться къ требованіямъ времени и не считалась съ пробужденіемъ и подъемомъ національнаго сознанія. Турція разлагается и гибнетъ потому, что не удовлетворяла ни духовныхъ, ни хозяйственныхъ потребностей подвластныхъ народностей, доводила ихъ до бѣдственнаго состоянія, не давала имъ даже элементарной правовой обезпеченности и служила сильнѣйшимъ препятствіемъ къ самостоятельному развитію этихъ народностей, имѣющихъ соплеменниковъ по ту сторону границы. Она была тою твердою оболочкою, которую надо было разбить, чтобы возникла жизнь». Все это, конечно, было хорошо извѣстно и раньше, но вѣнская газета узнала объ этомъ только изъ удивительныхъ телеграммъ съ театра войны. Эти побѣдные болгарскіе и сербскіе бюллетени опрокинули вверхъ дномъ всѣ установившіяся понятія объ относительныхъ силахъ Турціи и враждебныхъ ей балканскихъ государствъ. Если Оттоманская имперія безсильна въ борьбѣ съ своими бывшими вассалами, то поддерживать ее безполезно, и нужно поскорѣе сойтись съ ея счастливыми противниками. «Мы должны—говоритъ «Neue freie Presse»,—прямодушно и хладнокровно отнестись къ подъему четырехъ королевствъ на Балканахъ, какъ къ непзбѣжнымъ проявленіямъ жизни, противъ которой намъ не слѣдуетъ возставать и которой мы имѣемъ всѣ основанія оказывать дружескую предупредительность не только по внушенію разсудка, но и въ силу болѣе глубокаго взгляда на вещи. Ибо эти четыре короля, стремящіеся послѣ рѣшительныхъ побѣдъ пожать плоды кровавыхъ жертвъ, могутъ сблизиться съ другими государствами, если мы будемъ отталкивать ихъ отъ австро-венгерской монархіи нашимъ недоброжелательствомъ; они не должны смотрѣть на каждый оторванный отъ Турціи кусокъ земли, какъ на русскій даръ, доставшійся имъ вопреки австрійцамъ. Эти четыре короля не расположены теперь играть роль скромныхъ просителей въ Петербургѣ, и ихъ болѣе твердое чувство независимости ни-

какъ не можетъ вызывать неудовольствіе нашей имперіи, которая напротивъ, должна радоваться тому, что прогнившая насквозь Турція уступаетъ мѣсто самостоятельнымъ государствамъ, обладающимъ достаточною силою для защиты своей свободы. Возрождающаяся на Балканахъ жизнь не нарушаетъ никакихъ интересовъ монархіи... Австро-Венгрія хочетъ идти заодно съ этою жизнью, но ей нужны гарантіи и дружественныя отношенія, чтобы она не была отдѣлена отъ Балканъ промежуточными областями. Всегда она будетъ для балканскихъ государствъ могущественнѣйшимъ стражемъ ихъ полной независимости; всегда она будетъ оказывать имъ поощреніе и поддержку»... Въ томъ же духѣ высказываются и другіе вліятельные органы австро-нѣмецкой печати. Эта перемѣна фронта по отношенію къ балканскимъ народамъ совершилась на пространствѣ двухъ недѣль, необыкновенно богатыхъ новыми «совершившимися фактами».

Послѣднія миролюбивыя попытки европейской дипломатіи предпринимались уже больше для очистки совѣсти, чѣмъ по убѣжденію въ ихъ цѣлесообразности. Онѣ дѣлались завѣдомо слишкомъ поздно. Въ тотъ самый день, когда Черногорія объявила Турціи войну—25-го сентября (8-го октября),—представители Австро-Венгріи и Россіи въ Софіи передали болгарскому правительству совмѣстную ноту, въ которой выражено обѣщаніе великихъ державъ взять въ свои руки проведеніе реформъ въ Европейской Турціи, безъ ущерба для верховной власти султана и территоріальной неприкосновенности Оттоманской имперіи; если же все-таки вспыхнетъ война, то каковъ бы ни былъ ея результатъ, державы не допустятъ никакого измѣненія территоріальнаго status quo. Союзныя балканскія государства—кромѣ воевавшей уже Черногоріи—отвѣтили русскому и австрійскому посланникамъ, что они очень благодарны за вниманіе великихъ державъ къ бѣдствіямъ христіанскаго населенія Европейской Турціи и принимаютъ къ свѣдѣнію обѣщаніе ихъ позаботиться объ осуществленіи реформъ въ турецкой администраціи на основѣ 23-ей статьи берлинскаго трактата; но «послѣ многихъ обѣщаній, данныхъ Турціею и закрѣпленныхъ международными актами, было бы жестоко требовать отъ туземныхъ народностей, чтобы онѣ не старались добиться болѣе коренныхъ и опредѣленныхъ реформъ съ цѣлью улучшенія своего состоянія». Поэтому союзныя балканскія правительства обратились непосредственно къ Турціи съ изложеніемъ своихъ пожеланій; они предлагали Портѣ ввести въ турецкихъ провинціяхъ административную автономію по принципу національностей, съ бельгійскими или швейцарскими губернаторами, съ выборными собраніями, съ мѣстною жандармеріею и милиціею,

съ свободою школьнаго обученія; для проведенія этихъ реформъ долженъ быть образованъ въ Константинополѣ совѣтъ изъ одинаковаго числа христіанъ и мусульманъ, подъ руководствомъ представителей европейскихъ и балканскихъ государствъ. Двумя днями раньше, 10 октября (нов. ст.), Портѣ была сообщена коллективная нота пяти державъ, на которую она отвѣтила 14-го числа вѣжливымъ отклоненіемъ иностранныхъ заботъ о турецкихъ реформахъ и ссылкою на свое собственное рѣшеніе внести въ парламентъ старый законопроектъ 1880-го года, основанный на 23-й статьѣ берлинскаго трактата. На ноты трехъ балканскихъ государствъ Порта дала другой отвѣтъ—отозваніемъ своихъ посланниковъ изъ Софіи, Бѣлграда и Аѳинъ. Разрывъ дипломатическихъ сношеній означалъ уже войну. Этотъ рѣшительный шагъ сдѣланъ былъ 15 (2)-го октября, одновременно съ подписаніемъ предварительныхъ условій мира между Турціей и Италіею уполномоченными обѣихъ странъ въ Уши. Одна война кончилась,—другая началась.

Турція съ большою самоувѣренностью пошла на встрѣчу событіямъ. Правительство султана, по обыкновенію, выставляло себя невинною жертвою злонамѣренныхъ враговъ. «Весь міръ знаетъ турецкое миролюбіе—сказано было въ манифестѣ при объявленіи мобилизаціи.—Оттоманы уважаютъ права всѣхъ народовъ и требуютъ такого же всеобщаго уваженія къ своимъ собственнымъ правамъ. Не смотря на великія затрудненія, испытываемыя имперіею, правительство постепенно осуществляетъ до возможныхъ предѣловъ тѣ реформы, въ которыхъ нуждается страна. Мы работаемъ для благосостоянія нашего народа. Между тѣмъ наши небольшіе сосѣди, питающіе замыслы противъ нашихъ земель, стараются помѣшать нашимъ реформамъ и успѣхамъ, такъ какъ прогрессъ Турціи не далъ бы исполниться ихъ незаконнымъ планамъ. Воспользовавшись нашими затрудненіями, они соединились, чтобы напасть на наши провинціи. Шовинисты Болгаріи, Черногоріи, Сербіи и Греціи,—страпъ, служившихъ ареною подвиговъ турецкаго оружія въ теченіе шестисотъ лѣтъ,—двинули свои войска противъ нашихъ границъ и заставили этимъ призвать подъ знамена нашу армію—оплотъ національной чести. На васъ ложитъ священная обязанность защиты отечества. Вашъ долгъ—не позволить врагамъ запять ни пяди священной земли, напитанной кровью нашихъ предковъ». Турецкіе правители умѣютъ краснорѣчиво изображать благополучіе своихъ подданныхъ и вопіющую несправедливость своихъ противниковъ. Въ прокламаціи 19 (6)-го октября, по случаю объявленія войны, султанъ Мохамедъ V говоритъ: «...Наши сосѣди, съ которыми мы желаемъ жить въ мирѣ, нарушили всѣ законы справед-

ливости. Попирая ногами всѣ права, вопреки совѣтамъ Европы, они бросили намъ вызовъ и уничтожили всѣ наши старанія сохранить миръ. Вся нація съ негодованіемъ слышала дерзкія слова нашихъ противниковъ и предоставляетъ вамъ обязанность отвѣчать. Вы должны отомстить за эти вызывающія рѣчи. Вы должны защищать честь и права моего правительства и доказать міру, что унаслѣдованныя съ древнихъ временъ оттоманскія добродѣтели остались неизмѣнными... Ваша вторая обязанность —соблюдать порядокъ и дисциплину, не проливать крови напрасно, безъ причины, хорошо обращаться съ стариками, женщинами и дѣтьми, щадить жизнь и имущество безоружныхъ жителей, такъ же какъ и храмы ихъ. А къ тѣмъ несчастнымъ, которые будутъ съ вами воевать только по приказанію своихъ начальниковъ, проклиная въ душѣ войну, и пожелаютъ честно протянуть вамъ руку, вы должны проявлять жалость, и передъ всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, который васъ мало знаетъ, вы докажете, что оттоманы принадлежатъ къ цивилизованнымъ націямъ». Того же 19-го числа появились воинственные манифесты въ Софіи и Бѣлградѣ. Царь Фердинандъ и король Петръ,— какъ передъ тѣмъ Николай черногорскій,—указываютъ на неслыханныя бѣдствія родственныхъ имъ народовъ, подвластныхъ турецкому гнету, заявляютъ о тщетѣ своихъ усилій облегчить положеніе своихъ соплеменниковъ мирными средствами и признаютъ печальную необходимость взяться за оружіе для освобожденія христіанскихъ земель отъ жестокаго мусульманскаго владычества.

Краснорѣчіе манифестовъ и дипломатическихъ нотъ было, такимъ образомъ, исчерпано. Противники перешли отъ словъ къ дѣлу. Съ самаго начала кампаніи можно было видѣть, что союзныя балканскія государства дѣйствуютъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ, по точно выработанному и обдуманному плану. Черногорцы завладѣли нѣсколькими пограничными крѣпостями и приступили къ осадѣ Скутари; въ то же время они выдвинули сильный отрядъ на сѣверо-востокъ, въ Новобазарскій санджакъ, на встрѣчу сербамъ. Сербскія войска разбили турецкую армію при Кумановѣ, 24 (11)-го октября, и вскорѣ заняли почти всю Косовскую область, съ главнымъ ея центромъ, Ускюбомъ (Скопье), утвердились въ Призренѣ, Приштинѣ, Митровицѣ и Новомъ-Базарѣ, и, окончательно сломивъ сопротивленіе турокъ, отдѣлили значительную часть своихъ силъ на болгарскій театръ войны, гдѣ должна была рѣшиться участь всей кампаніи. Болгары, какъ и сербы, подвигались впередъ большими сосредоточенными массами, подавляли непріятеля превосходствомъ своей артиллеріи и мѣткостью ружейнаго огня и производили панику среди турокъ своими стремительными штыковыми атаками.

24-го октября, одновременно съ сербской побѣдой при Кумановѣ, они нанесли полное пораженіе турецкой арміи, сосредоточенной на востокѣ отъ Адріанополя, у крѣпости Киркъ-Килиссе, взяли штурмомъ эту важную крѣпость и заставили главныя турецкія силы отступить въ безпорядкѣ къ югу, по направленію къ Люле-Бургасу и Визѣ. Взятіе Киркъ-Килиссе произвело ошеломляющее впечатлѣніе въ Константинополѣ; главнокомандующій Назимъ-паша, военный министръ, смѣнилъ командовавшаго войсками Абдулла-пашу, подвергъ отвѣтственности отдѣльныхъ начальниковъ, въ томъ числѣ египетскаго принца Азиза, но не могъ помѣшать дальнѣйшему разгрому турецкой арміи въ упорной пятидневной битвѣ между Люле-Бургасомъ и Визою, и затѣмъ между Чорлу и Сараемъ, 16—21-го октября. Со стороны турокъ участвовало въ сраженіи около двухсотъ тысячъ человѣкъ, со сторовы болгаръ—приблизительно сто двадцать тысячъ; однако, не смотря на численный перевѣсъ, турецкія войска были вынуждены покинуть свои позиціи и поспѣшно отойти на оборонительную линію Чаталджи. Дорога къ Константинополю могла уже считаться открытою.

Замѣчательна обстановка этой войны. Балканскіе народы и правительства готовились къ ней молчаливо, дѣловито, безъ «патріотическаго» шума и фразерства, съ спокойною разсчетливостью и въ то же время съ глубокимъ сознательнымъ воодушевленіемъ. Никакой суетливости въ распоряженіяхъ начальствующихъ лицъ; все предусмотрѣно заранѣе и исполняется съ безукоризненною добросовѣстностью. Нѣтъ лишняго штабнаго персонала, нѣтъ лишнихъ должностей, нѣтъ щедрыхъ жалованій и денежныхъ раздачъ; ничего не слышно объ интендантствѣ, и дѣло снабженія арміи продовольствіемъ ведется съ скромною аккуратностью, не вызывая никакихъ недоразумѣній. Во всѣхъ отрасляхъ военнаго хозяйства господствуетъ безусловная честность; солдаты сыты, обуты и одѣты, имѣютъ все необходимое, знаютъ въ точности куда идти и что дѣлать, не чувствуютъ надъ собою ни чрезмѣрнаго обилія начальствъ, ни обычной въ военное время неурядицы. Офицеры всецѣло отдаются своимъ обязанностямъ, не могутъ и не смѣютъ думать о кутежахъ въ тылу арміи, не устраиваютъ своей карьеры при помощи протекціи и закулисныхъ вліяній. О происходящихъ военныхъ событіяхъ сообщаются только правдивыя извѣстія или ничего не сообщается. «Нельзя себѣ представить—пишетъ корреспондентъ одной изъ вѣнскихъ газетъ,—болѣе сухихъ и трезвыхъ военныхъ бюллетеней, чѣмъ болгарскіе. Болгары не прибавятъ ни одного плѣннаго къ цифрѣ дѣйствительно взятыхъ въ плѣнъ, не насчитаютъ ни одного лишняго ящика съ оружіемъ сверхъ того количества,

которое имъ досталось. Ихъ строгая военная цензура скорѣе пропуститъ непріятное имъ, но вѣрное извѣстіе, чѣмъ пріятное, но ложное. Они сообщаютъ и позволяютъ сообщать только то, что соотвѣтствуетъ правдѣ. Такого рода реалисты не любятъ рекламъ и неохотно выражаютъ свои чувства. Въ день побѣды при Киркъ-Килиссе или Лозенградѣ, въ главной квартирѣ болгарскихъ войскъ въ Старой Загорѣ, находилось восемьдесятъ иностранныхъ корреспондентовъ и двадцать тысячъ болгаръ, и всѣ эти двадцать тысячъ болгаръ были взволнованы извѣстіемъ далеко не въ такой мѣрѣ, какъ наши восемьдесятъ корреспондентовъ. Завѣдывающій цензурою полковникъ, явившись съ оффиціальнымъ бюллетенемъ въ рукахъ, сообщилъ толпѣ, съ радостнымъ видомъ, что Лозенградъ взятъ; и это былъ единственный порывъ радости, который онъ себѣ разрѣшилъ. Поздравленія корреспондентовъ были выслушаны имъ и его товарищами съ обычною сдержанностью, составлявшей рѣзкій контрастъ съ тѣмъ энтузіазмомъ, съ какимъ журналисты телеграфировали извѣстія о побѣдѣ. Показавшійся на минуту генералиссимусъ Савовъ удостоился привѣтственныхъ возгласовъ со стороны присутствовавшихъ,—и больше ничего не было. Флаговъ и знаменъ никто не выставлялъ, рѣчей никто не произносилъ, и патріотическое возбужденіе ничѣмъ особеннымъ не проявлялось. Въ немногихъ мѣстныхъ ресторанахъ не замѣчалось, чтобы по этому поводу офицеры угощались шампанскимъ или выпивали бутылку вина; только, можетъ быть, въ маленькихъ темныхъ кафе люди сидѣли и толковали дольше обыкновеннаго».

Другого рода картины рисуются въ турецкомъ лагерѣ: жалкій видъ голодныхъ и оборванныхъ солдатъ, растерянность офицеровъ, при отсутствіи запасовъ провіанта и боевыхъ снарядовъ, откровенныя сдѣлки съ поставщиками и интендантами, систематическое казнокрадство и взяточничество. Множество начальниковъ и пашей занято устройствомъ своихъ дѣлъ и озабочено событіями лишь съ точки зрѣнія личной карьеры. Привычка скрывать и извращать факты доведена у нихъ до виртуозности; они спокойно, до послѣднихъ дней, сообщали въ Константинополь о турецкихъ побѣдахъ, о пораженіяхъ и бѣгствѣ болгаръ, о захваченныхъ у нихъ трофеяхъ и орудіяхъ. Послѣ разгрома при Киркъ-Килиссе командиры доносили, что, отразивъ всѣ нападенія непріятеля и причинивъ ему страшный уронъ, они рѣшили «по тактическимъ соображеніямъ» отойти на другія, болѣе удобныя позиціи. По турецкимъ телеграммамъ, турки еще два раза завладѣли обратно Киркъ-Килиссе; нѣсколько разъ они одерживали блестящія побѣды при Люле-Бургасѣ и Бунаръ-Гиссарѣ, при чемъ сообщались разныя подробности и

цифры, которыя на первое время принимались съ довѣріемъ заграничною печатью и серьезно комментировались въ военныхъ обзорахъ газетъ. Главнокомандующій Назимъ-паша получилъ отъ султана благодарственную депешу за достигнутые имъ успѣхи въ тотъ самый день, когда его армія въ хаотическомъ безпорядкѣ покинула Люле-Бургасъ, преслѣдуемая по пятамъ болгарами. Когда наконецъ нельзя уже было скрыть отступленіе войскъ къ послѣдней оборонительной линіи передъ Константинополемъ, высшее военное начальство напечатало успокоительное воззваніе, въ которомъ объяснило, что турки успѣшно дѣйствуютъ противъ черногорцевъ въ окрестностяхъ Скутари, что нѣтъ, поэтому, основанія безпокоиться и что неразумно было бы ожидать одинаково благопріятныхъ результатовъ на всѣхъ четырехъ театрахъ войны. Турецкіе паши съ тѣмъ же восточнымъ равнодушіемъ переѣдутъ на другую сторону Босфора, вмѣстѣ съ султаномъ и его гаремомъ, когда наступитъ роковой часъ ликвидаціи Оттоманской имперіи,—ибо на той сторонѣ Босфора также имѣются хорошіе дворцы, и можно жить недурно и въ Азіатской Турціи. Но побѣждаютъ ли турки или терпятъ пораженіе, они и въ томъ, и въ другомъ случаѣ оставляютъ послѣ себя кровь и разрушеніе. Они безпощадно мстятъ за свои неудачи мѣстнымъ христіанамъ, разоряютъ и жгутъ покидаемыя села, вырѣзываютъ жителей, не только мужчинъ, но женщинъ и дѣтей. Изуродованные трупы и трупики, иногда цѣлыя груды мертвыхъ тѣлъ, разграбленныя и разрушенныя жилища, нерѣдко обгорѣлые остатки домовъ, все это—обычныя принадлежности тѣхъ мѣстечекъ и селеній, въ которыя вступали сербскіе и болгарскіе отряды послѣ ухода турокъ. Описанія этихъ ужасовъ повторяются въ разныхъ отчетахъ и телеграммахъ, рядомъ съ извѣстіями о движеніяхъ турецкихъ армій. Краснорѣчивыя, благородныя по тону султанскія прокламаціи, обѣщавшія туземному населенію полную безопасность и обезпеченность, давали бы великимъ державамъ право указать Портѣ на эти вопіющія нарушенія общепринятыхъ началъ человѣчности; но ни одинъ изъ кабинетовъ не обращалъ на нихъ вниманія Турціи и не требовалъ у нея объясненій по этому поводу. По крайней мѣрѣ, оставшіеся въ живыхъ туземцы избавились отъ угрожавшихъ имъ звѣрствъ, благодаря удаленію турокъ и ихъ властей—и это обстоятельство представляетъ сильнѣйшій доводъ въ пользу того, чтобы удаленіе было окончательнымъ. Въ противоположность турецкимъ войскамъ и башибузукамъ, сербы и болгары ведутъ войну съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ культурности и порядка; они берутъ подъ свою защиту мѣстныхъ мусульманъ, не допускаютъ никакихъ насилій надъ жителями, аккуратно распла-

чиваются за пріобрѣтаемые припасы и невольно внушаютъ къ себѣ довѣріе обывателей, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Это поведеніе побѣдителей получило уже надлежащую оцѣнку и признаніе со стороны оффиціозныхъ органовъ австрійской печати.

Само собою разумѣется, что вынужденныя отступленія къ Константинополю подъ ударами побѣдоносныхъ враговъ не могли нравиться туркамъ, и потому турецкое правительство съ 21-го октября стало усиленно ходатайствовать передъ Европою о вмѣшательствѣ. Блистательная Порта, въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ, просила державы заставить балканскихъ союзниковъ прекратить военныя дѣйствія. Державы, начиная съ Франціи, объяснили, что онѣ соблюдаютъ нейтралитетъ и не имѣютъ основанія выступать въ пользу Турціи и противъ воюющихъ съ нею государствъ. Тогда турецкая дипломатія возбудила вопросъ о посредничествѣ; ей отвѣтили, что для посредничества нужно согласіе обѣихъ сторонъ, а для обращенія къ противнику необходимо имѣть въ виду какія-либо реальныя предложенія, которыя могли бы дать матеріалъ для переговоровъ объ условіяхъ мира. Турецкое правительство заявило тогда, что оно согласно теперь принять предложенія, сдѣланныя державами Портѣ передъ войною; оно даже соглашалось ввести тѣ реформы, которыхъ требовали союзныя балканскія государства. Другими словами, побѣдителямъ предлагалось удалиться обратно въ предѣлы ихъ странъ и предоставить туркамъ заняться серьезнымъ исполненіемъ новыхъ и окончательныхъ турецкихъ обѣщаній относительно реформъ. Наконецъ, когда и эти заявленія не помогли, выдвинутъ былъ послѣдній аргументъ, самый убѣдительный: Европа должна заступиться за турокъ на томъ основаніи, что принципъ неприкосновенности Оттоманской имперіи входитъ въ составъ дѣйствующаго международнаго права и санкціонированъ формальными международными трактатами. Очевидно, турки понимаютъ эту неприкосновенность въ томъ смыслѣ, что они могутъ бить и побѣждать враговъ, но послѣдніе не должны отвѣчать имъ тѣмъ же. Турецкая дипломатія принимала на себя видъ какой-то убѣжденной наивности, предъявляя свои требованія о защитѣ Турціи отъ тѣхъ самыхъ болгаръ и сербовъ, которыхъ она же собиралась раздавить нѣсколько недѣль тому назадъ. Даже если бы кабинеты желали остановить войну въ своихъ собственныхъ интересахъ, они не могли бы сдѣлать это иначе какъ по соглашенію съ Болгаріею и Сербіею,—ибо война «локализована», согласно желанію великихъ державъ, и она происходитъ въ поставленныхъ ей рамкахъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Предполагалось, что турки спра-

вятся съ старыми внутренними противниками; если же они оказались для этого слишкомъ слабыми, то они вообще потеряли право на существованіе въ качествѣ властителей и хозяевъ враждебнаго имъ населенія. Господство турокъ на Балканскомъ полуостровѣ держалось только на грубой физической силѣ; другой основы оно не имѣло за всѣ пять вѣковъ своей исторіи. Когда отпадаетъ сила, то не можетъ держаться и опирающаяся на нее тиранія. Безсильные тираны, могущественные только противъ безоружныхъ, внушаютъ уже не страхъ, а отвращеніе. Турецкій государственный строй основывался на насиліи и беззаконіи; обычнымъ способомъ дѣйствія власти было устрашеніе при помощи крутыхъ расправъ и періодическихъ погромовъ. Паденіе этого гнуснаго режима было торжественно возвѣщено нѣсколько лѣтъ тому назадъ младотурками, при возстановленіи конституціи и созывѣ парламента; но младотурки вскорѣ превратились въ усердныхъ націоналистовъ и стали хуже прежняго тѣснить подвластныя народности. Эти турецкіе октябристы забыли свои громкія обѣщанія, отреклись отъ прогрессивныхъ идей и ввергли имперію въ опаснѣйшій кризисъ, который послужилъ началомъ конца для современной Турціи. Они съумѣли оттолкнуть отъ турокъ даже ихъ даннихъ западно-европейскихъ друзей, и теперь Европа безъ особенной скорби присутствуетъ при безславномъ разгромѣ турецкаго могущества. Державы ничего не имѣли бы противъ полной и окончательной ликвидаціи турецкихъ дѣлъ на ближнемъ Востокѣ, но онѣ боятся взаимныхъ споровъ и конфликтовъ при раздѣлѣ наслѣдства. Это безпокойство является главною причиною того, что европейская дипломатія все еще не обнаруживаетъ склонности допустить крушеніе Оттоманской имперіи.

Кабинеты великихъ державъ ведутъ теперь дѣятельные переговоры относительно условій и предѣловъ своего участія въ опредѣленіи результатовъ войны. Французскій премьеръ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Раймондъ Пуанкаре, предложилъ прежде всего признать, что ни одна держава не имѣетъ притязаній на какія-либо области или мѣстности Балканскаго полуострова; эта формула территоріальнаго безкорыстія, одобренная Англіею и Россіею, встрѣтила сильныя возраженія въ австрійской оффиціозной печати и не была принята графомъ Берхтольдомъ. Вѣнскій кабинетъ не желалъ связывать себѣ руки обязательствомъ не трогать чужихъ земель, такъ какъ возможность нѣкотораго даровного захвата не исключена при дальнѣйшемъ ходѣ событій,—напр. путемъ миролюбивой сдѣлки съ Сербіею. Австрійскіе патріоты не стѣсняются обнаруживать свои корыстные замыслы и разсчеты, и въ подтвержденіе справедливости своихъ претензій ссылаются на заявленія русскаго министра,

который въ бесѣдахъ съ журналистами неоднократно признавалъ «ближайшую заинтересованность» Австро-Венгріи въ балканскихъ дѣлахъ. Зачѣмъ же будемъ мы — спрашиваютъ австрійскіе публицисты—подписываться подъ формулой безкорыстія, когда даже самъ руководитель русской дипломатіи признаетъ за нами право быть разсчетливыми пріобрѣтателями? Вѣнскія газеты чуть не ежедневно приводили и обсуждали заявленія и фразы С. Д. Сазонова, изъ которыхъ будто бы вытекало право Австро-Венгріи на дополнительные территоріальные захваты, сверхъ аннексіи Босніи и Герцеговины. Очень можетъ быть, что нашъ министръ вовсе не имѣлъ въ виду признавать за австро-венгерскою монархіею такія права, какихъ онъ не приписываетъ и Россіи; но было бы, конечно, болѣе осторожно со стороны главы русскаго дипломатическаго вѣдомства вовсе не говорить о «наибольшей заинтересованности» чужой державы въ такомъ вопросѣ, который по существу, и по традиціямъ, и по массѣ затраченныхъ русскихъ силъ и средствъ, долженъ несомнѣнно занимать центральное мѣсто въ ряду вопросовъ и задачъ русской внѣшней политики. Безусловное миролюбіе, обязательное для Россіи при настоящихъ ея условіяхъ, вполнѣ совмѣстимо съ энергическою дипломатическою охраною пріобрѣтенныхъ правъ и традиціонныхъ реальныхъ интересовъ на Ближнемъ Востокѣ, гдѣ у насъ имѣются теперь новые возможные союзники—самостоятельныя и свободно развивающіяся балканскія государства.

На дальнемъ Востокѣ сдѣланъ русской дипломатіей весьма важный шагъ въ области нашихъ отношеній съ Китаемъ. Монголія оффиціально признана самостоятельнымъ государствомъ, независимымъ отъ Китая, и съ нею заключенъ 21-го октября 1912 года договоръ, текстъ котораго опубликованъ въ слѣдующемъ правительственномъ сообщеніи: «Въ виду всенародно выраженнаго желанія монголовъ сохранить исторически сложившійся самобытный строй своей страны, китайскія войска и власти были удалены съ монгольской территоріи, и повелителемъ монгольскаго народа былъ провозглашенъ Чжебзунъ-Дамба-Хутухта. Прежнія отношенія Монголіи къ Китаю, такимъ образомъ, прекратились. Нынѣ, въ виду вышеизложеннаго, а также существующей между русскимъ и монгольскимъ народами исконной взаимной дружбы и въ виду необходимости точно опредѣлить порядокъ взаимной русско-монгольской торговли, представители обоихъ правительствъ договорились о слѣдующемъ:

Статья первая. Императорское Россійское правительство окажетъ Монголіи свою помощь къ тому, чтобы сохранился устано-

вленный ею автономный строй, а также право содержать свое національное войско, не допуская на свою территорію китайскихъ войскъ и колонизаціи своихъ земель китайцами.

Статья вторая. Повелитель Монголіи и монгольское правительство предоставятъ русскимъ подданнымъ и русской торговлѣ по-прежнему пользоваться въ своихъ владѣніяхъ правами и преимуществами, перечисленными въ прилагаемомъ протоколѣ. Само собою разумѣется, другимъ иностраннымъ подданнымъ не будетъ предоставлено въ Монголіи болѣе правъ, чѣмъ тѣ, которыми пользуются тамъ русскіе подданные.

Статья третья. Если бы монгольское правительство сочло нужнымъ вступить въ отдѣльный договоръ съ Китаемъ или другимъ иностраннымъ государствомъ, то новымъ договоромъ ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть нарушены или измѣнены статьи настоящаго соглашенія и протокола безъ согласія на то Императорскаго Россійскаго правительства.

Статья четвертая. Настоящее дружественное соглашеніе войдетъ въ силу со дня его подписанія.

Къ соглашенію приложенъ протоколъ, подписанный тѣми же уполномоченными 22 октября 1912 г. и опредѣляющій права и преимущества, которыми русскіе подданные и русская торговля пользуются въ автономной Монголіи.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Какъ формулируется итогъ выборовъ?—Забаллотированіе А. И. Гучкова.—Процессъ выборгскаго магистрата.—Пробный камень.—Проектъ правового уравненія финляндцевъ съ русскими.—Судъ, конвой и защита.—Изъ тюремныхъ ужасовъ.—Нравы и порядки «благонадежнаго» университета.—Е. В. Пассекъ и П. В. Лпсенко †.

Итогъ выборовъ въ четвертую Думу можно формулировать такъ: страна обнаружила рѣзко оппозиціонное правительству и опредѣленно прогрессивное настроеніе—выборы дали правительственное большинство съ еще болѣе яркой, нежели правительство настоящаго состава, реакціонной окраской. Настроеніе страны, воля и желанія населенія оказались безсильными преодолѣть рамки за-

кона 3-го іюня, произвольное, но строго планомѣрное, соединеніе и дробленіе избирательныхъ съѣздовъ, «разъясненія» и иныя столь же цѣлесоотвѣтственныя «мѣры», вплоть до принудительнаго привлеченія къ участію въ выборахъ однихъ избирателей и неоповѣщенія о днѣ съѣздовъ—другихъ. Выборы, словомъ, были проведены на славу. Опасенія за ихъ исходъ, въ виду устраненія отъ руководительства выборнымъ «дѣломъ» главнаго создателя третьей Думы, Е. С. Крыжановскаго,—не оправдались. Его замѣститель оказался на высотѣ принятой на себя задачи. Для дальнѣйшаго развитія законодательной дѣятельности въ сторону реакціи препятствій не будетъ. Третью Думу отъ «конституціи» къ «исконнымъ началамъ» вело правительство. Четвертая, быть можетъ, попробуетъ повести правительство за собой. «Послушной» въ той мѣрѣ, какъ третья, она не будетъ. Крѣпостники-зубры—не октябристы. Они—вымирающая порода, ведущая борьбу со всею страстью хватающихся за обрывки прошлаго «вырожденцевъ».

Вездѣ, гдѣ была малѣйшая возможность проявиться народному настроенію, оно проявлялось. Въ Москвѣ, при прямыхъ выборахъ, за кандидатовъ оппозиціи было подано во второй куріи 32 тысячи голосовъ, за октябристовъ три тысячи, за правыхъ—съ небольшимъ одна тысяча. Въ Петербургѣ, не говоря уже о второй куріи,—въ первой прогрессисты побѣдили октябристовъ, а правые собрали совершенно ничтожное число голосовъ. Въ Кіевѣ, гдѣ полиція раздавала бюллетени націоналистовъ и гдѣ число «разъясненныхъ» избирателей насчитывалось тысячами, кандидатъ конституціонно-демократической партіи все-таки побѣдилъ націоналиста. Губернскіе и уѣздные города послали выборщиками, въ значительномъ большинствѣ, прогрессистовъ и кадетовъ. Одновременно происходили выборы въ Государственный Совѣтъ отъ академій и университетовъ и отъ торговли и промышленности. Отъ первой группы прошли два кадета. Отъ представителей торговли — тоже. Отъ представителей промышленности—три прогрессиста.

Крестьяне пытались вложиться въ общее дѣло и сказать свое слово. Но для крестьянскаго голоса пути снова наглухо закрыты. Уполномоченныхъ отъ нихъ, съ помѣткой въ спискѣ: «лѣваго направленія», просто не пускали, случалось, въ помѣщеніе, гдѣ производились выборы. Полицейскій у дверей объявлялъ: «тебя впускать не приказано». На просьбу доложить, отвѣчалъ: «не приказано безпокоить». Тѣмъ временемъ баллотировка оканчивалась. Въ уѣздѣ, гдѣ мы наблюдали выборную кампанію, изъ шестидесяти крестьянъ-уполномоченныхъ могли принять участіе въ избраніи выборщиковъ только 38. Выборныя производства по одиннадцати

волостямъ земскіе начальники «придержали» и представили въ уѣздную комиссію черезъ два часа послѣ окончанія выборовъ.

«Резервъ» уполномоченныхъ-священниковъ то вливали въ землевладѣльческіе съѣзды, то выдѣляли. Духовенство сыграло въ только что законченной выборной кампаніи главную роль, но для него самого—весьма жалкую. Въ томъ же уѣздѣ, въ теченіе всего лѣта можно было постоянно видѣть на дорогахъ къ городу цѣлыя вереницы бричекъ въ одну лошадку, съ причетниками на козлахъ. «Батюшекъ» непрерывно вызывали то благочинные, то особо командированные изъ «губерніи» протоіереи. Сельскіе настоятели бросали приходы и хозяйства и въ горячую лѣтнюю пору, отрывая лошадей отъ нашни, причетниковъ—отъ косы, тащились за 30, 40 и 80 верстъ. Имъ говорили о государственной обязанности, о томъ, что отъ нихъ будетъ зависѣть составъ Думы. На предварительный съѣздъ для выбора уполномоченныхъ настоятели собрались почти поголовно. Изъ 115-ти прибыло 110. Выбрали они 29 уполномоченныхъ, которые разъѣхались въ сознаніи, что избраніе семи выборщиковъ отъ уѣзда (изъ одиннадцати) будетъ принадлежать имъ. Наканунѣ дня землевладѣльческаго съѣзда была отвратительная осенняя погода. Шелъ мокрый снѣгъ, при пронизывающемъ вѣтрѣ, глина на дорогахъ расползлась и смѣшалась въ невылазную грязь. Съ утра стали съѣзжаться со всѣхъ концовъ уѣзда священники-уполномоченные. Одного мы встрѣтили подъ городомъ. Онъ ѣхалъ 50 верстъ. Выбрался съ вечера, засвѣтло. Къ выбившемуся изъ силъ своему мерину пришлось по пути припречь пристяжную. Но и пристяжная выдохлась. Бричка зарылась въ грязь. Возница долго билъ лошадей—усталъ. Старикъ священникъ, закутанный въ платки, безпомощно укрывалъ отъ вѣтра и снѣга голову. Онъ ѣхалъ исполнить гражданскій долгъ.

Съѣзжавшіеся священники обсуждали положеніе. Они рѣшали, сколько провести своихъ выборщиковъ, сколько мѣстъ отдать мірянамъ, кого изъ мірянъ пропустить въ губернское избирательное собраніе. И все оказалось ни къ чему! «Зубры» подсчитали силы и увидѣли, что священники имъ не нужны. Поздно вечеромъ стало извѣстно, что министръ внутреннихъ дѣлъ раздѣлилъ съѣздъ, съ предоставленіемъ землевладѣльцамъ права избрать шесть выборщиковъ и священникамъ—одного. Мало кто замѣтилъ, что печатное объ этомъ извѣщеніе, за подписью губернатора, было датировано тремя днями раньше. Министръ, очевидно, переуступилъ свое право раздѣлить съѣздъ губернатору, губернаторъ—любезнымъ сердцу начальства зубрамъ. «Зубры» держали «бумагу» въ карманѣ и священниковъ на-готовѣ,—пока не уяснили степень оппозиціонной

опасности. Она оказалась въ послѣднюю минуту не страшною для нихъ, и четыре мѣсяца священнической страды пропали даромъ. Священники дали $^1/_{11}$ часть голосовъ отъ уѣзда, а ожидали дать въ семь разъ больше. Обиженные настоятели забаллотировали всѣхъ намѣченныхъ на благочинническихъ съѣздахъ кандидатовъ и выбрали прогрессиста...

Изъ отдѣльныхъ выборныхъ эпизодовъ, самый крупный—забаллотированіе въ Москвѣ А. И. Гучкова. Послѣ сентябрьскаго земскаго съѣзда 1905 г., на которомъ А. И. Гучковъ, почти одинъ противъ всего съѣзда, возсталъ въ защиту принципа: «единая недѣлимая Россія»,—ему земно поклонился московскій купецъ. Теперь, черезъ семь лѣтъ, этотъ самый купецъ-перворазрядникъ отнялъ отъ него свой голосъ и отдалъ невѣдомому кадету, г. Новикову. Тогда, семь лѣтъ назадъ, въ лицѣ А. И. Гучкова, назрѣвалъ конституціонный консерватизмъ. Но въ томъ и горе было союза 17-го октября съ самаго момента его образованія, что манифестъ выкинулъ флагъ обновленія, въ реальныхъ же фактахъ—обновленія не далъ. Консерватизмъ необходимо предполагаетъ объектъ охраны. Конституціонный консерватизмъ—конституцію. Пока за слово «конституція» исправникъ закрываетъ собраніе, пока говорить о русской «конституціи» приходится съ ироніей,—идейный октябризмъ оказывается лишеннымъ смысла и почвы. Руководимые А. И. Гучковымъ октябристы всѣ семь лѣтъ вели борьбу влѣво. Въ третьей Думѣ они были центромъ, который лишь иногда будировалъ вправо. Будировалъ,—но былъ всегда и неизмѣнно «послушенъ». Во имя борьбы влѣво, октябристы вступили въ союзъ съ теченіями, стремившимися вырвать изъ обновленія душу, и усвоили съ ними единство дѣйствій. Эти теченія теперь въ услугахъ октябристовъ не нуждаются, и казенныя перья бозжалостно раскрыли тайны, еще недавно связывавшія октябристовъ съ правительствомъ. Вслѣдъ за разоблаченіемъ обстоятельствъ провала въ екатеринославской губерніи члена третьей Думы Каменскаго, «Россія» разоблачила предвыборныя домогательства въ орловской—князя Тенишева.

Въ заключеніе – одна изъ тысячъ предвыборныхъ иллюстрацій, съ примѣсью явной, но, конечно, только теоретической уголовщины. 23 октября изъ Твери сообщалось въ газеты по телефону: «Сегодня въ меблированныхъ комнатахъ Савельева назначено было совѣщаніе выборщиковъ отъ крестьянъ и выборщиковъ отъ рабочихъ, но собравшіеся были разогнаны неожиданно появившейся полиціей. Участники собранія переписаны. Охранники всюду—и въ гостинницахъ, гдѣ остановились выборщики, и на улицахъ—слѣдомъ за выборщиками»... «Вчера тверской губернаторъ фонъ-Бюнтингъ приглашалъ

къ себѣ всѣхъ выборщиковъ горожанъ и крестьянъ. Всѣмъ имъ губернаторъ выражалъ надежду, что они поддержатъ Шубинскаго; при этомъ губернаторъ дипломатично оговаривался, что убѣжденія выборщиковъ имъ отнюдь не насилуются»... «Архіепископомъ Антоніемъ получено изъ синода какое-то конфиденціальное предложеніе, касающееся выборовъ. Быстро написаны были для владыки списки выборщиковъ съ отмѣтками для каждаго—класть ли имъ направо или налѣво. Во главѣ желательныхъ депутатовъ—Шубинскій. Такіе списки сегодня уже раздавались выборщикамъ-священникамъ, которыми руководитъ чиновникъ особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ»...

---

10 октября впервые получила примѣненіе та часть закона 20 января 1912 г. «объ уравненіи въ правахъ съ финляндскими гражданами другихъ русскихъ подданныхъ», которою установлена подсудность финляндскихъ должностныхъ лицъ общеимперскому суду. Петербургскій окружный судъ разсмотрѣлъ дѣло о бургомистрѣ выборгскаго магистрата Фагерстремѣ и ратманахъ Пальмротѣ и Лагеркранцѣ, призналъ ихъ виновными въ умышленномъ воспрепятствованіи примѣненію закона объ уравненіи и приговорилъ каждаго къ заключенію въ тюрьмѣ на шесть мѣсяцевъ. Въ ст. 1423[1] улож. о наказ. установлены весьма широкія рамки судейскаго усмотрѣнія: денежное взысканіе отъ 100 до 500 р., арестъ отъ 1 до 3 мѣс., заключеніе въ тюрьмѣ отъ 2 мѣс. до 1 года и 4 мѣс. Сверхъ того, «суду предоставляется удалить виновнаго отъ должности, а также лишить его права состоять на государственной службѣ и занимать должности по выборамъ или по вольному найму въ правительственныхъ или общественныхъ установленіяхъ всей Имперіи, со включеніемъ Финляндіи, на срокъ отъ одного года до десяти лѣтъ».

Петербургскій судъ, въ своей карательной дѣятельности, пошелъ по среднему пути. Имѣя право ограничиться денежнымъ взысканіемъ или арестомъ, онъ избралъ наиболѣе суровое по роду личное наказаніе и назначилъ его въ мѣрѣ, значительно превышающей низшую. Правоограниченія же судъ не примѣнилъ. Чины выборгскаго магистрата вышли изъ залы петербургскаго суда и вернулись въ Выборгъ финляндскими должностными лицами и полноправными финляндскими гражданами. Съ этой точки зрѣнія приговоръ представляется сравнительно, легкимъ. И это отмѣчено въ мѣстной прессѣ. Но для Финляндіи суть вопроса, само собою разумѣется, не въ мягкости или суровости кары, постигшей гг. Фагерстрема, Пальмрота и Лагеркранца, а въ самомъ фактѣ сужденія ихъ имперскимъ

судомъ и на основаніи закона, изданнаго помимо сейма и безъ соблюденія порядка, установленнаго для изданія мѣстныхъ финляндскихъ законовъ. Для Финляндіи процессъ членовъ выборгскаго магистрата есть событіе столь высокаго историческаго значенія, что всѣ вопросы индивидуальнаго характера уходятъ въ туманъ второстепенностей, не заслуживающихъ вниманія.

Съ самаго возникновенія процесса, финляндскія должностныя лица, осужденныя 10 октября русскимъ судомъ, на основаніи русскаго закона, за должностное дѣйствіе, совершенное въ предѣлахъ Финляндіи, заняли строго принципіальную позицію. Они отказались добровольно придти по вызову судебнаго слѣдователя. Двое изъ нихъ не протестовали противъ незаконнаго требованія судебнаго слѣдователя внести залогъ и подчинились этому требованію, какъ акту принужденія. Третій, г. Лагеркранцъ, залога не внесъ и пока судъ не отмѣнилъ постановленія судебнаго слѣдователя и не назначилъ мѣрою пресѣченія, взамѣнъ залога, поручительство, а защитникъ, по собственной иниціативѣ, взялъ его на поруки,—семь недѣль просидѣлъ подъ предварительнымъ арестомъ. Ни на предварительномъ слѣдствіи, ни на судѣ, они не сказали ни слова по содержанію обвиненія. Имѣя право на судъ не явиться, они пришли, но не для того, чтобы оправдываться, а чтобы еще до чтенія обвинительнаго акта сказать, что по дѣйствующимъ въ Финляндіи законамъ не считаютъ петербургскій судъ компетентнымъ ихъ судить. Въ послѣднемъ словѣ г. Фагерстремъ желалъ развить и обосновать этотъ тезисъ, но предсѣдатель лишилъ его права говорить о томъ, что ему—финляндскому гражданину, юристу по образованію и должностному лицу—наиболѣе дорого и что, по его убѣжденію, должно было, безъ малѣйшаго намека на просьбу объ оправданіи, повлечь за собою автоматическій отвѣтъ органа правосудія: «нѣтъ, не виновенъ».

Члены выборгскаго магистрата держались на судѣ неуязвимо корректно. Такое ихъ отношеніе къ процессу прокуроръ, г. Ненарокомовъ, имѣлъ «смѣлость»—назвать упорствомъ въ смыслѣ ст. 129 улож. о нак., трактующей о «неискренности» при слѣдствіи и судѣ и объ «упорствѣ въ запирательствѣ», и потому требовалъ для нихъ высшей мѣры наказанія. Въ своей «смѣлости,» впрочемъ, г. Ненарокомовъ пошелъ еще дальше. Онъ говорилъ о разростающейся въ Финляндіи анархіи. Людей, лояльнѣйшихъ изъ лояльныхъ, которые встали на защиту права, своего правосознанія и роднаго закона, русскій представитель обвинительной власти назвалъ анархистами! Ихъ дѣло—нашедшее мучительный откликъ въ населеніи всей Финляндіи именно потому, что оно видитъ, какъ разрушаются его пра-

вовые устои,—признано признакомъ готовой охватить край анархіи!

Фактическая сторона дѣла чрезвычайно проста и несложна; поводъ, послужившій основаніемъ къ возбужденію обвиненія, совершенно ничтоженъ. Тѣмъ ярче выдѣляется принципіальная сторона такъ остро встающаго для Финляндіи вопроса. Изъ существа дѣла любопытно лишь одно: законъ 20 января, строго говоря, и не могъ получить примѣненія—помимо формальныхъ соображеній—къ тому конкретному случаю, въ которомъ непримѣненіе его инкриминировалось членамъ выборгскаго магистрата, какъ преступное дѣяніе.

Отставной жандармскій унтеръ-офицеръ, изъ крестьянъ ярославской губерніи, Иванъ Сопѣтовъ, 1 іюля новаго стиля явился въ выборгскій магистратъ и подалъ заявленіе о желаніи заниматься въ Выборгѣ мелочной мясной и дичной торговлей. Магистратъ, сославшись на § 12 Высочайшаго постановленія о промыслахъ 1879 года, за непредставленіемъ разрѣшенія губернатора, заявленіе Сопѣтова оставилъ безъ послѣдствій. Въ этомъ обвинительная власть и судъ и усмотрѣли признаки умышленнаго воспрепятствованія примѣненію закона о равноправіи, такъ какъ по § 2-му закона о промыслахъ отъ финляндскихъ гражданъ представленія при такихъ заявленіяхъ разрѣшенія губернатора не требуется и такъ какъ Сопѣтовъ выполнилъ всѣ требованія «нынѣ дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ, обязательныхъ для русскихъ подданныхъ, не принадлежащихъ къ числу финляндскихъ гражданъ».

Какъ онъ ихъ выполнилъ—видно, однако, изъ слѣдующаго. На основаніи § 2 закона о промыслахъ, финляндскіе граждане при заявленіи для полученія права производить торговлю обязаны представлять удостовѣреніе о безупречномъ поведеніи и о «правѣ распоряжаться собою и своимъ имуществомъ». Такія удостовѣренія выдаются приходскими священниками, что въ отношеніи финляндскихъ гражданъ представляется вполнѣ нормальнымъ, такъ какъ всѣ они записятся въ приходскую регистрацію и такъ какъ приходъ въ Финляндіи есть единица административнаго дѣленія и управленія. Иностранцы же—т. е., по терминологіи закона о промыслахъ, всѣ вообще проживающія въ Финляндіи лица, непринадлежащія къ числу финляндскихъ гражданъ,—въ приходской регистраціи не значатся и свѣдѣнія о ихъ судимости, напримѣръ, сосредоточиваются въ губернаторской канцеляріи. А потому отъ «иностранцевъ» и требуется представленіе, взамѣнъ удостовѣренія приходскаго священника, разрѣшенія губернатора. Желая, чтобы къ нему, во что бы то ни стало, былъ примѣненъ § 2 закона о промыслахъ, Сопѣтовъ представилъ свидѣтельство протоіерея выборг-

скаго каѳедральнаго собора, гдѣ сказано, что онъ «у исповѣди былъ и пріобщенія святыхъ Христовыхъ Таинъ удостоенъ въ послѣдній разъ въ 1910-мъ году; отъ роду показалъ себѣ 33 года; пользуется довѣріемъ гражданъ». Какую, спросимъ, силу имѣло бы подобнаго рода свидѣтельство въ Россіи? Конечно, можно разсуждать такъ: Сопѣтовъ не виноватъ, что законъ 20 января не предусмотрѣлъ условій его практическаго примѣненія. Но въ такомъ случаѣ должно признать, что и члены выборгскаго магистрата не только имѣли право, но обязаны были оставить его заявленіе безъ послѣдствій, по неполнотѣ представленнаго свидѣтельства и по некомпетентности органа, это свидѣтельство выдавшаго.

Г. Ненарокомовъ въ своей обвинительной рѣчи называлъ отказъ Сопѣтову «пробнымъ камнемъ», пущеннымъ съ финляндской стороны. Съ неменьшимъ основаніемъ можно сказать то же самое, наоборотъ, о заявленіи Сопѣтова. Русскій торговецъ въ Финляндіи не желаетъ идти въ губернаторскую канцелярію и добивается своихъ «правъ» въ магистратѣ. Уже одно это наводитъ на мысль о томъ, что не въ торговлѣ дичью была тутъ сила. Если бы Сопѣтовъ, далѣе, дѣйствительно хотѣлъ торговать дичью, а не преслѣдовалъ иныхъ цѣлей, то онъ не могъ бы не разсчитать, что явка къ губернатору не потребовала бы отъ него и часа напрасно потраченнаго времени. Но въ дѣлѣ есть и нѣчто другое, раскрывающее истину въ его домогательствѣ: Сопѣтовъ—отставной жандармскій унтеръ-офицеръ. На предварительномъ слѣдствіи онъ говорилъ: «съ 1904 по 1909 г. я служилъ въ выборгской крѣпостной жандармской командѣ». Въ обвинительный актъ это обозначеніе его личности не вошло. И на судѣ онъ просто назвалъ себя крестьяниномъ. Какъ о крестьянинѣ же, только желавшемъ торговать дичью, говорилъ о немъ прокуроръ. Корреспондентъ одной націоналистической газеты, въ отчетѣ о дѣлѣ, назвалъ его типичнымъ русскимъ мужикомъ-торговцемъ и въ лирическихъ словахъ описалъ постигшее его, изъ-за сепаратизма финляндцевъ, разореніе. Правда, Сопѣтовъ пришелъ въ судъ въ довольно поношенномъ пальто, безъ зонтика въ рукахъ и безъ галошъ. Но корреспондентъ должно быть мало видѣлъ на своемъ вѣку жандармовъ и мало обращалъ вниманія на фланирующихъ передъ подъѣздами людей въ резиновыхъ галошахъ. Видъ Сопѣтова и его манера говорить ясно открывали тайну, сокрытую обвинительнымъ актомъ. При такихъ условіяхъ и его заявленіе, и его настойчивость, и нелѣпый размѣръ отвергнутаго судомъ иска объ убыткахъ въ десять тысячъ рублей, да и вся картина дѣла,—получаютъ ту специфическую окраску, которая

намъ, русскимъ, настолько хорошо извѣстна, что о ней нѣтъ надобности болѣе распространяться.

Общественное мнѣніе Финляндіи никогда не относилось недоброжелательно къ русскимъ торговцамъ, желающимъ поселиться въ Финляндіи и заниматься торговлей. Но оно всегда охраняло законы края. Вопросъ объ уравненіи въ правахъ русскихъ съ финляндцами тоже не принадлежитъ къ числу тѣхъ, противъ положительнаго разрѣшенія которыхъ во всемъ объемѣ общественное мнѣніе Финляндіи возстаетъ въ принципѣ. Еще въ 1907-мъ году финляндскій сенатъ выработалъ проектъ правилъ, измѣнявшихъ порядокъ полученія русскими свидѣтельства на занятіе торговлей и промыслами. Для финляндцевъ, повторяемъ, суть закона 20 января не въ его содержаніи, а въ порядкѣ изданія и въ томъ, что онъ замѣнилъ для должностныхъ лицъ мѣстную юрисдикцію общеимперской. Они знаютъ «одобренный Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой» законъ о постановленіяхъ обще-государственнаго значенія 17 іюня 1910 г., начинающійся словами: «Въ разъясненіе, измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній, въ томъ числѣ изданныхъ по Великому Княжеству Финляндскому въ порядкѣ особаго законодательства, постановить». Но финляндское общественное мнѣніе не можетъ забыть § 80 сеймоваго устава 7/20 іюля 1906 года, гдѣ сказано: «Настоящій сеймовый уставъ... долженъ оставаться въ силѣ во всѣхъ частяхъ, какъ незыблемый основной законъ, впредь до измѣненія или отмѣны его по согласному рѣшенію Монарха и сейма Финляндіи».

Между Россіей и Финляндіей создался тяжелый правовой конфликтъ. Насколько онъ тяжелъ, въ частности, для финляндскихъ должностныхъ лицъ, о томъ свидѣтельствуетъ форма присяги «для всѣхъ должностныхъ лицъ, чиновниковъ и служителей гражданскаго вѣдомства и присутственныхъ мѣстъ въ Финляндіи». «Я—гласитъ форма присяги—обѣщаюсь и клянусь... стараться споспѣшествовать всему, что пользы и блага Его Императорскаго Величества и *края* касаться можетъ... Я также буду... повиноваться существующимъ въ *краѣ* законамъ и постановленіямъ и руководствоваться оными»... Приговоръ петербургскаго суда, состоявшійся 10-го октября, конфликта, конечно, не разрѣшилъ,—какъ не разрѣшатъ его и дальнѣйшіе приговоры по аналогичнымъ «преступленіямъ». Такіе конфликты уголовными карами не разрѣшаются.

Законы 17 іюня 1910 г. и 20 января 1912 г. непосредственно затронули лишь одну сторону вопроса о финляндскомъ уравне-

нін. Другой—они коснулись косвенно. Цѣлью обоихъ законовъ было сказать, что русскіе въ Финляндіи должны пользоваться всѣми тѣми правами, которыя принадлежатъ финляндскимъ гражданамъ,—т. е. поднять въ Финляндіи правовое положеніе первыхъ до уровня положенія вторыхъ. Пониженіе же уровня правъ, принадлежащихъ финляндцамъ въ Финляндіи, до уровня правового положенія русскихъ въ Россіи явилось только какъ слѣдствіе, и, пока-что, главнымъ образомъ въ отношеніи однихъ должностныхъ лицъ, на которыхъ возложена обязанность новые законы примѣнять.

Но уравнивать все и всѣхъ можно, какъ извѣстно, въ двухъ направленіяхъ: и вверхъ, и внизъ. Финляндцы въ Финляндіи пользуются гражданской свободой: имѣютъ независимую печать, не знаютъ положенія усиленной и чрезвычайной охраны, имѣютъ право осуществлять свободу устнаго слова, собраній и союзовъ. Русскіе въ Россіи ничѣмъ подобнымъ не пользуются. И въ этомъ есть, конечно, несправедливость. Въ другихъ условіяхъ это подсказало бы тѣмъ бо̀льшую необходимость дать гражданскую свободу русскимъ въ Россіи. Въ условіяхъ нынѣ торжествующей реакціи, во имя справедливости поставлено на очередь распространеніе на Финляндію русскихъ правовыхъ нормъ, регулирующихъ гражданскую свободу и, какъ доказалъ опытъ, давшихъ такой блестящій результатъ: соотвѣтствуетъ то «видамъ правительства»—есть свобода, не соотвѣтствуетъ—ея нѣтъ. Одни органы прессы могутъ печатать все, что угодно, хотя бы о той же Финляндіи. Другихъ, чуть-что, ждутъ штрафы, конфискація, крѣпость, тюрьма, ссылка. Люди одного образа мыслей могутъ безвозбранно объединяться вокругъ программъ, устраивать собранія, говорить рѣчи и всячески пропагандировать свои политическіе убѣжденія и идеалы. Для людей другого образа мыслей, «не легализованнаго», самый фактъ объединенія уже составляетъ преступное дѣяніе, распѣниваемое то тюремнымъ заключеніемъ, а то и каторгой.

«Новое Время» оповѣстило, что «министерство юстиціи внесло на разсмотрѣніе совѣта министровъ законопроектъ о подчиненіи общимъ законамъ Имперіи дѣлъ о совершаемыхъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ государственныхъ преступленіяхъ и о преступленіяхъ, вызываемыхъ политическими побужденіями». Какъ подобаетъ министерскому законопроекту, онъ снабженъ объяснительной запиской, заключающей въ себѣ и теоретическія соображенія, и исторію вопроса, и доводы, свидѣтельствующія о «несовершенствѣ» финляндскаго матеріальнаго и процессуальнаго уголовнаго законодательства. На помощь теоретическимъ соображеніямъ привлечены Германія и Швейцарія, которыя, «допуская въ широкомъ объемѣ

мѣстное законодательство, охрану государственнаго строя возлагаютъ на общегосударственныя учрежденія». Но ни конструкція дѣйствующихъ въ Россіи опредѣленій о «государственныхъ преступленіяхъ и о преступленіяхъ, вызываемыхъ политическими побужденіями», ни «разъяснительное», въ отношеніи ихъ, правотворчество Сената, ни безпримѣрная суровость каръ, ни подчиненіе ихъ юрисдикціи судебныхъ палатъ съ сословными представителями и военныхъ судовъ,—конечно, съ выводами теоріи не сопоставлены. Существующія у насъ матеріально-правовыя нормы и процессуальныя правила возведены на степень послѣдняго слова науки. И вопросъ поставленъ такъ, что только научная косность финляндцевъ и преданность ихъ своему архаическому законодательству препятствовала до сихъ поръ введенію въ Финляндіи этихъ наисовершеннѣйшихъ нормъ и правилъ.

Въ видѣ мотива къ законопроекту использовано даже дѣло объ убійствѣ Герценштейна. «Въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ—говоритъ объяснительная записка (цитируемъ по «Новому Времени»)—дѣйствуютъ крайне устарѣлые, построенные на формальной теоріи доказательствъ, судопроизводственные законы. При такихъ условіяхъ вообще интересы правосудія въ Финляндіи не находятъ себѣ достаточнаго огражденія. Яркимъ примѣромъ крайне несовершеннаго и медленнаго разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ можетъ служить разсмотрѣніе въ кивенебскомъ судѣ общеизвѣстнаго дѣла объ убійствѣ члена первой Государственной Думы Герценштейна». Да, это дѣло разсматривалось крайне медленно. Но въ чемъ, по мысли авторовъ записки, заключаются «интересы правосудія»: въ томъ ли только, чтобы дѣла разсматривались съ быстротой, или также и въ томъ, чтобы убійцы, признанные судомъ, хотя бы послѣ долгой процедуры, виновными, понесли положенное за убійство наказаніе? Если не въ послѣднемъ, то составителямъ записки зачѣмъ было писать законопроектъ и возмущаться оправданіемъ участниковъ «Воймы»,—что они занесли въ ту же записку нѣсколько далѣе. А если, по ихъ мнѣнію, «интересы правосудія» должны находить огражденіе въ наказаніи преступниковъ, то о «яркомъ примѣрѣ», которымъ «можетъ служить» дѣло объ убійствѣ Герценштейна, имъ, полагаемъ, было бы лучше умолчать.

Проектъ предполагаетъ распространить на Финляндію, во-первыхъ, дѣйствіе главъ третьей и четвертой уголовнаго уложенія 1903 г.: «о бунтѣ» и «о государственной измѣнѣ». Въ главѣ третьей—ст. 102-я, опредѣляющая каторгу за участіе въ сообществѣ. Эта статья—вѣрнѣе, ея кассаціонныя разъясненія—частью вовсе «искоренила», частью загнала въ подполье всѣ соціалистическія

организаціи. Въ Россіи она разгромила соціалъ-демократію. Съ момента ея распространенія на Финляндію финляндскіе соціалъ-демократы заполонятъ русскія каторжныя тюрьмы, а въ лучшемъ для нихъ случаѣ—станутъ ссыльно-поселенцами въ Сибири. Во-вторыхъ, Финляндіи грозитъ глава пятая того же уложенія—«о смутѣ». Здѣсь трактуется о скопищахъ, опять о сообществахъ и о неразрѣшенныхъ собраніяхъ. Здѣсь же—пресловутая 129-ая статья, по которой, согласно существующей практикѣ, можно, при желаніи, въ любой день привлечь къ отвѣтственности любого редактора любой газеты, любого автора любой книги политическаго содержанія и любого оратора на митингѣ. Эта статья послужила могучимъ средствомъ «упорядоченія» лѣвой прессы, при полной неприкосновенности погромной литературы. На основаніи ея пожизненно лишены политическихъ правъ члены первой Думы, осужденные по дѣлу о выборгскомъ воззваніи, и безчисленный рядъ политическихъ дѣятелей. Такой же результатъ она не преминетъ возымѣть въ Финляндіи. Но опредѣленіями уголовнаго уложенія проектъ не ограничивается. «Нельзя—значится въ объяснительной запискѣ—не обратить вниманія на то, что нерѣдко и общія преступленія пріобрѣтаютъ значеніе политическихъ. Происходитъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда общее преступленіе или является средствомъ посягательства на государственный строй, или возникаетъ на почвѣ политической борьбы, когда, хотя и нѣтъ прямого покушенія на цѣлость означеннаго строя, но преступное дѣяніе по своему характеру близко затрагиваетъ государственные интересы. Конечно, и такія преступленія подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію не по началамъ мѣстнаго права, а на основаніи общегосударственнаго законодательства».

А потому министръ юстиціи проектируетъ распространить на Финляндію дѣйствіе русскихъ законовъ и юрисдикцію русскихъ судовъ при совершеніи, «въ виду политическихъ мотивовъ», слѣдующихъ преступныхъ дѣяній: «1) убійства или покушенія на убійство; 2) вооруженнаго сопротивленія властямъ или нападенія на чиновъ войска и полиціи и на всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы или же вслѣдствіе исполненія сихъ обязанностей, коль скоро преступленія эти сопровождались убійствомъ или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджоговъ; 3) насильственнаго похищенія имущества; 4) поврежденія имущества поджогомъ, взрывомъ и потопленіемъ; 5) поврежденія желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ и иныхъ путей сообщенія или способовъ сношенія и 6) изготовленія, пріобрѣтенія, храненія и сбыта взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ».

Особенно хорошо знакомъ русскимъ юристамъ второй пунктъ

приведеннаго перечня. Такой нормы нѣтъ ни въ новомъ уголовномъ уложеніи, ни въ старомъ уложеніи о наказаніяхъ. Она составляетъ точное воспроизведеніе ст. 18 положенія объ охранѣ. Слѣдовательно на Финляндію проектируется распространить и правила объ охранѣ. Въ какихъ предѣлахъ,—т. е. со смертной ли казнью по усмотрѣнію генералъ-губернатора и съ подчиненіемъ ли военной юрисдикціи,—прямо изъ опубликованныхъ частей проекта не видно. Но въ запискѣ такъ много и опредѣленно говорится о необходимости «единства уголовныхъ законовъ» въ отношеніи преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ по политическимъ побужденіямъ, и о необходимости «однаковыхъ способовъ разсмотрѣнія дѣлъ о такихъ преступныхъ дѣяніяхъ»,—что скорѣе можно предположить большее, чѣмъ меньшее. Если смертная казнь и военная юрисдикція въ настоящій проектъ не включены, то едва ли можно сомнѣваться, что за первымъ шагомъ на пути «уравненія» не замедлитъ послѣдовать второй. Какое же иначе будетъ «уравненіе?»

Вносящій законопроектъ, И. Г. Щегловитовъ заявляетъ, что предположенія его «подлежатъ приведенію въ дѣйствіе въ возможной скорости». Какъ отнесется къ проекту Дума, собранная «съ разрѣшенія его превосходительства и съ благословенія его преосвященства?» Конечно, она проектъ приметъ. И снова скажутъ: «такова воля русскаго народа»...

Какъ одинъ изъ первыхъ результатовъ наступившаго «успокоенія», у насъ народились автономіи совершенно особаго рода—губернаторская, тюремная, землеустроительная и т. д., и т. д. Въ былыя, «до-конституціонныя» времена только ретивые земскіе начальники любили говорить крестьянамъ «своего» участка, и говорили безвозбранно: «я тебѣ здѣсь и царь, и Богъ». Теперь по этому принципу дѣйствуютъ всѣ «энергичные» администраторы, каковъ бы ни былъ завѣдываемый даннымъ лицомъ служебный постъ. И они полагаютъ, что ни въ чемъ другомъ, какъ именно въ послѣдовательномъ проведеніи этого принципа, должно выражаться ихъ служебное рвеніе. Сложился особый служебный «навыкъ» не считаться ни съ закономъ, ни съ законными ограниченіями административнаго «я».

Едва ли можно представить себѣ служебныя функціи болѣе скромныя и узко-опредѣленныя, чѣмъ функціи конвоя въ судѣ. Привести арестованнаго въ судъ, когда прикажутъ—увести и наблюдать, чтобы арестованный не скрылся,—казалось бы, этимъ и исчерпывается вся роль конвоя. На дѣлѣ, однако, оказывается не то.

Конвой въ судѣ—автономная власть, вступающая въ пререканія, устанавливающая свои распорядки и весьма часто выходящая побѣдительницею изъ столкновеній не только съ защитниками, но даже съ судомъ. Право защитника разговаривать съ подзащитнымъ въ залѣ суда стоитъ внѣ спора и сомнѣній. И, во всякомъ случаѣ, ограниченіе этого права принадлежитъ суду, если бы то почему-либо оказалось нужнымъ,—но ужъ никакъ не конвою. А между тѣмъ, въ дѣйствительности ежедневно можно наблюдать на этой почвѣ столкновенія между защитниками и конвойными солдатами. Въ громадномъ большинствѣ такія столкновенія не дѣлаются извѣстными. Съ солдатомъ, когда онъ тупо говоритъ: «не полагается» или «намъ не приказано»,—спорить не приходится. Слишкомъ ясно бываетъ его непониманіе своихъ обязанностей и неумѣнье разобраться въ обстановкѣ. Но то же самое все чаще и чаще стало повторяться—и въ исключительно рѣзкой формѣ—въ тѣхъ случаяхъ, когда автономную конвойную власть представляютъ въ судѣ офицеры.

Весной подобный эпизодъ имѣлъ мѣсто въ засѣданіи особаго присутствія Сената по дѣлу «дашнакцутюнъ». Виновный жандармскій офицеръ былъ тогда немедленно удаленъ изъ залы засѣданія и затѣмъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, подвергнутъ аресту на тридцать сутокъ. Но то былъ Сенатъ. Въ московской судебной палатѣ аналогичный инцидентъ получилъ другое разрѣшеніе.

13 октября въ Палатѣ разсматривался политическій процессъ. Во время перерыва, одинъ изъ защитниковъ, присяжный повѣренный Кобяковъ, подойдя къ рѣшеткѣ, за которой сидѣли подсудимые, обратился къ своему подзащитному съ какимъ-то вопросомъ. Появившійся тутъ же офицеръ, какъ оказалось—начальникъ конвоя, запретилъ г. Кобякову разговарить съ подсудимымъ.—«Я—защитникъ,—заявилъ тотъ изумленно,—и имѣю разрѣшеніе отъ предсѣдателя».—«А я не позволю»,—отвѣтилъ офицеръ, и тутъ же обратился съ приказаніемъ къ солдату:—«Если будутъ разговаривать съ подсудимыми, послѣ двухъ предупрежденій—рубн шашкой». По просьбѣ защиты, въ залъ былъ приглашенъ предсѣдатель. Онъ подтвердилъ данное имъ защитникамъ разрѣшеніе говорить съ подзащитными. Предсѣдатель ушелъ, а офицеръ, зайдя за рѣшетку, повторилъ солдатамъ приказаніе «рубить». Корреспондентъ «Русскаго Слова» разсказываетъ далѣе, что, по возобновленіи засѣданія, эпизодъ былъ занесенъ въ протоколъ. Разрѣшился же инцидентъ все-таки, уступкой со стороны палаты: «послѣ преній сторонъ, предсѣдатель сдѣлалъ перерывъ для того, чтобы защитники могли переговорить со своими подзащитными, для чего подсудимые

были отведены въ отдѣльную комнату». Разговоровъ защитниковъ съ подсудимыми въ залѣ засѣданія конвойный офицеръ такъ и не допустилъ.

Но что бы ни творилось «автономными» и «эмансипировавшимися» администраторами «на волѣ», все это меркнетъ по сравненію съ ужасами тюрьмы. Еще не забылись избіенія въ псковской и кутомарской каторжныхъ тюрьмахъ. То же самое, оказывается, происходитъ въ орловской тюрьмѣ. 24 октября въ «Рѣчи» мы прочли письмо политическаго арестанта, въ числѣ другихъ препровожденнаго изъ Шлиссельбурга въ Орелъ «на исправленіе». По прибытіи, арестанты предъявили требованіе «вѣжлинаго обращенія». За это ихъ сейчасъ же разсадили по карцерамъ. Затѣмъ начались истязанія. Мучили по очереди. Подошли и къ камерѣ автора письма.

«Дверь отворилась и ворвался старшій, а за нимъ толпа. Я ранѣе рѣшилъ не кричать, и когда меня ударили сбоку по шеѣ, я промолчалъ и молча пошатнулся. Меня взяли—одинъ за плечи, еще кто-то за ноги и, поднявъ кверху, ударили грудью объ полъ. Я невольно застоналъ, и, очевидно, помощникъ сказалъ съ ироніей: «Ага! по-французски заговорилъ, вѣжливаго обращенія захотѣлъ, собака!» Кто-то сидѣлъ у меня на плечахъ и веревкой крутилъ руки, другой сгибалъ ноги. Я не сопротивлялся. Возились молча, и я лишь изрѣдка стоналъ отъ боли. Лицомъ я лежалъ на полу и кто-то, ткнувъ меня сначала носкомъ сапога въ темя, потомъ наступивъ подошвой на ту часть лица, которая была не на полу, очевидно отъ досады, что я молчу, началъ бить ногами въ спину, въ бока и т. д. Я понялъ, почему такъ громко кричали избиваемые до меня товарищи, когда меня начали бить «подъ ребра» ключемъ. Силъ молчать не было, и я закричалъ отъ боли. Посыпались остроты. Одинъ изъ помощниковъ снялъ лампу, сѣлъ съ ней на полъ и, освѣщая мое лицо, взялъ меня за посъ и сказалъ: «Ну-ка, погляжу ему въ морду!» и сталъ наблюдать. Когда ему показалось достаточнымъ число ударовъ ключемъ, онъ что-то сказалъ, и меня, уже связаннаго, подняли, какъ вначалѣ, вверхъ и опять бросили объ полъ. Помощникъ еще разъ поглядѣлъ на мое лицо и сказалъ: «Что же личико-то такое чистое?» Тогда меня взяли одинъ за плечи, другой за колѣни и, уткнувъ одной стороной лица въ полъ, пронели его по асфальту одиночки. Получилась ссадина на всей половинѣ лица. Удовлетворившись этимъ, меня еще разъ подняли и бросили въ уголъ лицомъ къ полу... Ушли»...

Прочитавъ это письмо, можно плакать, кричать, но комментировать его невозможно...

Бьютъ надзиратели. Потомъ ихъ кое-когда судятъ и сажаютъ

на мѣсяцъ, на два—въ тюрьму. Они ли, однако, мучители? Главный начальникъ нерчинской каторги, военный губернаторъ забайкальской области генералъ Кіяшко объявилъ, что онъ ни передъ чѣмъ не остановится въ борьбѣ съ «бунтовщиками-арестантами», молча встрѣчающими «начальство» и отказывающимися кричать: «здравія желаемъ». «Вы называете себя политическими,—говорилъ онъ заключеннымъ въ Алгачахъ;—такого термина нѣтъ въ законѣ, вы—такіе же уголовные, какъ и тѣ, которыхъ вы называете уголовными, къ которымъ относитесь съ пренебреженіемъ»... «Разсадить ихъ по уголовнымъ камерамъ, чтобы у меня не было политическихъ—пусть имъ тамъ ребра поломаютъ»,—прервавъ свою рѣчь, обратился онъ къ тюремному начальству. И далѣе, съ откровенностью побѣдителя, генералъ объяснилъ: «Если бы власть была въ вашихъ рукахъ, то вы бы съ нами не церемонились, и я съ вами церемониться не буду; вы—враги наши, и я буду поступать съ вами, какъ съ врагами»... Коментаріи опять невозможны...

Недурную картину нравовъ изъ жизни «истинно-русскаго» университета,—онъ же разсадникъ профессоровъ, читающихъ лекціи въ пустой аудиторіи съ нарядомъ полиціи у дверей,—раскрыла ссора секретаря совѣта Герича съ охранникомъ Вакулинымъ.

Имя г. Герича уже не впервые встрѣчается въ печати. Еще въ студенческой одеждѣ онъ былъ главнымъ свидѣтелемъ обвиненія на процессѣ «крамольныхъ» профессоровъ одесскаго университета—ректора Занчевскаго и проректора Васьковскаго. Оказанная имъ услуга была затѣмъ немедленно оплачена: послѣ процесса онъ сейчасъ же получилъ дипломъ и вмѣстѣ съ дипломомъ—мѣсто секретаря совѣта. Спустя полгода, уже въ формѣ университетскаго чиновника, Геричъ снова свидѣтельствовалъ въ судѣ—на процессѣ студенческихъ организацій. Будучи студентомъ, онъ, какъ представитель академистовъ, былъ допущенъ сначала въ коалиціонный совѣтъ, потомъ въ общестуденческую организацію. Конечно, онъ слышалъ, что говорилось среди товарищей-студентовъ и, когда въ политикѣ произошелъ поворотъ, явился раскрывателемъ преступнаго сообщества. Явными преувеличеніями, а порою и прямой ложью, ему удалось посадить на скамью подсудимыхъ одиннадцать человѣкъ. При судебномъ разбирательствѣ онъ прилагалъ всѣ силы, чтобы ихъ отправить въ каторгу. Но тутъ у него сорвалось: военный судъ всѣхъ оговоренныхъ имъ студентовъ оправдалъ.

Затѣмъ именемъ г. Герича пестрѣли газетныя сообщенія, когда въ химической аудиторіи одесскаго университета была стрѣльба и

былъ убитъ студентъ Иглицкій. Какъ-то странно было тогда читать о роли, выпавшей на долю секретаря совѣта. Геричъ во всѣхъ разсказахъ и описаніяхъ заслонялъ собою и ректора, и декановъ, и профессоровъ. Онъ отдавалъ приказанія, распоряжался, говорилъ со студентами, велъ сношенія съ градоначальникомъ и съ полиціей. Видно было, что въ одесскомъ университетѣ все иначе, чѣмъ вездѣ, и что тамъ функціи секретаря совѣта отнюдь не исчерпываются занятіями въ канцеляріи. Изъ разоблаченій охранника Вакулина явствуетъ, что это такъ. Геричъ стоялъ во главѣ университетской «охраны» и былъ, потому, главной пружиной университетской жизни. Фактически не ректору г. Левашеву, а ему принадлежала «полнота власти». Пользовался онъ «полнотой власти» широко и въ направленіи самомъ что ни на есть типичномъ: бралъ и бралъ. Бралъ со студентовъ—деньгами и портсигарами. Бралъ съ казны—на мнимые разъѣзды и на организацію совершенно ненужнаго «наблюденія». Отъ страха потерять «доходы», печаталъ революціонныя прокламаціи и, успѣшно терроризируя ими начальство, получалъ ассигновки. По словамъ Вакулина, Геричъ «тайно приказывалъ охранникамъ стараться навлечь подозрѣніе и взводить участіе въ устройствѣ химической обструкціи безпорядковъ и т. п. на нѣкоторыхъ богатыхъ студентовъ, дабы за особыя вознагражденія можно было впослѣдствіи хлопотать за нихъ». И дѣйствительно, брали и «хлопотали», даже у министра народнаго просвѣщенія; хлопотали за евреевъ, сначала подведя ихъ подъ исключеніе, а затѣмъ взявъ съ нихъ деньги. Въ «мирное», свободное отъ безпорядковъ время обращено было вниманіе на то, чтобы богатые студенты, не посѣщающіе лекцій, платили, если не желаютъ потерять семестръ. Рукою Герича были напечатаны на ремингтонѣ прокламаціи съ заголовкомъ: «Часъ возмездія близокъ», — красной краской, съ траурной каймой вокругъ текста. Въ этихъ прокламаціяхъ объявлялись смертные приговоры ген. Толмачеву, ректору университета Левашову, самому автору ихъ Геричу, и другимъ. Г. Левашевъ былъ въ такой мѣрѣ терроризованъ, что, когда онъ въ клиникѣ принималъ больныхъ, при немъ всегда былъ переодѣтый ассистентомъ Вакулинъ. Вакулинъ «выстукивалъ» больныхъ и «выслушивалъ».

Ежедневно печатавшіяся въ мѣстныхъ газетахъ разоблаченія Вакулина внезапно оборвались. Объясненіе дала телеграмма изъ Одессы отъ 11 октября: «Полицеймейстеръ, подъ угрозой ареста и высылки изъ предѣловъ градоначальства, запретилъ Вакулину дальнѣйшія разоблаченія дѣятельности университетскаго начальства». Спустя нѣсколько дней стало извѣстно, что министерство назначило ревизію университетскихъ дѣлъ въ Одессѣ.

Въ Москвѣ скончался бывшій ректоръ юрьевскаго университета, профессоръ Евгеній Вячеславовичъ Пассекъ. Скончался онъ въ положеніи «разъясненнаго» и «подслѣдственнаго» профессора, уже нѣсколько лѣтъ ждавшаго надъ собою суда. Видный ученый, Е. В. съ самаго начала освободительнаго движенія примкнулъ къ прогрессивной группѣ профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній, выступившей въ январѣ 1905 г. съ извѣстной «заниской 342-хъ». По введеніи университетской автономіи, ему выпала высокая честь быть первымъ выборнымъ ректоромъ въ Юрьевѣ. Онъ былъ стойкимъ защитникомъ самостоятельности совѣта университета и пользовался любовью и уваженіемъ со стороны студентовъ. Тѣмъ самымъ онъ не соотвѣтствовалъ «видамъ правительства». И когда въ высшей школѣ восторжествовалъ «новый курсъ», на него начались гоненія, завершившіяся судебнымъ преслѣдованіемъ. Тяжелые годы «слѣдствія» разрушили его здоровье, и онъ безвременно сошелъ въ могилу. Мрачная дѣйствительность нашей жизни сперва выбросила его за бортъ университетской работы, затѣмъ сдѣлала «бывшимъ человѣкомъ», затѣмъ — положила въ гробъ... Геричи и Левашевы, пока не найдется охранника-разоблачителя, благоденствуютъ. Муромцевъ, Шершеневичъ, Пассекъ, одинъ за другимъ, сломленные жизнью, уходятъ за грань земного...

Въ Кіевѣ, на 71-омъ году жизни скончался извѣстный украинскій композиторъ и общественный дѣятель Н. В. Лисенко. Жизнь его неразрывно связана съ исторіей украинскаго возрожденія. Какъ музыкантъ и композиторъ, онъ выполнилъ огромную работу охраненія и разработки народной украинской пѣсни, положивъ въ то же время начало новому періоду національнаго украинскаго музыкальнаго творчества; какъ общественный дѣятель, онъ всегда стоялъ въ первыхъ рядахъ украинскихъ дѣятелей, сотрудничалъ съ Драгомановымъ, Антоновичемъ, Конисскимъ и др. И самую смерть его короткія газетныя телеграммы ставятъ въ связь съ разгромомъ Кіевскаго Украинскаго Клуба, предсѣдателемъ котораго онъ состоялъ по день смерти. Смерть Н. В. Лисенко является незамѣнимой утратой для всего украинскаго общества, для дѣла его возрожденія.

Издатель: М. М. Ковалевскій. Ред. К. К. Арсеньевъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.—НОЯБРЬ.

		стран.
I.	ИЗГНАНІЕ.—Романъ.—(Продолженіе).—**Евгенія Чирикова**	3
II.	ВЪ ОЛЬХОВАТОМЪ.—Изъ дневника **М. В. Крестовской**.—(Окончаніе).	95
III.	ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АДВОКАТА.—**Владиміра Береиштама**	125
IV.	ТРАГЕДІЯ ВѢРНОСТИ.—**Ѳ. Зѣлинскаго**	135
V.	ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА ВЪ ЭПОХУ ІЮЛЬСКОЙ МОНАРХІИ И ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ.—**І. Чернова**	183
VI.	ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ ХАСИНТО БЕНАВЕНТЕ.—Перев. **Хавкиной**	197
VII.	ЗАПЕРТАЯ ДВЕРЬ.—Разсказъ Граціи Деледда.—Перев. съ итальянскаго **Н. Кибальчичъ**	205
VIII.	ЧЕРНАЯ ДАМА.—Стихотвореніе.—**Олега Леонидова**	213
IX.	СТИХОТВОРЕНІЯ,—**Вѣры С. и Р.**	214
X.	МАТЬ.—Разсказъ Карлиъ Михаэлисъ.—Перев. съ нѣм. **З. Журавской**	215
XI.	ДВЕРЬ ВЪ СТѢНѢ.—Разсказъ Х. Г. Уэллься.—Перев. съ англійскаго **З. Журавской**	225
XII.	ПОВѢЙШЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНѢ.—Его характеристика и результаты.—**А. Мануилова**	243
XIII.	ИЗЪ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВЕННАГО НАСТРОЕНІЯ ШЕСТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.—**Нестора Котляревскаго**	268
XIV.	ХРОНИКА.—ВЪ ПОИСКАХЪ РАЦІОНАЛЬНОЙ МОРАЛИ.—(Письмо изъ Парижа).—**Бѣлоруссова**	295
XV.	«БАБУШКА» ВЪ ССЫЛКѢ.—**А. Пругавина**	309
XVI.	ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ ССЫЛКИ.—**М. Сафонова**	314
XVII.	ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ НА БАЛКАНАХЪ.—**Максима Ковалевскаго**	321
XVIII.	ИЗЪ НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРІИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.—**Н. Карѣева**	330
XIX.	ИЗЪ ПРОШЛАГО.—**Л. Слонимскаго**	336
XX.	КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.—**С. Адріанова**	342
XXI.	ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Прогрессивная чисть старообрядчества.—Политическія письма старообрядцевъ и ихъ организованная работа на выборахъ.—Корни конституціи, окрѣпшіе въ тусклое пятилѣтіе.—Характеръ послѣднихъ забастовокъ.—Октябристы въ роли негодующихъ протестантовъ.—Гнѣвъ праваго помѣщика на правительство и духовенство.—Чего ждать въ будущемъ отъ организованнаго духовенства.—Уроки пылѣвшихъ выборовъ.—**И. Жилкина**	350

СТРАН.

XXII. ПЕРЕДЪ ОТКРЫТІЕМЪ ЧЕТВЕРТОЙ ДУМЫ.—**К. Арсеньева** 358

XXIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—А. Г. Горнфельдъ. О русскихъ писателяхъ. Томъ первый. Минувшій вѣкъ.—В. А. Михайловъ. Отголоски декабристскаго движенія во французской литературѣ. Историко-литературный очеркъ. Популярная библіотека № 102.—Х. Д. Алчевская. Передуманное и пережитое. Дневники, письма, воспоминанія.—М. Туганъ-Барановскій. Къ лучшему будущему. I. Этика и общественная жизнь. II. Кооперація. III. Экономическая жизнь.—**Ч. В—скаго.**—С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій Т. III. Передовой боецъ славянофильства.—К. Аксаковъ.—**Е. Колтоновской.**—В. М. Устиновъ. Ученіе о народномъ представительствѣ. Т. 1. Идея народнаго представительства въ Англіи и Франціи до начала XIX вѣка.—**П. Михайлова.**—К. А. Пажитновъ. Современная дороговизна на Западѣ и въ Россіи.—Государственные доходы по главнымъ источникамъ поступленій въ 1907—1911 гг.—Государственные расходы по главнымъ предметамъ назначенія въ 1907—1912 гг.—Распредѣленіе госуд. доходовъ за 1907—1911 гг. по числу душъ населенія.—Свободная наличность государственнаго казначейства за 1892—1911 гг.—П. П. Лященко. Хлѣбная торговля на внутреннихъ рынкахъ Европейской Россіи.—**В. В.**—Исторія города Харькова за 250 лѣтъ его существованія (съ 1655 по 1905 годъ). Историческая монографія проф. Д. И. Багалѣя и Д. П. Миллера.—Альбомъ-старинныхъ плановъ г. Харькова, снимковъ его видовъ и портретовъ его дѣятелей.—**К. П.**—Новыя книги и брошюры . . . . . , 373

XXIV. ФРАНТИШЕКЪ ПАЛАЦКІЙ.—(1798—1876).—**И. А. Бочковскаго** . . 391

XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война на Балканахъ.—Послѣднія дипломатическія попытки и воинственныя заявленія.—Военныя дѣйствія балканскихъ союзниковъ.—Неожиданные успѣхи, ихъ причины и послѣдствія.—Задача и затрудненія дипломатіи. — Русско-монгольское соглашеніе 400

XXVI. ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.—Какъ формулируется итогъ выборовъ?—Забаллотированіе А. И. Гучкова.—Процессъ выборгскаго магистрата.—Пробный камень.—Проектъ правового уравненія финляндцевъ съ русскими.—Судъ, конвой и защита.—Изъ тюремныхъ ужасовъ.—Нравы и порядки «благонадежнаго» университета.—Е. В. Пассекъ и Н. В. Лисенко † 411

XXVII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 431

XXVIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

БИБЛІОТЕКА

AP
50
V5
g.47
kn.11

Vîèstnik Evropy

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY